Институт археологии РАН
Институт истории материальной культуры РАН
Институт географии РАН

Institute of Archaeology RAS
Institute for the History of material culture
Institute of Geography RAS

СТАТЬИ ПО АРХЕОЛОГИИ СМОЛЕНСКА 2015–2025 ГГ.

PAPERS ON SMOLENSK ARCHAEOLOGY 2015-2025

Свиток
издательство

Смоленск, 2025
Smolensk, 2025

УДК 902/903
ББК 63.4(2)
С 11

Утверждено к печати Учеными советами
ИИМК РАН, ИГ РАН, ИА РАН

Ответственный редактор, составитель
Н. А. Кренке
Рецензенты:
П. Г. Гайдуков, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, С. З. Чернов

С 11 **Статьи по археологии Смоленска 2015–2025 гг.** / ред.-сост. Н. А. Кренке. – Смоленск: Свиток, 2025. – 456 с.: илл.
ISBN 978-5-907920-39-2

Книга является сборником статей по археологии Смоленска, опубликованных в 2015–2025 гг., по материалам полевых работ 2014–2023 гг. и архивных изысканий. Рассматриваются древности в хронологическом диапазоне от V до XVII вв. н.э. Прослеживается предыстория города, представлены материалы древнерусского периода и более поздние, приводятся доказательства тому, что древнейшим городским ядром Смоленска являлась Соборная гора и её окрестности. Рассматривается соотношение двух археологических комплексов: Смоленск и Гнёздово, представлены варианты их исторической интерпретации.

Издание предназначено для археологов, историков, краеведов и всех, кто интересуется историей Древней Руси.

ББК 63.4(2)

Рисунки на переднем форзаце – А. Н. Кренке;
на заднем форзаце – Г. О. Моисеенков

ISBN 978-5-907920-39-2
DOI 10.54016/SVITOK.2025.73.55.001

© Оформление. «Свиток», 2025
© Составление. Н.А. Кренке, 2025
© Дизайн обложки. Г.О. Моисеенков, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (*Н. А. Кренке*) 6

I. Городище Демидовка – центральное поселение IV–VI вв. на Смоленщине

Кренке Н. А., Казанский М. М., Лопатин Н. В., Ганичев К. А., Ершов И. Н., Ершова Е. Г., Модестов Ф. Э., Раева В. А.
Городища Демидовка и Вязовеньки на Смоленщине: к вопросу об иерархии, хронологии и культурной атрибуции 12

Кренке Н. А., Лопатин Н. В., Александровский А. Л., Савинецкий А. Б., Бегунова В. В., Волков В. А., Ганичев К. А., Ершов И. Н., Лопатина О. А., Певзнер М. М., Раева В. А., Тавлинцева Е. Ю., Чаукин С. Н.
Городище Демидовка на Смоленщине. Стратиграфия, почвы, постройки, керамика, кости животных. 30

II. Древнейший Смоленск VIII–IX вв.

Кренке Н. А.
Археологические наблюдения 1939 г. на Соборной горе Смоленска 52

Ершов И. Н., Кренке Н. А., Кулькова М. А., Олейников О. М., Сыроватко Н. А.
К вопросу о локализации древнейшего Смоленска: археологические и топонимические данные 61

Кренке Н. А., Ганичев К. А., Ершов И. Н., Кованцев А. В., Крылович О. А., Лопатина О. А., Моисеенков Г. О., Раева В. А., Савинецкий А. Б.
Дискуссия о Смоленске – граде кривичей.. 72

Кренке Н. А., Ершова Е. Г., Ершов И. Н., Раева В. А., Ганичев К. А., Александровский А. Л., Кулькова М. А., Киттель П., Певзнер М. М., Пономаренко Е. В., Лавренов Н. Г., Лавриков М. В., Чаукин С. Н.
Радиоуглеродное датирование археологических и природных объектов Смоленщины в 2014–2021 гг. 88

Гусева В. П., Клещенко Е. А., Кренке Н. А., Ганичев К. А., Ершов И. Н., Певзнер М. М., Чаукин С. Н.
Могильник с кремациями VII–VIII вв. в Смоленске 109

Кренке Н. А.
Лепная керамика середины – конца I тыс. н.э. в Смоленске 118

Кренке Н. А., Ершов И. Н., Раева В. А., Войцик А. А., Лавриков М. В.
Керамика VIII–XI вв. из древнейшего слоя на Соборной горе Смоленска 135

Ершова Е. Г., Кренке Н. А.
Археолого-палинологические исследования на Соборной горе в Смоленске . . . 153

III. Смоленск и Гнёздово

Кренке Н. А., Ершов И. Н., Раева В. А.
Смоленск и Гнёздово 164

Гиблова А. А., Кренке Н. А.
Раскопки Центрального городища в Гнёздове в 1940 г. 173

Кренке Н. А., Столярова Т. В.
Богатое погребение из раскопок Центрального городища в Гнёздове 192

Кренке Н. А.
К вопросу об исторической интерпретации Гнёздовского археологического комплекса 206

IV. Древнерусский Смоленск XI–XIV вв.

Ершов И. Н., Кренке Н. А. Муренцева Т. Ю. Олейников О. М., Раева В. А.
Источниковая база по археологии Смоленска VIII–XIII вв. 218

Кренке Н. А., Ершов И. Н., Муренцева Т. Ю., Хаврин С. В.
Ювелирная мастерская XI в. на Рачевке в Смоленске 237

Кренке Н. А., Ершов И. Н.
Новые исследования урочища Смядынь в Смоленске. 254

Кренке Н. А., Ершов И. Н., Платоновский Р. Б., Раева В. А.
Ремесленные окраины древнерусского Смоленска. 266

Кренке Н. А., Ершов И. Н., Раева В. А.
Керамика второй половины XI века из раскопок на набережной Горького (микрорайон Рачевка) в Смоленске. 280

Кренке Н. А., Панин А. В., Ганичев К. А. Ершов И. Н.
«Нижний город» древнерусского Смоленска и ритмика паводков Днепра 290

Кренке Н. А. Ершов И. Н.
Древнерусские подковообразные фибулы с личинами 305

Ершов И. Н.
Новые исследования домонгольского храма на ул. Школьная, 2, в Смоленске в 2014 году. 317

V. Смоленск XV–XVII вв.

Миляев П. А., Кренке Н. А., Ершов И. Н., Раева В. А.
«Медальоны» с изображениями людей из Смоленска 328

Кренке Н. А., Ершов И. Н., Ганичев К. А., Раева В. А.
Литовский Смоленск по археологическим данным 348

Кренке Н. А., Хворостова Е.Л .
Кровельная черепица и кирпичи-пальчатки из раскопок
в Смоленске в 2022 г. 356

Кренке Н. А., Ершов И. Н.,Раева В. А., *Столярова Т. В.*
Горшковидные изразцы XV–XVI вв. из раскопок в Смоленске 368

Кренке Н. А., Каинов С. Ю.
О смоленской берестяной грамоте №11 с «руническим письмом» 375

Ганичев К. А., Ершов И. Н., Кренке Н. А., Раева В. А.
Смоленская крепостная стена (1596–1602) в свете разведочных работ 2019 г. . . . 382

VI. История археологического изучения Смоленска и Гнёздово

Бойцов И. И., Кренке Н. А.
Исследователь Гнёздовского могильника И. С. Абрамов (1874–1960) 394

Бегунова В. В., Кренке Н. А.
Члены Смоленского археологического общества 1922 г.:
дополненные биографии 404

ПРЕДИСЛОВИЕ

В книге представлено собрание из 30 статей об археологии города Смоленска, написанных участниками работ 2014–2023 гг. Смоленской экспедиции ИА РАН и затем ИИМК РАН при участии сотрудников Института географии РАН и МГУ. Серия статей написана по архивным материалам ИИМК РАН, РГАЛИ, ГАСО, музейным коллекциям. Эти работы дают представление о том, как шел процесс познания. Некоторые положения в ранних статьях высказывались лишь гипотетически, а затем, по мере накопления материалов, выводы становились всё более обоснованными и уверенными. Это касается, в первую очередь, описания древнего поселения на Соборной горе Смоленска. Далее в настоящем введении будут перечислены основные вопросы археологии Смоленска, на которые надлежало дать ответы, и будут приведены варианты решения этих вопросов, которые кажутся наиболее вероятными на данный момент.

Важное значение имело сотрудничество с музейными работниками – хранителями коллекций – Т.В. Столяровой, В.В. Бегуновой (Смоленский государственный музей-заповедник), С.Ю. Каиновым (ГИМ), Ю.В. Петровой (краеведческий музей г. Вязьмы). Значительно облегчило нашу работу сотрудничество с историками и архивистами – Ю.Н. Шориным (главный редактор журнала «Край Смоленский»), Л.Л. Степченковым (Государственный архив Смоленской области). Некоторые специальные исследования архитектурно-археологических объектов были невозможны без участия специалистов-архитекторов (О.В. Попов) и архитектурных археологов (Е.Л. Хворостова). Значительное содействие в исследовательской работе оказали археологи Центра охраны памятников г. Смоленска, особенно Ф.Э. Модестов и Р.Б. Платоновский. В коллектив авторов входят помимо археологов также специалисты-естественники из различных институтов и университетов, принимавшие участие в изучении, датировании и интерпретации материалов, полученных при раскопках.

Имело место и международное сотрудничество с польскими исследователями, в первую очередь, Петром Киттелем (университет г. Лодзь).

Смоленск и Смоленщина являются пограничной территорией не только в политическом смысле и исторической перспективе. Можно сказать, что эта земля являлась «интервалом», внутри которого перемещалась то в одну, то в другую сторону граница между «культурными мирами», тяготевшими к европейскому западу и азиатскому востоку (это наблюдается уже с неолита).

Исследователи часто невольно «копируют» объект своих исследований. Так и в историографии археологического изучения Смоленщины можно увидеть много примеров, когда сильно «искрило»: здесь сталкивались и переплетались интересы разных исследовательских школ, в первую очередь,

Московской и Санкт-Петербургской (Ленинградской), а также местной Смоленской. Нельзя забывать и о роли шведских (Т. Арне, И. Янссон) и польско-шведских ученых (В. Дучко), внесших яркий вклад в дискурс. С одной стороны, конфликтность интерпретаций могла препятствовать свободе научного толкования имеющихся фактов, с другой стороны, придавала исследовательский азарт.

Археологическое изучение Смоленщины ведется уже более 150 лет, но туман над прошлым далеко не рассеян. Кардинальными вопросами, с которыми мы столкнулись, приступая к работам в 2014 г., были следующие: 1) Были ли у Смоленска предшественники, которые могли претендовать на роль центрального поселения в регионе? 2) Где же находился древнейший Смоленск, появившийся на странице Повести временных лет в 882 г.? 3) Каково соотношение Смоленска и Гнёздовского археологического комплекса, какие возможны исторические интерпретации «гнёздовского феномена»? 4) Биографии исследователей археологии Смоленщины – их научный вклад, судьбы людей и судьбы коллекций.

В качестве главных результатов нашей работы можно назвать следующие.

На чертежах и фотографиях раскопок городища Демидовка под Смоленском, проведенных в 1960-е гг. Е.А. Шмидтом, был «опознан» большой дом, датированный V – началом VI вв., размером 40 х 12 м, который мог принадлежать властителю округи Смоленска, представлявшей собой объединение типа маленького королевства, на которые была разделена значительная часть Европы в V в. н.э. Контрольные дополнительные исследования 2019–2022 гг. дали материалы, подкрепляющие новую интерпретацию документации раскопок городища Демидовка прошлых лет.

На Соборной горе Смоленска был обнаружен культурный слой, насыщенный находками VIII–IX вв., и фортификационные сооружения IX, XI вв., что поставило точку в споре о том, можно ли локализовать древнейший Смоленск в этом месте. Здесь нужно отметить, что сильные топонимические аргументы в пользу такого решения впервые были высказаны ещё в 1822 г. Зорианом Долуга-Ходаковским: «Смоленск, существовавший при Олеге, находится на другой стороне Днепра от устья речки Городенки» (Ходаковский, 1844, с. 30). В конце XIX в. эту же версию отстаивал С.П. Писарев (Писарев, 1894, с. 295), опираясь на историко-ландшафтный анализ территории и данные о стратиграфии Соборного холма. Но затем очень долго не появлялись соответствующие археологические аргументы. Казалось, что их уже не будет. Однако оказалось, что поговорка «никогда не говори никогда» всё-таки справедлива. Ранние находки были найдены, притом в таком количестве и составе, что нельзя сомневаться в наличие крупного поселения на Соборном холме в VIII–IX вв. Можно сказать больше, открытиям 2014–2022 гг. предшествовали находки аналогичных предметов, сделанные при работах на Соборном хол-

ме в 1926 и 1939 гг., но утраченные или неверно/ неуверенно датированные. Коллекции из этих ранних работ считались полностью утраченными в годы войны, но неожиданно к ним обнаружился след. Почти как у М.А. Булгакова, сказавшего, что «рукописи не горят», вдруг из небытия возникла этикетка с коробки с находками из шурфа 1926 г. А.Н. Лявданского. Находки оказались вывезены автором этих раскопок в Минск, и оказались там депаспортизированными. Этикетка была обнаружена в хранилище Института истории национальной академии наук Беларуси (Аляксандр Мікалаевіч Ляўданскі, 2025, С. 26). Поиск в этом направлении следует продолжить.

Отказываясь от утверждения, что Гнёздово – это древний Смоленск, следует ответить на вопрос, а что тогда собой представляло это Гнёздово, которое по своим параметрам соответствует раннесредневековому городу. Версия интерпретации «шведская колония», которую предложил в 1914 г. Туре Арне (Arne, 1914; перевод: Арне, 2023), имеет, на мой взгляд, сильные «точки опоры». Имеется и противоречие: как типичные скандинавские украшения и оружие соотносятся со славянской керамикой, лежавшие в одних и тех же курганных комплексах? Имеется вопрос, куда исчезли элементы материальной скандинавской культуры в Смоленске XI в? Ответ на эти вопросы может быть найден при сравнительном анализе археологического комплекса Гнёздово и исторических данных о том, как функционировала шведская колония Гаммальсвенскби, располагавшаяся на правом берегу Днепра под Херсоном в конце XVIII – первой половине XX в. Параллелей очень много. Если применять сравнительные подходы и работать в русле «поведенческой археологии», то оказывается, что шведы лидировали в металлообработке, как в X в., так и в XIX в., легко шли на заимствование технологий ведения хозяйства и привлекали/использовали местное население в отдельных видах производств, в том числе керамическом, но строго придерживались этнически замкнутого брачного круга и очень крепко держались за религию отцов, были способны к коллективным согласованным действиям, в том числе переселению на новые места. Можно предположить, что на раннем этапе гнёздовские шведы (материалы Гнездова находят теснейшие культурные параллели с районом оз. Меларен в Средней Швеции, на что аргументированно указывали Туре Арне и Владислав Дучко – Arne, 1914; Duczko, 2004) активно освоили близлежащую округу, в значительно степени подчинили себе Смоленск кривичей в X в., который из-за этого обезлюдел, но затем вошли в конфликт с киевскими Рюриковичами и покинули территорию, не поддавшись христианизации. Пока мы находимся лишь «у порога» понимания того, что произошло в конце X – начале XI в. во взаимоотношениях Смоленска и Гнёздова. В 2020 г. вне Соборной горы на территории смоленского Подола возле устья Пятницкого ручья было найдено поселение конца X–XI вв. явно городского типа. Усадьбы были организованы вдоль мощенной деревом ули-

цы, ориентированной в сторону Соборной горы и шедшей вдоль Днепра. Материальная культура этого поселения – типично древнерусская, но в ней есть скандинавские «вкрапления», например фибула в стиле Терслев (Пронин, Соболь, 2020, рис. 239, 9), есть параллели Смоленск – Гнёздово в такой типичной для Гнёздово сфере, как литейное производство. В Смоленске на ул. Б. Краснофлотская, 1а были найдены характерные глиняные тигли для плавки цветных драгоценных (?) металлов, имеющие ближайшие аналогии в Гнёздово (раскоп в пойме, Мурашева, 2014, рис. 11). В другом раскопе в Смоленске, так же на Подоле за речкой Рачевкой было найдено железное лучковое сверло со специфическим орнаментом идентичное гнёздовским находкам. То есть какое-то «наложение/пересечение» Гнёздово и Смоленска на рубеже X и XI вв. было, но в XI в. южный и местный кривический славянские компоненты решительно берут вверх над скандинавским, который растворяется в их среде, хотя и оставив вполне уловимый след в стиле украшений, технологиях металлообработки. Это касается не конкретного соотношения Смоленска и Гнездова, но древнерусской культуры в целом (Лесман, 2014).

Наконец, вопрос о том, как развивались археологические исследования в XX в., стал значительно яснее после изучения документов, посвященных персоналиям, Государственного архива Смоленской области, архива Смоленского университета, архива Смоленского государственного музея-заповедника, отдела рукописей ГИМ. Общее впечатление – трагедия российского общества после войны 1914–1917 гг. и особенно революции 1917 г., приведшей к власти людей, спровоцировавших гражданскую и последующие локальные и мировую войны, сфокусировано негативно отразилось на научных исследованиях в гуманитарной сфере, требующих высокой образованности, корректности, знакомства с иностранной литературой, музейными коллекциями и свободы мышления. Анализ жизненных путей членов Смоленского археологического общества 1922 г. показывает чудовищную картину густого гребня репрессий. Пять из 37 членов археологического общества были расстреляны по вымышленным обвинениям, десять были репрессированы различными другими способами. Очевидно, что и все остальные также находились под гнётом страха. Е.А. Шмидт говорил мне в 2014 году, когда ему было 94 года, что «теперь уже можно кое-что рассказать...». В 1920-х гг. произошло существенное угасание местных очагов культуры и общая варваризация общества (естественно, советская пропаганда, говорила прямо противоположное, и это «въелось» в наши головы). Достаточно сказать, что подготовка студентов в советских и современных российских университетах по древним языкам намного уступает уровню дореволюционной гимназической, а усадебные библиотеки были в большинстве своем безвозвратно потеряны. Культурный ландшафт в целом деградировал, территории бывших поселений и возделанных угодий заросли мусорным лесом,

что хорошо видно при сравнении исторических карт Смоленщины и соответствующей современной карты. Попытки таких честных, преданных науке, но отчасти наивных людей, как Е.Н. Клетнова, сохранить накопленное культурное наследие и воспитать себе смену, оказались обреченными. Смену воспитать частично удалось – например, А.Н. Лявданский, ученик Е.Н. Клетновой, или Е.А. Шмидт, ученик Е.А. Калитиной, но большинство воспитанных кадров, оказалось вскоре вне профессии археолога, а некоторые из тех, что закрепились в ней, стали в угоду личной карьере, политической конъюнктуре громить своих учителей и коллег, разорвались связь поколений и международное сотрудничество. Е.А. Шмидт и В.Р. Тарасенко представляли исключительно редкий пример того, как они, подобно Улиссу, прошли между Сциллой и Харибдой, сохранив себя и преданность науке до конца пути. Не удивительно поэтому, что Смоленск искали на Соборной горе более 100 лет, два раза находили и теряли опять.

Положительную черту в этом замедленном развитии можно увидеть лишь в том, что из-за того, что технологии археологических и связанных с ними естественно-научных исследований развивались в XX–XXI вв. очень быстро, то многие технологии стали доступны для науки лишь в наши дни. То есть качество научного результата, полученного в XXI веке выше, чем он мог быть в середине XX в. Очевидно, что технический прогресс будет развиваться и дальше, поэтому надо очень сбалансированно относиться к раскопкам, стремясь ответить на насущные вопросы, но в то же время сохранять объекты для будущих исследований.

Н.А. Кренке

I. ГОРОДИЩЕ ДЕМИДОВКА – ЦЕНТРАЛЬНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ IV–VI ВВ. НА СМОЛЕНЩИНЕ

**Н.А. Кренке, М.М. Казанский, Н.В. Лопатин,
К.А. Ганичев, И.Н. Ершов, Е.Г. Ершова,
Ф.Э. Модестов, В.А. Раева**

ГОРОДИЩА ДЕМИДОВКА И ВЯЗОВЕНЬКИ НА СМОЛЕНЩИНЕ: К ВОПРОСУ ОБ ИЕРАРХИИ, ХРОНОЛОГИИ И КУЛЬТУРНОЙ АТРИБУЦИИ[1]

В статье рассматриваются находки с двух городищ, расположенных возле Смоленска. Приводятся новые радиоуглеродные даты, обосновывающие гибель городища Демидовка на рубеже V–VI вв. н.э. В результате анализа распределения на памятниках «круга Демидовки» престижных серебряных вещей и предметов вооружения, наличия большого длинного дома высказывается предположение о центральной позиции этого поселения в смоленской округе и о присутствии в нем «германского компонента». Данные спорово-пыльцевого анализа используются для реконструкции окружавшего городище ландшафта, высказано предположение, что в поздний период, когда на городище проживала милитаризованная «элита», его окрестности использовались под выпас. В итоге исследования выдвигается гипотеза, что городища Демидовка (III–V вв.) и Вязовеньки (VI–VII вв.) были центрами власти в районе Смоленска на протяжении двух периодов времени, предшествовавших переходу этих функций к Смоленску (Соборная гора) и Гнёздову.

Ключевые слова: городище Демидовка, пряжки, германцы, славяне, колочинская культура, споровопыльцевой анализ, серебряные украшения.

В 2017–2019 гг. авторы данной статьи приступили к новым исследованиям городищ Демидовка и Вязовеньки, расположенных в окрестностях Смоленска. Оба памятника (точнее, их верхние горизонты) отнесены классиком археологии Смоленщины Е.А. Шмидтом к тушемлинской археологической культуре. С учетом сохраняющейся дискуссионности культурной атрибуции древностей Смоленщины этой эпохи мы относим эти городища к широкому кругу типов Тушемли и Колочина. Если считать керамический набор в наибольшей степени ответственным за культурную атрибуцию, то Демидовка является одним из важнейших эталонов культуры своего времени.

Начало исследованиям городища Демидовка положено А.Н. Лявданским (1924. Табл. 37). Затем площадка этого городища почти полностью раскопана Е.А. Шмидтом в 1957, 1961–1967 гг. На городище Вязовеньки в 2004 г. изучен небольшой раскоп Ф.Э. Модестовым.

Материалы Демидовки частично введены в научный оборот (Амброз, 1970; Шмидт, 1963, 1970, 2003), а материалы городища Вязовеньки ранее не публиковались. Несмотря на неполноту публикации материалов Демидовки, они, ввиду их чрезвычайной важности, неоднократно привлекались исследователями при обсуждении проблем взаимодействия разноэтничных (в том числе

[1] Статья опубликована в журнале «Российская археология», 2021, № 1, с. 102–121.

центральноевропейских, германских, славянских) культурных традиций в лесной зоне в эпоху переселения народов (Ахмедов, Казанский, 2004; Ахмедов, 2014; Казанский, 2018). Актуальность подготовки монографической публикации Демидовки подчеркивалась самим Е.А. Шмидтом (интервью на базе Смоленской экспедиции ИА РАН в Смоленске 2 октября 2014 г.), а также А.М. Обломским, который планомерно использовал материалы этого памятника при характеристике колочинской культуры (Обломский, 2016).

Цель настоящей статьи – представить пока еще немногочисленные материалы, полученные в ходе начального этапа разведок ближайших окрестностей этих двух городищ, и обозначить новые направления исследований.

Три вопроса, вынесенные в заголовок статьи, дискуссионные, но наиболее активно разрабатывались лишь два из них: о культурной атрибуции и хронологии памятников Смоленщины эпохи переселения народов (основную историографию см. Лопатин, 2017; Фурасьев, 1997, 2001).

Начнем с вопроса, ранее мало обсуждавшегося, – можно ли среди городищ Смоленщины середины–третьей четверти I тыс. н.э. выделить некоторую иерархию, которая бы проявлялась в их размерах, особенностях фортификации, структуре памятников, составе находок, степени антропогенной перестройки ландшафта.

При определении пространственно-хронологических рамок исследования был применен следующий подход. Учитывались городища, где исследователи выделяли материалы середины – третьей четверти I тыс. н.э. (обычно они обозначались в литературе терминами либо «тушемлинская», либо «колочинская» культура). Географические рамки – это округа городища Демидовка с радиусом около 100 км, за пределами очерченной окружности памятники на карту не наносились (рис. 1).

Всего в данном регионе зарегистрировано около 50 городищ с материалами анализируемого периода (табл. 1). Линейные промеры – это наиболее простой для учета параметр для сравнения размеров городищ. Данные промеров приведены в Археологической карте России Смоленской области (1997), а также в публикациях белорусских коллег (Левко, Колосовский, 2003; Мяцельскі, 2003; Марзалюк, 2011). Основная масса городищ находится в пределах интервала с размерами 30 × 35 – 60 × 45 м. Серия памятников с меньшими значениями – это так называемые болотные городища, функциональная специфика их не разгадана. Несколько памятников имеют более крупные размеры. Это городища Гнёздовское, Никодимово, Вязовеньки. Гнёздовское городище надо из этого списка сразу изъять, так как нам известны лишь размеры памятника X в., о более раннем поселении, которое находилось на его месте, опубликованной информации очень мало. Форма площадок городищ Никодимово и Вязовеньки вытянутая (рис. 2), т.е. реальная площадь этих памятников, пригодная под застройку, не была

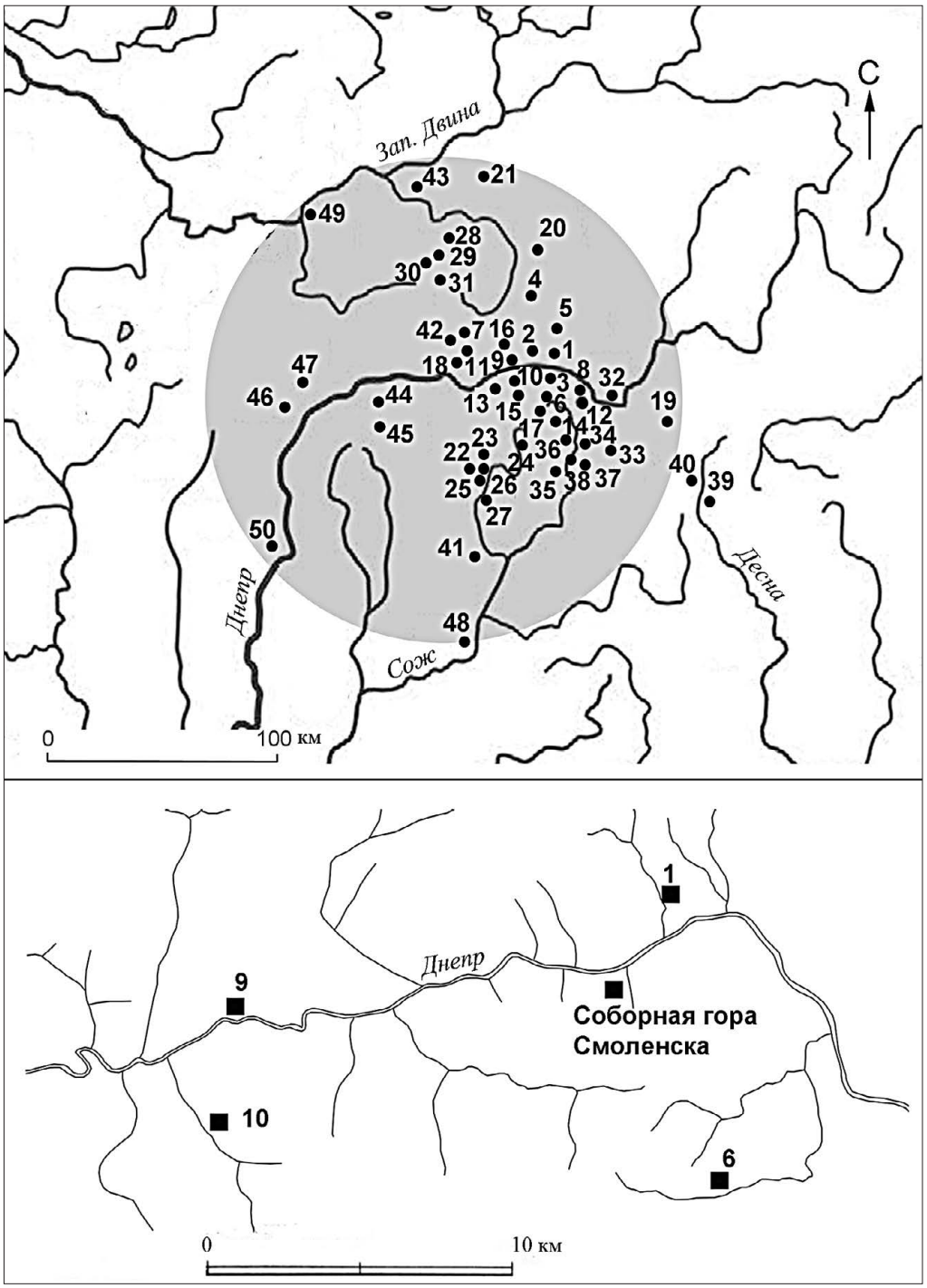

Рис. 1. *Карта городищ V–VII вв. н.э. «круга Демидовки», нумерация соответствует табл. 1; на врезке – район Смоленска.*

Таблица 1. Данные о городищах середины I тыс. н.э. на Западной Смоленщине и в Восточной Белоруссии

Номер по АКР Название	Размеры	Раскопано кв. м. (в скобках – автор, годы раскопок)	Статусные находки
Смоленская область			
1(3). Вязовенька	90х48+селище	3 (Кренке, 2017), 16 (Модестов, 2004)	Серебряная гривна фибула с каймой из птичьих голов
2 (5). Лестровка	50х40		
3 (6). Рачевское	25х15		
4 (19). Абрамково	40х12		
5 (32). Близнаки	42х40	400 (Шмидт 1970-73)	Серебряный браслет копья, стрелы, удила, шпоры,
6 (35). Богородицкое	47х34 + 1 селище 200х30	96 (Модестов, 1989) 1 (Кренке, 2019)	
7 (57). Волоковая	22х18		
8 (64). Высокое	60х20		
9 (79). Гнёздово	115х98	2500 (Андреев, Авдусин, Пушкина 1940-2014)	
10 (81). Демидовка	50х30 +селище	500 (Шмидт)	Серебр. пояс, кольца, слиток, копья, шпоры
11 (92). Ермаки	32х28		
12 (106). Знаменка (Воищина/ Церковище)	50х31	1052 (Седов)	Серебр. пектораль
13 (168). Кушлянщина	28х26		
14 (180). Лахтеево	60х25		
15 (182). Лубня	24х25		
16 (200). Новые Батеки	48х23	850 (Шмидт)	
17 (211). Рай	Диаметр 24 м		
18 (235). Старое Куприно	19х15		
19 (338). Болтутино	60х45		
20 (424). Акатово	20х16 16х12 16х13 + селище	560 (Шмидт 58-60 гг.)	

21 (470). Ключ	22х13		
22 (660). Бохот	45х40		
23 (666). Егорье	диаметр 25 м		
24 (680). Мощиново	50х40		
25 (681). Назимки	50х40		
26 (682). Перепечино	35х25		
27 (685). Рай	40х60		
28 (712) Ковали	30х8 (разруш)		
29 (718). Микулино городище 1	67х33 + селище	32 (Шмидт, 1980)	
30 (738). Самсонцы	45х38		Копье
31 (744). Хотеж	48х43		
32 (1023). Верх. Немыкари	29х18		
33 (1034). Городок	32х26	104 (Третьяков)	
34 (1055). Колычево	35х30	20 (Третьяков)	
35 (1072). Мокрядино (Тушемля)	35х32	750 (Третьяков)	
36 (1108). Покровское (Ковшаровское)	60х70	100 (Лявданский)	
37 (1114). Прудки 1	35х27	16 (Третьяков)	
38 (1137). Слобода-Глушица	20х17	395 (Третьяков)	
39 (1175). Богдановo	45х35	900 (Шмидт 76-78)	
40 (1259). Холмец	48х35	900 (Третьяков, Шмидт)	
41 (1438). Еловцы	35х27		
42 (225). Смолино	28х11 15х8		
43 (1592). Колотовщина 1			
Белоруссия			
44. Вежки	68х41 + селище	320 (Колосовский)	Серебр. височн. подвески; серебр. треугольные подвески; кольцо; копье, стрелы, шпора
45. Никодимово	120х30	1058 (Седин, 1986-2004)	Серебр. браслет, поясной набор с серебр. инкрустац.

46. Кисели	42х32	168 (Левко, 1988, 1989)	
47. Черкасово	55х45	65 (Дубинский, 1928); 60 (Левко, 1989)	
48. Кричев (гора Городец)	50 х 25 (разруш.)		
49. Витебск		14000 (Бубенько, Левко)	
50. Могилев (Змеевка)	55х30		

значительно больше, чем у других. Площадка городища Демидовка (рис. 3) по своим размерам входит в среднюю группу.

Второй параметр, который следует учитывать, – это наличие или отсутствие дополнительного открытого поселения рядом с городищем. Возле некоторых из анализируемых памятников, в том числе возле городищ Вязовеньки и Демидовка, такие селища были обнаружены. Селище у городища Вязовеньки находится в пойме на противоположном берегу р. Вязовеньки, его размеры теперь определить невозможно, так как оно сильно разрушено мельничным прудом. С южной стороны городища Демидовка шурфами обнаружен культурный слой с редкими фрагментами керамики. Характер этого памятника пока остается неясным, постройки не обнаружены, но наличие культурного слоя (в некоторых местах мощностью до 1 м) указывает на интенсивную хозяйственную жизнь.

Мощность оборонительных укреплений сильно варьирует. Есть городища с валами внушительных размеров, у которых превышение гребня вала над дном рва достигает 9 м (Кисели, Вязовеньки, Богородицкое). Однако эти памятники многослойные и нет ясности в строительной истории оборонительных сооружений. Вал Демидовки имеет средние параметры, его высота всего лишь 2 м.

Важнейшая отличительная черта городища Демидовка – постройка, обнаруженная в верхнем слое. Она прослежена в виде четырех рядов столбовых ям и развалов очажных камней между ними (рис. 4). Автор раскопок Е.А. Шмидт интерпретировал эти остатки как две различные постройки сходной конструкции – длинные узкие дома с габаритами 2.5 × 38 и 3.5 × 34 м, между которыми находился внутренний дворик, возможно, частично перекрытый крышей (Шмидт, 1970. С. 64). Ознакомление с отчетной документацией позволяет выдвинуть иную интерпретацию. В первую очередь нужно отметить, что все столбы были одинаковыми – диаметром около 30-35 см, вкопанными на глубину 1 м (рис. 4), т.е. высота стен была не менее 2.5-3 м. Во-вторых, в выделенных Е.А. Шмидтом «постройках» нет столбов по осевым линиям,

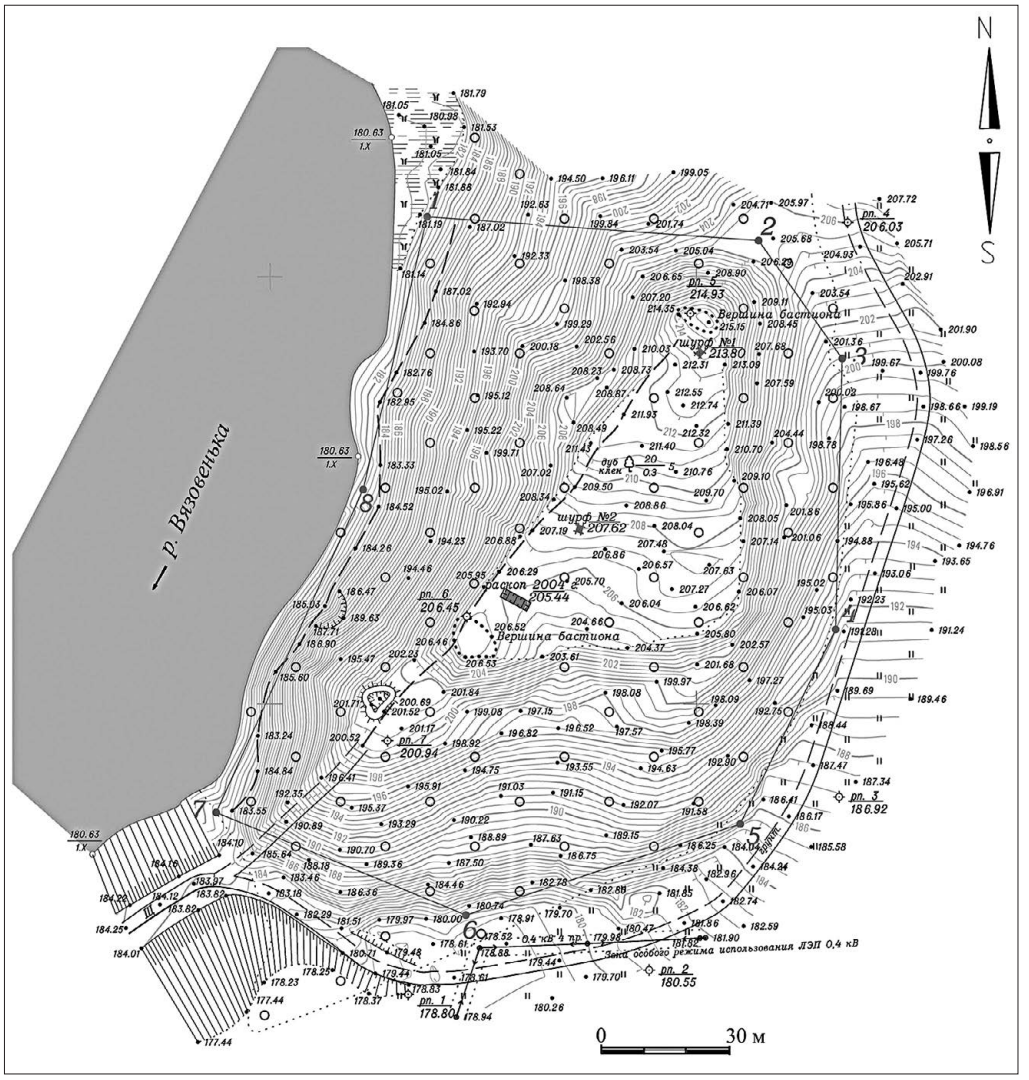

Рис. 2. *План городища Вязовеньки, съемка 2017 г.*

неясно, как бы держался конек крыши. Эти признаки отличают данное сооружение от построек на других городищах. Например, на городище Никодимово (VII в.), где была прослежена постройка с аналогичными столбами, система их расположения иная. При ширине постройки около 4 м в ее плане прослежено три ряда столбов. На столбах осевой линии, видимо, держался конек крыши (Седин, 2012. С. 7).

Можно представить, что на городище Демидовка существовала одна постройка размерами 12 × 38 м, имевшая три «нефа»: два боковых шириной 2.5–3.5 м и более широкий центральный (до 6 м). Внешний контур составляют

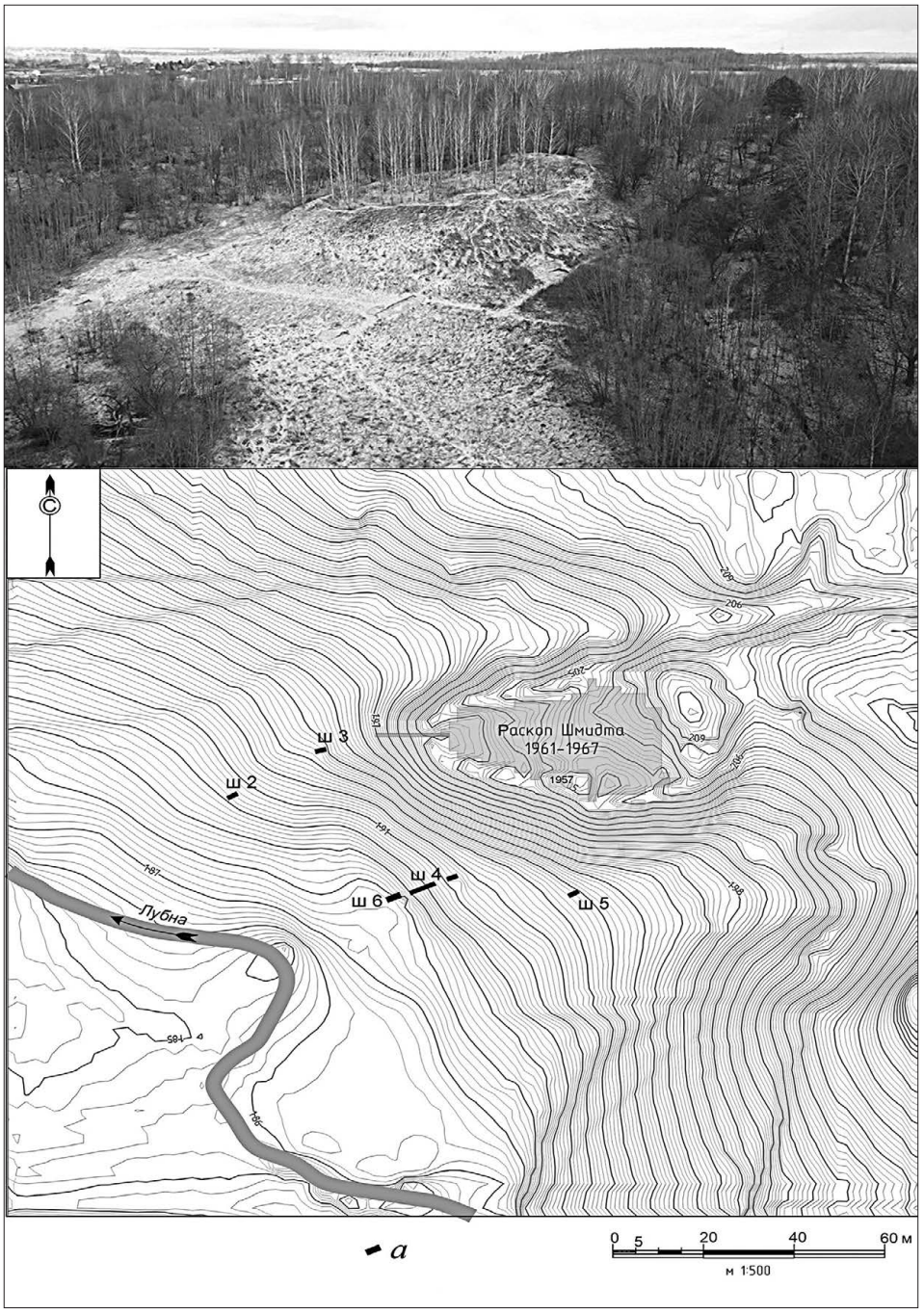

Рис. 3. *Вид на городище Демидовка с юго-запада (вверху) и план городища Демидовка, автор К.А. Ганичев, 2020 г.*
Условное обозначение: а – шурфы 2019 г. Горизонтали проведены через 0.2 м. Условная система координат.

27 столбов, внутренний – 17. Длинные дома, разделенные на три продольные части, доминируют на территории Нидерландов, Германии, Южной Скандинавии в первой половине I тыс. н.э. Особенно близки по планировке к постройке с Демидовки дома «типа Вийстер» (рис. 4), раскопанные на северо-востоке Нидерландов (Nüsse, 2014. S. 92). Дополнительные аргументы в пользу такой реконструкции – очажные развалы в центральном нефе и столбы по торцам жилища, которые соединяют два боковых нефа. Нужно отметить, что подобный большой длинный дом пока не находит аналогий на других городищах Смоленщины и подчеркивает уникальность Демидовки.

При анализе состава находок прежде всего надо выделить памятники, где найдены серебряные украшения. Таких всего шесть (Вязовеньки, Демидовка, Близнаки, Церковище, Никодимово, Вежки). Украшение с городища Церковище (Седов, 1964. С. 72), вероятно, относится к более раннему времени, нежели середина I тыс. н.э. Среди пяти оставшихся на первом месте стоит Демидовка, так как здесь найдена серия серебряных украшений. Городище Вязовеньки потенциально может конкурировать с Демидовкой, но на Вязовеньках пока раскопана слишком малая площадь. На всех памятниках, кроме Вязовенек, украшения из серебра соседствуют с находками предметов вооружения и снаряжения всадника.

При этом обращают на себя внимание предметы «профессионального» вооружения и снаряжения, такие как меч из Никодимова, пики для конного боя из Близнаков и Никодимова, метательный боевой топор – «франциска»– из Демидовки (Казанский, 2015. С. 47, 49, 51, 65–67). Все эти вещи не имеют отношения к повседневной мирной жизни и скорее указывают на пребывание в данных населенных пунктах профессиональных воинов (Казанский, 2019б).

Особая значимость как социального маркера некоторых находок с Демидовки уже отмечалась. Это почковидная пряжка, украшенная головками орлов (рис. 5, 5), аналогии ей имеются в «вождеских» погребениях Западной и Центральной Европы (Казанский,2018. С. 96). По А.К. Амброзу, в Верхнем Поднепровье функционировал свой центр производства подобных предметов (Амброз, 1970). Это заключение, подкрепленное дальнейшими исследованиями (Ахмедов, 2014; Казанский, 2018. С. 95–103), указывает на неслучайный характер попадания престижной «воинской» пряжки в слои Демидовки.

Привлекает внимание и наборный пояс с узкими накладками-пластинами (рис. 5, 2). Их в коллекции 103. Пластины прикреплялись к поясу железными шплинтами, отверстия декорировались серебряными колпачками. Такие пояса широко распространяются в эпоху переселения народов, самые роскошные экземпляры встречены в зоне римского пограничья, реже внутри Империи (Толна, Трапрейн-Ло, Лион). Можно предполагать, что они

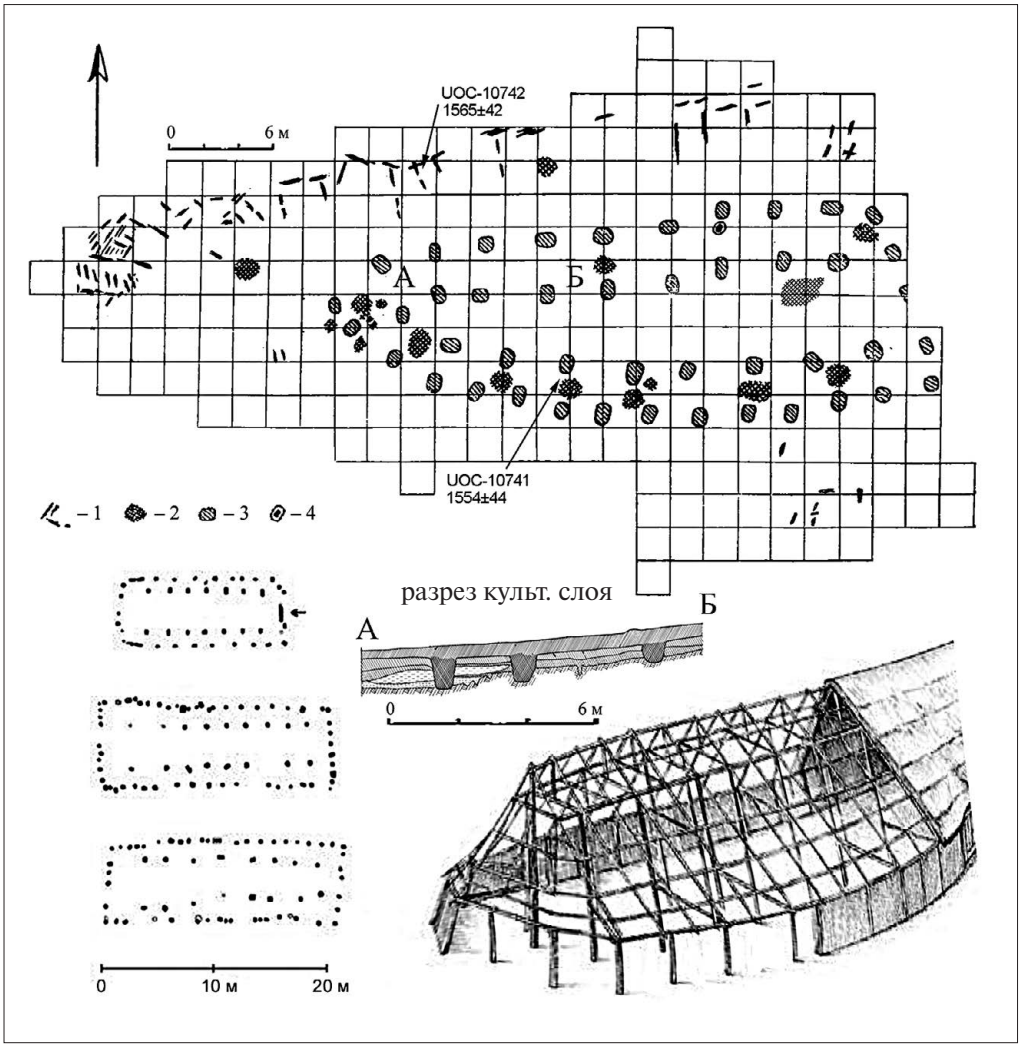

Рис. 4. *План постройки на городище Демидовка (по: Шмидт, 1970, с корректировкой по материалам отчетов).*
Условные обозначения: 1 – сгоревшие деревянные конструкции; 2 – очаги; 3 – столбовые ямы; 4 – зернотерка каменная. Внизу – планы аналогичных построек, раскопанных на северо-востоке Нидерландов (“тип Вийстер”) и конструктивная схема постройки (по: Nüsse, 2014).

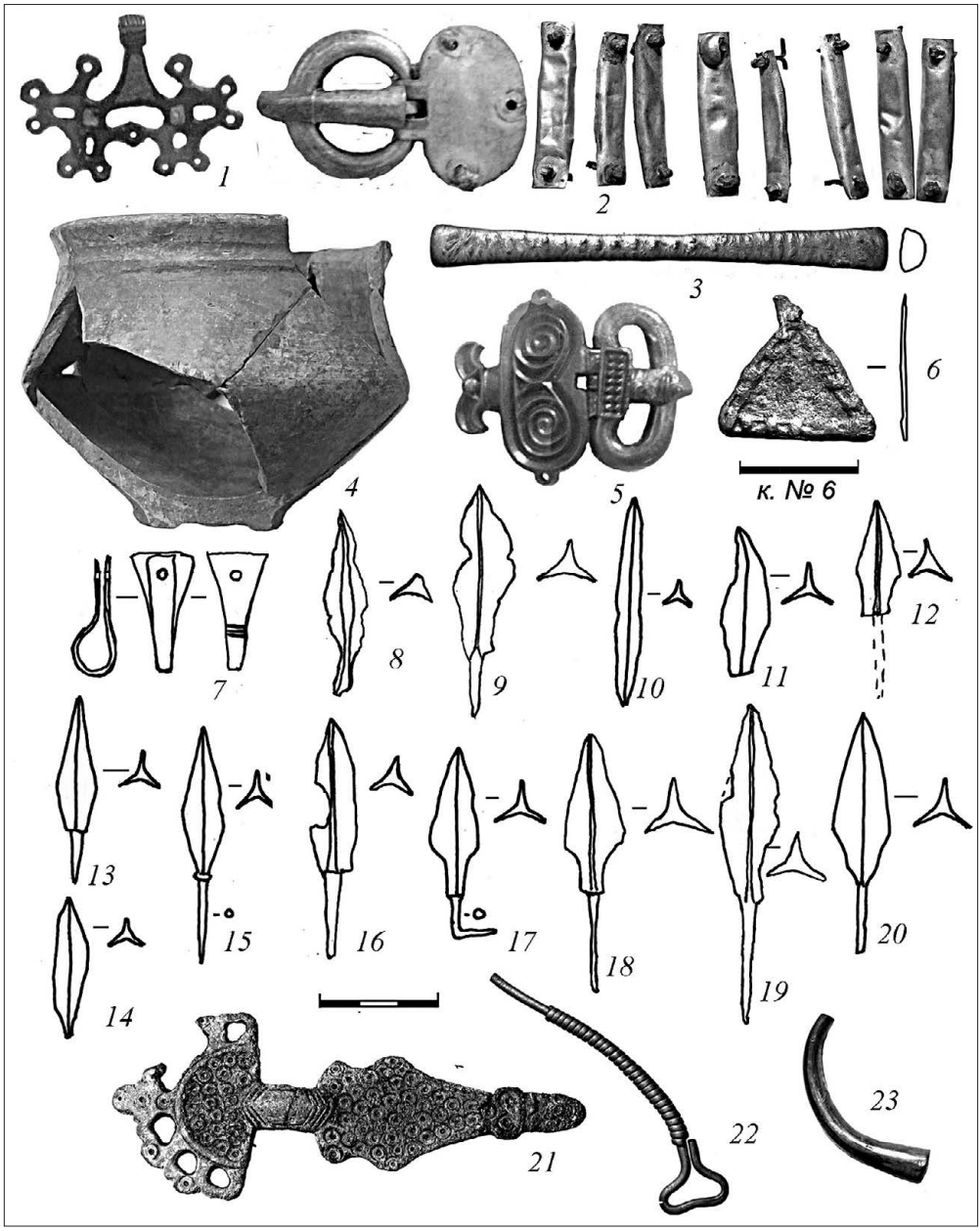

Рис. 5. *Находки с городищ Демидовка (1–20), Вязовеньки (21, 22), Близнаки (23). 1 – лунница с эмалью; 2 – пряжка и накладки на пояс (всего 105 шт.); 3 – слиток весом 27.85 г; 4 – кубок серолощеный; 5 – пряжка; 6 – пластинка орнаментированная; 7 – переходник для подвески; 8–20 – стрелы. Находки хранятся в Смоленском музее; 21, 22 – фибула и фрагмент гривны; 23 – браслет. 1 – бронза, эмаль; 2, 3, 5, 6, 22, 23 – серебро; 7–20 – железо; 21 – бронза. 1–5 – из раскопов 1961–1967 гг.; 6–20 – из шурфов 2019 г.*

отражают влияние «лимесной» моды, охватывавшей как население римских провинций, так и варваров (Казанский, 2019а). Ближайшая к Демидовке находка – это Волниковский «клад»первой половины V в. из Курского Посеймья (Радюш, Щеглова, 2014).

Из новых находок 2019 г. на Демидовке следует отметить серебряную треугольную привеску. По всем сторонам треугольника идет ряд точек-выпуклостей, ушко обломано (рис. 5, 6). Практически тождественные серебряные подвески найдены на городище Вежки, где датированы третьей четвертью I тыс. н.э. (Колосовский, 2019. Рис. 3). Золотые и серебряные привески/нашивки данного типа найдены в крымских готских могильниках и датируются V в. (Mączyńska et al., 2011. Fig. 13, 15–19). Дериваты данного вида украшений хорошо известны на памятниках Белоруссии и Северо-Запада России (Никодимово, Старая Ладога, Изборск и пр.) – это литейные формочки и сами изделия из свинцово-оловянистых сплавов (Щеглова, 2002. Рис. 2, 5–16).

Особенности культурного ландшафта также могут рассматриваться как параметр различения рядовых и чем-то выдающихся поселений. Динамика культурного ландшафта вокруг городищ может быть реконструирована по данным спорово-пыльцевого анализа (рис. 6). Впервые пыльцевые исследования культурных слоев днепродвинских городищ проведены в начале 1960-х годов (Шмидт, 1992. С. 57–60). В 2019 г. мы продолжили эти исследования, проанализировав почвенные разрезы у подножия городища Демидовка; колонки образцов отбирались в шурфах 2, 4–6.

Предварительные результаты анализа показали, что слои, содержащие находки позднего этапа жизни городища Демидовка (V–VI вв.), сходны между собой и характеризуются низкой долей пыльцы деревьев (березы и ольхи) в сочетании с обилием и разнообразием пыльцы трав, среди которых много таксонов, характерных для выпаса, т.е. луговых и лугово-рудеральных. Можно предположить, что такой состав пыльцы в сочетании с обилием микроскопического угля и обгорелых фитолитов отражает существование у подножия городища открытого пространства, используемого под пастбище и поддерживаемого регулярными палами. В пользу этого предположения говорит также наличие пыльцы культурных злаков (предположительно, овса), что характерно для почв, обогащенных конским навозом (Ершова и др., 2017).

Почва, погребенная под культурными слоями в шурфах 4 и 5, соответствующая более раннему этапу существования городища, заметно отличается и по морфологическим признакам, и по пыльцевым спектрам. В ней много мелкого окатанного древесного угля, а в пыльцевых спектрах доминируют пыльца и споры лесных растений. При этом деревья представлены почти исключительно березой, а немногочисленные травы – сорняками, культурными злаками и видами, типичными для зарастающих подсек и пашен. Вероятно, более ранние стадии освоения окрестностей городища Демидовка

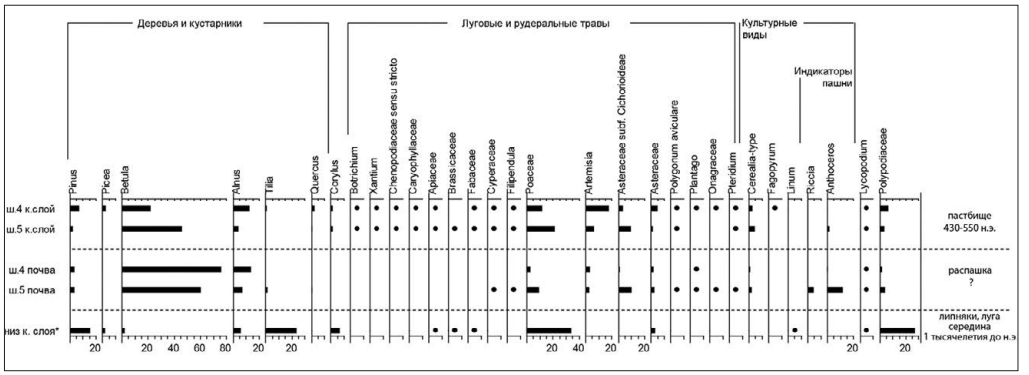

Рис. 6. *Сокращенная спорово-пыльцевая диаграмма культурного слоя и погребенной под ним почвы в шурфах возле городища Демидовка и на самом городище (по: Шмидт, 1992). Пыльцевые таксоны представлены в % от суммы пыльцы, споровые – в % от суммы пыльцы и спор.*

включали в себя сведение и выжигание коренных лесов под распашку и распространение на заросших пашнях вторичных березняков.

Интересно сравнение данных спектров со спектром нижней части культурного слоя городища Демидовка, полученным Р.В. Федоровой в 1960-е годы и, по-видимому, отражающим самый ранний, первоначальный период функционирования городища, датированный археологически серединой I тыс. до н.э. (Шмидт, 1976). Из деревьев в нем много только липы, при этом доминирует пыльца луговых трав, преимущественно злаков, и найдена пыльца льна. Это интерпретируется авторами как наличие уже к тому времени вокруг городища открытых окультуренных пространств. Однако, судя по доминированию липы, коренные широколиственные леса еще не были полностью сведены и заменены вторичными березняками и сосняками.

Судя по изложенным выше данным, поселения, жители которых обладали высоким статусом (к таким нужно причислить те, где найдено серебро), не отличаются крупными размерами, «вписаны» в габариты городищ раннего железного века. Из этого можно вывести предположение, что элита середины I тыс. н.э. была весьма мобильна, получала свою выгоду не от эксплуатации стянутого к ее резиденции населения, а от контролирования поселков,- сравнительно удаленных от «центров власти». Обилие находок снаряжения всадника может служить косвенным подтверждением этой гипотезы.

Представленные материалы (наибольшее количество находок из серебра, престижные предметы культуры «воинских» элит, «профессиональное» оружие, большой длинный дом «германского типа») позволяют сделать осторожное предположение, что обитатели Демидовки выделялись высоким

социальным статусом среди жителей других городищ, вовлеченных в сравнительный анализ.

Хронология городищ Демидовка и Вязовеньки опирается на серию вещевых находок и радиоуглеродные даты. Нижние пласты городища Демидовка, как уже сказано выше, относятся ко второй половине I тыс. до н.э., на памятнике обнаружены типичная днепро-двинская керамика и сопутствующие находки (Шмидт, 1976. С. 201). Здесь также представлены керамические материалы горизонта «среднего слоя Тушемли», который может датироваться в интервале II в. до н.э. – II в. н.э. (Дробушевский, 2011). О наличии материалов III–IV вв. н.э. указывает керамика с расчесами, а также лунница с эмалью (рис. 5, 1). Причем Демидовка – единственное городище на Смоленщине с находками этого периода. Немногочисленность фрагментов керамики с расчесами, их разрозненность и мелкие размеры указывают на то, что они относятся к отдельному периоду истории городища.

Основной, более поздний период представлен крупными фрагментами и развалами сосудов без декора. Наиболее яркая находка, указывающая на III–IV вв., – серолощеный гончарный черняховский кубок (рис. 5, 4). Он имеет аналогии в черняховских могильниках IV в. на территории Западной Украины (Никитина, 1988. Рис. 30, 7; Романова, 1988. Рис. 6, 2; Сымонович, 1988. Рис. 5, 7; Шаров, 1992). В то же время надо отметить, что данный кубок весьма близок по форме к пшеворским сосудам типов 1Bb и 4B, по Добжаньской, из поселения Иголомия в Краковском воеводстве, которые отнесены к хронологическим фазам C1b-C2 (т.е. III–начало IV в.) (Dobrzańska, 1990. Tabl. XXIX, 3; XLIII, 8)[1].

Находка второй половины V – рубежа V– VI вв. – это «восточно-германская» пряжка с кербшнитным орнаментом и сдвоенными птичьими головами (рис. 5, 5), о которой писал А.К. Амброз (1970. С. 73). Ее датировка уточнена А.Г. Фурасьевым (2001) и М.М. Казанским (1999, 2018)[2]. И.Р. Ахмедов выявил связи «орлиноголовой» пряжки с Демидовки и вещей из рязано-окских могильников (Ахмедов, 2014).

Серия радиоуглеродных дат, полученных по образцам из раскопок верхнего пласта Демидовки, однозначно указывает с наибольшей вероятностью на рубеж V–VI вв. (табл. 2). Судя по тому, что более поздние находки отсутствуют, можно думать, что жизнь на памятнике не возобновилась.

[1] Авторы благодарят А.М. Обломского за указание на литературу.

[2] М.М. Казанский дает более широкую датировку: вторая половина V – первая половина VI в. н.э.

Таблица 2. Радиоуглеродные даты городища Демидовка

Номер лабораторный	^{14}C дата	Калиброванный возраст, AD 1 σ (68,2%)	Материал	Место отбора
Ле-727	1570±70	420-560	уголь	Верхний слой обр. 2
UOC-10741	1554±44	430-550	уголь (ель)	Городище Демидовка раскопки Шмидта 1961 г. кв. 7 пласт 2
UOC-10742	1565±42	430-540	Уголь (ель)	Городище Демидовка раскопки Шмидта 1961 г. кв. 35 пласт 1 постройка
UOC-10743	1554±45	430-550	Уголь (зерна проса)	Городище Демидовка

Данная эпоха – рубеж V–VI вв. – очень хорошо соответствует смутному времени глубоких трансформаций, охвативших значительную часть лесной зоны Восточной Европы, скорее всего, вызванных общеевропейской перестройкой после смерти Аттилы и, как следствие, экспансией в лесную зону сравнительно немногочисленных, но высокомилитаризованных групп гетерогенного (германского? гуннского? славянского? балтского?) происхождения. Археологические данные для эпохи переселения народов свидетельствуют о резком возрастании военной опасности в значительной части лесной зоны, от Верхнего Поволжья до Немана. На ряде укрепленных поселений отмечены следы пожаров и разрушений, а в ряде случаев, например на Демидовке, Аукштадварисе, Аукуро-Калнасе, выявлены бесспорные следы военных действий. Показательно, что на этих трех городищах найдены нехарактерные для лесной зоны «степные» трехлопастные наконечники стрел[1]. Такая стрела засела в костях человека, погребенного на могильнике Плинкайгалис. Было бы неправильно связывать эти стрелы только со степными кочевниками, они широко применялись и оседлыми варварами, в частности славянами и германцами. Трехлопастные раннесредневековые стрелы встречаются даже в Норвегии и на Готланде (Nørgård Jørgensen, 1999. S. 109. Abb. 96, 6; 97, 1), где в это время степняки не могли оказаться. Напомним,

[1] Стрелы, найденные на городище Демидовка, распадаются на две хронологические группы. Наконечники ромбических очертаний с расширением в средней части – Засецкая тип 1 (например, рис. 4, 13, 14, 17) – более всего характерны для гуннского времени. Наконечники, наибольшее расширение которых находится ближе к черенку, – Засецкая тип 3 (рис. 4, 9, 10, 16), также бытуют в постгуннское время (Засецкая, 1994. С. 36–39). Позднюю дату последнего типа определяет, в частности, находка в керченском склепе 152.1904 г., где эти наконечники найдены с гепидской пряжкой первой половины VI в. (Казанский, 2015. С. 63).

полиэтничные варварские военно-политические образования, такие как объединение вандалов, свевов и алан, гото-гунно-аланская армия Алафея и Сафрака, королевство Одоакра в Италии, включавшее скиров, торкилингов, ругов и герулов, склавино-лангобардская армия принца Ильдигеса, весьма характерны для эпохи переселения народов. В этих формациях ориентация на престижного вождя или династию играла более важную роль, чем этническое происхождение воинов, составлявших конкретную группу (Kazanski, 2000; Ахмедов, Казанский, 2004).

В интерпретации городища Вязовеньки пока мы имеем больше вопросов, чем ответов. В небольшом раскопе в предматериковом пласте 5 была найдена бронзовая фибула с каймой из птичьих голов (рис. 5, 21). Этот тип фибул детально рассмотрен В.Е. Родинковой (2004. Рис. 1, 37–40). По данной классификации фибула с городища Вязовеньки относится к подтипу семиглавых, серии Б, варианту Волошское, ее характеризуют редуцированные боковые выступы. Вариант внутри типа относительно поздний, но общая дата у всех вариантов едина – не позднее середины VII в., что определяется датой «антских» кладов I группы по О.А. Щегловой (1990; см. уточнения по времени зарытия кладов этой группы: Казанский, 2014. С. 53–55). Аналогии выявлены на о. Готланд, в Трубчевске на Десне и в Среднем Поднепровье. Кстати, серия «антских» фибул, а также часто сопутствующая антским древностям малая «дунайская» фибула VII в. найдены и на городище Никодимово (Шмидт, 2003. Табл. 23, 3–8).

Обращает на себя внимание перекличка изобразительных мотивов орлиных голов, выполненных в «восточногерманской» манере (Ахмедов, 2014. С. 149), на пряжке из Демидовки и фибуле из Вязовенек. Две находки в регионе, относящиеся к последовательным периодам, разделенные промежутком не менее 100 лет, дают намек на единство сюжета, популярного в среде местного населения (возможно, элитарной его части). Согласно картографированию В.Е. Родинковой, хотя фибулы с птицеголовой каймой и входят в единый комплекс украшений «антского союза» (колочинско- пеньковская общность), однако мода на птицеголовые застежки распространилась только на определенную часть антского населения, обитавшего на Среднем Днепре (Родинкова, 2004. С. 238). Теперь, после находки в Вязовеньках, к этому ареалу и Трубчевскому кладу на Десне добавляется красноречивая точка в Смоленском Поднепровье. Не исключено, что создателями этой традиции были не собственно анты, а некий иноэтничный компонент, происхождение которого еще только предстоит выяснить. Здесь уместно обратиться к гипотезе И.Р. Ахмедова об участии «верхнеднепровской» школы (по А.К. Амброзу), имеющей дунайские восточногерманские корни второй половины V в., в становлении ювелирного искусства Среднего Поднепровья VI–первой половины VII в. (Ахмедов, 2014. С. 156).

На городище Вязовеньки при зачистке траншеи военного времени Е.А. Шмидтом (1972. Фото 33, 1) был найден обломок серебряной гривны (рис. 5, 2), сходной по форме с бронзовыми гривнами из клада VII в. (?) с городища Вежки в Белоруссии (Колосовский, 2019. Рис. 2).

Гривны с таким замком хорошо известны в балтском раннесредневековом контексте. В частности, их немало на территории исторических селов[1], в бассейне Западной Двины (см., например: Giriciuvienė, 2007), но они встречаются и на других балтских территориях. Некоторые из этих гривен имеют обмотку из проволоки, как гривна из Вязовенек (см., например: Urtans, 1977. Att. 66,4; Tautavičius, 1996. P. 76. 2 pav.; Lettlands..., 2009. S. 110, № 26). В ареале селов гривны с таким замком относят к периоду Е3, т.е. к 600–650/680 гг. (Bliujienė, 2013. 365 pav.), хотя в целом их период бытования, видимо, был несколько шире. Об этом может, например, свидетельствовать попадание поздних форм гривен с «седловидным» замком в клады IX в. Ивахники, Узьмина, Горки (Корзухина, 1954. Табл. I, 4; III, 1–3; IV).

Таким образом, исходя из обнаружения двух выдающихся вещей на фоне незначительного объема полевых работ можно выдвинуть предположение, что городище Вязовеньки приняло эстафету локального центра у городища Демидовка, чтобы затем передать ее Смоленску (Соборная гора) и Гнёздову.

Какова же культурная атрибуция верхних слоев городищ Демидовка и Вязовеньки? Они фигурируют в литературе как тушемлинские и колочинские. Сходство керамики городища Демидовка с материалами раскопок эпонимного городища Колочин 1 (Сымонович, 1963) констатировано давно: первым об этом писал Е.А. Шмидт (1972) в полевом отчете, затем П.Н. Третьяков (1982. С. 71) и Н.В. Лопатин (1989). В то же время объединение в одну археологическую культуру столь разнородных памятников, как городища Верхнего Поднепровья Смоленщины и Белоруссии и открытых поселений более южных областей (бассейны Сейма и Псла), вызывает вопросы. Керамические традиции сходны в общих чертах, но вполне вероятно, что при их полномасштабном сравнении, которое до сих пор не проводилось, будут выявлены самостоятельные варианты. Различия в других признаках (характер памятников, домостроительство) еще более заметны. Называть городище Демидовка тушемлинским оснований еще меньше – слишком много различий между городищами Демидовка и Тушемля.

В материалах городища Демидовка мы видим явное наслоение (и смешение?) разных этнических, точнее, культурных традиций, предположительно славянских и германских.

---

[1] Се́лы (село́ны) – балтийский народ, живший до XV в. в Селии на юго-востоке современной Латвии, а также на северо-востоке современной Литвы. Говорили на селонском языке балтийской группы. Вошли в состав латышей и литовцев. Упоминаются со II в.

К первым относится керамика, находящая параллели в киевской и колочинской культурах, ко вторым – черняховский кубок, орлиноголовая пряжка. Тем не менее, этническая интерпретация почти всегда остается неоднозначной. Важно подчеркнуть, что по остаткам материальной культуры достоверно вырисовывается картина сложной социальной иерархии. В городище Демидовка явно проступают черты регионального «центра власти», отличающие его от остальных городищ. Находки с городища Вязовеньки позволяют предположить, что и в VII в. в районе Смоленска находился локальный «центр власти». География находок фибул с каймой из птичьих голов показывает, что в VII в. существовали контакты, связывавшие Смоленщину, Среднее Поднепровье и Готланд. Здесь уместно вспомнить «Гута-сагу» о контактах Готланда с Восточной Европой по Западной Двине (Ковалевский, 1975).

Описанные в статье находки заставляют совершенно иначе взглянуть на достоверность скандинавских саг «о древних временах» с их упоминанием страны «Гард», «конунгов Гард». По-иному, более достоверной, учитывая находки с Демидовки, выглядит и сага о Тидреке Бернском (Веселовский, 1906). Также в контексте находок с Демидовки и Вязовенек по-новому звучат и находки середины I тыс. н.э. в пойме Днепра в районе Гнёздова (Захаров, 2018; Шевцов, 2018). Актуальная задача будущих исследований – выяснить, где находились центры власти/поселенческие центры в регионе Смоленска в течение всей второй половины I тыс. н.э.

Выражаем благодарность О.В. Шарову за консультации, а также сотрудникам отдела археологии Смоленского музея, где хранятся коллекции.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научных проектов № 20-09-00171, 19-04-01246а.

Н. А. Кренке, Н. В. Лопатин, А. Л. Александровский, А. Б. Савинецкий, В. В. Бегунова, В. А. Волков, К. А. Ганичев, И. Н. Ершов, О. А. Лопатина, М. М. Певзнер, В. А. Раева, Е. Ю. Тавлинцева, С. Н. Чаукин

ГОРОДИЩЕ ДЕМИДОВКА НА СМОЛЕНЩИНЕ. СТРАТИГРАФИЯ, ПОЧВЫ, ПОСТРОЙКИ, КЕРАМИКА, КОСТИ ЖИВОТНЫХ[1]

В статье представлены новые результаты изучения эталонного городища Демидовка в Смоленской области Российской Федерации, нижняя дата которого – VII (VIII) в. до н.э., верхняя – VI в. н.э. Анализируются музейные коллекции (Смоленск) раскопок 1960-х годов, не вошедшие в публикации, чертежная документация из архива Института археологии РАН, данные палеопочвенных и геохимических работ. В рамках исследования проведены дополнительные тестовые раскопки, позволившие уточнить стратиграфию памятника и план «большого дома» – резиденции представителя знатного рода (нобиля) V в. н.э. Получена значительная серия радиоуглеродных дат, собрана археозоологическая коллекция, характеризующая диету жителей городища.

Ключевые слова: городище Демидовка, колочинская культура, радиоуглеродные даты, «большой дом», керамика, палеопочвоведение, археозоология.

Городище Демидовка находится в Смоленской области РФ в 13.5 км к западу от Соборного холма в Смоленске на левом берегу Днепра, в 3.7 км к юго-западу от Центрального городища в Гнёздово. Городище расположено в узкой долине р. Лубня – небольшого левого притока р. Днепр, в 2.5 км от устья.

Открыли городище для археологии в 1923 г. А.Н. Лявданский и В.В. Дмитриев (Лявданский, 1924). Местным жителям городище было известно давно, и имелись фольклорные предания об «обитателях» памятника. Раскопки велись в течение десятилетия (1957–1967, за исключением 1959, 1960 и 1963 гг.) под руководством Е.А. Шмидта. Всего раскопано 1098 м^2 (Шмидт, 1967. Чертеж 11). Раскоп охватил почти всю площадку городища, за исключением восточной части, примыкавшей к оборонительному валу, ограждавшему памятник с напольной стороны. Материалы из раскопок городища Демидовка были включены в две монографии Е.А. Шмидта, посвященные днепродвинской археологической культуре раннего железного века (Шмидт, 1992) и тушемлинской культуре эпохи переселения народов (Шмидт, 2003). Ключевое значение имеют статьи Е.А. Шмидта (1970) и А.К. Амброза (1970), посвященные редким для Верхнего Поднепровья находкам V–VI вв. н.э. с городища Демидовка. Научное значение этих находок подчеркнуто недавней публикацией в серии «Раннеславянский мир» (Раннесредневеко-

[1] Статья опубликована в журнале «Российская археология», 2023, № 4, с. 97–115.

вые древности..., 2016), где пряжка с орлиными головами, найденная на Демидовке, вынесена на титульный лист. Иллюстрации в публикации 2016 г. взяты исключительно из ранее опубликованных работ Е.А. Шмидта, при этом городищу предложена иная культурная атрибуция – его верхний слой соотнесен с колочинской культурой (Обломский, 2016). Ранее на сходство керамики городища Демидовка с колочинскими комплексами указывали Н.В. Лопатин (1989) и А.Г. Фурасьев (1997).

Анализ материалов городища Демидовка, проведенный авторами в 2018–2019 гг., привел к формулированию гипотезы о том, что городище уникально зафиксированными на нем следами построек, относившихся к верхнему слою. Они могут быть интерпретированы как комплекс единого сооружения – трехнефного большого дома (Кренке и др., 2021)[1]. Это интригующее предположение с необходимостью указывало на актуальность продолжения исследования памятника. Нигде ранее в лесной зоне Восточной Европы подобные постройки, могущие претендовать на интерпретацию в качестве резиденции представителя знатного рода (нобиля) эпохи переселения народов, не найдены. Более того, даже среди древностей черняховской культуры, где проводились значительные раскопки, сходные по размерам и наличию находок высокого статуса с городищем Демидовка постройки также не зафиксированы, хотя известны трехнефные сооружения меньших размеров (Магомедов, 2001. С. 21. Рис. 9).

В 2020–2023 гг. Смоленская экспедиция ИА РАН на средства гранта РФФИ № 20-09-00171/20 и в рамках выполнения госзадания ИПЭЭ РАН № FFER-2021-0008 провела новые исследования городища Демидовка, которые включали: 1) полевые работы, 2) анализ архивной документации, 3) обработку музейных коллекций.

Полевые исследования. Работу, проведенную Е.А. Шмидтом, можно назвать титанической – достаточно взглянуть на сводный план раскопов (рис. 1), на котором нанесены тысячи столбовых ям. В то же время исследование было новаторским. Е.А. Шмидт одним из первых археологов в СССР, занимавшихся железным веком, применил радиоуглеродный метод датирования, получил в 1967 г. даты для нижнего и верхнего слоев городища (Семенцов и др., 1972. С. 214), отобрал образцы для спорово-пыльцевого анализа культурного слоя. Кроме того при раскопках 1960-х годов были взяты образцы угля, позволившие много лет спустя получить новые даты методом AMS (Кренке и др., 2021. Табл. 2). Наша задача заключалась в том, чтобы, заложив на памятнике небольшой тестовый раскоп, применить новые технологии раскопок и фиксации, изучить оборонительные сооружения, стратиграфию памятника, конструкцию «большого дома», провести серийное радиоуглеродное датирование, археозоологические, спорово-пыльцевые и почвенно-

[1] Е.А. Шмидт реконструировал два длинных дома с узким двором между ними.

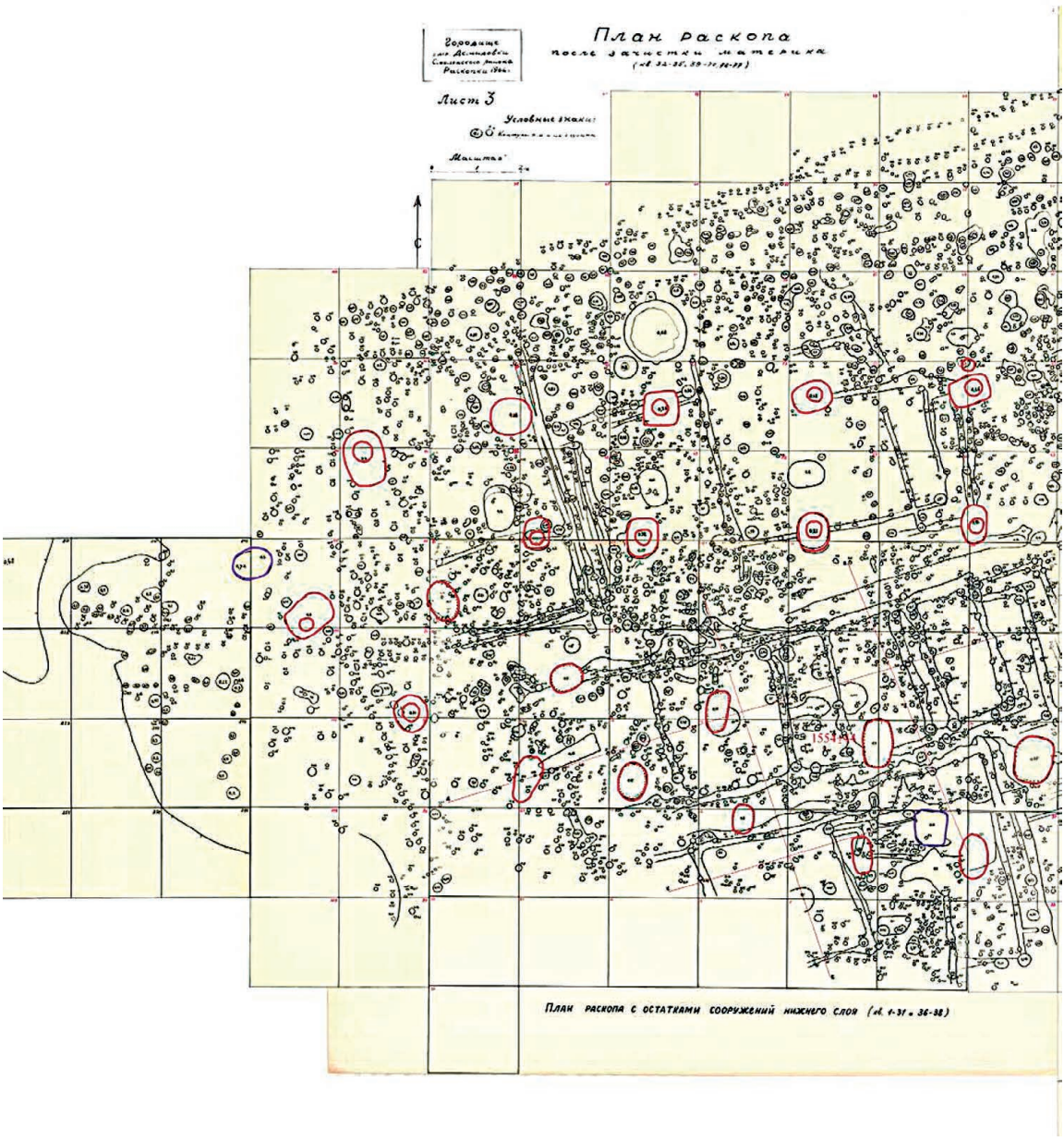

Рис. 1. Сводный план раскопов 1957–1967 гг., составленный по чертежам из отчетов Е.А. Шмидта с добавлением плана раскопа 2020–2022 гг. Обозначения: красный контур – ямы конструкции «большого дома»; темно-синий – ямы, отнесение которых к конструкции «большого дома» вызывают сомнения.

Рис. 1. Окончание

геохимические исследования, а также изучить округу городища. Настоящая статья представляет лишь некоторые из полученных результатов.

Раскоп 2020–2022 гг. (рис. 1, 2) имел форму прямоугольника размерами 4 × 7 м, примыкавшего с востока к раскопу 1967 г. Полного совмещения сетки квадратов достичь не удалось, но положение нового раскопа относительно раскопа прошлых лет определено точно, так как в процессе работы зафиксированы границы старого раскопа и идентифицированы выбранные много лет назад ямы.

Важнейшие результаты новых раскопок заключались в следующем: 1) постройки нижнего слоя исследовались с учетом опыта работ на городищах Дьяково и Ростиславль, благодаря этому выявлены полы построек и очаги; 2) получены новые подтверждения того, что в период формирования верхнего слоя на городище находился один большой дом трехнефной конструкции, а не две самостоятельные постройки, как предполагалось ранее; 3) получены стратиграфические доказательства того, что оборонительная конструкция по периметру площадки была сооружена не одновременно с большим домом, а позже него; 4) создана шкала радиоуглеродных дат и проведено палеопочвоведческое описание разреза культурного слоя, собрана археозоологическая коллекция. Рассмотрим подробнее каждый из этих сюжетов.

Фортификация. Е.А. Шмидтом было установлено (рис. 1), что вдоль северного и южного краев площадки городища на раннем этапе его существования шла ограда из часто поставленных вертикальных жердей, возможно, плетень (Шмидт, 1992. Рис. 8). При прорезке вала в 2020–2022 гг. такие ряды ям не найдены. Культурного слоя под насыпью вала также не оказалось, лишь тонкая углистая прослойка. На углистой поверхности выделялись несколько параллельных «плах», расположенных перпендикулярно продольной оси вала, и одна плаха вдоль этой оси. Характер конструкции остался неясен. Радиоуглеродные даты углей под валом указывают на VII – начало VI в. до н.э. (табл. 1). Образец угля (ГИН-16215), отобранный на поверхности вала, дал аналогичный возраст 2490 ± 30 (рис. 3), т.е. именно в это время была сооружена земляная насыпь. При этом наиболее ранняя дата, полученная из канавки в материке, в которой крепилась стена постройки, стоявшей на площадке, указывает на VIII–VII вв. до н.э. (образец ГИН-16197). Это означает, что, возможно, площадка была все же обитаема до сооружения вала. Древнейшая из полученных нами дат совпадает с предложенной Е.А. Шмидтом начальной датой памятников днепро-двинской культуры, определенной по аналогиям местных костяных и бронзовых раннескифских стрел, находкам кельтов меларского типа и пр. (Шмидт, 1992. С. 116, 117).

Таблица 1. Радиоуглеродные даты по городищу Демидовка

Лабораторный номер	^{14}C дата	Калиброванный возраст (OxCal v.4.4)	Материал	Место отбора
Верхний слой, большой дом				
Ле-727	1570±70	363(95,4%)641calAD	уголь	Верхний слой обр. 2 (раскоп 1966 г.)
UOC-10741	1554±44	421(95,4%)596calAD	уголь (ель)	раскопки Шмидта 1961 г. кв. 7 пласт 2 большой дом
UOC-10743	1554±45	421(95,4%)597calAD	Уголь (зерна проса)	Раскопки Шмидта
ГИН-16160	1570±30	435(24.3%)465CalAD 474(30.1%)516AD 530(13.9%)547AD	уголь	2021 г. кв. 272 гл. -172
ГИН-16161	1570±40	434(23.0%)466calAD 472(31.3%)518calAD 528(13.9%)548calAD	уголь	2021 г. кв. 272 столб, гл. -140, образец № 6
ГИН-16157	1580±30	420(95,4%)556calAD	уголь	2021 г. кв. 274, гл. - 140
Оборонительная стена финального этапа по периметру площадки				
UOC-10742	1565±42	419(95,4%)584calAD	Уголь (ель)	раскопки Шмидта 1961 г. кв. 35 пласт 1 клеть оборонительной стены
ГИН-16158	1530±40	434(11,3%)467calAD 472(15,6%)519calAD 527(68,6%)603calAD	уголь	2021 г. кв. 276 гл. 90-110
ГИН-16159	1580±30	420(95,4%)556calAD	уголь	2021 г. кв. 277 южная стенка гл. -99-100
Нижний слой				
Ле-726	1880±80	46calBC(85,4%)265calAD	уголь	Нижний слой, обр. 1 (раскоп 1966 г.)
UOC-15956	2042±21	106calBC(95,4%)26calAD	уголь	2020 г. кв. 270, гл. 200-210 северный борт
ГИН-16099	2070±30	169calBC(95,4%)9calAD	уголь	2020 г., кв. 270 Гл. -305 обр. № 3

UOC-15957	2119±29	201(90,3%)49calBC	уголь вяза	2020 г. кв. 270, гл. -220 северный борт
ГИН-16100	2380±30	542(93,9%)393calBC	уголь	2020 г., кв. 270, пласт 20, гл. -332, предматерик образец № 5
ГИН-16212	2480±40	773(93,2%)464calBC 437(2,2%)421calBC	уголь	2022 г. кв. 276 плашка в основании вала гл. -250 образец В-2
ГИН-16215	2490±30	775(94,2%)514 calBC 500 (1,3%)486 calBC	уголь	2022 г. кв. 276 гл. -217-237 пласт 20 скопление углей на насыпи вала
ГИН-16214	2520±30	789(25,7%)725 calBC 706(18,4%)662calBC 651(51,4%)544calBC	уголь	2022 г. кв. 276 гл. -282 плашка в основании вала образец В-3
ГИН-16213	2540±30	796(37,2%)740calBC 694(15,4%)663calBC 648(42,8%)547calBC	уголь	2022 г. кв. 276 гл. -255 плашка в основании вала образец В-1
ГИН-16197	2570±30	808(73,0%)749calBC 686(6,9%)666calBC 639(15,65)569calBC	уголь	2020 канавка в материке кв. 271 гл. -301. образ № 6

Профили бортов раскопа 2020–2022 гг. (рис. 3) наглядно показывают, что древний вал городища длительное время (тысячу лет!) не подновлялся. Его внутренний скат постепенно перекрывался культурным слоем. Черный слой «большого дома» верхнего горизонта перекрыл даже гребень древнего вала. Стратиграфические данные свидетельствуют в пользу предположения, что оборонительная конструкция финального этапа существования городища была создана после формирования слоя «большого дома». Эта конструкция состояла из деревянных клетей, сложенных из тонких бревен и засыпанных внутри бурым материковым суглинком (позиция *7* на рис. 3). Конструкция, возможно, была стеной, которая, расплывшись после разрушения, стала напоминать вал. Радиоуглеродные даты, полученные по образцам из «большого дома» и из оборонительной конструкции финального этапа, практически идентичны. Лишь один образец (ГИН-16158) из оборонительной конструкции дал более молодой возраст, соотносимый именно с VI в. н.э., тогда как

образцы из «большого дома» указывают на возраст V – рубеж VI в. н.э. Здесь уместно отметить, что А.К. Амброз настаивал на датировании обломка двупластинчатой фибулы с Демидовки по северо-кавказским аналогиям второй половиной VI – первой половиной VII в. н.э. (Амброз, 1970. С. 74). Две даты (UOC-15956, 15957) из черного слоя дали существенно более ранний возраст – II–I вв. до н.э. (см. табл. 1). Обе даты получены на ускорителе по маленьким угольками. Видимо, надо предположить, что материал этих образцов переотложен из подстилающего горизонта.

Конструкции построек и стратиграфия нижнего слоя. Новые раскопки на уровне предматерика и материка зафиксировали канавки от стен построек типа длинных домов. В канавках прослеживались столбовые ямки от стен типа «двойного плетня». Точные размеры жилых ячеек было трудно определить из-за недостаточной площади нового раскопа. Одна из жилых ячеек имела размеры 2 × 1.5, другая – 2 × 2 м, с очагами в центре. В раскопе Е.А. Шмидта была вскрыта постройка с четко прослеженным планом, состоявшая из чередовавшихся жилых/хозяйственных ячеек размерами 3 × 3, 3 × 2 м и разделявших их тамбуров размерами 3 × 1 и 3 × 0.5 м. Новым, сравнительно с раскопом Е.А. Шмидта, было обнаружение очагов, представлявших собой линзы песка округлой в плане формы диаметром около 1 м и толщиной в средней части до 0.15 м (рис. 2, *3, 4*). Песок очагов имел следы прокаливания, основание очажной линзы темное – «пропеченное». Очевидно, что у очагов были бортики из органических материалов, которые проследить не удалось. К очагам примыкали «полы» в виде тонких прослоек золы, угля или коричневатой органики, перекрытых серой углистой супесью – «грязью», накопившейся в постройке. Толщина этого «слоистого пирога» – около 80–90 см. В восточном профиле кв. 270 (рис. 2, 1) хорошо видно, что в верхней части нижнего слоя также располагался очаг, но он был сильно переработан в процессе формирования вышележащего черного слоя (в этом объяснение выявления в черном слое древних дат).

Ритмика прослоек нижнего метра культурного слоя позволяет предполагать континуальность его накопления в интервале около 400–500 лет. Вышележащий черный слой имел совершенно иную структуру, в нем отсутствовала слоистость, его нижняя граница была неровной, фиксировались внедрения ям и западин, прорезавших слоистую толщу под ним. Создается впечатление, что был некоторый перерыв в накоплении слоя между нижним слоистым горизонтом и «черным слоем» большого дома. Судя по радиоуглеродным датам, это перерыв приходится на первые века н.э. или эпоху римских влияний. Возможно, это наблюдение валидно лишь для восточной части памятника, которую мы изучали.

План «большого дома». Мы повторили работу Е.А. Шмидта по сведению вместе чертежей раскопов разных лет и добавили материалы новых раскопок

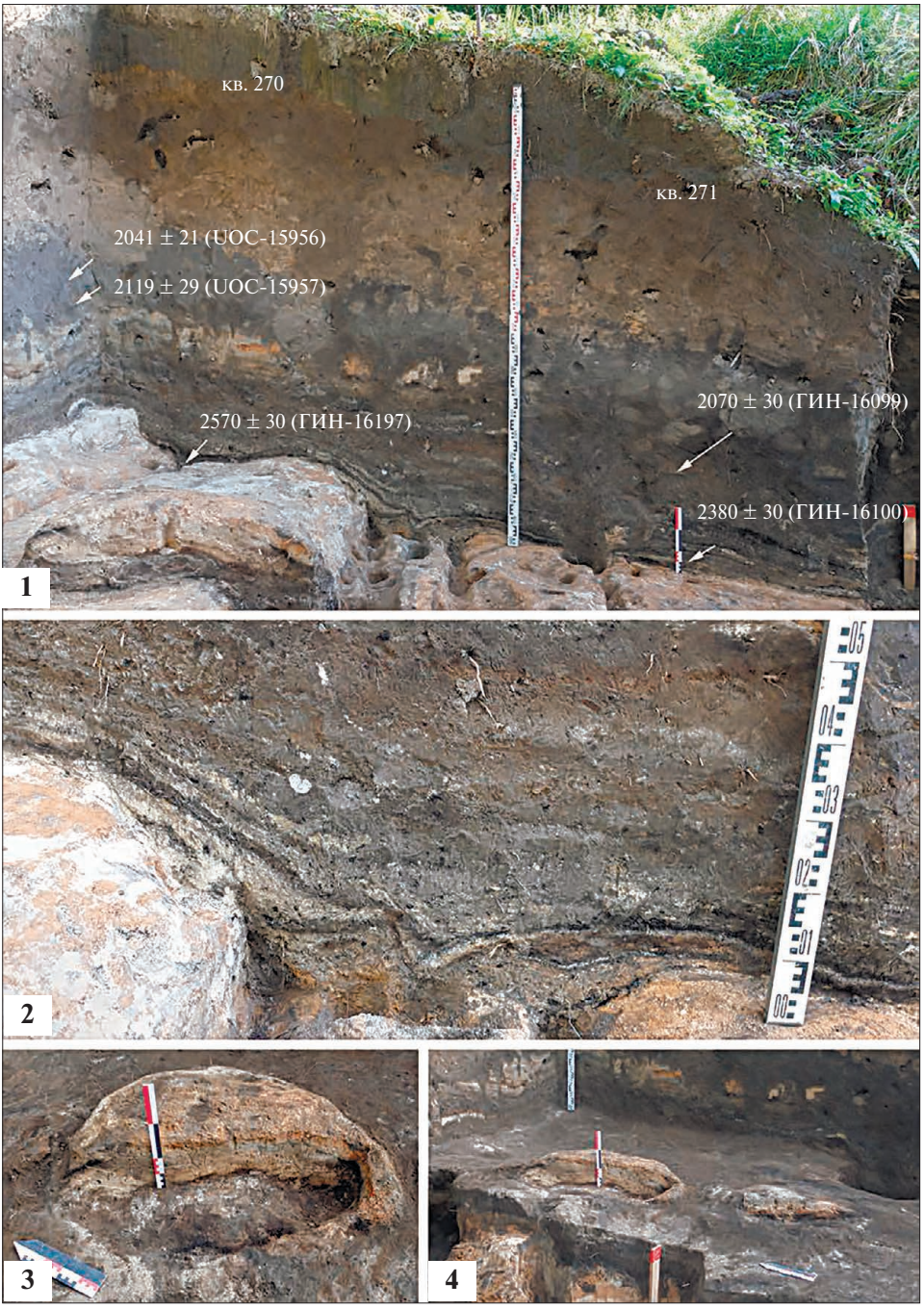

Рис. 2. Стратиграфические разрезы и очаги. 1 – профиль восточного борта кв. 270 и 271; 2 – фрагмент нижней части того же профиля; 3 – очаг в кв. 270 крупным планом; 4 – зачистка на уровне пола, примыкавшего к очагам, расположенным в двух соседних помещениях.

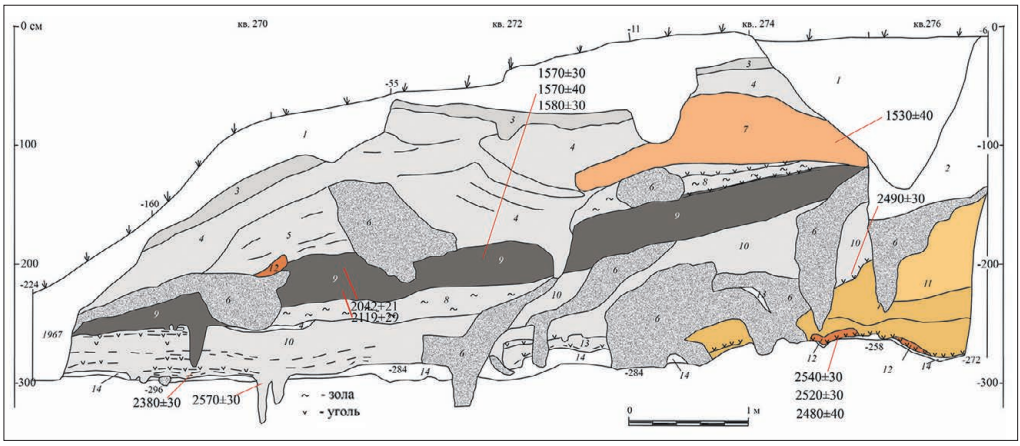

Рис. 3. Профиль северного борта раскопа 2020–2022 гг. Обозначение слоев: 1 – поздние перекопы, отвалы раскопов; 2 – яма охотников; 3 – темно-серая погребенная почва XX в.; 4 – бурая супесь; 5 – светло-бурая супесь; 6 – норы барсуков; 7 – ярко-бурый суглинок насыпи вала; 8 – светло-серый золистый слой; 9 – темно-серая супесь (черный слой "большого дома"); 10 – серая супесь; 11 – бурый суглинок насыпи вала; 12 – прокаленный суглинок; 13 – мешаный материковый выброс (светло-бурый суглинок); 14 – подзол. Условные обозначения: а – зола; б – уголь.

(рис. 1). Для этого использовались беловые чертежи «большого формата», сданные автором на хранение в архив Института археологии РАН в Москве, а также полевые чертежи, выполненные на миллиметровке, хранящиеся в архиве Смоленского государственного музея-заповедника.

В первую очередь принципиально важно было понять, какие параметры имели столбы, составлявшие каркас дома. Можно отметить, что все столбы были установлены в специальные ямы, имевшие существенно больший размер, нежели сами столбы (в этом отличие от конструкций раннего железного века, где опорные столбы обычно забивали в грунт). Большинство столбов не оставило никаких следов, сохранились лишь ямы, но на некоторых участках удалось проследить остатки столбов с обугленной внешней кромкой. Вероятно, это не результат пожара, а преднамеренное обугливание столбов для предотвращения гниения и повышения срока их службы. Столбы хорошо видны на фотографиях и чертежах раскопа 1964 г. (рис. 4, *1–3*).

Для примера выбраны столбовые ямы со следами столбов в кв. 52 и 53. По этим материалам можно установить, что столбы имели диаметр около 30–40 см. Столбовая яма на границе кв. 227 и 228 имеет большое значение для реконструкции плана всего сооружения. В раскоп 1967 г. вошла лишь незначительная часть этой ямы. В 2020 г. она была исследована полностью (рис. 4, *4, 5*). Яма важна тем, что соединяет северную и южную двойные линии столбов, доказывая, что они были элементами одной конструкции. В этой яме обуг-

ленные остатки столба не сохранились, но удалось проследить различия в заполнении столбовой ямы и места, на котором стоял сам столб. Заполнение столбовой ямы включало дисперсные комочки материкового суглинка светло-бурого цвета, тогда как сам столб заместился однородной серо-бурой супесью. Размеры столба близки к указанным выше. Очевидно, что яма под столб копалась лопатой, дно ее было плоским и ровным.

Раскопки 2020–2022 гг. выявили еще четыре аналогичных столба с обугленной внешней поверхностью (по ним получены радиоуглеродные даты). Диаметр раскопанных нами столбов – 22– 26 см. Положение столбов на плане допускает их интерпретацию как сооружения «входной группы», что-то вроде тамбура с восточного торца постройки. Пятый столб, попавший в профиль северного борта раскопа, диаметром 15 см (рис. 3) стратиграфически связан с большим домом, но был забит в землю, а не вкопан. Может быть, он не относился к «большому дому», но возможно предположение, что конструкция дома была сложнее, включала как вкопанные, так и забитые в землю столбы. Последние гораздо труднее зафиксировать. Описываемый столб был обнаружен потому, что попал в профиль борта раскопа.

Общий план столбов «большого дома» передан в публикации Е.А. Шмидта (1970) точно, исключение составляет самый западный столб, который, возможно, не относился к постройке, и, соответственно, вся она не имела такого острого завершения. Кроме этого сравнение публикации с материалами полевых чертежей показывает, что в центральном нефе были также зафиксированы очажные развалы камней, которые еще раз свидетельствуют в пользу гипотезы о единой постройке.

Палеопочвоведческие исследования. В раскопе, вскрывшем часть вала в кв. 270, прослеживаются пять стратиграфических уровней, которые отчетливо различаются по морфологии, составу, генезису, хронологии и характеризуют основные этапы развития городища. С целью выяснения состава и хронологии почв и отложений выполнены анализы по образцам, отобранным в 2020 г. (рис. 5).

Выделяется пять слоев отложений. С тремя из них связаны почвы. В основании наслоений залегает подзолистая почва, сформированная в течение голоцена в кровле отложений позднего плейстоцена (I). Верхние горизонты профиля (гумусовый и подзолистый) эродированы, сохранились срединные горизонты BEL и BT.

Выше залегают два слоя – РЖВ (II) и Dark earth (DE) (III), очевидно, времени сооружения «большого дома». Слой РЖВ (раннего железного века), мощностью около 60 см, слоистый, насыщен золой и обломками угля, также имеется примесь песка, что напоминает Дьяково городище. Зола хорошей сохранности, с ней связано высокое содержание пирогенных карбонатов, проявляющееся в бурном вскипании от соляной кислоты (10% HCl).

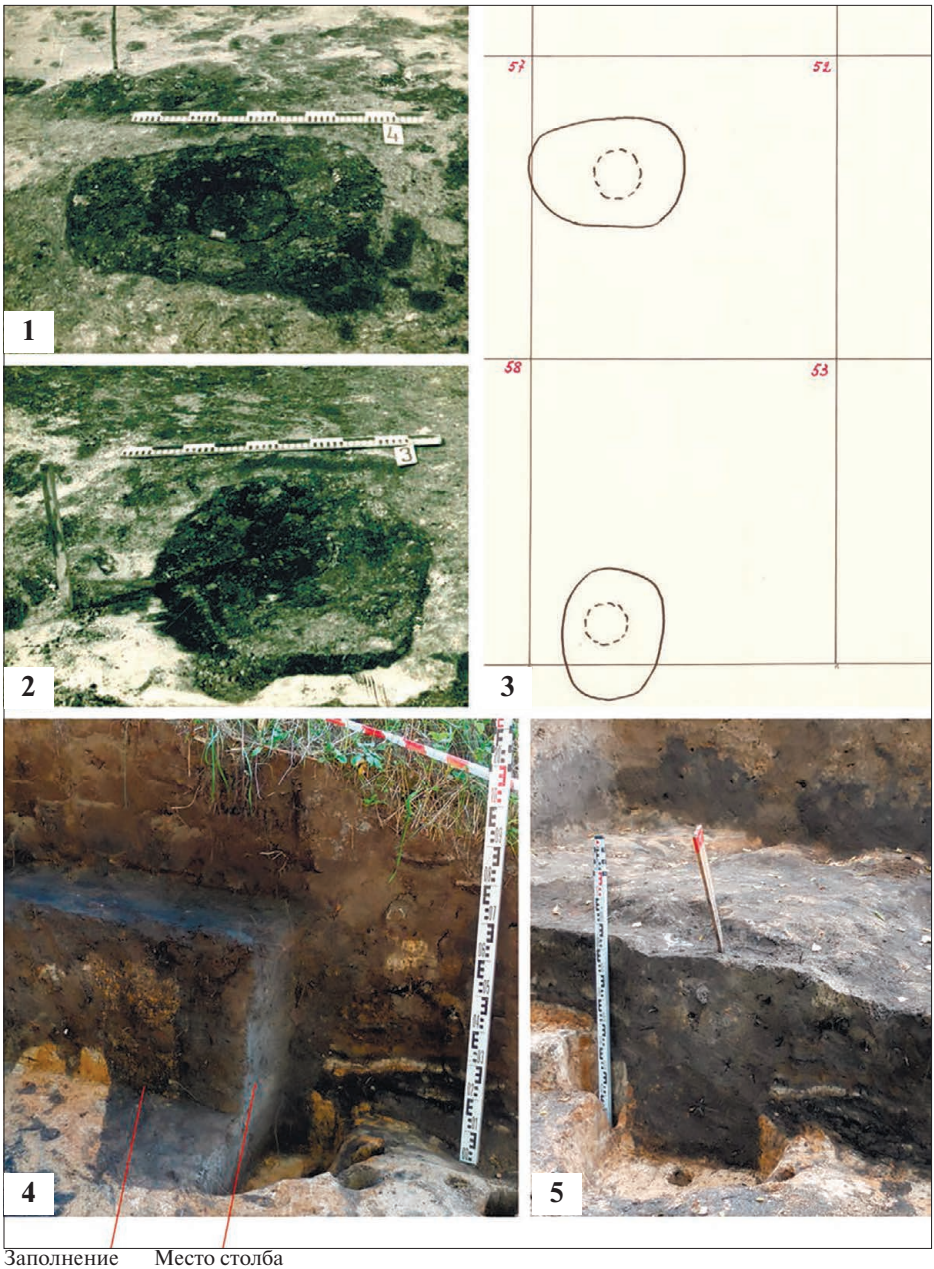

Рис. 4. Столбы "большого дома" на городище Демидовка. 1, 2 – фото столбовых ям, в которых видны контуры обугленных столбов в кв. 52 и 53; 3 – фрагмент чертежа, где изображены те же столбовые ямы; 4, 5 – разрезы столбовой ямы на границе кв. 227/228 и 270/ 271 (заполнение столбовой ямы – с кусочками светлой глины, фото 2020 г.). 1–3 – по: Шмидт, 1964.

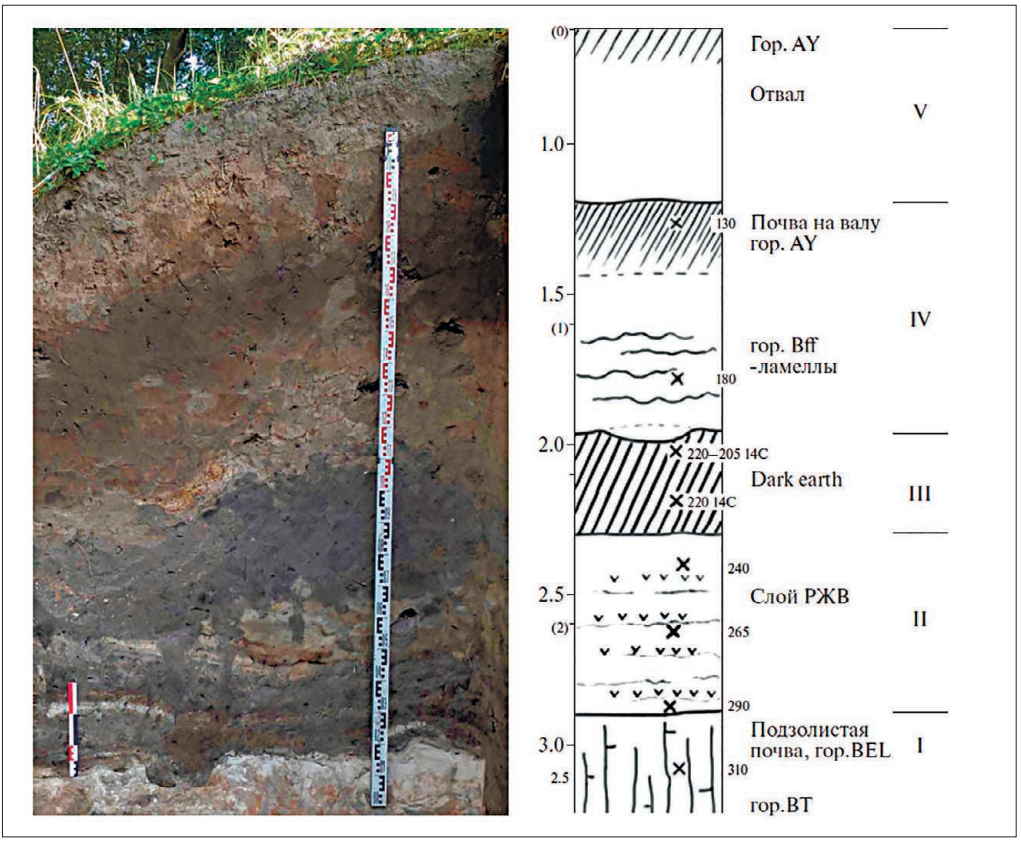

Рис. 5. Строение вала городища (кв. 270, северная стенка). Обозначения: I – исходная почва (подзолистая); II – слой РЖВ; III – темно-серый слой (Dark earth); IV – вал городища и почва на нем; V – отвал Е.А. Шмидта 1950–1960-х гг.; x – место отбора образцов.

Вышележащий слой III – Dark earth, совсем другой. Гомогенный, темно-серый, от HCl не вскипает. Несмотря не темную окраску угольков в нем нет или они чрезвычайно редкие. Переход между слоями II и III достаточно резкий, без признаков почвообразования. Поверхность раздела между II и III наклонена, поэтому не исключена вероятность развития в то время эрозионных процессов. Наклон поверхности обусловлен наличием вала под слоем РЖВ, и этот ранний вал насыпан из материала, аналогичного слою I, а также из углистого материала слоя РЖВ.

Слой IV представляет собой насыпь вала, сложенного из отложений ледникового периода, взятых в основном из рва. Имеется слабая примесь гумусированного материала. Поверхность вала стояла долго, около 1500 лет, и за это время на ней сформировалась хорошо развитая почва. Верхняя часть вала превратилась в гумусовый горизонт (AY – серо-гумусовый) почвы мощностью около 25 см; нижележащая его часть мощностью около 0.5 м – в иллю-

виальный горизонт Bff, представленный псевдофибрами (ламеллами). Граница между этими двумя горизонтами (AY и Bff) характеризуется постепенным переходом, что свойственно именно почвенным горизонтам, и отличается от резких переходов между литологическими слоями (I–V). Подобные почвы формируются под лесом, однако интенсивность процессов оподзоливания на валу была невысокой, что обусловлено ксероморфными (сухими) условиями, создающимися на повышениях рельефа в результате оттока атмосферной влаги. Почву можно назвать скрытоподзолистой псевдофибровой.

Сверху залегает отвал Е.А. Шмидта (раскопки 1950–1960-х годов). На нем за 60 лет образовалась почва, представленная гумусовым горизонтом AY толщиной 10–15 см.

По колонке из восьми образцов и еще в двух образцах из восточного профиля кв. 270 проведено определение потери при прокаливании (ППП) в двух режимах: потери при 550°C показывают содержание органического углерода; потери при 950°C, за вычетом потерь при 550°C, отражают содержание неорганического углерода, в основном карбонатов (с примесью небольшого количества некоторых других субстанций). Также по данным рентген-флуоресцентного метода определено содержание элементов: фосфора, кальция, меди и цинка, имеющих большое значение при анализе культурного слоя древних поселений.

По приведенным шести показателям культурные слои II и III характеризуются высоким содержанием органического углерода, фосфора, кальция, меди и цинка (табл. 2). Причем наиболее высокими концентрациями данных субстанций выделяются образцы из слоя раннего железного века (РЖВ). В лежащем выше темно-сером слое (DE) также высоко содержание органического вещества, меди и цинка; высоко, но несколько ниже – содержание фосфора и кальция. Значения $ППП_{550–950^{\circ}}$ в слое DE заметно ниже, чем в слое РЖВ, и связано это с отсутствием в нем золы и пирогенных карбонатов, вместе с тем они несколько выше, чем в слоях I и IV, что обусловлено присутствием в DE некоторых других субстанций. Возможно, это остатки кости (жженой?), на что указывает совместное повышенное содержание фосфора и кальция, при отсутствии карбонатов. Вообще четкая взаимосвязь содержания фосфора и кальция может свидетельствовать о присутствии остатков кости в проанализированных пробах.

История формирования отложений была следующей. В голоцене на покровных суглинках позднего плейстоцена на придолинном склоне под лесной растительностью сформировалась подзолистая (дерново-подзолистая) почва. Эрозионные процессы привели к формированию мысообразного останца, на котором в раннем железном веке возникло городище. Деятельность человека привела к тому, что верхняя часть почвы (гумусовый и подзолистый горизонты) была эродирована, но не более чем на 20–30 см.

Таблица 2. Результаты определения потери при прокаливании и содержания элементов (кв. 270: северная стенка; два образца – восточная)

Место взятия образца, слой, глубина	ППП 550°	ППП 550-950°	P	Ca	Cu	Zn
	%	%	%	%	мг/кг	мг/кг
AY, 70. Почва на валу	2,81	0,56	0.37	1.01	21	71
Bff, 120. Вал	1,45	0,72	0.29	0.68	15	39
DE, 200-210	**4,72**	**1,29**	**2.05**	**3.00**	**62**	**221**
DE, 220	**5,88**	**1,47**	**2.83**	**4.54**	**71**	**214**
$КС_{РЖВ}$CA 245	1,41	**5,16**	**7.19**	**12.05**	**78**	**330**
$КС_{РЖВ}$CA 265	**5,63**	**2,82**	**3.80**	**5.99**	**155**	**287**
$КС_{РЖВ}$CA 285	**5,66**	**3,14**	**4.05**	**6.51**	56	**195**
$КС_{РЖВ}$CA 290 Восточная стенка	**5,80**	**2,90**	**5.35**	**7.77**	**69**	**166**
$КС_{РЖВ}$CA300 Восточная стенка	**7,81**	**2,34**	**2.89**	**4.83**	46	107
BEL 310 Подзол	0,80	0,53	0.61	0.96	16	37

Примечания: ППП 550° показывает содержание органического углерода, ППП 550–950° – карбонатов, DE – Dark earth, $КС_{РЖВ}$CA – горизонт карбонатный, вскипает от HCL, п/ж шрифтом выделены повышенные значения содержания субстанций, дополнительно курсивом – незначительно повышенные значения.

На срезанной поверхности почвы отложился культурный слой РЖВ мощностью около 60 см. Данный слой не имеет темной гумусовой окраски, достаточно высокое содержание органического вещества в нем обеспечивается присутствием древесного угля. В верхнем культурном слое (Dark earth) по наблюдениям Е.Г. Ершовой несмотря на темный цвет органическое вещество и древесный уголь практически отсутствуют. Тем не менее определения потери при прокаливании показывают, что содержание органического вещества в этом слое высокое (для выяснения состава и генезиса слоя DE необходимо провести его микроморфологический анализ).

Граница, разделяющая эти два слоя (II и III), залегает под наклоном, что определяется наличием под слоем РЖВ повышения рельефа (вал). Также хорошая сохранность карбонатов в слое РЖВ свидетельствует об отсутствии длительных перерывов между этапами заселения II и III. В связи с этим в данное время не было длительного стояния поверхности в естественных условиях, что обычно сопровождается развитием почвообразования. Также не исключено, что поверхность, разделяющая эти слои, подчеркнута эрозионными явлениями. Кроме того, не исключена возможность переработки слоя DE почвообразовательными процессами (что характерно для Dark earth) и включением в его состав материала слоя РЖВ.

Затем поверхность DE была перекрыта валом. После того как городище было заброшено (в VI в. н.э.) на поверхности вала под лесной растительностью за время более 1000 лет сформировалась дерново-подзолистая

псевдофибровая почва. В 60-е годы XX в. вал был перекрыт отвалом, на котором сформировалась дерновая почва.

Коллекция керамики из раскопок Е.А. Шмидта 1950–1960-х годов хранится в Смоленском государственном музее-заповеднике и насчитывает более 14 тыс. фрагментов, в том числе целых форм не менее 14. Эта коллекция соответствует трем основным хронологическим группам периодизации «древних городищ Смоленщины», разработанной П.Н. Третьяковым на материалах городища Тушемля и развитой Е.А. Шмидтом (Третьяков, Шмидт, 1963; Шмидт, 1992, 2003). В последние годы коллекция заново изучена в полном объеме. Керамика в большинстве своем грубая, с примесью крупной дресвы. В нижнем горизонте преобладают формы, относящиеся к днепро-двинской культуре раннего железного века, в целом широко датируемые VIII в. до н.э. – началом н.э. (рис. 6, *1–3*). Они относительно тонкостенны, многие имеют заметные шейку и плечико под вертикальным венчиком. Обращают на себя внимание фрагменты с гребенчатым орнаментом и более плавным профилем (рис. 6, *1*), относящиеся к началу указанного хронологического интервала.

Выше залегает керамика типа «среднего слоя городища Тушемля» первых веков н.э. (рис. 6, *4–6*). Ясно выраженного стратиграфического горизонта, связанного с нею, на Демидовке нет. Она более толстостенна, имеет отогнутый наружу край, орнаментирована ногтевыми вдавлениями или насечками.

Наиболее представительны материалы верхнего горизонта. У крупных сосудов толщина стенок до 10 мм. Сосуды делятся на две основные группы: грубые, слабопрофилированные, с расширением около середины высоты (рис. 7, *1, 3*); улучшенной выделки (гладкая поверхность, относительно мелкая дресва), по форме – чаще всего с ребром, которое во многих случаях имеет вид оттянутого валика (рис. 7, *2, 4, 7*). Эти формы находят аналогии в материалах городища Колочин (Лопатин, 1989) и в целом колочинской культуры. Новейшее полное исследование коллекции позволило выявить дополнительные существенные особенности керамики верхнего горизонта. В частности, это серия сосудов с высоко расположенным валиком, имеющим декоративную функцию, т.е. не отмечающим ребристый перегиб тулова (рис. 7, *6, 7*). Такие формы являются связующим звеном с керамикой типа селища Узмень и псковских длинных курганов (Лопатин, Фурасьев, 2007. Рис. 45, *5*; 47, *3, 5*; 115, *3, 4*; 127, *5*, 129, *4*). Небольшая серия фрагментов, декорированных расчесами гребнем (рис. 7, *5*), указывает на присутствие культурного элемента типа Заозерье – не позже V в. н.э. (Лопатин, Фурасьев, 2007. С. 64, 65. Рис. 18).

Археозоологические данные. Анализировалась коллекция из двух квадратов (270 и 271), определимых костей оказалось немногим более 150 (табл. 3), что позволяет сделать лишь предварительные выводы. Существенно большая коллекция была определена В.И. Цалкиным и В.П. Данильченко по материалам раскопок Е.А. Шмидтом городища Демидовки (Шмидт, 1992. С. 63) – всего 4990 определимых костей. Однако некоторые наблюдения над новым

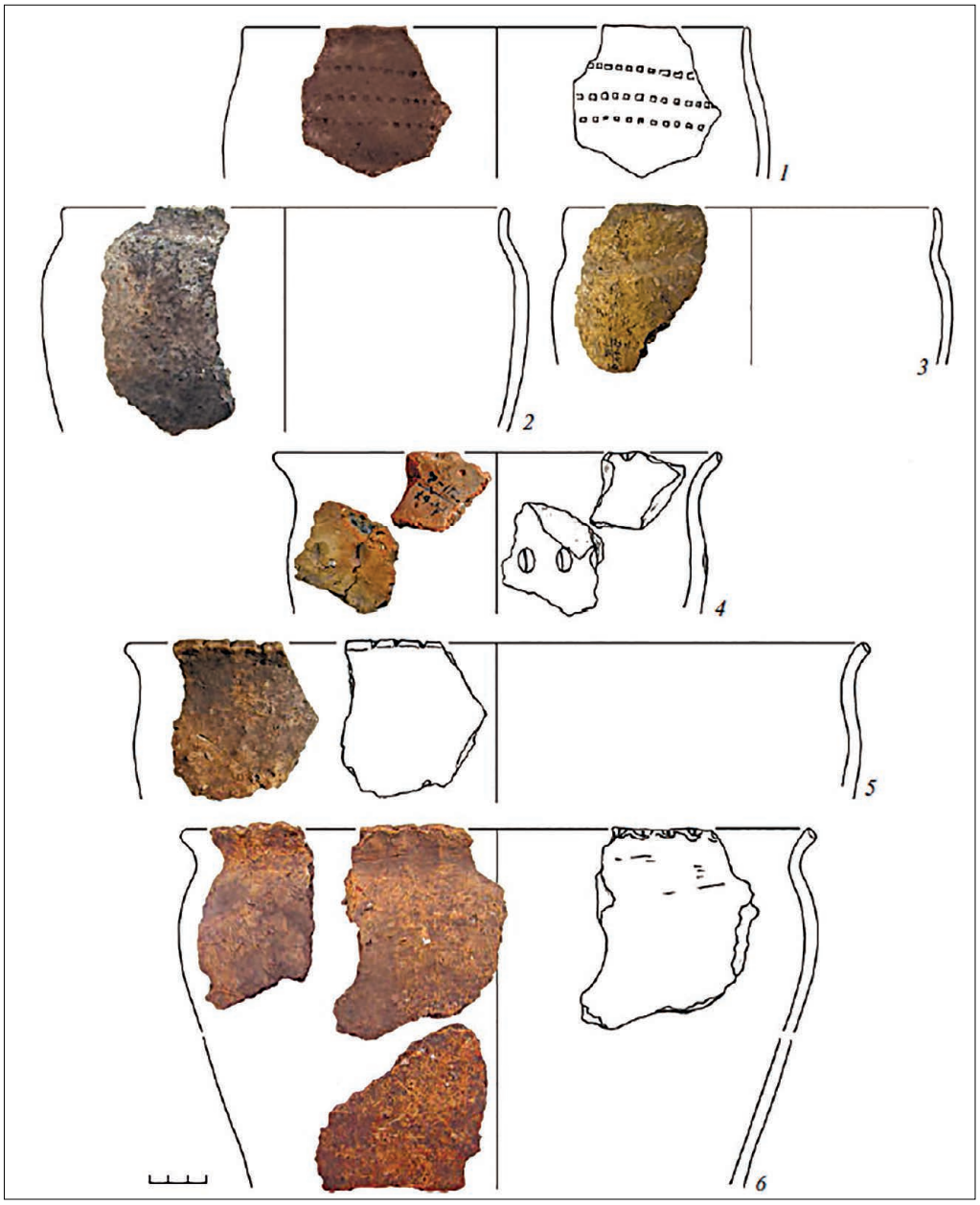

Рис. 6. Керамика (1–6) двух ранних групп городища Демидовка. Фонды Смоленского музея-заповедника. Рис. Н.В. Лопатина и В.В. Бегуновой, фото В.В. Бегуновой.

Рис. 7. Керамика (1–7) верхнего горизонта городища Демидовка. Фонды Смоленского музея-заповедника. Рис. Н.В. Лопатина и В.В. Бегуновой, фото В.В. Бегуновой.

Рис. 8. Находки из верхнего слоя городища Демидовка. 1 – псалий; 2 – хомут для крепления узды к псалию; 3 – бритва; 4 – шпора; 5–9 – стрелы; 10 – подвеска. 1–9 – железо; 10 – бронза. Реставрация: В.А. Волков, М.В. Лавриков.

материалом представляются важными. В составе видов домашних животных очень незначительно представлена лошадь. Это касается слоя раннего железного века, и особенно горизонта эпохи переселения народов. В соседних культурах лесной зоны Восточной Европы кости лошади встречаются чаще. Не фиксировались ранее на памятниках Смоленщины в слоях эпохи переселения народов кости домашней кошки и курицы. Новые материалы, как и данные предшественников, показывают, что количество костей бобра на городище Демидовка существенно уступало, например, коллекции с городища Дьяково на Москве-реке. Для эпохи переселения народов эта разница особенно значительна (Кренке, 2011. С. 166). Видимо, численности популяций бобра в Поднепровье были существенно подорваны человеком.

Табл. 3 Остеологические данные по кв. 270 и 271 (раскопки 2020 г.)

Название вида	Латинское название	Нижний слой городища VII-I вв. до н.э.	Верхний слой IV-VI вв. н.э.	Стратиграфия не ясна
Белка	Sciurus vulgaris	5	–	–
Речной бобр	Castor fiber	2	–	–
Водяная полевка	Arvicola amphibius	–	1	–
Заяц	Lepus sp.	12	2	9
Обыкновенный еж	Erinaceus europaeus	1	–	–
Обыкновенный крот	Talpa europaea	1	–	–
Домашняя кошка	Felis catus	–	3	2
Лисица	Vulpes vulpes	1	1	3
Черный хорек	Mustela putorius	–	1	–
Барсук	Meles meles	1	–	1
Бурый медведь	Ursus arctos	–	1	–
Лошадь	Equus caballus	1	–	1
Кабан	Sus scrofa	1	–	–
Свинья	Sus scrofa domestica	31	9	5
Корова	Bos taurus	14	4	6
Мелкий рогатый скот	Ovis/Capra	24	11	10
Благородный олень	Cervus elaphus	4	–	–
Определенные млекопитающие		97	34	38
Не определенные млекопитающие	Mammals unident.	873	193	120
Домашняя курица	Gallus gallus		3	4
Тетерев	Lyrurus tetrix	1	–	–
Галка	Corvus monedula	–	1	–
Птицы неопределенные	Aves	2	1	–

Рыба	Pisces	4	–	–
Амфибии	Amphibia	–	1	–
Всего костей		977	233	163
Из них обуглено		234	59	10

Итак, серия радиоуглеродных дат доказывает, что поселение на площадке городища существовало весьма долго, в интервале VIII (VII) в. до н.э. – VI в. н.э. При этом характер использования пространства памятника кардинально менялся.

Коллекция керамики и серия радиоуглеродных дат позволяют выделить основные периоды существования поселения: 1) VIII (VII)–III вв. до н.э.; 2) рубеж эр; 3) IV в. н.э.; 4) V–VI вв. н.э. Возможно, что периоды 3 и 4 следует объединить.

Новые материалы, полученные при исследованиях 2020–2022 гг., позволяют с большей надежностью утверждать, что на городище Демидовка на позднем этапе его функционирования существовал «большой дом» размерами 40 × 12 м (с учетом «тамбура») трехнефной планировки, который датируется V в. н.э. С функционированием этого дома связано формирование «черного слоя» толщиной до 30 см, прослеженного на всей площадке городища. Обстоятельства гибели постройки не вполне ясны. Утверждения о катастрофическом штурме и пожаре, имеющиеся в литературе, – это лишь предположения, которые могут быть поставлены под сомнение. Следы пожара постройки отсутствуют, нет и человеческих костей.

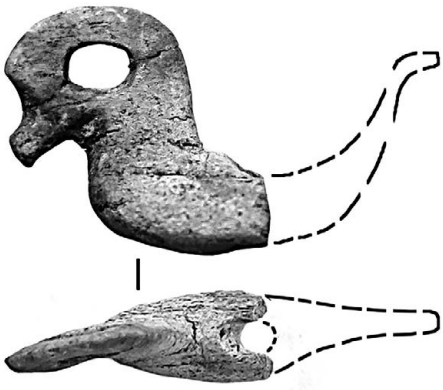
Оборонительная конструкция по периметру площадки в виде стены из клетей, вероятно, очень близка по возрасту «большому дому», но была построена позже, на что указывают стратиграфические данные. Разрыв в возрасте не может превышать нескольких десятилетий, судя по радиоуглеродным датам.

Насыщенность площадки памятника и его склонов оружием (стрелы, копья) и предметами снаряжения всадника (шпоры, псалий[1]) очень велика (рис. 8), что указывает на военизированный характер жителей поселения и их участие в конфликтах в эпоху переселения народов. Однако реконструкция конкретных исторических событий на этом основании пока преждевременна.

Авторы благодарят за помощь сотрудников архива ИА РАН А.А. Кудрявцева и С.А. Володина.

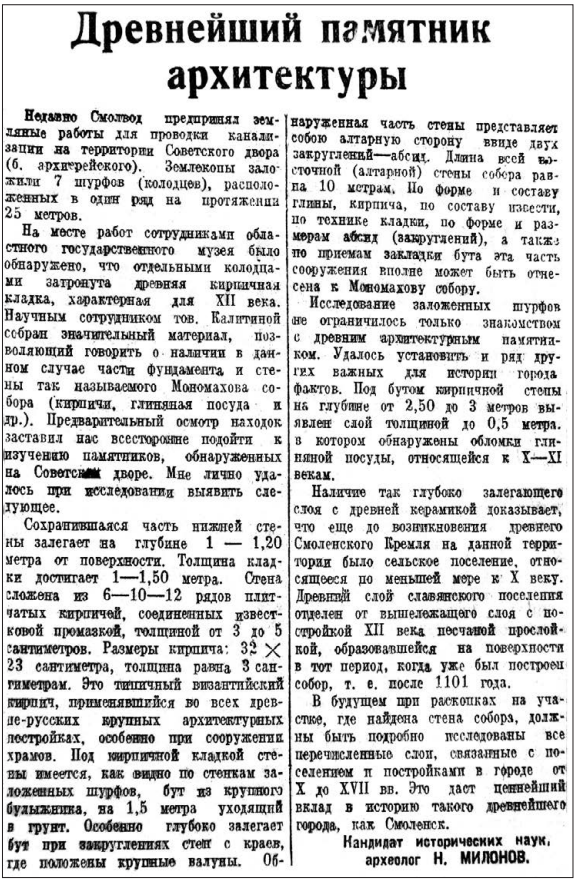
[1] В 2022 г. в мешаном верхнем слое был найден стержневидный железный псалий с В-образной скобой для крепления удил (рис. 7) V–первой половины VI в. н.э. с рифлением всего стержня, за исключением центральной части, где крепилась фигурная скоба, и изогнутой полиэдрической головкой, аналогичный находкам на поселении Куриловка 2 в Курской области (Родинкова, 2020. Рис. 1), на Северном Кавказе в Прикубанье в готском могильнике Дюрсо (Казанский, 2020), могильнике Ксизово 19 на Дону (Обломский, Козмирчук, 2015), рязано-окских могильниках (Ахмедов, 2007. С. 149, 150; здесь литература, указывающая на европейские аналогии). В-образная скоба на псалиях встречается в широком ареале Римской империи (Храпунов, Казанский, 2015. С. 182). В Демидовке был найден также хомут, крепивший узду к псалию (рис. 7, *2*).

II. ДРЕВНЕЙШИЙ СМОЛЕНСК VIII–IX ВВ.

Н. А. Кренке

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ 1939 Г. НА СОБОРНОЙ ГОРЕ СМОЛЕНСКА[1]

Древнейший памятник архитектуры

Недавно Смолводоканал предпринял земляные работы для проводки канализации на территории Советского двора (б. архиерейского). Землекопы заложили 7 шурфов (колодцев), расположенных в один ряд на протяжении 25 метров.

На месте работ сотрудниками областного государственного музея было обнаружено, что отдельными колодцами затронута древняя кирпичная кладка, характерная для XII века. Научным сотрудником тов. Калитиной собран значительный материал, позволяющий говорить о наличии в данном случае части фундамента и стены так называемого Мономахова собора (кирпичи, глиняная посуда и др.). Предварительный осмотр находок заставил нас всесторонне подойти к изучению памятников, обнаруженных на Советском дворе. Мне лично удалось при исследовании выявить следующее.

Сохранившаяся часть нижней стены залегает на глубине 1 — 1,20 метра от поверхности. Толщина кладки достигает 1—1,50 метра. Стена сложена из 6—10—12 рядов плитчатых кирпичей, соединенных известковой промазкой, толщиной от 3 до 5 сантиметров. Размеры кирпича: 32 × 23 сантиметра, толщина равна 3 сантиметрам. Это типичный византийский кирпич, применявшийся во всех древне-русских крупных архитектурных постройках, особенно при сооружении храмов. Под кирпичной кладкой стены имеется, как видно по стенкам заложенных шурфов, бут из крупного булыжника, на 1,5 метра уходящий в грунт. Особенно глубоко залегает бут при закруглениях стен с краев, где положены крупные валуны. Обнаруженная часть стены представляет собою алтарную сторону ввиде двух закруглений—абсид. Длина всей восточной (алтарной) стены собора равна 10 метрам. По форме и составу глины, кирпича, по составу извести, по технике кладки, по форме и размерам абсид (закруглений), а также по приемам закладки бута эта часть сооружения вполне может быть отнесена к Мономахову собору.

Исследование заложенных шурфов не ограничилось только знакомством с древним архитектурным памятником. Удалось установить и ряд других важных для истории города фактов. Под бутом кирпичной стены на глубине от 2,50 до 3 метров выявлен слой толщиной до 0,5 метра, в котором обнаружены обломки глиняной посуды, относящейся к X—XI векам.

Наличие так глубоко залегающего слоя с древней керамикой доказывает, что еще до возникновения древнего Смоленского Кремля на данной территории было сельское поселение, относящееся по меньшей мере к X веку. Древний слой славянского поселения отделен от вышележащего слоя с постройкой XII века песчаной прослойкой, образовавшейся на поверхности в тот период, когда уже был построен собор, т. е. после 1101 года.

В будущем при раскопках на участке, где найдена стена собора, должны быть подробно исследованы все перечисленные слои, связанные с поселением и постройками в городе от X до XVII вв. Это даст ценнейший вклад в историю такого древнейшего города, как Смоленск.

Кандидат исторических наук, археолог Н. МИЛОНОВ.

Рис. 1. Страница газеты «Рабочий путь» от 4 января 1940 г. со статьей Н.П. Милонова

Археологическое открытие Смоленска шло на редкость трудно. Более 100 лет в науке господствовала гипотеза, высказанная в 1905 г. А.А. Спицыным (*Спицын,* 1905. С. 7), что древнейшим Смоленском являлось поселение в Гнёздове. Эту версию можно встретить в трудах таких маститых исследователей (археологов и историков), как Ф.А. Андрощук, Т. Арне, И.И. Ляпушкин, А.Н. Насонов, Е.А. Шмидт и др. Она опиралась на утверждение, что в центре Смоленска не было найдено материалов древнее XI в. Следует отметить, что этот тезис был оспорен еще в 1940 г., однако, при отсутствии вещественных доказательств, оставался под спудом. Рассмотрим спорную ситуацию детальней.

При наблюдениях за прокладкой коммуникаций на Соборной горе Смоленска поздней осенью 1939 г. был обнаружен культурный слой с находками конца I тыс. н.э. Авторы этих работ (Н.П. Милонов, держатель открытого листа, Е.А. Калитина, К.М. Поликарпович) правильно датировали найденную в основании культурного слоя керамику. Важнейшие научные результаты были изложены в научном отчете, направленном в Институт истории материальной культуры АН СССР в Ленинград, а также представлены в публикациях. В том числе сразу после окончания раскопок 4 января 1940 г.

[1] Статья опубликована в журнале «КРай Смоленский», 2024, № 11, с. 29–33.

вышла статья Н.П. Милонова в смоленской газете «Рабочий путь» (рис. 1)[1]. В этой газетной заметке, написанной спустя всего месяц после окончания раскопок, Н.П. Милонов предполагал, что керамика из нижнего слоя датируется X–XI вв. (*Милонов,* 1940). В научном отчете, который был написан позже (публикуется ниже), исследователь уже более внимательно изучил материал, его датировка скорректирована. Автор отчета находил сходство керамики, обнаруженной в Смоленске, с керамикой типа Банцеровского городища в Белоруссии и, соответственно, предложил другую дату – середина I тыс. н.э. Текст отчета показывает колебания автора относительно датировки. Так, на странице 9 поверх печатного текста с указанием на датировку керамики IX в. чернилами написано иное – «середина I тыс. н.э.». Но страницей ниже, а также в итоговом выводе снова предлагается дата IX в. Вероятно, эта датировка объясняется тем, что первое летописное упоминание Смоленска относится к IX в. Возможно, были какие-то дискуссии с коллегами относительно датировки лепной керамики, этим объясняется чернильная правка текста отчета.

В осенне-весенний сезон 1940/1941 г. (точная дата доклада неизвестна) на заседании археологической секции НИИ краеведческой и музейной работы был прочитан доклад Н.П. Милонова «О результатах исследований в г. Смоленске на территории Кремля». Сам доклад не сохранился, опубликован лишь краткий реферат в статье В.А. Тихомировой. В реферате указано, что докладчик сообщил о том, что в одном из шурфов под кладкой церкви «выявлен культурный слой, содержащий лепную неорнаментированную керамику VI–IX вв. н.э. Этот факт свидетельствует о том, что поселения на территории древнего Смоленска возникли гораздо раньше, чем сложился феодальный город» (*Тихомирова,* 1948. С. 11).

Коллекция 1939 г. была утрачена в ходе военных действий. В письме 1942 г. Карл Энгель так описал ситуацию в Смоленском музее: «К сожалению, в результате расхищений, которые начались в ходе боевых действий, практически вся коллекция была уничтожена...» (*ЦГВАО Украины*, ф. 3676, оп. 1, д. 153, л. 473). Возможно, рисунки лепной керамики, найденной в Смоленске, демонстрировались на докладе в Москве в НИИ краеведения, но пока они не обнаружены. Можно примерно представить, о чем там могла идти речь. Н.П. Милонов, видимо, был знаком с публикацией А.Н. Лявданского, в которой представлены фотографии горшков с городища Банцеровщина (*Лявданский,* 1932. №7-8. С. 54-61).

В последующие годы работы на Соборной горе были продолжены. В 1964–1965 гг. раскопки вели Н.Н. Воронин и П.А. Раппопорт, в 2021–2022 гг. – автор данной публикации. В результате были найдены значительные материалы, которые подтвердили правильность выводов исследователей 1939 г. На Собор-

[1] Автор благодарит Ю.Н. Шорина за предоставленную вырезку из газеты со статьей Н.П. Милонова.

ной горе существовало поселение V–VI вв., но особенно интенсивно здесь шла жизнь в VIII–IX вв. Коллекции из этих раскопок хранятся в Смоленском государственном музее-заповеднике, они опубликованы в научных изданиях (*Кренке,* 2020. С. 30–48). Можно сказать, что утрата восполнена с лихвой.

Н.П. Милонов, видимо, ошибался, считая, что обнаруженная им церковь являлась Успенским собором, построенным в 1101 г. Этот вопрос был подробно рассмотрен Н.Н. Ворониным и П.А. Раппопортом (*Воронин, Раппопорт*, 1979. С. 25–36). Также характерна ошибка археолога, стремящегося обязательно привязать археологические данные к письменным свидетельствам. Обнаруженные в 1939 г. Следы «ошлаченных» плинф совсем не являются подтверждением факта взрыва Успенского собора. Это просто строительный брак или локальный пожар. Как следует из письменных источников, стены «Мономахова» собора были разобраны лишь в конце XVII в. перед строительством нового здания церкви (*Вдовиченко,* 2007. С. 134–148).

Авторы раскопок 1939 г. в полной мере осознали научную значимость полученных результатов. Это, в частности, следует из необычного для научных отчетов названия документа, отосланного в АН СССР. Обычно отчеты озаглавливались просто: «Отчет о...», здесь же название отчета начинается со слов «Ценные археологические памятники...» Показательно также, что в заключении отчета сделан вывод о том, что территория Соборной горы должна тщательно систематически археологически обследоваться и здесь нужно организовать археологический заповедник. Как мы видим, эти справедливые рекомендации пока не реализованы.

Отчет Н.П. Милонова, хранящийся в архиве Института истории материальной культуры РАН, состоит из рукописи на шести листах (сложены пополам), отпечатанной на машинке, с авторской правкой чернилами. На первом листе рукописи имеется карандашная надпись с подписью Н.Н. Воронина: «послать отношения в Смол. пед. ин-т и Смол. обл. исполком». Сами эти письма не сохранились, но, вероятно, в них отмечалась научная значимость открытий, предлагалось принять меры к сохранению археологического комплекса, т.е. поддерживался заключительный тезис отчета о том, что вся территория Соборной горы должна рассматриваться как «археологический заповедник».

К рукописи приложены три чертежа: общая схема траншей, в которых проводились наблюдения, профили траншей №1 и 4. К сожалению, в отчете нет общей схемы расположения траншей на плане Соборной горы. Указывается лишь общее направление работ «с северо-востока на юго-запад», расстояние в 50 м от места работ до существующего Успенского собора, а также то, что колодец (траншея №7) находился на склоне. Однако задачу по локализации траншей 1939 г. можно решить. Ключом к ответу на вопрос, где проходили наблюдения, являются планы Соборной горы, где показаны канализаци-

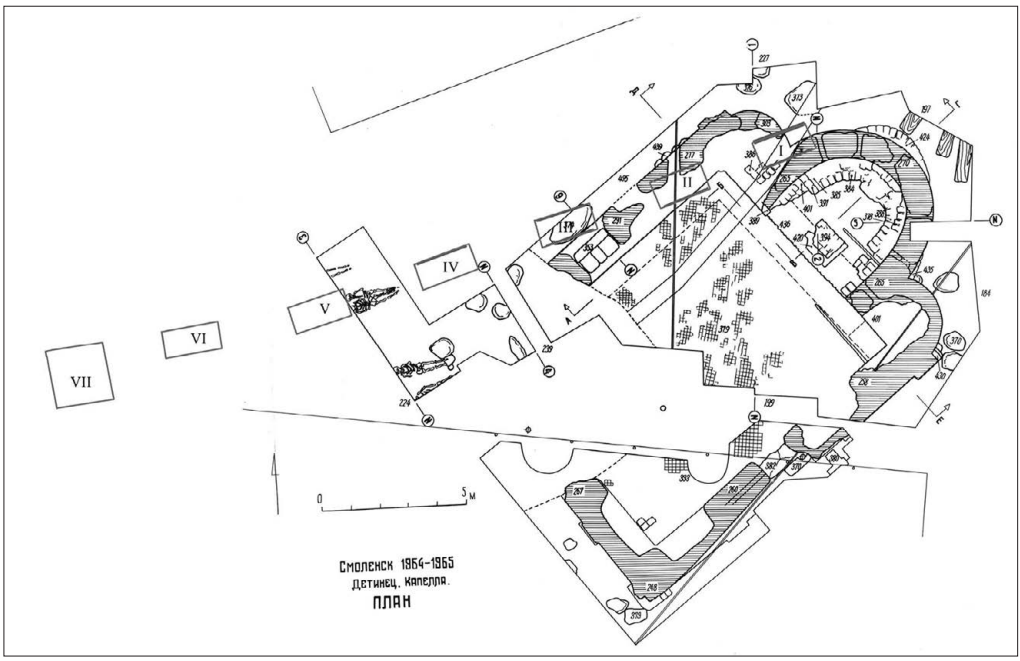

Рис. 2. План раскопанного в 1964-1965 гг. бесстолпного храма на Соборной горе Смоленска (по отчету Н.Н. Воронина 1965 г.) и реконструкция положения траншеи, где велись наблюдения 1939 г. (римские цифры)

онные сети, а также план раскопанного в 1964 и 1965 гг. бесстолпного храма в отчетах Н.Н. Воронина, где зафиксированы современные проломы в кладках.

На плане Соборной горы, выполненном в июле 1948 г. топографом Самусенковым, показаны колодцы канализации, в том числе те два, в центре Соборной горы, которые нас особенно интересуют. Трасса самой канализации изображена прямой линией. Топограф, естественно, труб не видел, а соединил колодцы прямой. Колодцы сохранились до настоящего времени и изображены на топографической съемке 2021 г.

На плане в отчете Н.Н. Воронина (*Воронин,* 1965, Л. 18) видно, что траншея имела изгибы. Траншея №1 1939 г., видимо, пересекала кладку собора на участке примыкания северной апсиды к центральной; траншея №2 вскрыла бут фундамента центральной апсиды, что отмечено автором отчета; траншея №4 уже не касалась кладок церкви XII в., но в ней лучше сохранилась стратиграфия отложений культурного слоя, особенно нижнего. Реконструированное положение траншей 1939 г. изображено на рис. 2, однако полной уверенности в правильности реконструкции нет. Предложенный вариант реконструкции не объясняет слов отчета о том, что в траншее №3 была прослежена закругленная кладка бута от апсиды.

Н.П. Милонов. Ценные археологические памятники на территории Кремля в г. Смоленске (остатки собора XII в. и *культурного слоя середины I тыс. н.э.*[1])

В конце ноября 1939 г. Смоленский областной музей сообщил в Московский научно-исследовательский институт краеведческой и музейной работы о том, что при производстве Смоленск[им] горкомхозом земляных работ в Кремле, с целью прокладки канализационных труб, землекопы обнаружили древнюю кирпичную кладку. Смоленский музей просил Институт краеведческой и музейной работы командировать автора этих строк для осмотра кладки и для установления необходимых мер по охране памятника.

В период с 23 по 27 ноября мною проведено было изучение обнаруженной кладки и совместно с археологами тт. Поликарповичем (Белорусск[ая] Акад[емия] наук) и Калитиной (Смоленск[ий] обл[астной] музей) было высказано предположение, что часть обнаруженной и разрушенной землекопами кирпичной кладки может относиться к древнейшему смоленскому собору, построенному в 1101 году, известному под именем «Мономахов» и разрушенному в начале XVII века во время польской интервенции в Смоленск.

До производства наших археологических исследований землекопы вырыли 6 траншей и 1 колодец, расположенные в одну линию с северо-востока на юго-запад на площадке, отстоящей от сохранившегося до настоящего времени собора на 50 метров (рис. 3). Каждая из шести траншей имеет в ширину 1 метр, в длину – 2 метра, колодезь 2х2 метра. Между траншеями остались промежутки, не тронутые землекопами, длиной каждый от 2 до 2,5 метра. Глубина всех прорытых ям доходит до 3 метров от современной поверхности. И только дно колодца, расположенного на склоне площадки, доходит до грунта, во всех же траншеях оно углублено в культурный слой, не пройденный копачами на всю его толщу. В траншеях 1-4 (расположены ближе к зданию музея) в профиле стенок видны ряды кладки и в отдельных случаях бут под кладкой из кирпича. Обследование было проведено по линии изучения кладки, стратиграфии

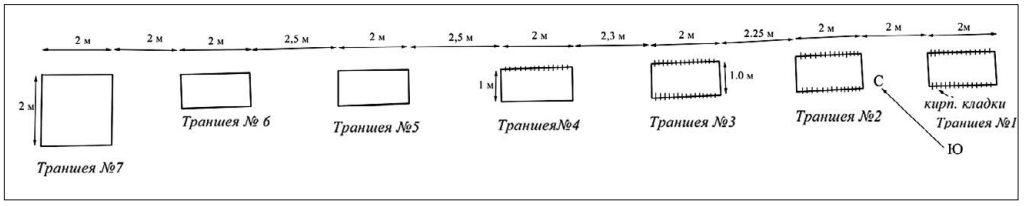

Рис. 3. Схема расположения траншей, где проводились наблюдения в 1939 г. (из отчета Н.П. Милонова 1939 г., л. 7).

[1] Слова, выделенные курсивом, вписаны чернилами поверх печатного текста.

культурных напластований и по сбору отдельных предметов, позволяющих точнее датировать памятники.

В 4-х первых траншеях (см. рис. 3) землекопы «прошли» кирпичную кладку, разрушив ее везде на ширину 1 м и на всю толщу рядов кирпичей, встреченных в каждой из 4-х траншей. Вследствие этого исследовать можно было только стенки траншей, в которых выступали ряды полуобломанных снаружи кирпичей, плотно соединенных известковой с толченым кирпичом промазкой. Во всех 4-х участках можно было видеть в профиле нетронутую первоначальную кладку из плитчатого (плинфа) бледно-розового кирпича. Размер кирпича 28х23х3 см. Кирпич прекрасно обожжен, компактен по составу и окраске глины и лежит плашмя во всю длину с промежутками в 3 см, составлявшими пазы кладки. Как в пазах, так и в пространствах между рядами кирпичей, на 3 см толщиной, положена известковая промазка, необычайно плотно приставшая к поверхности кирпичей. Но в разных стенках траншей по-разному сохранилась кладка: в одних местах всего в два ряда, в других от 10 до 18 рядов. В траншее №1 по северо-восточной стенке кладка начинается с глубины 0,80 метра от современной поверхности и сохранилась только на два ряда, по юго-западной – с глубины всего 0,20 м и сохранилась в цельном виде в верхнем ярусе на 8 рядов и в нарушенном состоянии нижнего яруса на 7 рядов. Профиль северо-восточной стенки траншеи 1 представлен семью ярусами различных слоев: верхнего в 0,15 м из песка; второго культурного слоя (0,35 м) с обломками щебня и с поздней керамикой; песчаной прослойки в 0,09 м; культурного слоя с керамикой XVI–XVII веков (0,60 м); песчаной прослойки в 0,20 м; кладки (плинфой) в 6 рядов и бута под кладкой толщиной в 0,5 м (рис. 4).

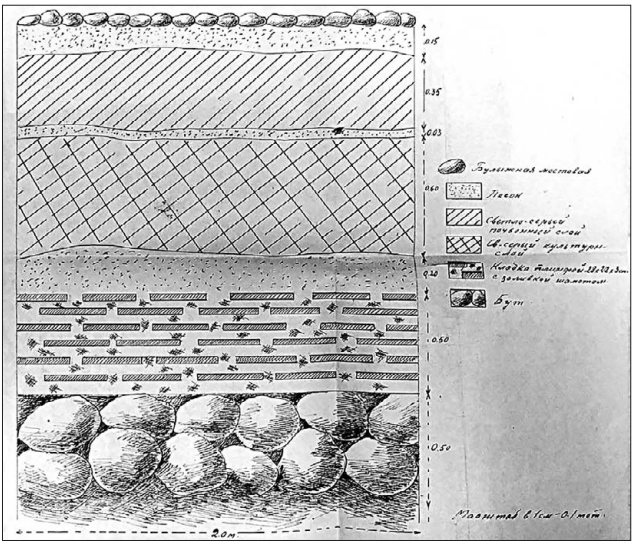

Рис. 4. Профиль северо-восточной стенки траншеи №1 представлен семью ярусами различных слоев: верхнего в 0,15 м из песка; второго культурного слоя (0,35 м) с обломками щебня и с поздней керамикой; песчаной прослойки в 0,09 м; культурного слоя с керамикой XVI–XVII веков (0,60 м); песчаной прослойки в 0,20 м; кладки (плинфой) в 6 рядов и бута под кладкой толщиной в 0,5 м (из отчета Милонова, л. 8)

Совершенно другую картину дает профиль юго-западной стенки данной траншеи: сохранившаяся на 15 рядов кирпичная кладка, идущая до самого дна раскопа сверху, прикрыта сравнительно тонкой прослойкой песка в 0,20 м толщины.

Промежуточный участок между 1 и 2 траншеями, в 2 метра длиной, не прорытый землекопами, как видно по боковым поперечным стенкам его, соприкасающимся с траншеями, заполнен тоже до глубины 0,50 м кирпичной кладкой. По разрезу юго-восточной стенки траншеи №2 фиксировано залегание сохранившейся кирпичной стены на глубине 2 метров от современной поверхности. При этом отмечено, что сверху под современной булыжной мостовой идет прослойка песка, толщиной в 0,50 м, ниже ее – культурный слой светло-серый, мощностью в 1,10 м, различающийся по примесям в почве на 3 горизонта, повсюду в нем попадаются обломки глиняной посуды XV–XVII вв.; над самой кладкой залегает прослойка песка толщиной в 0,35 м, дальше кладка в 6 рядов, плотно скрепленных промазкой, и под кладкой бут из крупных булыжников, заполняющих пространство в 0,50 метра. По профилю северо-восточной стенки траншеи №2 видно, что кладка начинается на глубине 1,33 м от поверхности и сверху прикрыта следующим образом: а) песчаной прослойкой в 0,50 м толщины; б) светло-серым культурным слоем (0,40 м) с поздней керамикой, в) культурным темно-серым слоем, включающим керамику XVI–XVII вв. (0,35 м), г) мощной в 0,75 м песчаной прослойкой. Кладка и здесь имеет 6 рядов и лежит прямо на буте из больших камней. Бут выложен на глубине 0,50 метра. Закономерность расположения чередующихся над кладкой слоев: одинаковая сохранность рядов кирпичей по обеим стенкам и наличие бута – все это свидетельствует, что траншея №2 связана с хорошо сохранившейся нижней частью стены и фундамента ее. Бут под кладкой выложен округло по дуговой линии, что доказывает принадлежность его в данном участке абсиде алтарной стены древнего собора.

Вторая и третья траншеи снова разделены нераскопанными участками, тянущимися на длину 2 метров и обнажающими по поперечным стенкам, выходящим в траншеи, кладку стены. В траншее №3 по северо-восточной стенке выявлено наличие разрушенной кладки, представленной всего двумя рядами смещенных с первоначального места залегания кирпичей. За это говорит и мощное напластование культурного слоя XVI–XVII вв., идущего под кладкой. Массив стены уходит по данной траншее к юго-западной стороне, где имеется совершенно иной профиль разреза от поверхности до дна раскопа. Как и в других траншеях, здесь сверху начинается песчаная прослойка в 0,50 м толщиной. Под нею правильными линиями идет кладка кирпича (плинфы) в 20 рядов, т.е. на толщину в 1,50 метра. Кирпичи не разрознены, плотно соединены промазкой. Под такой массивной кладкой идет бут из булыжников в 4 ряда и на толщу в 1 метр.

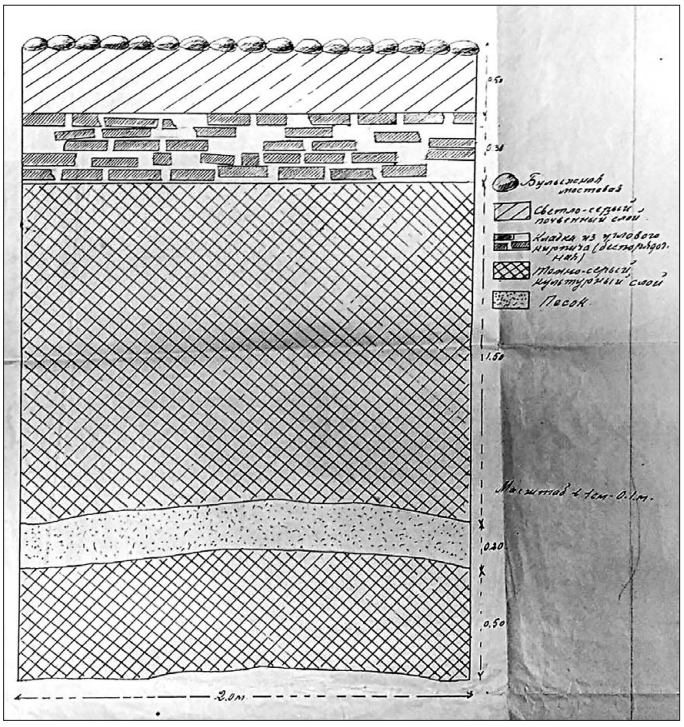

Рис. 5. Профиль стенки траншеи №4 (из отчета Милонова 1939 г., л. 9)

В данном случае также можно отметить закругленные в кладке бута и стены – это начало 2-й апсиды алтарной стены. В пространстве между 3 и 4 траншеями, на длину в 2,50 м, отмечено продолжение кирпичной кладки, направленной под косым углом к траншее №4, что определяет протяжение 2-й абсиды от 3 к 4 траншее, т.е. на 6 метров. Четвертая траншея является последней, где прослеживается кладка кирпичной стены, участки же 5-7 уже не имеют следов кладки. Сравнивая профили двух стенок траншеи 4, видим, что по юго-западной стенке кладка не идет, а по северо-восточной она обозначена 5 рядами кирпича на глубине 0,50 метра от поверхности.

Начавшаяся еще в 3 участке абсида заканчивается в 4 и охватывает по хорде протяжение в 6 метров длины. Как и в участке №1, в траншее №4 под ярусом беспорядочно лежащих кирпичей позднего времени идет мощный темно-серый культурный слой, достигающий здесь 1,50 м, с керамикой XVI века. Под ним прослойка песку 0,20 м и ниже темно-серый культурный слой в 0,50 м толщины с гладкой лепной керамикой[1] середины I тыс. н.э.[2] Нижний слой не дорыт землекопами до грунта (рис. №5). Итак, всё протяжение кирпичной кладки, вскрытой траншеями землекопов и прослеженной в продольных стенках промежуточных между траншеями участков, равно 16 метрам, разделяющимся на 2 отрезка (хорды), соответствующих двум алтарным абсидам собора. По намечающимся абсидам, по длине всей обнаруженной кладки, по ориентировке стены на восток, по форме и размерам кирпича и,

[1] Чернилами зачеркнут печатный текст «керамикой IX в.» и вписано: «середины I тыс. н.э.».

[2] Близка керамике из городищ Банцеровского типа (прим. Н.П. Милонова вписано чернилами – Н.К.).

наконец, по составу промазки можно утверждать, что обнаруженная кладка представляет нижнюю часть алтарной стены древней церкви. Возможно отнести остатки открытого сооружения действительно к собору 1101 г., разрушенному в начале XVII в. Найдены монолиты кладки в 5 рядов кирпичей с промазкой, подвергшиеся сильному действию огня, ошлаченные. Версия о взрыве знаменитого древнего собора в XVII веке, в эпоху польской интервенции, подтверждается. При изучении стратиграфии по разрезам стенок траншей на разных горизонтах прослеживаются песчаные прослойки. Самая верхняя прослойка песку идет под современной мостовой и представляет искусственные подсыпки. Прослойка песку под кладкой стены могла образоваться естественным путем на поверхности площадки, не застраивавшейся после взрыва собора. В профиле ею отделяются культурные слои XVII века.

Наконец, нижняя прослойка песку всегда отделяет нижний культурный слой с керамикой IX века. Последняя также представляет собой естественное образование – нанос поверхностного песку, получившийся в течение длительного времени. Из культурных слоев интересны два – средний, с лощеной керамикой, и нижний, с лепной неорнаментированной глиняной посудой. Первый очень мощный по напластованию, при детальном исследовании может дать большой археологический материал по XV–XVII векам.

Наиболее глубоко залегающий слой с древнейшей керамикой является особо интересным, т.к. представляет остатки древнейшего славянского поселка на территории Смоленска. Исследование его может дать совершенно новый материал по истории Смоленска. Возможно, что в самом Смоленске, независимо от Гнёздова, очень рано развились поселки, еще до возникновения города.

В будущем вся территория, где обнаружена кладка собора, должна быть подвергнута большим планомерным раскопкам в течение ряда лет с учетом тех данных, которые получены теперь при нашей небольшой разведке.

Смоленским обл[астным] музеем, Институтом краеведческой и музейной работы в настоящее время приняты меры к охране обнаруженных памятников и к возможности сохранить всю территорию как археологический заповедник.

Подпись – Н. Милонов.

Источник: Научный архив Института истории материальной культуры РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1939 г. Д. 39а. Л. 1-9.

И. Н. Ершов, Н. А. Кренке, М. А. Кулькова,
О. М. Олейников, Н. А. Сыроватко

К ВОПРОСУ О ЛОКАЛИЗАЦИИ ДРЕВНЕЙШЕГО СМОЛЕНСКА: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ[1]

Археологические данные

Дискуссия о месте древнейшего Смоленска хорошо известна. Гипотеза А. А. Спицына (*Спицын*, 1905) о том, что на современное место город был перенесен лишь при князе Ярославе Мудром, а до этого находился в Гнёздове, неоднократно обсуждалась в литературе, и некоторые, весьма компетентные археологи, склонялись к ее поддержке (*Ляпушкин*, 1971. С. 33–37; *Шмидт,* 2012. С. 139–149; *Шмидт,* 2013. С. 36–43). При этом Е. А. Шмидт на основании анализа текста предания об убийстве князя Глеба пришел к выводу, что в 1015 г. Смоленск был уже на своем нынешнем месте (*Шмидт*, 2013. С. 43).

Д. А. Авдусин отстаивал версию о том, что местоположение первоначального Смоленска находилось «где-то в центре современного города», но не на верхней площадке Соборной горы (*Авдусин*, 1991. С. 9). Этот вывод был сделан в итоге 40-летних работ Смоленской экспедиции МГУ. Однако фактических данных для обоснования такой локализации первоначального Смоленска практически не было. Предположение Д. А. Авдусина более основывалось на интуиции, он сам прекрасно понимал, что его аргумент о единичных находках на склонах Соборной горы арабских дирхемов не может быть признан сильным для обоснования наличия здесь городского ядра. Все раскопы, находившиеся у подошвы Соборной горы, с южной стороны улицы Соболева, дали лишь материал конца XI в. и более поздний. Отсутствие в Смоленске более ранних материалов стало уже аксиомой для многих исследователей (*Пушкина и др*. 2012. С. 243–273).

В раскопах Д. А. Авдусина, Н. Н. Воронина и П. А. Раппопорта на вершине Соборной горы были найдены архитектурные объекты XII в. и лишь один фрагмент стенки лепной керамики, атрибуция которого затруднена. Более выразительные фрагменты лепной керамики были еще в 1925 г. найдены на вершине Соборной горы в шурфе возле колокольни XVII в. А. Н. Лявданским (*Лявданский*, 1926. С. 179–296). Сами находки утрачены в годы войны[2],

[1] Статья опубликована в сборнике «Города и веси средневековой Руси : археология, история, культура: к 60-летию Николая Андреевича Макарова». Москва–Вологда, 2015. С. 78–85.

[2] Недавно выяснилось, что находки из шурфа 1926 г. на Соборной горе были вывезены А.Н. Лявданским в Минск. В Институте истории Национальной Академии Белоруссии обнаружена этикетка от этой коллекции, перспектива обнаружения самих вещей не утрачена полностью – прим. 2025 г.

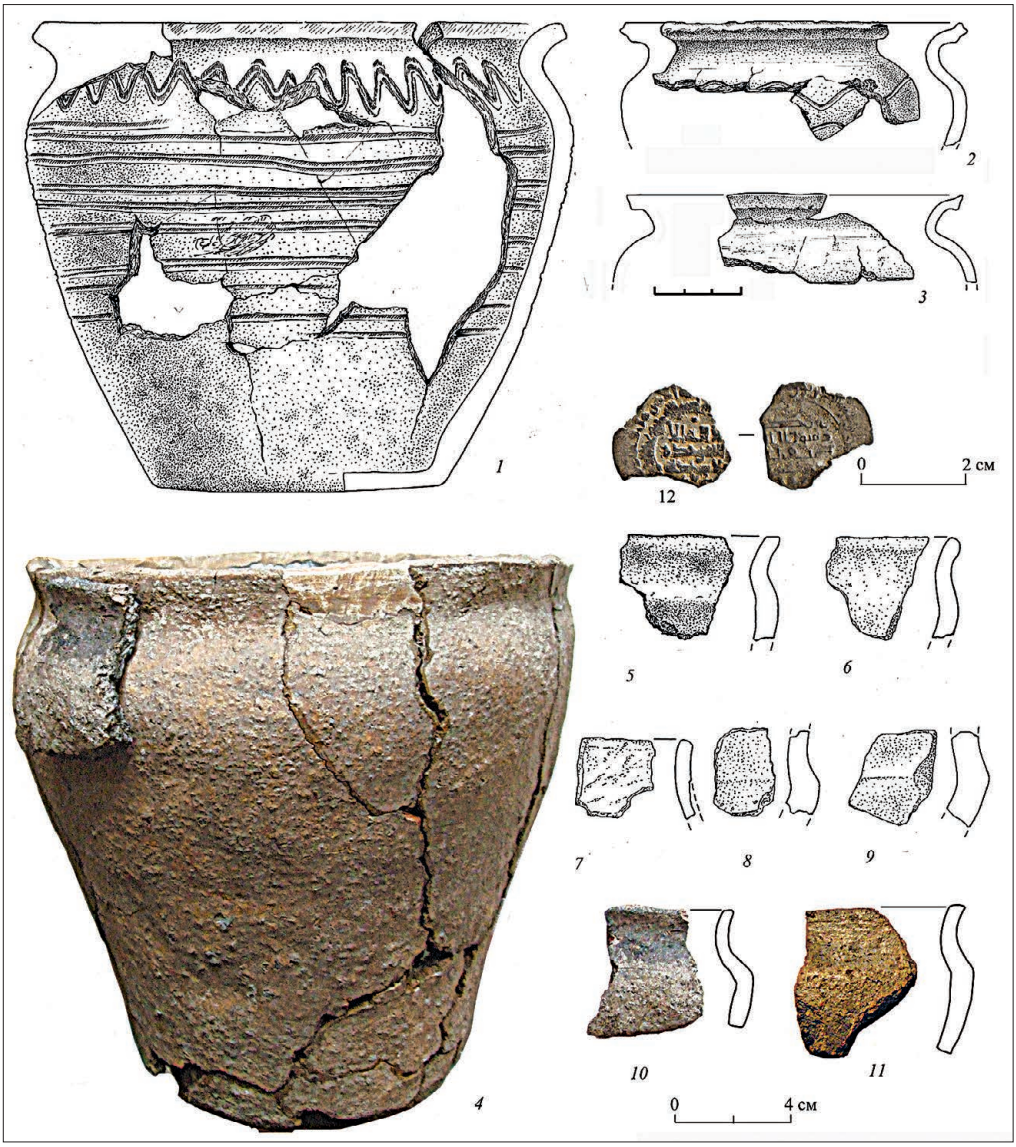

Рис. 1. Лепная и раннекруговая керамика из Смоленска и сравнительный материал: 1 – раннекруговой горшок конца X – начала XI в., шурф № 4 Смядынь (2014 г.); 2, 3 – круговые горшки с развитой профилировкой XI в., шурф № 4 Смядынь (2014 г.); 4 – горшок из курганной группы Новоселки (раскопки Е. А. Шмидта, 1964 г.) и приложенный к нему фрагмент венчика с М. Школьной ул., 6 (раскопки Т. А. Асмолковой, 2011 г.); 5 – фрагмент венчика с ул. Металлистов, 14 (раскопки О. М. Олейникова, 2005); 6, 7, 9 – фрагменты из шурфа на М. Школьной, 7а (раскопки И. Н. Ершова, Н. А. Кренке, 2014 г); 8 – фрагмент стенки с ул. Реввоенсовета, 2 (раскопки И. Н. Ершова, Н. А. Кренке, 2014 г.); 10 – фрагмент венчика с М. Школьной ул., 6 (раскопки Т. А. Асмолковой, 2011); 11 – фрагмент венчика с Ново-Ленинградской ул., 11 (раскопки 2005 г. О. М. Олейникова); 12 – фрагмент дирхема (подъемный материал 2005 г. в районе ул. Металлистов, 14)

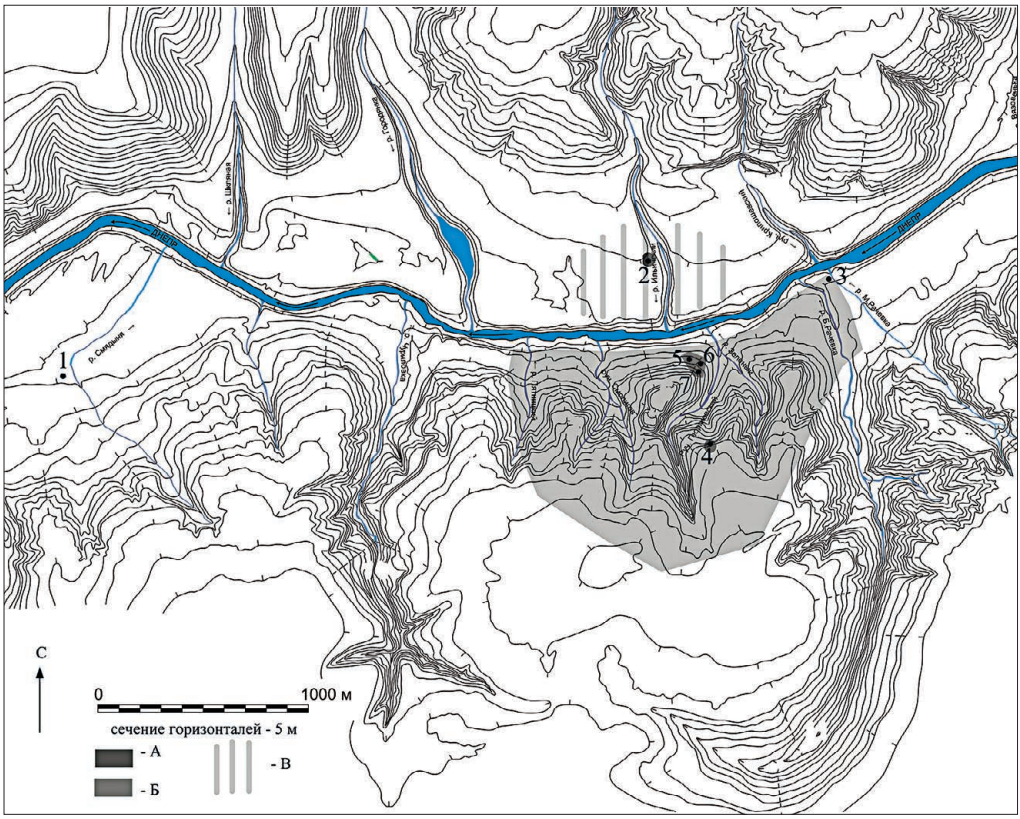

Рис. 2. Реконструкция поселения на месте Смоленска на X и XI вв.
А – поселение X в.; Б – поселение XI в.; В – предположительное место поселения XI в.
1 – шурф № 4 на Смядыни (2014 г.), раннекруговая керамика X – XI вв.; 2 – шурф на Ново-Ленинградской, 11 (2005 г.), лепная керамика; 3 – ювелирная мастерская XI в. на Малой Рачевке (Набережная Горького, 24, 2015 г.); 4 – ул. Реввоенсовета, 2 (2014 г.), лепная керамика; 5 – ул. Металлистов, 14 (2005 г.), лепная керамика; 6 – М. Школьная ул., 6 (2011 г.), лепная керамика; 7 – М. Школьная ул., 7а (2014 г.), лепная керамика

их культурно-хронологическая интерпретация по единственной фотографии затруднена.

Начиная с 1990-х гг. в Смоленске развернулись новостроечные археологические работы. Около 20 исследователей вели раскопки в городе за последние 25 лет. В архиве ИА РАН накопилось более сотни отчетов по Смоленску. В результате появились первые достоверные данные о находках X (IX?)–XI вв. в пределах исторической территории Смоленска. Особенно значимым был прирост информации в результате охранных и разведочных работ 2005 и 2014–2015 гг. Конечно, полученные на сегодняшний день данные еще очень далеки от полноты, но они дают определенную перспективу для дальнейших поисков.

Начнем рассмотрение материалов в хронологическом порядке.

Однотипная лепная керамика (рис. 1), аналогичная найденной в смоленских курганах первой половины – середины X в. (например, в раскопанной Е. А. Шмидтом курганной группе Новоселки) найдена уже в трех пунктах в пределах центра Смоленска (рис. 2). А именно: 1) в Заднепровье, напротив Соборной горы (ул. Ново-Ленинградская 11, раскопки О. М. Олейникова, 2005 г.); 2) на северо-восточном склоне Соборной горы, на ул. Малой Школьной, 6 (раскопки 2011 г. Т. А. Асмолковой)[1] и Малой Школьной, 7а (раскопки 2014 г. И. Н. Ершова, Н. А. Кренке); ул. Металлистов, 14 (раскопки 2005 г. О. М. Олейникова); 3) на северо-западном склоне мыса, на котором стоит Георгиевская церковь (пер. Реввоенсовета, 2, раскопки 2014 г. И. Н. Ершова, Н. А. Кренке).

Особенно показательны результаты, полученные в стратиграфическом шурфе на Малой Школьной ул., 7а[2]. Предварим его описание некоторым общим наблюдением относительно формирования отложений культурного слоя на Соборной горе. Видимо, начиная с древнейших этапов освоения склонов Соборной горы и до настоящего времени люди делали горизонтальные подрезки на ее довольно крутых склонах. В результате образовывались террасы-уступы, тыльные части которых были врезаны в материк, а на бровках террас накапливались мощные отложения в несколько метров толщиной. Наиболее ценными для археологии оказываются в этих условиях средние части террас-подрезок, где иногда сохранялась последовательность слоев. Именно в таком месте был заложен шурф на Малой Школьной улице, 7а. Общая толщина напластований здесь составила 2,5 м. На уровне материка прослеживалась срезанная поверхность почвы, в которую были впущены канавки усадебных оград и прослеживались остатки столбов частоколов. В предматериковом горизонте в слое серого суглинка залегали фрагменты лепных слабопрофилированных горшков и круговых тонкостенных горшков развитой профилировки «позднегнёздовского типа» (в шурфе 1) и типичных «смоленских», более толстостенных горшков с эсовидным профилем, округлым валиком на торце венчика, орнаментированных рядом поперечных насечек по плечику (в траншее). Лепная керамика была, как отмечалось выше, идентична керамике из смоленских курганов середины X в.

По образцам древесины из шурфа были получены три радиоуглеродные датировки. Во-первых, для датирования были взяты два кола из канавки в материке[3]. Получены две даты: по восточному столбику – 1065±35 (SPb-

[1] Авторы благодарят Т. А. Асмолкову за разрешение опубликовать материал из ее раскопок.

[2] Смоленская экспедиция ИА РАН работала в составе: Н. А. Кренке, И. Н. Ершов, А. А. Войцик, В. А. Раева, М. В. Лавриков.

[3] Датирование производилось в лаборатории Географического факультета Педагогического университета им. А. И. Герцена в Санкт-Петербурге под руководством М. А. Кульковой.

1512)[1], калиброванное значение 966–1019 гг. (вероятность – 58,3 %); по западному столбику – 1050±30 (SPb-1513), калиброванное значение – 977 – 1012 гг. (вероятность – 68,2 %). Во-вторых, датировалась щепа из пласта 6, перекрывавшего предматериковый горизонт. Получена дата 866±30 (SPb-1511), калиброванное значение которой – 1155–1220 гг. н. э. То есть по результатам радиоуглеродного датирования время сооружения частокола – конец X – начало XI в. Эти даты вполне увязываются с обнаруженными в предматериковом слое шурфа 1 фрагментами круговой керамики «позднегнёздовского типа». Характерная особенность этой керамики – изящный, сильно профилированный прогнутый венчик эсовидного профиля, тонкие стенки, волнистый и линейный орнаменты (варианты 1–4 типа 3, по Каменецкой). Е. В. Каменецкая относит подобную керамику к XI в., отмечая, что она есть на гнёздовском поселении (селище), но малочисленна в курганах и редко встречается в городском слое Смоленска (*Каменецкая*, 1977. С. 11).

Наличие частокольных оград усадеб, на наш взгляд, важный признак, указывающий на плотную застройку и, вероятно, на городской характер поселения.

На 30–40 см выше залегал горизонт, датирующийся второй половиной XII – началом XIII в. по радиоуглероду и керамике.

Концентрация находок лепной керамики, залегающей именно в предматериковом слое, зафиксирована пока только на участке владения Малая Школьная ул, 7а. На соседних участках Малой Школьной улицы и на ул. Металлистов лепная керамика встречена лишь в перекопах и в единичном количестве. В районе ул. Металлистов, 14, ниже по склону на поверхности огорода, в 2005 г. был найден также дирхем – Саманиды, Наср б. Ахмад, место и год чеканки отломлены, по типу – Самарканд, 329–331 гг. х. (940– 943 гг.), с именем халифа ал-Муттаки лиллаха (определение А. А. Гомзина, рис. 1: 12).

Ареал находок лепной керамики охватывает среднюю часть северо-восточного склона Соборной горы (рис. 3). Размер участка – 130×150 м (около 2 га).

Важно отметить отсутствие в раскопах на северо-восточном склоне Соборной горы раннекруговой керамики «раннегнёздовского типа».

Профилированная круговая керамика типа 3, по Е. В. Каменецкой, условно датированная в широких рамках XI в., ранее была встречена лишь в незначительном количестве в раскопах на ул. Соболева. В раскопах последних лет ситуация кардинально изменилась. Керамика этого типа встречена очень широко. Она зафиксирована при раскопках Пятницкого конца на ул. Студенческой (*Пронин*, 2011. Илл. 79, 81). В центре Смоленска керамика данного типа встречена и на северном склоне Соборной горы при раскопках на ул. Металлистов, 8 (*Нигматуллин*, 1999. Р-1 № 22808. Рис. 226). Ареал

[1] Калибровка производилась по оксфордской программе (OxCal), версия 4,2.

Рис. 3. Вид на северо-восточный склон Соборной горы. Показана зона распространения лепной керамики IX–X в. Рис. А. В. Филатовой

керамики простирается далеко на юг – от кромки «смоленских гор» далее на водораздел. Она встречена в верховьях Резницкого оврага, в раскопе на ул. Ленина 8а (*Олейников*, 2005) и на пересечении ул. Б. Советская и Коммунистическая (*Зубарев*, 2002, илл. 163, 172). В восточной части города керамика XI в. (можно уточнить – середины – второй половины века, судя по совместным с ней находкам колец «деснинского типа») была встречена при разведочных работах 2015 г. (рис. 4) на приустьевом участке левого берега Малой Рачевки (ул. Набережная Горького, 24). На берегу Малой Рачевки были найдены остатки мастерской по обработке цветных металлов (ювелирной). В комплексе с обычными кухонными горшками залегали сотни фрагментов ошлакованных и не использованных тиглей, выплески меди, литники, бракованные украшения. Нужно отметить, что на Малой Рачевке были найдены не единичные фрагменты, а чистые комплексы ям, насчитывающие многие сотни фрагментов. Аналогичная керамика XI в. была найдена при осмотре в 2015 г. отвалов траншеи водопровода возле церкви на Малой Рачевке (перекресток ул. Соболева и ул. 2-й Верхний Волок)[1]. Пространство первой террасы между Рачевкой и Малой Рачевкой было заселено в XI в. и, возможно, являлось местом сосредоточения ремесленных мастерских.

[1] Находки сделаны при наблюдениях В. А. Раевой.

Таким образом, на основе данных археологии, накопленных к 2015 г., можно установить следующую последовательность формирования поселения на месте Смоленска.

В первой половине X[1] в. в центре Смоленска существовало не менее трех поселенческих ядер: 1) на северо-восточном склоне Соборной горы (самое большое площадью около 2 га); 2) на мысу, расположенном с востока от Соборной горы, на противоположном правом берегу Красного (Георгиевского) ручья; 3) в Заднепровье, на первой террасе, 200 – 300 м к северу от Нижне-Никольской церкви. Характер этих поселений остается неясным, никаких доказательств тому, что это был город, нет.

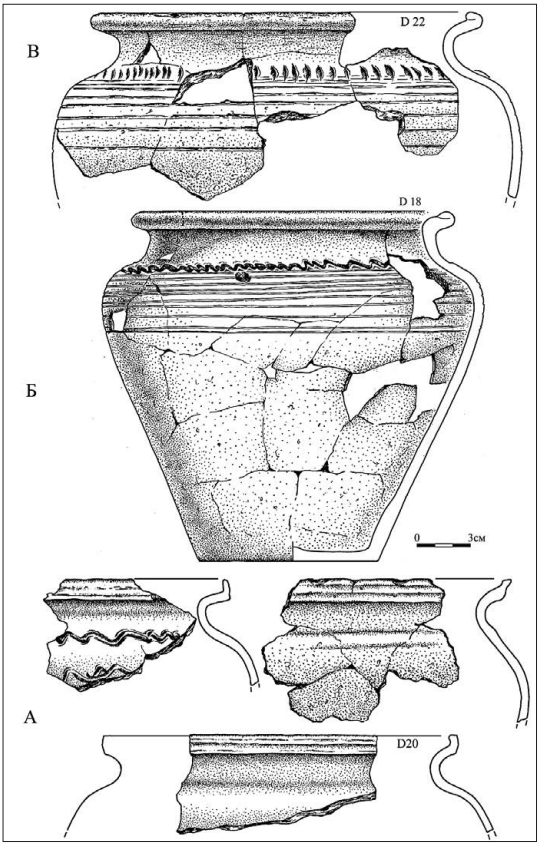

Рис. 4. Эталоны смоленской керамики XI–XII–XIII вв. А – керамика XI в. (Набережная Горького, 24, раскопки 2015 г.); Б – керамика XII в. (ул. Бакунина, раскопки 2014 г.); В – «типично смоленская» керамика конца XII – начала XIII в. (ул. Бакунина, раскопки 2014 г.)

Материалы второй половины X – рубежа X/XI вв., на которые бы указывала раннекруговая керамика в центре Смоленска, практически не известны (авторы могут указать лишь на один венчик из раскопок 2005 г. на ул. Металлистов, 14, хранящийся в Смоленском музее[2]). Материал этого времени зафиксирован в шурфе 2014 г. на Смядыни (в тыловой части поймы, возле Васильевского храма Борисоглебского монастыря (рис. 1)). Скорее всего, это изолированный, не связанный с городом поселенческий объект.

В XI в. мы видим уже очень значительное по размерам, очевидно, городское поселение, которое простирается вдоль левого берега Днепра, от устья

[1] О второй половине IX в. ничего нельзя сказать, так как у нас нет никаких оснований для подтверждения или отрицания такой датировки найденной лепной керамики.

[2] Авторы выражают благодарность заведующей отделом археологии Смоленского краеведческого музея Т. В. Столяровой за помощь в работе с музейными коллекциями.

реки Малая Рачевка (1-й пер. Горького) до устья Пятницкого ручья (развилка Большой Краснофлотской и Студенческой ул.). Его протяженность – около 2 км. По направлению от Днепра на юг размеры поселения достигали 1 км, оно охватывало северные отроги «смоленских гор». Характер освоения Заднепровья в это время пока еще мало прояснен.

Авторы прекрасно осознают, что точность датировок еще совершенно недостаточна, хронология керамики остается «расплывчатой» в пределах столетия. Однако нельзя сбрасывать со счетов результаты радиоуглеродного датирования. Они явно указывают на то, что усадьбы на Соборной горе теснились и ограждались частоколами уже в начале XI в. Другое, косвенное соображение заключается в том, что необходимо было какое-то время для формирования такого значительного по размерам поселения полукруглой в плане формы с длиной радиуса около 1 км, каким мы видим Смоленск в конце XI в. Логично предположить, что в начале XI в. оно уже существовало.

Актуальнейшей задачей являются поиски ответа на вопрос – чем обусловлен провал в материалах второй половины X в.? Что за этим стоит – недостаточность данных или реальное уменьшение интенсивности «жизненной активности» на территории Смоленска в это время (перетекание «центра силы» в Гнёздово?)?

Топонимические данные

Для понимания роли Соборной горы в истории первоначального Смоленска важно осмысление и таких, на первый взгляд, далеких от археологии фактов, как этимологии названий ручьев у подножия холма. Это *«Смолигов колодезь»* с западной стороны и ручей *«Смольянка»* с восточной стороны. Названия ручьев ныне не сохранились в живом быту, однако их реальность в прошлом не подлежит сомнению. К этим гидронимам логично было бы присоединить и *«Смядынь»* по причине того, что они все три, как оказывается, имеют близкую этимологию, важную и для проблемы происхождения названия города. На этот момент внимание исследователей не обращалось до сих пор.

Смядынь. О. Н. Трубачев полагал, что гидронимы с архаичным суффиксом –ынь концентрируются на территории к юго-востоку от Смоленска (бассейны Сожа, Десны и отчасти Дона) и в бассейне Припяти (ее южных притоков) (*Трубачев*, 2009. С. 109, 165). И. И. Срезневский указывал на то, что древнерусское «смядый» имело вариацию «смяглый» (смуглый, черный) (*Срезневский*, 1912. С. 453) ; вероятно, было и первоначальное *«смядлый»* – т.е. «темный, цвета меда (?)»; прилагательное это употреблялось в древнерусское время только для обозначения цвета кожи, в основном, человека (*Бахилина*, 1975. С. 208–209). В. Л. Васильев указывает, что существование новгородского гидронима *«Смядино»* (*Васильев*, 1975. С. 183) может свидетельствовать в поль-

зу его деантропонимности (от личного имени *«Смяд-, Смед-»*). Есть и прямое указание на существование топонима *«Смединъ»* в недальней округе Киева в «Списке городов русских ближних и дальних» XV в.

«Смолигов колодезь». Иоасаф Шупинский (*Шупинский*, 1897. С. 243) упоминает местную легенду о *«Смолиговом колодезе»* и «некоем предводителе *Смолиге*, который будто бы город населил и по имени своему назвал». Предполагать выдуманность имени нет оснований: гидроним упоминается еще в росписях караулов – документах Смоленской приказной избы 1610 г. (*Сапожников*, 1983. С. 216). Среди деантропонимов Новгородчины есть гнездо архаичных топонимов с корнем *«Смолиг-»* (*Васильев*, 2005. С. 259) . Недалеко от Смоленска, на Витебском шоссе, стоит село *Смолиговка*. В. Л. Васильев полагает, что ойконимы образованы от личного имени *Смолиг* с корнем *«смол-»* при помощи редкого суффикса *-иг*, *-ег*, а древнейшее упоминание имени зафиксировано в новгородской берестяной грамоте № 603, датируемой второй половиной XII в.

Подобные двусоставные гидронимы с приставкой колодезь маркировали и ручьи, и источники. Косвенно это подтверждает фраза П. Е. Никитина о наличии в Смоленске шести *«протоков колодезных»*, т. е. ручьев (*Никитин*, 1847. С. 7). Смоленский диалектизм *«крыница»* (равно, как и *«колодезь»*) не всегда обозначал «колодец» в современном толковании слова, а первоначально лишь – *«источник, родник, ключ»* (*Флягина*, 2010. С. 121–123) . Устойчивое сохранение в городе сразу двух архаичных древнерусских названий соседних ручьев (был еще *«Верзенов колодезь»*, ныне Пятницкий ручей) – значимый и достоверный факт истории Смоленска.

«Смолигов колодезь» хорошо вписывается в архаичную славянскую систему деантропонимии, датируемую не позже IX–X вв. (*Толкачев*, 1978. С. 128). По поводу двучленных гидронимов с приставкой *«колодезь»* О. Н. Трубачев высказал предположение, что эта группа является частью комплекса древнейшего славянского гидронимического пласта (*Трубачев*, 2005. С. 146–148). Необходимо отметить также обилие гидронимов с приставкой *«кладенец»* (колодезь) и в ближней округе древней столицы Болгарии Преславы (*Кръстев, Витлянов*, 1995. С. 250–251).

Какое отношение имеет этот гидроним к названию города? Скорее всего, вряд ли прямое. Есть сильные аргументы против: а) филологам трудно представить схему образования урбанонима *Смоленск* от гидронима с суффиксом *-иг*; мы знаем архаичную письменную форму урбанонима как *Смольнеск*; б) И. Шупинский, наряду с упоминанием *«Смолигова колодезя»*, сообщает и о прежнем названии Георгиевского ручья (ныне Красный) – мол, тот в старину назывался *«Смольянка»*, и что город от этого ручья мог прозваться (и у нас также нет оснований не доверять этому сообщению).

Ручей Смольянка. Насколько верно это сведение И. Шупинского, подтвердить или опровергнуть уже никто не сможет, но образование названия города от *ручья Смольянка* находится в полном соответствии с правилами лингвистики. Деантропонимные гидронимы *Смолка, Смолинка, Смолянка* и пр. широко распространены по всем славянским землям (*Агеева*, 2004. С. 28). Подозрения возникают лишь из-за формы словообразования гидронима с суффиксом *-ка*, тогда как архаичнее звучало бы как ручей *«Смольнин»* (что и было, возможно, первоначальной формой гидронима).

Отметим еще важное для нас значение корня *смол-*, упомянутое И. И. Срезневским (*Срезневский,* Т. 3. С. 446): *смола – «грязь, жижа»*. Это значение сближает нашу версию этимологий гидронимов со стремлением С. Роспонда связать название города с архаичным значением праславянской основы *smol-* (вид почвы: черная, болотистая земля) (*Нерознак*, 1983. С. 160). Словосочетание *«черная грязь»* для смоленского говора означает не чернозем, а болотистую местность. Оно довольно широко применялось в древней гидронимике в округе Смоленска: семь речек *Черногрязок, Черноземок*, хорошо сочетающихся с многочисленными *Ржавками, Ржавцами* (*Трубачев*, С. 46) .

По С. Роспонду наименования городов с суффиксальным окончанием на *-(ь)скъ*, *-цк* (так называемые вторичные) в большинстве своем образованы от гидронимов (*Нерознак,* 1983), а расположены эти города на территории Белоруссии, Северской земли и Смоленщины[1]. Деантропонимные же названия большей частью не имеют подобного суффиксального окончания, тем самым резко обозначая границу между своей группой и группой посессивных топонимов. В округе Соборной горы были гидронимы с корнем *«смол-»* и его вариациями. Таким образом, можно предполагать, что название Смоленска образовано от гидронима, изначально деантропонимного; процессы эти, скорее всего, шли не синхронно и в обратной последовательности (имя – деантропонимный гидроним – урбаноним).

К рассмотренной группе смоленских гидронимов органично примыкают также и прочие архаичные деантропонимные гидронимы, как: Городянка (Городня), Крупошевский (Крупощиц-Крупошевец северный и южный), Большая и Малая Рачевки, Верзенов колодезь, Чуриловка. За пределами долин этих ручьев к востоку и западу названия ручьев и речек резко меняют

[1] Этот вывод противоречит мнению С. Роспонда о преимущественном распределении таковых урбанонимов на Севере Руси (Роспонд С. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточно-славянская ономастика. М., 1972. С. 13–24). Гипотезы С. Роспонда придерживались и Ю. Ю. Моргунов с С. П. Щавелевым (Моргунов Ю. Ю., Щавелев С. П. «Курескъ на Тускоръ»: к вопросу о происхождении летописного города // Славянский средневековый город. Труды VI Международного конгресса славянской археологии. М., 1997. Т. 2. С. 261–271), обосновывая существование некоего северного колонизационного потока, достигшего Посеймья. Против этого аргументированно выступил В. В. Енуков (Енуков В. В. Славяне до Рюриковичей. Курск: Учитель, 2005. С. 192).

свой характер – они все названы по существенным признакам окружающего ландшафта и растительности (Кловский ручей, Ясенная, Дубровинка, Боровая, Вязовенька и т. д.). Возможно, что таким образом в структуре гидронимической номенклатуры города и его округи отразились реальные границы домонгольского Смоленска, города большого и многонаселенного.

Итак, беглый анализ небольшой части микрогидронимии Смоленска приводит нас к выводу о сосредоточении вокруг Соборной горы разнородных, но равно архаичных гидронимов с близкой этимологией, сводящей их разнообразие к одному значению: обозначению цвета кожи человека («смуглый, темный, темно-каштановый, коричневый, смоляной, цвета дегтя»). Эти гидронимы, несомненно, оказали влияние на появление названия города. При всём при этом, они никак не связаны друг с другом по источнику происхождения, восходя к разным личным именам (Смяда, Смолиг, Смолка-Смол-Смолен). Что за этим стоит и как это могло бы отразиться в археологии древнейшего Смоленска – вопрос для будущего.

Н. А. Кренке, К. А. Ганичев, И. Н. Ершов,
А. В. Кованцев, О. А. Крылович, О. А. Лопатина,
Г. О. Моисеенков, В. А. Раева, А. Б. Савинецкий[1]

ДИСКУССИЯ О СМОЛЕНСКЕ – ГРАДЕ КРИВИЧЕЙ[2]

Резюме. В статье представлены материалы новых раскопок на Соборной горе Смоленска. Стратиграфические разрезы шурфов по кромке верхней площадки горы свидетельствуют о том, что здесь существовал оборонительный вал, датированный по археологическим находкам и радиоуглеродным методом в пределах первой половины IX в. Под валом залегает культурный слой, древнейший горизонт которого с керамикой колочинской традиции датируется в интервале IV–VI (VII) вв., а основной комплекс находок относится к (VII) VIII–IX вв., включает керамику и вещи, типичные для смоленско-полоцких длинных курганов. Хозяйство населения опиралось на земледелие и скотоводство, что документируется анализом остеологической коллекции и находками зерен культурных злаков. Предложена интерпретация, согласно которой поселение на Соборной горе являлось летописным Смоленском – градом кривичей.

Ключевые слова: Смоленск, Соборная гора, кривичи, лепная керамика второй половины I тыс. н. э., радиоуглеродные даты, оборонительный вал, остеологическая коллекция.

Данная статья вводит в научный оборот новые археологические данные, позволяющие прояснить дискуссионные вопросы, связанные с ранней историей города Смоленска.

Дебаты археологов и историков вокруг вопроса о том, где находился град Смоленск, упомянутый в летописи в 882 г.[3], ведутся уже 120 лет, начиная с публикаций В. И. Сизова и А. А. Спицына (*Сизов*, 1902; *Спицын*, 1905). Рассматривались следующие основные версии:

1. Начальный Смоленск находился в Гнёздово, а в XI в. был перенесен на современное место (*Спицын*, 1902; *Arne*, 1914; *Лявданский*, 1926; *Арциховский*, 1947[4]; *Насонов*, 1951; *Ляпушкин*, 1971; *Алексеев*, 1980; *Нефёдов*, 2012; *Шмидт*, 2012б).

2. Смоленск изначально находился на своем современном месте (*Писарев*, 1894; *Бугославский*, 1909; *Орловский*, 1909; *Андреев*, 1951; *Маковский*, 1952; *Тихомиров*, 1956; *Авдусин*, 1991)[5].

---

[1] Работа выполнена в рамках тем: «Города в культурном пространстве Северной Евразии в средневековье». Руководитель: Коваль В. Ю. (№ НИОКТР 122011200266-3) и «Междисциплинарный подход в изучении становления и развития древних и средневековых антропогенных экосистем». Руководители: Коробов Д. С., Добровольская М. Вс., Алешинская А. С. (№ НИОКТР 122011200264-9).

[2] Статья опубликована в журнале «Краткие сообщения института археологии», 2023. Вып. 271. С. 281–302.

[3] Первое достоверное упоминание Смоленска в ПВЛ.

[4] В последующих изданиях учебника по археологии А. В. Арциховский обходил вопрос о местоположении Смоленска молчанием.

[5] Первым, кто привел доказательства локализации древнейшего Смоленска на месте Соборной горы был З.Я. Долуга-Ходаковский. Он отметил это в своем труде

3. Синхронно существовали два поселенческих центра: на Соборной горе в Смоленске и в Гнёздово (*Сизов*, 1902; *Милонов*, 1939; *Хозеров*, 1945; *Петрухин, Пушкина*, 1979). Почти все авторы, независимо от их представлений о локализации Смоленска, считали, что Гнёздовский некрополь является кладбищем Смоленска X в. К ним относился и Б. Д. Греков, который считал, что вопрос о локализации Смоленска является открытым (*Греков*, 1953. С. 109).

Аргументы сторонников второй версии различались. Важно отметить научную интуицию первопроходца смоленской археологии С. П. Писарева. Он считал, что на Соборной горе существовало обширное городище, окруженное валом. Подтверждение он видел в рассказе смоленского протоиерея Ильи Васильева, сохранившего «предание дедов» о том, что при строительстве каменного архиерейского дома (1770-е гг.) материк был достигнут лишь на глубине пяти сажен. Вывод С. П. Писарева – «по окраинам холма земля насыпная, то есть вал или город» (*Писарев*, 1894. С. 201).

Для Д. П. Маковского, Н. В. Андреева и И. М. Хозерова главными аргументами были материалы, добытые осенью 1939 г. при наблюдениях за прокладкой канализации на Соборной горе. Там был обнаружен культурный слой с лепной керамикой VI–IX вв., по определению Н. П. Милонова (*Милонов*, 1939; *Тихомирова*, 1948). М. Н. Тихомиров проанализировал историко-ландшафтные особенности древнейших русских городов и сделал вывод в пользу Смоленских гор, а не пойменного Гнёздова (*Тихомиров*, 1956. С. 30, 31). Д. А. Авдусин не видел находок, утраченных в годы войны, и считал, видимо, вслед за М. Н. Тихомировым, что историческое ядро Смоленска находилось «где-то в центре современного города», но не на Соборной горе и не на соседних с нею «горах» (*Авдусин*, 1991. С. 9).

Работы Смоленской экспедиции ИА РАН в 2014–2022 гг. существенно добавили фактов и позволяют попробовать подвести первые итоги.

Рельеф Соборной горы за длительную историю ее освоения претерпел некоторые изменения. Северный склон террасирован, помимо верхней площадки четко выделяются два уступа на отметках 192–196 м и 205–208 м, по ним пролегают улицы Металлистов (Нижняя Митропольская) и Малая Школьная (Верхняя Митропольская). Эти уступы хорошо видны на картах XVIII–XIX вв. Очевидно, что уступы древние, созданные людьми. Западный склон частично срезан при устройстве шоссе (*Орловский*, 1905. С. 61). Мощный чехол культурного слоя накопился по периметру верхнего контура горы; так, на бровке западного и северо-восточного склонов его толщина достигает 5,3 м (шурф № 3 2021 г.), на восточной бровке – более 4,2 м (*Авдусин и др.*, 1974). Однако нельзя говорить о том, что площадь Соборной горы существенно увеличилась за счет поздних подсыпок.

1822 г., опираясь на топонимические данные – наличие речки Городянки напротив Соборной горы – прим. 2025 г.

Археологическое изучение Соборной горы имеет длительную историю. На рассматриваемом участке раскопки были проведены в 50 местах (рис. 1). Лучше изучена «подошва» Соборной горы – смоленский подол. Относительно неплохо изучена «первая ступень» горы (ул. Металлистов). Разведочные шурфы и небольшой по площади раскоп были заложены на «второй ступени» по улице Малой Школьной. Верхний уровень площадки изучен шурфами и раскопами, имевшими преимущественно архитектурно-археологическую направленность.

Первые археологические наблюдения на Соборной горе проводил С. П. Писарев в 1891–1892 гг. Им была обнаружена при прокладке водопровода «во многих местах» деревянная мостовая, ведущая от Успенского собора к Днепру, а также найдена кладка южной стены церкви XII в. в центре верхней площадки (*Писарев*, 1894. С. 156, 157; газета «Смоленский вестник» № 16, 1891; № 124, 1892). В 1899 г. наблюдения были продолжены у юго-восточной подошвы Соборной горы в Троицком переулке (газета «Смоленский вестник» № 204, 1899 г.), где был зафиксирован культурный слой мощностью 6 м.

В 1924–1925 гг. изучение Соборной горы продолжили И. М. Хозеров и А. Н. Лявданский. Были заложены шурфы возле соборной колокольни, в музейном дворике в центре горы, у южной бровки (*Лявданский*, 1926). Лишь в шурфе возле колокольни была обнаружена лепная керамика. На этом основании А. Н. Лявданский сделал предположение, что на северной оконечности Соборной горы находилось небольшое городище, «несомненно, древнее самого Смоленска», известного с IX в. (Там же. С. 208). Предположение А. Н. Лявданского о том, что слой с лепной керамикой есть только на северном крае Соборной горы, оказалось ошибочным. Лепная керамика была обнаружена в центре верхней площадки при работах 1939 г., затем при раскопках бесстолпного храма Н. Н. Ворониным и П. А. Раппопортом в 1964, 1965 гг., в раскопе 1966 г. Согор-10 (*Авдусин*, 1966). В 2017 г. слой с лепной керамикой был найден на бровке Сухого рва с внешней стороны на территории бывшего Троицкого монастыря (*Кренке и др.*, 2020).

В 1974 и 1983–1985 гг. были проведены исследования культурного слоя в центре Соборной горы (раскопы Согор-13 и Согор-17, руководитель экспедиции Д. А. Авдусин, начальники раскопов Т. А. Пушкина, Н. И. Асташова, Н. В. Сапожников). В раскопе Согор-13 было обнаружено кладбище XV–XVI вв., нарушившее культурный слой до материка; южнее кладбища в раскопе Согор-17 были зафиксированы частоколы усадеб XII–XIII вв. и трасса переулка, ориентированного З – В, т. е. поперек продольной оси Соборной горы (*Сапожников*, 1983; 1984; 1985).

Серия шурфов в южной части Соборной горы дала искаженную информацию, так как эти шурфы были остановлены на недостаточной глубине

(около 2 м), за материковый уровень исследователями был принят насыпной песок, о котором ниже.

Исследования 2014–2022 гг. дали новую информацию, которую разделим на два территориальных блока: 1) северо-восточный склон и днепровский подол; 2) верхняя площадка Соборной горы.

Материалы, полученные для первого блока, в основном уже опубликованы. Введен в научный оборот и корпус радиоуглеродных дат (*Кренке и др.*, 2022).

Суммируя полученные результаты, можно утверждать, что в верхней части северо-восточного склона в основании культурного слоя сохранился горизонт отложений VIII–IX вв. с остатками построек, которые в X–XI вв. были разрушены распашкой. Во второй половине XI в. древнейший культурный слой был местами перекрыт насыпью, возможно, имевшей фортификационное значение, а местами перекрыт усадебной застройкой XI–XII вв. Насыпь вала (гипотетического) прослеживается по трассе нынешней Мало-Школьной улицы в районе д. 20а (рис. 1: *2*). Нижней точкой на склоне, где обнаружен культурный слой с лепной керамикой конца I тыс. н. э., является шурф на участке по адресу: ул. Мало-Школьная, 5 (рис. 1: *4*). Далее вниз по склону встречаются лишь отдельные фрагменты лепной керамики.

Важную информацию дал шурф 2019/2020 гг., расположенный в тыльной части первой террасы у подошвы Соборной горы по адресу: ул. Соболева, 16 (рис. 1: *6*). Общая мощность культурного слоя в шурфе составила 4,5 м (рис. 2). При раскопках слой был разделен на 21 пласт. Нижние 3 м культурного слоя сформировались в древнерусское время. В интервале глубин 180–360 см слой был сложен песчаными делювиальными наносами, включавшими углистую супесь с многочисленными отходами железоделательного производства. Нижние 80 см представляли собой типичную для культурного слоя древнерусских городов смесь щепы и навоза. В нижних пластах 20 и 21 преобладала круговая керамика второй половины XI в. (рис. 2: *9–11*). В основании культурного слоя встречены мелкие фрагменты лепной керамики конца I тыс. н. э. (рис. 2: *5–8*). Отдельные более крупные фрагменты лепной керамики, очевидно, смытые с более высоких уровней, встречены в средней части напластований (рис. 2: *3, 4*). В этом же намывном горизонте был найден шиферный крестик-корсунчик XI–XII вв. (рис. 2: *2*). Аналогичный крест был найден на Соборной горе в раскопе Согор-17 (*Сапожников*, 1985). Похожий, но сланцевый крестик происходит из раскопа в Пятницком конце Смоленска (*Пронин и др.*, 2011. Илл. 131: *26*).

На уровне пласта 20 была обнаружена находка, характерная для «дружинной культуры» – обломок железного крылатого псалия от конской узды с инкрустацией латунной проволокой (рис. 2: *1*). Подобные псалии были найдены в нескольких пунктах в пределах Древней Руси и Волжской Булгарии.

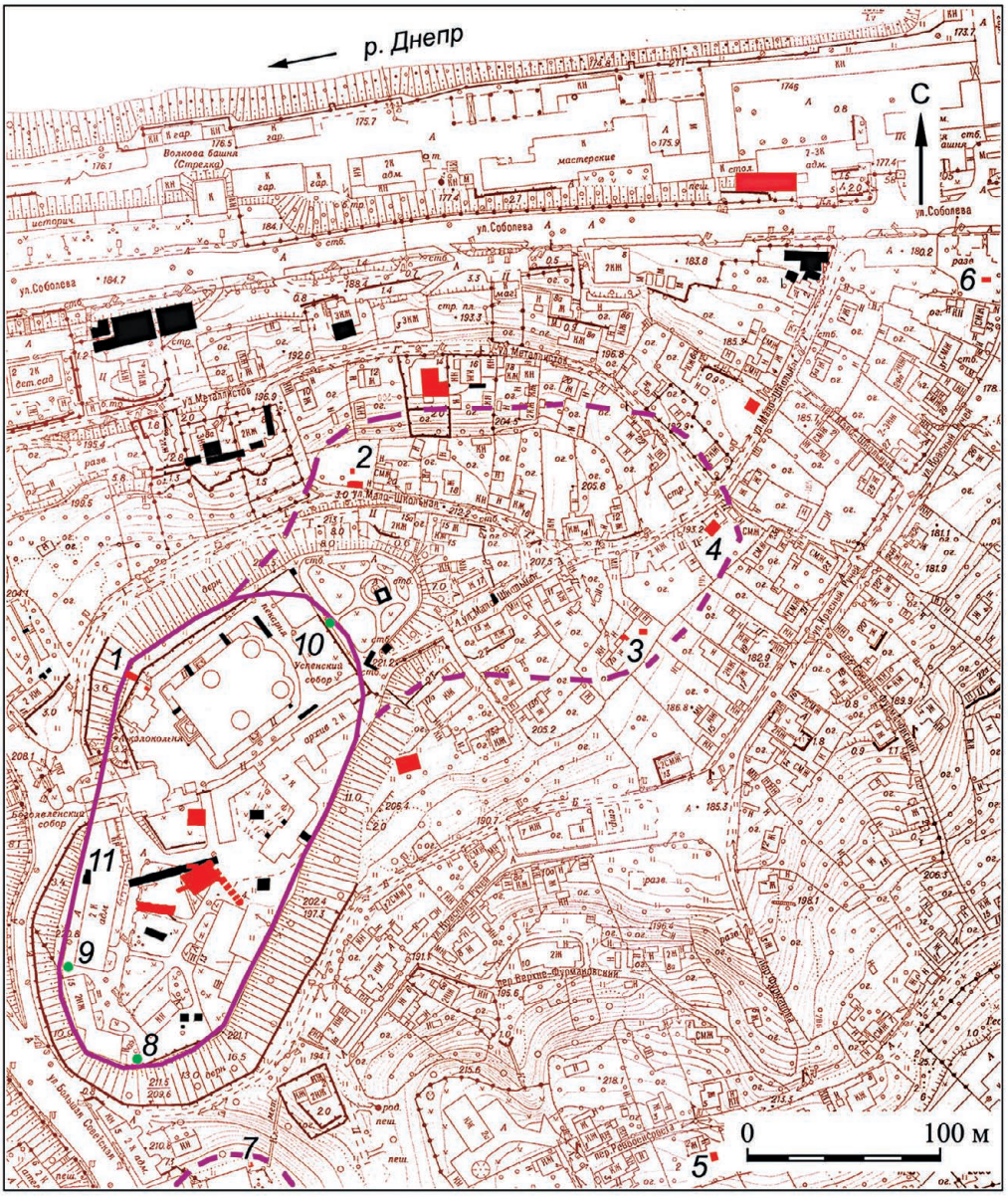

Рис. 1. Границы поселения VIII–IX вв. на Соборной горе Смоленска.
Сплошная фиолетовая линия – границы крепости, пунктир – границы посада.
Археологические раскопы с лепной керамикой конца I тыс. н. э. – красный цвет;
без лепной керамики – черный цвет.
1 – шурф 1 2021/2022 гг.; 2 – шурф 2015/2016 гг.; 3–5 – шурфы 2014 г.; 6 – шурф 2020 г.;
7 – шурф 2017 г.; 8–10 – геологические зондажи 2021 г.; 11 – шурф 1974 г. (Согор-14)

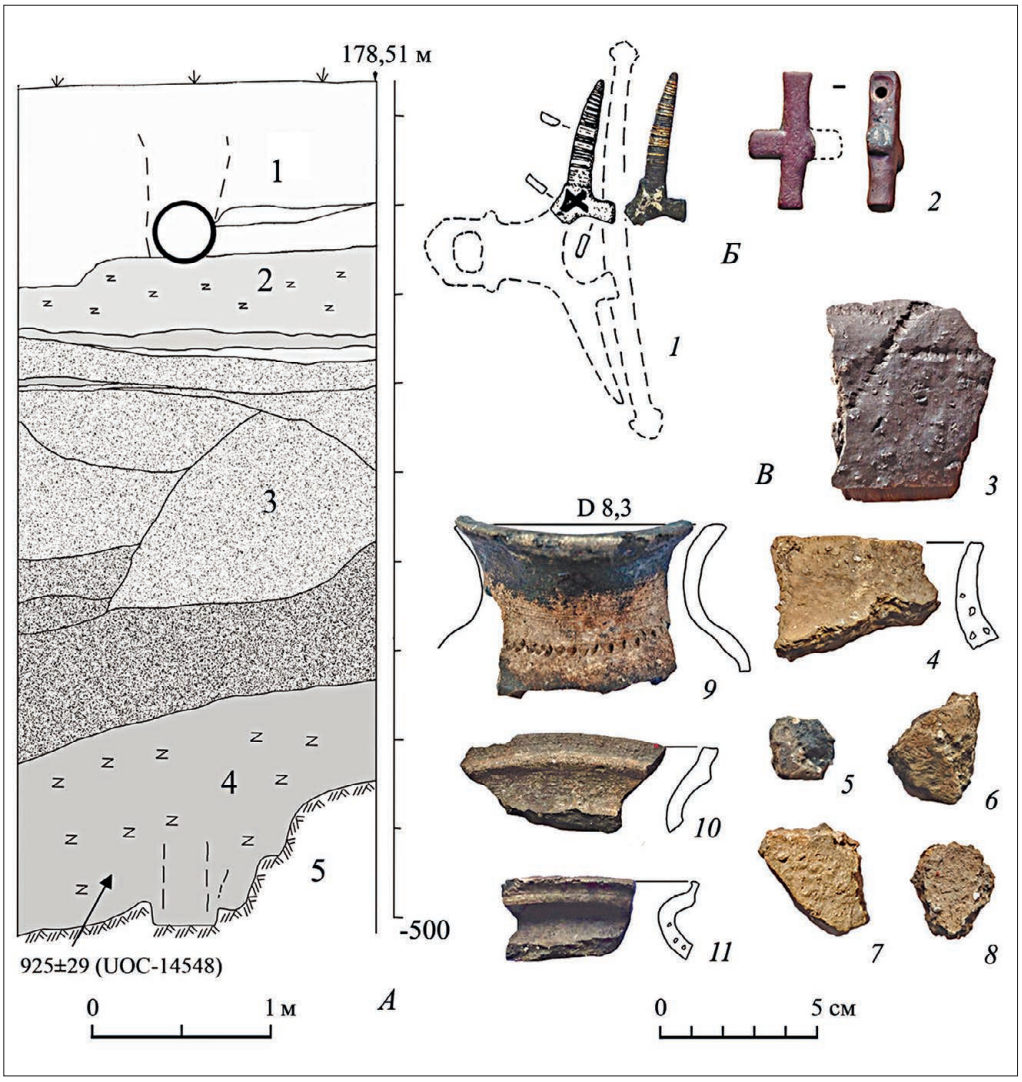

Рис. 2. Стратиграфия и важнейшие находки из шурфа 2019/2020 г. на ул. Соболева, 16. А — стратиграфия восточного борта; описание слоев: 1 — темно-серая рыхлая супесь XIX– XX вв.; 2 — слой щепы с навозом XVII–XVIII в.; 3 — слои наносного песка с линзами угля XII–XVI вв.; 4 — слой щепы с навозом XI–XII вв.; 5 — материковая супесь, Б — находки: 1 — фрагмент крылатого псалия с инкрустацией латунью, пласт 20; 2 — крестик-корсунчик из пирофиллита, пласт 14, гл. -356
В — керамика лепная конца I тыс. н. э. (3–8) и круговая XI в. (9–11): 3 — пласт 13, гл. -310; 4 — пласт 13, гл. -338; 5, 6, 11 — пласт 21 над материком; 7 — отвал; 8, 9 — пласт 19; 10 — пласт 20

Концентрация находок приходится на Суздальское ополье, где найдено до полутора десятков аналогичных псалиев (*Макаров и др.*, 2017; *Федорина и др.*, 2020. Рис. 24; *Шполянский*, 2017. С. 161).

Для нижнего пласта описываемого шурфа по скорлупе ореха получена радиоуглеродная дата 925 ± 29 (UOC-14548). Наиболее вероятное календарное значение этой даты: 1045 (31,7 %) 1085 гг. н. э.[1], что полностью соответствует археологическим находкам.

Новые данные хорошо сходятся с материалами старых раскопов Д. А. Авдусина. Мелкие фрагменты лепной керамики в основании культурного слоя, скорее всего, связаны с хозяйственной, а не селитебной активностью.

Для верхней площадки Соборной горы наиболее информативным оказался шурф № 1 2021/2022 гг., расположенный у бровки склона на северо-западе возле колокольни (рис. 1: *1*). Размеры шурфа 3 × 6 м, максимальная глубина – 3,25 м (без учета ям). Верхние 1–2,5 м напластований в шурфе были сложены культурным слоем, насыщенным строительным мусором XV–XX вв. Ниже залегала насыпь, сложенная из материкового песка с редкими находками шнуровой керамики бронзового века и линзами черного слоя с лепной керамикой конца I тыс. н. э. В теле песчаной насыпи прослеживались деревянные конструкции, которые имели лучшую сохранность в основании. Бревна конструкции диаметром около 10 см были обуглены. Судя по взаимному положению остатков бревен, конструкции представляли собой «клети» – типичный элемент земляных оборонительных валов. По двум образцам, взятым из клетей, были получены радиоуглеродные даты 1230 ± 40 (ГИН-16137) и 1280 ± 40 (ГИН-16211). Младшая из этих дат при калибровке с наибольшей вероятностью (33,0 %) указывает на интервал 785–835 гг. н. э. Старшая с наибольшей вероятностью указывает на интервал 657 (81,7 %) 778 calAD, но и более поздний возраст не исключен: 786 (11,4 %) 830 calAD. То есть в целом датировка конструкций вала IX в. кажется вполне достоверной. С учетом дат для подстилающего вал культурного слоя (о них далее) VIII в. можно исключить.

Результаты изучения шурфа возле колокольни позволили понять стратиграфию шурфа 1974 г. возле архиерейского дома и геологических зондажей 2021 г. по периметру церковной ограды (рис. 1: *8–11*). Везде в перечисленных шурфах в основании стратиграфических разрезов была зафиксирована песчаная насыпь, переслоенная линзами черного слоя (рис. 6). То есть вал шел по периметру верхней площадки Соборной горы, исключая ее северо-восточную оконечность (его нет в раскопах в районе смотровой площадки).

[1] Датирование проводилось в университете Оттавы по методике AMS. Калибровка по программе OxCal, 4,4.

Обнаруженный на Соборной горе оборонительный вал имеет ближайшую аналогию в кривическом культурном ареале на городище Лукомль (*Штыхов*, 2014).

Под песчаной насыпью вала залегал черный культурный слой толщиной до 20 см, в котором была найдена значительная масса керамики и серия вещевых находок (использовалась промывка через миллиметровое сито). При зачистке материка были выявлены остатки постройки, представленной очажной ямой с фрагментами глиняной обмазки (яма 1) и серией неглубоких столбовых ям. Яма 2, вероятно, осталась от несущего столба возле очага, яма 5 – это небольшое углубление под скоплением костей крупного барана (см. ниже), возможно, жертвенный комплекс. Яма 6 – подбой XII в. или более поздний (рис. 3).

Находки образуют компактную хронологическую группу, связанную с культурой смоленско-полоцких длинных курганов VIII–X вв. Лишь прямоугольная бронзовая с лужением поясная накладка с рифлением в виде четырех параллельных выпуклых линий в квадратной рамке имеет более раннюю дату – 3-я четверть I тыс. н. э. (рис. 4: *1*). Аналогии данной накладке представлены на поясе с городища Никодимово в Белоруссии, который автор раскопок отнес ко второй половине VII в. (*Седин*, 1994; 2012. Рис. 12: *14, 15*). В Глуховском районе Сумской области (Украина) был найден клад с пряжками и псалиями с аналогичным рифленым орнаментом (*Казанский*, 2018. Рис. 7). По мнению М. М. Казанского, бляшка с Соборной горы, вероятно, датируется V–VI вв. (письмо от 03.01.2023).

Состав основного вещевого комплекса следующий: биконические пряслица (рис. 4: *14*) и фрагменты тиглей (рис. 4: *5*), отходы бронзолитейного производства (рис. 4: *2–4, 12*). Украшения представлены серией трапециевидных привесок со штампованным орнаментом (рис. 4: *7–11*), типичных для культуры смоленско-полоцких длинных курганов (*Енуков*, 1990. Рис. 15). Сочетание орнамента в виде трех рядов «точек» и крестиков над ними (рис. 4: *8*) является относительно редким, зафиксировано в кургане № 8 могильника Шугайлово (*Шмидт*, 2013. Рис. 12: *3*), в Прудниках в Белорусском Подвинье (*Шадыра*, 2006. Табл. 20: *26*). Одна из привесок (рис. 4: *9*) была «вторичным» украшением, вырезанным из пластины головного венчика. С привесками связана серия проволочных колечек-переходников. Т-образная привеска-пуговица (рис. 4: *6*) пока не имеет точных аналогов. Обломок серповидного височного кольца (рис. 4: *13*) типа 2 варианта 2 с орнаментом «вогнутый зигзаг», по В. С. Нефёдову (*Нефёдов*, 2009). Аналогичные кольца встречены в ряде курганов на Смоленщине и на Гнёздовском поселении, датировка – в широких пределах VIII–X вв.

Важной находкой является миниатюрная костяная фигурка в форме птички с двумя отверстиями (рис. 4: *15*). Одно отверстие сделано таким образом,

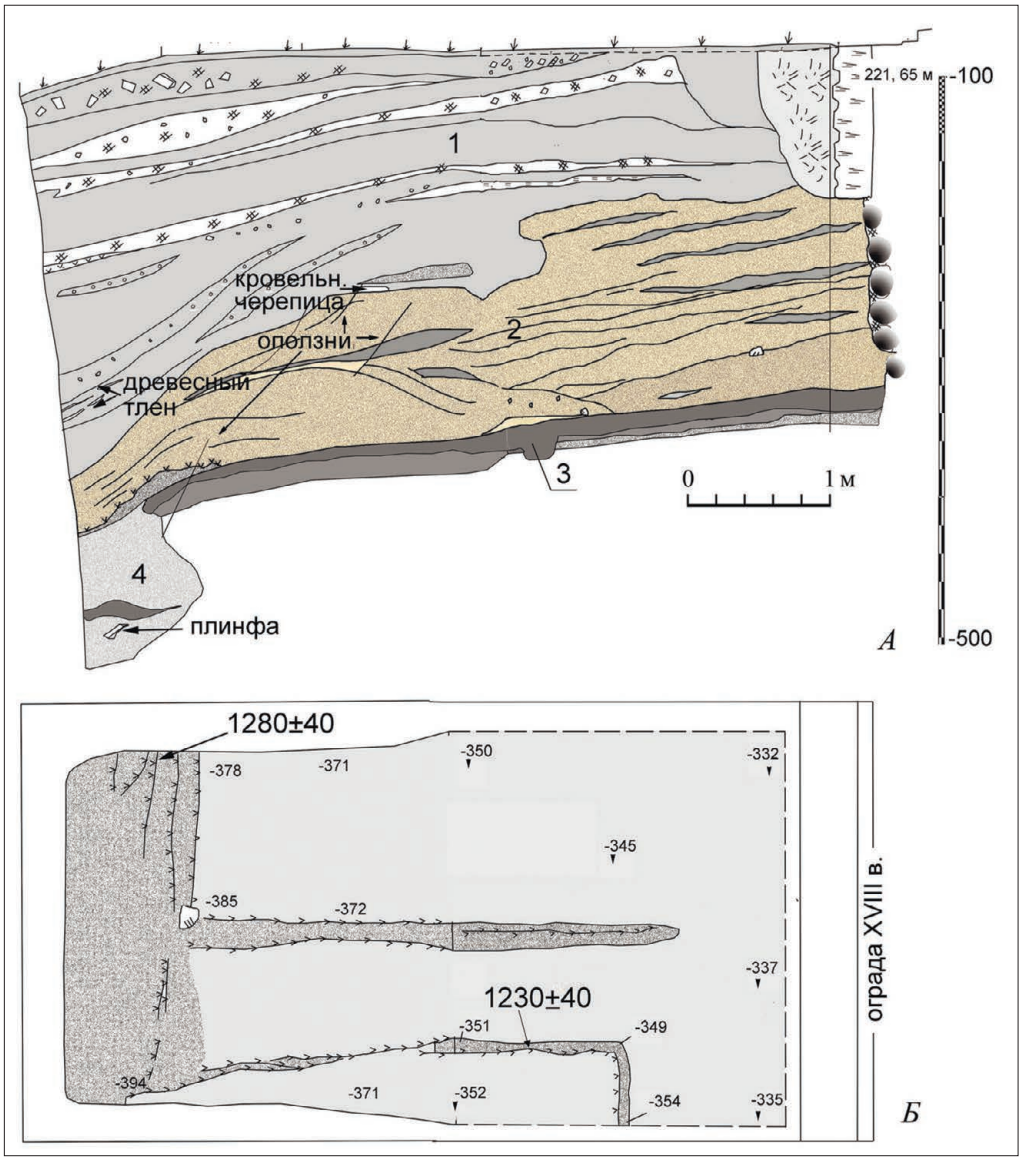

Рис. 3. Профиль и план шурфа 1 2021/2022 гг. на Соборной горе Смоленска.
А – профиль северного борта: 1 – свита прослоек серой супеси, извести и кирпичного боя XVI–XX вв.; 2 – желто-бурый песок с линзами темно-серой супеси (насыпь вала IX в.); 3 – темно-серая супесь/суглинок (нижний культурный слой V–IX вв.); 4 – яма-подбой,
Б – план по основанию вала/верху нижнего черного слоя с указанием мест отбора образцов на радиоуглеродное датирование

Рис. 4. Находки из насыпи вала и нижнего черного слоя шурфа №1 2021/2022 гг. на Соборной горе Смоленска:
1 – нашивная бляшка; 2–4, 12 – выплески бронзы; 5 – тигель; 6–11 – подвески; 13 – височное кольцо; 14 – пряслице; 15 – подвеска-птичка; 16–37 – бусы; 1–4, 6–13 – бронза; 5, 14 – глина; 15 – кость; 16–35 – стекло

что можно предположить, что фигурка насаживалась на тонкий стержень. На Смоленщине были известны несколько подобных находок в курганах у деревень Дроково, Заозерье, Лопино и др. (*Енуков*, 1990. С. 65. Рис. 22; *Шмидт*, 2014. С. 139). Ряд находок известны в Подвинье, Могилевском Поднепровье на территории Белоруссии (*Марзалюк*, 2017. Мал. 78; *Шадыра*, 2006. С. 39; *Штыхов*, 1992. С. 47, 48), а также на Асотском городище в Латвии в низовьях Даугавы (*Шноре*, 1961. Табл. X: *11*). Подвеска-птичка была найдена в Старой Ладоге (*Нефёдов*, 2003).

Комплекс стеклянных бус из нижнего слоя шурфа представлен 22 экз. (рис. 4: *16–37*). Среди них наиболее надежными хронологическими маркерами могут считаться 14-гранная голубая (рис. 4: *18*), тип 117, по В. Б. Ковалевской (*Ковалевская*, 2000. С. 22). Эти бусы имели пик распространения в VIII–IX вв., в X в. вышли из употребления. Не менее важна мозаичная глазчато-реснитчатая шароообразная бусина (рис. 4: *17*), тип 254, по В. Б. Ковалевской. Этот тип также датируется преимущественно VIII–IX вв. Сине-желто-красные полосчатые бусины (рис. 4: *19–21*) соответствуют типу 188, по Ковалевской. Тождественные бусины были найдены в древнейших слоях Старой Ладоги (*Львова*, 1968. Типы 25, 26) и Пскова (*Салмин и др.*, 2021. Рис. 9), датировка – VIII–IX вв.

Пять радиоуглеродных дат получены для нижнего черного слоя в шурфе 1 по образцам угля, ферментированному зерну ячменя (*Кренке и др.*, 2022). Самая молодая из этих дат 1211 ± 12 (UOC-18182), самая древняя – 1310 ± 40 (ГИН-16135). Калиброванные значения охватывает период с конца VII по конец IX в. Вышеприведенная дата по конструкции вала позволяет предположить, что формирование черного слоя под валом завершилось ранее середины IX в.

Важнейшей характеристикой слоя под валом является набор керамики. На уровне предматерика была обнаружена керамика колочинско-тушемлинской традиции. Был найден один крупный венчик и несколько мелких, а также фрагменты стенок с ребром (рис. 5: *1*). То есть количество керамики небольшое сравнительно с насыщенным находками нижним черным слоем. Керамика этой группы имеет выраженные отличия от керамики последней четверти I тыс. н. э. Примеси в керамике колочинско-тушемлинской традиции очень грубые, размеры зерен дресвы до 6 мм. Форма некоторых горшков биконическая, верх венчиков уплощен и наклонен внутрь; ребро, видимо, располагалось в средней части тулова. Керамика с Соборной горы очень близка к керамике городища Демидовка со слоями V–VI вв. в окрестностях Смоленска (*Кренке и др.*, 2021; *Шмидт*, 2003). Пока трудно судить о размерах поселения V–VII вв. н. э. на Соборной горе. Имеющиеся данные позволяют склоняться к версии, что поселение занимало лишь часть верхней площадки горы. Возможно, к этому поселению относился могильник, открытый

в 2020 г. на правом берегу Пятницкого ручья на первой береговой террасе Днепра в 650 м западнее вершины Соборной горы (на месте дома 1а по ул. Б. Краснофлотская). Там было зафиксировано 4 безынвентарных трупосожжения в ямках. По трем погребениям получены даты: 1430 ± 100 (ГИН-16199); 1340 ± 30 (ГИН-16098); 1250 ± 30 (ГИН-16198), что при калибровке указывает с наибольшей вероятностью на VII–VIII вв.

Основная группа керамики последней четверти I тыс. н. э., собранной в нижнем слое на вершине Соборной горы и ее склонах, насчитывает более 1200 фрагментов, в том числе около 200 венчиков (рис. 5: *2–5*). Две трети этой коллекции приходится на шурф 1 у стены напротив колокольни (143 венчика, 736 стенок, 27 донец). Характеристика керамики из шурфов на склоне была дана ранее (*Кренке и др.*, 2020). Материалы 2021/1922 гг. не выявили новых морфологических разновидностей. Преобладающая группа неорнаментированных венчиков относится к вариантам А и Б типа 10, по Н. В. Лопатину (*Лопатин*, 2022), или к первой группе (варианты 1, 2, 4), по И. И. Еремееву (*Еремеев, Дзюба*, 2010. С. 481), с прямым и отогнутым краем, соответственно, и округлым плечиком (рис. 5: *2, 3*). Можно также выделить керамику с более резким уступом плеча (рис. 5: *4*). Орнаментированная керамика с пальцевыми вдавлениями составляет незначительную часть комплекса (рис. 5: *5*), по форме она относится к типу 10Б (край венчика отогнут наружу). Отметим, что в слое под валом не было найдено фрагментов лепной керамики, орнаментированных оттисками «палочки с веревочкой», не было там и раннекруговой керамики.

Остеологические данные

Полученный остеологический материал (см. табл. 1) из нижнего черного слоя под насыпью вала преимущественно плохой сохранности и представлен, в основном, неопределимыми фрагментами. Около трети костей обуглены или кальцинированы. Основную массу составляют кости млекопитающих (99,2 %; N = 1436). Определение таксономической принадлежности костей показало, что в отложении присутствуют остатки практически всех домашних животных, характерных для данного региона. В шурфе обнаружен единственный фрагмент метаподия лошади, 36 зубов и фрагментов костей свиньи (MNI = 7), девять зубов и фрагментов костей коровы (MNI = 4), две кости домашней козы (MNI = 1) и 62 кости и зубов домашней овцы (MNI = 3). Основное количество костей овцы было в двух скоплениях, принадлежало одному животному и, судя по строению тазовой кости (*Prummel, Frisch*, 1986), это был баран. Несколько костей сохранились целыми, что дало возможность их измерения и реконструкции высоты животных в холке. По индек-

сам M. Teichert (*Teichert*, 1975), высота животного в холке составляла 68–69 см. Это достаточно крупные животные для данного региона. Так, вычисление размеров овец по пястным костям, по данным В. И. Цалкина, (*Цалкин*, 1972) показало, что в средневековье средняя высота в холке древнерусской лесной овцы была 60,1 см, древней эстонской – 59,7 см, древней латвийской – 57,8 см, золотоордынской – 66,0 см, Волжских Болгар – 68,7 см. По данным A. Lasota-Moskalewska (*Lasota-Moskalewska et al.*, 1998), высота овец в холке из памятников с территории Польши в среднем составляет 60,9 см, а с территории Белоруссии – 59,8 см, при этом разброс составляет 46,2–70,8 и 53,1–68,1 см соответственно. Таким образом, делать какие-либо определенные выводы по поводу размера овец у жителей древнего Смоленска на основе нашей единичной находки пока преждевременно. Комплект костей данной особи неполный. Так, присутствовал только один фрагмент черепа, отсутствуют обе пястные кости. На некоторых костях (бедренной головке, проксимальном эпифизе большеберцовой) имеются следы разделки, что свидетельствует об использовании животного в пищу. Также отмечено 22 кости мелкого рогатого скота, не определенных до вида. Из диких животных отмечены единичные находки костей косули и благородного оленя. Из мелких млекопитающих отмечены две кости водяной полевки (Arvicola amphibius) и пять костей грызунов, ближе не определенных. В раскопках были найдены две кости птиц – одну определить не удалось, а вторая – фрагмент коракоида курицы. На северо-западе России курица появилась довольно поздно – она известна из раскопок Старой Ладоги (IX–X вв. н. э.) и из Псковского региона (XII– XIII вв. н. э.) (*Lebrasseu et al.*, 2021). Достаточно поздно она появилась в Финляндии и Скандинавии (*Walker et al.*, 2020). На юге России курица появилась в середине I тыс. н. э. (*Lebrasseu et al.*, 2021). В шурфе было обнаружено 9 костей мелких карповых рыб[1].

Для представленных выше данных предлагается следующая интерпретация. Древнейшее поселение в Смоленске находилось на горе, а не на берегу Днепра. В IV–VI (VII) вв. на вершине Соборной горы существовало небольшое поселение, колочинско-тушемлинской (демидовской) культурной традиции. На рубеже VII–VIII вв. здесь было основано значительное по площади поселение идентичное по характеристикам культуры смоленско-полоцким длинным курганам, которое в первой половине IX в. было укреплено оборонительным валом. Площадь укрепленной части поселения составила 2 га, а общая площадь поселения около 4 га. Земледелие и скотоводство составляли основу хозяйства населения, проживавшего на Соборной горе. Скорее всего, именно это поселение упомянуто летописью, как град

[1] Важно обратить внимание на то, что структура остеологической коллекции с Соборной горы Смоленска отличается от коллекции из раскопок Гнёздово, где доминируют кости крупного рогатого скота. см. И.В. Кириллова, 2007 – прим. 2025 г.

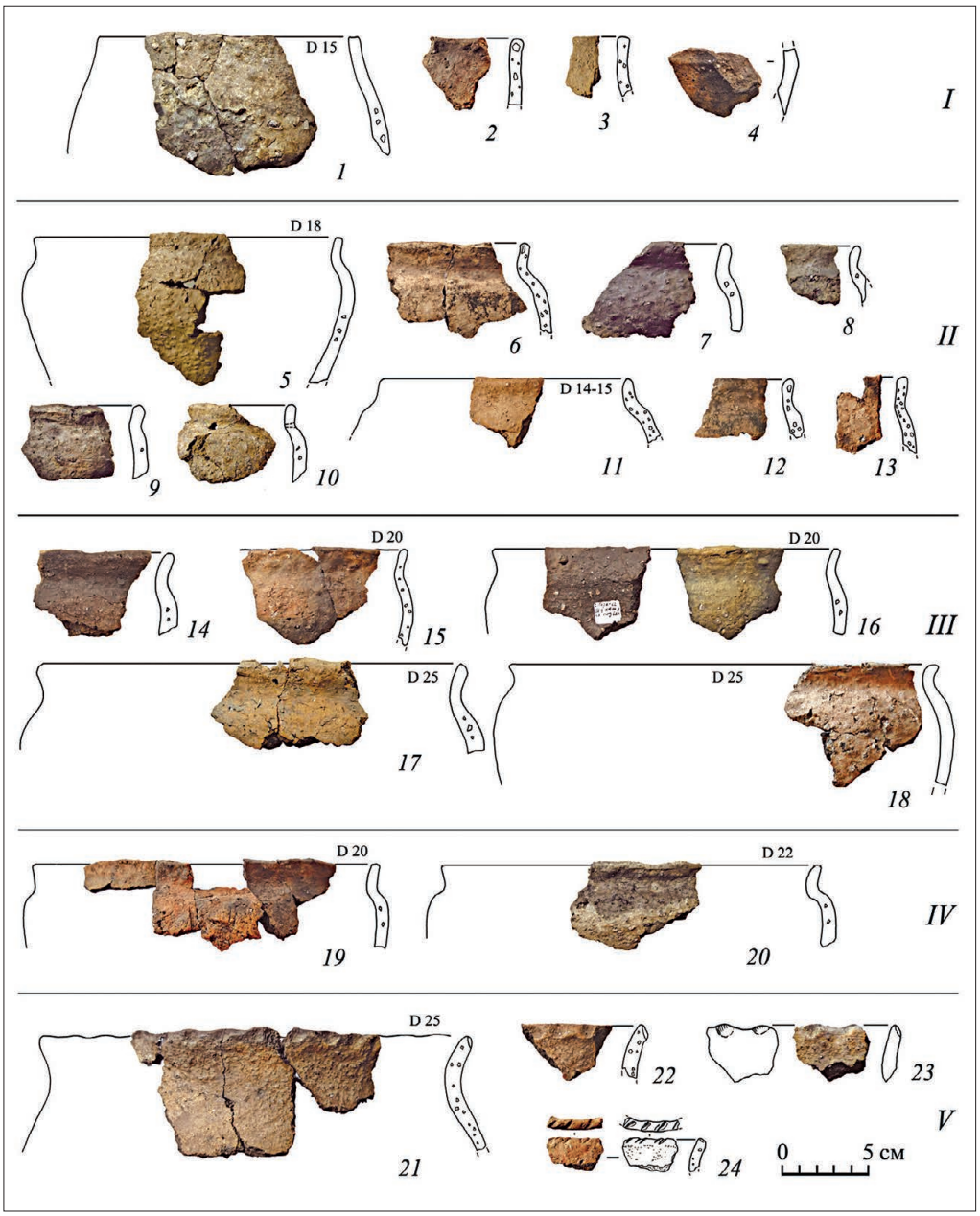

Рис. 5. Керамика из предматерика и нижнего черного слоя в шурфе № 1 2021/2022 гг. на Соборной горе Смоленска:
I – керамика IV–VI вв. колочинской традиции; II – керамика VIII–IX вв. типа 10А, по Лопатину (с прямым венчиком); III – керамика VIII–IX вв. типа 10Б, по Лопатину (с отогнутым наружу венчиком); IV – горшки с резким перегибом плечика; V – орнаментированные горшки

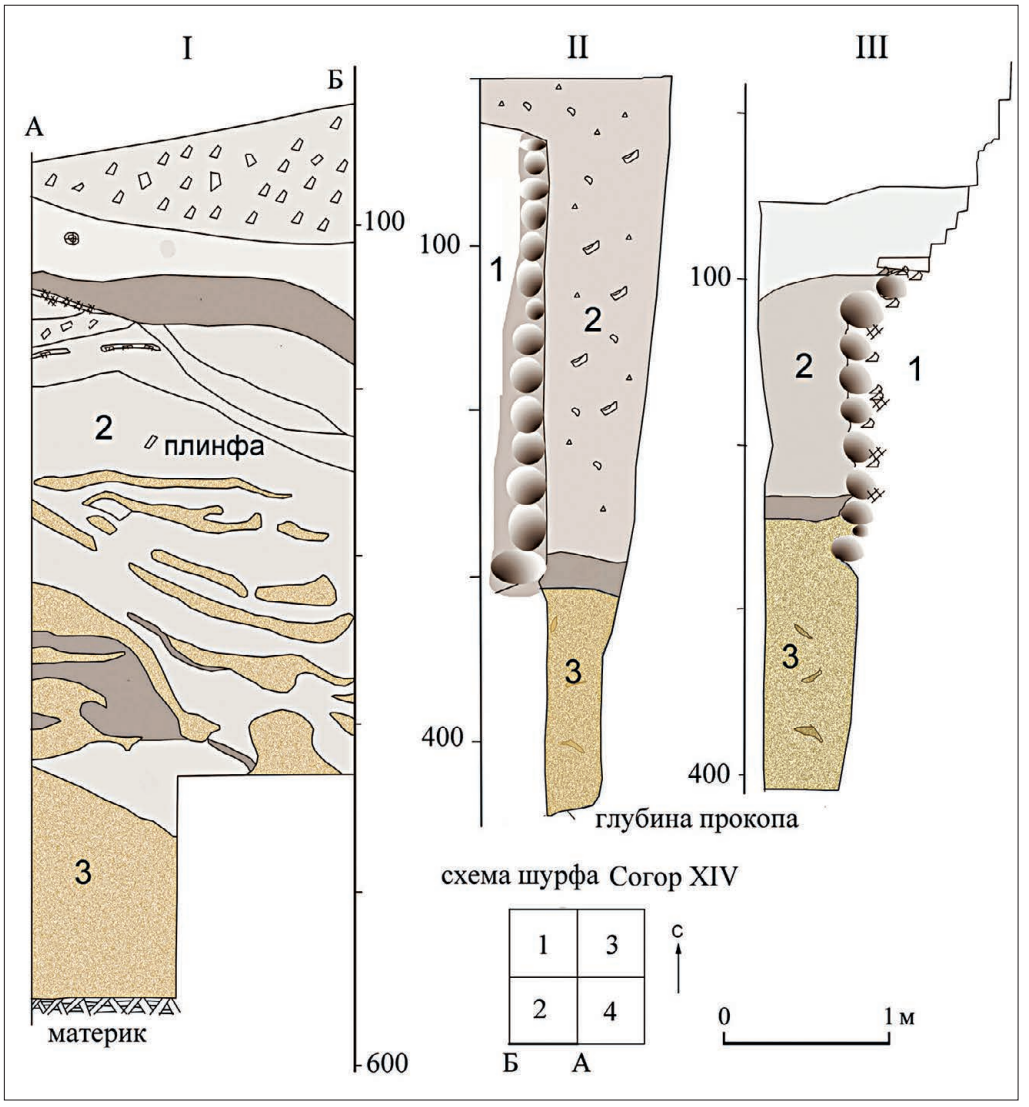

Рис. 6. Профили геологических зондажей и шурфа 1974 г. на Соборной горе Смоленска: I – южный борт раскопа Согор 14 (по отчету Авдусина 1974 г.); II – геологический зондаж на западном краю Соборной горы (рис. 1: 9); III – геологический зондаж на южном краю горы (рис. 1: 8),
1 – фундамент ограды XVIII в.; 2 – свита прослоек XVI–XX вв.;
3 – мешаный песок насыпи вала

Смоленск, принадлежавший кривичам. В X в. поселение на Соборной горе пришло в упадок, очевидно, по причине возвышения скандинавской (шведской) колонии Гнёздово, а в начале XI в. христианский древнерусский город возрождается на месте старой крепости, валы которой, несомненно, были еще прекрасно видны.

Таблица 1. Видовой состав остеологических остатков из нижнего черного слоя V – IX вв. под насыпью вала

Русское название	Латинское название	Кол-во костей	Мин. кол-во особей
Лошадь	Equus caballus	1	1
Свинья	Sus scrofa domesticus	36	7
Корова	Bos taurus	9	4
Домашняя коза	Capra hircus	2	1
Овца	Ovis aries	62	3
Мелкий рогатый скот	Ovis/Capra	22	
Косуля	Capreolus capreolus	1	1
Благородный олень	Cervus elaphus	1	1
Водяная полевка	Arvicola amphibius	2	1
Грызуны ближе неопр.	Rodentia	5	
Млекопитающие ближе неопр.	Mammals unident.	1295	
Домашняя курица	Gallus gallus	1	1
Птицы ближе неопр.	Aves	1	
Рыбы	Pisces	9	

Авторы благодарят Ю. Н. Шорина за предоставленные материалы из смоленских газет; С. В. Хаврина – за проведение спектрального анализа металла в лаборатории Государственного Эрмитажа, Н. В. Лопатина – за консультации по типологии лепной керамики конца I тыс. н. э. и М. М. Казанского за консультации по хронологии ременной гарнитуры.

**Н. А. Кренке, Е. Г. Ершова, И. Н. Ершов, В. А. Раева,
К. А. Ганичев, А. Л. Александровский, М. А. Кулькова,
П. Киттель, М. М. Певзнер, Е. В. Пономаренко,
Н. Г. Лавренов, М. В. Лавриков, С. Н. Чаукин**

РАДИОУГЛЕРОДНОЕ ДАТИРОВАНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ПРИРОДНЫХ ОБЪЕКТОВ СМОЛЕНЩИНЫ В 2014–2021 ГГ.[1, 2]

Резюме. В статье приведены результаты радиоуглеродного датирования археологических памятников и природных объектов (озерных и болотных отложений, погребенных почв), где производился антракологический и спорово-пыльцевой анализы. В качестве наиболее существенных результатов отмечаются следующие: 1) на Соборной горе в Смоленске выявлены остатки поселения культуры шнуровой керамики бронзового века, которому соответствует дата, указывающая на втор. пол. III тыс. до н. э.; 2) здесь же выявлен культурный слой поселения VII–IX вв. (видимо, древнейшего Смоленска русской летописи), датированного по серии образцов, включая обугленные зерна культурных злаков; 3) датирование древесных колец дубовых надгробий XIII в. древнейшего кладбища Вязьмы позволило построить дендрохронологическую шкалу по дубу для Смоленщины. Серия спорово-пыльцевых колонок из болот, расположенных в разных частях Смоленской области, выявила динамику ландшафтов за последние пять тысяч лет. В этом хронологическом интервале выделено несколько пиков хозяйственной активности. Большинство из этих пиков демонстрируют хорошее соответствие известным археологическим данным, но некоторые, например, пик с возрастом 2800–2900 л. н., пока не имеют подтверждения в археологических памятниках, хотя логично предполагать, что в финале бронзового века в «предгородищенское» время территория была освоена.

Ключевые слова: Смоленск, радиоуглеродное датирование, спорово-пыльцевой анализ, зерна культурных злаков, подсека, шнуровая керамика.

В процессе работы Смоленской экспедиции ИА РАН и связанного с ней коллектива ботаников биологического факультета МГУ было получено около ста радиоуглеродных дат для археологических (табл. 1, все таблицы см. в конце статьи) и природных (табл. 2) объектов, составляющих еще не очень «плотный», но уже пригодный для обсуждения «хронологический каркас» истории заселения, хозяйственного освоения территории и ее «естественной истории».

Датирование проводилось в четырех лабораториях. Три из них получают даты на сцинтилляционных счетчиках – Геологический институт РАН (Москва), Российский гос. пед. университет им. Герцена (Санкт-Петербург) и Лаборато-

[1] Статья опубликована в журнале «Краткие сообщения института археологии», 2022. Вып. 267. С. 320–343.

[2] Археологические работы проводились с привлечением средств гранта РФФИ 20-09-00171, палеоботанические анализы проводились с привлечением средств гранта РФФИ 19-04-01246.

рия абсолютного датирования в Кракове (Польша); четвертая лаборатория (Университет Оттавы, Канада) использует ускорительную масс-спектрометрию (AMS). В ряде случаев проводилось перекрестное датирование одновременно в разных лабораториях, что повышает надежность выводов. Для AMS-датирования по возможности отбирались материалы с наименьшим собственным возрастом – семена, тонкие побеги, береста.

Кроме того, проведены дополнительные ботанические исследования: древесные угли определялись до рода, зерна культурных злаков – до вида. В тех случаях, если предстояло датировать погребенные почвы или наносы, а не культурный слой, образцы объемом около 3 литров промывались через сито (*Пономаренко*, 2017), после чего состав угольного пула анализировался во фракциях крупнее 0,6 мм и сравнивался с диагностическими признаками подсечных слоев. Анализ таких промывок позволил обнаружить обломки зерен культурных злаков, замаскированных разнообразными поверхностными образованиями или преобразованных мацерацией (рис. 1: *1–8*).

Начнем обсуждение с самого крупного объекта – города Смоленска, для которого всего получено 44 даты, в том числе две современные (табл. 1). В хронологии Смоленска существует главная проблема, которая подразделяется на две составляющие: 1) возраст поселения на Соборной горе; 2) начальный возраст городского культурного слоя на Подоле. В обоих случаях результаты радиоуглеродного датирования играют существенную роль.

За более чем 150 лет археологических исследований в Смоленске (начало им было положено в 1867 г. при раскопках собора на Протоке М. П. Полесским-Щепило) на склонах Соборной горы были собраны разнообразные находки бронзового века (*Лявданский*, 1926; 1927; *Шмидт*, 1976), и сформировалось представление, что Соборный холм это «место древних поселений» (*Шмидт*, 1976. С. 230). Предполагалось, что там было поселение (или городище?) сер. и третьей четв. I тыс. н. э. и, возможно, детинец древнерусского времени. Спорово-пыльцевые исследования показали, что участок имел длительную историю освоения и формирования исторического ландшафта (*Ершова, Кренке*, 2017).

Даты получены по образцам из шурфа № 1 2021 г., расположенного на расстоянии нескольких метров от шурфа 1925/1926 гг., рядом с колокольней на северо-западном краю верхней площадки Соборной горы, а также из шурфов 2014–2017 гг., исследованных в верхней части северо-восточного склона (ул. Мало-Школьная, 7; 20а). Даты относятся к четырем стратиграфическим кластерам: 1) погребенная почва; 2) нижний культурный слой; 3) конструкции вала, перекрывающего нижний культурный слой; 4) частокол ограды древнерусской усадьбы, прорезавший нижний культурный слой (рис. 2).

Исследования 2014–2021 гг. позволили сделать важные дополнения и существовавшей ранее информации о Соборной горе.

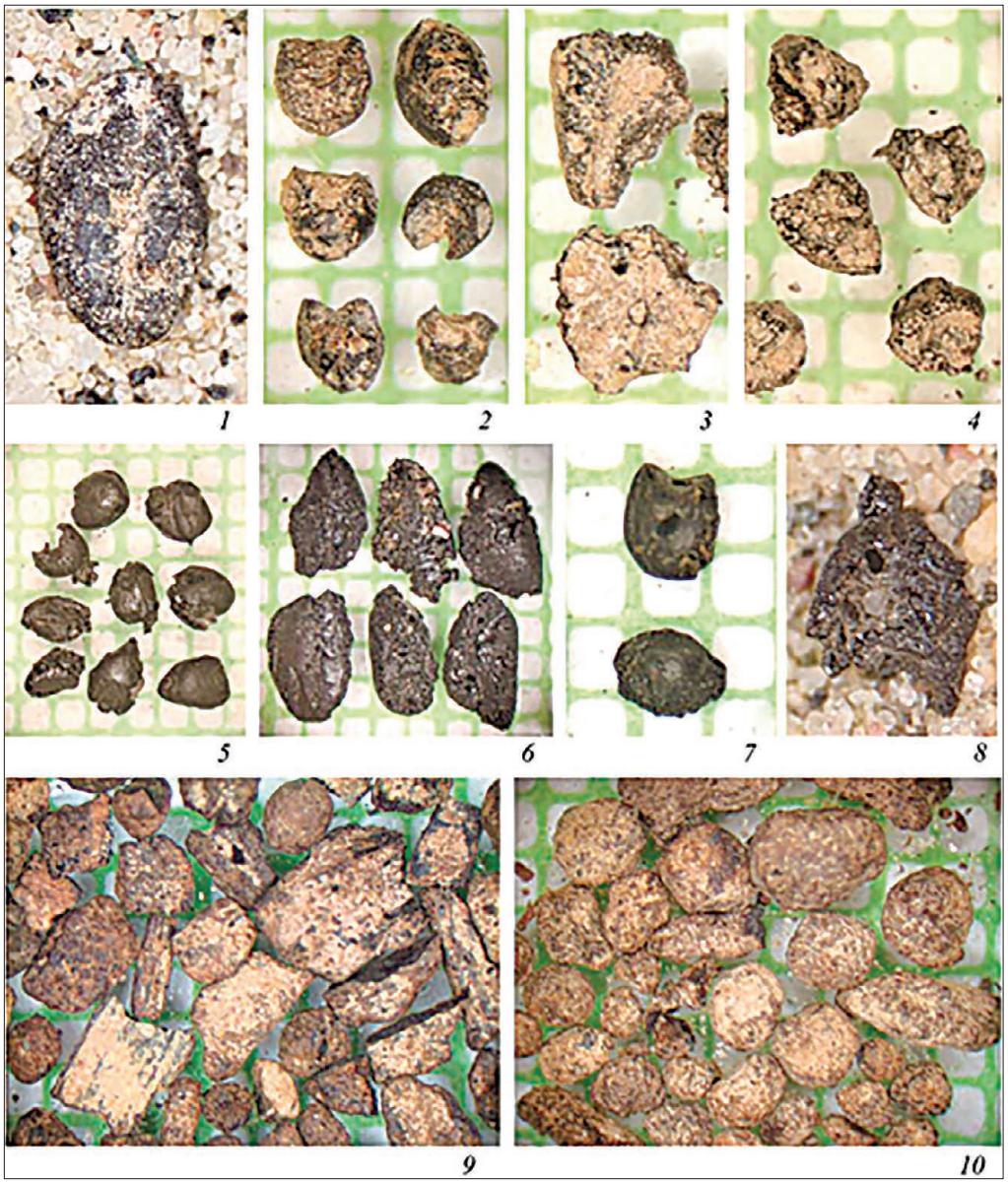

Рис. 1. Ботанические исследования на датированных объектах

Селище Демидовка: шурф 12-2021, ячмень (*1*) и просо (*2*); шурф 16-2021, обломки ферментированного ячменя (*3*) и проса или чумизы (*4*).

Смоленск (Соборная гора, раскопки 2021г.): мацерированное и проросшее зерно – просо или чумиза (*5*) и ячмень (*6*) из нижней части культурного слоя; зерна проса (*7*) и обломки мацерированного, проросшего зерна ячменя (*8*) из почвы, погребенной под культурным слоем. Мацерированные проросшие зерна связаны с приготовлением солода.

Смоленск, Соборная гора (*9*), *Демидовка* (*10*): «подсечные» угольки – окатанные, густо покрытые грязевой шапочкой, вторично ожелезненные или оглиненные, из почв, погребенных под культурным слоем.

Культурный слой, выявленный в основании шурфа 1925 г. у колокольни, прослежен теперь на значительной площади, включая верхнюю площадку и северо-восточный склон, из него получены представительная коллекция находок и репрезентативная серия радиоуглеродных дат (см. ниже).

Изображения крепости на Соборной горе на польских гравюрах 1630-х гг. нашли археологическое подтверждение – по бровке верхней площадки выявлен оборонительный вал, сложенный из материкового песка с линзами темно-серого культурного слоя, включавшего керамику конца I тыс. н. э., аналогичную керамике из культурного слоя, подстилавшего насыпь вала. В желто-буром песке насыпи вала присутствовала керамика круга шнуровых культур бронзового века (рис. 3). Один фрагмент керамики того же круга был найден на северном склоне (*Кренке и др.*, 2015. Рис. 2: *13*).

В погребенной под культурным слоем почве по образцу угля дуба получена дата 3811 ± 27 BP (UOC-16866), т. е. 2291–2202 cal BC (вероятность 68,3 %). Окатанные угли лиственных пород с медианным размером 4–6 мм, с грязевым покрытием и вторичной садкой окислов железа на поверхности грязевых шапочек (рис. 1: *9*) образуются при сведении леса в системе подсечно-огневого земледелия и, с большой вероятностью, указывают на то, что участок использовался в качестве подсеки[1]. А находки керамики в пределах площадки Соборной горы позволяют предполагать наличие здесь поселения. Дата хорошо соответствует представлениям о том, как датируется подобная шнуровая керамика (*Furholt*, 2003; The Absolute Chronology..., 2001). В данном случае дата отражает время сведения леса под лядину, однако «эффект старого дерева» также следует принять во внимание при интерпретации дат, полученных по фрагментам дуба. Поселение могло быть не вполне синхронно подсеке. Для более поздней эпохи (X–XI вв.) было зафиксировано чередование использования территории Соборной горы то для поселения, то в качестве поля (*Кренке и др.*, 2015). Тем не менее полученная дата является важным хронологическим ориентиром и надежным подтверждением человеческой деятельности на Соборной горе во втор. пол. III тыс. до н. э.

Дата для могильника с кремациями 1340 ± 30 BP (ГИН-16098), т. е. 652 (52,2 %) 681 cal AD и 746 (16,1 %) 759 cal AD, расположенного на первой террасе левого берега Днепра на ул. Б. Краснофлотская, 1/3, является пока уникальным свидетельством освоения территории центра Смоленска в VII в. н. э. Погребения были безынвентарными, перекрыты культурным слоем втор. пол. X–XI в.

Весьма информативной представляется серия из семи дат, полученных из нижнего черного, углистого, слоя на Соборной горе. Эти даты распределились в диапазоне от 1211 ± 12 BP (UOC-18182), 784–879 (95,4 %) cal AD, до 1310 ± 40 BP (ГИН-16135), 649 (93,9 %) 777 cal AD. Они увеличивают надежность археологического определения возраста слоя в хронологическом

[1] Морфологические признаки «подсечных» горизонтов почв и особенности угольных спектров см.: (Ponomarenko et al., 2019; Пономаренко и др., 2021).

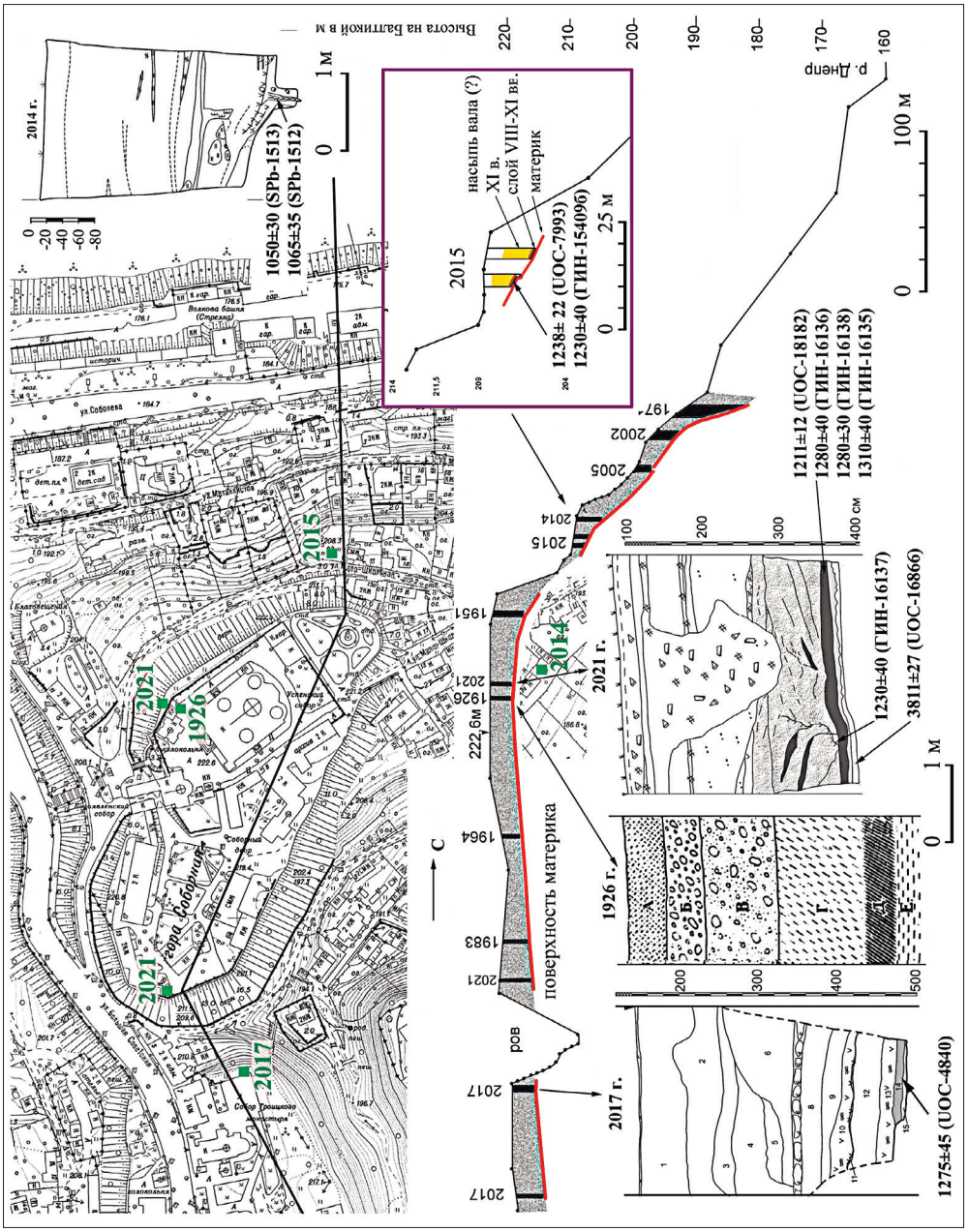

Рис. 2. Смоленск, Соборная гора. План и разрез с археологическими шурфами (зеленым цветом), в которых получены ^{14}C даты

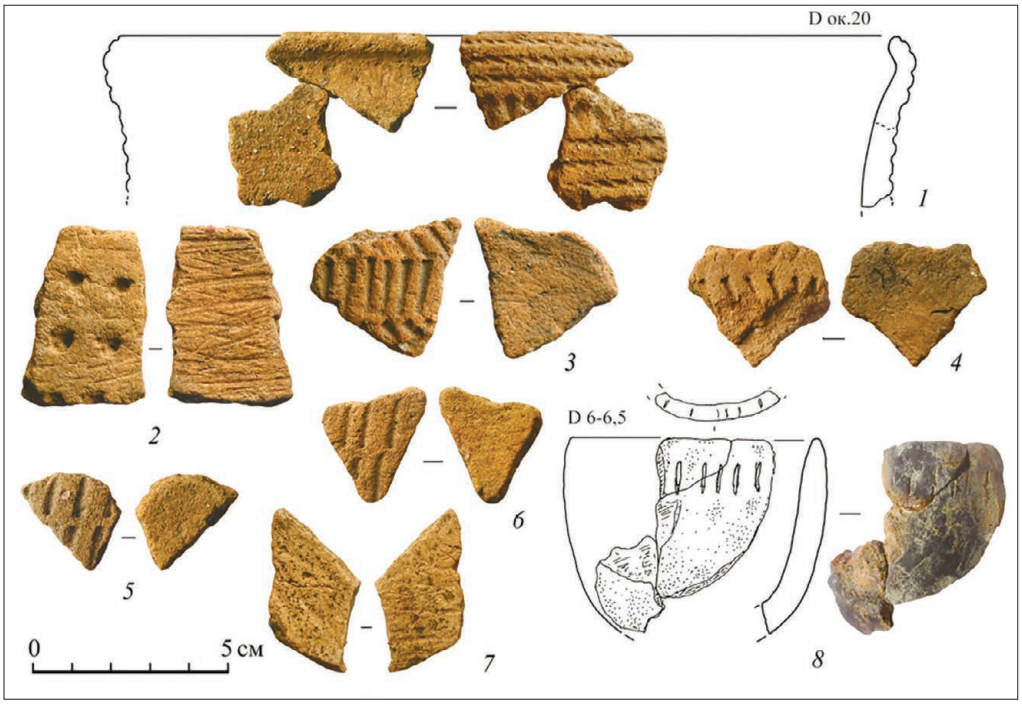

Рис. 3. Смоленск, Соборная гора (раскопки 2015 и 2021 гг.).
Керамика бронзового века с верхней площадки (1–7) и северо-восточного склона (8)

интервале VIII–IX вв. н. э., может быть, даже захватывая конец VII в. н. э. (?). Нужно подчеркнуть, что очень близкие результаты были получены по обугленным зернам в двух разных лабораториях. Археологический контекст очень хорошо соответствует этим датам – лепная керамика (*Кренке и др.*, 2020) и украшения (рис. 4), типичные для культуры смоленских длинных курганов.

Большое значение имеет единичная[1] пока дата из бревна конструкции вала на Соборной горе, лежавшего непосредственно на культурном слое – 1230 ± 40 BP (ГИН-16137). Эта дата идентична датам из подстилающего вал культурного слоя. Калиброванное ее значение сильно «размазано» из-за формы калибровочной кривой на данном хронологическом участке и охватывает интервал с VII по IX в. н. э. для вероятности 95,4 %. Область наиболее вероятных значений – 785–835 cal AD (33 % при вероятности 68,3 %). Выходит, эта дата указывает, что вал создан, скорее всего, в начале IX в., еще до первого достоверного летописного упоминания «града Смоленска» (882 г).

Дата 1210 ± 30 BP (ГИН-16086), т. е. 784–877 cal AD, полученная по образцу древесины верхнего яруса дороги из раскопа по адресу: ул. Б. Красно-

[1] Чуть позже была получена вторая сходная дата, см. предыдущую статью – прим 2025 г.

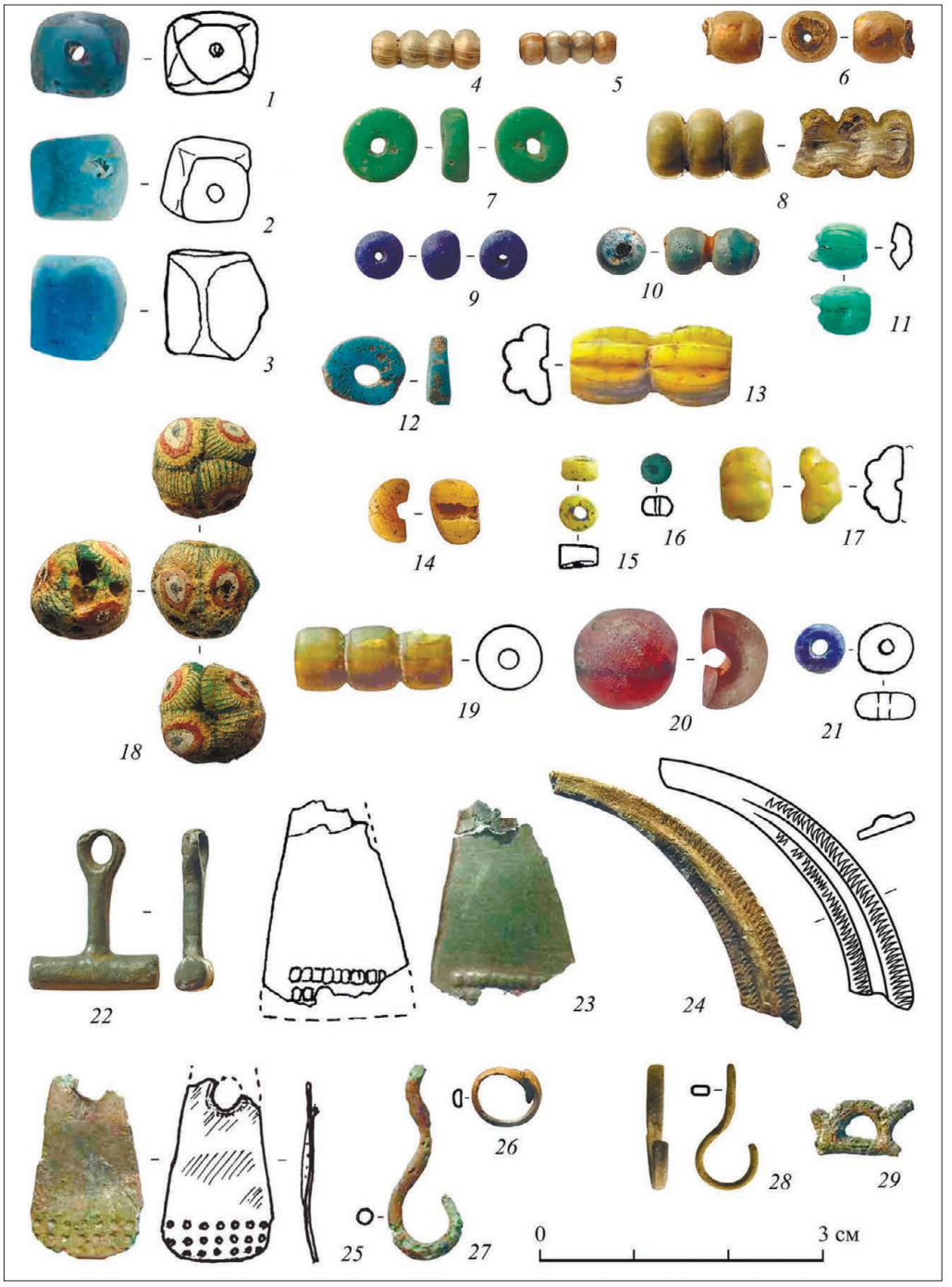

Рис. 4. Смоленск, Соборная гора. Находки VIII–X вв. из нижнего черного слоя: 1–21 – бусы и бисер из стекла; 22–29 – бронзовые украшения (23, 25 – трапециевидные подвески; 24 – серповидное височное кольцо)

флотская, 1/3 (табл. 1), противоречит археологическому контексту, который категорически не укладывается не только в IX, но и в X в. Верхний ярус дороги синхронен слоям с круговой керамикой XI в. Кроме того, для нижнего яруса дороги была получена более молодая дата 960 ± 30 BP (ГИН-16084). Значит, либо возраст древесины дорожного настила древнее вмещающего археологического контекста (что маловероятно), либо какой-то неизвестный нам фактор повлиял на результаты датирования.

Серия дат в интервале значений от 1080 ± 30 BP (ГИН-16087), т. е. 957 (38,3 %) 996 cal AD, до 1120 ± 30 BP (ГИН-16094), т. е. 940 (34,2 %) 977 cal AD, была получена для нижних горизонтов ям от построек вдоль левого берега Днепра на западной окраине города в Пятницком конце (Б. Краснофлотская ул., 1/3). Калиброванное значение этих дат указывает на X в. Нужно отметить, что для датирования в данном случае использовались в том числе тонкие жерди от изгородей. Эти результаты представляются крайне важными и позволяют предполагать, что на смоленском Подоле в районе Пятницкого ручья существовало поселение X в. Круговая керамика, найденная здесь же, практически не отличается от гнёздовской, которую исследователи традиционно относят к X в. (рис. 5; 6). Вероятно, следует говорить о втор. пол. X в. Эти результаты важны для давней дискуссии о соотношении Смоленска и Гнёздова (*Кренке и др.*, 2020; *Шмидт*, 2013), так как ранее не было надежных данных о существовании Смоленска в X в.

Большая серия дат с разных раскопов Смоленска указывает на конец X–XI в., что логично увязывается с археологическими данными. Так, одна из ранних дат этой группы получена по частоколу усадьбы в верхней части склона Соборной горы – 1065 ± 35 BP (SPb-1512), т. е. 900–1024 cal AD (53,7 % при вероятности 68,3 %). Дата 925 ± 29 BP (UOC-14548), т. е. в целом 1045–1163 cal AD, по скорлупе ореха из основания культурного слоя на Подоле (ул. Соболева, 16) свидетельствует, что накопление культурного слоя здесь стартовало во втор. пол. XI в. или перв. пол. XII в. Этот результат совпадает с выводами авторов многолетних раскопок на улице Соболева под руководством Д. А. Авдусина, а также с данными дендрохронологического датирования – древнейшее дендрохронологическое определение относится к 1064 г. (*Мясникова*, 1980; *Черных*, 1996).

Переходя от Смоленска к другим объектам, следует отметить, что существенное значение имеет серия дат, полученных в пойме Днепра для второй (т. н. «Гнёздовской») погребенной почвы. Эти даты получены по образцам из шурфов в излучине левого берега возле бывшего Борисоглебского монастыря на Смядыни, на правом берегу Днепра возле Ольшанского городища в Гнёздове, в районе устья р. Катынки на стоянке Катынь 23. Во всех случаях идет речь о датировании угольков, отложившихся на стабильной поверхности пойменной почвы и, вероятно, связанных с деятельностью людей.

Крайние позиции в этой серии занимают даты 1243 ± 21 BP (UOC-7994) и 1878 ± 27 BP (UOC-5858). То есть интенсивное, постоянно продолжавшееся во времени освоение пространства поймы приходится на I–IX вв. н. э. Это наблюдение находится в соответствии с данными спорово-пыльцевого анализа как погребенных почв, так и органических отложений в пойме Днепра, которые свидетельствуют о сведении лесов, изменении их состава и распространении пахотных угодий и выпасов. Важно подчеркнуть, что эти наши данные получили подтверждение в результате серийного датирования пойменных, безусловно, антропогенных объектов, находившихся на том же стратиграфическом уровне, в Гнёздове (*Мурашева и др.*, 2020).

Второй по размерам средневековый город Смоленщины – Вязьма, для него получена серия из десяти дат, которая распадается на две группы. Первая группа представлена образцами из древнейшего культурного слоя города, залегающего на Соборном холме; вторая происходит из годичных колец дубовых надгробий кладбища, также расположенного на Соборном холме. В первую группу входят даты, полученные по скорлупе орехов, и они с довольно большой степенью надежности указывают на перв. пол. XIII в. как на начальную «точку отсчета» формирования культурного слоя. Археологические материалы из раскопок 2017 г. подтверждают этот вывод (*Кренке и др.*, 2019). Датирование годичных колец позволило привязать «плавающую» дендрошкалу, которая затем была состыкована с дендрошкалами соседних территорий (*Карпухин и др.*, 2020; *Khasanov et al.*, 2021). Древнейшее из изученных погребений на кладбище Вязьмы, в соответствии с этой шкалой, относится к 1241 г.

Последняя серия дат, которую необходимо проанализировать, – это даты по городищам и связанным с ними поселениям. Основным объектом исследования было городище Демидовка, имеющее сложную стратиграфию, включающую пачку нижних слоев и слой «большого дома» эпохи переселения народов. Для пачки нижних слоев Демидовки получены не противоречащие стратиграфии даты: 2380 ± 30 BP (ГИН-16100); 2119 ± 29 BP (UOC-15957); 2070 ± 30 BP (ГИН-16099); 2042 ± 21 BP (UOC-15956). Для образцов из «большого дома», отобранных еще в 1960-е гг. и хранившихся в Смоленском музее, была получена серия близких дат: 1565 ± 42 BP (UOC-10742); 1554 ± 45 BP (UOC-10743); 1554 ± 44 BP (UOC-10741), указывающих на V–VI вв. н. э. Аналогичные поздние даты получены и для городища Драветчино 1, расположенного близ Демидовки, что дает основание предполагать их синхронность.

Важно, что совсем рядом с городищем Демидовка (расстояние 150 м) было обнаружено небольшое по размерам поселение на кромке берега соседнего оврага. В образцах из шурфа были найдены обугленные зерна пшеницы, по которым сделана дата 2099 ± 29 BP (UOC-16871). Таким образом, для дне-

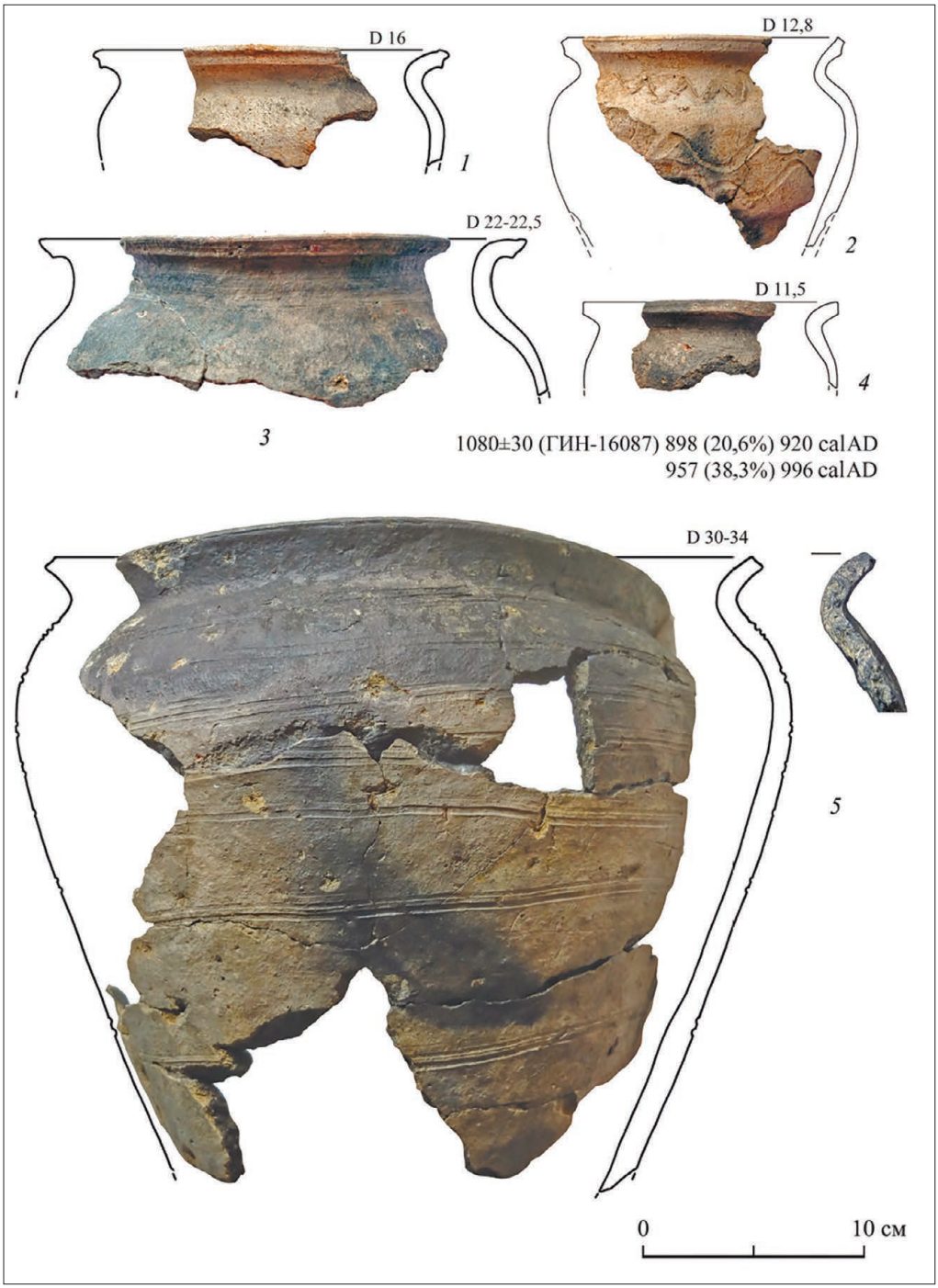

Рис. 5. Смоленск, ул. Б. Краснофлотская, 1/3, раскоп 2020 г. Архаичная круговая керамика X в.: 1 – пласт 6; 2 – пласт 5; 3 – яма 10; 4, 5 – яма 16

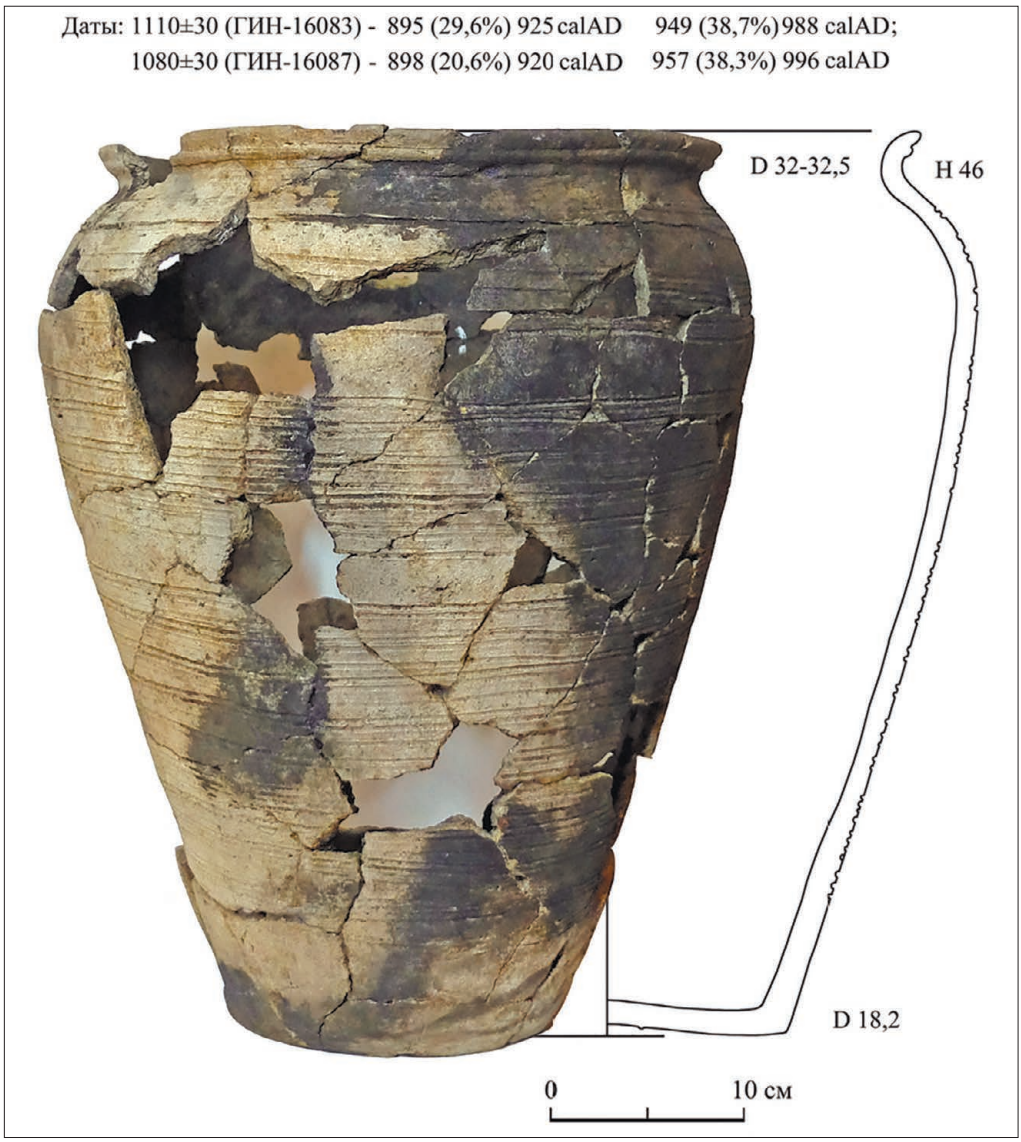

Рис. 6. Смоленск, ул. Б. Краснофлотская, 1/3, раскоп 2020 г., яма 16. Горшок X в.

продвинских городищ получены первые материалы для реконструкции системы землепользования, аналогичной лучше изученной системе хозяйства городищ дьякова типа (*Кренке*, 2011).

Кроме археологических раскопок в 2017–2021 гг. в Смоленской области был проведен ряд палеоэкологических исследований, направленных на общую реконструкцию истории изменений ландшафтов. Объекты таких исследований – отложения водоемов и болот, анализ которых на пыльцу и споры

позволяет получить представление о последовательных сменах растительности, связанных как с изменениями климата и гидрологического режима, так и с хозяйственной деятельностью.

Чтобы выявить локальные следы хозяйственной деятельности конкретных культур, были исследованы водоемы, расположенные в непосредственной близости от известных археологических памятников. Так, спорово-пыльцевой анализ отложений пересохшей старицы в устье р. Катынки в пойме Днепра показал следы массового сведения пойменных широколиственных лесов под подсечное земледелие начиная с V–VI вв. н. э. и использование поймы под пашни и пастбища в последующие века (*Ershova et al.*, 2020). По торфяным отложениям небольшого болота рядом с Акатовским озером в Демидовском районе (рядом находятся одноименные многослойное городище железного века и грунтовый могильник эпохи переселения народов) была детально реконструирована локальная динамика экосистем за последние 1400 лет. По пыльце культурных злаков выделены три периода сельскохозяйственной активности: около 1400 л. н., 1200–1000 л. н. и с 870 л. н. до современности, что хорошо согласуется с археологическими данными (*Шмидт*, 1976; АКР..., 1997. С. 168–170).

Для реконструкции общих для региона закономерностей изменения ландшафтов, обусловленных как антропогенными, так и климатическими факторами, было выбрано несколько природных объектов, максимально удаленных от известных памятников. Это болото Мшары (Исток Днепра) в Сычёвском районе на севере Смоленской области, болото Радомский Мох у д. Гусино в Краснинском районе на западе и безымянное болото у д. Красный Холм под Вязьмой. Все эти болота достаточно большие по площади, чтобы улавливать региональный пыльцевой сигнал, и в них сохранились относительно мощные не нарушенные торфоразработками отложения. Как показал анализ, несмотря на отсутствие поблизости известных археологических памятников, во всех полученных спорово-пыльцевых диаграммах отразились в разной степени выраженные следы антропогенных изменений. Обобщая данные, полученные палинологическим методом, можно предварительно констатировать, что на западе и севере региона выделяются как минимум четыре периода наиболее активной хозяйственной деятельности: 2900–2800 л. н., 2300–2000 л. н., 1700–1150 л. н. и 900–500 л. н., в то время как в самой юго-восточной точке из исследованных (болото у деревни Красный Холм) отчетливо определяется только последний период, средневековый (*Лавренов и др.*, 2021). Также новые спорово-пыльцевые данные, полученные на стоянке Сертея II (СЗ Смоленской области, бассейн Западной Двины), показывают, что «сигнал» земледелия впервые фиксируется в отложениях возрастом 1000 AD, а интенсивно, начиная с XIV в. н. э. (*Wieckowska-Lüth et al.*, 2021).

При анализе озерных и болотных отложений для радиоуглеродного датирования выбирали образцы торфа или сапропеля, в которых, согласно

спорово-пыльцевому анализу, были отмечены признаки наиболее заметных изменений, связанных с хозяйственной деятельностью, таких как пожары, обусловленные подсечно-огневым земледелием[1], сведение коренного леса, появление пыльцы культурных злаков и пашенных сорняков, индикаторов выпаса и т. д. Все образцы имели объем 1 см^3 и датировались методом AMS (табл. 2).

Выводы. В качестве наиболее существенных результатов можно выделить следующие: 1) на Соборной горе в Смоленске выявлены остатки поселения культуры шнуровой керамики бронзового века, которому соответствует дата, указывающая на втор. пол. III тыс. до н. э.; 2) здесь же выявлен культурный слой поселения VII–IX вв. (видимо, древнейшего Смоленска русской летописи), датированного по серии образцов, включая обугленные зерна культурных злаков; 3) датирование древесных колец дубовых надгробий XIII в. древнейшего кладбища Вязьмы позволило построить дендрохронологическую шкалу по дубу для Смоленщины. Серия спорово-пыльцевых колонок из болот, расположенных в разных частях Смоленской области, выявила динамику ландшафтов за последние пять тысяч лет. В этом хронологическом интервале выделено несколько пиков хозяйственной активности. Большинство из этих пиков находят хорошее соответствие с известными археологическими данными, но некоторые, например пик с возрастом 2800–2900 л. н., пока не имеет подтверждения в археологических памятниках, хотя логично предполагать, что в финале бронзового века в «предгородищенское» время территория была освоена.

Таблица 1. Радиоуглеродные даты для археологических объектов Смоленщины (по материалам работ Смоленской экспедиции ИА РАН)

Лаб. номер	^{14}C дата BP	Калиброванный возраст 1 и 2*σ (IntCal20)	Археологический контекст, материал образца
Смоленск			
UOC-16866	3811 ± 27	2291–2202 (68,3 %) BC	Соборная гора, шурф 1 (2021 г.), погребен. почва, уголь дуба
ГИН-16098	1340 ± 30	652 (52,2 %) 681 AD 746 (16,1 %) 759 AD	Б. Краснофлотская, 1/3 (2020 г.), уч. 3, кв. 79, погр. 3, уголь
ГИН-16135	1310 ± 40	649 (93,9 %) 777AD* 792 (0,9 %) 800 AD 812 (0,6 %) 818 AD	Соборная гора, шурф 1 (2021 г.), я. 2 в материке, уголь

[1] Подробно о пыльцевых индикаторах подсечно-огневого земледелия в почвах и торфах см.: (*Пономаренко и др.*, 2021; *Ponomarenko et al.*, 2019).

Продолжение табл. 1

Лаб. номер	**^{14}C дата BP**	**Калиброванный возраст 1 и 2*σ (IntCal20)**	**Археологический контекст, материал образца**
ГИН-16136	1280 ± 40	657 (81,7 %) 778AD* 786 (11,4 %) 830 AD 855 (2,3 %) 873AD	Соборная гора, шурф 1, я. 1 в материке, уголь
ГИН-16138	1280 ± 30	662 (90,8 %) 777 AD* 791 (4,6 %) 821 AD	Соборная гора, шурф 1, пласт 12, угли из промывки черного слоя
UOC-4840	1275 ± 45	671–773 (68,3 %) AD	Б. Советская, 7, шурф 1 (2017 г.), погребен. почва, зерно пшеницы
ГИН-16095	1260 ± 30	679 (58,8 %) 748 AD 758 (7,1 %) 770 AD 794 (2,4 %) 798 AD	Б.Краснофлотская, 1/3 (2020 г.), уч. 3, кв. 79, я. 10, разрез А-А1, обр. № 5, глуб. +10+20 см, углистая масса
UOC-7993	1238 ± 22	705 (30,0 %) 738 AD 788 (38,3 %) 826 AD	М. Школьная, 20а, шурф 1 (2015 г.), погребен. почва со следами распашки, обугленные зерна пшеницы
ГИН-15409б	1230 ± 40	705 (18,7 %) 738 AD 785 (33,0 %) 835 AD 846 (16,6 %) 877 AD	М. Школьная, 20а, шурф 1 (2015 г.). Промывка нижнего слоя, уголь
ГИН-16137	1230 ± 40	705 (18,7 %) 738 AD 785 (33,0 %) 835 AD 846 (16,6 %) 877 AD	Соборная гора, шурф 1 (2021 г.), пласт 11а, бревно в СЗ углу, гл. 352–362 см, уголь
UOC-18182	1211 ± 12	784–879 (95,4 %) AD*	Соборная гора, шурф 1 (2021 г.), нижний черный слой, ферментированное** зерно ячменя
ГИН-16086	1210 ± 30	784 (41,4 %) 835 AD 843 (26,9 %) 877 AD	Б. Краснофлотская, 1/3 (2020 г.), уч. 4, кв. 91, пласт 7, плахи верхн. яруса дороги, древесина
ГИН-16094	1120 ± 30	893 (34,1 %) 933 AD 940 (34,2 %) 977 AD	Б. Краснофлотская, 1/3 (2020 г.), уч. 3, кв. 79, пласт 6, на дне я. 10 (ровик), древесина
ГИН-16090	1120 ± 30	893 (34,1 %) 933 AD 940 (34,2 %) 977 AD	Б. Краснофлотская, 1/3 (2020 г.), шурф 3, пласт 8а, древесина
ГИН-16085	1110 ± 30	895 (29,6 %) 925 AD 949 (38,7 %) 988 AD	Б. Краснофлотская 1/3 (2020 г.), уч. 3, кв. 79, пласт 5, гл. +65+70 см, лага от дороги, древесина
ГИН-16083	1110 ± 30	895 (29,6 %) 925 AD 949 (38,7 %) 988 AD	Б. Краснофлотская, 1/3 (2020 г.), я. 16 (кол на дне), древесина
ГИН-16096	1090 ± 30	896 (26,6 %) 925 AD 950 (41,7 %) 944 AD	Б. Краснофлотская, 1/3 (2020 г.), уч. 3, кв. 79, я. 10 (кол со дна), древесина

Продолжение табл. 1

Лаб. номер	^{14}C дата BP	Калиброванный возраст 1 и 2*σ (IntCal20)	Археологический контекст, материал образца
ГИН-16087	1080 ± 30	898 (20,6 %) 920 AD 957 (38,3 %) 996 AD 1005 (9,4 %) 1017 AD	Б. Краснофлотская 1/3 (2020 г.), на дне я. 16, кв. 107, древесина
ГИН-15414б	1075 ± 50	896 (18,9 %) 924 AD 950 (49,4 %) 1022 AD	Наб. М. Горького, 24 (2015 г.), шурф 1, прирезка 2, кв. 5, я. 1 (верх), обр. № 3, уголь
SPb-1512	1065 ± 35	900 (13,6 %) 917 AD 974 (54,7 %) 1024 AD	М. Школьная, 7А, шурф 1 (2014 г.), столб. яма у восточн. борта в канавке в материке, древесина
ГИН-16093	1050 ± 30	987–1026 (68,3 %) AD	Б. Краснофлотская, 1/3, шурф 3 (2020 г.), кв. 2, траншея частокола гл. 300 см, доска забора, древесина
SPb-1513	1050 ± 30	987–1026 (68,3 %) AD	М. Школьная, 7А, шурф 1 (2014 г.), столб. яма у западн. борта в канавке в материке, древесина
UOC-6370	1041 ± 29	993–1025 (68,3 %) AD	Коненкова, 13а, кв. 7 (2017 г.), погребен. почва, уголь березы
ГИН-16097	1040 ± 70	894 (12,4 %) 928 AD 946 (46,9 %) 1046 AD	Б. Краснофлотская, 1/3 (2020 г.), уч. 4, кв. 100, 104, пласт 7, частокольная канава, древесина
ГИН-16092	1040 ± 30	992–1027 (68,3 %) AD	Б. Краснофлотская, 1/3 (2020 г.), уч. 3, кв. 79, я. 10, обр. № 1, гл. +45+55 см, уголь
ГИН-16088	1040 ± 30	992–1027 (68,3 %) AD	Б. Краснофлотская, 1/3 (2020 г.), уч. 4, северн. прирезка, кв. 128, я. 22, тлен от столба, древесина
ГИН-16091	1000 ± 30	994 (51,3 %) 1045 AD 1085 (5,3 %) 1093 AD 1105 (11,7 %) 1121 AD	Б. Краснофлотская, 1/3 (2020 г.), уч. 1, кв. 31, 32; пласт 7, яма жилища, древесина
ГИН-15410	970 ± 40	1027 (17,2 %) 1050 AD 1081 (51,1 %) 1153 AD	М. Школьная, 20а (2015 г.), шурф 2, пласт 9, я. 1, плашка, обр. № 1, гл. 333 см, уголь
ГИН-16084	960 ± 30	1034 (12,6 %) 1048 AD 1083 (55,7 %) 1151 AD	Б. Краснофлотская, 1/3 (2020 г.), уч. 4, пласт 7а, нижний ярус дороги, древесина
ГИН-15412	930 ± 20	1046 (33,4 %) 1084 AD 1094 (6,6 %) 1103 AD 1123 (28,3 %) 1159 AD	Наб. М. Горького, 24 (2015 г.), шурф 1, кв. 2, я. 1 (нижний уровень), обр. № 3, уголь
UOC-14548	925 ± 29	1045 (31,7 %) 1085 AD 1093 (7,4 %) 1105 AD 1121 (29,2 %) 1163 AD	Соболева, 16 (2020 г.), шурф 1, гл. 460–475 см, слой в основании, скорлупа ореха

Продолжение табл. 1

Лаб. номер	**^{14}C дата BP**	**Калиброванный возраст 1 и 2*σ (IntCal20)**	**Археологический контекст, материал образца**
ГИН-15413	910 ± 30	1047 (28,6 %) 1084 AD 1096 (2,8 %) 1102 AD 1125 (30,1 %) 1179 AD 1191 (6,8 %) 1204 AD	Наб. М. Горького, 24 (2015 г.), шурф 1, прирезка 2, кв. 5, я. 1 (нижний уровень), угли
SPb-1517	870 ± 25	1171–1216 (68,3 %) AD	Бакунина, 2 (2014 г.), раскоп 1, кв. 15, пласт 3, гл. 210 см, образец плахи с гвоздем из ЮЗ угла клети, уголь
SPb-1514	870 ± 30	1163–1219 (68,3 %) AD	Бакунина, 2 (2014 г.) раскоп 1, кв. 17, ЮВ угол клети, обр. № 3, гл. 190 см, уголь
SPb-1515	866 ± 25	1172–1217 (68,3 %) AD	Бакунина, 2 (2014 г.) раскоп 1, кв. 15, пласт 3, гл. 200 см, ЮЗ угол клети (каша?), уголь
SPb-1511	866 ± 30	1164–1219 (68,3 %) AD	М. Школьная, 7А (2014 г.), шурф 1, пласт 6, гл. 215–222 см, древесина
SPb-1516	856 ± 25	1175–1221 (68,3 %) AD	Бакунина, 2 (2014 г.), раскоп 1, гл. 175, обр. № 1, у южной стенки клети, уголь
ГИН-15415	730 ± 40	1260 (64,2 %) 1300 AD 1233 (4,1 %) 1239 AD	Наб. М. Горького 24 (2015 г.), шурф 1, я. 1, кв. 2, разбор бровки, уголь
UOC-6370	624 ± 22	1303 (31,9 %) 1324 AD 1354 (18,5 %) 1368 AD 1389 (17,9 %) 1393 AD	Б. Советская, 7, шурф 1 (2017 г.), пласт 11, уголь ели
ГИН-15922	410 ± 50	1436 (53,7 %) 1511 AD 1592 (14,6 %) 1619 AD	Авраамиев монастырь, шурф 1 (2018 г.), южный борт, гл. 220 см (над погр. 1), уголь
UOC-8783	329 ± 22	1506 (16,3 %) 1529 AD 1542 (39,1 %) 1595 AD 1617 (2,9 %) 1635 AD	Авраамиев монастырь, шурф 1 (2018 г.), погр. 1, зуб
UOC-13715	314 ± 35	1515 (54,4 %) 1591 AD 1620 (13,9 %) 1640 AD	Соболева, 16, шурф 1 (2020 г.), пласт 17, береста
SPb-1518	Современный		Бакунина, 2 (2014 г.), шурф 1, пол котлована, гл. 302, 310 см, обр. № 4, уголь
ГИН-16089	« »		Б. Краснофлотская, 1/3 (2020 г.), уч. 3, кв. 61, пласт 7, гл. +70+80 см, забор из досок, древесина

Продолжение табл. 1

Лаб. номер	^{14}C дата BP	Калиброванный возраст 1 и 2*σ (IntCal20)	Археологический контекст, материал образца
Смядынь			
SPb-1473	1606 ± 55	419–537 (68,3 %) AD	Шурф 1 (2014 г.), гл. 370–400 см, почва
UOC-7994	1243 ± 21	703 (38,1 %) 740 AD 789 (30,2 %) 824 AD	Шурф 6, погребен. почва 2, уголь
SPb-1473A	762 ± 30	1229 (20,3 %) 1245 AD 1256 (48,0 %) 1280 AD	Шурф 1, гл. 370–400 см, древесина
городище Демидовка и шурфы рядом с ним			
UOC-13717	3216 ± 22	1504 (18,7 %) 1492 BC 1482 (49,6 %) 1450 BC	шурф 5 (2019 г.), серая почва под темным слоем, уголь
ГИН -16100	2380 ± 30	510 (1,9 %) 506 BC 481 (66,4 %) 398 BC	2020 г., кв. 270, пласт 20, гл. 332 см, прослойка углей на материке, обр. № 5, уголь
UOC-15957	2119 ± 29	174 (58,5 %) 96 BC 72 (9,7 %) 57 BC	2020 г., кв. 270, гл. 220 см, уголь вяза
UOC-16871	2099 ± 29	156 (49,3 %) 91 BC 79 (18,9 %) 54 BC	шурф 12-2021, зерна пшеницы, уголь
ГИН-16099	2070 ± 30	148 (6,7 %) 136 BC 112 (57,0 %) 41 BC 9 (4,6 %) 1 BC	2020 г., кв. 270, гл. 305 см, обр. № 3, уголь
UOC-15956	2042 ± 21	53 (33,2 %) 25 BC 20 BC (35,0 %) 8 AD	2020 г., гл. 200–210 см, кв. 270, уголь
UOC-10742	1565 ± 42	435 (21,6 %) 466 AD 473 (29,6 %) 518 AD 529 (17,1 %) 554 AD	раскопки Шмидта 1961 г., кв. 35, пласт 1, постройка, уголь ели
UOC-10741	1554 ± 44	435 (18,7 %) 465 AD 474 (23,5 %) 517 AD 530 (26,1 %) 569 AD	раскопки Шмидта 1961 г., кв. 7, пласт 2, уголь ели
UOC-10743	1554 ± 45	435 (18,7 %) 465 AD 474 (23,5 %) 517 AD 530 (26,1 %) 569 AD	Обугленные зерна проса
UOC-13716	117 ± 25	1693 (10,7 %) 1712 AD 1718 (4,9 %) 1726 AD 1811 (7,3 %) 1824 AD 1831 (37,2 %) 1894 AD 1904 (8,2 %) 1918 AD	шурф 5 (2019 г.), верх темного слоя, уголь

Продолжение табл. 1

Лаб. номер	^{14}C дата BP	Калиброванный возраст 1 и 2*σ (IntCal20)	Археологический контекст, материал образца
городище Старое Куприно			
UOC-13001	1769 ± 26	244 (14,5 %) 258 AD 281 (53,8 %) 330 AD	шурф 2 (2019 г.), погребен. почва под валом, уголь ясеня
городище Драветчино-1			
ГИН-16033	1620 ± 30	414 (22,9 %) 440 AD 458 (15,3 %) 478 AD 496 (30,1 %) 534 AD	шурф 2 (2019 г.), в толще насыпи вала, гл. 60–70 см
ГИН-16032	1610 ± 30	419 (17,9 %) 440 AD 454 (19,1 %) 478 AD 496 (31,3 %) 534 AD	шурф 2 (2019 г.), в толще насыпи вала, гл. 55–60 см
Вязьма			
UOC-4836	756 ± 45	1228–1283 (68,3 %) AD	Вязьма, Соборный холм (2017 г.), раскоп 3, кв. 9, пласт 15, пожар 5, скорлупа орехов
UOC-4837	763 ± 45	1228–1280 (68,3 %) AD	Вязьма, Соборный холм (2017 г.), раскоп 4, кв. 5, пласт 18а, скорлупа орехов
UOC-4838	819 ± 45	1180 (6,5 %) 1189 AD 1208 (61,8 %) 1270 AD	Вязьма, Соборный холм (2017 г.), почва под культурным слоем, корень ели
UOC-4276	754 ± 35	1230 (17,6 %) 1245 AD 1256 (50,7 %) 1284 AD	Вязьма, погр. 5 (2017 г.), береста покрышки гроба
UOC-4275	776 ± 35	1229 (28,8 %) 1246 AD 1255 (39,5 %) 1276 AD	Вязьма, раскоп 3 (2017 г.), пожар 5, уголь
UOC-4277	822 ± 35	1213–1267 (68,3 %) AD	Вязьма (2017 г.), раскоп 3, погр. 2, береста
ГИН-15741	745 ± 30	1233 (5,5 %) 1239 AD 1260 (62,7 %) 1288 AD	Вязьма, надгробие погр. 3, обр. 1711, древесина дуба, кольца 172–214
ГИН-15742	915 ± 30	1046 (31,0 %) 1085 AD 1094 (4,8 %) 1103 AD 1123 (32,5 %) 1175 AD	Вязьма, надгробие погр. 3, обр. № 1711, древесина дуба, кольца 73–103
UOC-7058	945 ± 23	1041 (8,4 %) 1051 AD 1079 (25,4 %) 1109 AD 1114 (34,5 %) 1153 AD	Вязьма, надгробие погр. 39, древесина дуба, кольцо 10
UOC-7059	865 ± 25	1172–1217 (68,3 %) AD	Вязьма, надгробие погр. 39, древесина дуба, кольцо 120

Окончание табл. 1

Лаб. номер	^{14}C дата BP	Калиброванный возраст 1 и 2*σ (IntCal20)	Археологический контекст, материал образца
устье р. Катынка (стоянка Катынь 23)			
MKL-3629	1690 ± 70	250 (16,9 %) 295 AD 311 (51,4 %) 431 AD	Шурф 1 (2017 г.), погребен. почва, гл. 130–135 см, уголь
MKL-3630	3330 ± 90	1736 (5,5 %) 1716 BC 1693 (62,8 %) 1506 BC	Шурф 1 (2017 г.), погребен. почва, гл. 215 см, уголь
UOC-5857	1697 ± 26	265 (6,5 %) 272 AD 350 (61,8 %) 406 AD	шурф 3 (2017 г.), гл. 187–195 см, подсека; уголь ели
UOC-5858	1878 ± 27	130 (16,2 %) 146 AD 153 (52,1 %) 206 AD	шурф 3 (2017 г.), гл. 200–210 см, подсека; уголь дуба
селище Силуяново-1			
UOC-4839	707 ± 45	1267 (51,6 %) 1305 AD 1365 (16,7 %) 1383 AD	Шурф 13-2 (2017 г.), пласт 3, погребен. почва, подсека; уголь осины
UOC-6370	1041 ± 29	993–1025 (68,3 %) AD	Шурф 13-2 (2017 г.) сев. ст., погребен. почва, подсека; уголь березы
UOC-5366	2472 ± 22	752 (17,2 %) 716 BC 711 (12,9 %) 684 BC 668 (13,6 %) 634 BC 622 (3,2 %) 613 BC 591 (21,4 %) 542BC	Шурф 13-2 (2017 г.), сев. ст., погребен. почва, подсека; уголь липы
Гнёздовский комплекс			
UOC-5860	1554 ± 26	438 (18,4 %) 462 AD 477 (18,4 %) 498 AD 532 (31,5 %) 566 AD	Селище в пойме у Ольшанского городища, шурф 2 (2017 г.), погребен. почва, образцы на СП № 2–6, подсека, уголь ели

Примечания:

Лабораторные индексы образцов: ГИН – Геологический институт РАН, Москва; SPb – Педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург; UOC – Университет Оттавы (Канада); MKL – Лаборатория абсолютного датирования (Laboratory of Absolute Dating), Краков (Польша);

Приведение радиоуглеродных дат к календарному возрасту выполнено по программе калибровки OxCal 4.4. (*Bronk Ramsey*, 2009) использовалась калибровочная кривая IntCal 20 (*Reimer, Austin, Bard et al.*, 2020), при одной сигме, а также у четырех образцов (отмечены *) при двух сигмах. Значение календарного возраста приводится в годах: BC – до н. э.; AD – н. э.;

BP – дата от наших дней (лет назад);

** – определение материала – Е.В. Пономаренко

Таблица 2. Радиоуглеродные даты для природных объектов Смоленщины (по материалам работ биологического факультета МГУ)

Лаб. номер	^{14}C дата BP	Калиброванный возраст 1 σ (IntCal 20)	Палеоэкологический контекст, материал образца
Болото рядом с д. Акатово			
UOC-15213	1409 ± 43	605–657 (68,3 %) AD	Центр болота, гл. 295–300 см, торф с эоловым песком (перевевание песков в результате пожаров и выпаса); остатки насекомых
UOC-15217	1284 ± 27	676 (29,6 %) 707 AD 727 (38,7 %) 771 AD	Центр болота, гл. 225–230 см, начало кривых Cerealia и *Centaureacyanus* (земледелие); торф
UOC-13721	3431 ± 30	1867 (8,8 %) 1851 BC 1770 (59,5 %) 1687 BC	Окраина болота, гл. 175–180 см, пик *Artemisia* (признак выпаса); сапропель
Аксёнинский мох (Исток Днепра)			
UOC-14969	462 ± 34	1425–1453 (68,3 %) AD	Центр болота, гл.120–125 см; резкий рост антропогенных индикаторов, начало стабильной кривой *Cerealia* (сведение леса, земледелие); торф
UOC-14970	1346 ± 41	648(44,7 %) 685 AD 744 (23,6 %) 772 AD	Центр болота, гл. 217–220 см, начало резкого сокращ. доли широколиствен. деревьев на фоне роста антропоген. индикаторов и *Cerealia* (сведение леса, земледелие); торф
UOC-14971	3632 ± 31	2034–1944 (68,3 %) BC	Центр болота, граница сапропеля и торфа, гл. 324–326 см; возможно, заболачивание началось после череды пожаров (подсека?); торф с углем
Болото рядом с д. Красный Холм, Вязьма			
UOC-15210	203 ± 26	1658 (21,5 %) 1680 AD 1740 (10,1 %) 1753 AD 1763 (36,7 %) 1800 AD	Центр болота, гл. 44–46 см, начало кривой *Cerealia* (земледелие); торф
UOC-15211	1675 ± 26	363–418 (68,3 %) AD	Центр болота, гл. 78–80 см; резкое сокращ. доли широколиственных деревьев и начало роста доли антропогенных индикаторов (сведение леса); торф
UOC-15212	4117 ± 27	2851 (21,7 %) 2810 BC 2747 (9,3 %) 2727 BC 2697 (37,3 %) 2623 BC	Центр болота, основание торфяной залежи, гл. 100–108 см; торф с илом
Болото Радомский Мох (Гусино)			
UOC-13723	2654 ± 27	826–797 (68,3 %) BC	Центр болота, гл. 130–132,5 см, пик пыльцы водных растений (резкое обводнение); торф с песком

Окончание табл. 2

UOC-13724	2936 ± 26	1211 (67,1 %) 1110 BC 1063 (1,2 %) 1060 BC	Центр болота, гл. 162,5–165 см, угольная прослойка в торфе (серия пожаров-подсек?); древесный уголь
UOC-15216	588 ± 27	1321 (52,7 %) 1358 AD 1390 (15,6 %) 1403 AD	Центр болота, гл. 50–52,5 см, резкая олиготрофизация болота, восстановление леса; торф
Устье р. Катынки, пойма Днепра			
MKL-3628	2890 ± 80	1205 (65,9 %) 980 BC 948 (2,4 %) 938 BC	Бывшая старица, торф, 90–100 см; начало сокращения доли широколиственных деревьев (сведение леса); уголь
UOC-6364	3639 ± 27	2035–1951 (68,3 %) BC	Бывшая старица, гл. 125–130 см; сапропель
UOC-6365	3866 ± 28	2452 (14,6 %) 2421 BC 2406 (16,3 %) 2376 BC 2352 (37,4 %) 2290 BC	Бывшая старица, гл. 190–195 см; сапропель
UOC-6366	4217 ± 32	2893 (28,6 %) 2866 BC 2803 (33,1 %) 2766 BC 2717 (6,6 %) 2706 BC	Бывшая старица, гл. 240–245 см; единичные *Cerealia*; сапропель

Примечания: см. табл. 1

**В. П. Гусева, Е. А. Клещенко,
Н. А. Кренке, К. А. Ганичев, И. Н. Ершов,
М. М. Певзнер, С. Н. Чаукин**

МОГИЛЬНИК С КРЕМАЦИЯМИ VII–VIII ВВ. В СМОЛЕНСКЕ[1, 2]

Резюме. В статье представлены материалы могильника с кремациями, насчитывавшего 4 погребения, обнаруженного в ходе охранных раскопок в Смоленске на левом берегу Днепра в устье Пятницкого ручья. Время совершения погребений отнесено к VII–VIII вв. на основании трех радиоуглеродных дат. Могильник описан как грунтовый, но вероятность существования курганных насыпей, позднее утраченных, не исключена. Отсутствие погребального инвентаря затрудняет культурную атрибуцию, однако рассеянная в раскопе лепная керамика и радиоуглеродные даты по углю из погребений позволяют предполагать, что памятник относится к «стыку» культурных традиций – тушемлинской и смоленско-полоцких длинных курганов. Высказывается предположение, что выявленный могильник входил в единый комплекс памятников с поселением на Соборной горе Смоленска, расстояние между ними 700 м.

Ключевые слова: кремации, грунтовый могильник, курганы, радиоуглеродные даты.

В ходе охранных раскопок в Смоленске 2020 г. на участке первой террасы левого берега Днепра на правом берегу Пятницкого ручья (совр. адрес: Бол. Краснофлотская, 1а) был обнаружен могильник с безынвентарными кремациями (рис. 1). Всего в раскопе площадью 480 кв. м зафиксировано 4 погребения, но, вероятно, их было больше, поскольку участок сильно потревожен различными более поздними ямами и сооружениями (рис. 2). Для Смоленска эта находка представляет исключительную важность, так как позволяет подойти к решению задачи реконструкции исторического ландшафта на начальном этапе истории поселения. Синхронный могильнику поселенческий культурный слой был обнаружен на Соборной горе на удалении 700 м (*Кренке и др.*, 2022). Однако можно предполагать, что ближайшим к могильнику было другое, пока не найденное поселение, шлейф находок которого был обнаружен в раскопе на Бол. Краснофлотской. Мелкие фрагменты лепной керамики предположительно тушемлинско-колочинской традиции залегали в верхнем горизонте погребенной почвы и в основании культурного слоя (*Кренке*, 2023. Рис. 4). Описываемая керамика находилась на одном стратиграфическом уровне с кальцинированными костями погребений, но

[1] Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИА РАН «Города в культурном пространстве Северной Евразии в средневековье» (№ НИОКТР 122011200266-3).

[2] Статья опубликована в журнале «Краткие сообщения института археологии», 2023. Вып. 272. С. 237–247.

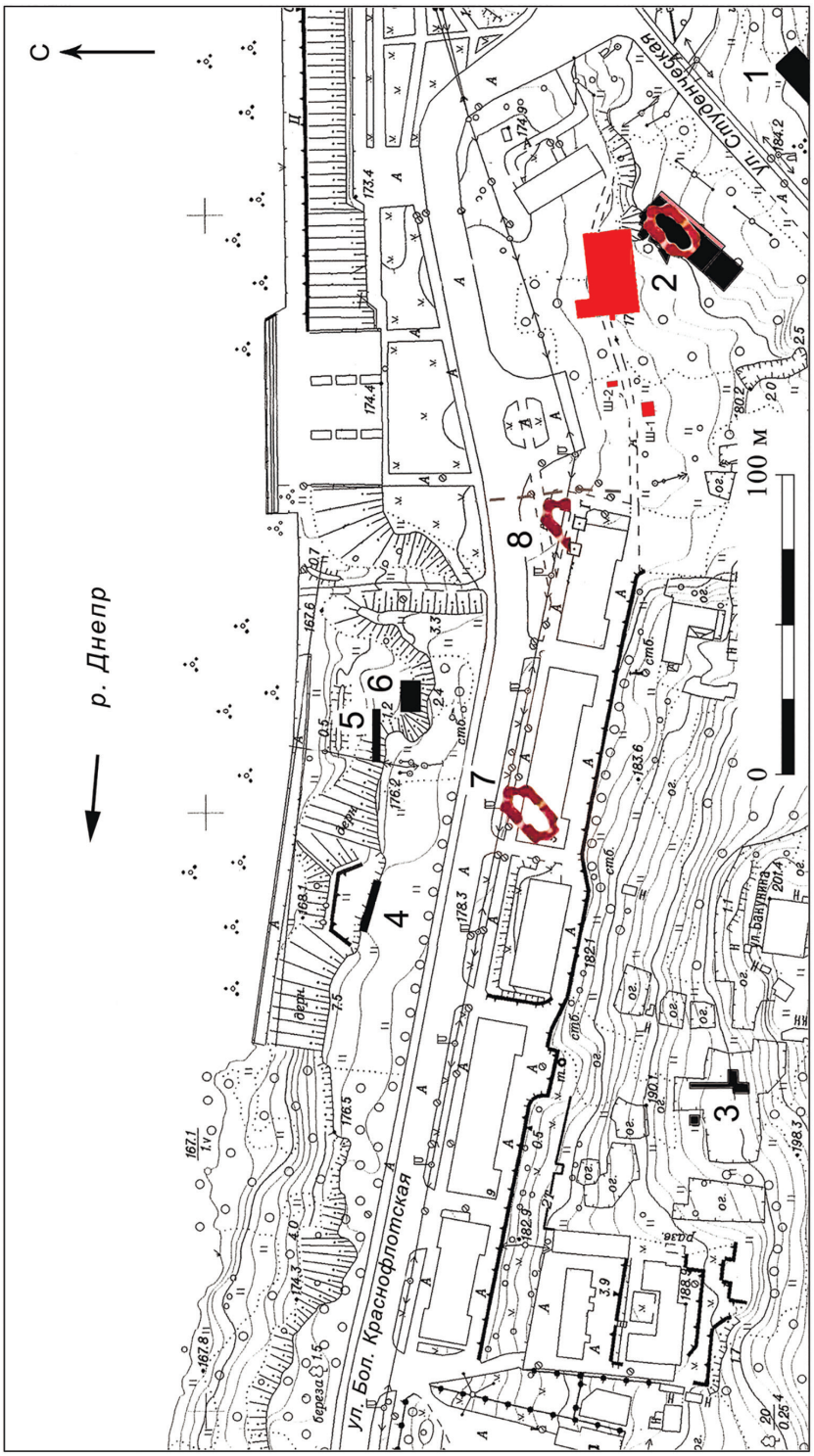

Рис. 1. Раскоп 2020 г. (красный цвет) на ул. Бол. Краснофлотская, 1а на плане Смоленска
1 – раскоп № 4 2011/2012 гг.; 2 – раскоп 2012/2013 гг. с остатками церкви XII–XIII вв.; 3 – раскоп 2014 г.; 4 – наблюдения 2 011 г.; 5 – наблюдения 2011 г.; 6 – раскоп БКФ-XIV 1982/1983 гг.; 7 – фундамент церкви XII–XIII вв. по наблюдениям 1951 г.; 8 – фундамент церкви XII–XIII вв. по наблюдениям 1951 г.

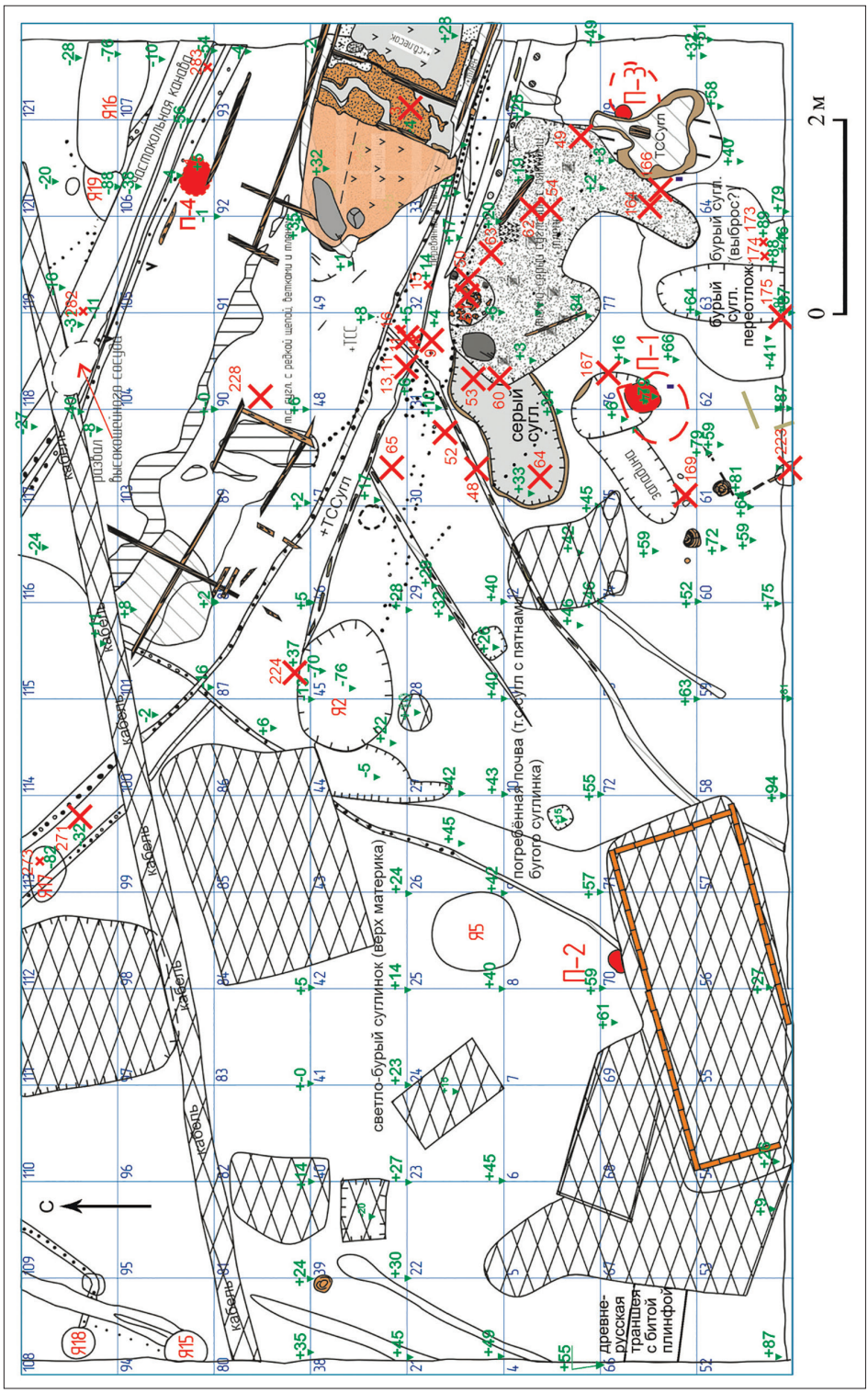

Рис. 2. План раскопа 2020 г. на ул. Бол. Краснофлотская, 1а, красным цветом с индексом П показаны погребения – кремации, коричневым цветом показаны лаги уличного настила XI в.

Рис. 3. Фотографии погребений-кремаций в раскопе 2020 г. на ул. Бол. Краснофлотская, 1а в Смоленске

планиграфическое распределение находок не позволяет утверждать, что они ассоциировались именно с погребениями, однако такая интерпретация также не исключена.

Грунтовые могильники с кремациями второй половины I тыс. н. э., часто безынвентарные, где кости помещались в небольшие ямки или рассыпались на поверхности, зафиксированы уже в нескольких пунктах в долинах больших рек Русской равнины на их низких уровнях (пойма и первая терраса). Наиболее изучены они в долине среднего течения Оки (*Сыроватко*, 2014), но также и на берегу Волхова в Старой Ладоге (*Орлов*, 1960). То есть смоленская находка вписывается в более широкий контекст. Вероятно, этот археологический феномен – грунтовые могильники с кремациями в долинах больших рек Русской равнины – постепенно будет проявляться все больше и больше.

Археологический контекст погребений. Ландшафтно-геоморфологическая характеристика участка работ была дана в связи с публикацией находок

финально-палеолитического возраста, обнаруженных в этом же раскопе 2020 г. на Бол. Краснофлотской улице, но несколько глубже, чем погребения-кремации (*Ершов и др.*, 2022). Стратиграфическая позиция кремаций приурочена к поверхности гумусового горизонта погребенной почвы, перекрытого сверху делювиальным намывом мощностью до 20 см в южной части раскопа. Здесь были обнаружены погребения № 1–3. Выше слоя делювия (светлый суглинок) залегал культурный слой конца X–XI в., в основании которого прослеживались следы распашки. В северо-восточной части раскопа, где было обнаружено погребение № 4, делювиального намыва не было, но здесь пролегала древнейшая смоленская дорога, которую с двух сторон обрамляли изгороди усадеб. Затем по трассе дороги была проложена уличная мостовая.

Погребения проявлялись при зачистке как темные пятна, насыщенные угольками и белыми пережженными костями. Размеры пятен варьировали от 30 до 60 см в диаметре (рис. 3). Грунт погребений отбирался для последующей промывки, при обработке разделялся на угли и кости. Первые шли на датирование. После выборки линз погребений оставались округлые ямки глубиной до 20 см.

По объектам из древнейшего культурного слоя, перекрывавшего погребения, в лаборатории Геологического института РАН (Москва) получена серия радиоуглеродных дат, которая дает *terminus ante quem* для погребений, что увеличивает надежность определения возраста самих погребений (табл. 1). Так, для погребения № 3, обнаруженного на краю ямы 10, которая его прорезала (часть заполнения погребения сползла в эту яму), была получена дата 1340 ± 30 лет (ГИН-16098). Для объектов из заполнения ямы 10 были получены даты (ранжированы по возрасту): 1260 ± 30 (ГИН-16095), 1180 ± 30 (ГИН-16204), 1140 ± 30 (ГИН-16203), 1120 ± 30 (ГИН-16094), 1040 ± 30 (ГИН-16092).

Таблица 1. Даты для могильника с кремациями в Смоленске на ул. Бол. Краснофлотская, 1а (раскопки 2020 г.)

Лаб. номер	Материал образца	Место отбора образца	^{14}C дата, лет	Калиброванное значение по программе OxCal v. 4.4
ГИН-16199	уголь	кв. 73, пласт 7а, погребение № 2	1430 ± 100	415 (93,5 %) 777 calAD 789 (1,9 %) 823 calAD
ГИН-16098	уголь	участок 3, кв. 79, погребение № 3	1340 ± 30	645 (64,6 %) 707 calAD 736 (30,9 %) 775 calAD
ГИН-16198	уголь	кв. 105, пласт 7а, погребение № 4	1250 ± 30	674 (61,3 %) 779 calAD 785 (26,0 %) 837 calAD 846 (8,1 %) 877 calAD

Для частокольной канавы, которая прорезала (задела край) погребение № 4, получена дата 1040 ± 70 (ГИН-16097), а для нижнего яруса уличного настила, перекрывавшего частокольные канавки, была получена дата 960 ± 30 (ГИН-16084). В то время как дата самого погребения № 4 – 1250 ± 30 (ГИН-16198). Таким образом, надежность датировок достаточно высока. Наиболее вероятным хронологическим интервалом совершения погребений, согласно калиброванным значениям возраста (см. табл. 1), будут VII–VIII вв.

При определении видовой и половозрастной принадлежности останков из погребения был применен сравнительно-анатомический метод исследования (табл. 2). Описание фрагментов костей проведено согласно общепринятым стандартам изучения кремированных останков, с учетом весовых показателей, размера, цветности, наличия характерных деформационных трещин. Данная методика, основанная на данных судебно-медицинской экспертизы, апробирована на широком спектре материалов кремаций железного века и раннего средневековья, включающая стандартизованную оценку массы, размера, количества, цветности, характера деформаций фрагментов кремированных костей, их видовую принадлежность и половозрастные показатели (например, *Шупик*, 1964; 1969; *Добровольская*, 2010. С. 85–87; *Звягин*, *Анушкина*, 2014; *Широбоков, Юшкова*, 2014; *Клещенко*, 2016. С. 51–52; 2018; *Клещенко, Свиркина*, 2018; *Doklädal*, 1970; *Wahl*, 1981a; 1981b; *Baker*, 2004; *Scott*, 2008; The analysis of burned human remains, 2008; *Walker et al.*, 2008; *Zipp*, 2010). Данные представлены в сводной таблице (табл. 2).

Таблица 2. Данные по кремированным останкам

Шифр					Принадлежность			Вес (г)	Определение
участок	квадрат	пласт	погр.	доп. инф.	животное	человек	неопред.		
3	76	6	1				X	123,44	
3	76	6	1		X			11,58	
3	73		2				X	10,12	
3	79		3			X		10,71	Фрагменты свода черепа, корней зубов, диафиза бедренной кости, позвонка, средней фаланги кисти, верхнего эпифиза лучевой кости взрослого человека
3	79		3		X			73,55	

Окончание табл. 2

3	79		3				X	1232,11	
4	120–121	7	4		X			0,84	
4	105	7а	4		X			14,70	
4	120–121	7	4				X	7,42	
4	105	7а	4				X	144,50	
3	64–65, 78–79	5				X		0,52	Фрагмент нижней челюсти с альвеолярным отверстием
3	64–65, 78–79	5			X			1,02	
3	63–65, 77–79	6					X	4,19	
3	64–65, 78–79	5					X	9,89	
4	89–93, 103–107	7		под дорогой			X	1,57	
2	9, 26, 43	8а			X			2,89	
2	4, 21, 39			частокол 1	X			2,31	
4		7		восточная треть участка	X			0,31	
		6б		шурф 1	X			5,28	

Общая характеристика останков. Фрагменты изученных кремированных останков имеют цвет от черного до белого, средний размер фрагментов до 2–3 см, на поверхности некоторых костей зафиксированы параболические деформационные трещины, возникшие вследствие термического воздействия (рис. 4). Согласно цветовым шкалам и показателям на основе экспериментальных данных (*Wahl*, 1981a. S. 273; *Walker, Miller*, 2008), можно предположить, что температура горения погребального костра была неравномерна и могла варьироваться в среднем от 550 до 800–850 °С.

Погребение № 1. Общая масса останков из погребения – 125,56 г, из них костей животного (животных) – 3,25 г. Кремированных останков человека не обнаружено.

Погребение № 2. Общая масса останков из погребения – 10,12 г. Все фрагменты костей неопределимые. Идентифицировать останки человека или животного не удалось.

Погребение № 3. Общая масса останков из погребения – 1316,37 г, из них определимых костей человека – 10,71 г, костей животного – 73,55 г. Челове-

Рис. 4. Фотографии костных остатков из погребений-кремаций из раскопа 2020 г. на ул. Бол. Краснофлотская, 1а

ческие останки принадлежат минимум одному взрослому индивиду. Из определимых костей человека обнаружены фрагменты диафиза бедренной кости, верхнего эпифиза лучевой кости, средней фаланги кисти, нижней челюсти, черепа и фрагменты корней зубов. Также было обнаружено 3 фрагмента черепа, которые отнесены к человеческим под вопросом. Судя по несформированному компактному слою костей, а также толщине фрагментов, можно предположить, что они могли принадлежать ребенку. Однако, учитывая, что это невыразительные остатки (нельзя с точностью определить, к какой кости черепа они относятся, поскольку на них отсутствуют черепные швы), а также то, что среди костей животных попадались фрагменты черепа и челюсти, вопрос об их видовой принадлежности остается открытым.

Погребение № 4. Общая масса останков из погребения – 167,46 г, из них костей животного – 15,54 г. Кремированных останков человека не обнаружено. Помимо перечисленных выше четырех скоплений, несколько единичных кальцинированных костей животных и человека были встречены в раскопе на близлежащих квадратах (табл. 2).

Выводы. Культурная атрибуция могильника с сожжениями, обнаруженного в Смоленске, затруднена, так как отсутствует погребальный инвентарь. Судя по дате погребений, они должны относиться к начальной фазе культуры смоленско-полоцких длинных курганов либо к финалу предшествующей им тушемлинской культуры. Смена этих двух культурных традиций пока не достаточно изучена, нет ясности в вопросе о наличии/отсутствии преемственности между ними. Так как на Соборной горе обнаружены находки фрагментов керамики и украшений обеих традиций, то очевидно, что захоронения в могильнике на берегу Пятницкого ручья имеют отношение к древнейшим жителям Смоленска.

Наличие в скоплениях смешанных наборов кальцинированных костей человека и животных является нормой. Отсутствие в некоторых погребениях определимых костей человека объясняется мелкой фрагментацией останков.

Ответить на вопрос, были ли над погребениями курганные насыпи – невозможно. В процессе раскопок были попытки увидеть «ровики» в окружающих погребения западинах в материке, но в итоге ясной картины не получилось. Длинные курганы на кромке берега Днепра известны, например, ближайший к месту работ в Смоленске могильник в Колодне, исследованный Е. А. Шмидтом (Шмидт, 2005).

Н.А. Кренке

ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА СЕРЕДИНЫ – КОНЦА I ТЫС. Н.Э. В СМОЛЕНСКЕ[1, 2]

В статье представлены новые керамические материалы середины – последней четверти I тыс. н.э., найденные в 2020–2022 гг. в Смоленске, всего около 1 тыс. фрагментов. Морфология находок полностью вписывается в существующие типологические разработки Н.В. Лопатина и И.И. Еремеева. Основным результатом можно считать, что существенное количественное приращение коллекции лепной керамики убедительно доказывает существование на Соборной горе Смоленска крупного поселенческого центра славян-кривичей в VIII–IX вв. Связь этих материалов с более древним горизонтом находок V–VI вв. пока остается неясной.

Ключевые слова: лепная керамика второй половины I тыс. н.э., венчики, колочинская традиция, культура смоленско-полоцких длинных курганов, Смоленск.

До недавнего времени Смоленск уступал другим древнейшим городским центрам кривичей, таким как Полоцк (*Дук*, 2010; 2014; 2016; *Еремеев*, 2015; *Плавінскі*, *Штыхаў*, 2006; *Тарасаў*, 1998; *Штыхов*, 1975), Витебск (*Бубенько*, 2004; *Еремеев*, *Дзюба*, 2010; *Колединский*, 2021), Лукомль (*Еремеев*, *Дзюба*, 2010; *Штыхов*, 2014) по количеству найденной лепной керамики середины – конца I тыс. н.э. Это создавало почву для споров о месте локализации древнейшего летописного Смоленска. Сейчас ситуация изменилась. Коллекция из Смоленска может поспорить по представительности с любой коллекцией из вышеназванных центров, а также с коллекцией лепной керамики Гнёздовского поселения (Центральное городище и селища). Большая часть смоленской лепной керамики имеет надежную стратиграфическую привязку, наметилась возможность расчленения массива смоленских находок на хронологические группы. Основная масса лепной керамики в Смоленске сконцентрирована на Соборной горе, здесь находился поселенческий центр. Разведки, проведенные в последние годы в ближайших окрестностях Соборной горы Смоленска, позволили выявить целую сеть поселений-спутников и участков хозяйственной активности, где также выпадала керамика (рис.1).

Лепная керамика, найденная в Смоленске, относится к двум культурно-хронологическим традициям. Более древняя, середины I тыс. н.э., может быть обозначена как колочинская (варианты: тушемлинская, банцеровская, демидовская). Более поздняя группа относится к последней четверти I тыс. н.э. При описании памятников Смоленского Поднепровья и Подвинья такая

[1] Статья выполнена в рамках выполнения плановой темы: Города в культурном пространстве Северной Евразии в средневековье. Руководитель: Коваль В.Ю. (№ НИОКТР 122011200266-3)

[2] Статья опубликована в сборнике «Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья». 2023. Вып. 15. С. 7–20.

Рис. 1. Археологические памятники последней четверти I тыс. н.э. на территории Смоленска

а – место древнейшего Успенского Собора XI в., б – крепость IX в., в – поселение VIII-начала X вв., г – отдельные находки лепной керамики и бус VIII-X вв., д – могильник с кремациями VII-VIII вв. н.э. 1 – укрепленное поселение на Соборной горе («город»); 2 – «Нижний» посад; 3 – «Верхний» посад; 4 – селище на Чуриловке (Вяземский пер.); 5 – могильник на Б. Краснофлотской, 1а, поселение конца X в.; 6 – пер. Реввоенсовета, 4; 7 – раскоп 1951 г. Согор-2; 8 - ул. Металлистов , 8, 14 раскопы Н.В. Сапожникова 1993 г., О .М. Олейникова, 2005 г.; 9 – ул. М. Школьная, 6 раскоп Т.А. Асмолковой 2011 г.; 10 – ул. Соболева, 16, раскоп Н.А. Кренке 2020 г.; 11 – наблюдения С.П. Писарева 1900 г.; 12 – ул. Ново-Ленинградская, 11 раскоп О.М. Олейникова 2005 г.; 13 – Средне-Фурмановский пер., 15, работы В.В. Гараничева 1994 г.

керамика связывается с культурой смоленско-полоцких длинных курганов, но, на самом деле, традиция имеет более широкие географические рамки, охватывая весь ареал славянского расселения на северо-западе Восточной Европы в преддревнерусское время, о чем подробно писали Н.В. Лопатин и И.И. Еремеев (*Еремеев*, 2015; *Лопатин*, *Фурасьев*, 2007, с. 41).

Лепной керамике Смоленщины и Подвинья середины – последней четверти I тыс. было посвящено несколько работ. Следует выделить статьи Т.А. Пушкиной (*Пушкина,* 1973), Н.А. Плавинского и Г.В. Штыхова (*Плавінскі*, Штыхаў, 2006), разделы монографий Е.В. Каменецкой (*Каменецкая,* 2019), В.В. Енукова (*Енуков,* 1990), Еремеева (*Еремеев*, 2015; *Еремеев*, *Дзюба*, 2010). Наиболее детальные и логически выверенные классификации форм лепной керамики Верхнего Поднепровья 2-4 четверти I тыс. н.э. представлены в работах Н.В. Лопатина (*Лопатин*, 2022, рис. 1) и И.И. Еремеева (*Еремеев*, *Дзюба*, 2010).

Рис. 2. Шурф 1 2021 г. на Соборном холме за оградой у колокольни. Внизу профиль северной стенки, в нижней части которого черный древнейший слой VII-IX вв., над ним – насыпь вала IX в.

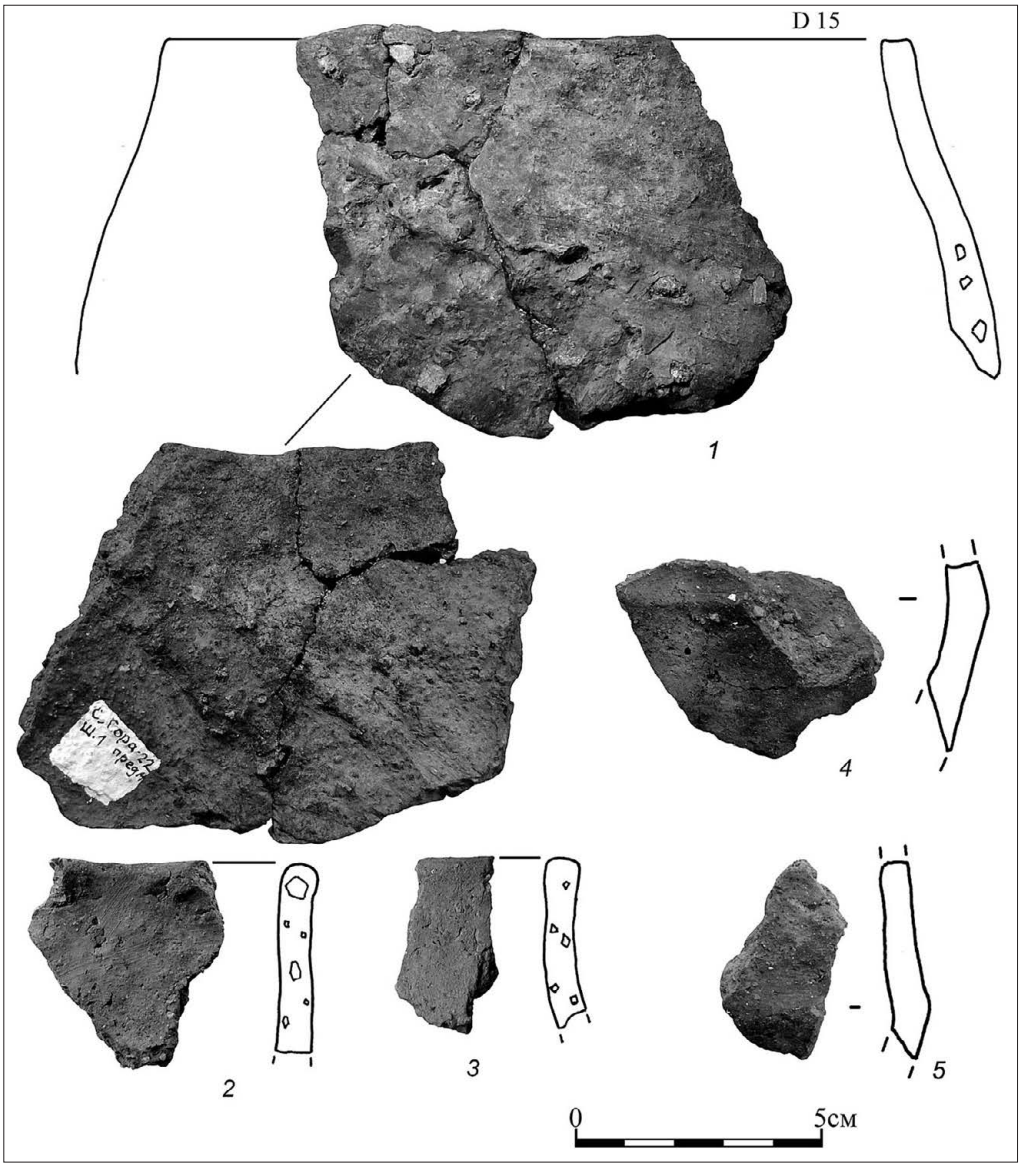

Рис. 3. Керамика колочинской традиции V в. н.э из предматерика в шурфе 1 2022 г. на Соборной горе Смоленска

Обнаружение и первые попытки культурно-хронологической атрибуции лепной керамики из Смоленска связаны с раскопками 1900 г. на месте строительства электрической подстанции у подножия Соборной горы (*Неклюдов, Писарев*, 1901, с.32). Затем лепная керамика была найдена в шурфе А.Н. Лявданского возле колокольни на Соборном холме в 1925 г. (*Лявданский,* 1926). Осенью 1939 г. культурный слой с лепной керамикой был иссле-

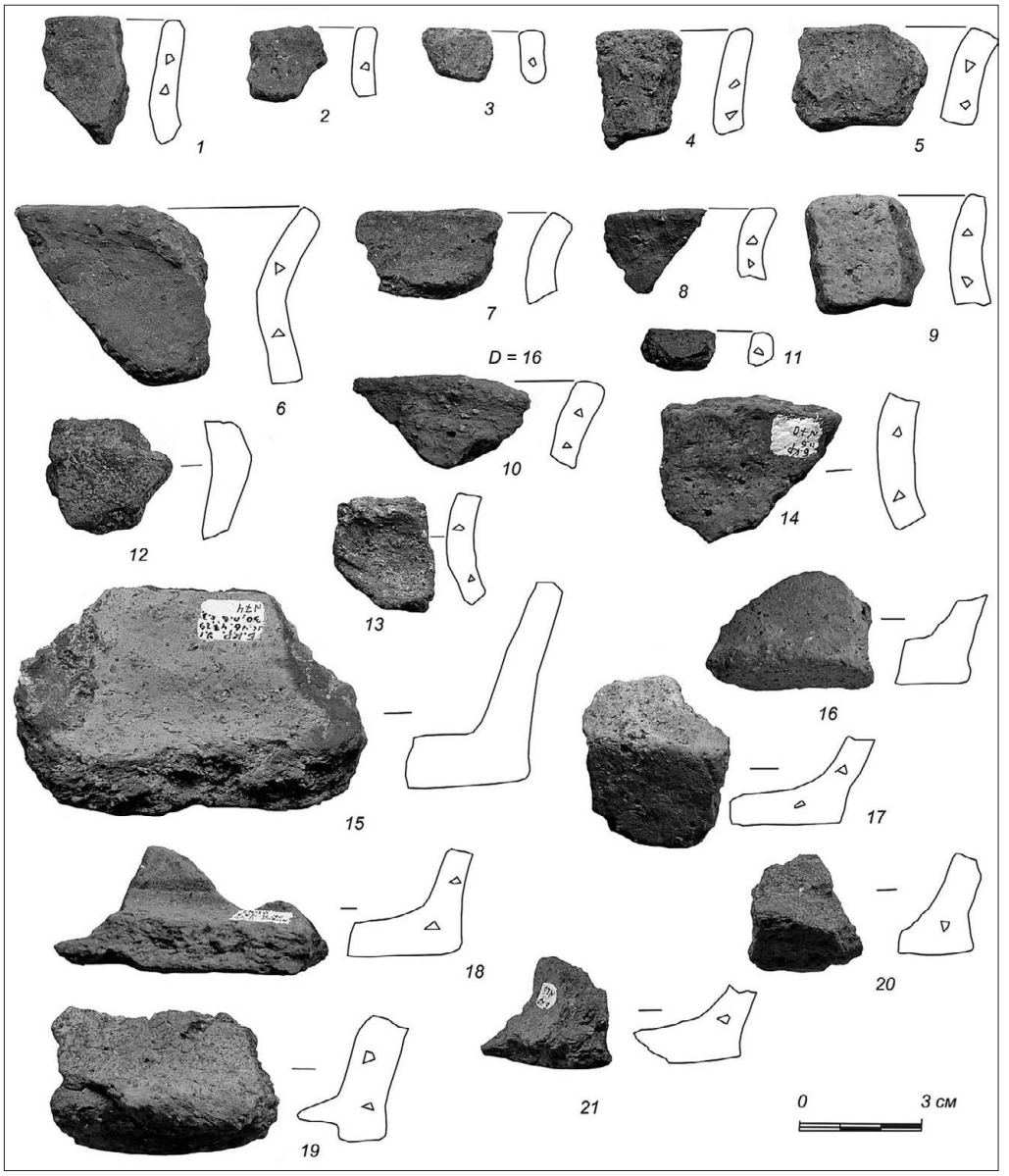

Рис. 4. Керамика VI–VII вв. колочинско-тушемлинской традиции из предматерикового горизонта в раскопе по адресу Смоленск, ул. Б. Краснофлотская, д. 1а

дован при наблюдениях за прокладкой канализации в центральной части Соборной горы (*Милонов,* 1939). Эти находки, видимо, были достаточно выразительными, так как позволили ученым, видевшим их, уверенно настаивать на датировке керамики VI–IX вв. н.э. (*Тихомирова, 1948*). Однако коллекции не сохранилась, как не сохранились и какие-либо изображения

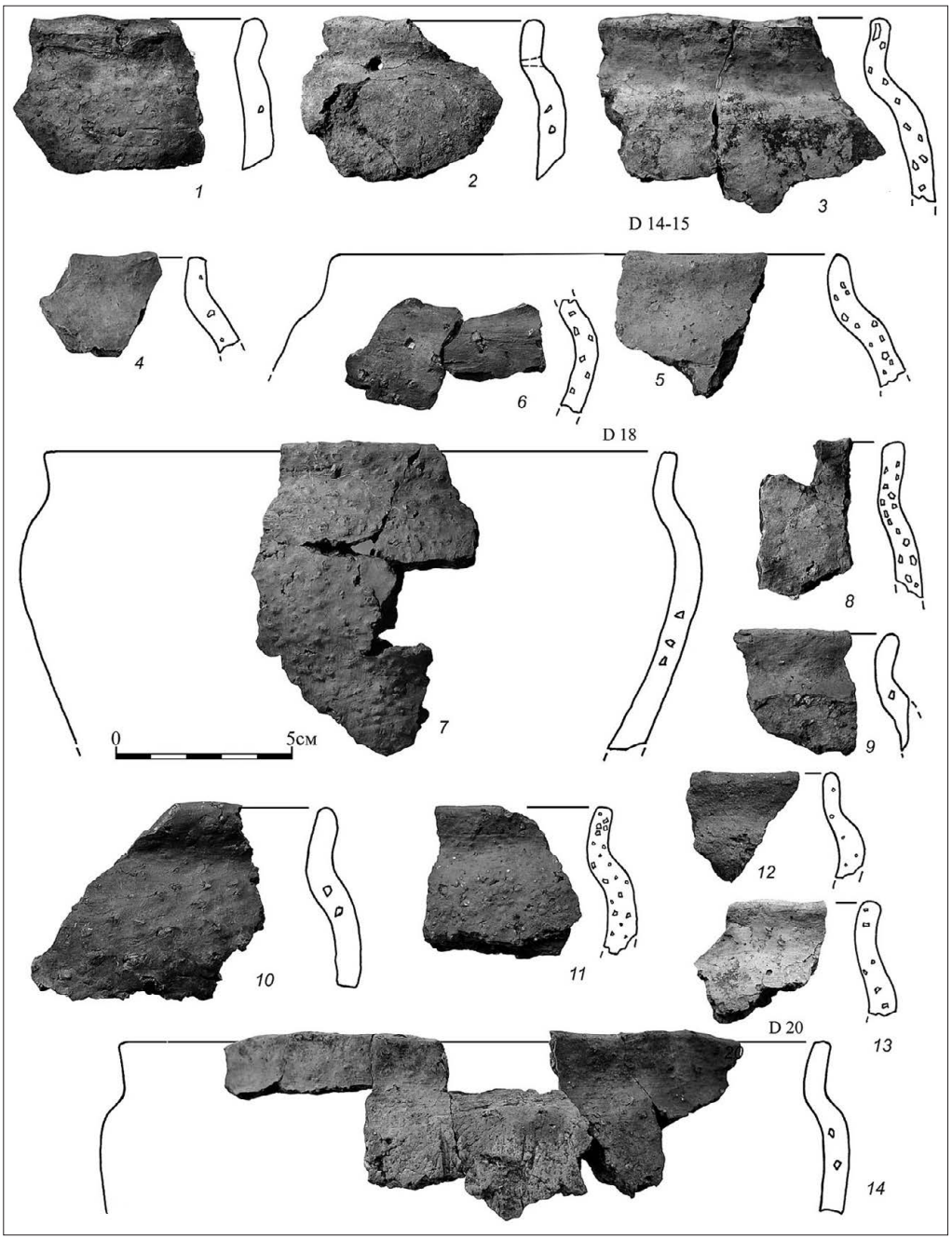

Рис. 5. Горшки с коротким вертикальным венчиком и округлыми плечиками VIII–IX вв. из шурфа 1 2021/2022 гг. на Соборной горе Смоленска

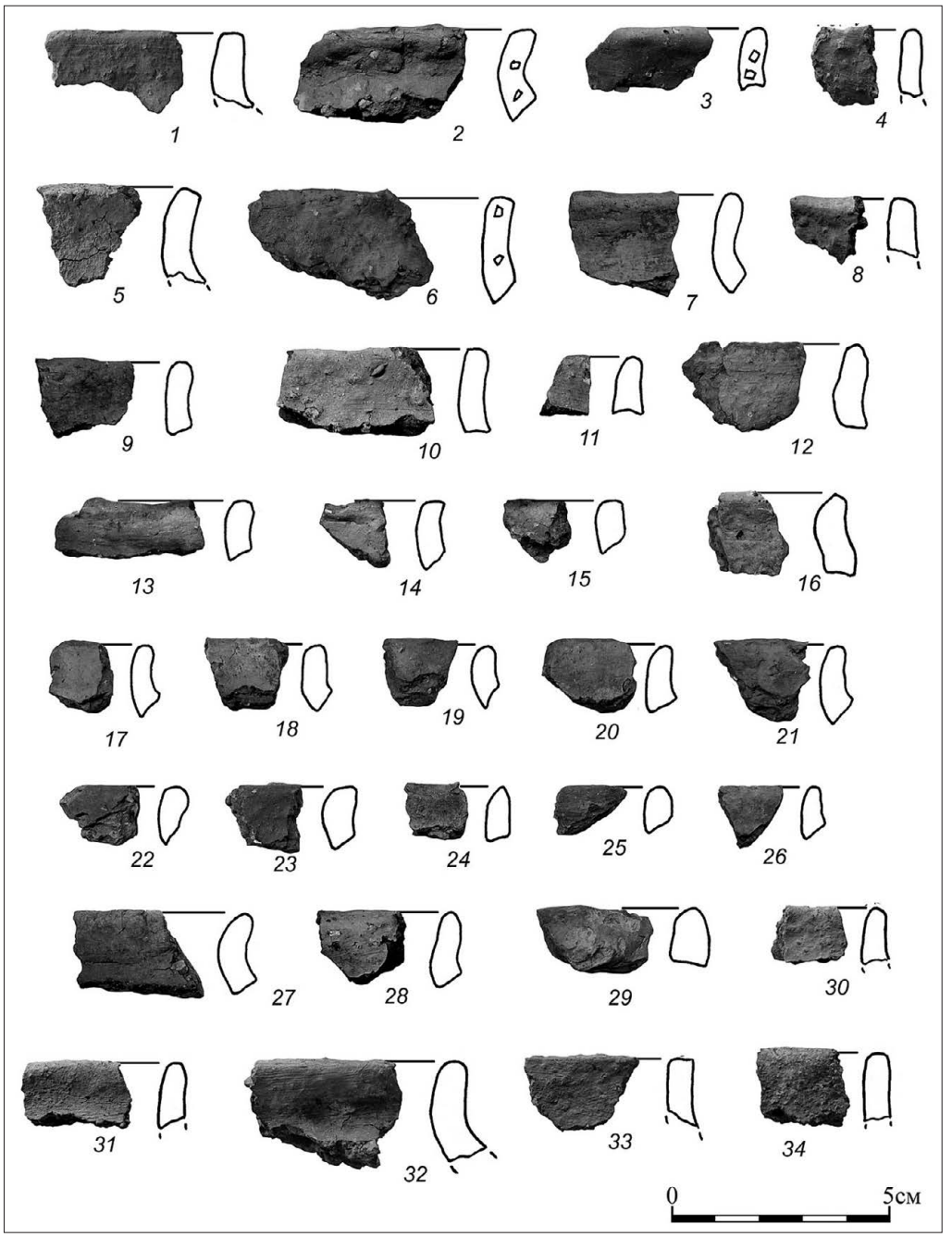

Рис. 6. Мелкие фрагменты вертикальных венчиков VIII–IX вв. из шурфа 1 2021/2022 гг. на Соборной горе Смоленска

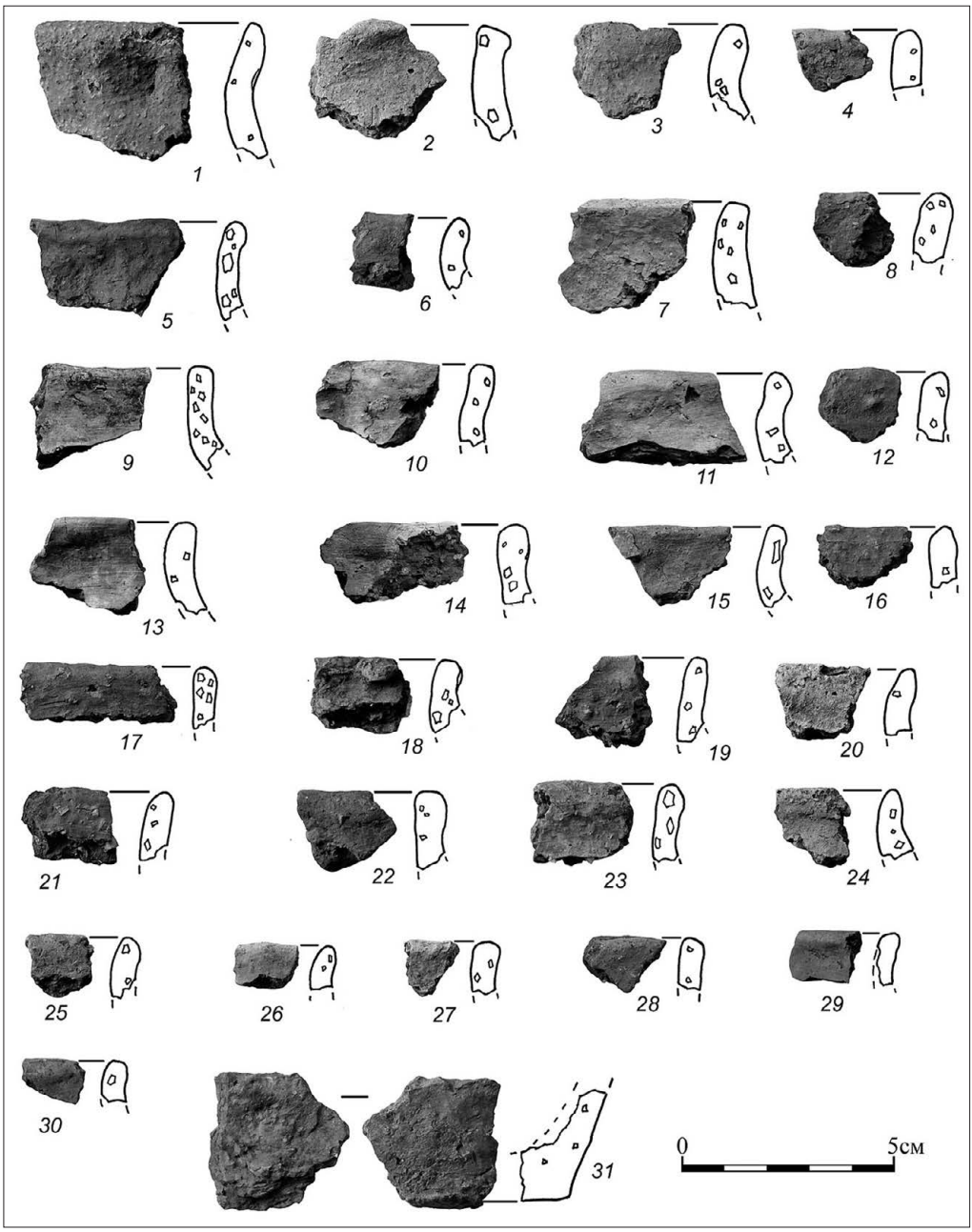

Рис. 7. Мелкие фрагменты вертикальных венчиков VIII–IX вв. из шурфа 1 2021/2022 гг. на Соборной горе Смоленска

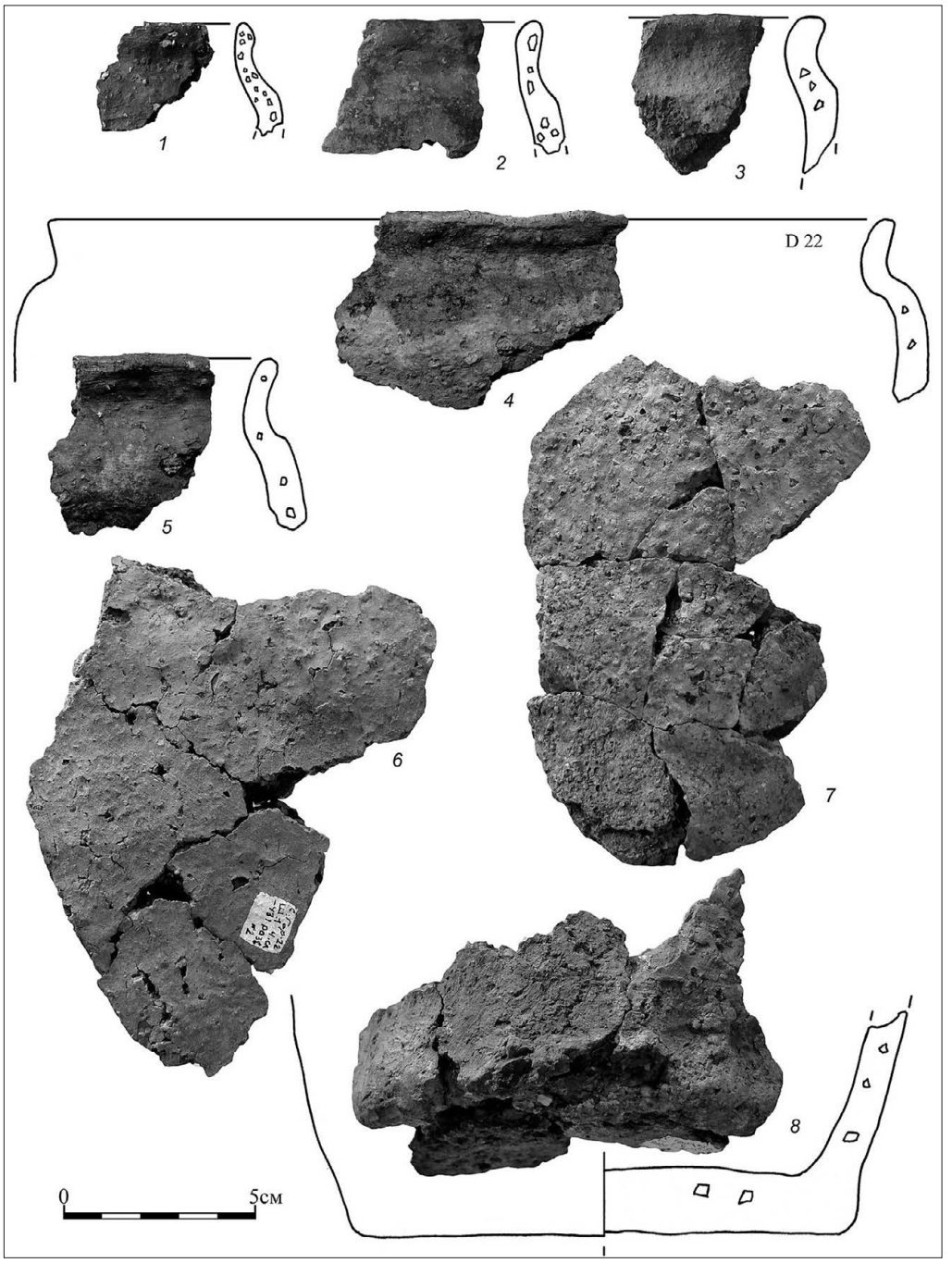

Рис. 8. Горшки с коротким вертикальным венчиком и крутым уступом плечика VIII–IX вв. из шурфа 1 2021/2022 гг. на Соборной горе Смоленска

данной керамики, за исключением одной нечеткой фотографии в работе А.Н. Лявданского (*Лявданский*, 1926, табл. XII, 3). Новые находки лепной керамики на Соборной горе появились уже в 1951 г. (раскоп Согор-2), затем при работах 1964–1966, 1973 гг. в центре холма (раскопки Д.А. Авдусина и Н.Н. Воронина). Часть этих находок сохранилась в Смоленском музее, однако долгое время по не совсем понятным причинам они лежали «под спудом». В 2005 г. лепная керамика конца I тыс. н.э. была найдена в Заднепровье на Ново-Ленинградской улице (раскопки О.М. Олейникова). В 2005 и 2011 гг. лепная керамика в нарушенном археологическом контексте была найдена на ул. Металлистов (раскопки О.М. Олейникова) и ул. Мало-Школьная на северо-восточном склоне Соборной горы (раскопки Т.А. Асмолковой). Эти материалы опубликованы.

В 2014–2018 гг. Смоленская экспедиция ИА РАН провела разведочные работы на северо-восточном склоне Соборной горы, а также за ее пределами на территории Троицкого монастыря (примыкает с юга к Соборной горе) и на пер. Реввоенсовета, 2. Во время этих работ лепная керамика была найдена в определенном горизонте, залегавшим над материком в основании культурного слоя. Эти материалы вошли в обзорную статью о ранней керамике Соборной горы (*Кренке и др.,* 2020). На момент публикации этой статьи коллекция лепной керамики с Соборной горы насчитывала 370 фрагментов (67 венчиков, 289 стенок и 14 донец).

В 2021–2022 гг. были проведены разведочные работы на вершине Соборной горы. Наиболее информативным оказался шурф № 1 2021/2022 гг., расположенный у бровки склона на северо-западе возле колокольни (рис. 11). Размеры шурфа 3×6 м, максимальная глубина – 3,25 м (без учета ям). Верхние 1-2,5 м напластований в шурфе были сложены культурным слоем, насыщенным строительным мусором XV–XX вв., керамикой и другими находками, включая малые московские и тверские медные пула (определение В.А. Волкова). Ниже залегала насыпь вала, сложенная из материкового песка с редкими находками неолитической и шнуровой керамики бронзового века. Песчаная насыпь вала включала линзы черного слоя с лепной керамикой конца I тыс. н.э. В теле песчаной насыпи прослеживались деревянные конструкции, которые имели лучшую сохранность в основании. Бревна конструкции диаметром около 10 см были обуглены. Судя по взаимному положению остатков бревен, конструкции представляли собой «клети» – типичный элемент земляных оборонительных валов. По одному из бревен «клетей» была получена радиоуглеродная дата 1230±40 (ГИН-16137), которая при калибровке с наибольшей вероятностью (33,0%) указывает на интервал 785–835 гг. н.э.

Под песчаной насыпью вала залегал черный культурный слой толщиной до 20 см, в котором была найдена значительная масса керамики и серия

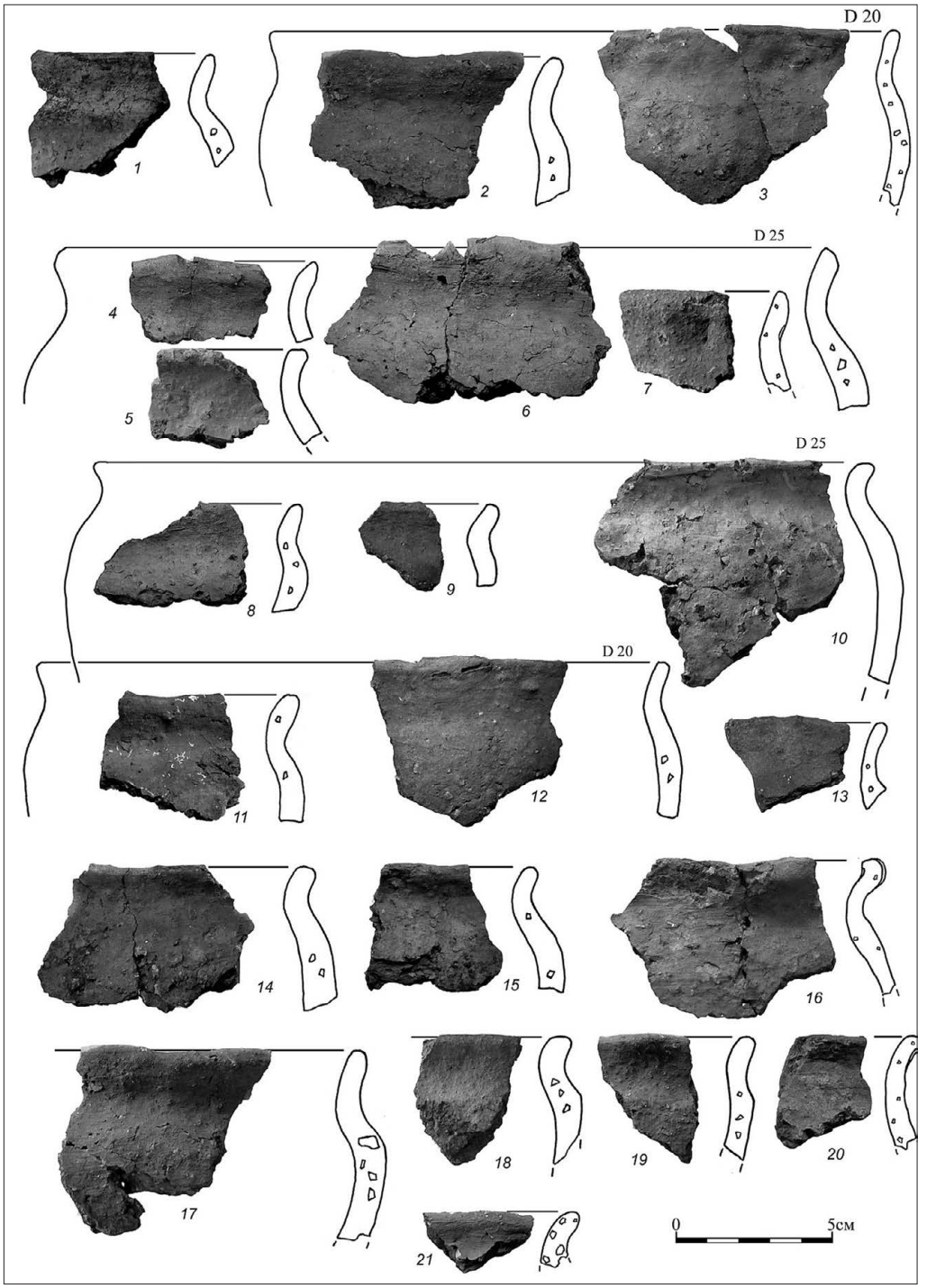

Рис. 9. Горшки с отогнутым наружу венчиком последней четверти I тыс. н.э. из шурфа 1 2021/2022 гг. на Соборной горе Смоленска

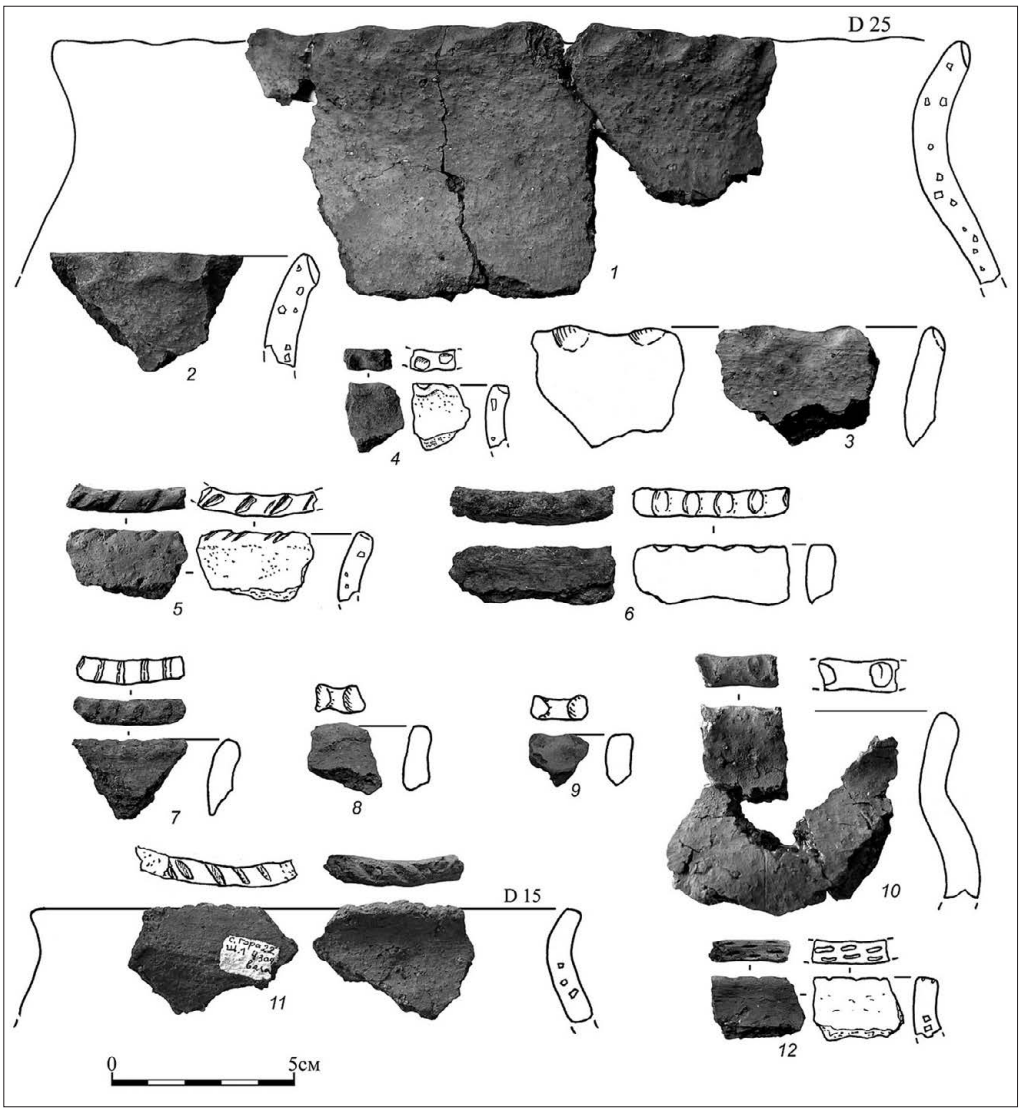

Рис. 10. Орнаментированные венчики VIII–IX вв. н.э. из шурфа 1 2021/2022 гг. на Соборной горе Смоленска

вещевых находок (*Кренке и др.,* 2022). При зачистке материка были выявлены остатки постройки, представленной очажной ямой с фрагментами глиняной обмазки (яма 1) и серией неглубоких столбовых ям. Яма 2, вероятно, осталась от несущего столба возле очага, яма 5 – это небольшое углубление под скоплением костей крупного барана (определение А.Б. Савинецкого), не имевших следов кухонной разделки, возможно, жертвенный комплекс. Яма 6 – подбой XII в., или более поздний.

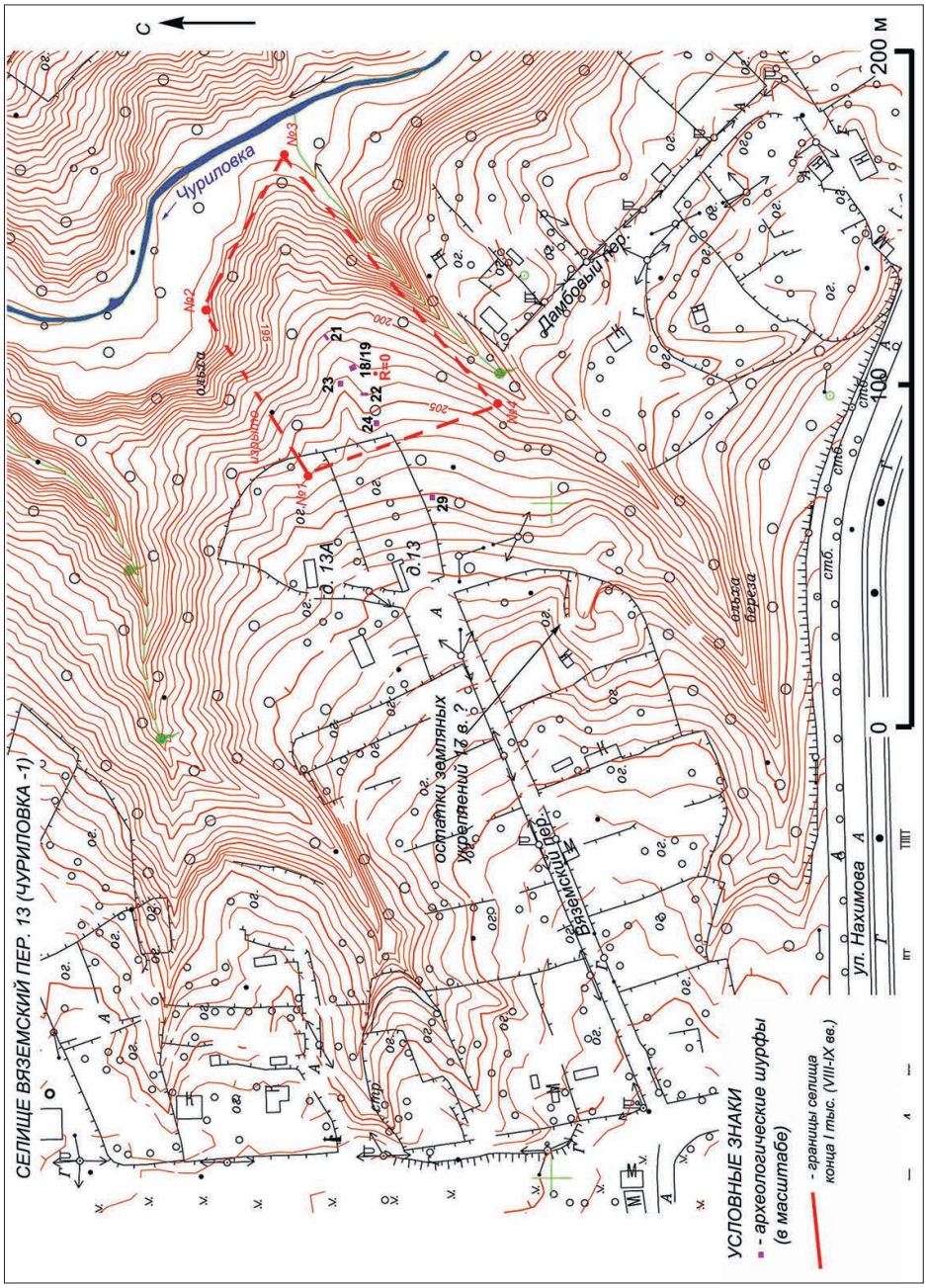

Рис. 11. План селища Чуриловка-1 с условными границами памятника

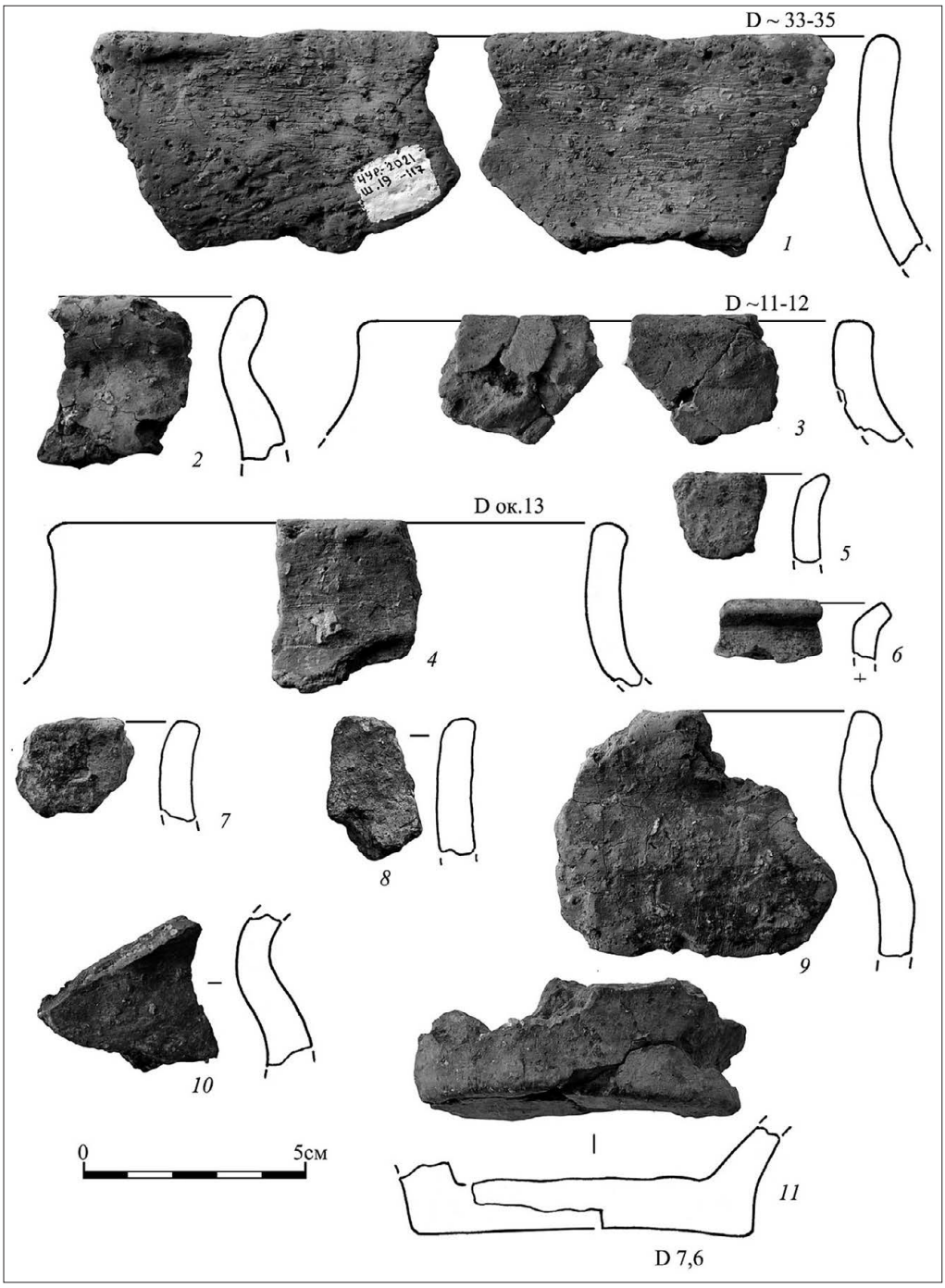

Рис. 12. Керамика последней четверти (VIII в.?) из шурфов на селище Чуриловка 1.

Находки образуют компактную хронологическую группу, связанную с культурой смоленско-полоцких длинных курганов VIII–X вв. Лишь прямоугольная бронзовая луженая поясная накладка с рифлением в виде четырех параллельных выпуклых линий в квадратной рамке имеет более раннюю дату – 3-я четверть I тыс. н.э. (*Кренке и др.,* 2023). Аналогии данной накладке представлены на поясе с городища Никодимово в Белоруссии, который автор раскопок отнес ко второй половине VII в. (*Седин,* 1994; 2012, рис. 12, *14, 15*).

Пять радиоуглеродных дат получены для нижнего черного слоя в шурфе 1 по образцам угля и ферментированному зерну ячменя (*Кренке и др.,* 2022). Самая молодая из этих дат 1211±12 (UOC-18182), самая древняя – 1310±40 (ГИН-16135). Калиброванные значения охватывают период с конца VII по конец IX вв. Вышеприведенная дата по конструкции вала позволяет предположить, что формирование черного слоя под валом завершилось ранее середины IX в.

Коллекция лепной керамики из шурфа № 1 2021/2022 гг. насчитывала 908 фрагментов без учета мелких крошек (венчики – 145, стенки – 736, донца – 27). Общий вес этой керамики, включая крошки, составлял 10 кг 225 г. Керамика, залегавшая в нижнем черном слое под валом, весила 7830 г. Остальная керамика находилась во вторичном залегании (насыпь вала, слои XV–XIX вв.). Таким образом, весь массив находок лепной керамики с Соборной горы насчитывает более 1200 фрагментов. Важно отметить, что наряду с мелкой лепной крошкой были найдены и крупные скопления стенок – развалы горшков (рис. 8: 6-8). Они смогли уцелеть, так как слой был законсервирован насыпью вала.

На уровне предматерика в шурфе 1 была обнаружена керамика колочинско-тушемлинской традиции. Был найден один крупный венчик и несколько мелких, а также фрагменты стенок с ребром (рис.3). То есть количество керамики небольшое, сравнительно с насыщенным находками нижним черным слоем. Керамика этой группы имеет выраженные отличия от керамики последней четверти I тыс. н.э. Примеси в керамике колочинско-тушемлинской традиции очень грубые, размеры зерен дресвы до 6 мм. Форма некоторых горшков биконическая, верх венчиков уплощен и наклонен внутрь, ребро, видимо, располагалось в средней части тулова. На внутренней поверхности стенок прослеживаются продольные следы сглаживания пальцами. Керамика с Соборной горы очень близка к керамике городища Демидовка со слоями V–VI вв. в окрестностях Смоленска (*Кренке и др.* 2021; *Шмитд*, 2003). Пока трудно судить о размерах поселения V–VII вв. н.э. на Соборной горе. Имеющиеся данные позволяют склоняться к версии, что поселение занимало лишь часть верхней площадки горы.

Возможно, к этому поселению относился могильник, открытый в 2020 г. на правом берегу Пятницкого ручья на первой береговой террасе Днепра в 650 м западнее вершины Соборной горы в раскопе на ул. Краснофлотской

на месте дома № 1а. Там было зафиксировано 4 безинвентарных трупосожжения в ямках. По одному была получена дата 1340±30 (ГИН-16098), что при калибровке указывает на VII в. – 652 (52,2 %) 681 AD.

Коллекция лепной керамики из раскопа на ул. Краснофлотской невелика. На уровне погребенной почвы и в перекопах было найдено около 20 фрагментов, в том числе 10 венчиков (рис.4). Соотношение этой керамики с погребениями осталось неясным. Скорее всего, лепная керамика отложилась после завершения функционирования могильника. Мелкие размеры фрагментов, их малочисленность и окатанность допускают предположение, что это след хозяйственного освоения территории. В данной коллекции есть один ребристый фрагмент (рис. 4: 12), нет венчиков с наклоном внутрь. Донца имеют слабовыраженную закраину. Для надежной культурно-хронологической атрибуции материалов мало. Можно с осторожностью предположить, что керамика относится к VII–VIII вв. н.э.

Основная группа лепной керамики, обнаруженная на Соборной горе, относится к последней четверти I тыс. н.э. Характеристика керамики из шурфов на северовосточном склоне была дана ранее (*Кренке и др.,* 2020). Материалы 2021/2022 гг. не выявили новых морфологических разновидностей. Преобладающая группа неорнаментированных венчиков относится к вариантам А и Б типа 10, по Н.В. Лопатину (*Лопатин,* 2022) с прямым и отогнутым краем, соответственно, и округлым плечиком. По И.И. Еремееву, вся керамика относится к первой группе, а именно вариантам 1, 2, 4, включающие венчики 1) короткие прямые, 2) эсовидные отогнутые наружу, 4) с ребром-уступом плеча в верхней части горшка (*Еремеев, Дзюба,* 2010, с.481).

Преобладающим в шурфе 1 на Соборной горе Смоленска является вариант формы горшков с коротким прямым венчиком и округлым плечом с максимальным расширением в верхней трети сосуда (рис. 5-7). Обрез венчика может быть округлым, либо уплощенным. Вероятно, большинство мелких фрагментов прямых венчиков (рис. 6; 7) относится к этой же разновидности. Меньше по численности группа венчиков с крутым изгибом плечика похожим на уступ или ребро (рис. 8). Эта группа близка выделенному И.И. Еремеевым варианту 4 группы 1.

Группа венчиков с отгибом наружу (эсовидные, по И.И. Еремееву) также значительна (рис.9), но примерно в два раза уступает по численности прямым венчикам. В рамках этой группы можно выделить вариант с более вытянутым окончанием венчика (рис.9: 3, 5-7, 11, 16, 20) и относительно короткие венчики. Наличие уступа на плечике не характерно для этой группы.

Орнаментированная керамика с пальцевыми вдавлениями по краю (рис.10: 1-3, 6, 8-10) составляет численно незначительную часть комплекса, по форме она относится к типу 10Б, по Н.В. Лопатину (край венчика отогнут наружу). Кроме вдавлений пальцем встречено оформление края венчика с

помощью прямых (рис.10: 7) и косых (рис.10: 5, 11) насечек. Уникален фрагмент с вдавлениями по торцу гребенчатым (?) штампом (рис.10: 12).

Важно отметить, что в слое под валом не было найдено фрагментов лепной керамики, орнаментированных оттисками «палочки с веревочкой», тогда как на северо-восточном склоне Соборной горы такие фрагменты были (*Кренке и др.,* 2020).

Можно допустить, что появление на смоленских горшках орнамента «оттиски палочки с веревочкой» произошло после середины IX в. Вероятно, следует согласиться с предположением В.В. Енукова, что данный орнамент маркируют южные влияния (*Енуков,* 1990).

В коллекции имеется серия придонных частей сосудов. Все они однотипны (рис. 8: 8) – толщина донца достигает 1 см, закраина выражена слабо, переход от стенки к дну скруглен.

На мысу левого берега Чуриловки на задворках усадьбы Вяземский пер., 13 напротив Королевского бастиона в 2021 г. было обнаружено селище с материалами конца I тыс. н.э. (рис.1). На памятнике заложено 6 шурфов общей площадью 24 м^2. Приблизительные размеры памятника 90×50 м, высота над руслом Чуриловки 12-24 м. Всего в шурфах было найдено 30 фрагментов лепной керамики, включая 13 венчиков, 15 стенок, 2 донца (рис.12). Отличительная черта этого комплекса – преобладание относительно высоких прямых венчиков (по И.И. Еремееву, это группа 1 вариант 3). Короткие прямые венчики также присутствуют. Высокие венчики были встречены ранее на склонах Соборной горы (*Кренке и др.*, 2020, рис. 8, *11, 13, 17*), но в слое под валом на верхней площадке они не зафиксированы. Возможно, что селище на берегу р. Чуриловки синхронно лишь ранней стадии второго этапа существования поселения на Соборной горе (VIII в.?).

Выводы. Новая коллекция лепной керамики с Соборной горы Смоленска, собранная в 2021, 2022 гг. количественно дополняет материалы предшествующих лет. Можно сказать, что количество перешло в качество. Теперь нет никаких сомнений в существовании крупного центра кривичей на Соборной горе в VIII–IX вв. н.э. Выяснилось, что у этого поселения была более ранняя подоснова V–VI вв. н.э., но пока нет доказательств непрерывного существования поселения с V по IX в. н.э. В радиусе 1,5 км вокруг Соборной горы Смоленска выявлено еще несколько памятников и пунктов с находками последней четверти I тыс. н.э., что свидетельствует о существовании сложной пространственной организации поселенческо-хозяйственной системы. Хронология существования памятников-спутников уже, нежели интервал функционирования поселения на Соборной горе.

Морфология найденной керамики полностью вписывается в классификации Н.В. Лопатина и И.И. Еремеева, разработанные для керамических комплексов последней четверти I тыс. н.э. для регионов Верхнего Поднепровья и Подвинья.

Н.А. Кренке, И.Н. Ершов, В.А. Раева,
А.А. Войцик, М.В. Лавриков

КЕРАМИКА VIII–XI ВВ. ИЗ ДРЕВНЕЙШЕГО СЛОЯ НА СОБОРНОЙ ГОРЕ СМОЛЕНСКА[1]

Состав керамического комплекса из древнейшего культурного слоя на Соборной горе Смоленска имеет ключевое значение для понимания истории поселения, которое на ней находилось.

Планиграфический и стратиграфический контекст

В результате многочисленных археологических работ на Соборной горе, которые проводились здесь с 1925 г. (рис. 1), стратиграфия и планиграфия этого археологического объекта стала довольно ясной. Соборная гора имеет в плане овальную форму (265х100 м). С южной стороны она ограничена Сухим рвом, который хорошо виден на гравюрах XVII в. Этот ров, вероятно, искусственного происхождения соединил два оврага, охватывающих Соборную гору с востока и запада. Верхняя площадка нынешней Соборной горы имеет площадь 2,5 га. Если предполагать, что до отрытия рва был узкий перешеек, соединявший Соборную гору с Васильевской горой, то площадь мыса составит 3 га. Площадь северо-восточного склона составляет около 5 га. Этот склон имеет ступенчатую форму, возникшую в результате многовекового террасирования участка, приспособления его для жилья. Сразу можно отметить, что масштаб Соборной горы, имеющей лишь в верхней части пригодную для жилья площадь, равную 30–40 тыс. м^2, во много раз превосходит по площади любое из известных городищ Смоленщины железного века и эпохи переселения народов. Их площадь, как правило, составляет первые тысячи квадратных метров.

Если мы посмотрим на профиль Соборной горы (рис. 2), то увидим, что нынешняя ее высота над уровнем Днепра (160 м в Балтийской системе) составляет 62,5 м. В древности, до накопления культурного слоя, это превышение равнялось 60 м. Всю Соборную гору и ее северо-восточный склон в особенности покрывает чехол культурного слоя мощностью около 2,5–3 м наверху и более 5 м у подошвы склона. Археологические раскопы расположены на Соборной горе с такой плотностью, что промежутки между ними составляют менее 100 м, что позволяет с высокой надежностью реконструировать линию материковой поверхности. Поверхность материка имеет наивысшую точку в северной части горы в районе Успенского собора. На север к Днепру идет довольно крутой спуск, нарушенный искусственными ступеня-

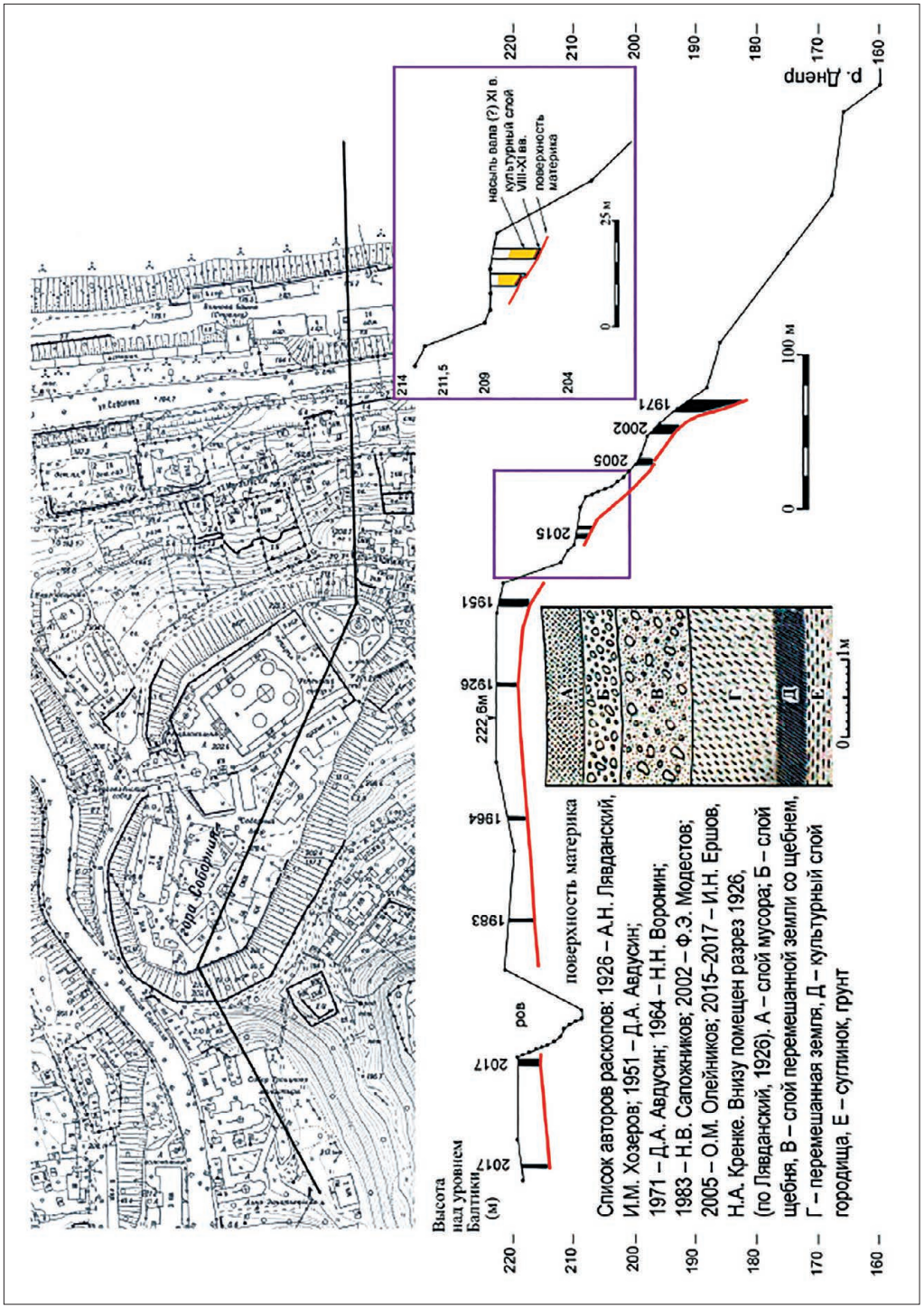
[1] Статья опубликована в сборнике «Смоленская керамика VIII–XIX вв. Новые материалы и старые коллекции». Москва–Смоленск, 2020. С. 30–48.

Рис. 1. План Соборной Горы Смоленска с археологическими раскопами и шурфами. Красным цветом показаны шурфы с лепной керамикой VIII-X вв., черным – без лепной керамики. 1 – раскоп Согор 1 (Адусин, 1951); 2 – раскоп Согор 2 (Авдусин, 1951); 3 – Согор. 7-13 (Авдусин,1974); 4 – Согор 10 (Авдусин, 1966); 5 – бесстолпный храм (Воронин, 1964, 1965); 6 – Согор 12 (Авдусин, 1974); 7 – Согор 17 (Сапожников, 1983-1985); 8 – Согор 13 (Авдусин, 1966); 9 – Согор 14 (Авдусин, 1974); 10 – Успенский собор

Рис. 1. (стр. 133, продолжение). (Воронин, 1965); 11 – «Терем» (Воронин, 1965); 12 – Ул. Соболева 8 (Авдусин, 1964), 9 (Авдусин, 1966-1969), 11 (Авдусин, Асташова, 1971-1976); 13 – ул. Металлистов, 6-10 (Сапожников, 1992); 14 – ул. Металлистов 6-10 (Сапожников, 1993); 15 – ул. Металлистов, 8 (Нигматулин, 1999); 16 – ул. Металлистов, 14 (Олейников, 2005); 17 – ул. Мало-Школьная, 6 (Асмолкова, 2011); 18 – ул. Мало-Школьная, 5 (Ершов, 2014); 19 – ул Мало-Школьная 7а (Ершов, 2014); 20 – ул. Мало-Школьная, 20 (Кренке, 2015, 2016); 21 – ул. Мало-Школьная, 2 (Сапожников, 1989, Ершов, 2014 гг.); 22 – колокольня (Хозеров, Лявданский, 1925); 23 – электроподстанция (Неклюдов, Писарев, 1900); 24 – Соборный двор (Гараничев, 1994); 25 – ул. Мало-Школьная (Гараничев, 1994); 26 – ул. Металлистов, 16 (Модестов, 1999); 27 – ул. Металлистов, 3 (Модестов, 2002); 28 – ул. Б.Советская, 7 (Кренке, 2017, 2018); 29 – ул. Б.Советская, 9 (Кренке, 2017); 30 – пер. Реввоенсовета, 2 (Ершов, 2014); 31 – ул. Соболева раскоп 3 (Авдусин, 1951-1952); 32 – ул. Соболева раскоп 5 (Авдусин, 1955-1957)

Рис. 2. (стр 134). Профиль Соборной горы с нанесенными на него раскопами и линией материка. Список авторов раскопов: 1926 - А.Н. Лявданский, И.М. Хозеров; 1951 - Д.А. Авдусин; 1971 - Д.А. Авдусин; 1964 - Н.Н. Воронин; 1983 – Н.В. Сапожников; 2002 - Ф.Э. Модестов; 2005 - О.М. Олейников; 2015-2017 – И.Н. Ершов, Н.А. Кренке. Внизу помещен разрез 1926, по Лявданский, 1926. А – слой мусора; Б – слой щебня, В – слой перемешаной земли со щебнем, Г – перемешаная земля, Д – культурный слой городища, Е – суглинок, грунт

Гора Соборная
р. Днепр
насыпь вала (?) XI в.
культурный слой VIII–XI вв.
поверхность материка
25 м
0
100 м
0
1951
1926
1964
1983
2017
2017
2015
2005
2002
1971
222,6м
ров
поверхность материка
Высота над уровнем Балтики (м)
220
210
200
190
180
170
160
А
Б
В
Г
Д
Е
1м
Список авторов раскопов: 1926 – А.Н. Лявданский, И.М. Хозеров; 1951 – Д.А. Авдусин; 1971 – Д.А. Авдусин; 1964 – Н.Н. Воронин; 1983 – Н.В. Сапожников; 2002 – Ф.Э. Модестов; 2005 – О.М. Олейников; 2015–2017 – И.Н. Ершов, Н.А. Кренке. Внизу помещен разрез 1926, (по Лявданский, 1926). А – слой мусора; Б – слой щебня, В – слой перемешанной земли со щебнем, Г – перемешанная земля, Д – культурный слой городища, Е – суглинок, грунт

ми-эскарпами; в направлении на юг поверхность плавно опускается. Примерно в каждой второй точке исследований на Соборной горе в основании толщи культурного слоя был выявлен темноцветный горизонт с древнейшими находками, представленными, в первую очередь, лепной керамикой конца I тыс. н.э. Этот слой залегал непосредственно на материке и по темному, почти черному цвету отличался от выше лежавших напластований. Данный культурный слой был зафиксирован впервые при раскопках 1925– 1926 гг. А.Н. Лявданского и И.М. Хозерова возле соборной колокольни, затем при раскопках Н.Н. Воронина 1964 г. бесстолпного храма к югу от Успенского собора. Этот же слой был обнаружен в шурфах № 1 и № 2 2015–2016 гг. по адресу: ул. Мало-Школьная, 20. К этой же группе раскопов примыкает шурф № 1 (раскопки 2017–2018 гг.) на территории Троицкого монастыря (ул. Б. Советская, 7). Этот шурф находился к югу от Сухого рва, ограничивающего Соборную гору. Возможно, в период формирования слоя этого рва еще не существовало. Важно отметить, что шурф на территории Троицкого монастыря был очень сходен по своей стратиграфии с шурфами на северо-восточном склоне Соборной горы, а его нижний слой относился, видимо, к тому же поселению, которое занимало Соборную гору. Помимо перечисленных шурфов, нужно также упомянуть раскоп Д.А. Авдусина 1951 г. (Согор 2) на восточном склоне Соборной горы, где был найден в переотложенном горизонте лепной венчик конца I тыс. н.э.; и раскоп 2011 г. Т.А. Асмолковой на северо-восточном склоне Соборной горы (ул. Мало-Школьная, 6), где древнейший слой зафиксирован не был, но в яме 15 были найдены лепной венчик и стенка.

Таким образом, есть основания предполагать, что почти вся площадь Соборной горы была занята этим слоем, безусловно, связанным с существованием поселения. Вероятно, наибольшую мощность слой имел в центре Соборной горы. Н.Н. Воронин указал в своем отчете, что его мощность достигала 0,5 м. В шурфе возле колокольни мощность нижнего черного слоя, по чертежу А.Н. Лявданского, составляла 30 см. Детальные исследования, проведенные на Мало-Школьной улице возле дома 20 и во дворе дома 7 по Большой Советской показали, что нижний темный горизонт фиксирует несколько этапов жизни и хозяйственной деятельности. На тех участках, где мощность слоя достигает 20 см, в нем можно выделить микропрослойки (*Ершова, Кренке*, 2017). В восточной части шурфа № 1 на ул. Мало-Школьной, 20 темный слой залегал под насыпью (валом?) XI в. Кровля этого горизонта была ровной, со слабым уклоном в сторону реки (рис. 3). Дальнейшие раскопки показали, что слой полностью переработан распашкой. При зачистке материка были выявлены разнонаправленные борозды. Судя по найденной на поверхности черного слоя круговой керамике, распашка должна была относиться к X–XI вв. Толщина черного слоя, переработанного распашкой,

Рис. 3. Нижний культурный слой (1), материк (2) и борозды распашки X-XI вв. (3,4) в шурфе 1 на ул. Мало-Школьная, 20 (2015 г.)

Рис. 4. Борозды распашки X-XI вв. (отмечены стрелками), пересекают постройку с очагом VIII-IX вв. в СЗ углу шурфа 1 на ул. Мало-Школьная, 20 (2016 г.)

на данном участке составляла 10–20 см. В западной части этого же шурфа была выявлена несколько иная картина. В северо-западном углу сохранился котлован углубленной (врезанной в склон) постройки с печкой-каменкой. Постройка сохранилась фрагментарно, расширение шурфа на запад показало, что участок нарушен поздними перекопами. Борозды пересекали пятно постройки, что с очевидностью показало, что на данном участке можно выделить два этапа освоения: 1) селитьба; 2) распашка. Первому этапу соответствовала исключительно лепная керамика. В заполнении котлована постройки найдена поздняя сасанидская драхма, относящаяся к периоду от Хосрова Второго (591–628) до Йездигерда Третьего (632–651), по определению В.В. Зайцева (рис. 5). В бороздах распашки найдены как лепные, так и круговые фрагменты керамики. В шурфе № 2 по тому же адресу, но располагавшемуся в нескольких метрах ниже по склону от шурфа № 1, толщина темного слоя достигала 25 см, в нем выделено два стратиграфических уровня. Нижний – с лепной керамикой и верхний – с лепной и круговой керамикой и включениями фрагментов обожженной глины. Следы распашки здесь отсутствовали. Ниже по склону в шурфах на ул. Мало-Школьной, 7а нижний темный слой уже отсутствовал как стратиграфический горизонт. Он был полностью переработан в начале II тыс. н.э. Здесь сохранились частокольные канавки, по кольям из которых получены радиоуглеродные даты, указывающие на рубеж X–XI вв. (рис. 6). В предматериковом пласте залегало значительное количество лепной керамики вперемешку с круговой XI в. На противоположном, южном краю поселения, в шурфе на бровке Сухого рва (рис. 7) темный культурный слой был выявлен в основании толщи антропогенных напластований, но сохранился он очень фрагментарно. Его толщина составляла лишь 5–10 см. Этот слой распашке не подвергался. На его поверхности отложился слой с включениями печной глины и круговой керамикой, свидетельствующий о какой-то строительной активности в начале II тыс. н.э.

Описание керамики

В описываемом черном слое была найдена лепная и круговая керамика, причем в его нижней части – исключительно лепная. Есть некоторые основания предполагать, что в отложениях материала, накопившегося в черном культурном слое, имелся незначительный хронологический перерыв. Лепная керамика связана с основным, первым периодом формирования данного слоя, а раннекруговая X в. и развитая круговая керамика XI в. соответствуют второму периоду. Рассмотрим коллекцию керамики, разделив ее на две части: лепную и круговую.

В нашем распоряжении имеется коллекция лепной керамики с Соборной горы (включая шурф на территории Троицкого монастыря), которая в совокупности насчитывает 370 фрагментов (67 венчиков, 289 стенок, 14 донец) –

Рис. 5. Поверхность материка и углубление постройки VIII-IX вв. в СЗ углу шурфа 1 на ул. Мало-Школьная, 20, где была найдена сасанидская драхма (2016 г.)

Рис. 6. Профили бортов шурфа на ул. Мало-Школьная, 7а. Стрелкой показан частокол, по которому получены радиоуглеродные даты

(рис. 8). Помимо этого, еще около 400 «крошек» от лепной керамики (фрагментов площадью около 1 см^2), выявленных при промывке нижнего культурного слоя в 2015–2018 гг. К сожалению, крупный фрагмент венчика, обнаруженный А.Н. Лявданским, был утрачен и известен лишь по фотографии низкого качества (*Лявданский*, 1926. Табл. XII, *3*).

Задача заключается в том, чтобы описать морфологическое разнообразие этой керамики, определить ее культурную принадлежность и хронологические рамки. Всю лепную керамику можно разделить на две группы: неорнаментированная и орнаментированная. Первая группа доминирует. Лишь 7 из 67 венчиков имели орнаментацию.

Керамика первой группы морфологически довольно однородна. Нужно отметить, что значительная часть венчиков была очень незначительных размеров (лепная керамика очень хрупкая). Но этот факт частично компенсируется наличием профильных частей шеек и плечиков от горшков (рис. 8, *9, 10*, *46–51*), которые позволяют представить форму верхней части сосудов. Все горшки имеют короткий венчик (максимальная высота не более 2 см) вертикальный либо слабо отогнутый наружу. Переход к плечику обычно довольно резкий (сглаженное ребро), но есть фрагменты с плавным переходом. Завершение венчика (торец) оформлено сглаживанием и в разрезе имеет округлую форму или приближающуюся к округлой. Лишь в двух случаях зафиксирован плоский (уплощенный) торец венчика (рис. 8, *8, 14*). Сужение стенок горшков от венчика к донцу незначительное. В некоторых случаях (рис. 8, *39, 44*) стенки выглядят почти вертикальными, то есть сосуд имел банкообразную форму. Но в большинстве случаев стенки сужаются к дну, которое обычно имеет слабовыраженную закраину, есть экземпляр вообще без закраины (рис. 8, *54*). Толщина достигает 1,5 см, в то время как стенки обычно имеют толщину около 0,7–0,8 см. Визуально прослеживается обильная примесь дресвы.

Аналогии данной керамике имеются в большом количестве среди материалов смоленских и полоцких длинных курганов (*Шмидт*, 2012). Очень сходный набор дали раскопки Нижнего замка Витебска, Полоцка, городища Лукомль, городка на Маяте (*Еремеев, Дзюба*, 2010; *Еремеев*, 2015), Гнёздова (*Каменецкая*, 2019). Венчики, представленные на Соборной горе Смоленска, хорошо «вписываются» в типологические разновидности, выделенные И.И. Еремеевым – группа 1, варианты 1, 2, 4 (*Еремеев,* 2015. Рис. 62), есть также фрагменты, близкие к группе 4 по И.И. Еремееву (*Еремеев, Дзюба*, 2010. Рис. 213). По Н.В. Лопатину большинство смоленских венчиков относится к типу 10 (*Лопатин, Фурасьев*, 2007. С. 41). Описание этой керамики, сделанное Н.В. Лопатиным, очень емко, к нему трудно что-либо добавить. Обобщенная датировка – VIII–X вв. Важно, что Н.В. Лопатин приводит аналогии, показывающие, что данный тип керамики выходит далеко за рамки

Рис. 7. Профили северного и восточного бортов шурфа 1 на ул. Б. Советская, 7 (Троицкий монастырь), в котором прослежен культурный слой VIII-X вв.

культуры смоленско-полоцких длинных курганов. Он связывает эту керамику с «восточнославянскими племенами и населением ранней Руси» (*Лопатин, Фурасьев*, 2007. С. 41). Отметим также, что Н.В. Лопатин подчеркивает, что в некоторых случаях керамика данного типа перекликается (наличие «акцентированного крутого плечика») с ребристой керамикой ладожского типа. Это же мы видим на смоленской керамике. Некоторые горшки имеют похожий на ребро перегиб плечика (рис. 8, *10, 49, 42*). Сходный со смоленским материал, происходящий из ряда комплексов городка на Маяте и из Витебска, И.И. Еремеев относит к IX–X вв. Формы с крутым перегибом плечика (похожие на смоленские находки) имеют аналогии в Гнёздове (раскопки 1967 г. И.И. Ляпушкина на селище). И.И. Еремеев с осторожностью предполагает, что они более характерны для X в. (*Еремеев, Дзюба,* 2010. С. 475). В Гнёздовском могильнике близкие по форме лепные горшки встречены в ранней части памятника в Лесной группе в курганах Л-35, Л-13 и др. (*Каменецкая*, 2019), которые, видимо, датируются в интервале конец IX – первая половина X в.

Нужно отметить особенное сходство комплексов Смоленска и керамики позднего горизонта городка на Маяте. И.И. Еремеев, анализируя последнюю, отмечал, что при отсутствии раннегончарных форм и форм, подражающих раннегончарным, можно предполагать, что комплекс, скорее всего, относится к IX – самому началу X в.

Вторая группа смоленской лепной керамики (орнаментированная), как отмечалось выше, весьма малочисленна. Говоря о форме этих сосудов, можно отметить лишь то, что они имели короткий, отогнутый наружу венчик и плечики покатые либо с уступом. Орнаментация трех вариантов: 1) вдавления пальцем, 2) насечки, 3) оттиски «палочки с веревочкой». Фрагментов с вдавлениями (вероятно, пальцем) по торцу венчика всего три (рис. 8, *5–7*). Два из них слишком малы для анализа. Третий (рис. 8, *3*) имеет некоторые характерные особенности. Можно предполагать, что венчик отогнут наружу, стенка тонкая – 4–5 мм. Подобная керамика близка к материалам «среднего слоя Тушемли» или керамике «восточнобалтийского типа» по Е.В. Шмидту. На самом деле такая керамика была распространена очень широко в «варварской периферии» (в Восточной и Центральной Европе) в римское время. Фрагмент из Смоленска слишком мал, чтобы искать ему точные аналогии. Пожалуй, можно сделать очень осторожный вывод: не исключено, что данный фрагмент относится к первым векам н.э. В качестве подтверждения отметим, что в шурфе на территории Троицкого монастыря был найден железный нож с изогнутой спинкой, характерный для железного века. Фрагмент с насечками (рис. 8, *2*) также очень мал. При желании его можно сопоставить с керамикой начала новой эры, но подобный тип орнаментации встречается и в конце I тыс. н.э. Так что лучше воздержаться от предположений о дати-

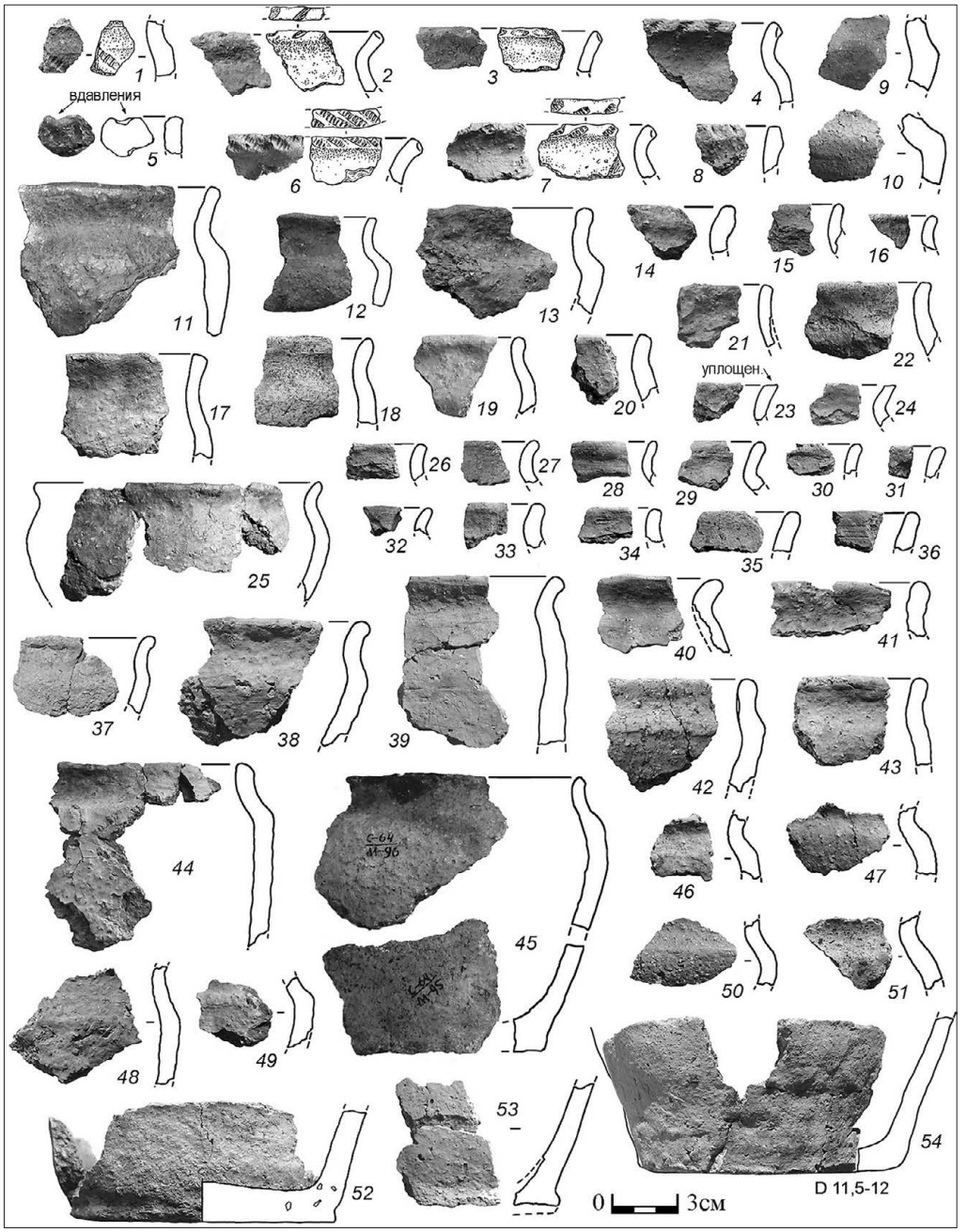

Рис.8. Сводная таблица лепной керамики из шурфов и раскопов на Соборной горе Смоленска. 1 – раскоп Согор-2 (Д.А. Авдусин, 1951 г); 2 – раскоп М. Школьная, 6 (Т.А. Асмолкова, 2011 г.), 3, 4, 7, 13-21, 24, 25, 28-34, 36-45, 47- 49, 50-52, 54 – М. Школьная, 20 (Н.А. Кренке, 2015; И.Н. Ершов, 2016); 6, 11, 53 – М. Школьная, 7а (Ершов, 2014); 5, 8-10, 12, 27 – Б. Советская, 7 Троицкий мон. (Кренке, 2017, 2018); 35 – Соборная гора (Н.Н. Воронин, 1964). В скобках указаны авторы и годы раскопок

ровке. Наконец, рассмотрим третий вариант орнаментации с отпечатками палочки, обмотанной веревочкой. Таких фрагментов в коллекции четыре (рис. 8, *1, 4, 6, 7*), их культурная атрибуция не вызывает сомнений. Подобная керамика характерна для роменско-боршевской культуры и ее дериватов. На Смоленщине горшки с подобной орнаментацией были встречены как в длинных курганах, так и на поселениях конца I тыс. н.э. В первую очередь, нужно указать на Гнёздово (*Каменецкая*, 2019; *Мурашева и др.*, 2018), селище у городища Новосёлки (Подснежники). Аналогичная керамика была встречена, например, на Гнёздовском селище в горизонте 5 стратиграфического раскопа возле оз. Бездонка, который авторы исследований относят к середине IX в. Основания для датировки – серия радиоуглеродных дат и набор бус.

Для обсуждения возраста комплекса лепной керамики с Соборной горы Смоленска важны также немногочисленные вещевые находки и радиоуглеродные даты.

Радиоуглеродные даты представлены серией из шести определений. Два получены по образцам обугленных зерен, найденных в нижнем черном слое, одно – по мелким древесным угольками из этого же слоя. Две даты получены по древесине кольев изгороди, пробивших нижний слой, одна дата – по обугленной плашке из ямы, также пробившей нижний слой. То есть последние три определения получены по образцам стратиграфически более поздним, чем древнейший слой.

Таблица 1. Радиоуглеродные даты для нижнего слоя Соборной горы Смоленска

Лаб. номер	Датировка	Калиброванный возраст	Археологический контекст
ГИН-15410	970±40	1010–1060 (26,7 %) 1080–1160 (41,5 %)	Смоленск, ул. Мало-Школьная, 20а, шурф № 2, пласт 9, яма 1, плашка, обр. № 1 глубина – 333
SPb-1513	1050±30	977(68,2 %)1020 AD	Смоленск, ул. Мало-Школьная, 7а, столбовая яма у западного борта в канавке в материке, древесина
SPb-1512	1065±35	966 (58,3 %)1019 AD	Смоленск, ул. Мало-Школьная, 7а, столбовая яма у восточного борта в канавке в материке, древесина
ГИН-15409б	1230±40	760AD (53,5 %) 880AD 710AD(14,7 %)750AD	Смоленск, ул. Мало-Школьная, 20а, шурф № 1, промывка нижнего слоя, уголь

UOC-7993	1238± 22	690AD(41,3 %)750AD 760AD(26,9 %)810AD	Смоленск, ул. Мало-Школьная, шурф № 1, нижний пахотный горизонт, зерна культ. злаков
UOC-4840	1275± 45	675(68,2 %)775	Смоленск, ул. Б. Советская, 7, нижний культурный слой, обугленное зерно пшеницы

Как видно из таблицы, образцы, стратиграфически более поздние, чем нижний слой, перекрывающие его, согласно указали на интервал возраста – рубеж X–XI – XI в. Три даты из самого нижнего слоя согласно указывают на VIII–IX вв. (может быть, даже конец VII в.). Доверительные интервалы этих дат не заходят в X в. Важно подчеркнуть, что значения трех ранних дат очень близки друг другу. Кроме того, две из них получены по зернам, собственный возраст которых менее одного года. Это повышает вероятность того, что результаты радиоуглеродного датирования соответствуют возрасту археологического объекта.

Коллекция вещевых находок из нижнего слоя представлена всего двумя десятками предметов, из которых большую часть составляют стеклянные бусы и бисер, найденные при промывке слоя (рис. 9). Железный нож (рис. 9, *21*) был найден в вышележащем слое, но, безусловно, должен рассматриваться с древнейшими находками.

Наиболее «яркой» датирующей находкой является сасанидская драхма (рис. 9, *17*), обнаруженная в слегка углубленной в материк постройке на северо-восточном склоне Соборной горы (ул. Мало-Школьная, 20а). Постройка относится к древнейшему слою и перекрыта распашкой с раннекруговой керамикой в заполнении борозд. Территориально ближайшие находки сасанидских драхм – Гнёздовское городище, где было обнаружено 2 экземпляра (*Пушкина*, 1999), клад возле пос. Мох-Богдановка на восточной окраине Смоленска (*Лемберг, Сергеев*, 2016), клад на селище у д. Кислые, расположенном к северу от Смоленска на притоке р. Каспли (*Шмидт*, 2014)[1]. В обоих кладах драхмы сочетались с дирхемами, младшая монета датировалась началом IX в. Это типичная картина не только для Смоленщины. То есть находка сасанидской драхмы с наибольшей вероятностью указывает на VIII – начало IX в. Могут быть и исключения. Так, В.И. Сизов в кургане в Духовщинском уезде нашел сасанидскую драхму, из которой была сделана привеска (*Марков*, 1910. С. 43).

Серия 14-гранных голубых стеклянных бус (рис. 9, *4–6*) является достаточно надежным хронологическим индикатором. Пик их распространения приходится на VIII–IX вв. (*Ковалевская,* 2000. С. 21). Данные бусы типичны

[1] Авторы благодарны В.С. Нефедову за указание на литературу.

Рис. 9. Находки из нижнего слоя Соборной Горы Смоленска. 1, 2 – бисер; 3 – 12 бусы; 13 -16 украшения и их фрагменты; 17 – тигель; 18 – сасанидская драхма; 19 – стрела; 20 – нож. 1- 12 – стекло, 13-16 – бронза, 17 – глина, 18 – серебро, 19, 20 – железо. Реставрация П.Г. Дервиз, М.В. Лавриков

для смоленско-полоцких длинных курганов, датирующихся в интервале VIII–X вв. (*Шмидт*, 2012). Очень показательно распространение этих бус на территории Гнёздовского археологического комплекса. Их достаточно много (9 экз.) на Центральном городище, но совсем нет в курганах X в. (*Доброва*, 2018. С. 113). Это сильный аргумент в пользу того, что данные находки в Смоленском регионе датируются VIII–IX вв.

Находки желтого и зеленого рубленого бисера (рис. 9, *1, 2*), хоть и единичные, также, скорее, говорят о IX в. В X в. желтый бисер выходит из употребления, в Гнёздовских курганах его существенно меньше, чем на городище. По материалам Старой Ладоги пик распространения бисера приходится на VIII – первую половину IX в. (*Доброва*, 2018. С. 105; *Львова*, 1970). Желтый бисер характерен для комплексов IX – начала X в. городка на Маяте (*Еремеев, Дзюба*, 2010). Реберчатые бусы-лимонки (рис. 9, *8, 9*) наиболее часто встречаются в IX–X вв. Бусина в виде трубочки синего цвета с белой навитой нитью (рис. 9, *7*), видимо, наиболее поздняя из всего комплекса бус, возможно, датируется X–XI вв.

Маленькие трапециевидные подвески со штампованным орнаментом (рис. 9, *15, 16*) типичны для культуры смоленско-полоцких длинных курганов. Можно предполагать, что простые маленькие подвески находились в начальной части эволюционного ряда и, соответственно, тяготеют к VIII–IX вв. Они имеют аналогии в более ранних материалах VII в. (*Гавритухин*, 1997).

Наконечник стрелы ромбовидной формы (рис. 9, *18*) с пропорциями пера 1:3 близок к типу 40 по А.Ф. Медведеву (*Медведев*, 1966. Табл. 30, *36*), имеющему широкую датировку – X–XIV вв. Отсутствие выраженного упора, возможно, указывает на ранний возраст в рамках указанного интервала (могут быть и другие интерпретации данной особенности).

Железный нож (рис. 9, *20*) «выпадает» из приведенного выше ряда аналогий. Подобные изделия характерны для памятников днепро-двинской культуры (*Шмидт*, 1992. Табл. 22, 23), он может датироваться последними веками до н.э – рубежом эр. Аналогичные изделия были найдены в основании верхнего слоя Дьякова городища (*Кренке,* 2011. С. 56).

Суммируя все вышеприведенные данные, на наш взгляд, следует предположить, что комплекс лепной керамики отложился на Соборной горе Смоленска в VIII–IX вв., возможно, заходя в начало X в. Некоторые более поздние вещевые находки из нижнего черного слоя, вероятно, связаны с комплексом круговой керамики, о которой речь далее.

Круговая керамика из нижнего слоя представлена примерно двумя сотнями фрагментов, в том числе 30 венчиками, пригодными для анализа (рис. 10). Условно эту керамику можно разделить на четыре группы, которые, по нашему мнению, имеют хронологическое значение. Группа «А» – это раннекруговая керамика с очень простым профилем венчика – короткий венчик отогнут наружу под углом (рис. 10, *1–7*). Для этой группы характерна орнаментация в виде многорядной «дрожащей волны», ожелезненное тесто,

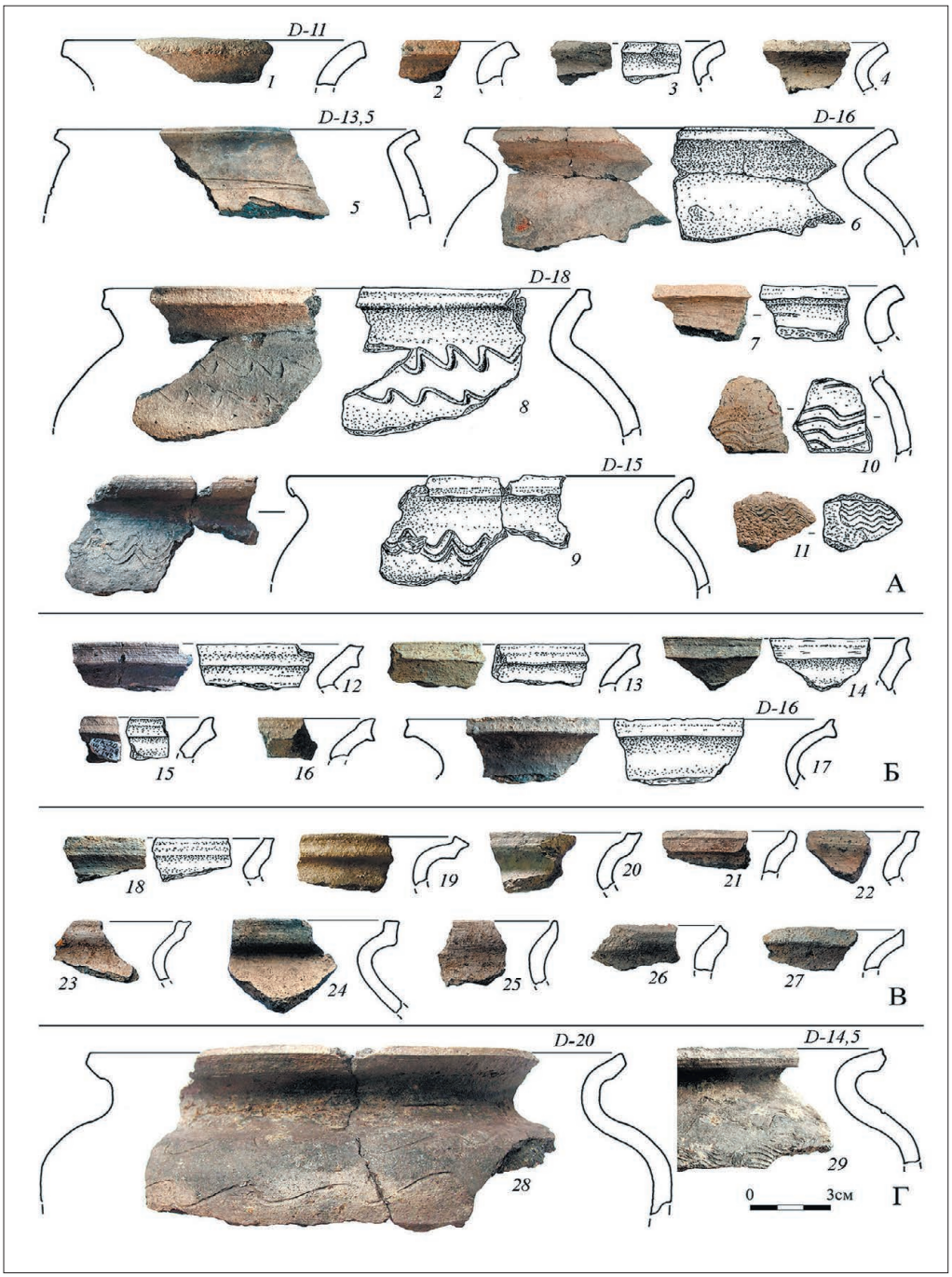

Рис. 10. Круговая керамика из нижнего слоя Соборной горы Смоленска. Группа «А» – вторая половина X в.; группа «Б» – вторая половина X – первая половина XI в.; группа «В» – вторая половина XI в.; группа «Г» – рубеж XI/XII вв.

примесь крупнозернистого песка. Некоторые фрагменты имеют более развитый профиль, край венчика отогнут наружу (рис. 10, *8, 9*). Видимо, они датируются более поздним временем. Датировка пока может быть только интуитивной – вторая половина X – рубеж X–XI вв. Группа «Б» выделяется по наличию «короткого манжета» (рис. 10, *12–17*). Манжет возник в результате дополнительной операции (нажатие на торец венчика снаружи) с коротким отогнутым наружу венчиком группы «А». Если ориентироваться на гнёздовские аналогии (*Каменецкая,* 2019), то подобные горшки с коротким манжетом датируются второй половиной X в. Однако дело в том, что в Гнёздове практически нет комплексов первой половины XI в. Поэтому более правильным и осторожным будет датировать группу «Б» в интервале вторая половина X – первая половина XI в. Дальнейшее развитие формы горшков идет по пути усложнения профиля венчиков и изменения характера теста (группа «В» на рис. 10). Примеси становятся тоньше, глина менее ожелезненной, грязно-белого цвета, как это отмечено В.С. Курмановским и соавторами (*Курмановский и др.*, 2018). Типичная форма венчиков – коленчатая, иногда даже намечается второй перегиб. Это своего рода «барокко» керамического стиля. Датировка горшков группы «В» в Смоленске определяется комплексом керамики из ювелирной мастерской на Рачевке – вторая половина XI в. (*Кренке и др.*, 2016). Период сложных форм, как и полагается в развитии искусства, сменяется формами простыми. По древнерусским горшкам это хорошо видно. Сложнопрофилированные венчики группы «В» выходят из моды. Их загибают вовнутрь и сглаживают. Иногда еще видны грани загнутого внутрь и примазанного к стенке края венчика («граненые венчики»). Это керамика группы «Г». Предполагаем, что она датируется рубежом XI–XII вв.

Выводы

По материалам анализа керамического комплекса и другим археологическим наблюдениям, историю заселения и хозяйственного освоения Соборного холма можно представить в следующем виде.

В бронзовом (находки каменных топоров) и раннем железном веке это место было хозяйственно освоено человеком, в эпоху переселения народов, возможно, пустовало. В VIII в. на высоком берегу Днепра основано большое поселение, активно развивавшееся в IX в. и частично угасшее в X в. В этот период здесь опять стала преобладать не селитьба, а хозяйственная деятельность (распашка). При этом распашке был подвергнут не весь холм, а лишь его часть. Очевидно, что рядом с полем на Соборном холме было сильно сократившееся по площади поселение. На участок этого поселения X в. шурфы пока не попали. Далее наблюдается расширение селитьбы на Соборном холме. На рубеже X–XI вв. здесь появляется усадебная застройка с разделяющими владения частоколами. Фиксируется производственная деятельность по металлообработке (находка тигля для плавки цветных металлов и железной окалины).

Е.Г. Ершова, Н.А. Кренке

АРХЕОЛОГО-ПАЛИНОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА СОБОРНОЙ ГОРЕ В СМОЛЕНСКЕ[1]

Раскопки на Соборной горе г. Смоленска выявили серию естественных и антропогенных отложений средневекового возраста, содержавших достаточное для анализа количество пыльцы и спор. Пыльцевой анализ позволил в общих чертах реконструировать несколько этапов освоения территории древнего Смоленска. Показано, что уже к VIII в. коренные елово-широколиственные леса были сведены и сменились вторичными березняками. В VIII–X вв. часть ранее сведенных еловых лесов успела восстановиться, другая часть была вырублена под поля; растительность склонов Соборной горы представляла собой мозаику растительных сообществ, отражавших разные стадии зарастания полей и вырубок. В X–XI вв. шло дальнейшее сокращение лесных элементов в ландшафтах, и к XIII в. леса в окрестностях Соборной горы полностью сменились полями, пастбищами и рудеральными сообществами (сорняками).

Ключевые слова: древний Смоленск, Соборная гора, палинология, освоение территории.

Вопрос о том, каковы возможности палинологического метода при изучении образцов из культурных слоев древнерусских городов, безусловно, актуален, но пока количество исследованных объектов невелико. Детальные работы были проведены в Москве (Бойцов и др., 1993; Спиридонова, Алешинская, 2009). Тем не менее методика интерпретации палинологических данных из подобных разрезов находится еще в стадии становления (Спиридонова и др., 2008). Археолого-палинологические исследования в Смоленске в первую очередь имели задачу понять, каковы информационные возможности палинологического метода на этом типе объектов. Задача также заключалась в том, чтобы попытаться увидеть ландшафт «города» Смоленска глазами палинолога. В кавычки слово «город» заключено в связи с тем, что интерпретация характера древнейшего поселения на Соборной горе в Смоленске остается пока предметом дискуссии.

В результате работ 2014–2015 гг. на Соборной горе Смоленска на верхнем участке склона северо-западной экспозиции были обнаружены стратифицированные напластования культурного слоя, сформировавшиеся на начальном этапе существования поселения – в VIII (IX)–XI вв. В шурфах выявлены участок с распашкой, а также жилые дворы, в том числе огороженные частоколами (Кренке и др., 2015). В наиболее информативных, с археологической точки зрения, шурфах – Школьная, 20а и Школьная, 7а – отобраны образцы для спорово-пыльцевого анализа (рис. 1).

[1] Статья опубликована в журнале «Российская археология», 2017. № 1. С. 81–89.

Рис. 1. План Соборной горы Смоленска с нанесенными археологическими раскопами. 19 – шурфы 2014 г. на ул. Школьная, 7а; 20 – шурфы 2015 г. на ул. Школьная, 20а. Условные обозначения: а – археологические раскопы; б – места отбора образцов на спорово-пыльцевой анализ.

Лабораторная обработка и анализ были проведены по стандартной для почвенных образцов методике (Brown, 2008) в лаборатории кафедры геоботаники МГУ им. М.В. Ломоносова.

В задачу исследования входило изучение динамики изменения растительного покрова, в особенности трансформаций, обусловленных деятельностью людей. Важно также сопоставление наблюдений над стратиграфией разрезов, базирующихся на литолого-археологических и палинологических данных.

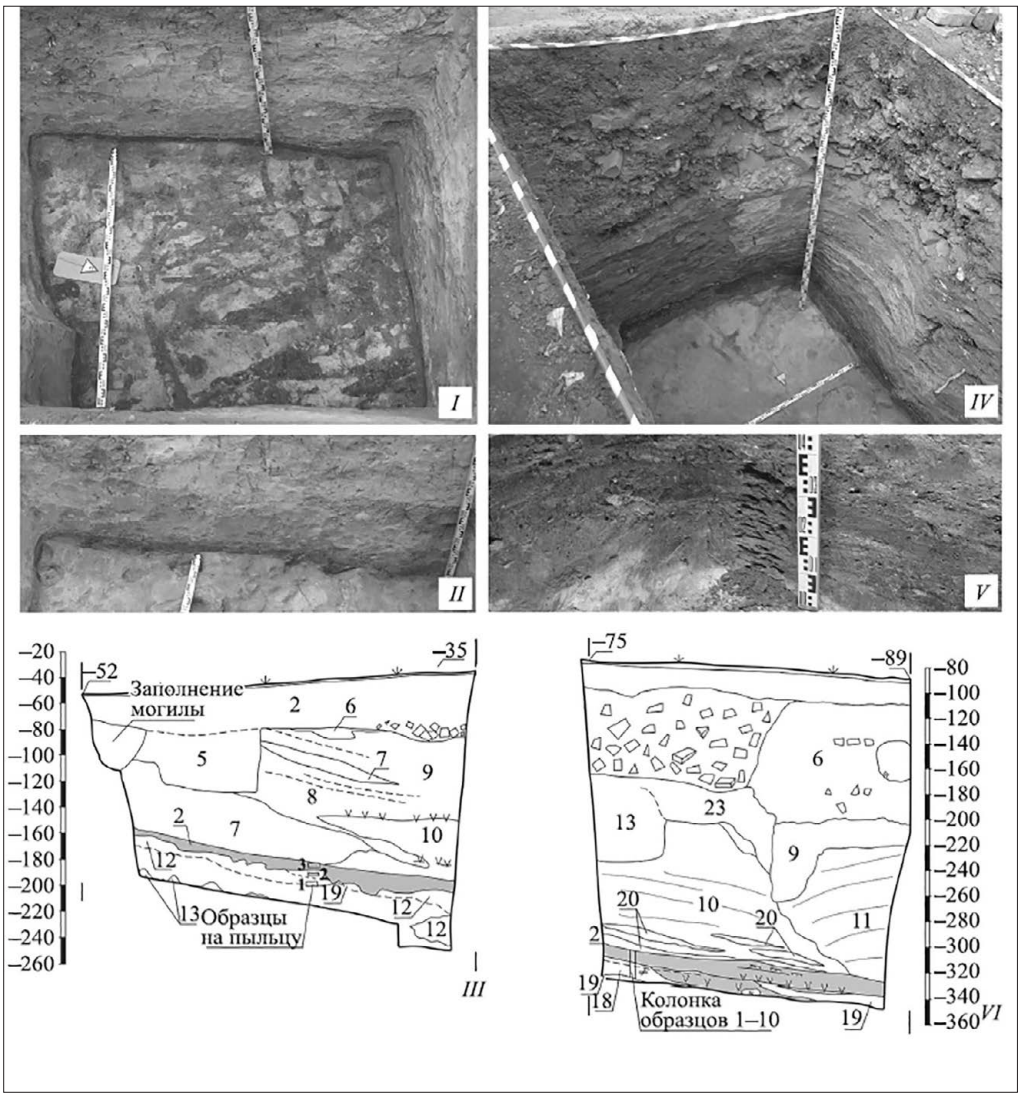

Рис. 2. Фотографии и чертежи шурфов 1 и 2 на участке по ул. Школьная, 20а. I–III – общий вид западного борта, детализация и чертеж шурфа 1; IV–VI – общий вид западного борта, детализация и чертеж шурфа 2. Цифрами на профилях обозначены: 2 – темно-серая супесь; 18 – мешаная светлая буро-серая супесь с включениями угольков и печинок; 19 – белесая материковая супесь (подзол)

Школьная, 20а, шурфы 1, 2

На участке по ул. Школьная, 20а было заложено два шурфа размерами 3 х 2 и 2.5 х 2 м на расстоянии 3.5 м друг от друга. Дневная поверхность практически горизонтальная. Верхний метр напластований составляли слои

строительного мусора XVIII–XX вв. Ниже прослеживалась мощная (до 1 м толщиной) подсыпка материкового суглинка, содержавшая материал не позднее XI в. Исходная поверхность (погребенная почва) вскрыта на глубине 1.1–2.2 м. Уклон древней поверхности составлял 8° на север в сторону р. Днепр. В шурфе 1, расположенном выше по рельефу относительно шурфа 2, под подсыпкой XI в. прослеживался пахотный горизонт толщиной 10–15 см (темно-серая супесь с угольками и печиной), в основании которого хорошо видны следы перекрещивавшихся борозд (рис. 2, *I*). Под пахотным слоем прослеживался низ гумусового горизонта погребенной почвы (светло-серая супесь), а еще ниже – линзы подзола. В шурфе 2 под материковой подсыпкой XI в. залегал интенсивно углистый культурный слой толщиной 10–20 см. В его основании прослеживался тонкий слой, насыщенный комочками обожженной глины (горизонт строительства или разрушения?). Ниже залегала погребенная почва, отличавшаяся по цвету и составу от вышележащего культурного слоя. Верхняя часть почвы (светло-бурая супесь) включала также единичные угольки и печинки. В верхней части культурного слоя под подсыпкой XI в. встречалась круговая керамика X–XI вв., в нижнем горизонте этого слоя найдена исключительно лепная керамика VIII–X вв., относящаяся к культуре смоленских длинных курганов. Образцы отбирались из основания разреза ниже подсыпки XI в.

Большинство образцов, за исключением самых нижних, содержали достаточное для статистического анализа количество пыльцы, а также микроскопический уголь, золу, обугленные остатки растительных тканей. Всего определено 44 таксона, что достаточно много для минеральных почв и свидетельствует о хорошей сохранности пыльцы и, следовательно, о репрезентативности полученных данных. Полученные спорово-пыльцевые диаграммы четко разделились на зоны (три в шурфе 2 и две в шурфе 1), границы между которыми совпали с границами слоев, выделенных также по литологическим и археологическим признакам. Это позволило предположить, что вертикального перемешивания пыльцы между слоями не происходило и каждый из разновозрастных слоев несет обобщенную информацию о состоянии растительного покрова прилегающей к шурфу территории за период формирования этого слоя. Результаты спорово-пыльцевого анализа шурфов 1 и 2 представлены на диаграмме (рис. 3, *а, б*).

Погребенная почва (рис. 3, *а, б*, зона 1). В общем спектре преобладают споровые (до 60%), среди которых плауны (*Lycopodium*), сфагновые мхи (*Sphagnum*), папоротники из сем. Polypodiaceae, орляк (*Pteridium*). В пыльцевых спектрах примерно поровну деревьев и трав (по 45–55% от общего пыльцевого спектра). Среди древесных мало хвойных (не более 10%), доминирует береза (35%) с примесью ольхи и липы (по 5–10%). Среди трав подавляющее большинство – рудеральные, особенно много полыни (до 28%),

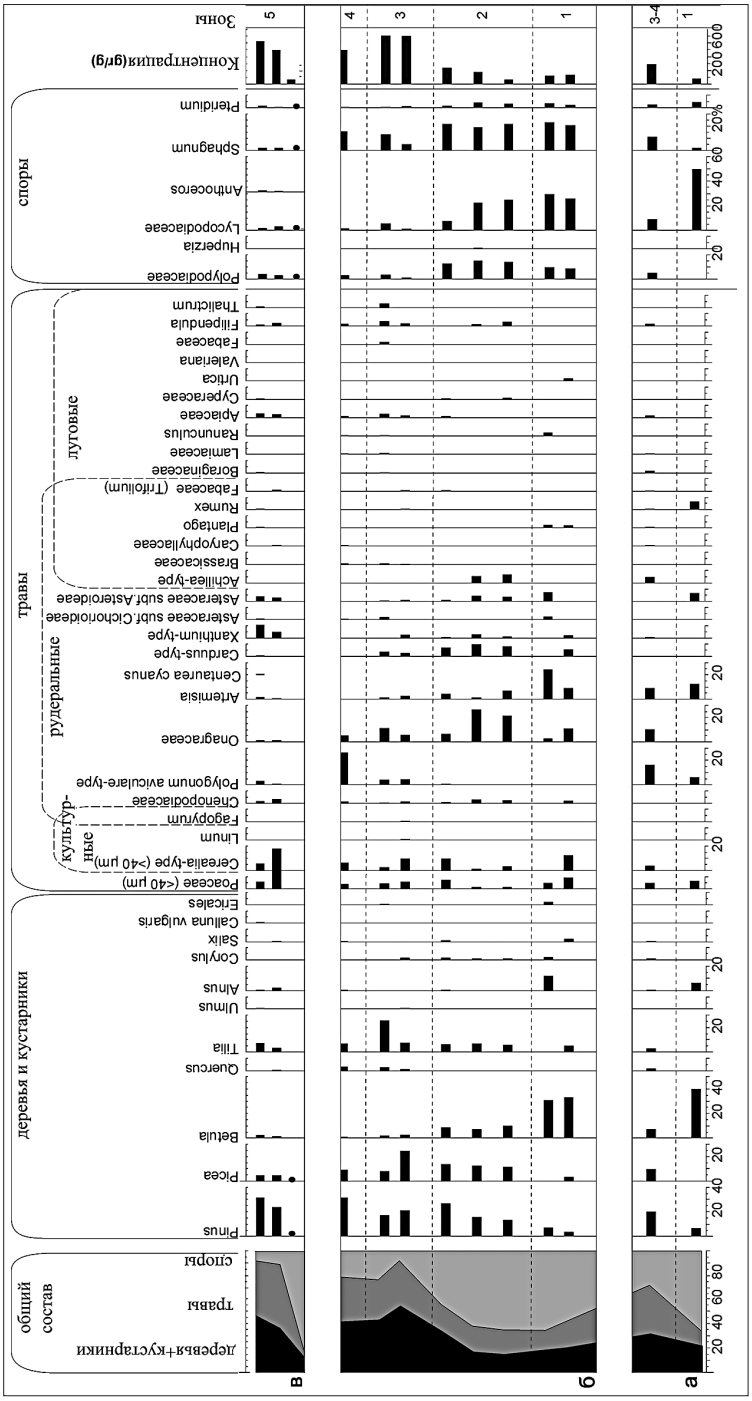

Рис. 3. Комбинированная спорово-пыльцевая диаграмма шурфов Школьная, 20а (а – шурф 1; б – шурф 2) и Школьная 7а (в). Участие пыльцевых таксонов представлено в % от общей суммы пыльцы; участие споровых – в % от общей суммы пыльцы и спор

иван-чая (до 10%), сложноцветных[1] (до 8%), встречены также маревые (Chenopodiaceae), подорожник (*Plantago*), крапива (*Urtica*), щавель (*Rumex*). В шурфе 2 более 10% пыльцевого спектра составила пыльца культурных злаков.

Преобладание крупных спор папоротников и плаунов в спорово-пыльцевых спектрах нижних горизонтов минеральных почв часто бывает результатом накопления наиболее устойчивых форм за счет избирательного разложения пыльцы в аэрируемых условиях (Dimbleby, 1985). Однако в данном случае равномерное распределение по глубине, высокая концентрация и разнообразие идентифицированных типов свидетельствуют об относительно хорошей сохранности пыльцы и спор в погребенной почве, и, следовательно, об адекватности спорово-пыльцевых спектров окружающей локальной растительности. Плауны, в особенности плаун булавовидный (*Lycopodium clavatum*)[2], орляк (*Pteridium*), сфагновые мхи (*Sphagnum*), наряду с рудеральными травами (иван-чай, полынь) и кустарниками (ивы, малина, бузина) могут доминировать на разных стадиях зарастания брошенных полей, пожарищ и вырубок в лесной зоне, в особенности на песчаных кислых почвах. Таким образом, спорово-пыльцевые спектры погребенной почвы, лежащей под слоем с находками VIII–X вв., отражают широкое распространение уже к этому времени вторичной растительности – березняков, ольшаников и разнообразных рудеральных сообществ, являющихся разными стадиями зарастания вырубленных под поля коренных елово-широколиственных лесов.

Слой с находками VIII–X вв. (рис. 3, *а*, зона 2) представлен только в шурфе 2. В общем составе также преобладают споровые (60%), среди которых плауны (*Lycopodium clavatum, L. annotinum, Huperzia selago*), папоротники (*Pteridium*, сем. Polypodiaceae), сфагновые мхи. Деревья и кустарники по-прежнему составляют примерно половину пыльцевого спектра, однако их состав существенно отличается от нижележащего слоя погребенной почвы. Доминируют хвойные (сосна – до 25%, ель – 15%) и липа (до 7%); березы очень мало (5–7%). Среди трав абсолютно преобладают рудеральные, в особенности иван-чай (до 25%), чертополох (до 10%), полынь (*Artemisia*), маревые (Chenopodiaceae), крестоцветные (Brassicaceae); появляются некоторые луговые виды (бобовые, таволга, зонтичные). Постоянно присутствуют культурные злаки (до 10%).

---

[1] Типичными рудеральными (мусорными) растениями, пыльца которых часто встречается в почвенных образцах, являются следующие представители семейства Сложноцветные (Asteraceae): чертополох (Carduus), бодяк (Cirsium), дурнишник (Xantium), подсемейство цикориевые (Cichorioideae), в том числе одуванчик (Taraxacum) и цикорий (Cichorium).

[2] Обилие спор плаунов в минеральных почвах в лесной зоне часто ассоциировано с восстановительными сукцессиями после пожаров, подсеки и связанной с ними эрозии почв (Ершова, Чернов, 2010; Chernov, Ershova, 2013).

Своеобразие спорово-пыльцевых спектров слоя VIII–X вв. – в исключительном изобилии и разнообразии пыльцы и спор травянистых растений, преимущественно рудеральных, но также культурных и луговых. При этом основное отличие данного слоя от лежащей ниже погребенной почвы заключается в том, что наряду с обилием культурных злаков и сорняков появляется значительное количество пыльцы деревьев, типичных для зональных елово-широколиственных лесов (сосна, ель, липа). Такое разнообразие растений с самой разной экологией может отражать мозаичность растительного покрова: сочетание большого количества небольших по площади растительных сообществ, представляющих собой весь спектр сукцессионных стадий восстановления елово-широколиственных лесов после их выжигания или рубок. Можно предположить, что в период формирования этого слоя поблизости располагались как пашни, так и небольшие лесные участки, а также участки бывших полей, зарастающие мхами и иван-чаем. При этом часть ельников, вырубленных ранее (до VIII в.), к этому времени уже успела восстановиться, на что должно было потребоваться не менее нескольких десятков лет[1].

Слой с находками X–XI вв., перекрытый насыпью XI в. (рис. 3, *а, б*, зоны 3, 4). От нижележащих слоев отличается очень высокой концентрацией пыльцы (в 2–3 раза больше) и ее хорошей сохранностью, что, по-видимому, связано с плохой аэрацией (переувлажненностью) слоя и/или его искусственным обогащением содержащими пыльцу материалами. Состав спектров также своеобразен: в них почти нет спор, среди деревьев преобладают сосна (*Pinus*) и липа (*Tilia*), ель также присутствует, но ее участие в верхней части слоя сильно сокращается. Большую часть спектра составляет пыльца травянистых растений: культурных растений, сорняков и луговых трав. Из культурных растений помимо хлебных злаков (ржи, ячменя и пшеницы) встречена пыльца гречихи (*Fagopyrum*) и льна (*Linum*). Луговые травы разнообразны; это не только типично пастбищные виды (клевер и другие бобовые, дикие злаки, щавель, подорожник), но и представители пойменных влажных лугов – василистник (*Thalictrum*), таволга (*Filipendula*), зонтичные (*Apiaceae)*, валериана (*Valeriana*), губоцветные (Lamiaceae), лютики (*Rhanunculus*), бурачниковые (Boraginaceae). Среди рудеральных растений большинство – пашенные сорняки (горец птичий, дурнишник) и травы, растущие рядом с жильем (чертополох, бодяк, цикориевые), гораздо меньше растений опушек и вырубок (споровых, иван-чая). Очевидно, что во время формирования культурного слоя X–XI вв. место шурфа находилось уже довольно далеко от границы леса. Обилие пыльцы луговых трав и культурных злаков можно объ-

[1] При восстановлении елового леса через стадию березняка ель сначала поселяется под пологом березы, затем образует второй древесный ярус. Через 60–70 лет после начала зарастания вырубки или брошенного поля ель выходит в верхний ярус, затеняя березу и препятствуя ее возобновлению. В условиях густого леса ель начинает пылить в возрасте до 25–60 лет, сосна – 15–25 лет (Шиманюк, 1974).

яснить общим увеличением площади полей, пастбищ и сенокосов. Однако, возможно, в данном случае имело место и ее искусственное привнесение в культурный слой вместе с навозом и соломой[1].

Школьная, д.7

Шурф размерами 2 х 3 м вскрыл всю толщу культурных напластований мощностью 2,9 м (рис. 4). В основании зафиксирована поверхность материка, сильно нарушенная хозяйственной деятельностью людей. В материк была врезана частокольная канавка, верх погребенной почвы утрачен. Верхние 1,8 м культурного слоя сложены темно-серым суглинком с прослойками глины и обожженной глины и насыщены находками XVI–XX вв. Ниже, на глубине 2,1 м залегал слой щепы, по которой получена радиоуглеродная дата 866±30 (SPb-1511). С вероятностью в 68,2% (одна сигма) она указывает на календарный интервал 1155–1220 гг. В этом горизонте отобраны образцы на пыльцу. Начиная с этого уровня в культурном слое находился лишь древнерусский материал XI–XIII вв.

Пыльцу в количестве, достаточном для статистического анализа, содержали только несколько образцов (№ 4–6) из влажного серо-бурого суглинка, залегавшего ниже слоя щепы конца XII в. и выше слоя пожара, перекрывшего частокольную канавку (для кольев из этой канавки получены радиоуглеродные даты 1050±30 (SPb-1513) и 1065±35 (SPb-1512), указывающие на рубеж X–XI вв.).

Состав спорово-пыльцевых спектров представлен на рис. 3, *в*. В общем составе абсолютно преобладает пыльца (до 85%), спор мало (15%). Пыльца древесных составляет до 45% пыльцевого спектра, однако это преимущественно далеко летящая пыльца сосны (до 30% от общей суммы пыльцы). Заметно также участие липы (до 7%). Остальные древесные (ель, береза, дуб, ольха, ивы) присутствуют в очень небольшом количестве (менее 5%). Состав трав разнообразен – всего определено 23 таксона. Это прежде всего культурные растения (рожь, ячмень, пшеница, лен, гречиха) и пашенные сорняки: дурнишник (*Xanthium*), горец птичий (*Polygonum aviculare*), василек синий (*Centaurea cyanus*), антоцеровые мхи[2] (*Anthoceros*). Много

[1] В ряде работ показано, что навоз домашних животных содержит повышенное содержание пыльцы, в особенности насекомоопыляемых луговых видов, которые обычно слабо представлены в пыльцевом дожде (Carrión, 2002). Большинство культурных злаков (кроме ржи) клейстогамны (самоопыляемые), поэтому большая часть пыльцы не попадает в воздух, а остается на соломе после обмолачивания (Robinson, Habbard, 1977; Greig, 1978). Таким образом, навоз и солома могут значительно обогащать культурные слои пыльцой культурных злаков, сопутствующих им пашенных сорняков и кормовых трав (Dimbleby, 1985).

[2] Такие виды антоцеровых мхов, как Anthoceros laevis, A.punctatus, A.agrestis считаются индикаторами земледелия. По палинологическим данным их широкое распространение в Европе около 500 лет назад четко ассоциировано с развитием новых сельскохозяйственных методов, появившихся в позднем средневековье (Dickson, 1973. P. 66; Jankovska, Pokorny, 2002. P. 264).

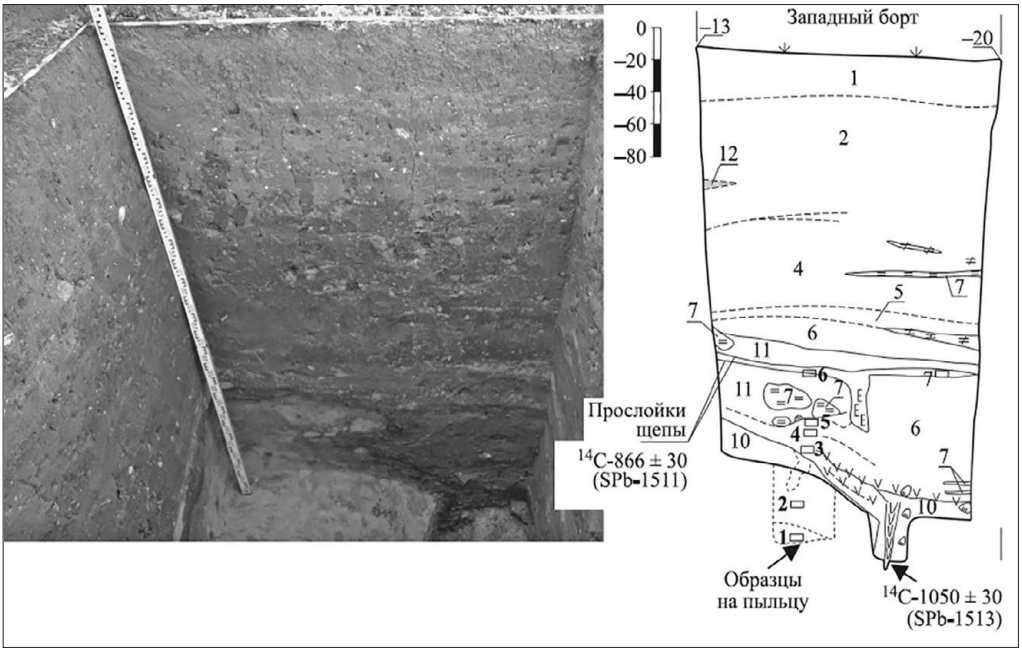

Рис. 4. Фото и чертеж западного борта шурфа на участке ул. Школьная, 7а.

также других рудеральных и луговых видов: маревые (Chenopodiaceae), полынь (*Artemisia*), цикориевые (Asteraceae sbf. Cichorioideae), подорожник (*Plantago*), щавель (*Rumex*), клевер (*Trifolium*), зонтичные (Apiaceae), гвоздичные (Caryophyllaceae), бурачниковые (Boraginaceae), валериана (*Valeriana*), таволга (*Filipendula*), василистник (*Thalyctrum*) и др.

По составу спорово-пыльцевых спектров отложения XII – начала XIII в. из шурфа Школьная, 7а имеют сходство с культурным слоем X–XI вв. из шурфов Школьная, 20. Это сходство заключается прежде всего в обилии пыльцы культурных злаков и сорняков, а также разнообразии луговых трав, что, как уже говорилось выше, может быть связано с обогащением культурного слоя пыльцой из соломы и навоза. Однако есть и отличия. В слое XII в. еще меньше пыльцы лесных растений (ели, березы, дуба, споровых, иван-чая), из деревьев значительно участие только сосны, пыльца которой может приноситься ветром издалека. Это может свидетельствовать об уже практически полном отсутствии лесов вокруг раскопа в этот период. Кроме этого только в данном слое найдены споры антоцеровых мхов, появление которых, как уже отмечалось выше, связывается исключительно с позднесредневековым земледелием.

Подводя итоги первых спорово-пыльцевых исследований на Соборной горе г. Смоленска, можно констатировать, что выявленные в ходе археологических работ отложения, содержащие органику, оказались весьма информа-

тивными в палеогеографическом отношении. Благодаря хорошей сохранности и выраженной стратиграфии в отложении пыльцы, по палинологическим данным можно реконструировать несколько этапов в освоении ландшафтов с VII–VIII до XIII в.

1. До поселения культуры смоленских длинных курганов в VIII–X вв. коренные елово-широколиственные леса уже были сведены, возможно, под поля[1]; к VIII в. растительность склонов Соборной горы представляла собой вторичные березняки, ольшаники и рудеральные сообщества. Этот вывод вполне согласуется с данными о древних находках на Соборной горе, относящихся как к бронзовому, так и к раннему железному векам (Лявданский, 1926. С. 207).

2. В VIII–X вв. часть ранее сведенных еловых лесов успела восстановиться, другая часть была вырублена под поля. Растительность склонов Соборной горы представляла собой мозаику растительных сообществ, свидетельствующих о разных стадиях зарастания полей и вырубок.

3. В X–XI вв. окружающие поселение ландшафты становятся преимущественно безлесными, в них преобладают поля и пастбища. Среди возделываемых культур наряду с хлебными злаками появляются лен и гречиха.

4. Пыльцевые спектры культурного слоя второй половины XII – начала XIII в. отражают практически полностью безлесный ландшафт, господство полей и пастбищ вокруг поселения; возможно также обогащение культурного слоя пыльцой за счет навоза и соломы.

Таким образом, результаты спорово-пыльцевого анализа свидетельствуют о возрастании доли индикаторов хозяйственной деятельности и о значительном сокращении лесных элементов в ландшафтах Соборной горы к XIII в. Однако данных, полученных из одного шурфа, пока недостаточно для того, чтобы судить о масштабах хозяйственных преобразований в этот период, в частности, о площади сведения лесов вокруг поселения («города»). Необходимы исследования других археологических памятников, равно как и естественных объектов, содержащих отложения средневекового времени. Важна также разработка методических вопросов, связанных с интерпретацией пыльцевых данных городских культурных слоев.

[1] Прим. 2025 г. Погребенная почва была проанализирована на пыльцу и макроостатки в другом раскопе (Соборная гора шурф 1) 2021 году (Кренке и др., 2021). Анализ показал, следущее: 1) в почве присутствуют несомненные признаки земледелия (5 зерен проса, 1 зерно пшеницы и несколько обломков мацерированных зерен ячменя); 2) в угольном пуле присутствуют окатанные и ожелезненные угли, характерные для нескольких этапов подсеки – угли дуба с датой 3811+-27 и более молодые угли ели, сосны и березы. Возраст ранней подсеки (уголь дуба) – 2291-2202 (68,3%) кал ВС – самый ранний из известных на данный момент в Восточной Европе. Пыльцевые спектры почвы типичны для подсечных горизонтов – обилие березы и иван-чая, отражают вторичные леса на зарастающих подсеках. До начала земледелия в лесах господствовал дуб, с начала распространения подсеки в течение долгого времени поддерживалось восстановление вторичных березовых лесов.

III. СМОЛЕНСК И ГНЁЗДОВО

Н. А. Кренке, И. Н. Ершов, В. А. Раева[1]

СМОЛЕНСК И ГНЁЗДОВО[2, 3]

Аннотация. Статья посвящена дискуссии о локализации древнейшего Смоленска, соотношении Смоленска и Гнёздова. В фокусе внимания новые данные о находках на Соборной горе Смоленска, в том числе результаты радиоуглеродного датирования.

Ключевые слова: Смоленск, Гнёздово, лепная керамика конца I тыс. н. э., радиоуглеродные даты.

Смоленск и Гнёздово составляют классическую пару древнейших поселенческих центров древнерусского государства, над историческим осмыслением которой «ломают копья» историки и археологи уже более 100 лет. Проблема эта очень близка проблеме другой «пары» — Рюриково городище и Новгород, изучению которой посвятил большую часть своих работ Е. Н. Носов. В связи с этим новые данные, полученные Смоленской экспедицией ИА РАН в 2014–2018 гг., представлены в этом сборнике[4]. Историография проблемы соотношения Смоленска и Гнёздова довольно детально изложена в работах Л.В. Алексеева (*Алексеев*, 1980) и Н. В. Сапожникова (*Сапожников*, 2016). Добавим лишь некоторые акценты, о которых раньше напрямую не писали.

Фактически рассматривались две основные версии: 1) последовательная смена местоположения Смоленска; 2) параллельное существование Гнёздова и Смоленска.

Автор первой версии А. А. Спицын, по-видимому, исходил из того, что невозможно представить, что такой обширный археологический комплекс, как Гнёздово, был пропущен письменными источниками. Следовательно, его следует идентифицировать с географически ближайшим древним топонимом *Смоленск*. Эта версия оказалась очень притягательной. Ей следовали такие ученые, как А. Н. Лявданский, И. И. Ляпушкин, Е. А. Шмидт, и современные исследователи Гнёздова — Т. А. Пушкина, В. В. Мурашева, В. С. Нефёдов (*Нефёдов*, 2012). «Подводными камнями» этой версии являлись: а) «проблема IX века»; б) отсутствие достаточных данных о древностях территории исторического ядра современного Смоленска.

«Проблема IX века» возникла отчасти из-за конкуренции двух команд, изучавших Гнёздово — московской и ленинградской. И. И. Ляпушкин, имевший обширный опыт знакомства со славянскими древностями VIII–IX вв.,

---

[1] Отдел археологии Московской Руси, Институт археологии РАН.

[2] Статья подготовлена при финансовой продержке РФФИ (проект № 18-09-00559-А «Археологическое изучение древнейшего Смоленска»).

[3] Статья опубликована в журнале «Археологические вести». Вып. 28. 2020. С. 296–303.

[4] Сборник посвящался Е.Н. Носову

приступив к работе в Гнёздово, немедленно обнаружил большую схожесть материала центрального гнёздовского селища (керамика, височные украшения) с исследованным им ранее Новотроицким городищем (*Ляпушкин*, 1971). Ученики И. И. Ляпушкина (В. А. Булкин, Г. С. Лебедев) с энтузиазмом стали искать подтверждение хронологической гипотезы своего руководителя в комплексах курганов. Пытались выделить курганы IX в. (*Булкин*, 1975). Московская команда, изучавшая в основном курганы под руководством Д. А. Авдусина, указывала на уязвимость попыток удревнить курганы. Действительно, датировка курганов X в. выглядит более фундированно (В последние годы появляется всё больше аргументов, что некоторые курганные комплексы Лесной группы датируются в интервале конец IX – начало X вв. – прим. 2025 г.). Однако следует отметить, что отсутствие курганов IX в. в сохранившейся части могильника совсем не означает их отсутствия вообще. Ранние курганы IX в. должны были быть уничтожены (!) стремительно росшим центральным гнёздовским селищем X в. Поэтому не совсем уж беспочвенными были попытки Д. А. Авдусина увидеть разрушенные курганы в пределах центрального селища и городища. Другое дело, что он сильно «перегибал палку», долго отрицая наличие самого поселения. Отрицая IX в. в Гнёздово, сторонники версии «Гнёздово – древнейший Смоленск», загоняют сами себя в тупик. Как же тогда летописное упоминание Смоленска под 882 г. (упоминание 863 г. нельзя считать достоверным)?

После долгих лет «борьбы с IX веком» московская команда начала сдавать позиции. С. Ю. Каинов тщательно собрал данные о находках VIII–IX вв. на гнёздовских поселениях (городище и центральном селище). Оказалось, что они составляют внушительную серию (*Каинов*, 2015). Другим основанием послужили серия радиоуглеродных дат (даты уже опубликованы, см. Мурашева и др., 2020) из «гнёздовской» погребенной почвы в пойменной части центрального селища, полученных географами (А. В. Панин), а также результаты анализа материала (керамики, бус и бисера) из нижних двух горизонтов раскопа возле пойменного озера Бездонка (*Мурашева и др.*, 2018). Нужно сказать, что радиоуглеродные даты, полученные в 2017 г., совпали с датой, полученной нами ранее при зачистке обнажения берега Днепра вблизи от центрального селища (*Александровский и др.*, 2005. С. 116). В этой зачистке не было встречено археологических находок, но уголь кострища в толще аллювия между двух погребенных почв, вероятнее всего, антропогенного происхождения. Полученная дата 1200±100 (ГИН-11959) при калибровке[1] с наибольшей вероятностью (46 %) указывает на интервал 760–900 гг. н. э. Таким образом, «проблема IX в.» постепенно перестает быть актуальной для Гнёздова.

Изучение территории собственно Смоленска сильно отставало от изучения Гнёздовского комплекса. Кроме того, фактически не было публикаций уже найденного. Поэтому более осторожные исследователи (А. Н. Лявдан-

[1] Использовалась программа OxCal v. 3.9.

ский, И. И. Ляпушкин) писали, что Гнёздово = древнейшему Смоленску, пока в самом Смоленске не обнаружат слоев конца I тыс. н. э. Другие исследователи постепенно забывали эту оговорку.

Особенно следует рассмотреть стоявшую особняком позицию Д. А. Авдусина по этому вопросу (*Авдусин*, 1991). Приступая к работам в Гнёздово в 1949 г., Д. А. Авдусин придерживался совсем другой точки зрения, нежели в 1991 г. Первоначально он соглашался с мнением своего учителя А. В. Арциховского, поддерживавшего гипотезу А. А. Спицына о локализации Смоленска IX–X вв. на территории современного Гнёздово. Эта позиция молодого исследователя встретила жесткую критику со стороны смоленских историков (Д. П. Маковский, Н. В. Андреев). В протоколах 1950 и 1951 гг., зафиксировавших обсуждение в Смоленском краеведческом музее планов и итогов первых раскопок Смоленской экспедиции МГУ (хранятся в Государственном архиве Смоленской области[1]), ярко отразилась эта борьба. Смоленские историки не хотели видеть Д. А. Авдусина, отрицающего Смоленск в Смоленске, в качестве раскопщика города, предлагали пригласить ему на смену П. Н. Третьякова. Д. А. Авдусин оказался «между двух огней» и круто изменил свою позицию. Однако, не соглашаясь со своими смоленскими оппонентами (*Маковский*, 1963), он считал, что древнейший Смоленск находился где-то в пределах смоленской крепости, но только не на Соборной горе!

Версия параллельного существования Смоленска и Гнёздова была высказана уже В. И. Сизовым (*Сизов*, 1902). Последователи данной версии стремились объяснить этот дуализм различием в функциях двух поселений. Так возникла концепция о том, что Гнёздово — это погост киевских князей X в. (*Петрухин, Пушкина*, 1979). В. Я. Петрухин придерживается этой гипотезы и до настоящего времени (*Петрухин*, 2018). На наш взгляд, стадия исторической интерпретации — это дело будущего. Теперь же необходимо пристальнее рассмотреть археологические материалы, происходящие из двух поселенческих центров, отстоящих друг от друга на 12 км.

Гнёздово

Представления о пространственно-хронологической структуре гнёздовского комплекса далеки от завершенности. Еще 20 лет назад Ингмар Янсон указал на то, что вблизи многочисленных отдельных гнёздовских курганных групп следует ожидать наличие поселений (*Jansson*, 1997). Разведки пока проведены на явно недостаточном уровне. Лишь в последние годы стали появляться новые данные о ранее не известных поселенческих объектах.

Также в начальном состоянии находятся наши представления о хронологическом развитии гнёздовского комплекса в I тыс. н. э. Фактически единственными работами на эту тему являются две статьи Е. А. Шмидта, основанные, главным образом, на сборах подъемного материала (*Шмидт*, 1974;

[1] Авторы благодарны Т. В. Столяровой, выявившей эти документы.

1999). Е. А. Шмидт привел убедительные данные в пользу непрерывности селитебного и хозяйственного освоения долины правого берега Днепра в районе устья речек Ольшанка и Свинец в I тыс. н. э. Во второй-третьей четверти I тыс. н. э. здесь существовали несколько разрозненных поселенческих объектов и единичный погребальный комплекс.

Эти данные Е. А. Шмидта дополняют новые исследования 2016 г. кургана Л-204 в Лесной группе (http://gnezdovo.com; *Новиков и др.*, 2018а), а также радиоуглеродная дата из шурфа 2017 г. в пойме к югу от Ольшанского городища (*Кренке*, 2018). Дата 1554±26 (UOC-5860) была получена из основания культурного слоя, приуроченного к погребенной почве, скорее всего, по антропогенным углям. Калиброванное значение даты — 430–540 гг. н. э. (вероятность 68 %)[1]. Палеоботанические исследования этой почвы, проведенные Е. Г. Ершовой, показали, что она содержит фитолиты и пыльцу культурных злаков. Следы распашки были обнаружены под курганами X в. Днепровской группы (*Зозуля*, 2018).

В конце I тыс. н. э. (VIII — первая половина X в.) крупное поселение размером «более 4 га» (*Шмидт*, 1974. С. 160) возникает в Гнёздове на первой надпойменной террасе Днепра, прорезанной руслом р. Свинец. Именно с этим поселением следует связывать не только лепную керамику, но и вещевые находки круга культуры смоленско-полоцких длинных курганов — 14-гранные синие стеклянные бусы (*Доброва*, 2018), серию трапециевидных привесок, серповидную серьгу, ромбовидные привески, трехдырчатый цепедержатель, а также следы ювелирного производства этих украшений (*Пушкина и др.*, 2012). На этом же поселении имеются находки совсем иного культурного круга — это предметы вооружения и снаряжения всадника (*Каинов*, 2015). Исследования XXI в. подтвердили, что размеры поселения больше ареала, прослеженного по подъемному материалу. Под шлейфом пойменного аллювия у подошвы террасы также были выявлены слои с находками IX — начала X в. (*Мурашева и др.*, 2018). Наши разведки, проведенные в 2017 г. в пойме возле Ольшанского городища и на бровке террасы к востоку от Днепровской курганной группы, показали, что там также имеются «поселенческие объекты» с лепной керамикой конца I тыс. н. э. (*Кренке*, 2018). Характер этих объектов пока не установлен, здесь необходимы площадные раскопки. Пока лишь можно утверждать, что центральное гнёздовское поселение имело «спутники».

Очень показательные результаты были получены в недавнее время экспедицией МГУ при изучении северо-западной части Центрального селища, на котором работал ранее И. И. Ляпушкин. Здесь был обнаружен фрагмент кольцевого ровика, по-видимому, от снивелированного большого кургана диаметром 17–18 м. В его заполнении наряду с материалами X в. (которые

[1] Калибровка проводилась по программе OxCalv. 3.9.

количественно преобладали) были встречены отдельные более ранние находки, которые можно связывать с тушемлинской культурой и культурой длинных курганов. Также здесь был найден изолированный череп, давший радиоуглеродную дату, калиброванное значение которой с наибольшей вероятностью указывает на IX в. (*Новиков и др.*, 2018б).

Смоленск

«Аксиома» о том, что в Смоленске нет слоев древнее XI в., стала рушиться в последние годы. Начиная с находок 2005 г. О. М. Олейникова единичных фрагментов лепной керамики конца I тыс. н. э. на Соборной горе и в Заднепровье, ранний материал стал быстро прибывать. Обращение к коллекциям Смоленского краеведческого музея показало, что находки достаточно выразительных фрагментов лепной керамики VIII–X вв. были и у наших предшественников — Д. А. Авдусина (раскоп Согор 1 1951 г.) и Н. Н. Воронина (раскопки 1964 г. древнерусской «капеллы» на Соборной горе). К этому же времени относится венчик горшка из нижнего слоя в шурфе 1926 г. возле колокольни на Соборном холме (*Лявданский*, 1926. Табл. XII, *3*). К сожалению, невозможно увидеть погибшие в войну находки, на основании которых И. М. Хозеров писал: «Под развалинами (церкви на Спасском холме. — *Прим. авт.*) прослежены культурные напластования поселения, относимого по керамике, аналогичной по технике керамике Гнёздовских курганов конца IX—XI в. ... сопоставление ряда археологических наблюдений позволяет думать о более обширном, нежели Гнёздово, заселении Смоленска в это время» (*Хозеров*, 1947. С. 24). Нам пока удалось обнаружить лишь шлейф этого слоя на северо-западном склоне Спасского холма, обращенном к Соборной горе (пер. Реввоенсовета), в котором действительно была найдена лепная керамика конца I тыс. н. э.

В 2014–2016 гг. на северо-восточном склоне Соборной горы было заложено несколько шурфов, которые дали материал конца I тыс. н. э. (рис. 1), залегавший *in situ* (*Ершов и др.*, 2017; *Кренке и др.*, 2015; *Кренке и др.*, 2016а). Лепная керамика, вещевые находки, характерные для культуры смоленско-полоцких длинных курганов (трапециевидные привески со штампованным орнаментом, 14-гранные голубые бусы), а также сасанидская драхма были найдены в предматериковом слое, в том числе в слабозаглубленной в материк постройке. Керамика того же круга была встречена в шурфах на Смядыни и Рачевке. В 2017–2018 гг. были продолжены поиски южной границы поселения на Соборной горе, для этого были заложены шурфы на территории смежной с ней Васильевской горы (Троицкий монастырь). В результате была зафиксирована стратиграфия, очень сходная с той, что ранее была обнаружена на Соборной горе. На материке залегала тонкая прослойка темного культурного слоя мощностью около 10 см. В ней содержались находки лепной керамики

конца I тыс. н. э. (рис. 2). Важным аргументом для обоснования датировки находок являются радиоуглеродные даты (табл. 1). Образцы, давшие возраст около 1200 лет, происходят из предматерикового слоя. Более молодые даты (около 1000 лет) получены по частоколу, прорезавшему древнейший слой.

Размер поселения конца I тыс. н. э. на Соборной горе составляет около 3 га, в ближайшей округе вокруг него также имеются «спутники».

Таким образом, мы видим два примерно равных по размерам крупных одновременных поселения конца I тыс. н. э. в окружении более мелких — в Гнёздове и Смоленске. Их различают ландшафтные особенности. Гнёздовское поселение более типично для культуры смоленско-полоцких длинных курганов. Поселение, занимающее высоты смоленских «гор», — уникально. Видимо, каждое из поселений имело свое собственное имя. Топонимический аргумент (локализация гидронимов Смолигов ручей и речки Смолянка с двух сторон от Соборной горы) свидетельствует, что топоним Смоленск, скорее, можно соотносить с поселением на Соборной горе.

Таблица 1 . Радиоуглеродные даты из древнейшего слоя Смоленска

Лабораторный номер	^{14}C дата	Калиброванное значение (OxCal v. 3.9), гг. н. э.	Вероятность интервала, %	Паспорт образца
ГИН-15409б*	1230±40	760–880 710–750	53,5 14,7	Смоленск 2016, Малая Школьная ул., 20а, шурф 1. Промывка нижнего слоя, уголь
UOC-7993	1238±22	710–820	57,9	Смоленск 2016, Малая Школьная ул. 20а, шурф 1. Пахотный горизонт погребенной почвы, карбонизированные зерна культурных злаков
UOC-4840**	1275±45	675–775	68,2	Смоленск 2017, Б. Советская ул., 7, шурф 1. Поверхность погребенной почвы, обугленные зерна пшеницы
SPb-1512***	1065±35	966–1019	58,3	Смоленск 2014, Малая Школьная ул., 7а. Столбовая яма у восточного борта в канавке в материке, древесина
SPb-1513	1050±30	977–1020	68,2	Смоленск 2014, Малая Школьная ул., 7а. Столбовая яма у западного борта в канавке в материке, древесина

* Геологический институт РАН, Москва. ** Университет г. Оттава, Канада. *** Российский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена, лаборатория изотопных исследований.

Рис. 1. План Соборной горы Смоленска с археологическими раскопами: а — раскопы с древнерусским материалом без лепной керамики; б — раскопы с лепной керамикой VIII–X вв.; в — ареал поселения VIII–X вв. на Соборной горе; 28 — шурф на территории Троицкого монастыря; 24 — раскоп 1964 г. «капелла»

Рис. 2. Шурф на территории Троицкого монастыря (Васильевская гора) (А–В), в основании которого зафиксирован культурный слой с керамикой VIII–X вв.: А — профиль северного борта; Б — то же, деталь; В — лепная керамика (1–10); 11 — фрагменты горшка из раскопа 1964 г. «капелла» (Г) (фото В. В. Бегуновой)

Поселение в Гнёздове сильно опережает поселение на Соборной горе по числу нумизматических находок. Это может быть обусловлено различными масштабами раскопок на двух памятниках, лучшей доступностью ранних слоев в Гнёздово по сравнению с Соборной горой. Однако вряд ли будет верным «списывать» это различие лишь на перечисленные факторы. Возможно, что поселение на устье Свинца имело торговую функцию в более выраженном виде, нежели поселение на Соборной горе. Судя по набору византийских монет, уже в IX в. торговля Гнёздова с Царьградом процветала (*Шевцов*, 2017; 2018).

«Скандинавская прививка» была сделана именно Гнёздову, и, видимо, во второй половине IX в.

В X в. Гнёздово стремительно расширяется. По данным Т. А. Пушкиной, площадь Центрального поселения достигает 30 га. Маловероятным, на наш взгляд, является предположение, что Гнёздово являлось киевским погостом.

Материальная культура Гнёздова находит прямые параллели в Средней Швеции (*Arne*, 1952). Какое отношение могли иметь эти шведские скандинавы к киевским рюриковичам? Скорее всего, они были конкурентами.

Поселение на Соборной горе в это время переживает стагнацию или, скорее, упадок. Находки раннекруговой керамики в центре Смоленска единичны. Скандинавские вещи вовсе отсутствуют. Можно выдвинуть осторожное предположение, что отсутствие летописных известий о Смоленске в X в. отражает упадок значения поселения.

В XI в. соотношение Смоленска и Гнёздова меняется с точностью до наоборот. Смоленск стремительно рос, а Гнёздово пришло в упадок. При этом надо отметить, что древности XI–XII вв. в Гнёздове до самого последнего времени не были в фокусе внимания. Судя по материалам, опубликованным В. С. Курмановским (*Курмановский*, 2018), на Центральном гнёздовском и Ольшанском городищах, Центральном селище много керамики второй половины XI в. Эта керамика находит близкие аналогии с комплексом посуды ювелирной мастерской второй половины XI в. в пригороде Смоленска на Рачевке (*Кренке и др.*, 2016б).

Высока вероятность, что в изменении баланса в пользу Смоленска существенную роль играла православная церковь. Видимо, обставленное языческими курганами Гнёздово было неудобно для церковного строительства, а полупустынные смоленские горы, наоборот, очень удобны. Фактор христианизации, очевидно, был очень существенен в судьбе древнейших поселенческих центров Руси (*Малыгин*, 2018).

А. А. Гиблова, Н. А. Кренке

РАСКОПКИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОРОДИЩА В ГНЁЗДОВЕ В 1940 Г.[1]

Аннотация. В статье вводятся в научный оборот материалы из научного архива ИИМК РАН о раскопках 1940 г. на Центральном гнёздовском городище. Впервые представлена керамика, обнаруженная в ходе этих работ, а также анализируется разрез культурного слоя городища. В итоге сделано предположение, что, вероятно, авторы первой публикации — Н. В. Андреев и Н. П. Милонов — были ближе к истине, отстаивая «длинную хронологию» городища, нежели последующие исследователи, ограничивавшие период его основного существования X в.

Ключевые слова: городище, лепная керамика, стратиграфия, Гнёздово.

Центральное городище является важнейшим археологическим памятником в составе Гнёздовского комплекса, к сожалению, фактически не введенным в научный оборот. В настоящее время почти вся его поверхность перекопана выемкой железной дороги, траншеями военного времени и археологическими раскопами разных лет (рис. 1). Однако материалы раскопок почти не опубликованы. Существуют лишь три кратких текста, основанных на докладах, прочитанных на пленуме ИИМК в марте 1941 г. (*Андреев, Милонов*, 1945; *Тиханова*, 1945; *Андреев*, 1948)[2], и одна предварительная статья и тезисы Т. А. Пушкиной, которая проводила исследования рядом с раскопом 1940 г., частично даже перекрывая его (*Пушкина*, 2003; *Пушкина и др.*, 2015)[3].

Авторы публикации хорошо осознают, что дискуссия о хронологии Гнёздовского комплекса имеет достаточно длительную историю и значительную литературу (*Каинов*, 2014; 2015; *Ляпушкин*, 1971; *Мурашева и др.*, 2020; *Пушкина и др.*, 2012; и т. д.). Спор в перечисленных публикациях велся в основном о наличии/отсутствии на памятнике горизонта IX в. Появление серии радиоуглеродных дат заставило расширить временные рамки до VIII в. Однако материалы раскопок 1940 г. и их опубликованная хронологическая атрибуция авторами раскопок, которая допускала удревнение главного поселения комплекса до V в. н. э., оставалась почти без комментариев. Настоящая публикация не претендует на решение вышеуказанной проблемы хронологии

[1] Статья опубликована в журнале ««Археологические вести». Вып. 44. 2024. С. 283–297.

[2] Есть также две краткие заметки, опубликованные в смоленской газете "Рабочий путь" в июльских номерах 163 и 169 за 1940 г., авторами которых были Е.А. Калитина и П. Емельянов. Информация этих публикаций была воспроизведена в британском журнале "Nature" (№146, p.489) в октябрьском выпуске 1940 г.

[3] В тезисах Т. А. Пушкина отмечает (Пушкина, 2012. С. 208), что ей удалось трассировать южную, северную и восточную стороны раскопа 1940 г. Однако она неправильно ставила под сомнение достоверность отчета 1940 г. относительно площади раскопа и его формы. Чертежи раскопа показывают, что первоначальный квадрат со сторонами 10 × 10 м был затем уменьшен и форма раскопа изменена.

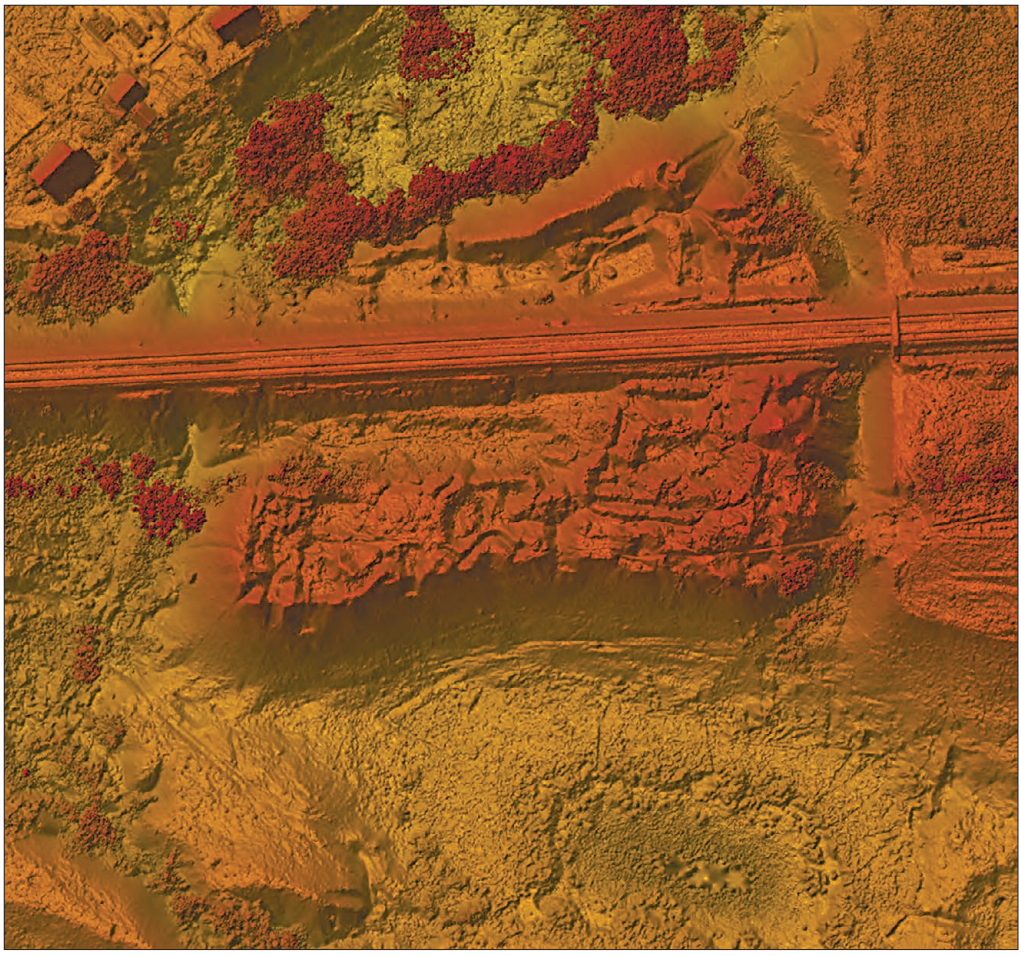

Рис. 1. Центральное гнёздовское городище, снятое с квадрокоптера в 2020 г. (автор — К. А. Ганичев)

Гнёздовского комплекса, так как для этого требуется привлечение обширного круга источников, накопленных в последние десятилетия. Наша задача более локальна — постараться осветить лишь один из источников, важных для изучения Гнёздова, а именно материалы раскопок Центрального городища 1940 г.

Документация по работам 1940 г., хранящаяся в архиве ИИМК (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. 1940. Оп. 1. Д. 170, 172), позволяет существенно дополнить ранее опубликованные данные, а в некоторых моментах скорректировать их. Цель настоящей публикации заключалась во введении в научный оборот чертежной документации и, главное, находок керамики, которую можно атрибутировать по хорошим фототаблицам (сам материал утрачен).

Организация работ 1940 г.

Руководителями раскопок являлись три человека: Н. В. Андреев (1907–1970), доцент исторического факультета Смоленского государственного педагогического института (ныне Смоленский ГУ); Е. А. Калитина (1894–1982), старший научный сотрудник Смоленского областного государственного музея[1]; Н. П. Милонов (1896–1975), научный сотрудник московского НИИ краеведческой и музейной работы. В раскопках принимали участие семь нанятых рабочих, а также студенты третьего–четвертого курсов Смоленского и Калининского педагогических институтов. Смоленские студенты прошли через археологический кружок, который вели в институте Е. А. Калитина и Н. В. Андреев. Важно отметить, что удалось проследить дальнейшие судьбы двух участников тогдашних раскопок. Они, вернувшись с фронта, стали ключевыми фигурами в развитии народного образования и краеведения на Смоленщине. Это Абрам Григорьевич Норштейн (1920–2002) – директор школы в Кардымовском районе, затем преподаватель истории в Смоленске, и Георгий Трофимович Рябков (1919–1993) — работник РОНО в Монастырщине, комсомольский секретарь, заведующий кафедрой истории СССР и, наконец, декан исторического факультета Смоленского государственного университета.

Из переписки, связанной с заявкой на получение открытого листа, следует, что первоначально в ИИМК план раскопок в Гнёздове был воспринят с настороженностью. Первая заявка была отклонена из-за недостаточной квалификации Н. В. Андреева, хотя участница проекта Е. А. Калитина ранее уже получала открытые листы и успешно за них отчитывалась (*Калитина*, 2001). В личном письме, обращенном к заведующей полевым комитетом В. В. Гольмстен, подтвержденным официальным письмом за подписью ректора Смоленского пединститута, Н. В. Андреев доказывал свою компетентность, сообщая, что им недавно была защищена кандидатская диссертация на тему «Великий Гнёздовский могильник». Эта информация не находит подтверждения, о существовании такой работы нам неизвестно (теперь установлено, что защита происходила в июне 1940 г. в Москве в педагогическом институте (см. след. статью) – прим. 2025 г.).

Предыдущие раскопки Центрального городища в Гнёздове осуществлялись Западным областным музеем, очевидно, под руководством Е. А. Калитиной, в 1935 г. Сведений об этих работах очень мало, только указание на них в книге Н. В. Андреева (*Андреев*, 1951. С. 22, 23), а также информация на плане городища из отчета 1940 г., который публикуется в настоящей статье (рис. 2). Судя по этому плану, одна из траншей 1935 г. прорезала вал,

[1] С 1929 по 1937 г. Смоленск и его область были включены в Западную область РСФСР, и Смоленский областной музей был переименован в Западный; это название просуществовало до 1950-х гг.

а две другие «провидчески» прошли по южной кромке площадки городища, поврежденной затем траншеями военного времени.

Раскопки 1940 г. были на редкость удачными: была выявлена сложная стратиграфия памятника, зафиксирован неизвестный ранее в Гнёздове тип погребения, обнаружено много золотых и серебряных украшений. Эти вещи удалось спасти во время войны (ныне хранятся в Смоленском музее-заповеднике, коллекция СОМ 5488), и именно они были опубликованы в статье М. А. Тихановой. За рамками публикации осталась вся чертежная документация (фотодокументацию по работам 1940 г., которая существовала, судя по тексту отчета, пока обнаружить не удалось) и коллекции остальных вещественных находок, включая керамику. Подавляющая часть этих «недрагоценных» вещей была утрачена. В результате оказались под вопросом такие утверждения авторов публикации 1945 г., как, например, «открытое нами в нижнем слое жилище, судя по лепной керамике, позднедьяковского типа относится, вероятно, к середине первого тысячелетия н. э.» (*Андреев, Милонов*, 1945. С. 28).

Нужно отметить также, что в тексте докладной записки Н. П. Милонова (приложение 1) имеются некоторые разночтения. Так, с одной стороны, древнейший нижний слой городища он датирует VI–VIII вв., с другой — «землянку» в основании этого слоя относит к середине I тыс. н. э. Непонятно, являлись ли для автора эти датировки синонимичными.

Обращение к архивной документации позволяет внести ясность в вопрос о керамике, так как в отчете имеются профессионально выполненные фототаблицы находок, нашитых на планшеты. Также, несмотря на некоторую примитивность, ценную информацию несут чертежи, особенно учитывая, что пока не было опубликовано ни одного разреза культурного слоя Центрального гнёздовского городища.

Текст отчета позволяет в общих чертах реконструировать методику работ. Раскопки велись пластами толщиной 30 см. Раскоп размером 10 × 10 м был разделен на квадраты площадью 1 кв. м с буквенно-цифровой нумерацией. Участки разделяла бровка, которая постепенно снималась. Вдоль бортов делались контрольные прокопы. При обнаружении ценных находок предпринималось просеивание культурного слоя. Собирался весь массовый материал, включая остеологический. В ходе работ было установлено, что западная часть раскопа прорезана поздней ямой, из-за чего итоговый раскоп стал меньше в размерах. Отсчет глубин велся от поверхности раскопа, при этом указывалось, от какого именно борта. Чертежная документация в отчете очень неполная, в основном упор делался на словесные описания в дневнике, который насчитывает 22 машинописные страницы (извлечения из этого дневника см. в приложении 2). Возможно, не все чертежи были перебелены, так как в докладной записке Н. П. Милонова, отправленной в ИИМК уже 14 июля (приложение 1), когда раскопки близились к концу, указывается,

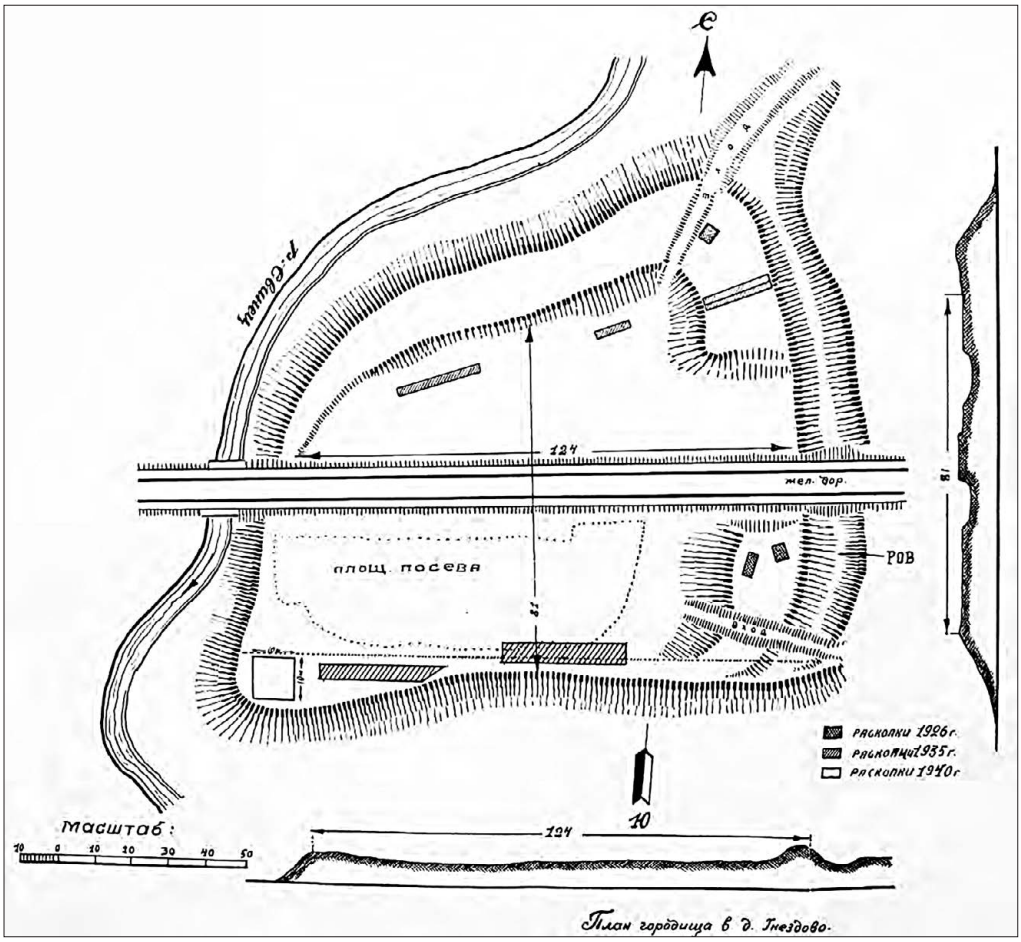

Рис. 2. План Центрального гнёздовского городища с раскопом 1940 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1940 г. Д. 172. Л. 1). План, очевидно, является корректированной копией с плана, опубликованного в работе А. Н. Лявданского (Лявданский, 1924. Табл. XXXIV). Указание на раскопы 1926 г. является ошибочным, это раскопы более раннего времени, отмеченные уже в публикации 1924 г.

что чертежи выполняются на миллиметровке. Эти полевые чертежи не обнаружены. Раскопки велись очень интенсивно, работа начиналась в семь часов утра, и за девять дней (с 8 по 16 июля) раскоп с более чем двухметровым культурным слоем был доведен до материка и затем засыпан.

Важно отметить, что Н. П. Милонов и Е. А. Калитина в 1939 г. проводили археологические наблюдения на Соборной горе Смоленска, в ходе которых обнаружили лепную керамику, которую авторы работ вполне справедливо датировали VI–IX вв. (*Тихомирова*, 1948. С. 211). Однако применительно к Гнёздову они опирались на более общие распространенные в то время со-

ображения, а именно, что лепная керамика примитивной баночной формы с немного отогнутым наружу венчиком, несущим пальцевые вдавления по краю, может быть сопоставлена с материалами середины I тыс. н. э. Банцеровского городища в Белоруссии и Дьякова городища в Москве. Вторым стереотипом, оказавшим влияние на интерпретацию выявленного при раскопках, было обнаружение «землянок», о чем многократно заявлялось в работах В. А. Городцова и других относительно раскопок поселений. Этот стереотип довлел над исследователями Гнёздова, которые также увидели «землянки» в своем раскопе.

Архивные документы (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. 1940. Оп. 1. Д. 170. Л. 13) свидетельствуют, что раскопки Гнёздовского городища той же командой планировалось продолжить в 1941 г. Заявка датирована 10 июня 1941 г. Экспедицию намечали начать в июле. По очевидным причинам этого не произошло.

Стратиграфия и находки

Итак, обратимся к чертежной документации по стратиграфии раскопа. Общая мощность напластований составила 1,6 м, что измерено по левому (северному) краю профиля восточного борта. Эта цифра расходится с указанием в докладной записке Н. П. Милонова, что достигнута глубина раскопа 2,75 м, а также с данными дневника, где отмечается, что по восточной стороне раскопа «подстилающий» (то есть материковый) слой обнаружен на глубине 2,25 м (дневниковая запись от 16 июля). Вероятно, чертеж профиля был сделан ранее окончания работ, тем не менее на нем отражены наиболее важные особенности стратиграфии памятника.

Верхнюю часть напластований представляет горизонт, содержащий находки XVII в., в том числе кирпичи, то есть этот пласт сформировался в период функционирования резиденции польского епископа Петра Парчевского. Мощность верхнего слоя не превышает 40 см, его нижняя граница относительно ровная и залегает горизонтально. Подстилающий второй горизонт, по словам Н. П. Милонова, отличался опесчаненностью и содержал керамику XII в. Нужно отметить, что у Н. П. Милонова, несомненно, был опыт определения подобной керамики, так как он производил ранее раскопки в нескольких древнерусских городах, в том числе в Коломне, Дмитрове, Радонеже, Торопце. Сомнение вызывает тот факт, что один из раскопанных в Гнёздове курганов исследователи также отнесли к XII в. (видимо, актуализируя свой «подмосковный опыт»). В данном случае это очевидная ошибка. В представленных на таблице из отчета фрагментах керамики из кургана 6 материал более ранний — конца X — начала XI в. Теоретически можно допустить, что исследователи не различали четко керамику X–XI и XII вв. Однако на фототаблицах в отчете о раскопках мы находим подтверждение тому, что в верхнем горизонте памятника встречалась керамика XII в. Так, на одном листе альбома представлены венчики эсовидной формы с округлым окон-

чанием (№ 6–8), найденные на глубине 30 см (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. 1940. Оп. 1. Д. 172. Л. 63). На другом листе также отображен венчик XII в. с характерным орнаментом в виде «ожерелья» коротких радиально расположенных насечек по верхней части плечика (*Там же*. Л. 61). К сожалению, отсутствуют профили венчиков, но, тем не менее, атрибуция по фото представляется весьма вероятной (рис. 3, *1–4*). Мощность горизонта с находками XII в. в северной части профиля достигает 80 см; очевидно, что с этого уровня были спущены ямы, прорезающие нижележащие слои. Видимо, этот второй слой имел отличие по цвету (был более светлым) по сравнению с подстилающим его горизонтом, насыщенным угольками. Важно отметить, что авторы позднейших раскопок пришли к тем же выводам о датировке верхнего слоя (*Пушкина и др.*, 2015. С. 189).

Вплоть до настоящего времени период XII в. остается для Гнёздова очень малоизученным. Пока нет ответов на вопросы, где именно располагались кладбище и церковь, которые использовали жители Центрального городища того времени.

Ниже залегал третий слой, который сейчас называют «гнёздовским», датированный Н. В. Андреевым и Н. П. Милоновым IX–X вв. Он отличался от вышележащего более темным (темно-серым) цветом из-за насыщенности угольками. Мощность этого горизонта в центральной части разреза составляет около 60 см, в левой части он тоньше из-за впущенных сверху ям, в правой, наоборот, толще, так как расположение здесь склона способствовало более интенсивному накоплению культурного слоя. Датировка горизонта X в. сомнений не вызывает. Авторы были знакомы с материалами раскопок гнёздовских курганов и сопоставили находки из них с аналогичными из третьего слоя. IX в. был заимствован, очевидно, из публикации В. И. Сизова (*Сизов*, 1902. С. 35).

Главным открытием, связанным с третьим слоем, было погребение, изобиловавшее дорогими украшениями. Погребальная яма хорошо читалась в разрезе восточного борта раскопа. Судя по чертежу, захоронение относилось к начальной фазе формирования третьего слоя. Раскопки этого ценного погребения довольно подробно описаны в публикации (*Андреев, Милонов*, 1945) и дневнике (см. приложение 2). Разбор заполнения погребальной ямы (камеры) производился достаточно аккуратно, на разрезе отмечены четыре уровня фиксации (обозначены буквами *а, б, в, г*). В чертежной документации к отчету прилагаются три послойных плана и один дополнительный рисунок, показывающий характер залегания серебряной цепочки (рис. 4). Сама эта цепочка опубликована М. А. Тихановой (*Тиханова*, 1945. Рис. 21, *1*).

Среди находок, вероятно, связанных с данным слоем, но не вошедших в публикацию, нужно отметить сильно коррозированную скандинавскую равноплечую фибулу; бронзовую трапециевидную привеску (сохранилась в коллекции Смоленского музея, инв. № СОМ 5488/15), типичную для древностей круга смоленско-полоцких длинных курганов; гирьку от весов;

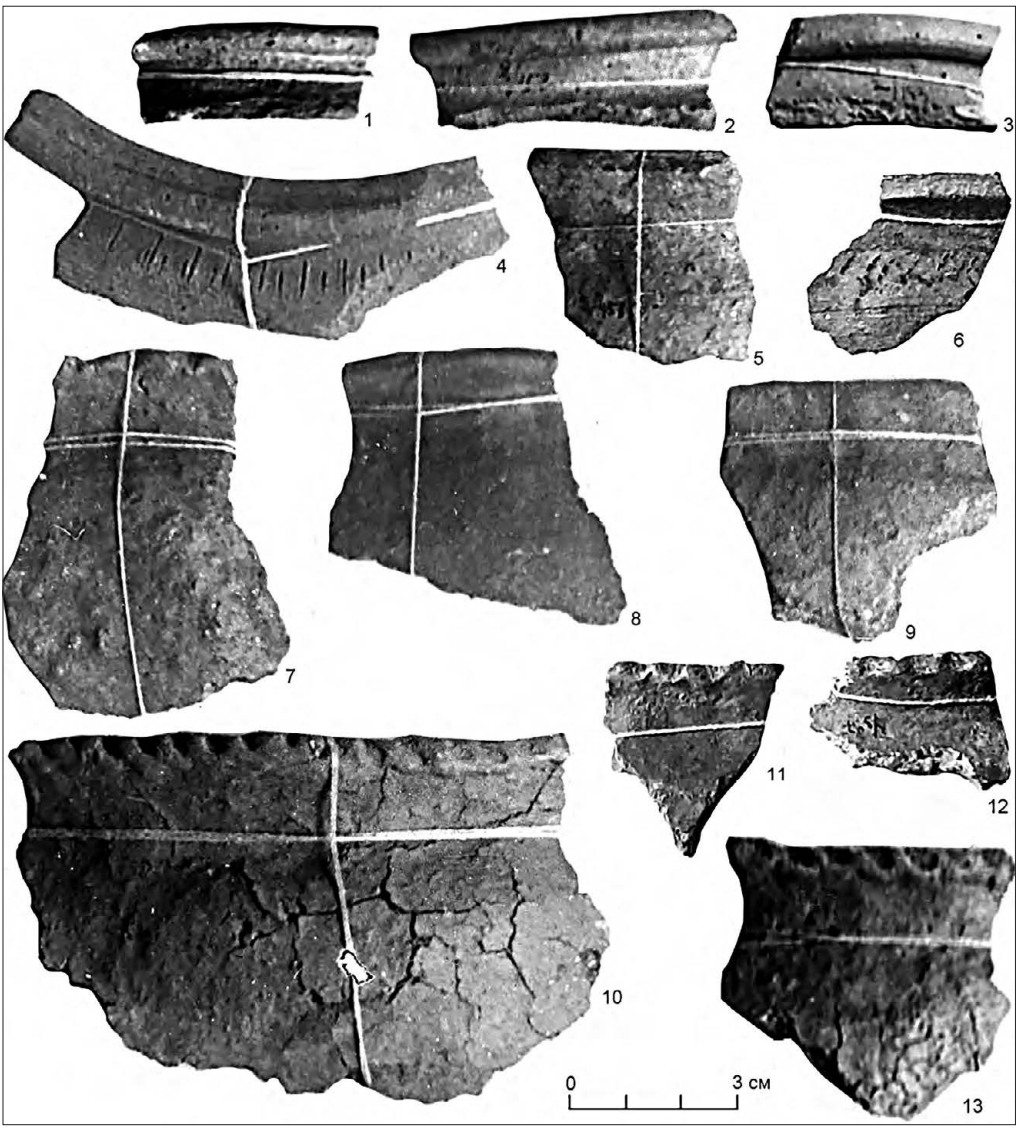

Рис. 3. Керамика из раскопа 1940 г. на Центральном гнёздовском городище. Составлено по фототаблицам из отчета 1940 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1940 г. Д. 172. Л. 53, 59, 60, 63): 1–4 — древнерусская керамика XII–XIII вв.; 5, 6 — раннекруговая керамика X — начала XI в.; 7–13 — лепная керамика последней четверти I тыс. н. э. Глубина залегания: 1, 3 — 0,30 м; 2 — 0,50 м; 4, 11 — 1,30 м; 5, 10, 12 — 1,20 м; 6 — 1,75 м; 7 — 1,45 м; 8, 9 — 1,40 м; 13 — 2,0 м

поясную бляшку; лунницу; подвеску с плетеным орнаментом; железную пряжку; серию бус (рис. 5). Все это находки весьма типичны для Гнёздова.

Наконец, в основании разреза залегал нижний (четвертый) культурный слой, который отличался еще более высокой насыщенностью угольками и почти черным цветом. По находкам он выделялся преобладанием лепной керамики (это проходит рефреном по страницам дневника). Из дневника сложно понять, встречалась ли в нижнем слое круговая керамика. Это трудно определить еще из-за того, что он был прорезан ямой погребения X в. Мощность данного напластования довольно значительна — до 80 см, причем слой сохранял равную толщину на протяжении всего разреза. Линия материка практически горизонтальна, нет никаких углублений, которые могли бы указывать на наличие землянок. Постройка, обнаруженная в основании нижнего слоя, имела очаг из камней с некоей столбовой конструкцией вокруг него. Стены были сооружены из горизонтально лежавших бревен. Возможно, это сруб, однако нам неизвестно, насколько с методической точки зрения был качественно зачищен материк и не были ли пропущены столбовые ямы (рис. 6).

Нужно отметить, что неясности, возникающие при интерпретации материалов 1940 г., могут быть проверены при анализе раскопов 2008–2012 гг., которые непосредственно примыкали к раскопу 1940 г. Но это будет уже задача следующей работы. Пока же можно отметить, что нижние слои, по подсчетам Т. А. Пушкиной, содержали до 85 % лепной керамики, а некоторые ямы — до 100 % (*Пушкина*, 2012. С. 207).

Актуален и вопрос культурно-хронологического определения лепной керамики из нижнего, четвертого, слоя. Сравнение керамического комплекса, представленного на фототаблицах, позволяет найти ответ. Сразу можно отвергнуть параллели с позднедьяковской керамикой, которая хорошо известна одному из авторов данной статьи (*Кренке*, 2011). Для позднедьяковской керамики характерен орнамент на плечиках и тулове горшков. Здесь же мы этого не видим. Сопоставление с керамикой Банцеровского городища в Белоруссии, которую приводили в качестве аналогии авторы отчета 1940 г. также не позволяет с ними согласиться. Банцеровская керамика другая, для нее нехарактерны пальцевые вдавления на венчике, имеются ребристые и биконические формы (*Лопатин*, 1993; *Ляшкевич, Касюк,* 2019)[1].

Лепная керамика из раскопа 1940 г. имеет прямые аналогии среди находок из гнёздовских курганов и поселения (*Каменецкая*, 2019; *Пушкина*, 1973). Основной же массив аналогий происходит с памятников, входящих в ареал культуры смоленско-полоцких длинных курганов, которые датируются в пределах VIII–X вв. Ближайший комплекс — это керамика с Соборной горы Смоленска, имеющая верхний хронологический предел не позднее начала X в. (*Кренке и др.*, 2023. Рис. 5). Учитывая мощность нижнего слоя, можно

[1] Авторы приносят искреннюю благодарность Н. В. Лопатину за консультации относительно банцеровской керамики.

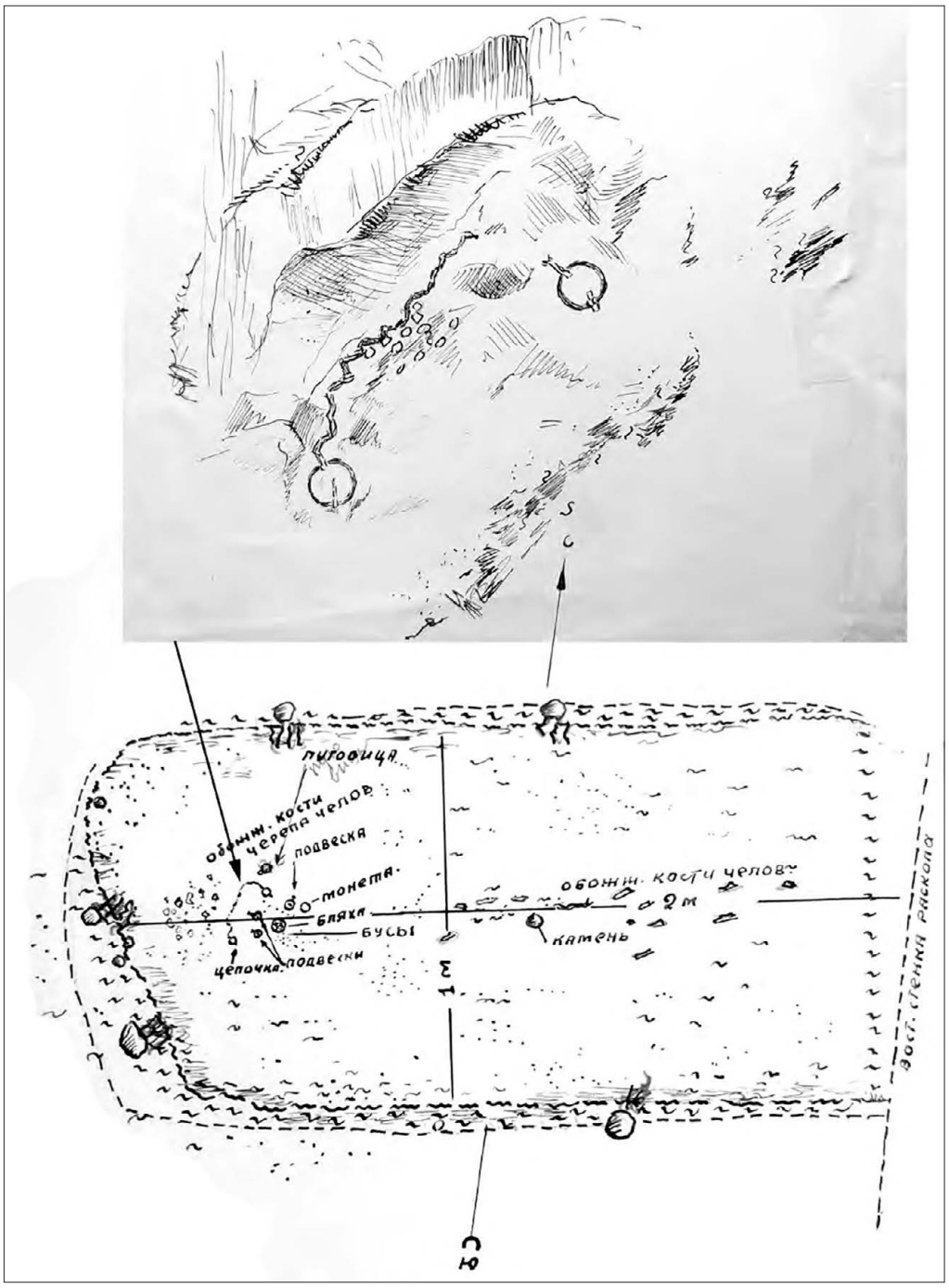

Рис. 4. Чертеж нижнего уровня расчистки погребения на глубине 1,4 м, квадраты 9–10/в и эскиз с цепочкой in situ (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1940 г. Д. 172. Л. 12, 13)

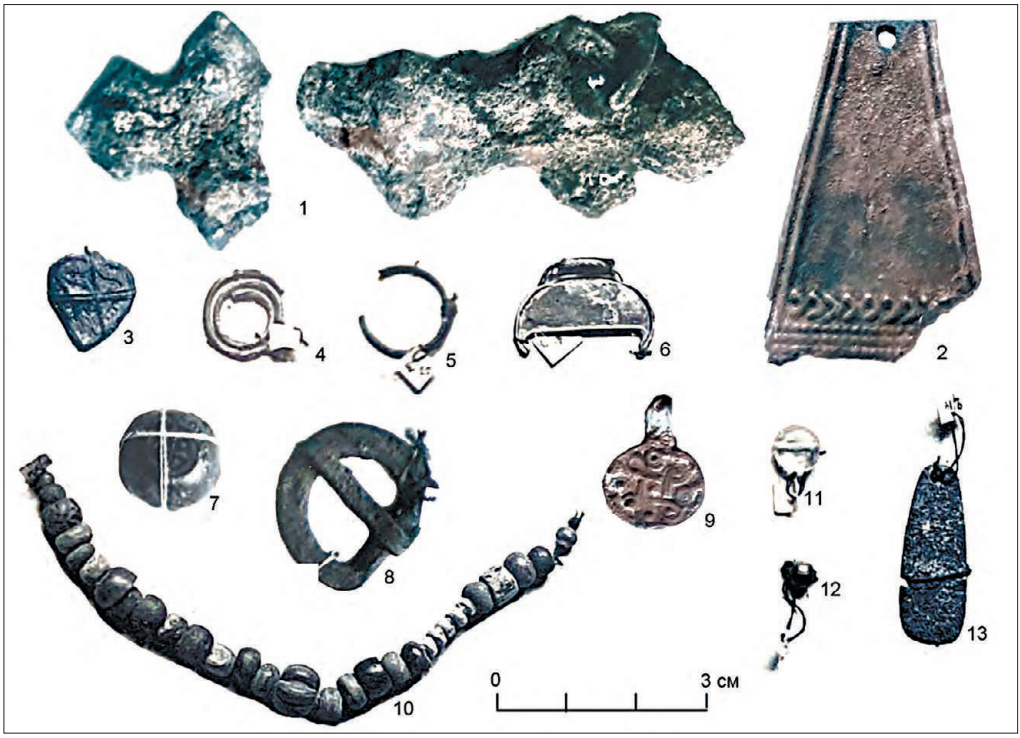

Рис. 5. Находки из раскопа 1940 г. на Центральном гнёздовском городище (составлено по фототаблицам из отчета 1940 г. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1940 г. Д. 172. Л. 66, 69): 1 — скандинавская фибула; 2 — трапециевидная привеска; 3 — поясная бляшка; 4 — спиральное кольцо; 5 — кольцевая фибула; 6 — привеска-лунница; 7 — гирька от весов; 8 — пряжка; 9, 13 — подвески; 10–12 — бусы. 1–4, 6, 7, 9, 13 — бронза; 5 — серебро; 8 — железо; 10–12 — стекло

предполагать, что в нем представлен IX в., а возможно, и VIII. Однако следует отметить, что комплекс вещей (скандинавских или кривичских), характерных для этого времени, в раскопе не найден. Т. А. Пушкина датировала нижний слой памятника на смежном участке «не ранее второй четверти — середины X в.» (*Пушкина*, 2012. С. 209). Ее главный аргумент — находки в слое единичных фрагментов круговой керамики — не представляется убедительным. «Загрязнение» нижележащих слоев при интенсивной жизни в X в. неизбежно.

Теперь следует обратить внимание на еще одну важнейшую особенность разреза восточного борта. В правой части, то есть у кромки берега, мы видим валообразную песчаную насыпь, которую перекрывает, обтекая ее, нижний слой (рис. 6). Эту насыпь Н. П. Милонов в своей докладной описал как вал (см. приложение 2). Можно с ним согласиться[1]. Действительно, именно так

[1] Т. А. Пушкина и коллеги в предварительной публикации вал не описывают, и неясно, был ли он в их раскопе. Они описывают эскарп чуть ниже на склоне (Пушкина и др., 2015. С. 193).

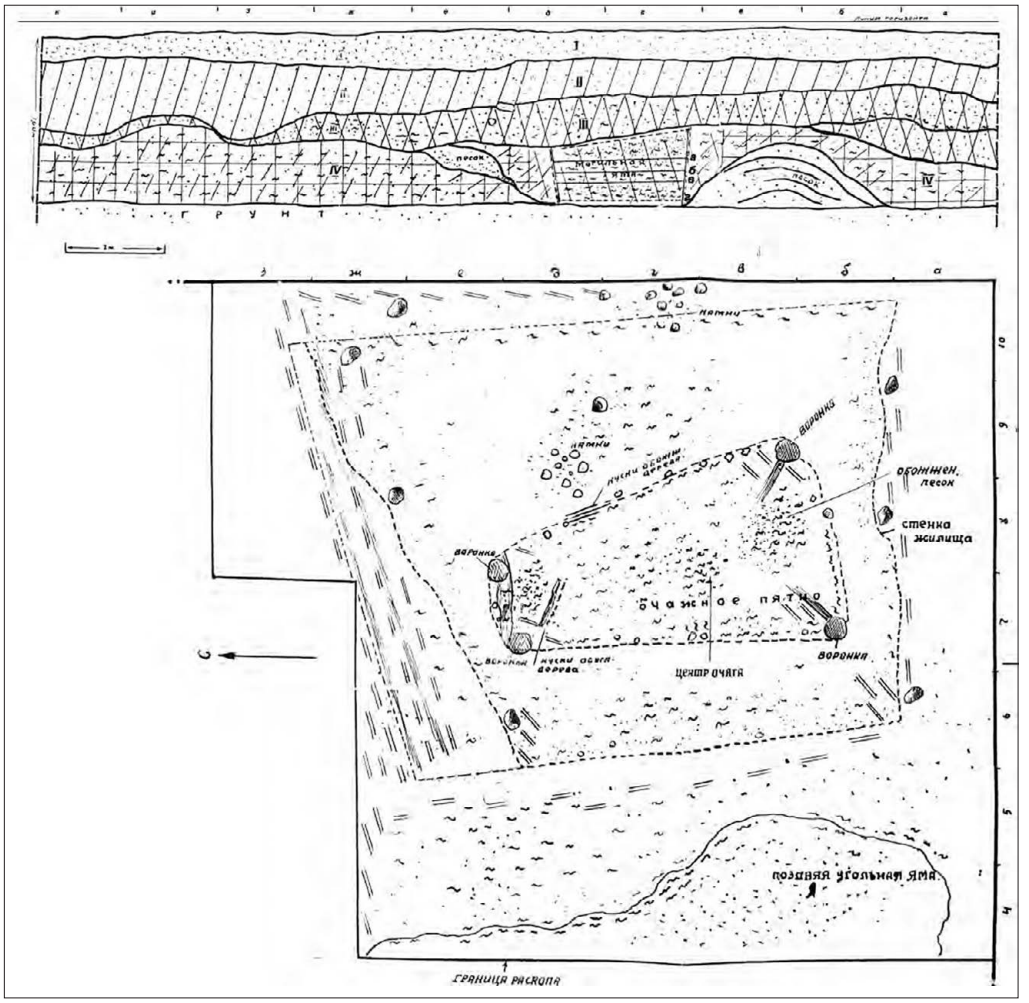

Рис. 6. План раскопа 1940 г. по нижнему уровню (2) и профиль восточного борта (1) (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1940 г. Д. 172. Л. 3, 15). I — верхний почвенный песчаный слой, содержащий отдельные находки XVII в.; II — песчаный культурный слой, содержащий изредка обломки керамики XII в.; III — темно-серый, содержащий значительные примеси угля культурный слой IX–X вв.; IV — нижний углистой окраски культурный слой более раннего, чем IX–X вв., времени (а–г — уровни графической фиксации остатков погребения)

выглядят верхние части валов. Но из этого следует, что вал относится к более раннему этапу, чем формирование четвертого слоя!

Действительно, на Центральном гнёздовском городище и поблизости от него были обнаружены находки второй четверти I тыс. н. э. Укажем на шпору с эмалью с городища, датированную V в. н. э. (*Радюш*, 2021. С. 312), фрагменты керамики с расчесами, горшки с биконической формой тулова с примыкающего к городищу селища (*Шмидт*, 1974. Рис. 4).

Очень важная находка, видимо, из того же вала, была сделана в 1990 г. В насыпи была обнаружена бронзовая малая равноплечая фибула, которую Т. А. Пушкина датировала VI–VII вв., не исключая и VIII в. (*Пушкина*, 2003. С. 113), а С. Ю. Каинов отнес к VI–VIII вв. (*Каинов*, 2014. С. 43). В настоящее время количество подобных находок возросло, и все они происходят с Карельского перешейка. Исследователи карельских находок предлагают более позднюю датировку — VIII– IX вв. (Сокровища земли..., 2022. С. 65–67). Непосредственно рядом с раскопом 1940 г. в 2012 г. была найдена височная серьга второй половины IX в. (*Каинов*, 2014. С. 43, рис. 10, *2*). Таким образом, явно отмечается концентрация находок, датируемых ранее X в., в западной части городища.

Выводы

В результате проведенной работы вводятся в научный оборот материалы, которые незаслуженно долго пролежали под спудом. Впервые представлена керамика с Центрального городища в Гнёздове. Стало понятно, что авторы раскопок 1940 г. ошибались в круге аналогий, который они приводили для лепной керамики из нижнего слоя городища. Однако их итоговое заключение о том, что на городище могло быть поселение в середине I тыс. н. э., остается возможным.

По материалам раскопа 1940 г. вывод о том, что на Центральном гнёздовском городище представлены слои, датируемые последней четвертью I тыс. н. э., включая VIII и IX вв., а не только X в., кажется более вероятным, чем гипотеза о «короткой хронологии». Все эти умозаключения могут быть проверены путем обработки материалов последующих раскопок городища, авторы которых, к великому сожалению, уже не с нами.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Докладная записка Н. П. Милонова М. И. Артамонову и В. В. Гольмстен

Директору института истории материальной культуры АН СССР
М. И. Артамонову и председателю полевого комитета В. В. Гольмстен
От замначальника экспедиции и консультанта по археологической
экспедиции в Гнёздове (Смоленская обл.) Н. П. Милонова

Докладная записка

В течение 12 дней идет работа по раскопкам центрального гнёздовского городища. В составе научных работников экспедиции: Н. В. Андреев, Е. А. Калитина и Н. П. Милонов. Не приехал пока на раскопку А. П. Смирнов.

Общее научное руководство взято по приказу дирекции Смоленского пединститута, обл. музея. Мною была избрана площадка в 100 кв. м в ЮЗ углу городища. Она была разбита на четырехметровые квадраты. В настоящее время раскоп площадью 100 кв. м доведен до глубины 2,75 м.

По профилю стенок по прослойкам на дне раскопа и по вещевым материалам наблюдаются три площадки.

1) От края (борта городища) ярко выраженные следы укреплений вала (каменная кладка), средняя часть распластована отложением землянки с вещами типа городищ т. н. панцеровского (так в оригинале. — *Примеч. Н. К.*) типа, крайняя к середине городища занята большой обугленной ямой, обложенной крупными камнями, на дне этой ямы обнаружены редчайшие находки, открыто полусожженное женское погребение с исключительными предметами[:] близ останков черепа [—] ожерелье синих, зеленых, хрустальных и красных бус, три золотые подвески (две круглые и одна квадратная 2 × 2 см) с зернью и филигранью, одна большая византийская монета с изображением на одной стороне спасителя Христа, сидящего на троне, на другой стороне [—] изображение двух святых, по ободкам надписи на греческом языке, подвески прекрасно орнаментированы (зернью) в виде определенного узора. Две серебряные подвески того же облика по оформлению и орнаменту[,] две серебряные лунницы, серебряная цепь, остатки ткани[,] в ногах погребения, ориентированного головою на С[еверо]-запад, ногами на юго-восток[,] обнаружены кучки гороха. Найден еще дирхем при том же... Дата погребения — X век н. э.

Не исключена возможность, что в пределах одной ямы — жертвенного места[,] напоминающего жертвенник в Киеве[, —] будут обнаружены и другие погребения. Как находка этого погребения, исключительно богатого по инвентарю, по ритуалу единственного пока во всем Гнёздовском похоронном комплексе, так и по совершенно заново изученной стратиграфии Гнёздовского городища (три культурных слоя: XII в., X–XI вв., VI–VIII вв.) проводимые раскопки в Гнёздове дали исключительно ценный и редкостный материал.

В центральном Гнёздовском могильнике был раскопан курган XII в. с трупоположением с ярко выраженным инвентарем. Большой интерес представляет землянка с инвентарем в ней, относящимся к середине I тыс. н. э.

Подробно ведется дневник; в большом масштабе на миллиметровке ведутся чертежи, систематическое фотографирование и зарисовка.

Землекопные работы ведутся 15 студентами при наличии еще 7 наемных рабочих.

Сообщая о всем вышеизложенном, прошу дирекцию ИИМК ответить по вопросу о возможности сделать доклад об итогах работ не позднее, как в сентябре м-це 1940 г. и поместить в бюллетене ИИМК сообщение об открытиях, сделанных экспедицией на Гнёздовском городище. К докладу может быть приложен ряд вещей, иллюстраций и чертежей.

Зам. нач. экспедиции в Гнёздове
Н. Милонов 14/VII-40 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1940. Д. 170. Л. 10, 11)

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Выдержки из дневника раскопок (вел Н. П. Милонов)

Л. 27 (13)

13/VII-40 г.

Раскопки начались в 7 ч. утра. Расчищали на 0,30 м слой на площади в Ю.В. углу по уч. 8-10/а-д и снимали бровку, сравнивая с уровнем раскопа по уч. 6-7/в-и. При зачистке бровки по уч. 6-7/в-и на очаге обнаружено скопление грубой ручной керамики (банцеровской), обожженных и необожженных камней. Очаг этот охватывает уч. 6/г-д, был прослежен еще в верхних слоях и отнесен нами к ранней землянке. Рядом с очагом встречаются вещи — ранние находки (банцир.) вместе с вещами XII в., что говорит о перемещении К.С.[1] На уч. 6б на гл. 1,50 м был найден шлак. На уч. 7ж на гл. 1,70 м было найдено бронзовое ушко подвески.

Л. 28 (14)

При зачистке всего дна раскопа установлено, что ширина с С. на Ю. землянки – 5,90 м на глубине 1,60 м (от поверхности раскопа). Границы землянки имеют уже прямолинейное строение, при этом в профиле Сев. стенки видно слегка ямообразное строение дна в направлении от Зап. к Вост. стороне раскопа. На уч. 4/е на гл. 1,80 м был найден рог плохой сохранности. Согласно ранее отмеченным промерам дна землянки зачищен был профиль северной стенки для фотографирования (по уч. 3-4/е).

На уч. 5а на гл. 1,80 м был найден железный нож с длинным черенком. На уч. 5е на гл. 1,80 [м] был найден брусок. При разработке К.С. на уч. 8-10/а-г проводилось просеивание К.С. На месте могильной ямы при дальнейшей зачистке (уч. 7в) на гл. 1,45 [м] была найдена золотая подвеска, круглая, ушко оттянуто, орнамент из 3 витков из скани и зерни. На уч. 7а на гл. 1,50 [м] найдена подвеска серебряная круглая с орнаментом[,] перевитым зернью и сканью, ушко оттянуто. В северной половине раскопа на месте ранее прослеженного неправильной формы темного пятна по уч. 7-9/г-д на гл. 1,30–1,45 м выделилось четырехугольное пятно, напоминающее могильную яму, ориентировочно (так в тексте. — *Примеч. Н. К.*) по линии с ЮЗ на СВ. В яме оказались полуобожженные кости, отдельные необожженные кости человека, остатки черепа.

Все они расположены были по линии с Запада на Восток. На этом же уровне в пределах пятна обнаружен целый ряд вещей, несомненно, связанных с человеческим погребением. Погребение ориентировалось головой на ЮЗ, ногами на СВ, погребение женское и по характеру находок принадлежит представителю знати.

[1] К. С. — культурный слой.

Л. 29 (15)

На уч. 7/г на гл. 1,45 м найдена серебряная цепь, нагрудная, звенья и кольца позолоченные, скрепленные спиралью с завитыми концами; один конец цепи имел гвоздь, другой [—] скобку. На уч. 7г в пределах ямы на гл. 1,45 м найдена золотая подвеска четырехугольная, орнамент витками скани и зерни. На уч. 7г на гл. 1,45 [м] была найдена золотая круглая подвеска, диргем рубленый; на уч. 6-7/г на гл. 1,45 м найдена серебряная круглая малая подвеска. Исследование данного погребения заставляет сопоставить горизонт его залегания с контурами той значительной по размеру обугленной ямы с неровными краями, которая была прослежена в Вост[очной] половине раскопа еще на гл. 0,40 м. Глубина верхнего горизонта могильной ямы — 0,60 м, глубина залегания погребения в пределах ямы от поверхности раскопа

– 1,50–1,60 м. В данном случае бросается в глаза одна интересная деталь: открытое погребение лежит в неглубокой яме, окаймленной с краев камнями, перекрытыми в отдельных местах крупными кусками угля. Яма вырыта в нижнем К.С., содержащем более древнюю керамику.

В ногах погребения были обнаружены камни круглой формы, кроме того в ногах нашли керамику толстостенную с полосатым орнаментом и красную керамику, зерна пшеницы (каша?). Длина ямы в 2,45 м; ширина в головной части – 1,50 м. Ширина в Ю.З. части – 1 м. Ширина ямы в ножной ее части равна 1,40 м.

На уч. 7г на гл. 1,50 м найдена бляха серебряная круглая Д = 35 миллиметрам, орнамент из скани и зерни. На уч. 8г на гл. 1,50 м была найдена золотая подвеска, круглая[,] с витым орнаментом.

При дальнейшей зачистке обнаруженного пятна ямы, в которой залегали остатки погребения, установлено, что по краям ямы идет [**Л. 30 (16)**] лента обугленной древесины, может быть[,] представляющей остатки гроба, который был сожжен вместе с положенным в него покойником. У С.З. угла ямы видны концы обгорелых плах дерева, перекрывающего угол этой ямы. Это говорит о наличии костра, на котором сжигали умершего.

14/VII-40 г. Раскопки начаты в 7 ч. утра при 7-ми рабочих с участием всех сотрудников.

Первоначально проведена зачистка дна раскопа по уч. 6-10/г-в на гл. 1,5 м. Одновременно шло просеивание вынутого К.С. Из просеянного К.С. был найден железный наконечник стрелы и дирхем рубленый. Начали углубление раскопа по уч. 4-5/а-б на гл. 0,3 м. При зачистке дна раскопа на месте обнаруженного погребения прослежена в ножной части погребения (у Вост. стенки) полоса сильно обожженного песка, шириной вдоль стенки (Вост.) – 0,75 м, а попереч. – 0,4 м. Диаметр круглого обугленного пятна – 0,25 м и находится на гл. 1,2 м, захватывая участок 10д. Сфотографированы профиль Сев. стенки, пятно обожженного песка, расположение камней вдоль погребения; расположение плах на углу могильной ямы.

На уч. 10/е был найден железный предмет в виде лоточка, оказавшийся личиной замка. Профиль Сев. стенки, примыкающий к погребению в яме, имеет следующее напластование слоев.

1. Верхний дерново-почвенный слой – 0,3 м.
2. Серовато-желтый – 0,5 м.
3. Песчаная прослойка – 0,3 м.

Культурный слой неравномерно расположен. У вост. угла – 0,5 м, у зап. – 0,7 м.

4. Слой темный, связанный с напластованием могильной ямы — 0,8 м. За ним и около него может быть еще нижний слой.

Л. 31 (17)

Описанный профиль охватывает уч. 7-10/е. При просеивании найдены бусы стеклянные и из пасты.

На уч. 8/д на гл. 1,40 м обнаружены обломки сосуда грубо-лепного. При просеве почвы было найдено украшение для пояса в виде медной бляшки. Производилось углубление дна раскопа на уч. 7-10/а-в до уровня дна могильной ямы. Необходимо обратить внимание на обломки глиняного сосуда грубой ручной техники, найденного на площади, непосредственно примыкавшей к вскрытому погребению X в. (на одном и том же уровне). Возможно, что эта урна связана с участками, прилегающими к погребению; здесь нижний К.С. не тронут. Это говорит о том, что яма для погребения была частично углублена в нижний культурный слой. На уч. 10г в ногах погребения около круглого пятна обнаружен сильно окрашенный в красный цвет песок. Зольный слой могильной ямы перемешан с песком и обожженными камнями. Сильно окрашенный песок в красный цвет переходит в коричневый цвет ближе к угольному пятну. На уч. 6-7/к производилось углубление раскопа до уровня дна могильной ямы. На уч. 10/д в СВ части ямы попадаются обожженные человеческие кости. На уч. 10/ж на гл. 0,25 м было найдено спиральное золотое кольцо с рубчатым орнаментом и серебряная буса. На месте обломков урны на уч. 8/д на гл. 1,40 м выявлено круглой формы пятно, светлое в центре и темное с краев, Д – 0,35 м. При зачистке дна раскопа на уч. 9/в найдены два железных предмета: часть стремени и железный предмет в виде крючка. На площади, охватывающей уч. 8-9/в-г[,] около открытого погребения прослежена обугленная полоса, отделяющаяся от прилегающих слоев более темной окраской. На уч. 9-10/в на той же глубине попадаются обожженные кости. Прослежена яма в Зап. части (уч. 9/в) [**Л. 32 (18)**] [глубиной] 1,10 [м] (головная часть). При тщательной зачистке ярко обозначились границы ее не только в головной части, обращенной к Зап., но и боковые, очерченные по краю темной угольной полосой и отделенные от смежной, светлой песчаной прослойки. Края ямы окаймлены прокладкой камней. Яма имеет 1 м ширины и 2 м длины. На уч. 9/г на месте могильного пятна был

найден обломок диргема. При просеве здесь же зачищенного слоя были найдены — металлическая пломба и гирька. На уч. 9-10/б-в выявлено темное пятно квадратной формы, но при зачистке оказалось разделенным на две части, по уч. 7/б и 7/в. На уч. 7/а найдена железная пряжка. На уч. 8/в найден обломок точильного камня, бронзовый браслет (на гл. 1,50 [м]). Края ямы перекрываются деревом. В СВ углу на уч. 9-10/ж-з прослеживается круглой формы углистое пятно, окаймленное по краям лентой сырой глины и камнями (на месте найденного железного замочка). Раскоп квадратов у восточной стенки доведен по всей площади до уровня дна ямы открытого погребения. На уч. 9/б на гл. 1,50 м найдена рыбья чешуя.

15/VII-40 г. Работы начались в 7 ч. утра при наличии 6-ти рабочих и всех студентов.

Проводилось углубление дна кв. 8-10/а-е и 3-5/а-е до глубины 1,50–1,80 м. По уч. 8-10/а-е — угольно-зольные слои, на уч. 8/а на гл. 1,75 м найдены шлак, обожженные камни, отмечены пятна песка, куски обожженной глины и на уч. 10/г на гл. 1,75 [м] [—] грубо-лепная керамика. На гл. 1,80 м по уч. 5/г найдены обломки посуды красного цвета. На уч. 9/в на гл. 1,70 м найден кремневый скребок; на уч. 10/б на гл. 1,70 м [—] медный бубенчик. При зачистке дна раскопа по кв. 10/в на гл. 1,75 [м] найдена [**Л. 33 (19)**] грубо-лепная керамика. Проводилась зачистка по всему дну раскопа на гл. 1,70 м с целью окончательного выявления всех прослоек, ранее обнаруженных по дну раскопа. На профиле восточной стенки прослеживается ямообразное строение культурного слоя. Длина ямообразного слоя, идущего по стенке раскопа[,] – 1,70 м. Дальше на том же уровне идет нарушение указанной прослойки перерытием на месте могильной ямы. За могильной ямой по Вост. стенке снова восстанавливается угольно-зольная прослойка, аналогичная прослойке, отмеченной до ямы[,] и идущая за яму на расстояние 3,20 м, ограниченная с края камнями. Нижний К.С. содержит грубую керамику, обожженные кости, рыбью чешую. Максимальная толщина этого слоя – 0,70 м. Минимальная толщина – 0,55 [м] (см. чертеж профиля стенки). Данный К.С. только в одном месте перерыт неглубокой ямой, где он перемешан, но на всем протяжении по другим квадратам он не нарушен и прикрыт вышележащим слоем X в. (рис. 13). Последний имеет толщину максимальную – 0,50, минимальную — 0,30 м и содержит керамику[,] аналогичную керамике из курганов погребения центрального Гнёздовского могильника. Этому слою одновременно соответствует ранее открытое погребение. Выше второго слоя лежит ровно напластованный 3[-й] верхний слой[,] песчаный, ровно окрашенный, изредка содержит обломки посуды XI–XII вв. Самый верхний слой, лежащий под дерново-почвенным слоем, содержит материалы XVII в.

Центр кострища, относящийся к нижнему К.С., сосредоточен по кв. 10/г-д и обозначен ярко обожженным слоем песка и обожженными камнями.

Ширина распространения кострища равна 2–2,20 м. Необходимо провести окончательную полную зачистку всего дна раскопа на одном и том же уровне с тем, чтобы выяснить сочетание линий, прослоек, идущих как [**Л. 34 (20)**] от Восточной стенки, так и по середине раскопа. В частности[,] необходимо установить границы прослоек, определенных по профилю Вост. стенки. В основном работы доведены до гл. 1,70–2 м по всему дну раскопа. На угольно-зольном пятне обнаружены железные предметы. При зачистке кострища (очага) на уч. 8-7/а-е обнаружены кости, керамика, дерево. При зачистке кострища на уч. 6-7/в-д найдена грубо-лепная керамика. Контуры обугленного нижнего, связанного с землянкой, имеют длину с В на З – 5,10 м. Промеры от Вост. стенки по уч. 10/г до кострища – 1,70 м[,] от З[ападной] стенки по уч. 10/г до кострища – 1,70 м[,] от З[ападной] стенки до уч. 4/д – 1,20 [м]. Длина очага по З[ападной] стенке – 2,50 [м]. На уч. 7/ж в очажном слое найдено большое скопление золы на толщу в 0,10 м. Ширина очажного пятна по уч. 6-7/д – 1,37 м, по уч. 6-7/б-в – 1,76 м. Диам[етр] воронок – 0,20 м. Воронки находятся на углах очага. По краю идет дерево, кроме того, в отдельных пунктах обгоревшее дерево перекрывает поперек яму очага. Глубина пятна очага от поверхности нижнего К.С. – 0,60 м, а от поверхности раскопа (примерно по Вост. стенке) – 1,70 м, а от поверхности раскопа по Зап. [стенке] — 2 м. Края ямы очага ограничиваются лентами горелого дерева и камнями. В С.З. углу очажного пятна обожженный песок красного цвета переходит в коричневый цвет. В центре очага попадается сырая глина. На уч. 6/а на гл. 1,90 м найден обломок керамики с линейно волнистым орнаментом.

К концу рабочего дня закончилась полностью зачистка всего дна раскопа, по которому выделилось две основные детали: а) к Вост. стенке — землянка с очертаниями границ ранее выявленных, к Зап. стороне раскопа нижний к[ультурный] слой нарушен вырытой позднейшей угольной ямой. Снят общий [**Л. 35 (21)**] план дна раскопа и сфотографирован профиль Восточной стенки.

(Ф. 35. 1940. Оп. 1. Д. 170. Дневник раскопок на центральном Гнездовском городище в 1940 г. Л. 27–35)

Н. А. Кренке[1], Т. В. Столярова

БОГАТОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ИЗ РАСКОПОК 1940 Г. ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОРОДИЩА В ГНЁЗДОВЕ[2]

Аннотация. В статье представлена коллекция находок из комплекса с золотыми и серебряными вещами, открытого при раскопках 1940 г. на Центральном городище в Гнёздове. Рассмотрена документация, сопровождающая коллекцию, и версии интерпретации этого комплекса, приведены аргументы в пользу того, что это было погребение в яме. Набор вещей позволяет ориентировочно определить дату погребения: вторая — третья четверти X в. Набор вещей отсылает к древностям Средней Швеции, за исключением одной подвески, типичной для местной культуры длинных курганов. Однако ее принадлежность к комплексу вызывает сомнения. Исключительное богатство инвентаря погребения указывает на то, что оно принадлежало представительнице высшего слоя сообщества в Гнёздове.

Ключевые слова: золотые украшения, стиль «Терслев», викинги, волюты, Гнёздово.

Данная работа является продолжением статьи о раскопках 1940 г. на Центральном городище в Гнёздове (*Гиблова, Кренке*, 2024), в которой была опубликована сохранившаяся отчетная документация об экспедиции, подробно рассмотрен весь ход раскопок, приведены выдержки из дневника начальника экспедиции, проанализированы разрез культурного слоя городища и вещевой комплекс. В этой статье мы хотим сосредоточиться на уникальном событии того полевого сезона — открытии женского погребения на площадке городища, относительно которого многие вопросы до недавнего времени оставались нерешенными или спорными, в том числе это касалось интерпретации материала разными исследователями и судьбы коллекции находок.

Решение о проведении экспедиции 1940 г. мы находим в личном деле Н. В. Андреева: провести археологические работы в Гнёздове с 4 по 25 июля 1940 г. приказал директор Смоленского пединститута (с разрешения Института истории АН СССР[3]). К раскопкам должны быть привлечены 10 студентов-историков, доцент Н. В. Андреев (в качестве начальника экспедиции), Е. А. Калитина (старший научный работник Смоленского областного музея) и консультанты-археологи Н. П. Милонов и А. П. Смирнов (А. П. Смирнов в

[1] Кренке Н. А. выполнил свою часть исследования в рамках работы по теме государственного задания «Северная Русь в евразийском археологическом контексте: этнокультурное разнообразие и общие закономерности исторического развития в свете становления научных знаний» (FMZF-2025-0011).

[2] Статья опубликована в журнале «Археологические вести». Вып. 46. 2025. С. 219–229.

[3] Такая формулировка в приказе по Смоленскому пединституту. На самом деле разрешения на раскопки в 1940 г. выдавал полевой комитет при Институте истории материальной культуры АН СССР.

итоге не смог приехать)[1]. По окончании работ, согласно приказу, необходимо было написать отчет, предоставить его на рассмотрение ученого совета института, а в кабинете организовать выставку работ экспедиции (Архив Смоленского ГУ. Св. 14. Арх. 9). Последний пункт этого приказа для нас очень важен, потому что позволяет пролить свет на дальнейшую судьбу коллекции из раскопок 1940 г.

Весь июль экспедиция находилась в поле, о чем свидетельствует не только дневник начальника экспедиции, но и внимание журналистов. В том же месяце в смоленской газете «Рабочий путь» появились четыре заметки, где участники раскопок рассказывали о своих открытиях (в номерах 159 от 13 июля, 163 от 18 июля, 164 от 19 июля, 169 от 25 июля). Открытость в освещении работ на этом и закончилась, а вместе с ней пропала и ясность в судьбе найденных вещей. Неизвестно, куда же отправились на хранение находки. В Смоленском музее не удалось пока обнаружить никаких организационных документов об участии в экспедиции 1940 г. Опись же находок (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1940 г. Д. 171. Л. 1–13) насчитывает примерно 2210 предметов, что сопоставимо с полноценной коллекцией любого крупного городища Смоленской области. Однако в довоенной книге поступлений (далее КП) указано, что в музей прибыли всего 18 предметов (Книга учета Смоленского областного краеведческого музея за 1940– 1946 гг. № 30001–30950. Л. 74, 75). Вот их описание, которое мы приводим дословно: «1) СОМ № 30169 19/XI 40 г. (сейчас СОМ 5488/1. — *Примеч. авт.*). Монета золотая византийского императора Александра 912–913 гг. На лицевой стороне сцена коронования императора с двумя фигурами в рост и кругом надпись. На обороте вверх ногами по отношению к лицевой стороне И. Христос, стоящий на престоле и надпись. Найдена в ЦГ Гнездова на глубине 2-х метров на участке 7/г экспедицией 1940 г. 2) СОМ № 30170 (сейчас СОМ 5488/2-18. — *Примеч. авт.*). Коллекция из археологических раскопок ЦГ в Гнёздово Смоленской области и района. Объединенная экспедиция СОГМ и Пединститута в 1940 г. июле месяце под рук. Н. В. Андреева от пединститута и Е. А. Калитиной от Смолоблмузея. 17 шт.».

Еще в КП указано, что вещи отошли историческому отделу и приняты в музей по акту № 36 от 16/XI 1940 г., опись 2/1. Сам акт не сохранился, но осталась рукописная передаточная опись. Здесь мы не будем приводить ее полностью, укажем лишь, что помимо монеты в нее вошли позолоченная подвеска (1 экз.), золотые подвески (4 экз.), золотое кольцо с бусиной (1 экз.), дирхемы (3 экз.), серебряные подвески (2 экз.), пряжка серебряная (1 экз.), цепочка серебряная (1 экз.), пуговица серебряная (1 экз.), ложка костя-

[1] За месяц до этого, 13 июня 1940 г., Н. В. Андреев защитил в Московском пединституте кандидатскую диссертацию по теме «Великий Гнёздовский могильник», где А. П. Смирнов и Н. П. Милонов выступали в качестве официальных оппонентов (материалы личного дела Н. В. Андреева).

ная (1 экз.), подвеска трапециевидная (1 экз.), фибула бронзовая (1 экз.). Набор вещей, указанный в КП, выглядит несколько странно. Он производит впечатление случайного. В нем не все вещи из погребения (о вещевом составе погребения см. далее), не все индивидуальные вещи из раскопа в целом, даже не все найденные вещи из драгоценных металлов! Больше в КП нет никаких указаний, что в музей прибыли ящики с керамикой, костями и ндивидуальными предметами. Авторы предполагают, что остальная часть коллекции поступила в пединститут. Именно из нее Н. В. Андрееву нужно было составить отчетную выставку в кабинете истории.

Начавшаяся война внесла свои коррективы. Музейную часть коллекции из раскопок 1940 г. успели эвакуировать из Смоленска в 1941 г., и она в настоящее время выставлена в экспозиции Смоленского государственного музея-заповедника. Видимо, пропала часть документации, сопровождавшей раскопки. В научном архиве ИИМК РАН отсутствуют полевые фотографии (о том, что фотосъемка велась, мы знаем из дневника раскопок). Сохраняется незначительный шанс обнаружения фотографий в Германии, так как по поручению представителя рейхскомиссариата «Остланд» археолога Карла Энгеля Е. А. Калитина делала дубликат отчета о раскопках 1940 г. в Гнёздове, но судьба этой ее работы неизвестна (ЦГАВОВУ Украины, Киев. Ф. 3676. Оп. 1. Д. 153. Л. 475). Коллекция из пединститута пропала полностью, сейчас о ее местопребывании ничего неизвестно.

Уникальная находка погребения с золотыми и серебряными вещами, сделанная на Центральном городище в Гнёздове в 1940 г., сразу привлекала к себе внимание. Этот погребальный комплекс и до настоящего времени остается едва ли не самым богатым по количеству золотых вещей из всех известных в пределах Киевской Руси. Еще во время раскопок Н. П. Милонов отправил краткий отчет в ИИМК АН СССР, адресованный М. И. Артамонову и В. В. Гольмстен, предлагая сделать доклад «не позднее как в сентябре месяце 1940 г.» (*Гиблова, Кренке*, 2024. С. 292). Информация о том, состоялся ли доклад, отсутствует, но по результатам раскопок, видимо, еще до начала Великой Отечественной войны была подготовлена статья в журнал «Краткие сообщения ИИМК» (*Андреев, Милонов*, 1945). К работе подключилась М. А. Тиханова, написавшая экспертное заключение о входившей в комплекс подвеске, сделанной из золотой монеты византийского императора Александра (*Тиханова*, 1945). Нужно отметить, что подготовка статьи к печати, видимо, проходила в Ленинграде, и авторы раскопок не принимали в ней активного участия. Во всяком случае в публикации неверно указаны инициалы Н. В. Андреева, а фамилия хранителя археологических фондов Смоленского музея Е. А. Калитиной, одной из трех руководителей проекта,

вообще отсутствует[1]. Также в публикацию не вошли две иллюстрации — прорисованные тушью изображения трех золотых и одной серебряной подвесок и фотография дирхемов и бронзовой трапециевидной подвески типа смоленских длинных курганов (последняя подвеска, возможно, не имела отношения к погребению, см. далее). Образцы этих иллюстраций каким-то образом оказались подшиты к отчету (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1940 г. Д. 170. Л. 26). Текст заметки, опубликованной в КСИИМК, опирается на отчет Н. В. Андреева, поступивший в архив ИИМК РАН (Там же. Д. 170–172).

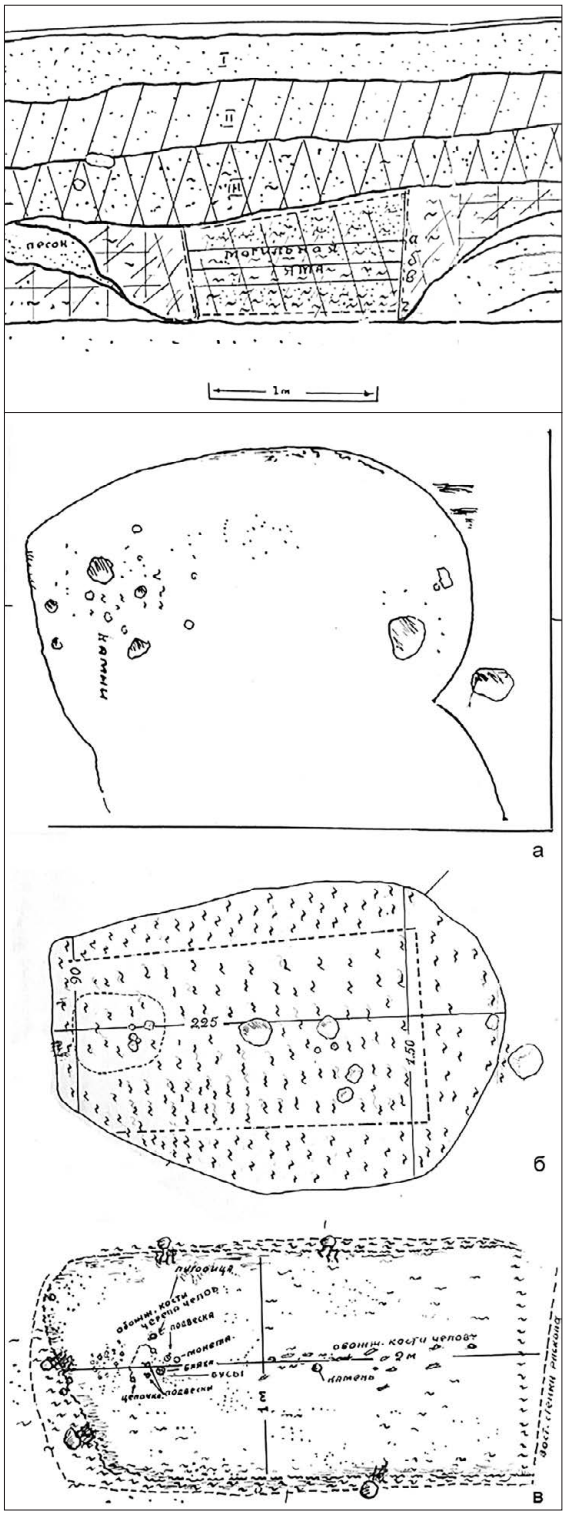
В 1996 г. золотые находки из раскопок 1940 г. Центрального гнёздовского городища экспонировались на выставке «Путь из Варяг в Греки и из Грек...» в Историческом музее в Москве (Путь из Варяг в Греки..., 1996).

Неожиданным образом раскопки 1940 г. получили свое завершение в 2008 г. Т. А. Пушкина заложила раскоп 26 вплотную к раскопу 1940 г., и в слое под дерном, в отвале 1940 г., были обнаружены еще три вещи, относившиеся к комплексу погребения, — две золотые подвески, идентичные найденным ранее, в том числе сделанная из номизмы императора Александра, и серебряная пуговица (*Пушкина и др.*, 2011). Эти новые находки затем дважды публиковались (*Пушкина и др.*, 2012; *Пушкина, Ениосова*, 2012). Причины пропуска находок в 1940 г. очевидны. Работы 1940 г. велись в очень быстром темпе, с 7 часов утра несколько рабочих и студентов снимали культурный слой лопатами сразу на глубину 30 см без ручной переборки. Лишь после обнаружения 11 июля первой золотой подвески началось просеивание грунта, о чем упомянуто в дневнике раскопок (*Гиблова, Кренке*, 2024. С. 294).

Анализ золотых украшений, найденных на Центральном городище в 1940 г., был сделан Владиславом Дучко, ведущим специалистом по шведским украшениям, выполненным в технике зерни и филиграни (*Duczko,* 2004. P. 180, 181). Его работу продолжила Н. В. Ениосова (*Ениосова*, 2007; 2015; *Eniosova*, 2007). Их статьи ценны, прежде всего, тщательным описанием морфологических и технологических особенностей изделий, подобранными европейскими аналогиями, ссылками на специальную литературу. С исчерпывающей полнотой рассмотрена одна из находок комплекса — серебряная фибула в стиле «Терслев».

Однако тему нельзя считать исчерпанной. Во-первых, в перечисленных публикациях нет анализа археологического контекста и состава комплекса и предлагаются противоречащие друг другу варианты его интерпретации: 1) погребение (*Eniosova*, 2007), 2) разрушенный курган (*Ениосова*, 2007), 3) клад (*Пушкина и др.*, 2012), уточняющая версия: клад в сожженной постройке (*Ениосова*, 2015). Во-вторых, некоторые аспекты стилистическо-искусство-

[1] Е. А. Калитина сделала все возможное для обеспечения сохранности археологических коллекций Смоленского музея в годы оккупации, но затем была обвинена в коллаборационизме (оправдана в 1954 г.).

ведческого описания украшений требуют корректировки. Этим двум сюжетам и посвящена настоящая статья. В-третьих, без должной детализации остались пока некоторые характеристики самих вещей, в частности, следы их износа. В-четвертых, в последние годы были найдены новые комплексы золотых украшений в Дании и Эстонии, которые имеют значение для нашей темы.

Первый вопрос, на который необходимо ответить, — погребение ли было раскопано на Центральном городище? Такие версии, как «разрушенный курган» или «сожжение в доме», отпадают: ни малейших следов спланированной курганной насыпи на площадке городища не было обнаружено ни в 1940 г., ни при последующих раскопках. Эта версия, видимо, восходит к ошибочным воззрениям Д. А. Авдусина образца 1953 г. (*Авдусин*, 1953), что гнёздовский могильник был кладбищем Смоленска,

Рис. 1. Центральное городище в Гнёздове по отчету 1940 г.: 1 — фрагмент профиля восточной стенки раскопа 1940 г. на участке Г, Д-10: I — песчаный слой с находками XVII в.; II — песчаный слой с находками XII в.; III — темно-серый с углями слой IX–X вв.; IV — нижний углистый слой до IX в. (а, б, в — уровни фиксации планов); 2 — планы ямы погребения на уровнях а, б, в

а поселений рядом с курганами вообще не было. Теперь критиковать эту гипотезу не имеет смысла, потому что уже давно ясно, что городище — это именно укрепленное поселение.

Сожжение в доме — версия, перекликающаяся с сюжетом известной исландской саги о Ньяле, в которой глава семьи вместе со своей женой добровольно отказались выходить из горящего и осажденного врагами дома. Ей противоречит то, что в профиле восточного борта раскопа четко зафиксирована могильная яма на участках квадратов Г, Д-10 (рис. 1). Более того, было выполнено четыре чертежа фиксации этой ямы в плане на разных уровнях, которые представлены в чертежной документации отчета (рис. 2). Дневниковые записи также подтверждают наличие ямы, внедренной в нижний слой городища.

Версию клада также приходится признать маловероятной с учетом имеющихся чертежей. Действительно, украшения из золота и серебра были сконцентрированы на относительно небольшом участке, но этот участок был в пределах большой продолговатой ямы размерами 1 × 2 м. Украшения не были сконцентрированы в одном месте, а распределялись так, как могли лежать на теле умершей — ожерелье с подвесками ближе к голове относительно круглой фибулы, лежавшей в центре груди (?) в 40 см от скопления костей черепа. Наличие самих этих костей противоречит версии клада. На чертеже, составленном для горизонта зачистки на глубине 1,4 м (чуть выше уровня находок), прослеживается сплошной слой угля и золы. Здесь же показан пунктиром какой-то контур, в пределах которого были найдены украшения, но считать этот пунктир границами ямы малых размеров все же нет достаточных оснований.

Таким образом, версия «погребение в яме» остается наиболее вероятной и соответствующей чертежной документации. Размеры ямы по дну 1 × 2 м (так на чертеже, в тексте дневника даны несколько большие — 2,45 × 1,50 м (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1940 г. Д. 170. Л. 15) при глубине около 1 м от горизонта, с которого яма была выкопана. В верхней части яма шире, судя по профилю, она плавно сужалась книзу, прорезав нижний культурный слой, в котором была зафиксирована преимущественно лепная керамика (рис. 1, *I*). Само погребение охарактеризовано авторами работ как «неполное сожжение». Детальное описание отсутствует. Яма перекрыта III культурным слоем с находками X в., то есть она не относилась к финалу «гнёздовского»[1] этапа жизни городища (рис. 2). Важно и то, что на чертеже обозначены кости черепа, рядом с которыми лежали украшения. Из дневника следует, что верх костей черепа был чуть выше горизонта залегания украшений. Кроме того, там же отмечено, что в ногах погребения был найден фрагмент амфоры

[1] Здесь подразумевается, что был еще древнерусский этап жизни поселения XII–XIII вв. и польский XVII в.

(«толстостенная красная керамика с полосатым орнаментом»[1]) и остатки зерен пшеницы — «каши» (*Гиблова, Кренке*, 2024. С. 294). Судя по дневнику, на дне ямы по периметру были прослежены обгоревшие остатки деревянного погребального сооружения (авторы раскопок колебались в его интерпретации, называя «гробом» под знаком вопроса).

Каков же состав комплекса? Неполный перечень предметов представлен в публикации 1945 г. (*Андреев, Милонов*, 1945. С. 27). Как уже отмечалось, три украшения оказались в отвале и были найдены лишь в 2008 г. Надо думать, что они лежали рядом с остальными. На чертеже в отчете 1940 г. (рис. 1, *2*, *в*) обозначены и подписаны семь находок, которые поддаются идентификации с вещами, хранящимися в коллекции: 1) «цепочка» на чертеже — это цепочка с фибулой на одном конце и завязанным колечком на другом (СОМ 5488/18); 2) «монета» — это золотая монета-подвеска (солид) императора Александра с пробитым отверстием (СОМ 5488/1), но без ушка (ушко отсутствует и на фотографии в публикации 1945 г.) (можно отметить, что отверстия в обеих монетах, найденных в 1940 и в 2008 г., были сделаны совершенно в одном и том же месте, а на лицевых сторонах присутствовало изображение императора Александра и Иисуса Христа); 3) «бляха» — это серебряная фибула в стиле «Терслев» (СОМ 5488/12), при сравнении фото 1945 г. и ее современного вида видны некоторые утраты, произошедшие за время хранения; 4) «пуговица» — серебряная полая пуговица с гроздью зерни на конце (СОМ 5488/13); 5–7) «подвески» — три подвески с ушком. Судя по дневнику раскопок, одна золотая подвеска была найдена чуть выше уровня фиксации погребения, ее, видимо, на плане нет. В музейной коллекции находятся шесть подвесок, и сравнение текста дневника с чертежом позволяет утверждать, что изображенные на чертеже три подвески — это четырехугольная подвеска (СОМ 5488/7), круглая золотая подвеска (одна из двух подвесок, украшенных тремя парными волютами, видимо, СОМ 5488/6) и «малая серебряная подвеска» (СОМ 5488/10?). Надпись «бусы» трудно сопоставить с конкретными находками. На фотопланшете из отчета (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1940 г. Д. 172. Л. 69) представлена низка бус, обозначенных «из просева» под номерами 5 и 6 (рис. 2, *8*). Видимо, это из погребения, в коллекции они не сохранились.

В дневнике при описании погребения еще упоминаются находки обрезков дирхемов.

К отчету о раскопках 1940 г. приложена полевая опись (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1940 г. Д. 171), которая начинается с наиболее ценных находок из погребения, локализованных в квадратах 6, 7-Г на глубине 1,5 м. Опись напечатана на пишущей машинке не очень грамотной машинисткой, которая писала «амфара» и «латинизированный» вместо «патинированный».

[1] В музейной описи обозначена как «амфора» под № 541, 548-е место находки, кв. 9-Г, глубина 145, 150 см.

Подписана опись Н. В. Андреевым. Судя по ней, в погребении кроме вышеупомянутых вещей были найдены пять фрагментов дирхемов, серебряная пряжка, еще одна серебряная подвеска и пластинчатая бронзовая подвеска, золотое колечко с нанизанной на него синей бусиной (представлена в публикации 1945 г., СОМ 5488/4), серебряное кольцо под номером 20. Это серебряное колечко (фибула с обломанными концами?) идентифицируется с фотографией из отчета (рис. 2, *7*). В описи имеется уточнение относительно бусин. Под номером 32 указаны бусины «из просева погребения», среди них: «6 синих, 1 зеленая, 2 желтых, 3 серых, 2 с патиной, одна пятиярусная цилиндрическая, 3 мастиковых, 2 оранжевых» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1940 г. Д. 171. Л. 3). Эти бусины опознаются на фото из отчета (рис. 2, *8*). Еще из просева погребения указан железный наконечник стрелы (№ 65), его надежная идентификация с изображениями на фотопланшетах отчета затруднена. Зато она возможна для медной подвески, указанной в описи под номером 14, место находки — кв. 7-Г, глубина 1,5 м, то есть из погребения (?). Эта подвеска изображена на фотопланшете в отчете (рис. 2, *10*). Нельзя исключить, что данная вещь относилась не к погребению, а к подстилавшему слою, в который погребение было впущено.

Важно отметить, что костяная ложка, которая в некоторых публикациях фигурирует совместно с золотыми вещами, судя по описи и первой публикации, не имела отношения к погребению: она была найдена в кв. 3-А на глубине 1,7 м. Возможно, не относилась к погребению медного сплава трапециевидная подвеска (рис. 2, *9*), принадлежащая к древностям смоленских длинных курганов. В описи она фигурирует под номером 140, найдена при просеве, но не указано, что это просев земли из погребения. Правда, в первой публикации данная подвеска перечисляется в составе вещей из погребения (*Андреев, Милонов*, 1945. С. 27).

Обломки серебряных монет, приуроченных авторами раскопок к погребению, недавно были определены и опубликованы С. Ю. Сергеевым (*Сергеев*, 2023). Оказалось, что среди этих обломков один относится к сасанидской драхме, один — ранний дирхем конца VIII — начала IX в. (точнее не определяется), три дирхема, чеканенных в 791/792, 812/813, 824/825 гг. (*Там же*).

Таким образом, вещевой комплекс погребения может быть восстановлен почти полностью с некоторыми оговорками, что допускает вероятность ошибочного включения в него некоторых вещей, лежавших просто в слое, в который погребение было впущено. Видимо, погребенная была облачена в несколько слоев одежды. Верхнюю (зимнюю?) скрепляла серебряная фибула с цепочкой и кольцом на втором конце (рис. 2, *2*). Следующий слой — накидку — скрепляла на груди серебряная фибула типа «Терслев» (рис. 2, *1*). На шее было ожерелье, включавшее бусы и шесть золотых (две из них — солиды императора Александра) и две серебряные подвески. Нижнюю одежду на груди застегивала маленькая серебряная фибула (рис. 2, *7*). Золотое колечко

Рис. 2. Металлические украшения и стеклянные бусы из раскопок 1940 г. (1–10) и 2008 г. (11) погребения на Центральном городище в Гнёздове: 1 — фибула типа «Терслев»; 2 — фибула с цепочкой и кольцом на втором конце; 3 — подвеска с зооморфным изображением; 4 — подвеска с треугольной композицией волют; 5 — подвеска с «узлом Боуэна»; 6, 11 — пуговицы; 7 — кольцо (фибула с обломанными концами?); 8 — бусы; 9, 10 — подвески. 1–7, 11 — серебро; 8 — стекло; 9, 10 — медный сплав. 9, 10 отнесены к комплексу погребения условно. Масштаб: а — для 9; б — для остальных

с бусиной (рис. 3, *6*), возможно, использовалось в ожерелье либо как серьга (височное украшение?). В ногах лежала амфора. Рядом с погребением — обломки пяти серебряных монет и две бронзовые подвески (?).

Вопрос о датировке погребения не может быть решен однозначно, но рамки не столь широки — в пределах 50 лет. Судя по монетам, погребение может относиться ко второй четверти X в. (не старше). Датировка золотых подвесок достаточно расплывчата. Прототипы известны, по крайней мере, с VI в. (*Clemmensen*, 2014). Фибулу в стиле «Терслев» на основании технологических особенностей и находки почти тождественной в одном из гнёздовских курганов (Ц-198) Н. В. Ениосова отнесла к третьей четверти X в. (*Ениосова*, 2015. С. 176). Нам трудно судить, насколько точна эта хронологическая привязка и не может ли дата быть более ранней, то есть относиться ко второй четверти X в. Хайдемари Айльбрахт, автор основополагающей работы об украшениях с зернью эпохи викингов (Eilbracht, 1999), любезно ознакомившись с иллюстрациями к данной статье, высказала предположение, что все пять золотых подвесок датируются первой половиной — серединой X в. (письмо от 16.01.2025). Стратиграфические данные показывают, что вторая – третья четверти X в. вполне приемлемы, так как погребение перекрыто «гнёздовским» слоем (рис. 1, 1).

Важно также указать, что золотые подвески могут быть разделены на две группы. Первая группа включает четырехугольную и малую округлую подвески (рис. 3, *1, 2*). У них одинаковым образом украшена дужка крепления (S-видным завитком скани, или сдвоенной перекрученной волютой). На круглой подвеске отсутствует зернь (выпала?), на квадратной — значительные утраты зерни и утраченный фрагмент в нижней части выпуклого конуса.

Три более крупные подвески (рис. 3, *3–5*) обнаруживают полное сходство между собой, но отличаются от малой круглой подвески деталями — характером расположения сдвоенных волют и оформлением дужки (у них дужку украшает вертикальный ряд шариков зерни, и по бокам у ее основания имеются два выступа, также украшенные зернью). Эти подвески почти не имеют утрат зерни[1]. Данные два варианта оформления дужек представлены также в шведском могильнике Бирка (*Arbman*, 1940. Taf. 98). Следовательно, можно предположить, что мы видим здесь два набора украшений, один из которых носили дольше. Таким образом, либо погребенная была зрелого возраста, либо владелица украшений получила их по наследству.

Отметим, В. Дучко писал про гнёздовские золотые подвески: «...сравнение форм и способов изготовления филиграни не оставляют сомнений в том, что эти подвески были изготовлены одним и тем же мастером, который сделал

[1] В музейной описи 1940 г. утраты зерни фиксировались, так что предположение об утратах в процессе хранения можно отвергнуть.

Рис. 3. Золотые украшения из раскопок погребения на Центральном городище в Гнёздове: 1–5 — подвески; 6 — кольцо с бусиной; 7а, 7б — монета-подвеска (солид императора Александра). 1–4, 6, 7а, 7б — из раскопок 1940 г.; 5 — из раскопок 2008 г.

три круглые и ромбовидные серебряные подвески из погребений Бирки № 758, 901, 1161» (*Duczko,* 2004. P. 180).

В набор украшений входит позолоченная серебряная подвеска с зооморфным изображением (рис. 2, *3*). Эта подвеска по типологии, предложенной А. С. Дементьевой, относится к редкому типу AV, варианту 1, каталожный номер 69 (*Дементьева*, 2007. С. 257). А. С. Дементьева датирует данную подвеску концом X — началом XI в. (*Там же*. С. 257), но эта дата взята из каталога выставки (Путь из Варяг в Греки..., 1996. С. 57), где аргументация отсутствует. Видимо, она слишком поздняя.

Серебряная подвеска, в центре которой изображена непрерывная замкнутая линия, расположенная так, что получается квадрат, а снаружи по

его углам — петли (рис. 2, *5*), находит аналогию в подвеске из погребения 844 могильника Бирка (*Arbman*, 1940. Taf. 99, *12*). Изображение «квадрата с петлями»[1] присутствует на готландском камне из Хаблингбо (Hablingbo), который датируется 400–600 гг. н. э. На территории Киевской Руси параллели неизвестны[2].

Множество аналогий в могильнике Бирка (*Ibid*. Taf. 123, *18*; 122, *16*) бусине, надетой на завязанное колечко (рис. 3, *6*).

Наконец, серебряная подвеска с тремя двойными волютами (рис. 2, *4*), образующими треугольную композицию, такую же, как на четырех золотых подвесках (рис. 3, *2–5*); дужка у серебряной подвески оформлена, как у малой золотой (рис. 3, *2*). Ей имеется множество аналогий в материалах эпохи викингов (*Duczko*, 1985. P. 33), прежде всего в Скандинавии и особенно в Швеции (17 экземпляров было известно к 1985 г.), в могильнике Бирка они найдены в трех погребениях (*Ibid*. P. 35). На территории Киевской Руси также обнаружены в нескольких пунктах, в том числе в большом Гнёздовском кладе 1868 г. (*Гущин*, 1936. Табл. 4, *19, 20*), могильнике Дрегли на р. Сяси (*Торопов*, 2014. Рис. 6, *5*).

Таким образом, комплекс вещей отсылает нас к Швеции, на что указывали еще В. Дучко и Н. В. Ениосова, предположившие на основе анализа деталей декора, что гнёздовские подвески и фибула в стиле «Терслев» были изготовлены ювелиром из района Средней Швеции (*Ениосова*, 2015. С. 175).

При стилистическом описании золотых подвесок Н. В. Ениосова следовала за польско-шведским археологом Владиславом Дучко (Wladiclad Duczko), который предложил свою терминологию (*Duczko*, 1985. P. 33). Эта схема описаний вполне приемлема, но ее недостатком является то, что она не показывает стилистического единства оформления подвесок[3]. В основе декоративной схемы оформления подвесок лежат волюты (спирали, завитки). Эти волюты, обычно двойные, соединены в различные композиции. Самой распространенной является соединение трех двойных волют, образующих треугольник; на втором месте по частоте встречаемости — «перекрученная инверсия» волют (S-видная форма); на третьем — простое симметричное отражение волют, когда ось симметрии расположена вертикально, а противолежащие друг другу волюты соединены вертикально же расположенной узкой петлей. В целом декоративная система филигранно-зерненных украшений гнёздовского погребения (рис. 2; 3) основана на сочетании волют. Как уже отмечалось, самый распространенный мотив — три двойные волюты,

[1] Этот символ известен также как «узел Боуэна», популярный в современной культуре скандинавских стран и Эстонии, где является логотипом для обозначения памятников культуры.

[2] Авторы благодарят А. С. Дементьеву за консультацию.

[3] Н. В. Жилина предложила называть этот стиль «завитковым», отмечая его скандинавскую принадлежность (Жилина, 2012. С. 263–265).

образующие треугольник. Эти украшения эпохи викингов непосредственно восходят к украшениям периода переселения народов или германскому железному веку. Именно такие золотые подвески были найдены в вотивном кладе в Ютландии, обнаруженном в болоте совсем недавно (*Clemmensen*, 2014).

Среди новых находок в близкой к рассматриваемому гнёздовскому комплексу (и тождественной серебряным украшениям гнёздовского клада 1868 г.) стилистике (в основе — завиток) можно привести клад золотых привесок из Эссо (Esso, Virumaa — *Tvauri*, 2012). В состав эстонского набора входила также золотая арабская монета 864/865 гг.

Таким образом, набор золотых украшений из погребения на Гнёздовском городище очень редок, но не уникален. Близкие по составу и количеству предметов комплексы встречаются. В одной из работ Н. В. Ениосова предполагала, что гнёздовский комплекс изготовлен в середине — конце X в. ювелирами, связанными с датским королевским домом (*Eniosova*, 2007. P. 140), в другой статье она указывает на ювелиров Средней Швеции (*Ениосова*, 2015). Наша компетенция недостаточна, чтобы обсуждать эти предположения.

М. А. Тиханова высказывала предположение, что набор золотых монет и украшений гнёздовского погребения мог быть как-то связан с походом Олега на Константинополь (*Тиханова*, 1945. С. 30). Вполне вероятно. Важно также отметить, что две византийские монеты-подвески 912 г. могли являться свидетельством крещения их владелицы (или владелиц!) (см.: *Мусин*, 2022).

Можно лишь утверждать определенно, что женщина, погребенная на Центральном городище, была ближайшей родственницей «самого главного» конунга этого поселения, который не поскупился на золото. Можно также обратить внимание на то, что в погребении отсутствуют «этноопределяющие» скорлупообразные фибулы, то есть погребенная не была одета в традиционную скандинавскую одежду с лямками. Наконец, богатой женщине скандинавского происхождения вряд ли был нужен местный «сувенир» — медного сплава трапециевидная подвеска, типичная для смоленских длинных курганов. Но все-таки предполагать, что погребенная была представительницей местного населения, слишком рискованно, это не позволяет уровень надежности полевой документации.

На особое общественное положение погребенной, в частности, указывает место погребения в западной, самой защищенной, части поселения. Ведь здесь, вероятно, стоял дом-резиденция, или холл[1], и место властителя, наверное, также было в самой защищенной (удаленной от напольного вала) западной части

[1] О планировке Центрального городища в Гнёздове будет возможно судить лишь после публикации материалов раскопок 1950–2000-х гг.

поселения. Причины, по которым погребение было совершено не под курганом на курганном поле, а в доме или рядом с домом, остаются неизвестными. Может быть, потому что это происходило зимой, возможны и другие причины. Однако особенно удивляться этому редкому решению не нужно, так как погребенная была, видимо, совершенно уникальным членом сообщества.

Авторы благодарят за консультации и советы А. С. Дементьеву (ИА РАН), Е. В. Каменецкую, В. Ю. Сергеева (Смоленск) и Хайдемари Айльбрахт (Берлин), Ингмара Янссона (Упсала).

Н.А. Кренке

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ГНЁЗДОВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА[1]

Решение задачи исторической интерпретации Гнёздова можно представить как попытку разгадки ребуса, имеющего три связанные друг с другом составляющие: 1) Гнёздовское поселение (два городища + неукрепленные поселения); 2) Гнёздовские курганные могильники; 3) город Смоленск. Информационная наполненность каждой из трех составляющих менялась со временем, и это влияло на решение задачи.

На раннем этапе исследования (конец XIX – начало XX в.) были сформированы три основные версии.

Первая предполагала, что Смоленск и Гнёздовское поселение существовали одновременно, и оба являлись «расщепленным» летописным Смоленском, имея различия в функциях (в Смоленске сидел «муж княжой», а Гнёздовское поселение имело значение «торгово-промышленное» (*Сизов*, 1902. С. 126.), гнёздовский могильник относился к гнёздовской части поселения. Вариант обоснования этой версии (Гнёздово – княжеский погост; Смоленск – родовой центр кривичей) был предложен много позднее Т.А. Пушкиной и В.Я. Петрухиным (*Петрухин, Пушкина,* 1979. С. 100-112).

Вторая версия предполагала, что Гнёздовское поселение и Смоленск существовали не одновременно, а в исторической последовательности – сначала Гнёздово, затем Смоленск. Могильник относился к поселению «исторического Смоленска», то есть Гнёздову (*Спицын,* 1905. С. 6-70).

Третья предполагала, что Гнёздовский могильник является кладбищем древнего Смоленска, находившегося на современном месте (*Бугославский,* 1909. С. 3-16). При этом варианте решения ребуса «лишними» оказывались Гнёздовские поселения. Идея, что начальный Смоленск занимал Соборную гору и прилегающую к ней территорию, была с конца XIX в. аксиомой для смоленских историков (*Писарев*, 1894)[2].

В первой половине XX в. преобладающей стала вторая версия решения ребуса. С версией, что Гнёздово есть «исторический Смоленск» (т.е. первоначальный), было согласно большинство ученых XX в. Среди них археологи (Л.В. Алексеев, Т. Арне, В.А. Булкин, И.И. Ляпушкин, Е.А. Шмидт) и историки (А.Н. Насонов, Е.В. Готье). В первом издании книги «Древнерусские города» эту версию поддержал и М.Н. Тихомиров (*Тихомиров,* 1948). В то же время существовала и иная точка зрения. Наиболее яркими представителями

[1] Статья опубликована в журнале «Край Смоленский», 2025. № 1. С. 42–47.

[2] Ещё ранее, в 1822 г. З.Я. Доленга-Ходаковский, привел топонимические обоснования того, что Смоленск изначально находился на том месте, где и сейчас (Ходаковский, 1844, с. 30).– прим. 2025 г.

её стали Д.А. Авдусин и М.Н. Тихомиров. Первоначально Д.А. Авдусин разделял версию Г.К. Богуславского и пытался доказать, что Гнёздовского поселения не существует, но затем, перед лицом очевидных фактов, что поселение все-таки существовало, склонился к другой интерпретации. В итоговой работе Д.А. Авдусин предположил, что начальный (летописный) Смоленск существует параллельно с Гнёздовом, но пока не найден археологически, так как в раскопах на смоленском подоле не было обнаружено материалов древнее второй половины XI в. (*Авдусин*, 1991. С. 3-20). М.Н. Тихомиров на основе сравнения исторического ландшафта Гнёздова, Смоленска, Киева также пришел к мнению, изложенному во втором издании его книги в 1956 г., что начальный Смоленск кроется где-то на смоленских горах.

Рис. 1. Деревянный кол от изгороди X в., которая ограждала усадьбу на Пятницком конце Смоленска (яма 16), по которому получена радиоуглеродная дата 1110±30 (ГИН-16083). Калиброванное значение 940-980 гг. н.э. В кабинете Н.А. Кренке

Другое направление дискурса заключалось в реконструкции этнического состава населения Гнёздовского археологического комплекса. В первую очередь давалась оценка роли в нём скандинавского компонента. Это была крайне «токсичная» для имперского мышления тема. Ведь, по определению, самая великая евразийская империя не может быть рождена кем-то «со стороны», она должна самозародиться. Именно поэтому, если для английской, германской, французской науки вопрос о роли норманнов в их ранней истории являлся, по преимуществу, академическим, то для русской науки, особенно в периоды «закручивания гаек» и захватнических войн, становился болезненно-острым, политически ангажированным. Это отразилось в острых дискуссиях сторонников М.В. Ломоносова и Г.-Ф. Миллера, возникавших в Российской академии, начиная с середины XVIII века. Ученым необходимо было для соблюдения

политической лояльности «втиснуть» неудобные факты летописи и археологии в прокрустово ложе имперских амбиций. Показательно, что после того, как Украина перестала быть частью империи, украинские ученые легко отказались от тенденциозного принижения роли скандинавов в начальной истории «державы Рюриковичей» (*Андрощук*, 2022).

Для трактовки объектов археологического комплекса Гнёздово, в материальной культуре которого скандинавские влияния проявляются ярче, чем где-либо ещё на территории Восточной Европы, эти вопросы стояли очень остро. Позитивист, далекий от политической ангажированности, чуждый всякого «норманизма», как и других «измов», Туре Арне (*Arne*, 1914; перевод: *Арне*, 2023), можно сказать, подлил масла в огонь, сделав вывод, что Гнёздово – это шведская колония, существовавшая в X в. Он исходил из сравнительного анализа инвентаря и погребального обряда курганов гнёздовского могильника и шведских памятников. При этом детального разъяснения того, что он подразумевал под словом «колония», Т. Арне не дал. Каким образом это могло согласоваться с тем, что Арне не вступал в спор с А.А. Спицыным, считавшим, что Гнёздово являлось летописным Смоленском (то есть центром племени кривичей!), оставалось непонятным.

Много лет спустя польско-шведский археолог Владислав Дучко, знаток шведских древностей эпохи викингов, развил гипотезу Т. Арне. Он писал: «Археологические остатки из Гнёздово указывают ясно, что на высоком берегу Днепра существовала скандинавская община в течение эпохи викингов... В конце IX в. первое поселение было основано на ручье Свинец. Поселение было довольно скромным до 930-х гг., когда оно начало расти, достигнув размеров в три раза больших первоначальных, одна часть была укреплена, очевидно, чтобы дать укрытие для элитной группы, контролировавшей поселение. Экспансия не была ограничена территорией вокруг маленькой речки, но простиралась на 5 км и более вдоль Днепра. К X в. группа элиты установила контакты с лидирующими группами в Свеаланде [исторический район центральной Швеции – Н.К.]. Генетические связи видны в форме могил, погребальном обряде, серии вещей, имевших четкую принадлежность к элитарной культуре Бирки Адельсо... Скандинавы, жившие и умершие здесь, сохраняли свою идентичность, в то же время приобрели новые черты, черпая различные элементы разнообразных восточноевропейских культур. Элита имела потребности в объектах материальной культуры и удовлетворяла их на месте, используя ремесленников, среди которых были датчане, шведы, жители Готланда, изготавливавшие высококачественные украшения, соответствовавшие модам скандинавских мастерских. Ремесленники даже шли далее, создавая новые образцы скандинавского искусства, наиболее востребованные среди русов... Размеры и сложная структура поселений в Гнёздово указывает на нечто гораздо большее, чем опорный пункт княжеской власти

на Среднем Днепре [автор возражает против термина погост, предложенного Т.А. Пушкиной и В.Я. Петрухиным – Н.К.]. Это был самостоятельный центр власти с укрепленным ядром для элиты, развитыми ремеслами, инфраструктурой, обслуживавшей дальние торговые связи, а также имевший хорошо развитую сельскохозяйственную основу. Мы имеем здесь своего рода смесь Бирки и Рюрикова городища с культурой, демонстрирующей свое происхождение в Свеаланде» (*Duczko*, 2004. P. 187-188).

Ещё одно магистральное направление в интерпретации Гнёздовского комплекса в XX – начале XXI в. заключалось в том, что этот памятник прочно «привязывался» к теме торговли и особенно «пути из варяг в греки». Соответственно, население Гнёздова рассматривалось, в первую очередь, как сословие воинов и купцов. По мере накопления материалов о ремесленных мастерских в археологических раскопах, к воинам и купцам добавились ремесленники. Появилась версия о торгово-ремесленном поселении (*Булкин и др.*, 1978). В.А. Булкин доказал в своей диссертации, что половозрастной состав группы погребенных в курганах людей является типичным для стационарного поселения с большим числом женщин и детей. С другой стороны, этот же исследователь видел в археологическом комплексе Гнёздово именно военно-торгово-ремесленное поселение, ориентированное на обслуживание трансъевропейского торгового пути; иных вариантов не рассматривалось (*Булкин*, 1973).

Современные российские исследователи памятника практически не ставят под сомнение версию о том, что «экономическая суть» Гнёздовского поселения заключалась в поддержании трансъевропейских контактов, считая его узловым пунктом между арабским Востоком и Византией, с одной стороны, и Прибалтикой, Скандинавией, с другой, имевшим дальние контакты с Киевом и Моравией, акцентируют на понимании этого поселения как полиэтничного (преимущественно скандинаво-славянского) раннегородского центра с развитой торгово-ремесленной составляющей (*Пушкина и др.*, 2012. С. 243-273). При таком решении вопроса об интерпретации археологического комплекса Гнёздово не остается место второму городу – Смоленску, он оказывается «лишним»; многие исследователи возвращаются к версии 2, предполагавшей последовательное существование «двух Смоленсков» (*Нефёдов*, 2012. С. 89-113).

Особняком в ряду интерпретаций стояла версия шведского археолога Ингмара Янссона о том, что Гнёздово напоминает территорию среднего шведского прихода, вероятно, здесь существовали пока не найденные аграрные поселения-сателлиты, населенные свободными бондами, ведшими земледельческое хозяйство (*Jansson*, 1997. P. 9-64). Т.А. Пушкина допускала вероятность некоторых положений этой версии, видела подтверждение ей в находках земледельческих орудий и следов пахоты под курганами, но дальнейшего развития эта интерпретация не получила.

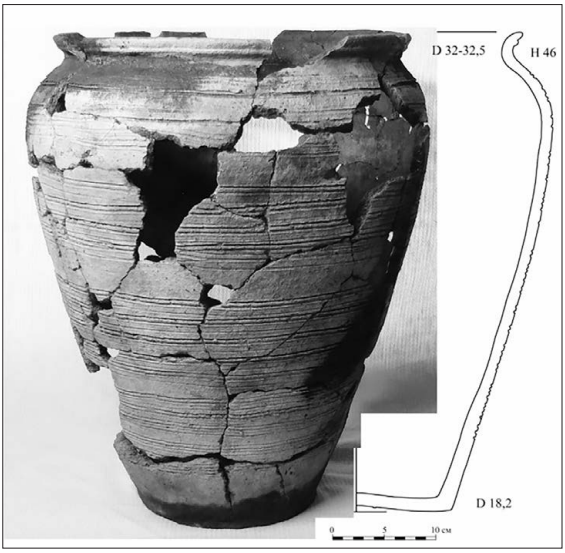

Рис. 2. Горшок конца X в. из ямы 16 в раскопе 2020 г. на Пятницком конце Смоленска

Наконец, в новейшей литературе представлена ещё одна версия решения нашего ребуса. Согласно этой версии, предложенной лингвистом-скандинаволедом Т. Джаксон, Гнёздово – это город викингов Сюрнес (Свиной мыс[1]), начало которого восходит к концу VIII в. (опорой служат лишь радиоуглеродные даты одного из раскопов в пойме Днепра возле Центрального городища), который существовал вне структуры политии Рюриковичей, но входил в некую критическую макроструктуру «мира викингов» (*Кулешов,* 2024. С. 51-54).

Принципиальное значение имели открытия на Соборной горе Смоленска, сделанные в 1939 г. (долго остававшиеся под спудом) и особенно в 2014-2022 гг. Оказалось, что вывод об отсутствии в Смоленске культурных слоев ранее второй половины XI в. был ошибочен. На Соборной горе был обнаружен культурный слой с находками V–VI вв. и особенно в большом количестве материалов VIII–IX вв. Поселение занимало всю верхнюю площадку, верхнюю и среднюю часть северного склона Соборной горы и достигало площади в несколько гектаров. По кромке верхней площадки шел оборонительный вал, датированный радиоуглеродным методом IX в. Облик керамики и вещевых находок из слоя VIII–IX вв. не оставлял сомнения в их идентичности культуре смоленско-полоцких длинных курганов, оставленных кривичами. Таким образом, в нашем ребусе летописный Смоленск, город кривичей, нашел свое место – это Соборная гора (*Кренке и др.,* 2023. С. 281-302).

Что же такое тогда Гнёздово? Почему в Смоленске на Соборной горе, если два центра (Смоленск и Гнёздово) существовали параллельно, нет или совсем мало скандинавских находок?

---

[1] Нужно отметить, что название речки Свинка/Свинец может иметь и другое происхождение, нежели перевод со скандинавского Сырнес (Свинной мыс). Вариации топонимов свинь/свень, свенск/свинск известны в близком к Гнёздову Подесенье. Можно допустить, что Свинец – это переосмысленное название Свенск, то есть «шведский»

Несколько неожиданным, но в то же время продуктивным подходом к попытке ответить на этот вопрос может быть сравнительный кросс-культурный и кросс-хронологический анализ двух поселений: известного лишь по данным археологии Гнёздова и известной по многочисленным письменным и материальным источникам шведской колонии Gammalsvenskby (Старошведское), основанной в 1782 г. на правом берегу Днепра, немного выше Херсона и дожившей до середины XX в. Истории общины Старошведского посвящена большая научная литература (*Котлярчук*, 2008. С. 306-325; *Шрадер*, 2008. С. 229-253; *Kotljarchuk A.*, 2014.; *Wawrzeniuk, Malitska*, 2014). Были опубликованы важнейшие источники для реконструкции динамики демографии и национального состава, в том числе церковные книги с записями рождений, браков и смертей (*Loit, Niberg*, 1958).

Сравнение этих данных, имеющихся в перечисленных выше письменных источниках о шведской колонии Gammalsvenskby (Старошведское), возникшей в долине Днепра в Новое время, и данных, полученных за 150 лет в ходе археологического и исторического исследования средневековых памятников Гнёздова, которое будет предложено ниже, может служить целям моделирования скрытых от нас этапов и событий культурной, демографической, экономической, этносоциальной жизни в средневековом обществе Гнёздова.

При сравнении двух шведских колоний (примем пока «авансом» для Гнёздова такую интерпретацию, предложенную Т. Арне[1] сразу бросается в глаза сходство некоторых общих параметров, а именно: численность населения, размеры освоенной территории, продолжительность существования. Рассмотрим теперь подробнее в последовательности историю двух поселений.

В августе 1781 г. 965 жителей острова Даго (свободные бонды) из-за разногласий со своим лендлордом бароном Унгерном, которого они подозревали в возможном покушении на их свободы, решают принять приглашение Екатерины II и переехать жить в Новороссию. Собрав свой скарб, включая сельскохозяйственный инвентарь, ткацкие станки и пр., они двинулись в путь, пересекли Днепр недалеко от Смоленска. Зимовали возле Полтавы и весной прибыли на отведенное им место поселения на правом берегу Днепра. Из-за эпидемии оспы, тягот пути большая часть колонистов погибла. Весной 1783 г. их осталось всего 140 человек. Но далее вал смертей прекратился, и численность группы стала очень медленно, но почти неуклонно расти. Во второй половине XIX в. численность колонистов резко пошла вверх и к 1929 г. достигла 946. Из-за сокращения численности на начальном этапе площадь земли, предоставленной колонистам, власти сократили с 86 до 20 кв. км.

[1] Д.А. Авдусин, антагонист Т. Арне, в конце жизни также пришел к выводу о том, что Гнёздово – это колония шведов, заявив об этом на заседании кафедры археологии МГУ (свидетельство В.В. Мурашевой), по в письменном виде не раскрыл причину такого крутого поворота хода своих мыслей.

В начальной истории важным событием был набег конных ногайцев, охотников за рабами в 1787 г., который шведы успешно отразили, то есть они были неплохо вооружены.

Затем важным событием был пожар 1835 г., когда сгорел почти весь хозяйственный инвентарь (в том числе прялки), в результате чего шведские колонисты отказались от традиционной домотканной одежды и перешли на покупную. Сгоревшие примитивные деревянные рала были заменены немецкими плугами с железными лемехами.

С самого начала поселения колонисты заимствовали местный тип жилища (из-за недостатка древесины), использовали глину и камень для сооружения стен, полы были земляными, лишь у самых зажиточных – дощатыми.

Огромную роль в хозяйстве стал играть рыбный промысел. Этнографы XIX в. отмечали, что рыба составляла основу рациона шведских колонистов, у каждого мужчины была лодка и сеть. На втором месте стояло скотоводство (преимущественно разводили крупный рогатый скот) и лишь затем земледелие.

Рыба (соленая и вяленая) стала товаром, поставлявшимся на рынки. Также колонисты очень преуспели в металлообработке и плотницком деле. Например, фургоны шведской работы очень ценились на Херсонщине. Нет сведений о шведском гончарстве, видимо, посуду покупали или заимствовали в обмен на другие продукты.

При такой тесной кооперации в хозяйственной сфере с окрестным пестрым полиэтничным населением (украинцы, немцы, русские, евреи, греки и пр.) сохранялась брачная изолированность шведов, заключались близкородственные браки. В результате к XX в. все население колонии насчитывало лишь 20 разных фамилий. Лишь с соседними немцами-колонистами иногда заключались браки.

В первозданной чистоте сохранялся язык. Свято хранили привезенный с острова Даго рунический календарь. Начиная с 1850-х гг., когда дела у третьего-четвертого поколения колонистов пошли на лад, активизировалась связь с былой родиной, материковой Швецией. Так же стойко население колонии держалось за свою религию – шведский вариант лютеранства.

Лидерами колонии долгое время были три поколения звонарей (они же – учителя), происходившие из одной семьи. Революцию, Гражданскую войну и голод 1921 г. шведская колония прошла без существенных потерь, но закрытие церкви в 1929 г. вызвало решительный коллективный протест и стало «триггером» принятия коллективного решения на отъезд. Получив разрешение от Советского правительства, 880 человек, сев на два парохода, вышли в Черное море и через Румынию и Европу вернулись в Швецию. Однако не все релоканты прижились на старой родине. Примерно 200 человек выразили желание вернуться обратно в степную Украину. Этому очень способствовала советская пропаганда. В результате в 1931-1932 гг. произошло возвращение

нескольких семей, был образован Красношведский колхоз. Однако далее наступил трагический 1937 год, 46 человек были расстреляны по ложному политическому обвинению.

Рис. 3. Фибула типа «терслев» из раскопок Пятницкого конца Смоленска (по: Пронин Г.Н., Соболь В.Е. Древний Смоленск. Археология Пятницкого конца. Вып. 2. М.: ИА РАН, 2020)

В 1941–1943 гг. при немецкой оккупации шведам был присвоен статус фольксдойче, их эвакуировали в Германию, откуда в 1945 г. женщин и стариков отправили в статусе «спецконтингента» в республику Коми, а мужчин, служивших в вермахте, – в лагеря. В 1947 г. женщинам удалось добиться возвращения в Старошведское. Там их ждало привезенное из других областей Украины украинское население, во много раз превосходившее по численности. В итоге, к началу XXI в. произошло исчезновение шведской колонии, растворение её потомков в местном населении.

Посмотрим теперь на историю населения археологического комплекса Гнёздово, как рисуют ее нам археологические источники. Подсчеты, произведенные В.А. Булкиным (*Булкин*, 1973) и Т.А. Пушкиной (*Пушкина и др.,* 2012. С. 243-273), показывают существенную диспропорцию в количестве курганных комплексов «раннего» и «позднего» Гнёздова. Комплексы второй половины X в. существенно преобладают по численности над более ранними. Оценка численности населения Гнёздова в период расцвета – 800-1000 человек (*Ениосова и др.,* 2012. С. 182). То есть общая динамика численности и размеры группы сходны с параметрами Старошведского.

Вопрос о том, как датировать «начало» Гнёздова, остро дискутировался. Постепенно среди исследователей Гнёздовского комплекса по мере углубления анализа материалов растет число сторонников версии, обоснованной В.А. Булкиным (*Булкин,* 1973), что начало надо относить к IX в. (*Кулешов и др.*, 2021. С. 188-202), может быть, второй половине – последней четверти – концу IX в. (*Каинов*, 2014. С. 34-46; *Пушкина и др.,* 2012. С. 243-273) (см. также материалы конференции 2024 г. в ГИМ, посвященной 150-летию изучения памятника). Верхняя планка существования Гнёздова ранее определялась началом XI в. Раскопки в районе Ольшанского и Центрального городищ выявили комплексы XI и XII–XIII вв. Однако эти материалы не имеют сходства

по составу находок с комплексами X в., в них нет ничего скандинавского, они типичны для культуры древнерусского Смоленска. Таким образом, длительность существования Гнёздова в период бытования там особой «гнёздовской» культуры с ярко представленным скандинавским компонентом ограничивается периодом в 150 лет.

Территория Гнёздовского комплекса памятников имеет размеры 5х2 км (минимально).

Относительно хозяйства Гнёздова получены данные по костным останкам животных. В них на первом месте кости крупного рогатого скота (*Добровольская*, 2018. С. 394; *Кириллова*, 2007. С. 118-129). Кости рыб не собраны или не сохранились. Зато обнаружены детали лодок в пойменной части поселения вблизи русла Днепра, что может указывать на развитие рыболовства.

В социальной структуре Гнёздова и Старошведского, конечно, есть различия. В Гнёздове представлены погребения знатных воинов, возможно, участников походов на Византию. Однако интерпретация всех погребений с мечами, как «дружинников», уязвима. Как мы видели, большинство крестьян Старошведского также были вооружены, как, впрочем, судя по сагам, были вооружены поголовно копьями, мечами и луком бонды Исландии периода викингов.

Для комплекса материальной культуры Гнёздова характерно сочетание следующих черт: 1) сохранение технологических скандинавских традиций вплоть до конца X в.; 2) наличие вполне заметного количества изделий и заготовок, характерных для местной культуры кривичей (работа на местный рынок?); 3) полное доминирование керамики, изготовленной в славянских традициях; 4) многочисленные свидетельства наличия развитой «индустрии» металлообработки, ювелирного дела и многих других ремесел.

Вышеперечисленные признаки обнаруживают сходство с культурой Старошведского и, соответственно, допускают, что они сложились в результате типологически сходных процессов – прихода на новые земли группы шведских поселенцев, включившихся в разнообразные хозяйственные связи с местным населением, но одновременно не слившихся с ним, сохранивших свои хозяйственные и поведенческие особенности, язык, религию и брачный круг. В случае принятия гипотезы о сходстве двух колоний, нужно признать и то, что главная суть их существования заключалась в том, чтобы обеспечить себя за счет местных ресурсов. Обилие монетных находок в Гнёздове, особенно фрагментов дирхемов, может указывать на развитие денежных отношений внутри общины. Это совсем не исключает того, что некоторые члены общины участвовали в дальних путешествиях. Судя по исландским сагам, путешествия в дальние страны были почти «обязательной нормой» в процессе становления личности мужчины, претендовавшего на лидерство.

В момент политического кризиса, вызванного, например, насильственной сменой религии, группа шведов могла принять коллективное решение о возвращении на историческую родину. Собственно говоря, версию, что финал языческого Гнёздова обусловило принятие христианства на Руси, предлагал еще В.И. Сизов. Здесь надо особенно подчеркнуть, что жители Даго и затем Старошведского много раз (документировано, начиная с XVII в.) демонстрировали способность к коллективным решениям и миграциям на основе этих решений. То есть такое поведение типично для шведов.

Таким образом, если трактовать Гнёздовский комплекс памятников как шведскую колонию, то мы получим непротиворечивое решение ребуса, о котором сказано в начале статьи. Смоленск на Соборной горе развивался в VIII–IX вв. как центральное поселение кривичей. В конце IX в., может быть в 882 г., возле Смоленска была расселена группа призванных шведов (или шведов и кривичей, участников похода Олега, о чем сообщает летопись) для освоения вновь приобретенных князем земель. Ведь в летописной статье про поход Олега сказано, что он оставил мужи свои после того, как «прия Смоленск», но не сказано, что оставил именно в Смоленске. Гнёздово постепенно набирает силу в X в., а поселение на Соборной горе хиреет в этот период. Видимо, эти процессы были взаимосвязаны. Во второй половине X в. население Гнёздова растет, помимо Центрального поселения возникают новые поселения и соответствующие им могильники (Днепровская, Ольшанская, Заольшанская группы). Одновременно на рубеже X/XI вв. в Смоленске на Соборной горе, на устье Пятницкого ручья, на Рачевке также прослеживаются следы поселений, видимо, имевших слабый контакт с преимущественно скандинавским Гнёздовом. Для обоснования этой даты важны результаты радиоуглеродного датирования остатков изгородей и деревян-

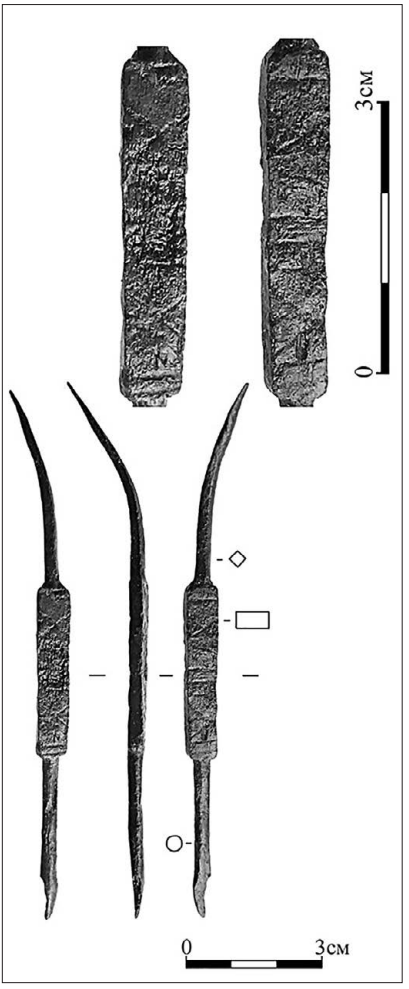

Рис. 4. Лучковое железное сверло с орнаментом в виде крестиков и горизонтальных полосок из раскопок на ул. Песочной в Смоленске 2023 г., аналогичное находкам в Гнёздове. Реставратор М.В. Лавриков

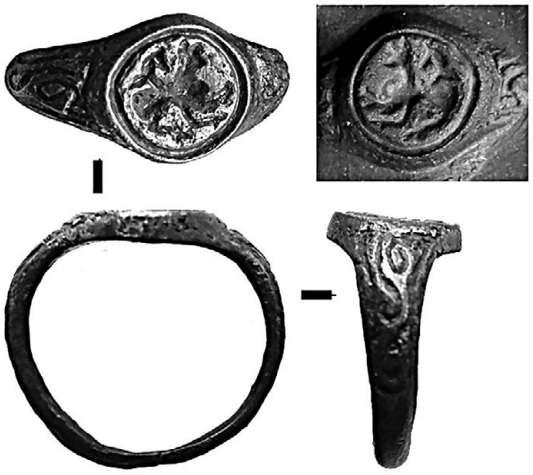
ных уличных настилов из раскопа 2020 г. на улице Большая Краснофлотская в Смоленске на устье Пятницкого ручья (рис. 1), а также набор керамики из ям, углубленных в материк (рис. 2). Из скандинавских/ европейских находок в Смоленске можно указать лишь три: круглую фибулу X в. типа терслев из раскопа на Пятницком конце (*Пронин, Соболь,* 2020), стеклянную гемму группы Alsengemmen, найденную в раскопе у подножия Соборной горы (*Даркевич*, 1965. С. 38-39), и лучковое сверло, найденное в раскопе на ул. Песочной (рис. 3, 4).

Три аналогичных сверла с «руноподобными» знаками (предположение Н.В. Ениосовой) были найдены в Гнёздове (*Ениосова, Розанова*, 2021. С. 100-115; *Сизов*, 1902. С. 97).

Можно предположить, что примерно на рубеже X/XI вв. шведские колонисты Гнёздова принимают решение сохранить приверженность старой религии и избежать христианизации и/или вступают в конфликт с киевской властью. В итоге принимают решение уехать. Поселение Гнёздова пустеет, курганы остаются немыми свидетелями прошлого, а Смоленск, как губка, впитывает новых мигрантов, но теперь уже с южных окраин Смоленской земли, из Чернигова. Заселяется, в первую очередь, старый город на возвышенном берегу Днепра.

Предложенная схема, хотя она и несколько непривычна, но находит объяснение «гнёздовским загадкам» (как могли сосуществовать два центра рядом, как соотносятся славянская и скандинавская составляющие населения, куда исчез скандинавский компонент в XI в., как археология соотносится с летописным текстом). Конечно, предложенный вариант последовательности событий может рассматриваться лишь как модель, которая должна сравниваться с другими интерпретациями.

IV. ДРЕВНЕРУССКИЙ СМОЛЕНСК XI–XIV ВВ.

И.Н. Ершов, Н.А. Кренке,
Т.Ю. Муренцева, О.М. Олейников, В.А. Раева

ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ПО АРХЕОЛОГИИ СМОЛЕНСКА VIII–XIII ВВ.[1]

В статье анализируются материалы составленного авторами каталога раскопов в Смоленске, включающего и данные раскопок последних двух лет (2014, 2015 гг.). Составлены карты на несколько хронологических срезов. Наиболее ранние материалы по Смоленску датируются в интервале VIII – первая половина X в. Находки этого времени сконцентрированы на Соборной горе, но встречены и на соседних с ней участках. Это открытие – существенный аргумент для возвращения к спорному вопросу о локализации древнейшего Смоленска. Карты, составленные для XI и XII–XIII вв., демонстрируют то, как росла городская территория.

Ключевые слова: древнерусский Смоленск, Соборная гора, культурный слой, лепная керамика культуры смоленских длинных курганов, планиграфия, каталог археологических исследований.

Цель настоящей статьи – описать накопленную с 1900 г. (Неклюдов, Писарев, 1901) источниковую базу по археологии Смоленска и оценить ее репрезентативность. Без выполнения этой работы невозможно продвигаться далее в решении основной задачи смоленской городской археологии, которая заключается в том, чтобы выявить и картировать компоненты поселенческой структуры в динамике их развития, начиная с возникновения поселения, а также определить специфику материальной культуры именно этого города.

Важным итогом в изучении древнерусского Смоленска стали три кандидатские диссертации: Е.В. Каменецкой (1977), Н.В. Сапожникова (1983) и Н.И. Асташовой (1986), написанные в рамках работы Смоленской археологической экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова под руководством проф. Д.А. Авдусина и дочерних экспедиций Государственного Исторического музея, Центральных научно-реставрационных проектных мастерских. Большое научное значение имел труд Н.В. Сапожникова по определению границ и мощности культурного слоя Смоленска. Исследование велось по новаторской для тех лет методике с привлечением большого количества данных геологического бурения и с учетом всех сведений, полученных при археологических работах. Итогом стал план масштаба 1:2000, на котором нанесены все археологические раскопы и шурфы, а в экспликации даны их важнейшие характеристики (Сапожников, 1993а, б).

За последние 20 лет накопилось значительное количество новых материалов, так как новостроечная археология в Смоленске получила развитие

[1] Статья опубликована в журнале «Российская археология», 2017. № 1. С. 64–80.

именно с 1990-х годов. Раскопанные площади за эти годы увеличились более чем в 2 раза (табл. 1).

Табл. 1. Площади раскопок в Смоленске и некоторых других городах (данные Е.А. Яковлевой, С.И. Милованова, О.М. Олейникова, И.Ю. Стрикалова, А.Н. Хохлова)

Виды раскопов	Смоленск (1951–2015 гг.)	Тверь	Псков	Новгород	Владимир	Старая Рязань
Наблюдения	6000 м²	100000 м²	Нет данных	Нет данных	Нет данных	Нет данных
Раскопы на памятниках архитектуры	7000 м²	300000 м²	135000 м²	Нет данных	Нет данных	
Раскопы, изучившие культурный слой города	13000 м²			45000 м²	30000 м²	20000 м²
Всего	26000 м²	400000 м²	135000 м²	45000 м²	30000 м²	20000 м²

Если взглянуть на эту таблицу, то видно, что Смоленск отстает с большим отрывом от таких абсолютных лидеров, как Тверь, Псков, Новгород, но приближается к Владимиру и Старой Рязани. Составленный нами каталог археологических исследований в Смоленске, начиная с 1951 г. (год начала планомерных раскопок Смоленской экспедиции МГУ им. М.В. Ломоносова под руководством Д.А. Авдусина), насчитывает 177 позиций («объектов»), которые отражены на карте (рис. 1). Понятие «объекта» в городской археологии имеет некоторую условность. Городские раскопы фигурируют в каталоге, как правило, под отдельными номерами, а шурфы и незначительные раскопы, сконцентрированные на одном дворовладении или возле одного памятника архитектуры, учитывались как «подпункты» с буквенным обозначением на одном «объекте». Нужно отметить, что в 1951–1990 гг. раскопы в Смоленске имели сплошную последовательную нумерацию с сокращенным буквенным обозначением, отсылающим к улице или месту раскопок (например, Согор – Соборная гора, Соб – ул. Соболева, СтМ – ул. Старо-Московская и т.д.), но эта традиция прервалась на номере 19. После этого сплошная нумерация прекратилась, раскопы стали получать обозначение по адресам (иногда существовал порядковый номер, но лишь в пределах определенного адреса) и по годам раскопок.

Более 30 исследователей получали открытые листы на археологические работы в Смоленске начиная с 1951 г. Результаты их труда отображены более чем в 200 томах архивной документации (архив ИА РАН).

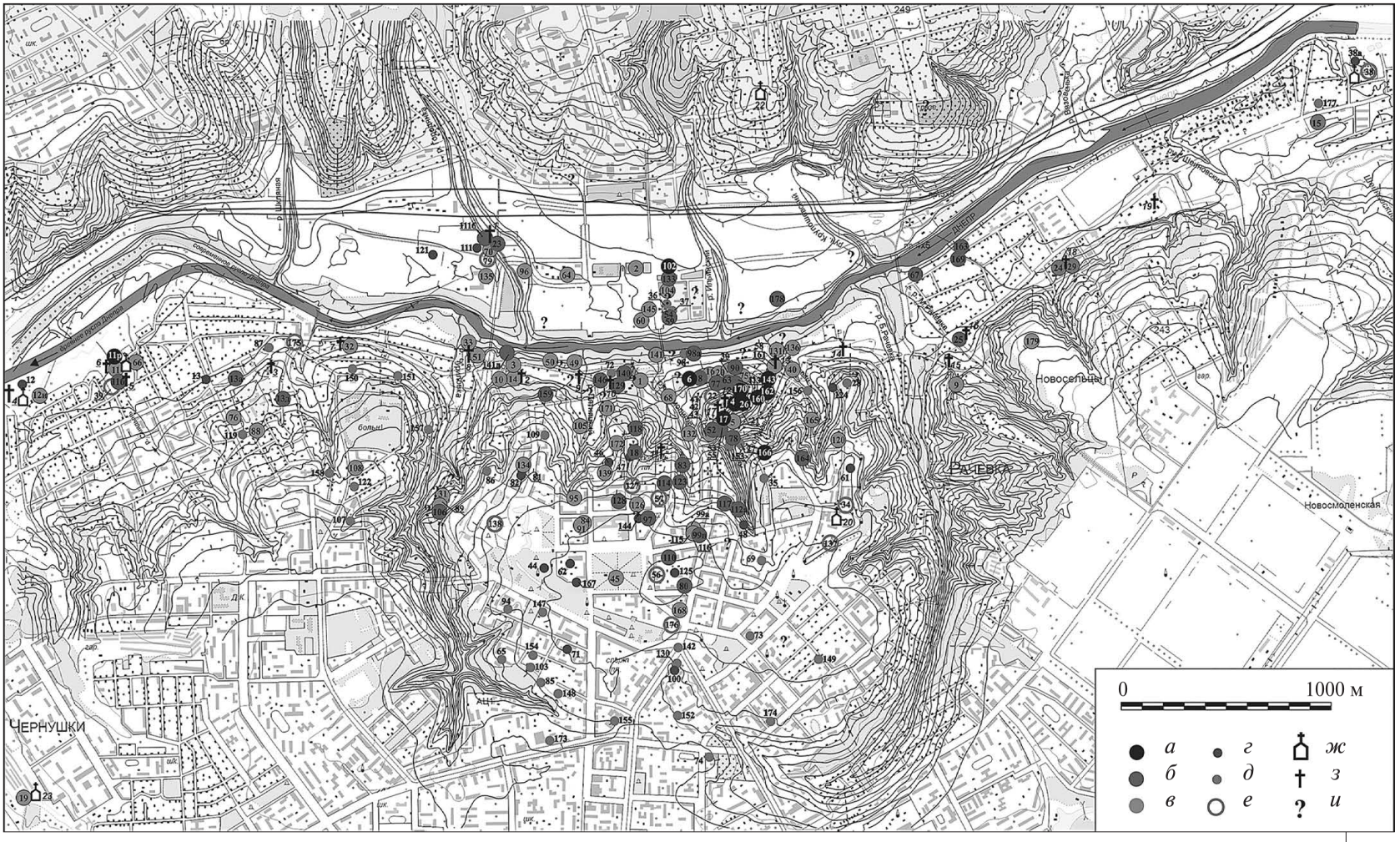
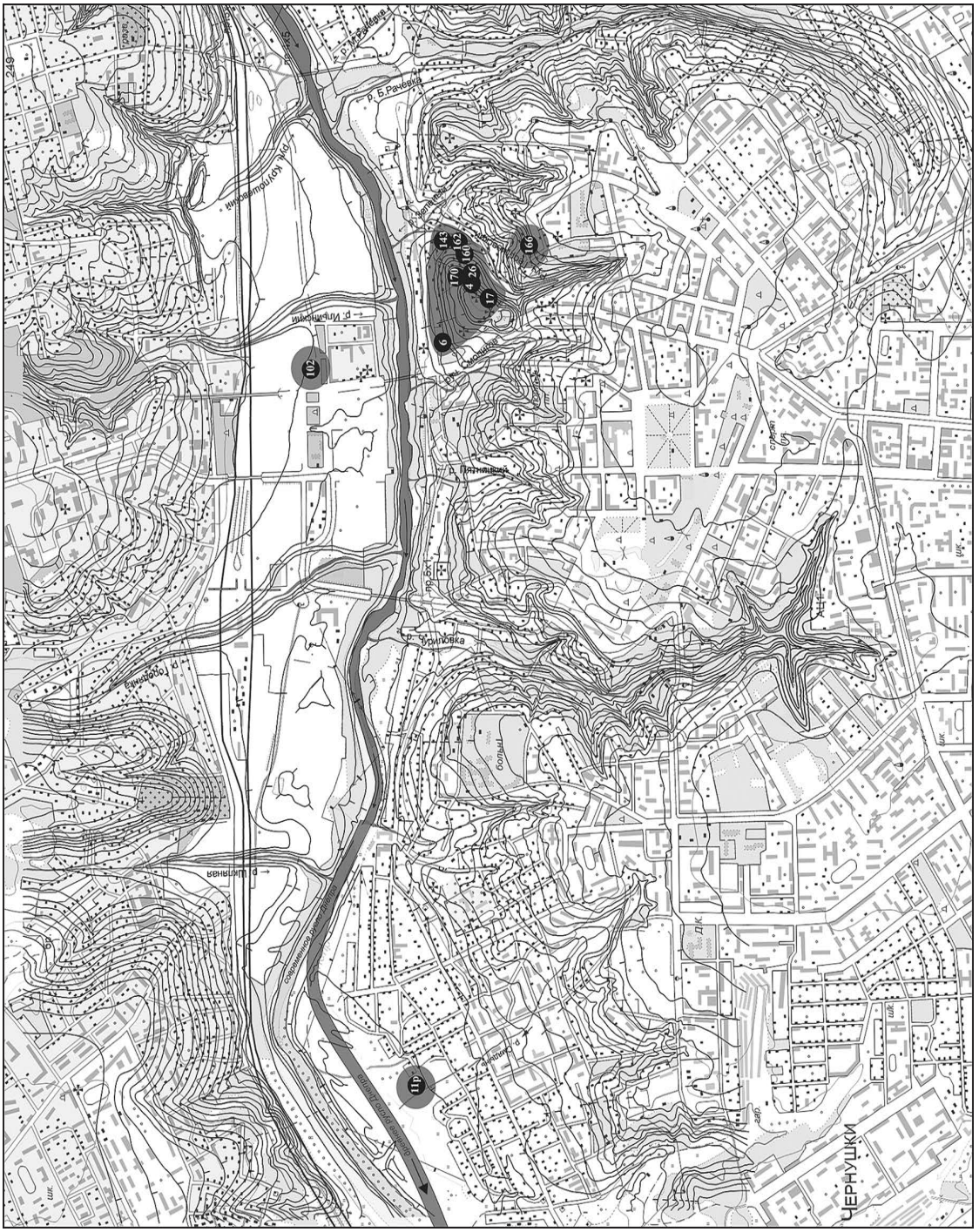
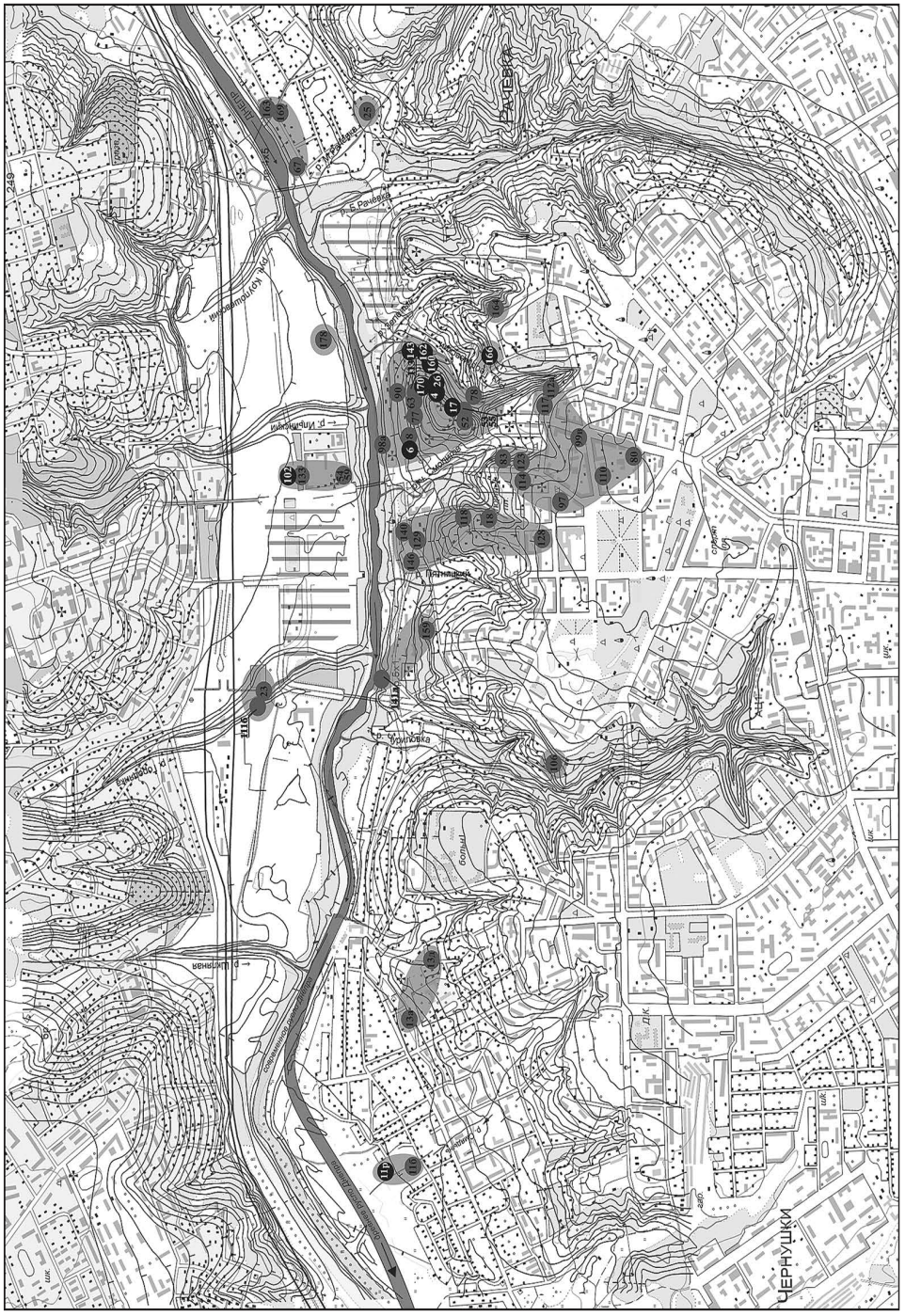

Новосельцы
Новосмоленская
Чернушки
0
1000 м
а
б
в
г
д
е
ж
з
и

Рис. 1. Карта археологических раскопов 1951–2015 гг. в Смоленске. 1 – наблюдение, ул. Войкова/Студенческая; 2 – наблюдения, ул. Кашена; 3 – наблюдение, ул. Б. Краснофлотская; 4 – раскоп Соб-1, Соборная гора; 5 – раскоп Соб-2 у Успенского собора; 6 – раскоп УС-3, ул. Соболева; 7 – раскоп Студ-4, ул. Студенческая; 8 – раскоп УС-5, у раскопа УС-3; 9 – раскопки церкви в Перекопном пер.; 10 – раскопки ротонды; 11 – Смядынь, шурф 1; 11б – Смядынь, шурф 3; 12 – Кловка, шурфы; 13 – шурф 20, угол М. Краснофлотской и 2-го Краснофлотского пер.; 13а, д – шурфы 21, 25, у Свирской церкви; 14 – шурфы у ц. Иоанна Богослова; 15 – раскопки собора на Протоке; 16 – раскоп УС-8, на южной стороне ул. Соболева; 17 – раскопки церкви на Соборной горе; 18 – раскопки Воскресенской церкви; 19 – Спасский храм на Чернушках; 20 – раскоп УС-9, у раскопа УС-8; 21 – траншея 1, у Успенского собора; 22 – раскоп, на Соборной горе; 23 – шурфы у ц. Петра и Павла; 24 – траншеи на Окопном кладбище; 25 – траншеи на М. Рачевке; 26 – раскоп СОГОР-10, на Соборной горе; 27 – шурф на Соборной горе; 28 – шурфы у Покровской церкви; 29 – ямы кирпичеобжигательных печей у Окопной церкви; 30 – раскоп УС-11, прирезка к УС-9; 31 – разведки кирпичеобжигательной печи, ул. Пушкина, 47; 32 – шурф, ул. Б. Краснофлотская, 41–43; 33 – раскопки церкви на Чуриловке; 34 – шурф 1 в Авраамьевом монастыре; 35 – траншея у Спасской церкви; 36 – траншея у Нижне-Никольской церкви; 37 – шурф у Нижне-Никольской церкви; 38 – шурф у Духова монастыря; 38а – раскопки собора Духова монастыря; 39 – обследование у Борисоглебской церкви на Смядыни; 40 – шурфы, ул. Соболева, Красный ручей, ул. Тимирязева; 41 – раскоп СОГОР-12; 42 – раскоп СОГОР-13; 43 – раскоп СОГОР-14; 44 – раскоп вала у Копытецких ворот; 45 – шурф 1, Блонье; 46 – шурф 1, ул. Ногина; 47 – шурф, ул. Войкова, 9; 48 – шурф, ул. Ленина, 23/8, 25; 49 – шурф БКФ-14, ул. Б. Краснофлотская, 3–5; 50 – шурф БКФ-15, ул. Б. Краснофлотская, у д.11; 51 – шурф БКФ-16, ул. Б. Краснофлотская, у д.4; 52 – раскоп СОГОР-17; 53 – шурф в южной части Соборной горы; 54 – раскоп СтМ-18, у Нижне-Никольской церкви; 55 – шурф 1, у ц. Иоанна Предтечи; 56 – шурф 1, у здания бывш. Дворянского собрания; 57 – шурф, ул. Коненкова, 9; 58 – обследование церкви на ул. Школьная, 2; 59 – раскоп СтМ-19, примыкает к СтМ-18; 60 – шурф 1, у Заднепровского рынка; 61 – шурф 15, к юго-западу от башни Орел; 62 – раскоп, ул. Ленина, 4; 63 – раскоп УМ–I, ул. Металлистов, 8; 64 – наблюдения, ул. Кашена, около д.10; 65 – наблюдения близ д.27 по ул. Дохтурова; 66 – раскоп, к западу от д.12 по 3-му Краснофлотскому пер.; 67 – наблюдение, наб. Горького, 1а; 68 – раскоп, к югу от д.2 по ул. Б. Советская; 69 – наблюдения на ул. Маршала Жукова; 70 – наблюдения на ул. Кашена, у ц. Петра и Павла; 71 – раскопки на ул. 2-й Красноармейской слободы; 72 – шурф В-Г-Д-Е, ул. Б. Краснофлотская, 1а; 73 – шурф на ул. Герцена; 74 – разведочные работы на ул. Урицкого; 75 – шурф по ул. Металлистов, 16; 76 – шурф, 2-й Краснофлотский пер., 27; 77 – раскоп, ул. Металлистов, 8; 78 – раскоп, ул. Красный Ручей, 6а; 79 – шурф 1 по ул. Кашена; 80 – раскоп по ул. Б. Советская/Б. Коммунистическая; 81, 82 – надзор, ул. Бакунина, 12; 83 – шурф, ул. Коненкова, 16; 84 – шурф 1, ул. Пржевальского-Октябрьской революции; 85 – шурф 1, ул. Дохтурова, 15а; 86 – шурф 1, ул. Красина, 26а; 87 – шурф 1, ул. М. Краснофлотская, 1; 88 – шурф 1, ул. Парковая, 3; 89 – шурф, ул. Пушкина, 51; 90 – раскоп, ул. Соболева/Металлистов; 91 – раскоп 1, ул. Ногина (Октябрьской революции)/Пржевальского; 92 – раскоп, ул. Кашена; 93 – шурф 1, ул. Ленина, 15; 94 – шурф 1, ул. 2-й линии Красноармейской слободы; 95 – раскоп, ул. Пржевальского, 6а; 96 – раскоп, ул. Желябова-Кашена, 11а; 97 – шурф 1, ул. Пржевальского, 1; 98 – траншея у Надвратной Одигитриевской церкви; 98а – шурф у Надвратной Одигитриевской церкви; 99 – шурф 1, ул. Ленина, 15; 99а – шурф 2, ул. Ленина, 15; 99в – раскоп 1, у д.13 по ул. Ленина; 100 – раскоп 1, ул. Гагарина, 1; 101 – раскоп 1, ул. Желябова-Кашена, 11а; 102 – шурф, ул. Новоленинградская, 11; 103 – раскоп, ул. Дохтурова, 20; 104 – шурф, у д.10 по ул. Беляева; 105 – раскоп, ул. Воровского, 12а; 106 – раскоп, ул. Пушкина, 53; 107 – шурф 1, ул. 2-я Вяземская, 1б; 108 – шурф, на 1-м Краснофлотском пер.; 109 – раскоп 1, ул. Бакунина, 5; 110 – раскоп, ул. Ленина, 8а; 111 – траншея 1, ул. Кашена, 14; 111б – раскоп 1, ул. Кашена, 14; 112а – траншея 2, у д.2/19 по ул. Б. Советская; 113 – раскоп, ул. Металлистов, 14; 114 – раскоп, ул. Коненкова, 11а; 115 – наблюдения, ул. Ленина, 13а, 15; 116 – наблюдение, ул. Ленина, 15; 117 – наблюдение, ул. Докучаева, 11а; 118 – наблюдение, по ул. Парижской Коммуны; 119 – раскоп 1, ул. Парковая, 29; 120 – раскоп, ул. Тимирязева, 34; 121 – шурфы, ул. Кашена, 15б; 122 – раскопы, ул. Вяземская, 3, 7, 27; 123 – наблюдение, ул. Коненкова, 14; 124 – раскоп, ул. Тимирязева, 16; 125 – раскоп, ул. Коммунистическая, 5а; 126 – раскоп, ул. Пржевальского, 2; 127 – наблюдение, ул. Войкова, 4; 128 – раскоп, ул. Войкова, 4; 129 – раскоп, ул. Студенческая, 7; 130 – шурфы, пр-т Гагарина, 1; 131б – траншея 3, ул. Соболева, 5; 132 – раскоп 1, ул. Парижской Коммуны, 4; 133 – раскоп, ул. Беляева, 10; 134 – раскоп, ул. Бакунина, 12; 135 – наблюдение, ул. Кашена, 13; 136 – шурф у Костеревской башни; 137 – шурф 1 у Ворониной башни; 138 – шурф в бастионе; 139 – раскоп, ул. Ногина, 29; 140 – раскоп 3, набережная р. Днепр; 141 – наблюдения по ул. Б. Советская; 141д – траншея 1, у моста, по ул. Дзержинского; 142 – наблюдение, пл. Победы; 143 – раскоп, ул. М. Школьная, 6; 144 – наблюдение, ул. Пржевальского, 3; 145 – раскоп, ул. Беляева, 3; 146 – раскоп, ул. Б. Краснофлотская, 1, 3; 147 – раскоп, ул. Дзержинского, 15а; 148 – раскоп, ул. Дохтурова, 7, 7а, 9, 11; 149 – шурф, ул. 8 марта; 150 – шурф, Больничный пер., 5; 151

– наблюдение, Больничный пер., 15; 152 – раскоп, б-р Гагарина, 8; 153 – шурф, ул. Красный ручей, 2; 154 – раскоп, ул. 3-я линия Красноармейской свободы, 19; 155 – шурф, пр. Гагарина, 10/2; 156 – шурф, ул. Фурманова, 9; 157 – шурф, ул. Пионерская, 36; 158 – наблюдения, ул. Нарвский тупик, 9–11; 159 – раскоп и шурф, ул. Бакунина, 2; 160 – шурф и траншея, ул. Школьная, 7а; 161 – раскоп, ул. М. Школьная, 2; 162 – ул. М. Школьная, 5; 163 – шурф, наб. Горького, 26; 164 – шурф, ул. Фурманова, 33; 165 – шурф, ул. Фурманова, 19; 166 – шурф, ул. Реввоенсовета, 2; 167 – шурф, ул. Октябрьской революции, 8а; 168 – наблюдения, ул. Б. Советская, 30/11; 169а – шурф 2, наб. Горького, 24, 170 – шурфы, ул. Школьная, 20; 171 – раскоп, ул. Ногина, 3; 172 – шурф, ул. Ногина, 18а; 173 – траншея, ул. Николаева, 12а, 14а; 174 – раскоп, ул. Твардовского, 1а; 175 – шурф ул. Б. Краснофлотская, 69; 176 – наблюдения, пл. Победы; 177 – траншея, ул. Шеина, 1–20; 178 – наблюдения, ул. Ново-Московская, 2/8; 179 – раскоп, Новосельцы. *Список церквей XII–XIII вв.* Сохранившиеся храмы: 1 – ц. Св. апостолов Петра и Павла; 2 – ц. Св. Иоанна Богослова; 3 – ц. Св. Архангела Михаила; церкви, сохранившиеся в руинах в толще культурного слоя: 4 – собор Троицкого монастыря на Кловке; 5 – ц. Бориса и Глеба на Смядыни; 6 – ц. Василия на Смядыни; 7 – ц. на ул. Б. Краснофлотская (ц. Св. Козьмы и Демьяна?); 8 – церковь в устье р. Чуриловка (ц. Св. Кирилла?); 9 – церковь на западном берегу Пятницкого ручья (Пятницкая?); 10 – церковь на восточном берегу Пятницкого ручья (Пятницкая?); 11 – церковь на Воскресенской горе; 12 – бесстолпный храм в детинце; 13 – церковь на углу ул. Школьная и Соболева (Лазаревская?); 14 – церковь на месте позднейшей ц. Св. Духа; 15 – церковь в Перекопном переулке; 16 – церковь на Малой Рачевке; 17 – Успенский собор на Соборной горе (полностью утрачен); 18 – храм на Окопном кладбище; 19 – храм на Протоке; 20 – Авраамиевский (Богородицкий) монастырь; 21 – Духов монастырь; 22 – Печерский монастырь; 23 – монастырь в Чернушках. Условные обозначения (как и масштаб – здесь и далее на рис. 2–4): *а* – лепная керамика VIII – первой половины X в.; *б* – керамика середины X – XI в.; *в*-керамика XII–XIII вв.; *г* – керамика XIV–XVII вв.; *д* – керамика XVIII–XX вв.; *е* – нет материала или нет сведений; *ж* – монастырь; *з* – храм; *и* – предполагаемое место расположения храма

Рис. 2. Карта археологических раскопов в Смоленске, где была найдена лепная керамика VIII–X вв. Ареалы серого цвета отмечают вероятные зоны поселений/концентрации хозяйственной активности.

ЧЕРНУШКИ
Современная граница города
Ур.Ст.
Ур.Ст.
Ур.Ст.

Рачевка
Чернушки
Ул. Рачевка
Ул. Кутузовская
Ул. Рыбацкая
Ул. Ленинская
Ул. Ломоносова
Ул. Кашена
Ул. Тенишева
Ул. Ново-Киевская
Ул. Ново-Киевский мост
Ул. Ново-Киевский мост
Ул. Ново-Киевский мост

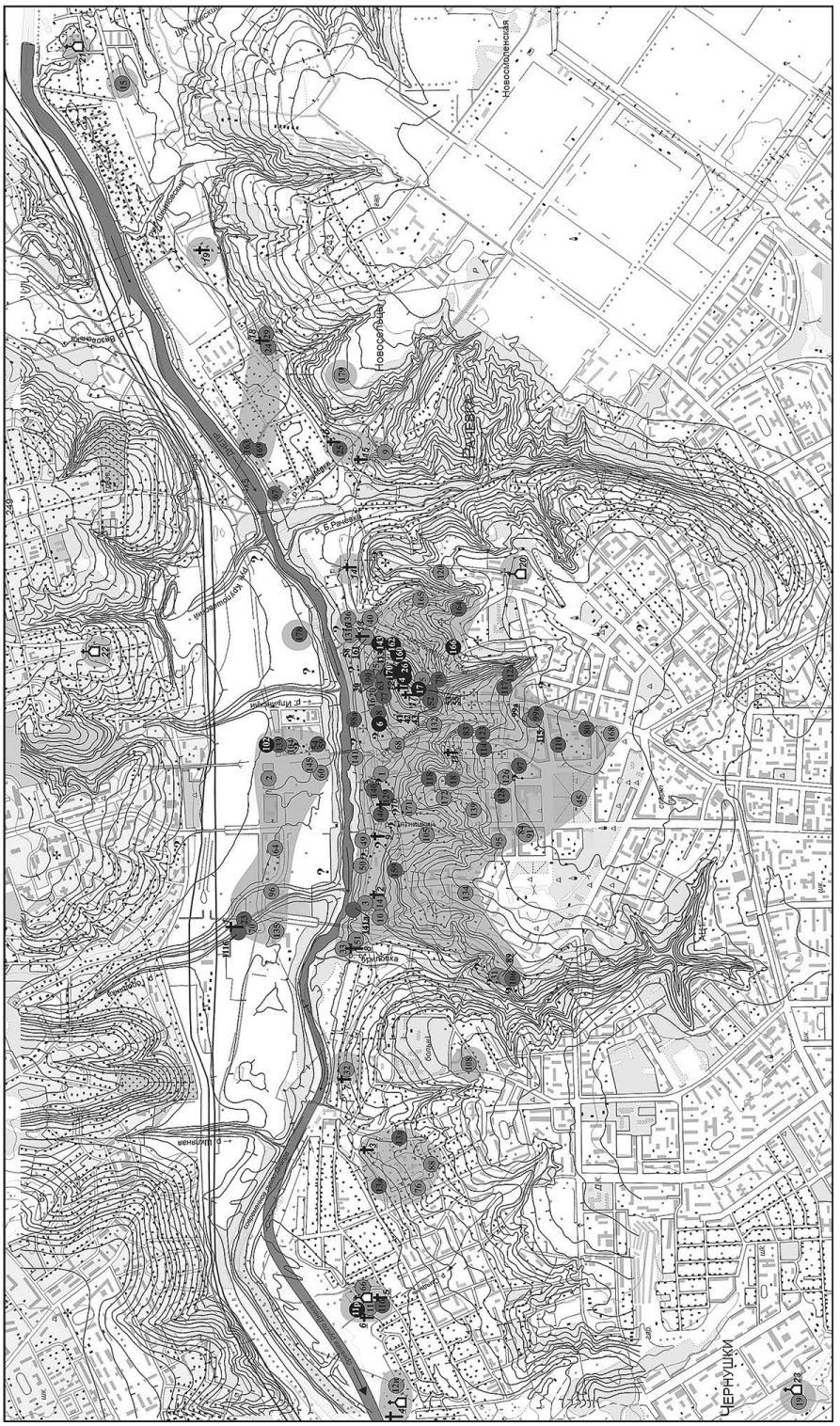

Рис. 4. Карта археологических раскопов в Смоленске, откуда происходят находки XII–XIII вв. Серым цветом обозначены вероятные ареалы культурного слоя этого времени

При первом взгляде на карту раскопов в Смоленске (рис. 1) создается впечатление, что его территория изучена очень полно, однако оно отчасти обманчиво. Нужно учитывать два аспекта. Во-первых, площадь раскопов с наиболее информативным «мокрым» культурным слоем в городе едва ли превышает 6000 м^2. Второй аспект заключается в том, что большое количество раскопок велось в рамках охранных мероприятий (наблюдения и незначительные шурфовки) на малозначимых участках. «Молодость» смоленской археологии подтверждают высокие темпы прирастания новой существенной информации за последние два года (2014 и 2015) работы Смоленской экспедиции ИА РАН, которую представляют авторы статьи. В эти сезоны закладывались разведочные шурфы как охранного, так и научного характера. В результате, в частности, подвергнут сомнению тезис, бывший много лет одним из «устоев» смоленской археологии, о том, что в городе нет слоев древнее конца XI в. В черте города давно были известны памятники эпохи неолита, находки бронзового века, городища раннего железного века и эпохи переселения народов, но в данном случае речь идет именно о средневековом поселении.

К сожалению, работы последних 20 лет в Смоленске почти не сопровождались дендрохронологическими исследованиями. В архиве лаборатории естественнонаучных методов в археологии ИА РАН имеется информация о 323 дендродатах (Карпухин и др., 2015). Из них лишь 17 получены из шурфа 2004 г. на ул. Соболева (раскопки О.М. Олейникова), все остальные – из раскопов Д.А. Авдусина 1960-х годов[1]. В итоге на сегодняшний день все дендродаты происходят с одного компактного участка города – раскопов на ул. Соболева – и отражают историю освоения именно этого участка (древнейшая дендродата относится к 1121 г.)[2].

Если говорить об узко датированных археологических находках, то в первую очередь следует остановиться на печатях и монетах.

Число печатей из Смоленска, датировка и место находки которых достоверно определены, – невелико. Пунктов находок – пять. Первый – на ул. Ленина (Пушкинская), 15. Здесь найдены печать Давида Святославича (до 1094 г.) и византийская печать XI в. (Гайдуков, Янин, 2007. С. 145; Олейников, 2014. Рис. 8). Второй пункт – Пятницкий конец Смоленска. В раскопах на ул. Студенческая были найдены печати кн. Феодосии (определение П.Г. Гайдукова), жены кн. Давида Святославича (в 1073 и 1095 гг. княжил в Новгороде, в 1095 и 1096 гг. – в Смоленске, в 1097–1123 гг. – в Чернигове),

[1] Всю информацию о дендрохронологических исследованиях в Смоленске авторы получили от А.А. Карпухина, за что выражают ему искреннюю признательность.

[2] Н.В. Жилина (Мясникова) приводит иную наиболее раннюю датировку – 60-е годы XI в. по раскопу 11 на ул. Соболева (Мясникова, 1980. С. 248). В сводку А.А. Карпухина эти данные не вошли. С учетом данных Н.В. Жилиной для Смоленска имеется более 500 дендродат.

Игнатия (1205 г.), епископа Смоленского (Пронин, Соболь, 2015. Рис. 44), Владимира Мономаха, конца XI – начала XII в. (Янин, 1970. С. 188). Третий пункт – Борисоглебский монастырь на Смядыни, где были найдены печать кн. Вячеслава Ярославича, княжившего в Смоленске в 1054–1057 гг. (Янин, 1954), Ратибора – конец XI – начало XII в. (Янин, Гайдуков, 1998. Рис. 68). Четвертый пункт – район Троицкого монастыря на Кловке, где были найдены две печати середины XIII в. кн. Ростислава Мстиславича (Янин, Гайдуков, 1998. Рис. 219а). Пятый пункт – участок правого берега Днепра напротив Рачевки. Здесь найдена вторая печать княгини Феодосии (1095–1096 гг.) без точной привязки к местности (Янин, Гайдуков, 2002. Рис. 5). Печать кн. Игоря Ярославича (1057– 1060 гг.) найдена в конце 1920-х годов на правом берегу Днепра при строительстве моста (не вполне ясно какого), вероятно, напротив ц. Иоанна Богослова (Янин, 1970. С. 172).

Приведенные данные о находках печатей, безусловно, не полные. Существовал ряд старых находок печатей (точной атрибуции нет) на Свирской ул., о которых известно из публикации И.И. Орловского (2011. С. 82). Имеются сведения о некоторых новых случайных находках, они требуют дополнительной проверки.

Ранние монеты – дирхемы VIII–X вв. и денарии XI в., найдены в центральной и восточной частях исторического центра города. Один дирхем VIII в. – на Резницкой ул. (Авдусин, 1991. С. 8; Марков, 1910. С. 45, № 254). Фрагмент дирхема середины X в. – на северном склоне Соборной горы в 2005 г. (Ершов и др., 2015. Рис. 1). Наконец, во дворе д.53 на ул. Соболева на Рачевке обнаружен крупный денежно-вещевой клад, наиболее поздние монеты которого – европейские денарии середины–второй половины XI в. (Галанов, 2016. С. 19).

Нельзя обойти молчанием уникальную находку из переотложенного слоя у подножия Соборной горы – стеклянную гемму, так называемую *Alsengemmen*, которая датируется IX–X вв., иногда встречается в более поздних комплексах XI в. (Даркевич, 1965).

Важнейший инструмент хронологических определений, который использовался в настоящее работе, – керамика, обнаруженная во всех раскопах. Основы хронологического определения древнерусской керамики Смоленска имеются в упомянутой выше работе Е.В. Каменецкой (1977). Позднесредневековая керамика Смоленска была изучена Т.В. Сергиной (2004). Однако работы последних лет внесли существенные дополнения, опирающиеся и на узко датированные комплексы, которые служат «эталонами», например комплекс керамики из ювелирной мастерской конца XI в. на р. Малая Рачевка (раскопки 2015 г.). В результате, учитывая главным образом находки керамики (датирующие индивидуальные находки также брались в расчет), при обработке отчетов материал делился на хронологические группы, что

нашло отражение на картах (рис. 2–4). На сводной карте раскопов обозначение значка, определяющее датировку объекта, ставилось с учетом данных о наиболее ранних находках.

Выделены шесть хронологических групп: 1) VIII – начала X в. (лепная керамика типа культуры смоленских длинных курганов); 2) раннекруговая керамика середины X – середины XI в.; 3) керамика второй половины XI в., преимущественно белоглиняная с изящным сложным вогнуто-выгнутым профилем венчика; 4) керамика XII–XIII вв., в том числе «типично смоленская» – S-видного профиля, орнаментированная «ожерельем» из насечек по плечику; 5) керамика XIV–XVII вв. (наряду с кухонной и столовой посудой учитывали и изразцы); 6) керамика XVIII–XX вв. Некоторые образцы «эталонов», использовавшихся при хронологической атрибуции вскрытых раскопками слоев, представлены на рис. 5–7.

Поселения VIII – первой половины X в. на месте Смоленска. Максимальная концентрация находок этого времени приходится на Соборную гору, а точнее на ее северо-восточный склон. Кроме того, достоверные находки лепной керамики, сходной с керамикой культуры смоленских длинных курганов, зафиксированы на левом берегу Днепра в основании мыса, на котором стоит Георгиевская церковь, – с востока от Соборной горы (пер. Реввоенсовета), и на правом берегу Днепра в районе восточнее Колхозной площади близ берега Ильинского ручья (Ершов и др., 2015). Фрагменты стенок лепных сосудов, вероятно, относящихся к культуре длинных курганов, найдены также на Смядыни при раскопках Васильевского храма в 2015 г. и на берегу Днепра между устьями Рачевки и Малой Рачевки. На Соборной горе шлейф находок лепной керамики тянется вниз до подошвы склона, но достоверно определить происхождение этих находок пока невозможно.

На верхнем уступе северо-восточного склона горы, на трассе Малой Школьной ул. возле д.20 в шурфах был зафиксирован в двух местах культурный слой и пахотный горизонт с находками лепной керамики в бороздах, 14-гранных стеклянных бусин голубого цвета, темно-синего бисера (Кренке и др., 2015). Особенно примечательна находка трапециевидной бронзовой привески с тремя рядами штампованных точек в нижней части (рис. 5, *17*). Аналогичные подвески найдены в курганах VIII–IX вв. у д. Акатово (Шмидт, 1962. Рис. 6), Цурковки (Шмидт, 1958. Рис. 3). Как находки, так и керамика из горизонта нижнего культурного слоя на Соборной горе типичны для культуры смоленских длинных курганов (Енуков, 1990; Шмидт, 2012, 2013). Датировка этих находок может быть принята лишь в широких рамках хронологии культуры в целом: VIII – первая половина X в. Необходимо подчеркнуть, что этот временной интервал отражает именно «разрешающие возможности археологического датирования». Авторы не настаивают, что поселение на Соборной горе возникло в VIII в.

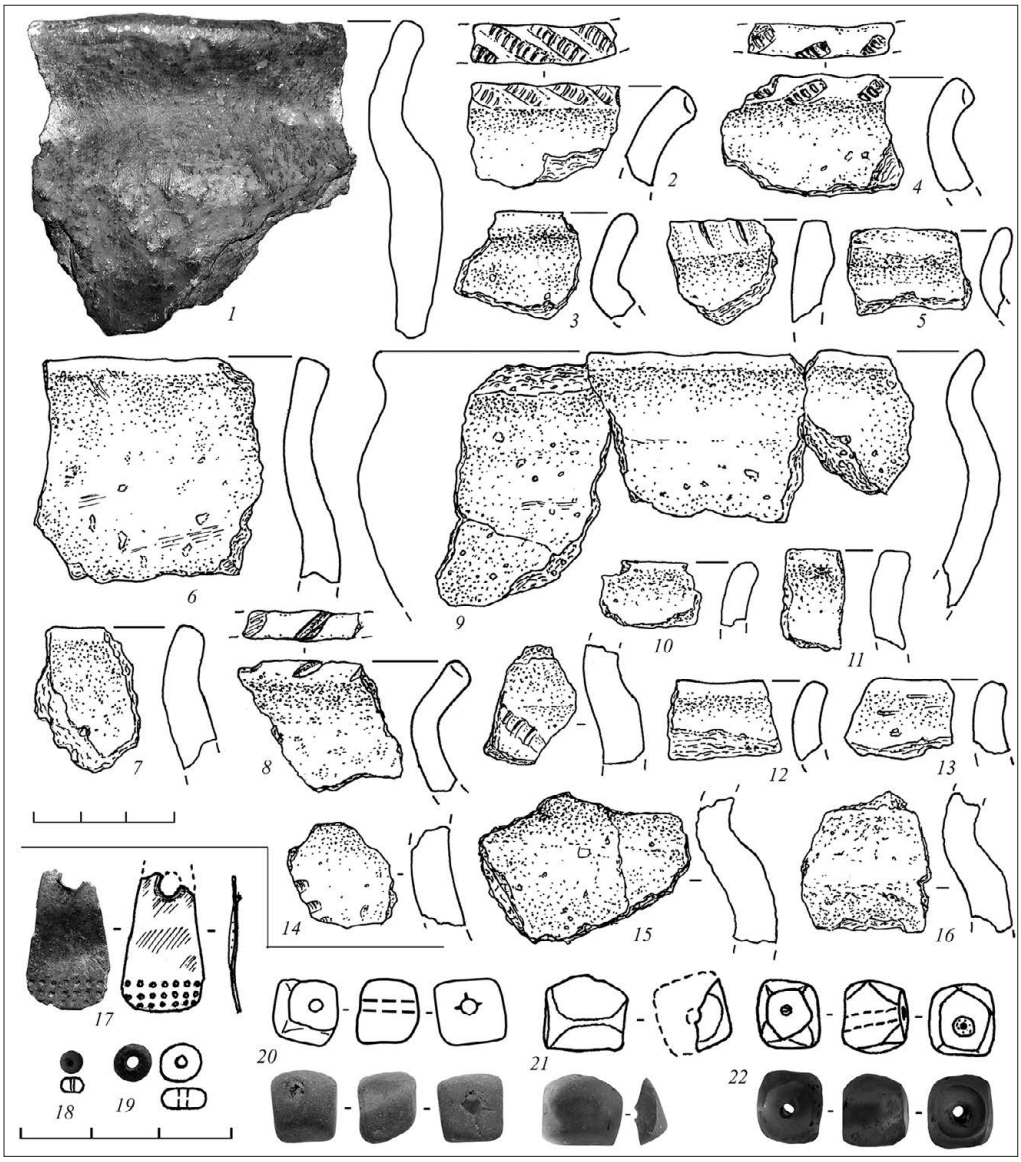

Рис. 5. Находки VIII–X вв. с Соборной горы Смоленска. 1 – из раскопа Д.А. Авдусина 1951 г (Согор-2); 2–21 – из шурфов на Школьной ул., 7а и 20 (2014 и 2015 гг.); 22 – из раскопа Н.В. Сапожникова на ул. Металлистов, 8 (1993 г.). 1–16 – керамика; 17 – бронза; 18–22 – стекло.

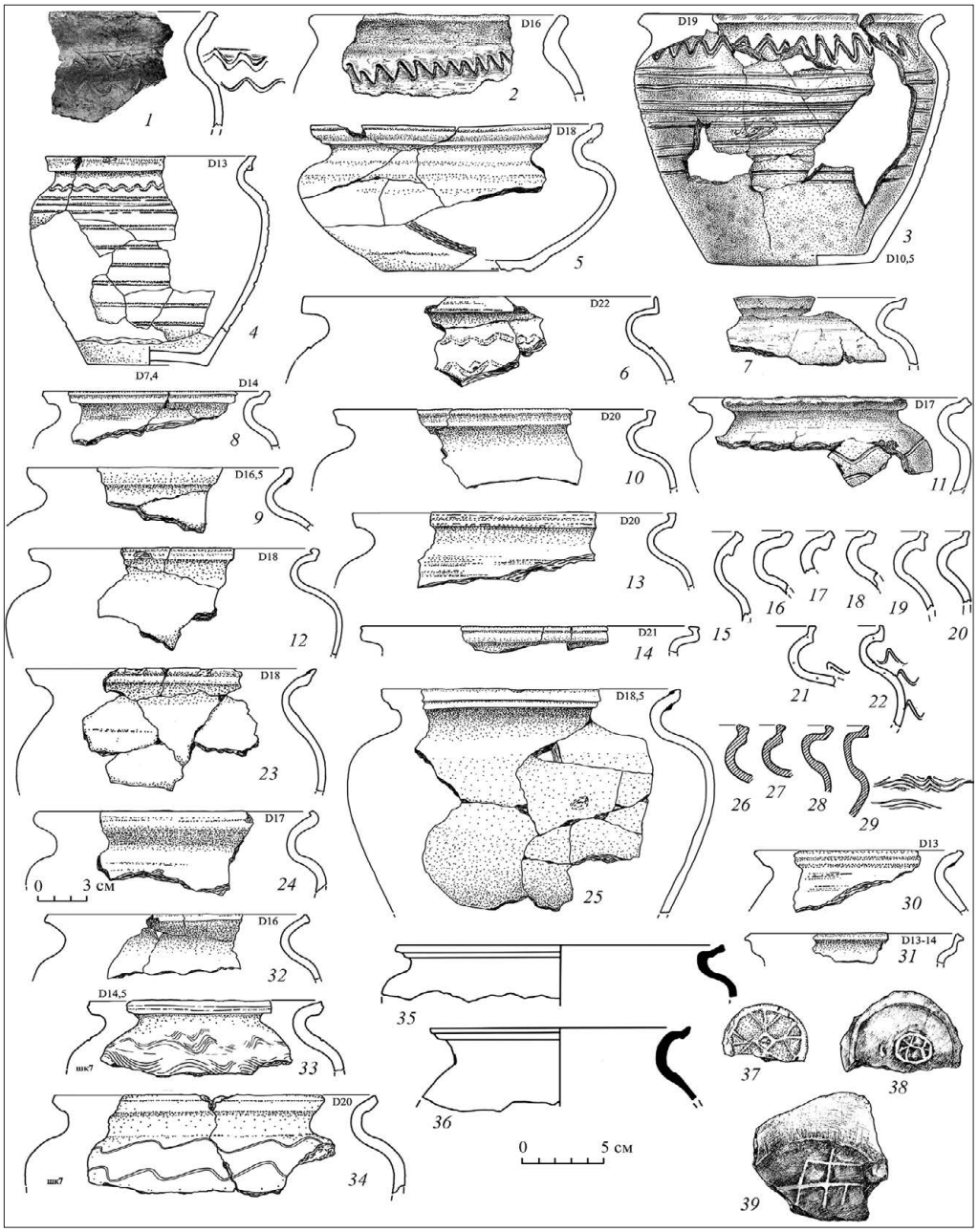

Рис. 6. Керамика второй половины X – XI в. из раскопок в Смоленске. Ранние находки – в верхнем ряду рисунка. 1 – ул. Кашена, 14 (раскопки О.М. Олейникова, 2005); 2 – ул. Металлистов, 14 (раскопки О.М. Олейникова, 2005); 3, 7, 11 – Смядынь (раскопки И.Н. Ершова, 2014); 4–6, 8–10, 12–14, 23–25, 30–32, 37 – наб. Горького, 24 (раскопки Н.А. Кренке, 2015); 15–20 – ул. Коненкова, 11а (раскопки О.М. Олейникова, 2006); 33, 34 – Школьная ул., 7а (раскопки И.Н. Ершова, 2014); 21, 22 – ул. Ленина, 15 (раскопки О.М. Олейникова, 2004); 26–29, 38, 39 – ул. Металлистов, 8 (раскопки Н.В. Сапожникова, 1992); 35, 36 – ул. Студенческая (по: Пронин, Соболь, 2015).

Табл. 2. Результаты радиоуглеродного датирования кольев частокола из шурфа 2014 г. (ул. Малая Школьная, 7а)

Дата	Индекс	Материал	Калиброванное значение
1050±30	(SPb-1513)	Дерево	977–1012 гг. (вероятность 68.2%)
1065±35	(SPb-1512)	Дерево	966–1019 гг. (вероятность 58.3%)

Примечание. Анализы выполнены в лаборатории (под руководством М.А. Кульковой) Педагогического ин-та им. Герцена в Санкт-Петербурге.

Сохранность древнейшего культурного слоя была обеспечена его положением под телом насыпи из материкового грунта (о ней см. далее). Зафиксированная площадь древнейшего поселения на уступе склона Соборной горы равняется приблизительно 2 га. Нахождение селитебного участка и полевых борозд рядом с ним – типичная ситуация не только для VIII–X вв. Наличие на Соборной горе огородов отмечается уже в уставной грамоте Ростислава Смоленского в 1136 г. («и на горе огород с капустником и с женою и с детми»), есть они на склонах горы и сейчас.

Предположение о том, что на вершине Соборной горы находилось укрепленное поселение – городище, было детально рассмотрено еще А.Н. Лявданским (1926. С. 205–209). К сожалению, конкретные археологические доказательства наличия на вершине холма укреплений тогда отсутствовали, не появились они и теперь. Сейчас можно лишь предполагать, что верхняя площадка горы была занята поселением. На это указывают находки из шурфа 1926 г. возле колокольни собора. Крупный фрагмент горшка, найденный там, судя по фотографии, относится к культуре смоленских длинных курганов (Лявданский, 1926. Табл. XII, *3*).

Резюмируя данные по древнейшему периоду, можно отметить, что информация о поселении (поселениях) VIII–X вв. в центре Смоленска существенно увеличилась сравнительно со временем написания обобщающей работы Д.А. Авдусина (1991). Главное, что доказан сам факт наличия этих поселений. Вопросы об их размерах и хронологии, наличии или отсутствии укреплений будут уточняться в дальнейшем.

Период второй половины X – первой половины XI в. – наиболее темный в археологии Смоленска. Раннекруговой керамики гнездовского типа найдено крайне мало. Наиболее показательные находки происходят из шурфа 2014 г. в пойме под Васильевским храмом на Смядыни, но это, видимо, не совсем Смоленск. Единичные фрагменты есть на склоне Соборной горы из

раскопок О.М. Олейникова на ул. Металлистов, 14 (рис. 6, *2*). Интересен тип горшков с высоким горлом, часто орнаментированным волной. Они выглядят архаично («полулепные»), волна, как правило, неровная (рис. 6, *1*). Два целых таких горшка найдены Г.Н. Прониным на набережной Днепра в 70 м выше по течению от западного городского моста, напротив ц. Иоанна Богослова. На Соборной горе (ул. Школьная, 5) также найдены сходные высокогорлые горшки. По аналогиям с находками из курганов Туринщины они могут датироваться серединой XI в. (Шмидт, 2001). Нельзя не учитывать и результаты радиоуглеродного датирования углубленного в материк частокола на участке ул. Школьная, 7а. Две даты, полученные по кольям из этого шурфа, указывают на рубеж X–XI вв. (табл. 2).

Сам факт наличия усадебного частокола весьма многозначен. Такие ограды типичны для плотной городской застройки.

На сегодняшний день находок раннекруговой керамики в Смоленске заметно меньше, чем лепной, тем не менее, их разброс также довольно значительный. Остается открытым вопрос о том, что происходило с поселением на месте Смоленска в это время – стагнация, сокращение, увеличение?

Смоленск второй половины XI в. представлен весьма значительным материалом. Это уже, несомненно, именно город Смоленск, на что указывают и письменные, и археологические источники. Пятна культурного слоя, содержащие находки XI в., образуют обширное скопление протяженностью более 2 км вдоль русла Днепра и около 1.5 км в меридиональном направлении по обоим берегам (рис. 3). Вероятно некоторые из изолированных пятен, отмеченные на карте, сомкнутся со временем в единые ареалы, так как пока остаются слабоизученные участки на правобережье и участок между устьями Зеленого ручья и речкой Рачевка. Главным археологическим указателем на XI в. является массовый материал – керамика. К сожалению, пока нет ясных критериев для дробной хронологии керамики. Смоленская керамика этого времени имеет явные параллели в керамических комплексах более южных областей Киевской Руси. Для нее типичны сложноизогнутые венчики с остаточными манжетами, белоглиняное тесто с примесью дресвы (рис. 6). Эта керамика существенно отличается от посуды раннегнездовского типа X в. и от более поздней местной XII в. При первом знакомстве с материалом создается впечатление, что в смоленский регион переместились пришлые высококвалифицированные мастера-керамисты.

Судя по имеющимся данным, в XI в. происходил стремительный рост поселения, площадь которого увеличилась многократно. В шурфах 2015 г. на северном склоне Соборной горы (ул. Школьная, 20) зафиксированы остатки насыпи второй половины XI в., сделанной из материкового грунта (максимальная зафиксированная мощность насыпи 1.2 м). Достоверная характеристика этого сооружения будет возможна лишь после дальнейших работ.

Рис. 7. Керамика XII в. из раскопок в Смоленске (в верхней части таблицы – более ранняя керамика). 1, 3, 4, 8–10, 15, 17, 18, 20, 21, 23–25, 29, 30 – ул. Бакунина (2014 г.); 2, 5–7, 11–14, 16, 19, 22, 26–28 – ул. М. Школьная, 7а (2014 г.).

Вполне вероятно, что это остатки древнейшего земляного вала, опоясывавшего Соборную гору с севера. В теле насыпи не найден ни один фрагмент плинфы, а только единично лепная керамика VIII–X вв. и круговая XI в. описанного выше типа. Можно заключить, что насыпь была создана до летописной даты начала каменного строительства на горе (1101 г.).

При обозрении обширных площадей, занятых культурным слоем с находками XI в., с неизбежностью возникают вопросы, на которые пока нет ответов. Первый – где могильники этого населения? Примеры Пскова и Чернигова, где удалось выявить древнейшие городские некрополи, показывают, что их следует искать в ближайшей периферии поселения. Для Смоленска наиболее перспективными представляются участки между внешними контурами культурного слоя XI в. и естественной границей, образованной протекающими по глубоким оврагам речками Чуриловка и Рачевка, почти смыкающимися в своих истоках.

Второй вопрос, связанный с первым, – где располагались церкви XI в.? То, что население города XI в. (в особенности второй половины столетия) было христианским, не подлежит сомнению. Весьма показательна в этом отношении продукция ювелирной мастерской, открытой на берегу Малой Рачевки. В ней производились нательные кресты, являющиеся дериватами форм византийских крестов X – начала XI в. Наложение карты церквей XII в. на археологическую карту города XI в. (рис. 1) показывает, что ранние церкви XII в. точно попадают в пятна культурного слоя XI в.

Смоленск XII – начала XIII в. (рис. 4). Площадь городской застройки увеличивается примерно в 2 раза сравнительно с предшествующим столетием. Этот период маркируется такими массовыми находками, как стеклянные браслеты, обломки плинф и амфор, местной бытовой керамикой характерного S-видного профиля. Материалы этого времени зафиксированы более чем в 90 раскопах и шурфах на территории города. Ареалы культурного слоя XII–XIII вв. образуют два больших сплошных пятна на обоих берегах Днепра.

Как уже отмечалось выше, для керамики XII– XIII вв. (рис. 7) характерна орнаментация в виде ожерелья из насечек по плечику. Тип сырья иной, нежели у керамики XI в. В XII в., используются ожелезненные глины, имеющие после обжига темно-серый цвет. Характерны примеси песка в тесте. Для керамики этого времени не типично наличие клейма на днище, что было характерно для XI в. По-видимому, формируется свое смоленское керамическое производство, хотя гончарная слобода древнерусского Смоленска пока не найдена (перспективный район поисков возле ц. Богородицы гончарской в Пятницком конце). Смоленская керамика найдена в курганах ближней округи города, например в поздних курганах могильника Туринщина (Шмидт, 2001. Табл. IX), датированных автором раскопок первой половиной XII в.

Таким образом, в результате анализа материала, представленного в каталоге археологических исследований Смоленска[1], впервые обосновывается выделение древнейшего (протогородского) периода развития; ставится вопрос и о выделении в отдельный период конца X – начала–первой половины XI в. (раннегородской). Тем самым восполняется лакуна в развитии материальной культуры города длиной почти в два столетия, так как вплоть до настоящего времени исследователи начинали историю развития материальной культуры Смоленска лишь со второй половины–конца XI в. (Авдусин, 1991. С. 9; Пушкина и др., 2012).

В проблематике возникновения и развития древнерусских городов необходимо акцентировать внимание на общих и особенных чертах в эволюции наиболее крупных и значимых городских центров. «Общее» позволяет экстраполировать некоторые малоизученные моменты развития, о которых нет данных в исследуемом единичном объекте (городе). «Особенное» дает возможность выделять единичный объект и создавать не схему, а реальную историю конкретного объекта.

Отдельные пункты нахождения лепной и раннегончарной керамики на территории города вне Соборной горы являются, вероятно, следами отдельных и не до конца еще выявленных поселенческих локусов, синхронных основному поселению, напоминая схему расселения «микрорегионального скопления памятников», иначе, по В.В. Енукову, «минимальные зоны концентрации памятников» (2005. С. 91–93). Известны такие скопления и на Смоленщине во многом благодаря исследованиям В.В. Седова (1960. С. 31 и сл.).

В течение XI в. Смоленск, очевидно, достаточно быстро превращается из небольшого укрепленного поселения с небольшим посадом в прибрежной части Днепра в довольно большое поселение раннегородского типа с усадебной застройкой и возможным началом специализации отдельных районов. Очевидно, что этот процесс находился в тесной взаимосвязи с общерусским процессом укрепления и расширения влияния административного аппарата центральной власти Древней Руси, начиная с деятельности Ольги, Святослава и Владимира (пославшего одного из сыновей князем в Смоленск) и заканчивая деятельностью Владимира Мономаха.

В свое время В.Л. Янин и М.Х. Алешковский (1971. С. 36, 37) убедительно показали, что древнейшие отложения культурного слоя Великого Новгорода (середины X в.) также отнюдь не монолитное полотно на теле города, а существуют в виде отдельных пятен-локусов, отражая тем самым изначальную реальную прерывистость и мозаичность заселения территории города.

Почему такая же картина не была свойственна и начальной поре истории Смоленска, если аналогичная картина предполагается и для древнего Киева

[1] Ввиду большого объема сам каталог не пригоден для журнальной публикации.

времен Олега и княгини Ольги[1], и для многих других городов? В.Л. Янин и М.Х. Алешковский делают логичный вывод: у этой группы первоначальных небольших поселений должно было тем или иным образом (эволюционно или в процессе усиления княжеско-епископской власти) сформироваться некое центральное ядро (или 2–3 ядра). Н.И. Асташова в диссертационной работе, полемизируя с оппонентами в вопросе о первоначальном Смоленске, также высказывала близкие идеи (1986. С. 17).

Следовательно и на территории Смоленска рассмотренная схема расселения гипотетически могла иметь место в VIII – середине X в. Ядром – укрепленным городищем (или городищами), могли выступать как Соборная гора, так и окружающие ее соседние мысы коренного берега: с востока в первую очередь это мыс, на котором ныне стоит Георгиевский храм, а также мыс с Покровской церковью; с запада таковым ядром могла выступать Вознесенская гора. В низменной части в приустьевых участках ручьев могли существовать локусы неукрепленных поселений. Первоначальный импульс расширения территории городского ядра в Смоленске мог быть направлен к напольной стороне на юг от Соборной горы в район верховьев Смолигова оврага, где уже исследованы мощные отложения культурного слоя XI в. с представительными сериями находок (Олейников, 2014).

Данная отнюдь не новая в науке концепция предполагает «органичное» и постепенное перерастание скопления сельских поселений с ядром-городищем в принципиальное новое явление – город, тем самым подразумевая эволюционный характер общественного развития, которое неизбежным образом по мере усложнения социально-политических процессов приводит к формированию городского центра округи.

Необходимо заключить, тем не менее, что в результате анализа данных каталога археологических исследований Смоленск предстает типичным древнерусским городом, развивавшимся синхронно и в одном направлении с такими ведущими центрами Руси, как Киев, Великий Новгород, Полоцк, Рязань и др. Имеющиеся лакуны в истории его материальной культуры постепенно будут стираться, так как перспективные векторы исследований уже намечены.

Авторы выражают благодарность за консультации П.Г. Гайдукову, Т.А. Пушкиной, а также Е.А. Яковлевой, С.И. Милованову, И.Ю. Стрикалову, А.Н. Хохлову, поделившимся информацией, в том числе не опубликованной.

[1] «Топография распространения славянского культурного слоя во второй половине IX в. в Киеве меняется в сторону максимального охвата края площадок возвышенностей вокруг Замковой горы... Потенциально самое большое поселение этого времени располагалось на самой Замковой горе... Топографическая структура Киева второй половины IX в. напоминает славянское «гнездо поселений" в миниатюре» (Комар, 2012. С. 168–178).

Н. А. Кренке, И. Н. Ершов,
Т. Ю. Муренцева, С. В. Хаврин

ЮВЕЛИРНАЯ МАСТЕРСКАЯ XI В. НА РАЧЕВКЕ В СМОЛЕНСКЕ[1]

Резюме. в статье анализируются материалы исследованных в 2015 г. остатков ювелирной мастерской второй половины XI в. на Рачевке в Смоленске. Комплекс находок включает в себя сотни фрагментов плавильных тиглей и крышек к ним, остатки сырья в виде латунных прутков, фрагменты инструментов, литников, выплески металла, заготовки игл для подковообразных фибул, а также готовые бракованные (?) изделия – височные кольца деснинского типа, нательные кресты, амулеты-ложечки и др.

Ключевые слова: древнерусский Смоленск, ювелирная мастерская XI в., амулеты-ложечки, подковообразные фибулы, височные кольца деснинского типа, рентгенофлюоресцентный анализ, тигли.

В 1948 г. Б. А. Рыбаков на основе анализа карты распределения древнерусских подвесок-амулетов высказал предположение, что «центр их производства следует искать или в самом Смоленске, или поблизости от него» (*Рыбаков*, 1948. С. 458). Однако до настоящего времени следы ювелирного производства хоть и встречались при раскопках в центре Смоленска, но не были особенно многочисленными (*Асташова*, 1990).

Работы 2014–2015 гг., проведенные Смоленской экспедицией ИА РАН на восточной окраине стольного древнерусского города, коренным образом изменили ситуацию. Начало исследования городской ювелирной мастерской в Смоленске (авторы надеются, что раскопки будут продолжены) имеет существенное значение для изучения ювелирного производства в древней руси. Количество детально изученных городских комплексов подобного рода совсем невелико. Опубликованные материалы сельских производственно-ювелирных комплексов (*Зайцева*, 2007) и материалы из «малых городов» (*Зайцева*, 2010) более «на слуху», чем материалы из центров княжеств. Важно выяснить, какова была реальная роль в ювелирном производстве Древней Руси столичных княжеских центров, таких как Смоленск.

Разведочная шурфовка на левом берегу Днепра возле устья безымянного ручья, расположенного к востоку от р. Малая Рачевка в г. Смоленске, имела цель определить время и характер освоения данной территории в древнерусский период (рис. 1). Пять шурфов было заложено по обоим берегам ручья, в том числе четыре – на левом берегу во дворе частного дома по адресу: набережная М. Горького, 24. Во всех шурфах на левом берегу ручья были встречены отходы бронзолитейного производства. В шурфах № 2–4 найдено более двух сотен мелких фрагментов тиглей (соответственно – 150, 20,

[1] Статья опубликована в журнале «Краткие сообщения Института археологии», 2016. Вып. 245, часть II. С. 7–28.

82 шт.). Наибольшая концентрация этих находок была в шурфе № 1, где их было встречено около четырех сотен (включая крупные и мелкие), наряду с другими предметами, связанными с ювелирным делом и бронзолитейным производством. Весь комплекс датируется серединой – второй половиной XI в., что будет показано ниже.

Шурф № 1 площадью 15 м^2 находился на огороде. Верхние 25–30 см сложены темно-серой супесью с включениями бурого суглинка и кирпичной крошки, перемешанной при вскапывании огорода, содержащей как древние, так и современные находки. Мелкие окатанные фрагменты лепных горшков (7 шт.), культурную принадлежность которых определить трудно, указывают на то, что хозяйственное освоение этого участка, а может быть, и заселение началось еще в I тыс. н. э. основная масса находок из огородного слоя относилась к XI–XII и XIX–XX вв.

При зачистке материкового суглинка выявилось пятно округлой ямы размером 2,1 × 2,7 м и глубиной до 25 см, заполненной углистой темно-серой супесью с включениями кусочков обожженной глины, насыщенной керамикой, обломками тиглей, бронзовыми выплесками, шлаками, бракованными бронзовыми изделиями и их заготовками, костями животных, в том числе стержнями рогов крупного рогатого скота (рис. 2).

Из обломков тиглей удалось склеить 14 археологически целых форм[1]. Целые тигли имеют одинаковую форму и размер (рис. 3). Это цилиндрические стаканчики высотой от 6,9 до 9,2 см, диаметром 4,4–5 см, с вертикальными стенками и округлым или слегка уплощенным дном. Стенки толщиной 0,5–0,7 см, с утолщением в донной части тигля до 1,2 см. Устье тиглей, как правило, имеет округлую форму и небольшой треугольный слив. Все найденные в шурфах № 2–4 фрагменты тиглей также принадлежат сосудам аналогичной формы.

Тигли тождественной формы и размеров были найдены на Троицком раскопе в Великом Новгороде в культурном слое первой половины XI в. (*Ениосова, Rehren*, 2011. С. 243–255). Н. В. Ениосова отмечает, что для тиглей этого типа характерна стандартизация размеров, что подтверждается находками в Смоленске. Эта простая форма имеет множество более или менее близких аналогий. В частности, аналогии смоленским тиглям имеются в мининском археологическом комплексе XI–XII вв. (*Зайцева, Макаров*, 2008. С. 261), в комплексе ювелирной мастерской XII–XIII вв. во Владимире (*Ениосова, Жарнов*, 2006). Небольшие тигли-стаканчики со скругленным дном характерны также для древнерусских городов южной и юго-западной Руси (*Гупало*, 2014. С. 153. рис. 41, *9*; *Ягодинська*, 2010. рис. 4, 1), а также для городов на территории современной Белоруссии (*Бубенько*, 2004. рис. 103,

[1] Реставрация тиглей и керамики проводилась В. А. Раевой, И. Н. Ершовым и И. С. Аникиным, металлических изделий – М. В. Лавриковым.

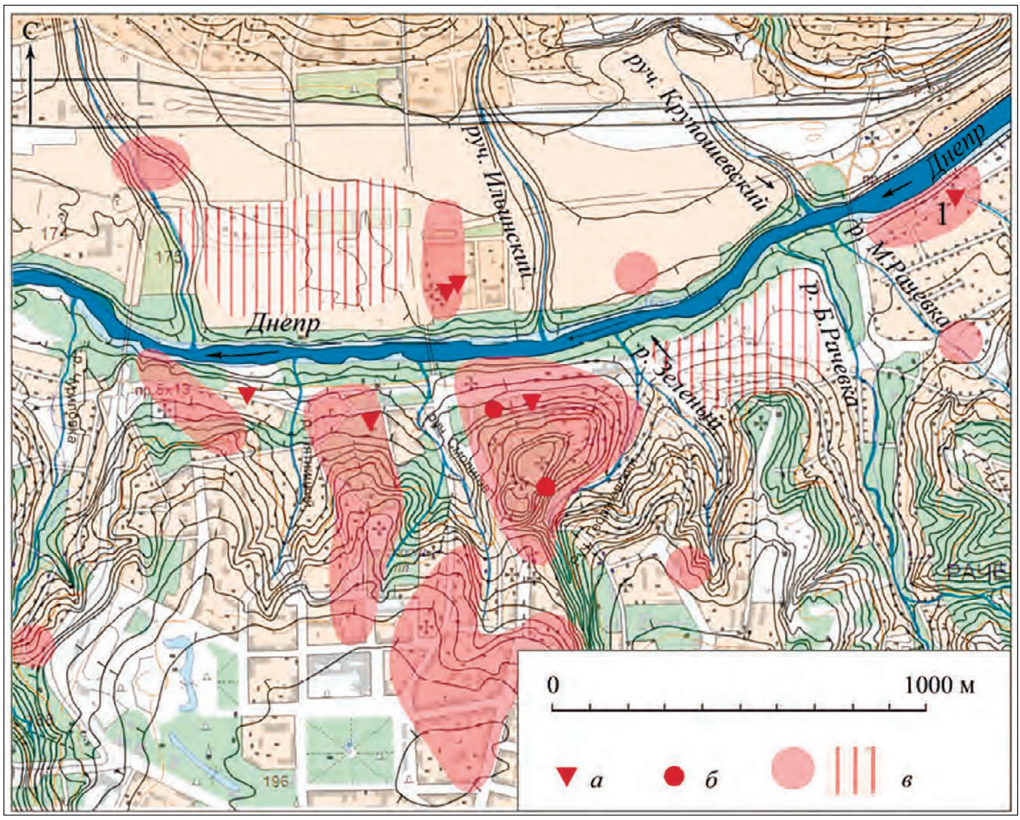

Рис. 1. Карта древнерусских (XI–XIII вв.) находок, связанных с литейным ювелирным производством, на территории древнерусского Смоленска
а – места находок фрагментов тиглей; б – места находок литейных форм; в – территория распространения культурного слоя XI в. (установленная и предполагаемая) 1 – место ювелирной мастерской на Рачевке

13). Данные тигли, вероятно, являются развитием формы сосудов типа «а», по В. М. Горюновой. Они были встречены в Гнёздове и городке на Ловати в слоях X в. (*Горюнова*, 1994. С. 61, 62. рис. 1, *4*).

Подавляющее большинство найденных нами тиглей – это емкости, пришедшие в негодность после нескольких плавок, их поверхность неровная, ошлакованная снаружи. Среди 500 фрагментов лишь несколько принадлежат тиглям, в которых плавка еще не производилась. Если сравнить нашу коллекцию с коллекцией тиглей из Гнёздова (*Ениосова, Митоян*, 1999), то можно отметить, что обе коллекции сопоставимы по численности (в Гнёздове за все годы раскопок было найдено 385 фрагментов тиглей, в том числе 11 целых)[1]. Форма большинства гнёздовских тиглей иная. Лишь выделенные

[1] Мастерская во Владимире дала 389 фрагментов тиглей (Ениосова, Жарнов, 2006. С. 66).

Н. В. Ениосовой «крупные цилиндрические тигли-стаканы» (*Ениосова, Митоян*, 1999. С. 57) отчасти сходны с находками из Смоленска. Объем смоленских тиглей, по нашим измерениям, варьирует в диапазоне 80–100 см^3. Если допустить, что они заполнялись примерно на три четверти, то это означает, что в тигле помещалось до 400–500 г бронзы. это весьма значительное количество, так как вес одной подковообразной фибулы, по данным Н. В. Ениосовой, – 80 г. (там же).

Интерес представляют шесть предметов, которые, предположительно, являются крышками тиглей (рис. 3, *1–4*). Верхушки всех крышек утрачены, поэтому точно восстановить их форму не представляется возможным. Ясно лишь, что они имели дисковидный корпус с выступающей вниз на несколько миллиметров цилиндрической частью, которая вставлялась внутрь тигля, обеспечивая относительную герметичность. Сходные предметы имеются в материалах Белоозера (*Захаров*, 2004. рис. 260, *1, 2*).

Среди находок из цветного металла в первую очередь надо отметить наличие очевидных отходов производства – это бронзовые выплески и литник в виде прутка с сегментовидным сечением (рис. 4, *22*). Длина литника 10,7 см. С него было срезано 4 пары изделий, отливавшихся в крупной двусторонней (?) форме. Три фрагмента проволоки (рис. 4, *19–21*), возможно, являлись сырьем. И литник, и крупный фрагмент проволоки выделялись на общем фоне по составу металла (см. табл. 1).

Среди находок имеются вещи, представленные сериями, которые могут быть интерпретированы как заготовки или брак. Наиболее бесспорной серией заготовок являются иглы фибул, конец которых, надевавшийся на дужку, еще не согнут в кольцо (рис. 4, *15–18*)[1]. Они были выполнены методом литья. Три заготовки – из одной формы (имеется дефект формы, оставлявший на вещи небольшую каверну и позволяющий это утверждать). Все иглы – круглые в сечении. Скорее всего, данные заготовки предназначались для изготовления подковообразных фибул (*Зайцева*, 2008а. С. 108. рис. 98). В Смоленске, в раскопе на Пятницком конце, была обнаружена подобная фибула с язычком, тождественным вышеописанным заготовкам (*Пронин и др.*, 2011. илл. 118, *7*).

Вторая серия – это три нательных креста (рис. 4, *3–5*). Все они одного типа, но плохая сохранность не позволяет сказать, отливались ли они в одной форме или нет. На оконечностях и в средокрестии изделий расположены круглые медальоны со спиральными завитками. Кресты производят впечатление брака из-за недолива, дырочки в ушках отсутствуют. Прототипами крестов данного типа являются византийские образцы, встреченные в Болгарии, Румынии, Венгрии и даже Швеции. Датируются они X – первой половиной XI в. (*Staecker*, 1999. P. 118–121). В пределах Киевской Руси этот тип

[1] Авторы благодарны за «подсказку» о назначении этих предметов Н. В. Ениосовой.

крестов встречен неоднократно. В том числе подобный крест был найден на селище Минино в Вологодской области. И. Е. Зайцева собрала аналогии данному типу, датируются они не очень узко – XI–XII вв. (*Зайцева*, 2008. С. 63).

Особый интерес представляют два височных кольца «деснинского типа», представленные в коллекции одним целым экземпляром и фрагментом (рис. 4, *1, 2*). Впервые они были найдены К. А. Горбачевым в курганах у бывшей д. Сельцо Смоленской губ. в 1886 г. в настоящее время известно более ста находок таких колец (*Попов*, 2013)[1]. Т. В. Равдина обосновала датировку этих колец серединой – началом второй половины XI в. (*Равдина*, 1975. С. 223), что было подтверждено совместным залеганием колец с монетами.

Находки были очень сильно коррозированы и производили впечатление брака, следов обычного для этого типа изделий лужения не наблюдалось. Возможны две версии интерпретации: 1) это лом, заготовленный в переплавку; 2) кольца являются браком местного производства. Авторам кажется предпочтительней вторая версия, учитывая условную «серийность» находок и вероятное отсутствие на них следов окончательной обработки (лужение).

Два амулета – привески-ложечки (рис. 4, *9, 10*), у которых обломилась расширенная часть и сохранились лишь ручки. Один предмет был найден в шурфе 1, другой – в шурфе 2. Изделия отлиты в разных формах, у одного поверхность гладкая, у другого имеются следы литого орнамента. По классификации А. В. Успенской, они относятся к типу 1 (*Успенская*, 1967). Ложечка служила символом благополучия и сытости и носилась в амулете в сочетании с другими привесками. Двадцать лет назад было известно 93 экземпляра из 58 пунктов, среди которых значительная часть находится на территории Смоленщины (*Недошивина*, 1997. С. 82). После этого появились новые находки: например, фрагмент ложечки был обнаружен на селище Хотяжи 2 (Никифоровское) в Одинцовском р-не Московской обл. (*Алексеев А. В.*, 2004. С. 179. рис. 2, *10*), две привески были найдены в Суздале (*Седова*, 1997. С. 210. рис. 75, *9–10*). По стратиграфии Великого Новгорода ложки-амулеты, сходные со смоленскими, датируются второй половиной XI в. (*Покровская*, 2010. С. 260, 269).

Трудно судить, производились ли ложечки в изученной нами мастерской или случайно попали в культурный слой. Однако вполне вероятно, что производились, так как находка достаточно редкая, а также надо учитывать, что при продолжении работ в 2016 г. найдена еще одна целая ложка-амулет возле ограды усадьбы ювелира. Уместно здесь напомнить приведенное в начале статьи мнение Б. А. Рыбакова, что амулеты производились где-то в Смоленске.

Бронзовый разделитель ремня (рис. 4, *8*) – часть поясного набора или конской упряжи. Он имеет форму кольца с четырьмя «спицами», которые

[1] Авторы благодарят А. А. Попова за предоставленную информацию.

делят его на четыре сектора, и круглой центральной частью. Тождественный распределитель был обнаружен на территории Смоленска в 2009 г. при работах на ул. Студенческая (*Пронин и др.*, 2011. С. 145. илл. 118, *16*). Смоленские разделители ремней имеют аналогии, география которых весьма широка – от Киева до Прибалтики и Костромского Поволжья (*Зоценко, Брайчевська*, 1993. рис. 18, *1*; Latvijas PSR Frcheologija, 1974, lpp. 52, *13*; *Кулаков*, 1990. С. 78, 158. Табл. 64, *2*; *Рябинин*, 1986. Таб. 3, *34*). Разделитель из раскопок на Подоле в Киеве был обнаружен в постройке и датируется второй половиной XI в. (*Приймак*, 2014. С. 544. рис. 2, *5*).

Также датируется погребение № 68 прусского грунтового могильника Ирзекапинис с аналогичным распределителем (*Кулаков*, 1999. рис. 35). Еще одна подобная находка происходит из гончарного горна XI – середины XII в. из Григорьевки на Украине. Он схож по форме со смоленской находкой, но розетка в центре украшена лепестками (*Приймак*, 2014. С. 544. рис. 2, *4*). Смоленские распределители отличаются от всех вышеприведенных аналогий тем, что сделаны несколько грубее, не имеют орнамента по внешнему кольцу. То есть это некая собственная реплика широко распространенной вещи.

Бронзовый бубенчик (рис. 4, *6*) относится к типу грушевидных крестопрорезных с орнаментом в виде косой нарезки. Они широко распространены в древнерусских памятниках северо-восточной и северо-западной Руси (*Мальм, Фехнер*, 1967. С. 134–136). С. Д. Захаров датировал их XI – серединой XII в. (*Захаров*, 2004. С. 171). Вещь имела широчайшее распространение и обычно маркирует культурные слои XI в. на северо-востоке Руси. Связь найденного бубенчика с продукцией анализируемой мастерской недоказуема.

Обломок «звериноголового» браслета, превращенный в кольцо (рис. 4, *14*), также указывает на XI–XII вв. Аналогии имеются в слоях Новгорода 1070– 1090-х гг. (*Седова*, 1981. С. 112).

Фрагмент перстня или браслета (рис. 4, *10*) относится к типу пластинчатых прямых с геометрическим орнаментом. Подобные находки также характерны для XI в. Аналогии были обнаружены на памятниках Мининского археологического комплекса Вологодской обл. (*Зайцева*, 2008б. рис. 3, *6*), на городище Акиньшино в Тульской обл. (*Воронцов, Модин*, 2014. С. 258. рис. 7, *17*), на селищах Новое Сьяново 3 (*Шполянский*, 1999. рис. 3.15) и Большое Саврасово 2 на р. Пахре в Московской обл. (*Богомолов и др.*, 2015. рис. 3, *16*). Важно указать, что пластина перстня не была согнута, то есть это, скорее всего, заготовка.

Миниатюрная подковообразная фибула (рис. 4, *12*) имеет небольшие округлые полые головки на концах и украшенную насечками дугу. Аналогии встречены в Новгороде в слоях конца X – XI в. (*Седова*, 1981. С. 87–89. рис. 31, *6*). Вероятно, это дериват маленьких серебряных фибул с рубчатой дугой, распространенных в X в. (*Авдусина, Ениосова*, 2001).

Таблица 1. Химический состав находок из цветного металла (по результатам РФА)

Предмет	*Cu*	*As*	*Sn*	*Pb*	*Sb*	*Zn*	*Ag*	*Fe*	*Прочие*
Височное кольцо (№ 26)	**Осн.**	<0,7	**6-8**	**14-18**	<0,7	–	<0,5	Сл.	Bi<0,8
Височное кольцо (№ 47)	**Осн.**	<0,4	**10-13**	**8-11**	Сл.	–	<0,3	<0,6	Bi<0,8
Фрагмент креста (№ 36)	**Осн.**	<0,6	**5-7**	**8-10**	<0,4	–	Сл.	3-6	Bi
Бубенчик (№ 34)	**Осн.**	<0,6	**5-7**	**10-13**	<0,4	–	<0,5	2-4	Bi
Фрагмент перстня (№ 46)	**Осн.**	2-3	**2-3**	**10-14**	–	–	Сл.	1-2	Bi<0,5
Фрагмент привески-ложечки (№ 32)	**Осн.**	<0,7	**2-4**	**4-6**	Сл.	–	Сл.	~1	
ременной распределитель (№ 18)	**Осн.**	<0,8	**1-2**	**4-6**	–	–	–	<0,6	ni
Заготовка иглы фибулы (№ 48)	**Осн.**	<0,5	**3-5**	**5-7**	<0,5	–	<0,5	Сл.	Bi
Заготовка иглы фибулы (№ 24)	**Осн.**	<0,8	**9-11**	**10-14**	<0,4	**1-2**	<0,3	<0,5	
Заготовка иглы фибулы (№ 20)	**Осн.**	<0,7	**10-13**	**8-10**	Сл.	–	Сл.	<0,5	ni
Литник (№ 45)	**Осн.**	<0,5	<0,4	**7-8**	<0,4	–	<0,3	Сл.	
Проволока (№ 22)	**Осн.**	<0,9	–	**3-5**	–	**10-14**	Сл.	<0,6	ni<0,5
Проволока (№ 10)	**Осн.**	–	–	**6-7**	–	**6-8**	Сл.	<0,4	ni
Металл из тигля	**Осн.**	<0,2	**2-4**	**2-3**	Сл.	–	Сл.	<0,7	
Металл из тигля	**Осн.**	<0,2	**1-3**	**4-6**	Сл.	Сл.	<0,5	<0,4	
Металл из тигля	**Осн.**	<0,9	**15-20**	**18-22**	<0,4	–	<0,7	<0,4	ni
Металл из тигля	**Осн.**	<0,8	**2-4**	**14-18**	–	**1-3**	Сл.	4-6	
Металл из тигля	**Осн.**	1-3	**6-8**	**10-12**	<0,5	**2-3**	<0,4	1-3	
Металл из тигля	**Осн.**	1-2	**4-6**	**4-6**	<0,5	<0,7	Сл.	1-2	
Металл из тигля	**Осн.**	~1	**12-14**	**>20**	1-2	–	<0,8	3-4	
Металл из тигля	**Осн.**	~1	**10-12**	**20-22**	1-2	–	1-2	3-4	
Металл из тигля	**Осн.**	<0,8	**9-12**	**10-14**	1-2	–	1-2	4-5	
Металл из тигля	**Осн.**	<0,6	**1-2**	**2-4**	–	~1	–	1-2	
Металл из тигля	**Осн.**	3-4	**7-9**	**>20**	Сл.	<0,6	<0,8	1-2	

Предмет	*Cu*	*As*	*Sn*	*Pb*	*Sb*	*Zn*	*Ag*	*Fe*	*Прочие*
Височное кольцо (№ 26)	**Осн.**	<0,7	**6-8**	**14-18**	<0,7	–	<0,5	Сл.	Bi<0,8
Височное кольцо (№ 47)	**Осн.**	<0,4	**10-13**	**8-11**	Сл.	–	<0,3	<0,6	Bi<0,8
Фрагмент креста (№ 36)	**Осн.**	<0,6	**5-7**	**8-10**	<0,4	–	Сл.	3-6	Bi
Бубенчик (№ 34)	**Осн.**	<0,6	**5-7**	**10-13**	<0,4	–	<0,5	2-4	Bi
Фрагмент перстня (№ 46)	**Осн.**	2-3	**2-3**	**10-14**	–	–	Сл.	1-2	Bi<0,5
Фрагмент привески-ложечки (№ 32)	**Осн.**	<0,7	**2-4**	**4-6**	Сл.	–	Сл.	~1	
ременной распределитель (№ 18)	**Осн.**	<0,8	**1-2**	**4-6**	–	–	–	<0,6	ni
Заготовка иглы фибулы (№ 48)	**Осн.**	<0,5	**3-5**	**5-7**	<0,5	–	<0,5	Сл.	Bi
Заготовка иглы фибулы (№ 24)	**Осн.**	<0,8	**9-11**	**10-14**	<0,4	**1-2**	<0,3	<0,5	
Заготовка иглы фибулы (№ 20)	**Осн.**	<0,7	**10-13**	**8-10**	Сл.	–	Сл.	<0,5	ni
Литник (№ 45)	**Осн.**	<0,5	<0,4	**7-8**	<0,4	–	<0,3	Сл.	
Проволока (№ 22)	**Осн.**	<0,9	–	**3-5**	–	**10-14**	Сл.	<0,6	ni<0,5
Проволока (№ 10)	**Осн.**	–	–	**6-7**	–	**6-8**	Сл.	<0,4	ni
Металл из тигля	**Осн.**	<0,2	**2-4**	**2-3**	Сл.	–	Сл.	<0,7	
Металл из тигля	**Осн.**	<0,2	**1-3**	**4-6**	Сл.	Сл.	<0,5	<0,4	
Металл из тигля	**Осн.**	<0,9	**15-20**	**18-22**	<0,4	–	<0,7	<0,4	ni
Металл из тигля	**Осн.**	<0,8	**2-4**	**14-18**	–	**1-3**	Сл.	4-6	
Металл из тигля	**Осн.**	1-3	**6-8**	**10-12**	<0,5	**2-3**	<0,4	1-3	
Металл из тигля	**Осн.**	1-2	**4-6**	**4-6**	<0,5	<0,7	Сл.	1-2	
Металл из тигля	**Осн.**	~1	**12-14**	**>20**	1-2	–	<0,8	3-4	
Металл из тигля	**Осн.**	~1	**10-12**	**20-22**	1-2	–	1-2	3-4	
Металл из тигля	**Осн.**	<0,8	**9-12**	**10-14**	1-2	–	1-2	4-5	
Металл из тигля	**Осн.**	<0,6	**1-2**	**2-4**	–	~1	–	1-2	
Металл из тигля	**Осн.**	3-4	**7-9**	**>20**	Сл.	<0,6	<0,8	1-2	

В таблице светло-серым цветом отмечены находки, состоящие из оловянной бронзы, но отличающиеся по содержанию олова и свинца от остальных. Темно-серым цветом выделена проволока, изготовленная из латуни.

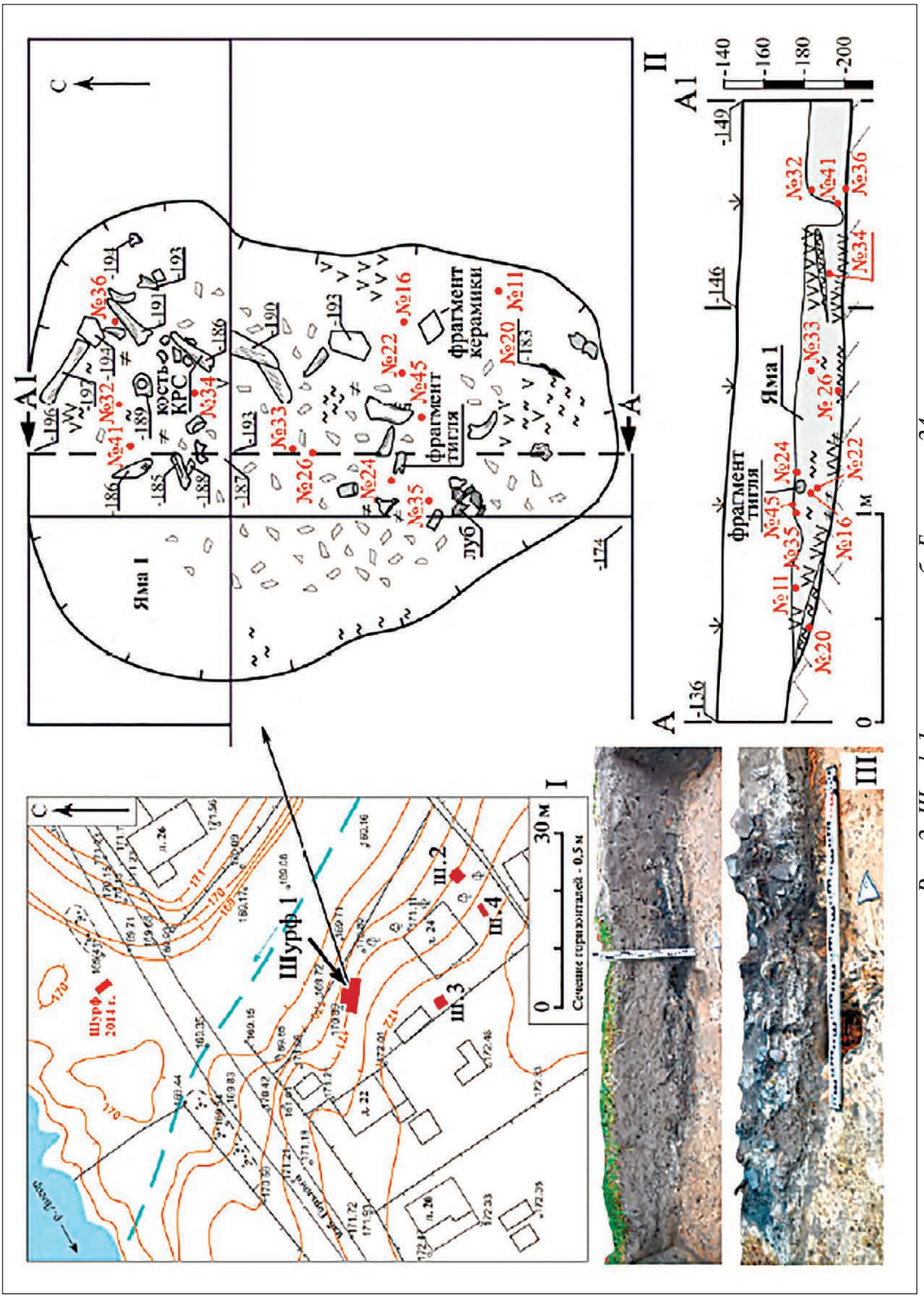

Рис. 2. Шурф 1 на участке наб. Горького, 24

I – план шурфов 2014–2015 гг. на набережной Горького; II – план и разрез ямы в шурфе 1 с проекцией на профиль находок, связанных с литейным ювелирным производством; III – фото бровки (А-А1) в шурфе 1

48 образцов были отправлены в Государственный эрмитаж, где в отделе технологической экспертизы С. В. Хаврин провел рентгенофлюоресцентный анализ на спектрометре ArtTAX. Анализу подвергались как готовые изделия, так и «исходное сырье» – фрагменты проволоки, а также выплески металла и капли, сохранившиеся на стенках тиглей шлаков. Результаты исследований приведены в табл. 1. В ней жирным шрифтом выделены те элементы, которые вносились в сплав искусственно для изменения свойств получаемого металла. В результате исследований было установлено, что металл готовых изделий по составу является в основном свинцово-оловянистой бронзой, такой же тип сплава преобладает в каплях металла, сохранившихся на стенках многих тиглей и в выплесках. Выделяется группа выплесков и капель металла на стенках тиглей, в составе которых олово практически отсутствует, но присутствует значительное количество (3–15%) свинца. В эту же группу входит литник. В редких случаях среди выплесков и капель на тиглях встречается оловянистая бронза (3–10 % олова) с низким содержанием (менее 1%) свинца. Возможно, все эти варианты сплава – результат неравномерного распределения свинца и олова (обе подгруппы: свинцовые бронзы и оловянистые бронзы выделены в табл. 1 светло-серым цветом).

На общем фоне выделяется состав проволоки, она была изготовлена из латуни (выделена в табл. 1 темно-серым цветом). Латунная проволока-сырье могла поставляться в Смоленск в XI в. или прямо из Скандинавии или реэкспортировалась из Прибалтики или Северной Европы, куда изначально попала из Скандинавии, где имеются полиметаллические рудные месторождения (*Ениосова и др.*, 2000). Перечисленные варианты одинаково вероятны, учитывая факт тесных контактов Смоленска со всеми этими регионами, а также Великим Новгородом, зафиксированный письменными источниками и археологическими данными (*Алексеев Л. В.*, 1980. С. 87–90; *Асташова*, 1998). В нескольких случаях в составе сплава (меди или бронзы) имеется небольшое количество цинка, которое, по-видимому, перешло в состав сплава из латунного слитка, чему должны были способствовать обнаруженные на памятнике крышечки тиглей.

Завершая обзор предметов, связанных с бронзолитейным производством, нужно отметить, что в шурфах 2 и 4, расположенных в 30 м к ЮВ от шурфа 1, были найдены фрагменты «каменной трубы» из известняка с диаметром отверстия 3 см, а внешним диаметром 7,5 см (рис. 3). Возможно, это остатки сопла. В таком случае следует предполагать, что где-то поблизости располагался горн.

Помимо предметов, связанных с бронзолитейным производством, в яме шурфа 1 было найдено значительно количество бытовой кухонной керамики (табл. 2). Подробный ее анализ приведен в статье И. С. Аникина в этом выпуске. Керамика весьма важна для определения возраста всего комплекса.

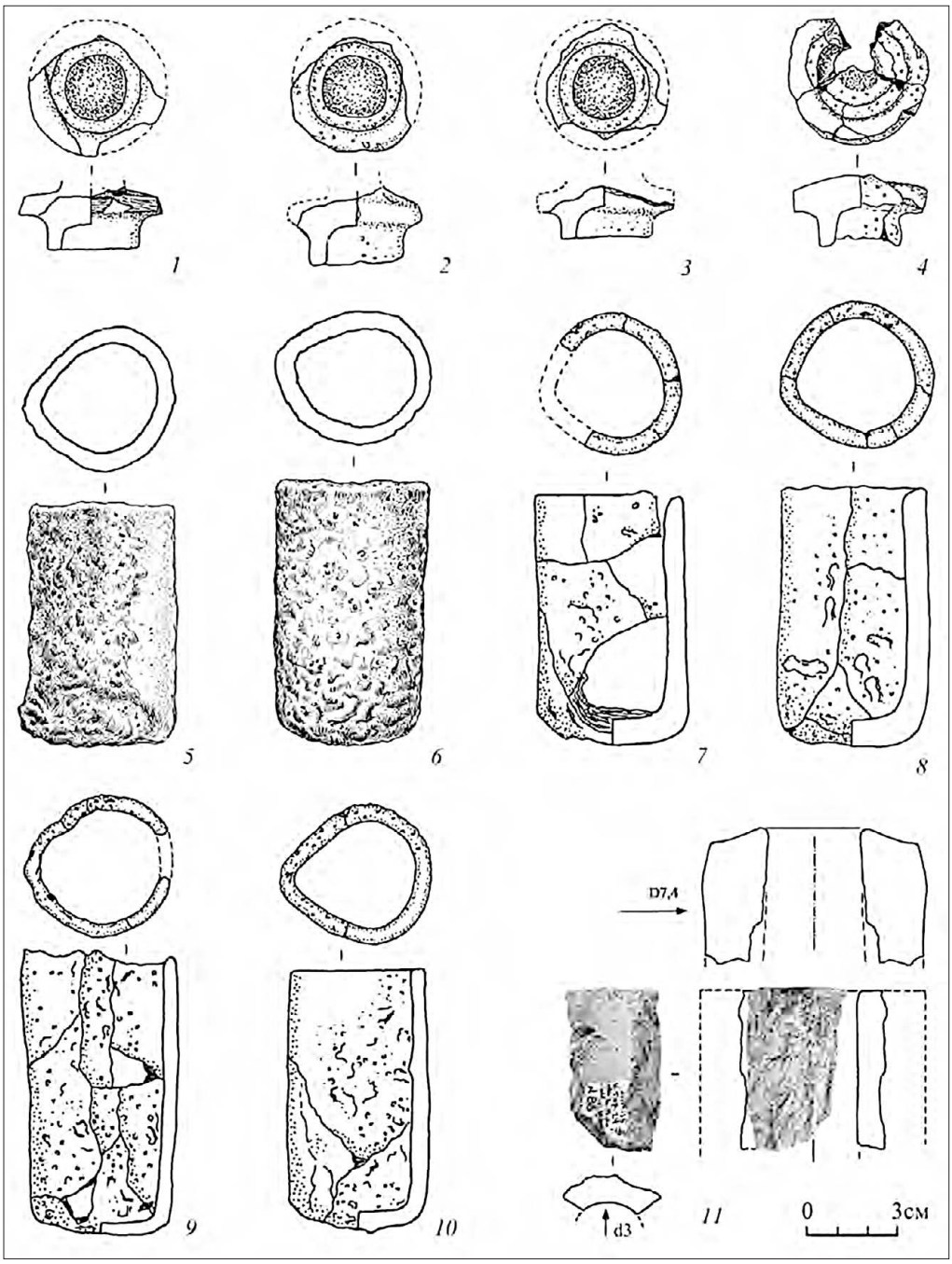

Рис. 3. Крышки тиглей (1–4), тигли (5–10) и остатки каменного сопла (11) из шурфа 1 на набережной Горького, 24

Как видно из приведенных выше аналогий вещам, их датировки охватывают вторую половину XI – первую половину XII в. При этом некоторые вещи имеют узкие даты, не выходящие за рубеж XI/XII вв., например височные кольца деснинского типа.

Таблица 2. Статистика керамики по шурфу № 1 (Смоленск, набережная М. Горького, 24)

Пласт 1	Пласт 2	Яма 1	Всего	Хронологическая группа керамики
1	1	5	7	Лепная второй половины I тыс. н. э.
289	506	926	1721	Древнерусская (домонгольская)
482	234	16	732	Позднесредневековая и нового времени
771	740	947	2460	Всего

Среди керамических находок весьма интересен фрагмент глазурованной чашечки (рис. 4, 7). Приблизительные ее размеры: диаметр 5,4 см, высота – 5 см. Она была изготовлена из светложгущейся глины, на поверхности сохранились остатки зеленой глазури. Подобные находки довольно редки, в настоящее время известно лишь девять аналогичных чашечек, причем все они происходят из могильников восточной и Северной Европы, датирующихся в пределах XI в. (*Коваль*, 2015. С. 229–239). Как правило, чашечки этого типа сопровождали погребения с богатым инвентарем (*Макаров*, 1990. С. 61). Предположительное место производства – провинциальная Византия.

Кухонные горшки изготовлены преимущественно из неожелезненной беложгущейся глины, что характерно для южнорусской традиции керамического производства, но совсем не типично для Смоленска XII–XIII вв. и для Гнёздова первой половины X в. Вариации форм венчиков горшков незначительны. Почти все имеют «манжеты» и развитую профилировку с характерным двойным перегибом (рис. 5; 6), клейма на днищах (рис. 7). По типологии М. П. Кучеры, такие горшки можно датировать серединой – второй половиной XI в. (Археология Украинской ССр. 1986. С. 449). По типологии И. Г. Сарачева, большинство горшков из ямы 1 относятся к типу 7 (*Сарачев*, 2000. С. 234. рис. 62). Этот тип характерен для днепровского левобережья и датируется в интервале 1030–1100-е гг. А. В. Комар (Ин-т археологии НАН Украины), любезно ознакомившийся с материалом, пришел к сходному выводу, предположив, что верхней хронологической границей керамического комплекса можно считать 1060-е гг. (исходя из находок и стратиграфии киевского Подола). Аналогии керамике из нашего комплекса можно найти на поселении в Гнёздове среди так называемой поздней гнёздовской керамики типа 3, варианта 4, по Е. В. Каменецкой, которую она относит преимуще-

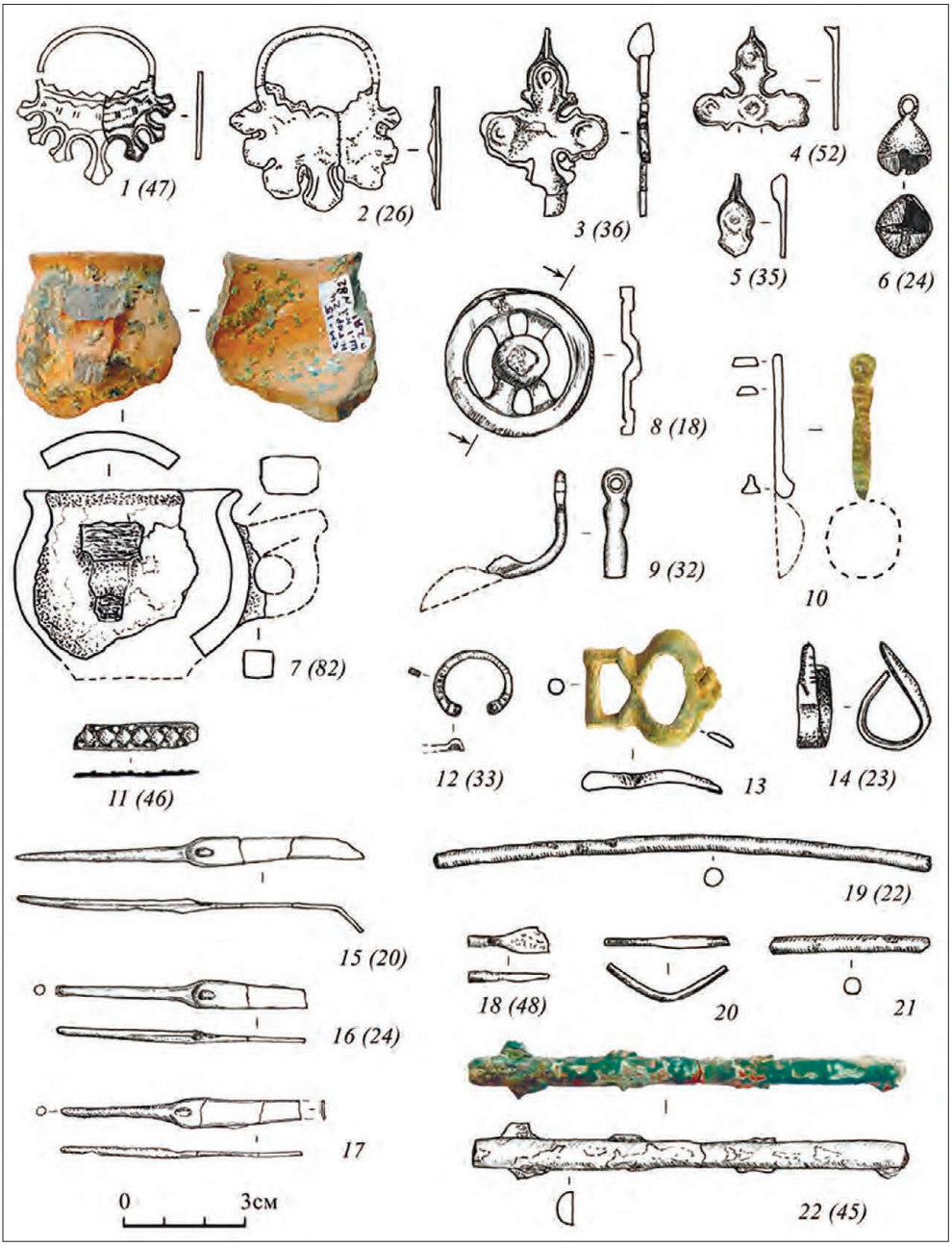

Рис. 4. Находки XI в. из шурфов 1 и 2 (№ 10, 13) на набережной Горького, 24
1, 2 – височные кольца деснинского типа; 3–5 – нательные кресты; 6 – бубенчик; 7 – поливная чашечка; 8 – распределитель ремней; 9, 10 – амулеты-ложечки; 11 – браслет (перстень?); 12 – фибула; 13 – пряжка; 14 – браслет звериноголовый; 15–18 – заготовки игл для фибул; 19–21 – проволока-заготовка; 22 – литник в скобках – полевые номера находок

ственно к XI в. (*Каменецкая*, 1977. С. 11). На пойменном участке гнёздовского поселения керамика, подобная рассматриваемому смоленскому комплексу, найдена в слоях финального этапа. Ее появление связывается В. В. Мурашевой и соавторами с усилением в регионе киевского влияния после 950-х гг. (*Мурашева и др.*, 2007. С. 70–72. рис. 53).

По углю, отобранному в основании ямы 1, получены две радиоуглеродные даты в лаборатории Геологического ин-та РАН.

ГИН -15412	930±20	1030AD (68,2 %) 1160	Смоленск, наб. М. Горького, 24. Шурф 1, кв. 2, яма 1, нижний уровень, обр. 3, уголь
ГИН -15413	910±30	1030AD (41,3 %) 1100AD 1110AD (26,9 %) 1190AD	Смоленск, наб. М. Г орького, 24. Шурф 1, прирезка 2, кв. 5, яма 1 нижний уровень, угли

Эти даты (после калибровки) с наибольшей вероятностью указывают на календарный возраст в пределах середины – третьей четверти XI в.

Выводы

1. Ранее на территории Смоленска, где раскопано около 13 000 м^3, уже находили остатки ювелирного производства. Единичные находки, связанные с ювелирным производством – литейные формы и фрагменты тиглей, – были обнаружены в 1950–1970-е гг. в ходе работ на площадке Соборной горы, у ее подножия (*Авдусин*, 1951; 1952; 1955; 1975), в 2002 г. во время работ на улице Металлистов (*Модестов*, 2002), в Пятницком конце Смоленска – современной ул. Студенческой в 2008–2009 гг., а также в Заднепровье (*Асташова*, 1982; 1985). Однако в количественном отношении эти находки существенно уступают коллекции предметов, связанных с бронзолитейным ювелирным производством, найденных в 2015 г. на Рачевке. Можно предположить, что это огнеопасное производство было вынесено на восточную окраину города.

2. Характер обнаруженных находок и их концентрация свидетельствуют, что изученный нами объект в шурфе 1 являлся «мусорной ямой» второй половины XI в., куда преимущественно сбрасывались отходы ювелирного производства. Вполне вероятно, что неподалеку, к юго-западу от шурфа 1, располагается сама ювелирная мастерская, откуда приносился весь этот материал.

Наличие в 30 м от шурфа 1 второй зоны концентрации находок тиглей и обломков сопла (?) позволяет предположить, что бронзолитейное производство занимало довольно значительную территорию вдоль берега ручья, впадающего в Днепр.

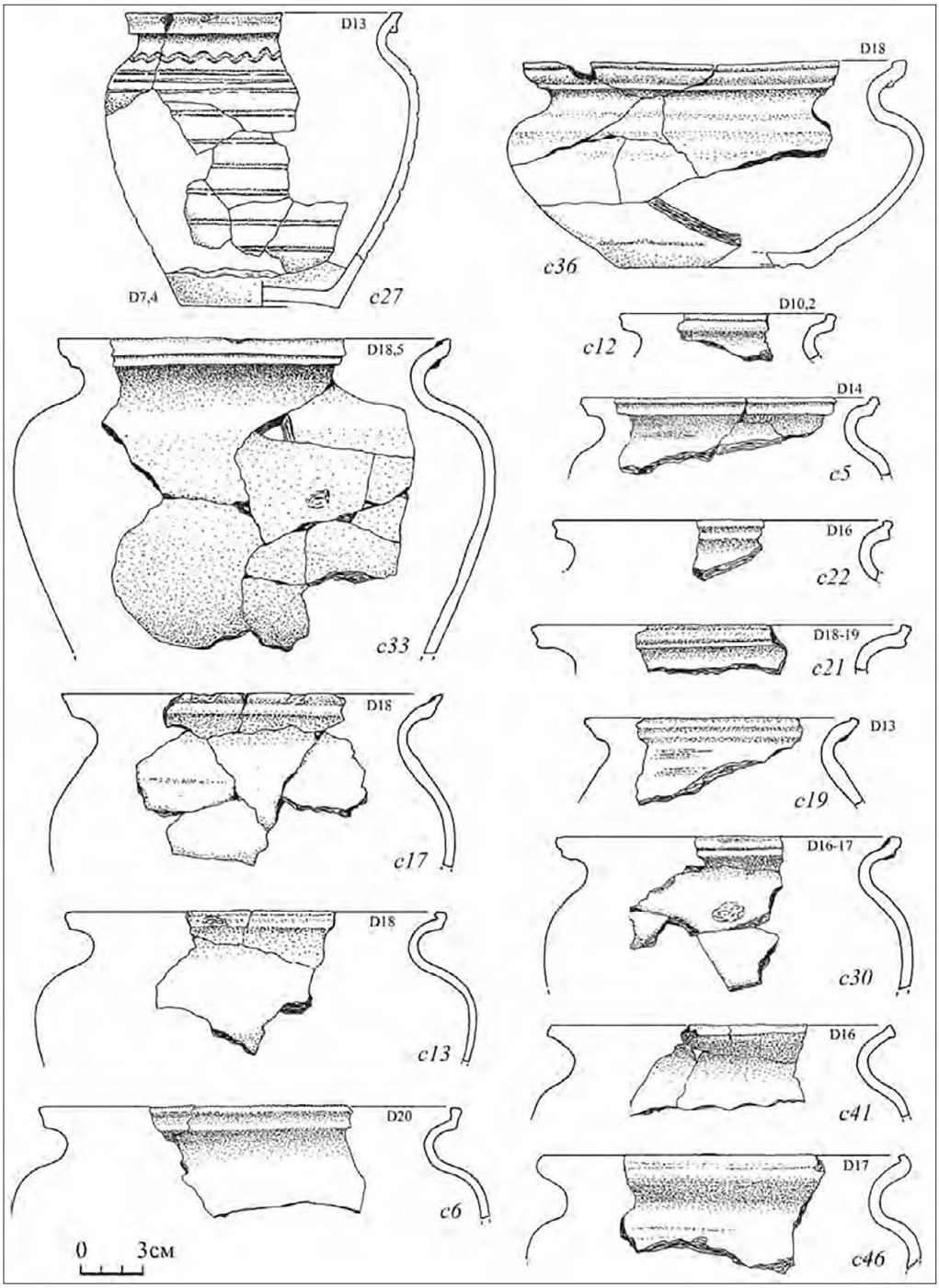

Рис. 5. Горшки XI в. из шурфа 1 на набережной Горького, 24 группы 1 (сосуды № 5, 6, 12, 13, 17, 19, 21, 22, 27, 30, 33, 36), 2 (сосуд № 41) и 3 (сосуд № 46), нумерация сосудов по И. С. Аникину

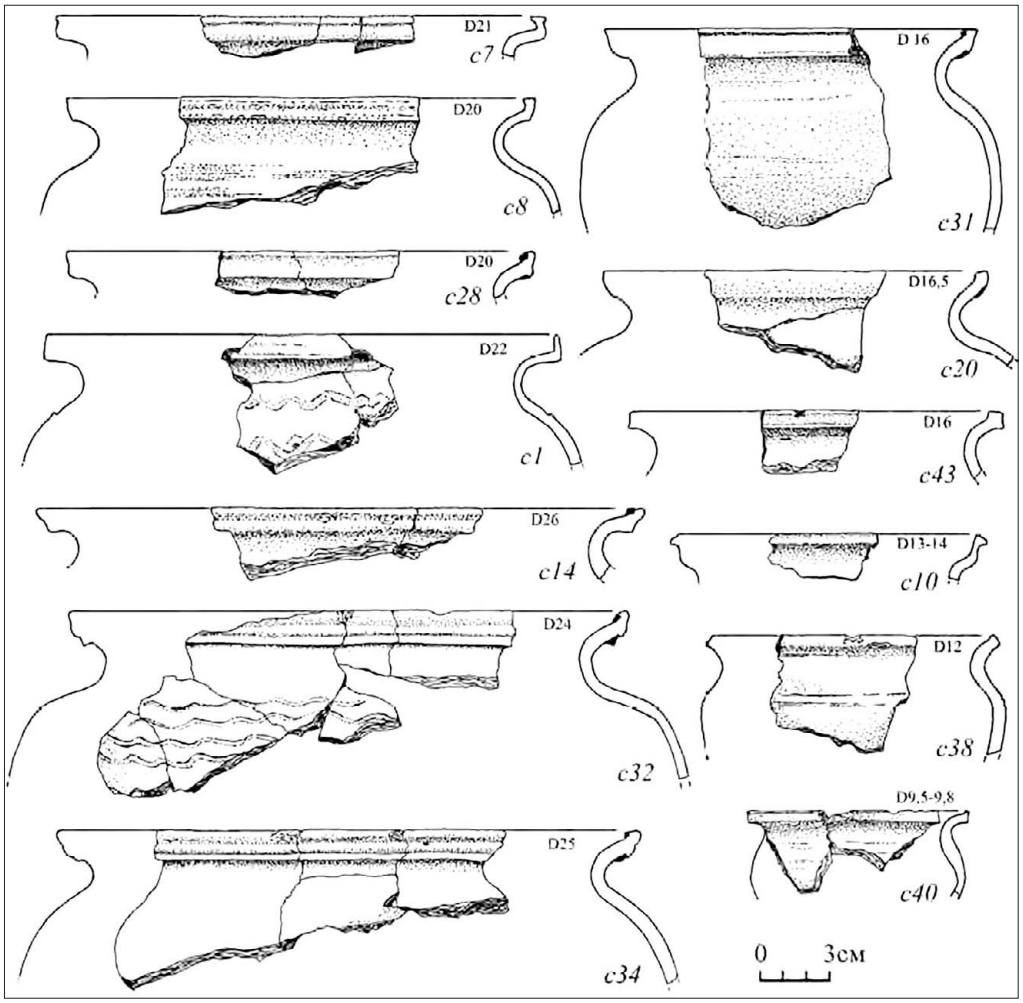

Рис. 6. Горшки XI в. из шурфа 1 на набережной Горького, 24 группы 1 (сосуды № 1, 7, 8, 10, 14, 20, 28, 31, 32, 34) и 2 (сосуды № 38, 40, 43), нумерация сосудов по И. С. Аникину

Отсутствие литейных форм в нашем комплексе можно объяснить тем, что ими дорожили и переиспользовали, а также тем, что обнаружение формы следует ожидать ближе к самой мастерской, которая, вероятно, находилась чуть далее от ручья выше по рельефу вне зоны риска затопления паводковыми водами Днепра. Кроме того, можно ожидать, что будут найдены также свинцово-оловянные (либо свинцовые и оловянные) слитки, которые использовались для легирования металла.

3. Значительное количество тиглей указывает на очень масштабное производство, видимо тысяч вещей. Таким образом, подтвердилось предположение Б. А. Рыбакова о роли Смоленска XI в. в насыщении его округи

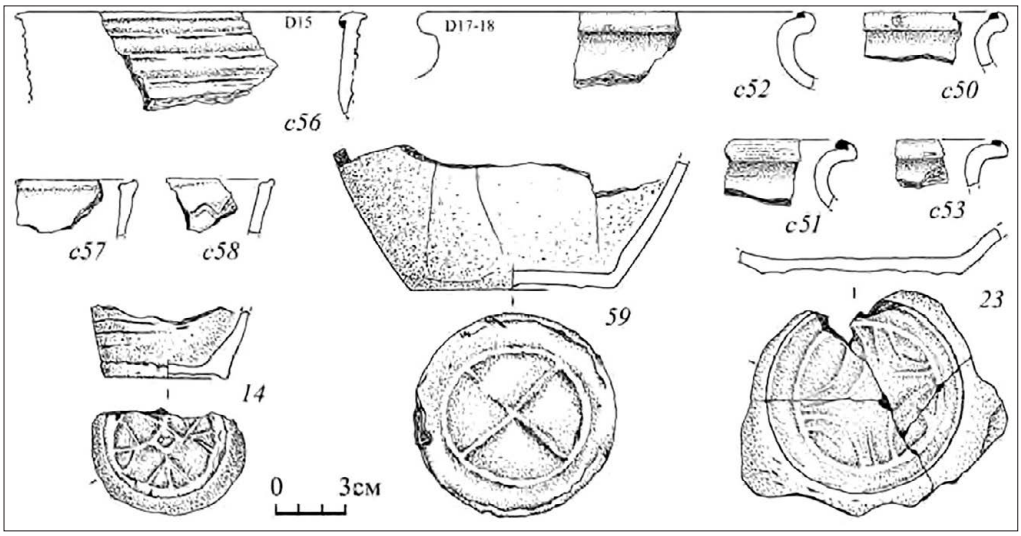

Рис. 7. Венчики горшков XI в. (группа 5, сосуды № 56–58) и донца с клеймами из заполнения ямы 1; керамика XII–XIII вв. (группа 4, сосуды № 51–53) из огородного слоя шурфа 1 на на набережной Горького, 24. Нумерация сосудов по И. С. Аникину

ювелирными украшениями. Если подтвердится, что именно Смоленск был производителем височных колец «деснинского типа» (для этого нужно обнаружить литейную форму), то это станет базой для целой цепочки последующих умозаключений относительно «смоленского влияния» на древнерусскую колонизацию XI в. Верхнего Москворечья, бассейнов Угры и Протвы, а также заставит вернуться к вопросу о правомерности или неправомерности трактовки височных колец как «племенного индикатора».

Н.А. Кренке, И.Н. Ершов

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ УРОЧИЩА СМЯДЫНЬ В СМОЛЕНСКЕ[1]

Новые исследования малой церкви XII в. на территории Борисоглебского монастыря на Смядыни позволили уточнить ее местоположение и степень сохранности фундаментов, а также выявить деревянную ограду монастыря. Собранные в погребенной почве под полом церкви находки (в том числе лепная керамика) указывают на длительное хозяйственное освоение места монастыря начиная со второй половины I тыс.н.э. Значительно число находок XI–XII вв. Изучение пойменного сегмента позволило получить данные об изменениях положения русла Днепра. В тыловой части террасы зафиксировано старичное озеро, существовавшее в период строительства монастыря. Русло Днепра в это время находилось примерно в 100 м к северу от кромки террасы. Выявлен участок, где существовал спуск с террасы к берегу р. Смядынь, на котором обнаружены находки конца X – начала XI в. Установлен «коридор», в пределах которого находилось русло Смядыни. Выше по течению от ее устья в отложениях поймы Днепра сохранились древние погребенные почвы атлантического-субатлантического периодов, в том числе хорошо выражена «гнёздовская» почва, которая являлась дневной поверхностью во второй половине I – начале II тыс.

Ключевые слова: пойма, погребенные почвы, палеорусло, древнерусские храмы, монастыри.

Смоленская экспедиция ИА РАН возобновила исследования Смядыни в 2014 г., при этом ставились следующие задачи: 1) уточнение местоположения фундаментов архитектурных памятников и степени их сохранности, дополнительное изучение стратиграфии, особенно слоев, подстилающих архитектурные объекты; 2) выяснение ранней истории освоения территории; 3) реконструкция исторического ландшафта, в том числе пойменного участка, где некогда протекала речка Смядынь. Последняя задача представлялась особенно важной, учитывая, что сегмент левобережной поймы Днепра в районе Смядыни представляет собой в геоморфологическом отношении близкий аналог пойменному сегменту в районе Гнёздова, где были сделаны важнейшие археологические находки (Пушкина и др., 2012). Летописное сказание о Борисе и Глебе, описывающее убийство кн. Глеба в 1015 г., упоминает географические реалии, которые хотелось бы сопоставить с археологическими данными. Сказание отмечает, что «Глеб стал на Смядыни в ладье», убийцы встретили его «в устье Смядыни», тело убитого князя лежало брошенным «меж двух колод» в «пустынном месте», которое однако посещали «купцы, охотники и пастухи» (Жития..., 1916. С. 39–43).

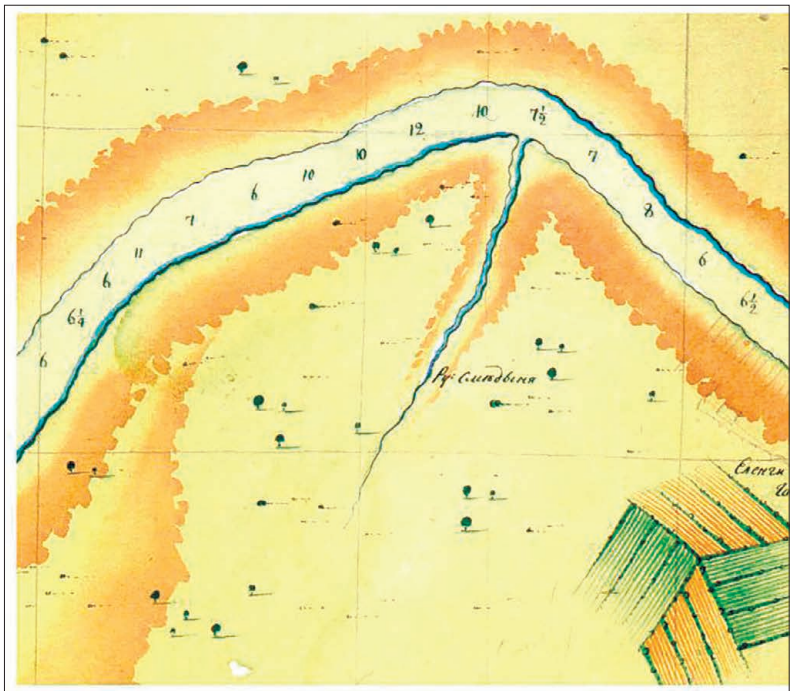
Археологическое изучение урочища Смядынь имеет длительную историю (Бегунова, 2015). Раскопки на территории Борисоглебского монастыря были

[1] Статья опубликована в журнале «Российская археология», 2018. № 2. С. 124–134.

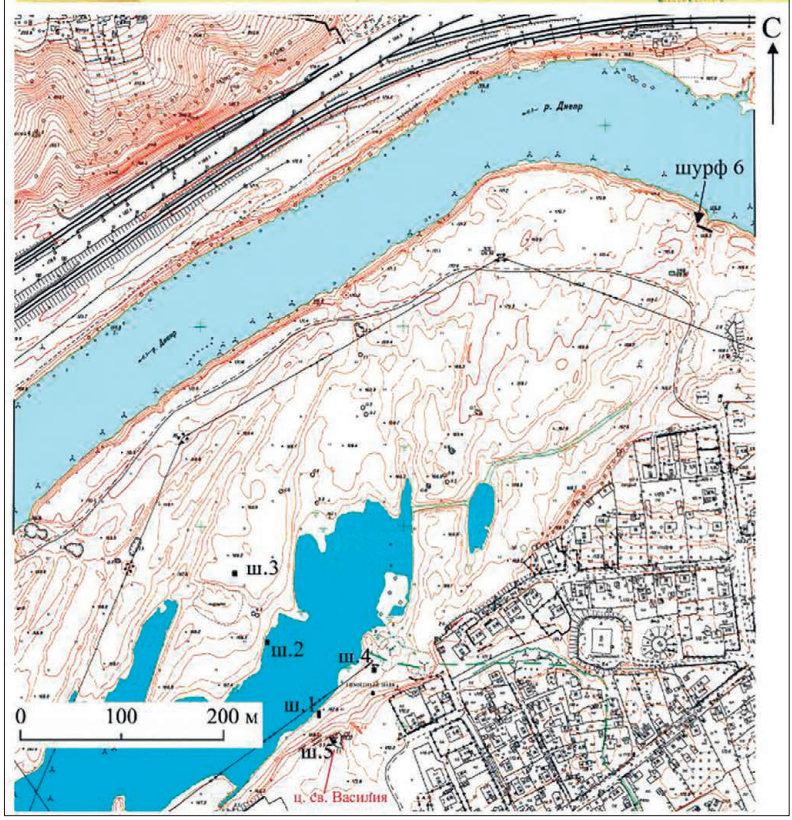
начаты А.С. Уваровым еще в 1883 г. и затем неоднократно повторялись. Последний раз работы здесь проводились Н.В. Сапожниковым в 1993 г. и имели новостроечный характер. Вопросы архитектурной археологии в основном были решены нашими предшественниками (Воронин, Раппопорт, 1979). Однако за последние 30 лет никто не проводил мониторинга состояния выявленных археологами фундаментов. На фотографиях начала XX в. видно, что при раскопках обеих церквей Борисоглебского монастыря на Смядыни были расчищены не только фундаменты, но и стены высотой до 2 м, но что от них сохранилось до нашего времени? Не было также и точных данных о местонахождении изучавшихся церквей, так как общий план местности в работах предшественников отсутствовал.

Исследования в пойме. Участок поймы левого берега Днепра в районе Смядыни имеет рельеф, напоминающий стиральную доску, представленный параллельными гривами (береговые валы) и ложбинами (старорусельными понижениями), образовавшимися при поэтапном смещении русла реки в западном направлении. В тыловой части поймы прослеживается старорусельное понижение, которое и в настоящее время затапливается паводковыми водами в годы высоких паводков, вода стоит здесь до начала лета (рис. 1). Особенно хорошо этот рельеф виден на аэрофото и космических снимках (рис. 2). Шурфовка валообразных гряд в центре пойменного расширения показала их молодой возраст (шурфы 2 и 3). Погребенные почвы в шурфах отсутствовали, отложения состояли из аллювиальных песков и супесей. Судя по находкам позднесредневековой керамики в шурфе 3, формирование тела прируслового вала происходило на протяжении последних нескольких столетий. В тыловой части поймы был заложен шурф 1. Здесь на глубине 4 м от современной поверхности (если не учитывать техногенные навалы грунта XX в., то глубина будет 3 м) исследованы оглеенные старичные отложения (суглинок сизого цвета), содержавшие фрагменты веток. По гуминовой вытяжке из грунта получена дата 1606±55 (SPb-1473), а по древесине (веточка) – 762±30 (SPb-1473A). Более молодая дата при калибровке указывает на интервал 1245–1277 гг. с вероятностью в 63.5%. Таким образом, русло Днепра уже в это время отошло от бровки террасы в северном направлении на несколько десятков метров, а в тыловой части поймы существовало постепенно заполнявшееся старичное понижение. Аналогичная картина прослежена на гнёздовском сегменте правобережной поймы (Александровский и др., 2005. С. 120).

Шурф 4 был заложен, видимо, на левом берегу исчезнувшей речки в пределах выхода долины р. Смядынь в пойму Днепра. Уже в начале XX в. здесь не было воды, что видно на фотографиях того времени. Примерно на глубине 1 м от современной поверхности в шурфе прослежена погребенная почва (горизонт суглинка серого цвета мощностью до 15 см). Находки на этой почве

1

2

Рис. 1. Сегмент поймы левого берега Днепра в районе Смядыни. 1 – карта русла Днепра 1784 г. (Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 846. Оп. 16. Д. 24081. Л. 45 об.); 2 – карта 2010 г. с нанесенными местами археологических шурфов

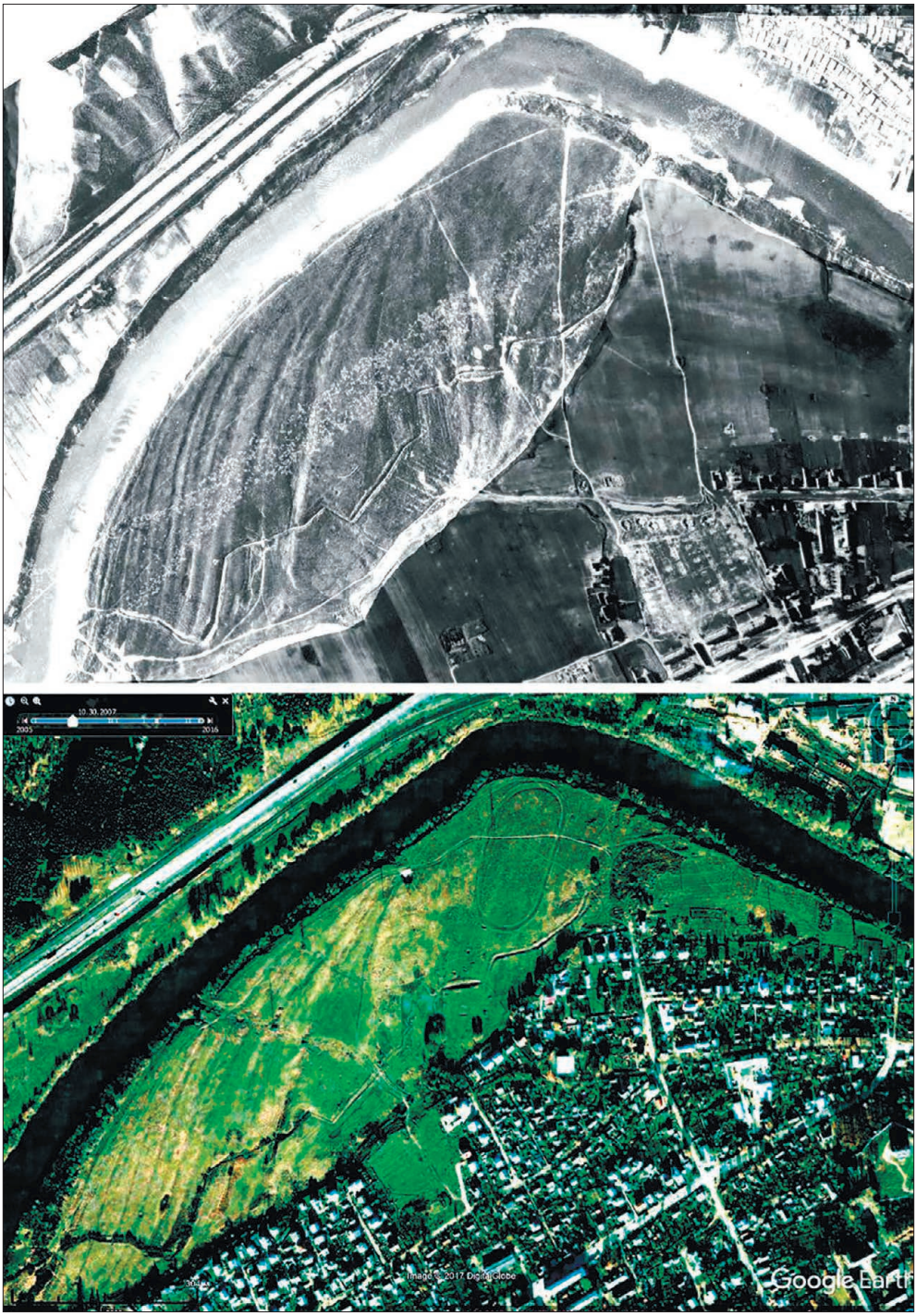

Рис. 2. Сегмент поймы левого берега Днепра в районе Смядыни на снимке 1941 г. (1) и 2007 г. (2).

датируются в интервале XIII–XIX вв. (от стеклянного браслета до поливной керамики). Ниже залегал суглинок без ясно выраженной слоистости. В этом слое на глубине 1.9 м прослежен горизонт залегания керамики X – начала XI в., в том числе развал раннекругового горшка с линейно-волнистой орнаментацией (рис. 3). Скопление керамики находилось в толще однородных отложений, довольно хорошо проработанных почвенными процессами. Наличие развала горшка предположительно указывает на то, что керамика не была транспортирована, а отложилась на том месте, где происходила человеческая активность. Ситуация, зафиксированная в шурфе 4, позволяет предположить, что здесь был относительно сухой участок (старичные отложения отсутствуют), где можно было подняться на первую террасу.

Нами предпринята попытка отыскать русло Смядыни, изображенное на карте 1784 г. (рис. 1, *1*). Для этого заложен шурф 6, прорезавший небольшой овраг – желоб стока паводковых вод, впадающий в Днепр (рис. 1, *2*). Изучение этого шурфа дало ценные материалы для понимания стратиграфии пойменных отложений Днепра, но с очевидностью показало, что русло Смядыни находилось не здесь. Вероятно, его надо искать на 100–150 м западнее. В толще пойменных напластований можно выделить три погребенные почвы, разделенные прослоями слоистого песчаного аллювия быстрого накопления (рис. 4). Верхняя из этих почв (1а) залегала на глубине 165–180 см от современной поверхности и имела слабую гумусовую прокраску. Видимо, данная почва формировалась за относительно короткое время, и ее можно обозначить, как слаборазвитая.

Следующая почва (почва 2) залегала на отметках 235–245 см. Это темный серо-бурый суглинок, светлеющий книзу, толщиной до 10 см. В нем присутствуют древесные угли размером 1–2 мм (Примечание 2025 г. По углям была получена дата (UOC 7994) 1243 ± 21 калиброванное значение: 703 (38,1 %) 740 AD; 789 (30,2 %) 824 AD). Эта почва хорошо прослеживается и в других разрезах поймы Днепра в районе Смоленска. В районе устья р. Ольшанка данная почва залегает на глубине 1 м от поверхности высокой поймы и на ее поверхности найдена лепная и круговая керамика конца I тыс.н.э. – XI в. (шурфы 2017 г.). В районе устья р. Катынка изучен пойменный разрез со сходной стратиграфией. В основании почвы 2 в катынском разрезе получена радиоуглеродная дата 1690±70 (MKL-3629) (Краковская лаборатория), калиброванное значение – 260–430 гг. н.э. (68,2%), а на поверхности почвы залегала керамика XV–XVI вв. В шурфе возле Ольшанского городища в толще данной почвы были найдены угольки, давшие радиоуглеродный возраст 1554±26 (UOC-5860) (Лаборатория университета в Оттаве, Канада). Калиброванное значение – 430–540 гг. (68,2%). На гнёздовском сегменте поймы данная почва залегала на глубине 170 см, была обозначена М.А. Бронниковой как «гнёздовская» и, по ее определению, имела лесной генезис. Время форми-

рования этой почвы – 2200–800 лет тому назад (Murasheva et al., 2012. P. 30). Ниже в шурфе 6 залегает почва 3 на отметках –270.

Почва 3 – это серо-бурый суглинок с включениями единичных угольков. Толщина почвенного горизонта – около 27–30 см. Прослой почвы светлее как книзу, так и кверху. Средний уровень – наиболее темный. Почва залегает почти горизонтально.

Под почвой 3 залегает пачка слоистого аллювия – бурая супесь и опесчаненные прослои. На отметках –320...–325 прослеживается горизонт слаборазвитой почвы 3а с включениями редких угольков. Толщина этой почвы – 3–5 см. Под ней – пачка слоистого аллювия. Дно разреза находилось на отметках –339...– 399, примерно на 4 м выше меженного уровня Днепра в данном месте (162 м). Археологические находки в шурфе 6 не обнаружены.

Исследования Васильевского храма. Чтобы точно локализовать местоположение Васильевского храма[1], был заложен небольшой раскоп в том месте, где предположительно находился его северо-западный угол. Траншея, примыкавшая к раскопу, прорезала прибровочную часть первой террасы. В ходе раскопок выяснилось, что валообразные гряды, принятые сперва за руины стен, на самом деле являются отвалами археологических раскопок прошлых лет. Стена была полностью разобрана, сохранился лишь фундамент. Раскоп вскрыл северо-западный угол. Таким образом, местоположение храма удалось точно определить и привязать к геодезическому реперу № 312, расположенному рядом. При этом стало ясно плачевное состояние руин храма. Вся восточная часть постройки уничтожена грунтовой дорогой (при ее прокладке, по словам местных жителей, использовался бульдозер), спускающейся в пойму. Сохранились лишь фундаменты западной трети здания.

Слой отвалов прежних раскопок содержал довольно значительное количество находок древнерусского времени, связанных с храмом, – обломки плинф, в том числе с клеймами, кровельные гвозди, мелкие фрагменты штукатурки с росписью, фрагмент амфоры-голосника и поливной древнерусской керамики. Встречались также и поздние находки – обувная подковка XVII–XVIII вв., железная пряжка с орнаментом, монеты 1930 и 1932 гг.

Северо-западный угол храма выявлен в кв. 4, 5, 4а, 5а. В кв. 1–3 под отвалами старых раскопок прослежена поверхность погребенной почвы (слой 2). Гумусовый горизонт этой почвы не сохранился, но подзолистый горизонт прослеживался. Отметки этой почвы – –75...– 83 (кв. 2 и 3). В кв. 1 поверхность почвы резко падает на север в сторону Днепра – это бровка склона первой террасы.

---

[1] Атрибуция малого храма как Васильевского принадлежит Е.Н. Клетновой, это мнение затем поддержано Н.Н. Ворониным и П.А. Раппопортом. Существует, однако, и другое предположение, высказанное И.М. Хозеровым (1994. С. 112, 113), о том, что малая церковь на краю террасы – это древнейший Борисоглебских храм монастыря, возведенный в 1141 г.

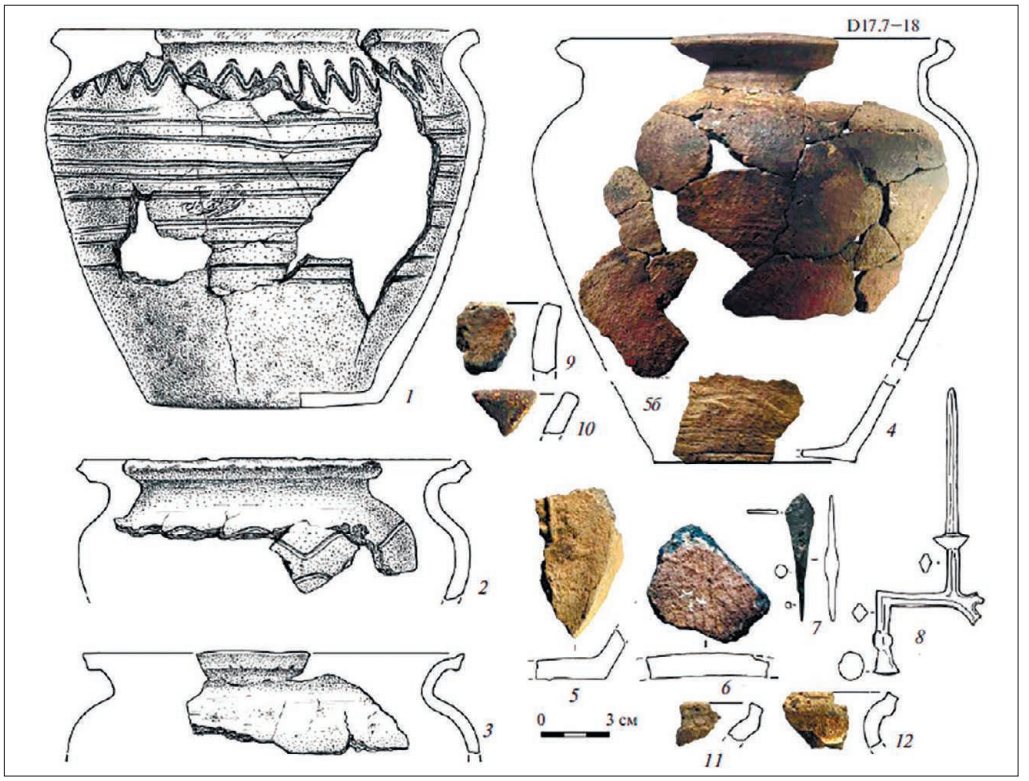

Рис. 3. Находки из шурфов. 1–3 – керамика X–XI вв. из шурфа 4; 4–6, 11, 12 – керамика конца XI – начала XII в., залегавшая на поверхности погребенной почвы возле храма; 7 – железный наконечник стрелы; 8 – фрагмент бронзового хороса; 9, 10 – лепная керамика второй половины I тыс.н.э. 4–12 – из шурфа 5.

На поверхности слоя 2 в кв. 1–3 найдены предметы XII в. В центре кв. 2 обнаружен развал горшка (рис. 3, *4*). По форме этот горшок можно отнести к XII в., вероятно, к первой его половине. В кв. 5 найден железный кованый гвоздь с остатками свинцовой кровли. В кв. 1 важнейшими находками стали железный наконечник стрелы (рис. 3, *7*) и фрагмент бронзового хороса (рис. 3, *8*). Сходный фрагмент хороса ранее был найден в Смоленске при раскопках Пятницкого конца (Пронин и др., 2011. Ил. 119). Обломки бронзовых хоросов в виде стержней, на которые насаживались свечи, неоднократно встречались в древнерусских городах, в частности, в Новгороде Великом (Гайдуков, 1992. С. 99. Рис. 71).

В кв. 2 и 3 на уровне погребенной почвы найдены два фрагмента лепной керамики (в том числе венчик) второй половины I тыс. н.э., сильно окатанные. Основная масса керамики из слоев 1 и 2 относилась к XII в. Важно отметить, что среди керамики присутствовали немногочисленные фрагменты венчиков, которые можно отнести к XI в. (рис. 5, *11, 12*).

На отметках –84...–96 в кв. 4 и 5 обозначился контур траншеи раскопок 1909 г., заполненный темно-бурой супесью с включениями строительных материалов: плинфяной крошкой, известью, цемянкой. При дальнейшем углублении поверхности раскопа до отметок –120...– 130 в кв. 2–5 обозначились контуры погребальных ям (семь погребений), ориентированных по линии З–В, и четко проступил угол фундамента церкви. Погребения были оставлены в законсервированном виде, возле фундамента выкопано три зондажа для изучения его размеров и характеристик (зондажи 1, 2 и 4).

Зондаж 3 – внутри здания церкви в юго-восточном углу кв. 5а – дал весьма ценную информацию. В профиле бортов прослеживалась погребенная почва, перекрытая подсыпкой, на которую был настелен пол храма. Верх слоя подсыпки и плитки пола полностью утрачены. Зато отметка поверхности погребенной почвы имеет важное значение. Нивелировочный уровень погребенной почвы в наименее нарушенном участке имел значение –100. Фрагментарно сохранился гумусовый горизонт погребенной почвы (темно-серая супесь), особенно в самом юговосточном углу кв. 5а. Изучение профиля проведено почвоведами во главе с М.А. Бронниковой (Институт географии РАН). Отмечено наличие антропогенных изменений почвенного профиля, сформировавшегося исходно под лесом.

С помощью зондажей 1 и 4, составлявших пару, установлены габариты западной стены храма. Ширина стены составляла 150 см. Основание фундамента находилось на отметках –150 (зондаж 4) и –156 (зондаж 1).

Основание фундамента сложено из битой плинфы (залегает плотно, бессистемно, пространство между обломками занято переотложенной материковой супесью), часть плинф – вторичного использования (со следами раствора); по подошве фундамента прослеживаются булыжники.

Линия западной стены имела небольшой выступ ровно по границе кв. 4 и 5. Видимо, это след лопатки, украшавшей угол храма. Ширина выступа – 2 м, глубина – 0.22.

Зондаж 2 вскрыл западный фасад фундамента в северо-западном углу храма. Отметки дна фундамента в этом зондаже находились на уровне –160. В основании фундамента – мелкие и средние булыжники, сам фундамент сложен из битой плинфы.

Расчистка развала западной стены в кв. 4 и 5 показала, что регулярность кладки полностью утрачена. Лишь в одном месте в южной части кв. 5 прослеживались несколько плинф, лежавших почти горизонтально. Размеры плинф – 20,5×4; 21×4; 20,5×3,8; 20,5×3,7; 19,7×3,7; 19,7×3,7 см. Лишь в одном случае установлена длина плинфы – 29,5 см.

Ширина развала северной стены храма по восточному борту кв. 4а составляла 160 см. На отметке –95 в кладке фундамента расчищен крупный камень, который, видимо, лежал в основании выступа лопатки. В северо-восточном

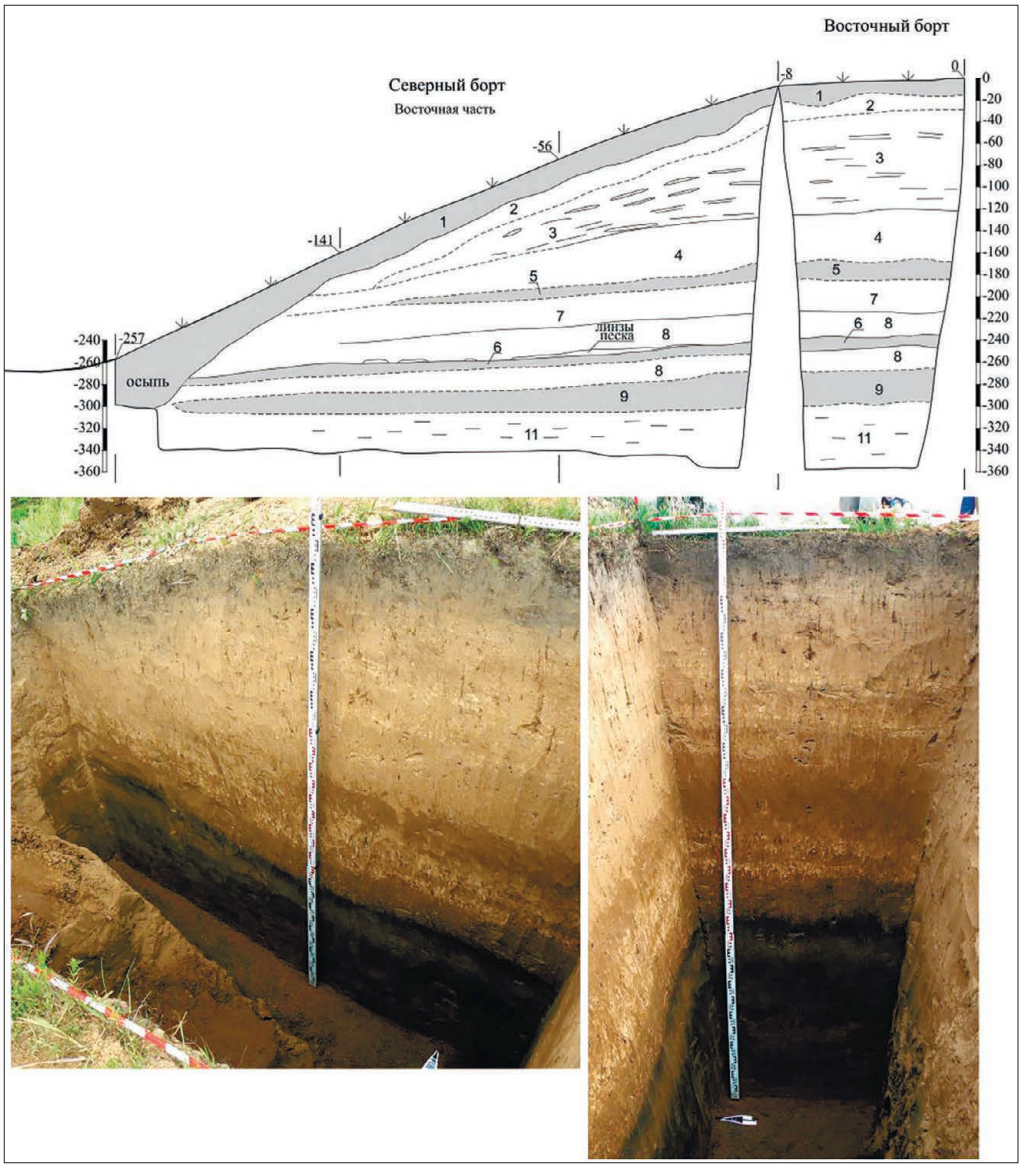

Рис. 4. Чертеж и фотография стратиграфического разреза отложений поймы Днепра (шурф 6). 1 – темно-серая супесь (гумус) – почва 1; 2 – светлая серо-бурая супесь; 3 – слоистый песчаный аллювий; 4 – однородная пылеватая светло-бурая супесь; 5 – светлая серо-бурая супесь – почва 1а; 6 – темная серо-бурая супесь – почва 2 (так называемая гнёздовская почва); 7 – светло-бурый песок с пятнами ожелезнения; 8 – светло-бурая супесь; 9 – темно-бурая супесь с единичными угольками – почва 3; 10 – темно-бурая супесь с угольками – почва 3а; 11 – бурая супесь.

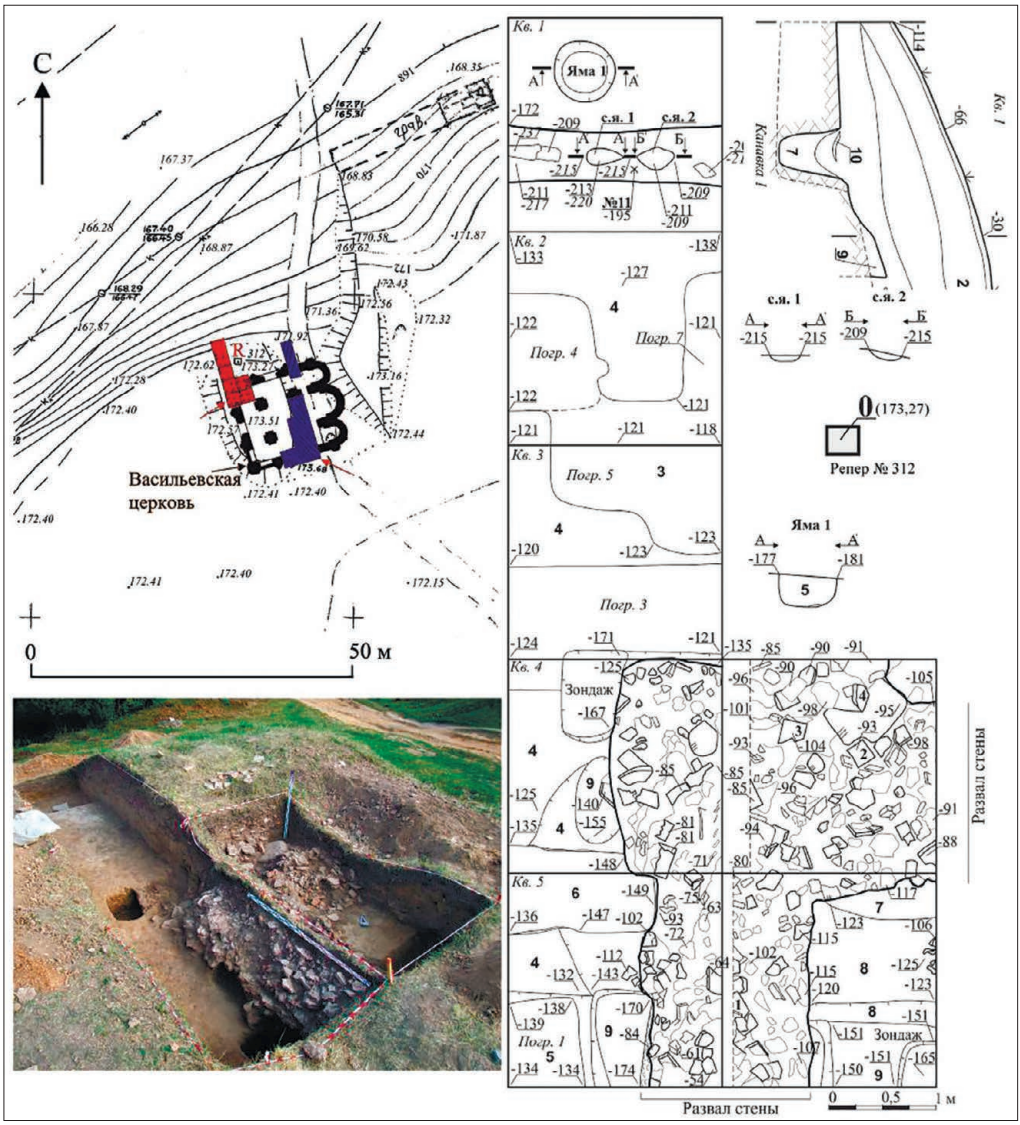

Рис. 5. Топографический план Васильевского храма на Смядыни (1); план (3) и фото с юго-запада (2) шурфа 5. Цифрами на плане (3) обозначены: 1 – серо-бурая супесь, слой 1; 2 – слой 2 (светло-бурая плотная супесь с включениями строительного мусора); 3 – переотложенный материковый грунт; 4 – предматерик; 5 – смесь переотложенного материка и предматерика (бурая и светло-бурая супесь); 6 – бурая супесь; 7 – смесь материковой и светло-бурой супеси; 8 – светло-бурая супесь (погребенная почва); 9 – материк (ярко-бурая супесь); 10 – светлая супесь.

углу кв. 4а прослеживался след траншеи 1909 г., заполненной строительным мусором.

В кв. 1 при зачистке материка обнаружена шедшая вдоль бровки террасы канавка с заполнением из мешаного суглинка и супеси. Канавка шириной в верхней части 40–50 см прорезала слоистую толщу аллювиальных отложений на глубину 60–70 см. На дне канавки прослежены ямы от частокола. Столбы, видимо, стояли вплотную друг к другу. Концы бревен были заточены. Диаметр бревен – около 20 см. В заполнении канавки найдено шесть фрагментов круговой древнерусской керамики и одна лепная стенка.

С внешней стороны ограды в северо-западном углу кв. 1 зафиксирована округлая яма 1 диаметром 60 см, глубиной до 30. Заполнение – светло-бурая супесь. Дно плоское.

Выводы. В результате проведенной работы удалось точно определить местоположение ц. Василия. Важно подчеркнуть, что использованный при ее строительстве вторичный материал, бывший ранее в употреблении, косвенным образом указывает на то, что это не первое каменное сооружение монастыря.

Выявлен горизонт дневной поверхности времени строительства церкви. Получены данные о ширине фундаментов западной и северной стен храма, а также глубины их заложения и состав заполнения. Установлено, что место, где был возведен храм, раннее подвергалось достаточно интенсивному хозяйственному использованию, сопровождавшемуся отложением в земле керамики, начиная со второй половины I тыс.н.э. Наличие фрагментов круговой керамики XI в. показывает, что и в это время на данном месте была какая-то активность, но непотревоженный слой этого времени в раскопе не сохранился.

Основная масса находок связана с самой церковью – это битая плинфа, фрагменты амфор-голосников, куски расписной штукатурки и кровельные гвозди с остатками свинцовой кровли. Бытовая керамика древнерусского времени связана с функционированием монастыря. Данный состав находок фиксировали и предшествовавшие раскопки (Воронин, Раппопорт, 1979. С. 151–162). Уникальна находка фрагмента бронзового хороса. Есть все основания предполагать, что хорос находился именно в ц. Василия. Деревянная ограда-частокол проходила по бровке террасы. Ранее эта стена не фиксировалась. Время сооружения деревянной ограды точно не определено. Дату *post quem* дают древнерусские фрагменты керамики XII в. из заполнения частокольной канавки. Нельзя полностью исключить предположение, что это ограда XVII в., связанная с периодом русско-польских война за Смоленск. Так, на гравюре В. Гондиуса показана некая ограда укрепленного военного лагеря по кромке террасы возле ц. Василия (Воронин, Раппопорт, 1979. Рис. 70). Однако наиболее вероятно, что стена древняя, времени основания мона-

стыря, так как стратиграфические данные скорее свидетельствуют в пользу того, что канавка предшествует строительству Васильевской церкви.

К сожалению, приходится сделать вывод, что археологические раскопки 1909 и 1972/1974 гг. способствовали почти полному разрушению остатков Васильевской церкви, а никак не послужили делу ее сохранения. Особенно катастрофичными оказались последующие за ними хозяйственные работы. Раскрытые фундаменты не были законсервированы. Охрана памятника не велась. В настоящее время сохранилась лишь западная стена и, вероятно, небольшие участки северной и южной стен. Центральная и восточная части храма полностью утрачены.

При изучении поймы в районе поиска русла пересохшей р. Смядынь установлено, что современный желоб стока пойменных вод находится на новом месте, прорезает свиту древних отложений. Русло Смядыни можно искать к западу от шурфа 6. Вскрытая шурфом 6 стратиграфия пойменных отложений показывает, что в данном месте сохранился древний участок поймы Днепра, включающей несколько погребенных почв. Для уточнения возраста этих почв необходимо проведение радиоуглеродного датирования. Весьма вероятно, что угли в почвах – это результат деятельности людей. Вероятно, что темноцветный горизонт почвы 3 имеет среднеголоценовый возраст, а почва 2 относится к эпохе субатлантика и сопоставима с «гнёздовской» почвой.

Дальнейшие разведки следует направить на выявление русла р. Смядынь и ее берегов, на которых, вероятно, можно будет обнаружить следы человеческой деятельности, в том числе и начала XI в., в чем убеждают результаты шурфовки 2014 г.

Авторы благодарны о. Павлу Петровскому, настоятелю ц. Архангела Михаила (Свирской) за финансовую поддержку и инициативу по возобновлению археологических раскопок в Борисоглебском монастыре. В работах принимали участие археологи И.С. Аникин, Д.В. Валуев, А.А. Войцик, М.В. Лавриков, Д.С. Могилев, Т.Ю. Муренцева, В.С. Нефедов, Р.Б. Платоновский, В.А. Раева; архивный поиск – Б.В. Кудрявцев.

Авторы благодарят также Петра Киттеля за сотрудничество и предоставленные данные о результатах радиоуглеродного датирования в Краковской лаборатории.

Н.А. Кренке, И.Н. Ершов,
Р.Б. Платоновский, В.А. Раева

РЕМЕСЛЕННЫЕ ОКРАИНЫ ДРЕВНЕРУССКОГО СМОЛЕНСКА[1]

Статья представляет новые находки на окраине древнерусского Смоленска. Уточнены границы и определена площадь города на начало XIII в. (220 га). На юго-восточной окраине Смоленска выявлен участок резкой границы территории, застроенной в XII–XIII вв., и прилегающего поля. Обоснован тезис о максимальном протяжении городской территории на юг вплоть до современной площади Победы. В то же время установлено, что территория Авраамиева монастыря не входила в черту древнерусской застройки. Описываются результаты раскопок ювелирной мастерской второй половины XI в. на восточной окраине Смоленска, где изготавливались бронзовые амулеты, украшения и предметы христианской пластики. На западной окраине правобережной части города на берегу р. Городянка (200 м от церкви XII в. Петра и Павла) выявлены следы деятельности стекольной или стеклоделательной мастерской XII–XIII вв. Находки, связанные с этой мастерской, – куски стекла-сырца, капли стеклянной массы, фрагменты плинф и керамики с натеками стекла, а также обломки разноцветных оконниц, которые предположительно изготавливались здесь.

Ключевые слова: древнерусский Смоленск, границы города, ювелирная, стеклоделательная мастерская, амулеты, оконницы.

Исследование окраин древнерусского Смоленска важно по нескольким причинам. Во-первых, очень актуальной задачей является выяснение размеров городского поселения в период его максимального развития в конце XII – середине XIII в. Во-вторых, на окраине древнерусского города сохранились древности первой половины XIII в. в относительно «чистом» виде. Городская территория в XIV в. сжалась, как шагреневая кожа, поэтому древнерусский культурный слой XII–XIII вв. на окраине оказался перекрытым существенно более поздними наслоениями, которые легко отделяются. Таким образом, в результате наличия «горизонтальной стратиграфии» удается уточнить хронологию некоторых типов изделий. В-третьих, на окраинах Смоленска, как показали исследования, располагались ремесленные центры, связанные с огнеопасными производствами. Эти объекты, ювелирная и стеклоделательная мастерские, – ценнейшие археологические источники.

В статье в первую очередь представлены материалы раскопок Смоленской экспедиции ИА РАН, проведенные в 2014–2018 гг. (рис. 1). Они дают представление о периферии города в нескольких важнейших направлениях – на левобережье Днепра в восточном и южном направлениях, на правобережье – в западном направлении. Перечислим ключевые объекты: 1) разведочные раскопки на набережной Днепра (ул. Набережная Максима Горького, бывш.

[1] Статья опубликована в журнале «Российская археология», 2019. № 3. С. 158–170.

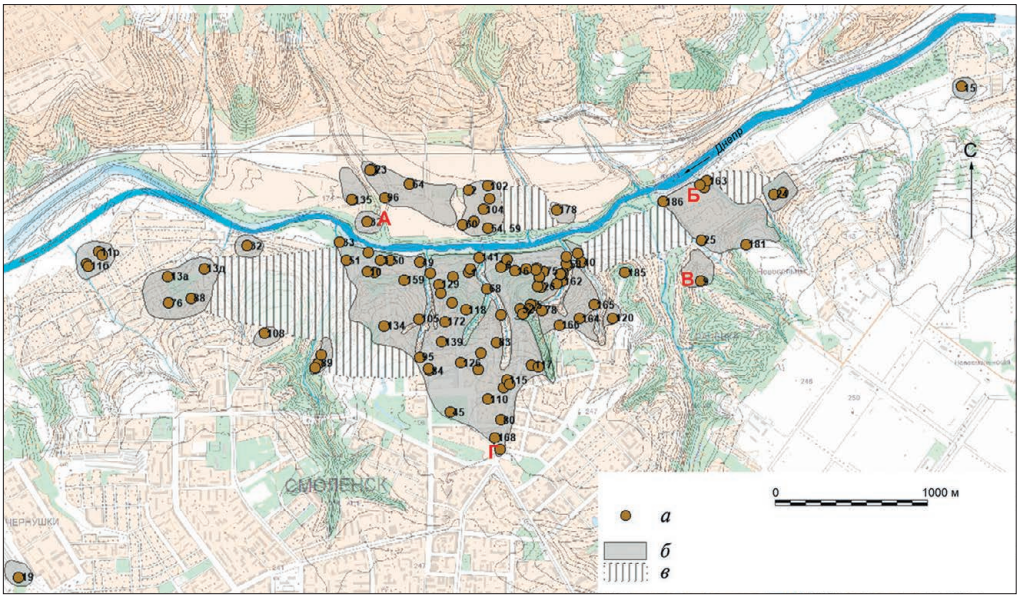

Рис. 1. Карта Смоленска с нанесенной границей культурного слоя XII–XIII вв. (составлена авторами совместно с Н.М. Эрман и В.А. Низовцевым). Кружками с номерами показаны объекты с находками XII–XIII вв. А – раскопы на улице Кашена 15б; Б – шурфы на наб. Максима Горького 22, 24, 26; В – шурфы и раскопы в Новосельцах; Г – раскопы возле Молоховских ворот. Условные обозначения: а – керамика XII–XIII вв.; б, в – ареалы культурного слоя XII–XIII вв. (б – селитебные земли на основе выявленных культурных слоев; в – реконструкция культурного слоя, предполагаемые селитебные земли)

ул. Набережная) в районе Рачевки (восточная окраина города); 2) раскопы в строящемся микрорайоне Новосельцы, расположенные на высоком берегу над Рачевкой, и раскоп на территории Авраамиева монастыря (юго-восточная окраина города); 3) участок наблюдений в районе здания гостиницы «Смоленск» возле бывших Молоховских ворот (южное направление); 4) раскопы на правом берегу р. Городянка в районе ц. Петра и Павла на правом берегу Днепра (западное направление).

Смоленский пригород Рачевка занимает нижний уровень долины Днепра и тянется к востоку от речки Рачевка до ручья, верховья которого находятся в районе Окопного кладбища. Более возвышенная тыловая часть поймы была густо заселена в XII–XIII вв. На двухкилометровом участке от левого берега Рачевки до ручья Протока вдоль бывшей улицы Великой, а затем Окопной (ныне ул. Соболева) сохранились остатки четырех церквей XII–XIII вв. (Сапожников, 2016. Рис. 42).

Рис. 2. Находки из ювелирной мастерской второй половины XI в. на Рачевке. Реставраторы П.Г. Дервиз, М.В. Лавриков.

Исследования 2014–2016 гг. позволили выявить границы распространения древнерусского слоя вдоль кромки левого берега Днепра. Оказалось, что от устья Рачевки на восток до безымянного ручья, протекающего в трубе под современным 1-м переулком Горького, встречаются находки керамики XI в., а далее выше по течению Днепра еще на 500 м (как минимум) простирается слой с находками XII–XIII вв. На левом (западном) берегу упомянутого выше безымянного ручья в 2015 г. обнаружены остатки ювелирной мастерской второй половины XI в., удаленной от русла Днепра на 70–100 м. Результаты первого сезона исследований этой мастерской опубликованы (Кренке и др., 2016). Второй сезон работ, проводившихся на соседнем дворовладении (наб. М. Горького, 22), оказался не менее продуктивным. Шурфами выявлена ограда, разделявшая две усадьбы ювелиров. Ориентирована ограда была параллельно берегу Днепра и перпендикулярно руслу ручья. Ограда представляла собой плетень, основание которого было углублено в канавку. Находки, связанные с ювелирным производством, залегали по обе стороны от плетня в основании культурного слоя над материком (нижние 10–20 см). В комплекс этих находок входили многочисленные обломки тиглей, капли бронзы, куски сырья в виде прокованного медного прутка (рис. 2, *15*), стержень литника с обломанными готовыми изделиями (рис. 2, *16*) и готовые вещи. Керамика, которая сопровождала этот комплекс, может датироваться второй половиной XI в. (рис. 2, *18–25*).

Среди вещей есть украшения, амулеты и христианская пластика. Конечно, только относительно некоторых вещей можно с уверенностью говорить, что они были произведены в данной мастерской. К таким вещам относятся заготовки украшений, например еще не согнутые пластины колец, в том числе с необработанными заусенцами (рис. 2, *12*). Относительно других вещей можно сомневаться. Допустима версия, что мы имеем дело с ломом, собранным для переплавки. Однако версия, что возле забора ограды скопилась именно бракованная (?) продукция мастерской, на наш взгляд, более вероятна. Аргументом в пользу того, что найденные предметы – это именно продукция мастерской, служит серийность изделий. Так, найдено три почти тождественные ложечки-амулета, четыре нательных креста сходной стилистики. Важно, что в комплексе присутствует подвеска «смоленского типа» – конек (левкрота). Данный экземпляр (рис. 2, *11*) не вполне закончен, сохранились заусенцы и не прорезаны уши. Это уже третья подвеска, найденная в ходе работ нашей экспедиции в Смоленске. Таким образом, предположение Б.А. Рыбакова о том, что центр производства древнерусских амулетов следует искать «или в самом Смоленске, или поблизости от него» (Рыбаков, 1948. С. 458) становится все более вероятным. Большой интерес представляет серия нательных крестов (рис. 2, *5–8*). Лопасти имеют округлое завершение и небольшие боковые «отростки». Один из крестов имеет отличие – на нем

изображено очень схематичное распятие (рис. 2, *6*). Аналогичный крест был найден на Троицком раскопе в Великом Новгороде в слое конца XI – первой четверти XII в. (Покровская и др., 2017. Рис. 6, *3*). В комплексе находок есть и уникальный предмет, которому мы пока не нашли аналогии (рис. 2, *9*), – обломок заготовки перстня или браслета с литым изображением птиц (уточек).

Керамика, которая сопровождала комплекс металлических изделий, имеет характерные особенности (рис. 2, *18–25*). Она сделана из светложгущейся, почти белой глины, на донцах горшков обычно имеются клейма, венчики сохраняют редуцированные манжеты. Все эти признаки не характерны для смоленской керамики XII в., которая хорошо известна по раскопам Д.А. Авдусина на ул. Соболева. Судя по белорусским и южнорусским аналогиям, подобный керамический комплекс следует датировать второй половиной XI в. В XII в. специализация усадьбы изменилась. В вышележащем пласте с керамикой XII в. уже отсутствовали массовые находки, связанные с бронзолитейным производством, – тигли, выплески бронзы.

Таким образом, работы на Рачевке позволили установить, что здесь, на восточной окраине распространения древнерусского культурного слоя Смоленска, в конце XI в. находились по крайней мере два двора мастеров-ювелиров.

На высоком коренном берегу Днепра над Рачевкой до недавнего времени были поля. Сейчас строится микрорайон Новосельцы. Эта местность в старину носила название «Черторига». Юго-восточнее, в верховьях Окопного оврага, ранее существовала д. Новоселки. Н.В. Сапожников, вслед за С.П. Писаревым, предположительно локализовал здесь так называемую Веденецкую сотню города XVI–XVII вв. (Сапожников, 2016. С. 103, 176. Рис. 39). «Веденец» означает «пришлого человека, переселенца», т.е. территория сотни была заселена переселенцами.

Известно, что некоторые долинные участки Рачевского предместья были во владении церкви еще с древнерусского времени (Сапожников, 2016. С. 106). Однако вряд ли вся территория Рачевки и кромки коренного берега целиком могла принадлежать исключительно церкви, о чем косвенно свидетельствует и известный акт 1495 г., грамота великого князя литовского Александра смоленскому епископу Иосифу: «Дали есмо к церкви Божои Пречистой Соборной (..) (мъстцо) почонши от реки Большое Рачовы обапол дороги Великое, што идет къ перевозу об одну сторону до Днъпра, а об другую сторону дороги уверхъ Днъпра за Малую Рачовку (...) сто и двадцать чъловековъ дворовъ посадити прихожими людьми, Москвичи и Тферичи» (Акты..., 1846. С. 167). Далее в грамоте уточняется, что «мъстца церковные звъчные» были у владыки по всему городу, но именно в это время епископ стал собирать всех своих людей в одно место на *Рачове* (здесь и далее выделено авторами). Содержа-

Рис. 3. Находки из раскопок в Новосельцах. 1 – писало из ямы 22; 2 – замок цилиндрический; 3 – бубенчик щелевидный; 4 – пряжка; 5 – чекан; 6–10 – браслеты; 11–13 – керамика из ямы 22; 14 – светильник. 1, 4, 5 – железо; 2 – железо, медь; 3 – бронза; 6–10 – стекло; 11–14 – глина.

ние акта косвенно дает понять, что до 1495 г. *имелись* в Рачевском предместье участки (и, вероятно, довольно большие), не относившиеся еще к юрисдикции церкви. Кроме того, в документе содержится упоминание *Великой дороги*, шедшей в старину примерно по трассе современной ул. Соболева по территории Рачевки. На гравюре Гондиуса 1632– 1634 гг. исследованное место показано пустырем с редкими деревьями.

На краю склона высокого берега были заложены шурфы и затем два раскопа общей площадью 900 м^2. Раскопки показали, что под пахотным слоем на краю высокого берега сконцентрировано множество ям с материалом древнерусского времени. Выше по склону древнерусские ямы отсутствуют. Здесь прослежены лишь канавки-межи, разделявшие наделы позднесредневековых полей. Таким образом, была выявлена граница участка, заселенного в древнерусское время.

В ямах собран исключительно однородный керамический и вещевой наборы, в целом укладывающиеся в рамки второй половины XII – середины XIII в. Индивидуальных находок обнаружено мало, но они типичны для древнерусского Смоленска поры его расцвета. Это и обломки стеклянных браслетов (рис. 3, *6–10*), бронзовый бубенчик со щелевидной прорезью (рис. 3, *3*), керамический светильник киевского типа (рис. 3, *14*), цилиндрический замок с обмедненной поверхностью (рис. 3, *2*), железные пряжка (рис. 3, *4*), инструмент, похожий на чекан (рис. 3, *5*), а также писало (рис. 3, *1*). Эта находка особенно ценна, так как характерна именно для городских поселений. Писало из Новосельцев, согласно новгородской хронологии, датируется XIII в., оно относится к типу 11, по А.Ф. Медведеву (1960) и Б.Б. Овчинниковой (2000. Рис. 18). Писала в Смоленске были встречены неоднократно, известно более 10 находок (Асташова, 1999; Пронин и др., 2011). Аналогичное писало происходит из раскопа XI на ул. Соболева (ярус 14). Ярус датируется XIII в. (Урьева, 1991). Керамический набор из ямы 22 в Новосельцах, где было найдено писало, вполне соответствует этой дате (рис. 3, *11–13*).

Необычны находки фрагментов керамических плиток с желтой мажущейся краской (необожженная полива?) на поверхности, а также многочисленных обломков плинф без следов раствора. Плинфы, как правило, встречаются в отложениях в центре Смоленска и вблизи руин древнерусских храмов, но в нашем случае эти фрагменты стоит, возможно, связывать с находящимися поблизости на склонах Окопного оврага и склоне коренного берега Днепра (ближе к церкви на Малой Рачевке) развалинами кирпичеобжигательных печей древнерусского времени. Ближайший древнерусский храм, остатки которого были исследованы Н.Н. Ворониным и П.А. Раппопортом в 1965–1967 гг. на Окопном кладбище в 500 м к северо-востоку от раскопа 2, был датирован ими концом XII – началом XIII в., а у соседних церквей на

М. Рачевке и Собора на Протоке были найдены плинфообжигательные печи[1] (Воронин, Раппопорт, 1979. С. 288–299, 318).

Общая численность собранной коллекции керамики раскопов и шурфов превышает 2.5 тыс. фрагментов. Это, как правило, горшки среднего размера, с диаметром горла 16–24 см, с S-образным профилем венчика, край которого загнут вовнутрь, образуя изнутри упор для удержания края керамической крышки (рис. 4). Плечико под венчиком сосуда у таких горшков украшено орнаментом из сочетания горизонтального ряда косых насечек-наколов с многорядной горизонтальной линейной неглубокой нарезкой, идущей чуть пониже. Тесто сосудов с примесью среднего песка, обжиг иногда плохой (керамика при мытье «мажется»), но есть и качественные фрагменты.

Однако в коллекции имеются и такие фрагменты, про которые можно полагать, что они датируются достаточно узко. Высокошейный сосуд с раструбным венчиком, орнаментированный широкой двурядной волной в сочетании с широкополосной горизонтальной нарезкой по тулову (рис. 4, *3*), был найден в яме-погребе 45. Аналогии есть в коллекции из раскопок известного курганного могильника Туринщина (находится в 5 км к юго-востоку от раскопа). Погребение 18, где был найден горшок, скорее всего, относится к первой половине XII в. (Шмидт, 2001. С. 92. Табл. б\н, *1*). Тождественный горшок был найден при наших раскопках 2015 г. в яме постройки XII–XIII вв. возле Троицкого монастыря на Кловке (к западу от Смоленска). Важно отметить наличие в комплексе поливной древнерусской посуды.

Обращают на себя внимание и фрагменты керамики редкого для древнерусского Смоленска типа – развал белоглиняного сосуда со сплошным орнаментом тулова в виде следов зубчатого колесика (рис. 4, *5*). Такая керамика чаще встречается к востоку и северо-востоку от Смоленской земли, к примеру, в раскопках подмосковных и тверских средневековых памятников XII в. Фрагменты импортной амфорной тары, найденные в нескольких ямах и непосредственно в слое вне ям, типичны для культурного слоя города второй половины XII – начала XIII в.

В целом, важно отметить, что комплекс из Новосельцев неотличим от набора находок из города. Мы не знаем, каким юридическим статусом обладало население древнерусских Новосельцев, но с точки зрения материальной культуры оно входило в ареал городской территории Смоленска.

Опорными точками для определения южной окраины древнерусского Смоленска являются раскопы на месте Авраамиева монастыря, в районе городского Лопатинского сада и возле Молоховских ворот (ныне утрачены),

[1] О том, что И.М. Хозеров в 1931 г. нашел плинфообжигательную печь у церкви на Малой Рачевке (первая в Смоленске и вообще в России!), сообщала областная газета «Рабочий путь», № 4 от 29 августа. Выражаем благодарность Ю.Н. Шорину, сообщившему авторам эти ценные сведения.

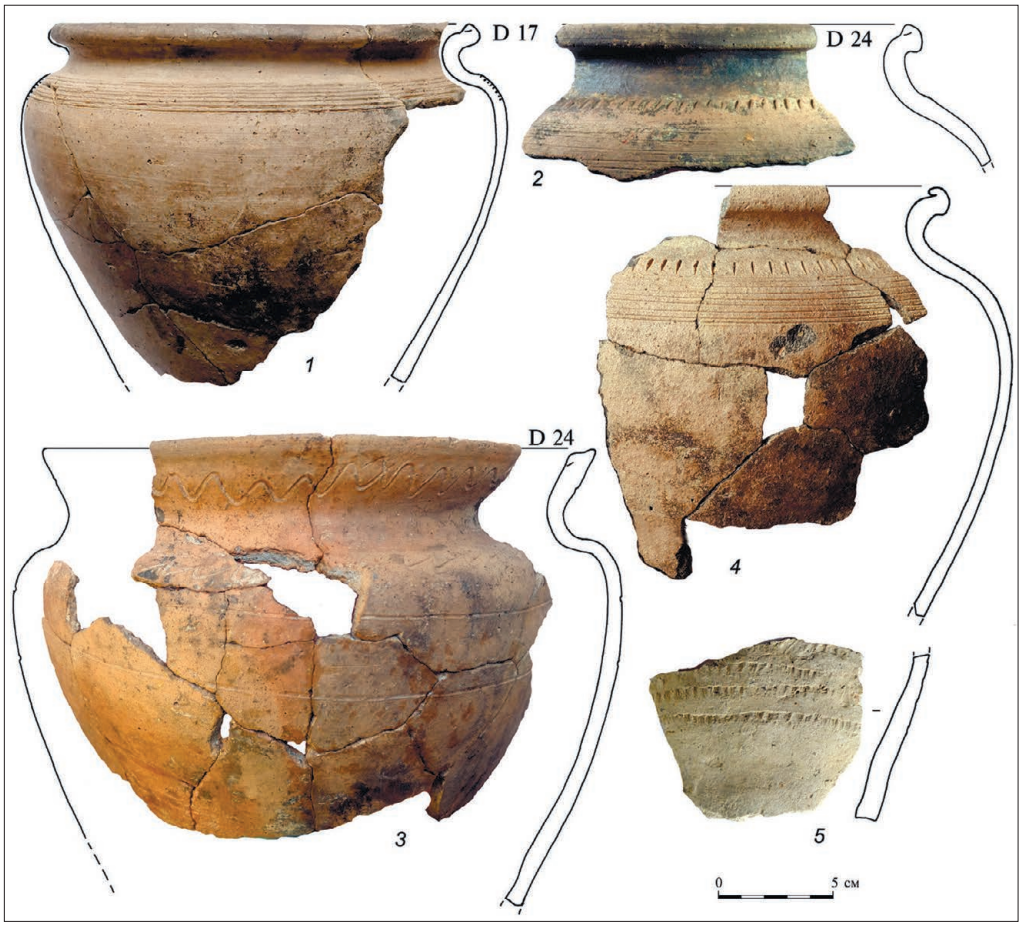

Рис. 4. Керамика XII–XIII вв. из раскопок в Новосельцах (1–5).

через которые проходила основная магистраль от Днепра на юг в сторону Киева – своего рода «Кардо Максимус» Смоленска.

Земляной оборонительный вал Смоленска, опоясывающий город с южной стороны, был изучен четыре раза: два разреза выполнены в районе Авраамиева монастыря Н.В. Сапожниковым и нами в 2018 г.; раскопки вала на площади Победы непосредственно возле Молоховских ворот провел в 2010–2011 гг. Г.Н. Пронин (Пронин, Соболь, 2012); в районе городского Лопатинского сада в 1978 г. – Н.В. Сапожников. Лишь в одном случае – возле Молоховских ворот – обнаружены следы поселения XII–XIII вв. Во всех остальных случаях получен достоверный отрицательный ответ – древнего поселения XII–XIII вв. на месте насыпки вала не было. При раскопках возле Молоховских ворот найдены шиферные пряслица, стеклянный браслет (Пронин, Соболь, 2012. Рис. 63) и керамика, которую авторы раскопок оши-

бочно отнесли к XVI в. На самом деле, это типичная керамика XII–XIII вв. (Пронин, Соболь, 2012. Рис. 69, *3, 4, 6*). Вблизи от этого раскопа аналогичная керамика XII– XIII вв. в единичных экземплярах обнаружена в 2014, 2015 гг. при наблюдениях за прокладкой коммуникаций в сквере за памятником Василию Теркину и при реконструкции гостиницы «Смоленск». Важно отметить, что культурный слой этого времени не зафиксирован. Видимо район площади Победы – это крайняя южная точка селитебного массива Смоленска, вытянувшегося узким «языком» на юг вдоль дороги.

В 2018 г. Смоленская экспедиция ИА РАН провела раскопки на участке будущего строительства аквапарка в Заднепровье на ул. Кашена (бывш. Петропавловская), вл. 15б. Этот участок расположен на равном расстоянии между берегом Днепра и древнерусской ц. Петра и Павла на уровне высокой поймы (8-9 м над урезом воды в Днепре); он также практически вплотную примыкает с запада к руслу ручья Городянка, ныне заключенного в трубу.

Площадь раскопов составила 570 м^2. Отложения культурного слоя оказались маломощными – не более 0,5 м. В верхней части – это слой XVIII–XX вв. Под ним сохранился местами нарушенный древнерусский слой XII– XIII вв. Основная масса древних находок концентрировалась в ямах от построек и ямах хозяйственного назначения. Датировка этих ям не вызывает сомнения. В них найдено более 6 тыс. фрагментов типичной древнерусской керамики, из которых удалось восстановить 10 целых форм (рис. 5), а также другие предметы обихода.

Среди изученных ям этого времени следует особо выделить два объекта. Первый – это огромный по своим габаритам погреб размерами 5,5 × 5,5 м и глубиной около 2,5, выявленный в центре раскопа 1 ближе к руслу речки Городянка. Погреб был укреплен по углам мощными столбами-опорами, а вдоль стен также были ряды менее толстых бревен, вплотную стоявших вертикально. На полу погреба обнаружен глиняный светильник киевского типа. Судя по находкам керамики и вещей, погреб был выкопан примерно в середине XII в. и просуществовал недолго, а затем его деревянная конструкция была разобрана, а сама яма засыпана культурным слоем этого же времени. В этой засыпи найдено множество бракованных плинф (применявшихся, вероятно, при строительстве ближайшей к раскопу ц. Петра и Павла). Особое внимание обратили на себя массивные обломки кирпичей и прокаленной глиняной обмазки, на которых присутствовал расплав стекловидной массы.

При исследовании раскопа 2 в заполнении типичной небольшой древнерусской ямы-погребка 61, уходившей в восточный борт изучавшейся площади, стали встречаться такие же фрагменты прокаленной обмазки и кирпичей с прикипевшей к ним стекловидной массой. Стало ясно, что обнаружены следы стеклоделательного производства древнерусского Смоленска. Верх заполнения ямы 61 был перекрыт развалом большого древнерусского горшка,

Рис. 5. Горшки XII–XIII вв. (1–11) из раскопов 1 и 2 на улице Кашена 15б.

Рис. 6. Отходы стекольного производства и оконницы (1–3, 5–8) – продукция (?) стеклоделательной мастерской в Смоленске, «конек»-левкрота (4), раскоп 2 на ул. Кашена 15б.

так что не было никаких сомнений в датировке находок из нижней части заполнения ямы.

Наиболее достоверные свидетельства наличия стеклоделательной мастерской – куски неиспользованного стекла из ямы 61, некоторые из них с прикипевшими фрагментами плинф (рис. 6, *1, 2*), фрагменты горшков со стекловидной массой внутри и с подтеками стекла на внешней поверхности, капли стекла и стеклянная «сосулька». Вместе с отходами производства в яме найдены обломки оконниц разных цветов – темно-рубинового, зелено-

Рис. 7. Раскопы 2018 г. на улице Кашена 15б, стрелка указывает на яму 61, где были найдены отходы стеклоделательного производства.

ватого, голубого (рис. 6, *3, 5–8*). Очевидно, что печи мастерской находились неподалеку, вероятно, к югу от раскопа, т.е. ближе к Днепру. О том, какие изделия по своему составу соответствуют производившемуся здесь стеклу и какой была мастерская – полного цикла или вторичной переработки готового стеклянного сырья, можно будет сказать после выполнения химических анализов. Важно также отметить, что в западной части раскопа 2 ям почти не было, как и не было их в северной части обоих раскопов. Здесь прослеживались лишь позднесредневековые полевые межи, как в Новосельцах (рис. 7). Таким образом, можно предположить, что стеклоделательная мастерская и примыкавшие к ней сооружения составляли некий «остров», отделенный от застройки, окружавшей ц. Петра и Павла. В керамической коллекции описанных выше раскопов нет ни одного венчика от горшка XI в. Самой ранней находкой является амулет – конек (левкрота), лежавший на материке (рис. 6, *4*). Нужно отметить, что данный амулет имеет отличия от находки из мастерской на Рачевке. Главное отличие – иная форма спины и хвоста «конька». Форма изделия с Рачевки более простая и, возможно, оно более

древнее. Таким образом, начало освоения приустьевого участка правого берега речки Городянка, вероятно, относится к началу XII в. После XIII в. жизнь здесь надолго замирает.

Итак, полученные результаты позволяют несколько детализировать предложенную нами ранее карту распространения культурного слоя Смоленска XII–XIII вв. (Ершов и др., 2017), показать специфику использования окраин города, где размещались огнеопасные ремесленные производства. Приблизительный подсчет площади Смоленска (выполнено в программе SAS.планета), проведенный без вычетов неудобных для заселения крутых склонов оврагов, показал, что площадь города первой половины XIII в. на максимуме его развития равнялась 220 га (190 га – левобережная часть, 30 – правобережная). Участки, где культурный слой предполагается, но пока не выявлен (отмечены штриховкой на рис. 1), в расчет не включались. Достоверно установлено существенное сокращение городской территории после XIII в.

Особенно следует отметить научную значимость открытий ювелирной мастерской второй половины XI в., давшей большой ассортимент изделий, про которые с большей или меньшей уверенностью можно теперь утверждать, что они производились в Смоленске, а также стеклоделательной мастерской XII–начала XIII в., обслуживавшей, вероятно, церковное строительство (изготовление оконниц).

Таким образом, две выявленные мастерские тяготеют к двум противоположным окраинам города – западной и восточной. Но они также тяготеют и к Днепру. Важно подчеркнуть этот последний факт. Еще один комплекс ювелирных мастерских, занимавших два (?) двора, находился на левом берегу Днепра в средней части города. На это указывают находки литейных форм для изготовления ромбощитковых височных колец и прочие отходы ювелирного производства в раскопах Д.А. Авдусина УС-XI на ул. Соболева (Асташова, 1990).

Авторы благодарят Л.В. Покровскую за ценные консультации; И.Н. Кузину и Е.К. Столярову за помощь в интерпретации находок из стекла, П.Г. Дервиза и М.В. Лаврикова за реставрацию находок из металла.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00559.

Н.А. Кренке, И.Н. Ершов, В.А. Раева

КЕРАМИКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XI ВЕКА ИЗ РАСКОПОК НА НАБЕРЕЖНОЙ ГОРЬКОГО (МИКРОРАЙОН РАЧЕВКА) В СМОЛЕНСКЕ[1]

Семь шурфов были исследованы в 2015 и 2016 гг. на территории двух смежных домовладений № 22 и 24 на набережной Горького, расположенных в тыловой части высокой поймы левого берега Днепра на восточной окраине древнерусского Смоленска между устьями двух ручьев (Малая Рачевка и Мавринский) (рис. 1). Во всех шурфах в предматериковом слое был выявлен горизонт с находками второй половины XI в. Более ранние материалы представлены единичными фрагментами лепной керамики конца I тыс. н.э.

Два шурфа попали на границу двух древних усадеб. Были выявлены следы первоначального плетня и сменившего его забора из досок. На обеих усадьбах в основании культурного слоя обнаружены следы ювелирного производства. Были найдены тигли, шлаки, выплески цветного металла, бракованные изделия и заготовки. Таким образом, было установлено, что речь может идти не о единичной мастерской, а, возможно, о «квартале ювелиров».

Мощность нижнего горизонта составляла около 20 см при общей мощности слоя до 1,2 м. По-видимому, обе усадьбы пережили пожар. В вышележащем горизонте XII в. следы ювелирного производства отсутствовали, зато были встречены кузнечные шлаки. Датировка нижнего горизонта обоснована значительной серией находок и двумя радиоуглеродными датами. Материал первого года раскопок был ранее опубликован (*Кренке и др.*, 2016), отдельная заметка была посвящена керамике (*Аникин*, 2016).

Наибольший интерес представляет условно закрытый комплекс ямы 1 из шурфа № 1, в котором найдено более тысячи фрагментов керамики, относящейся ко второй половине XI в., а также комплексы из стратифицированных отложений шурфов № 3, 5–7, давших аналогичный материал. Коллекция керамики второй половины XI в. насчитывает более 2500 экземпляров. Целых форм было восстановлено лишь две.

Весь керамический комплекс отличает светлый, близкий к белому цвет поверхности горшков. В составе примесей – песок и дресва (*Аникин*, 2016).

Конструкция венчиков представлена тремя видами: 1) вертикальный прямой (цилиндрический); 2) отогнутый наружу под наклоном; 3) эсовидный с дополнительным перегибом.

Первые два вида представлены незначительным количеством экземпляров, доминирует третий вид конструкции.

[1] Статья опубликована в сборнике «Смоленская керамика VIII–XIX вв. Новые материалы и старые коллекции». Москва– Смоленск, 2020. С. 49–58.

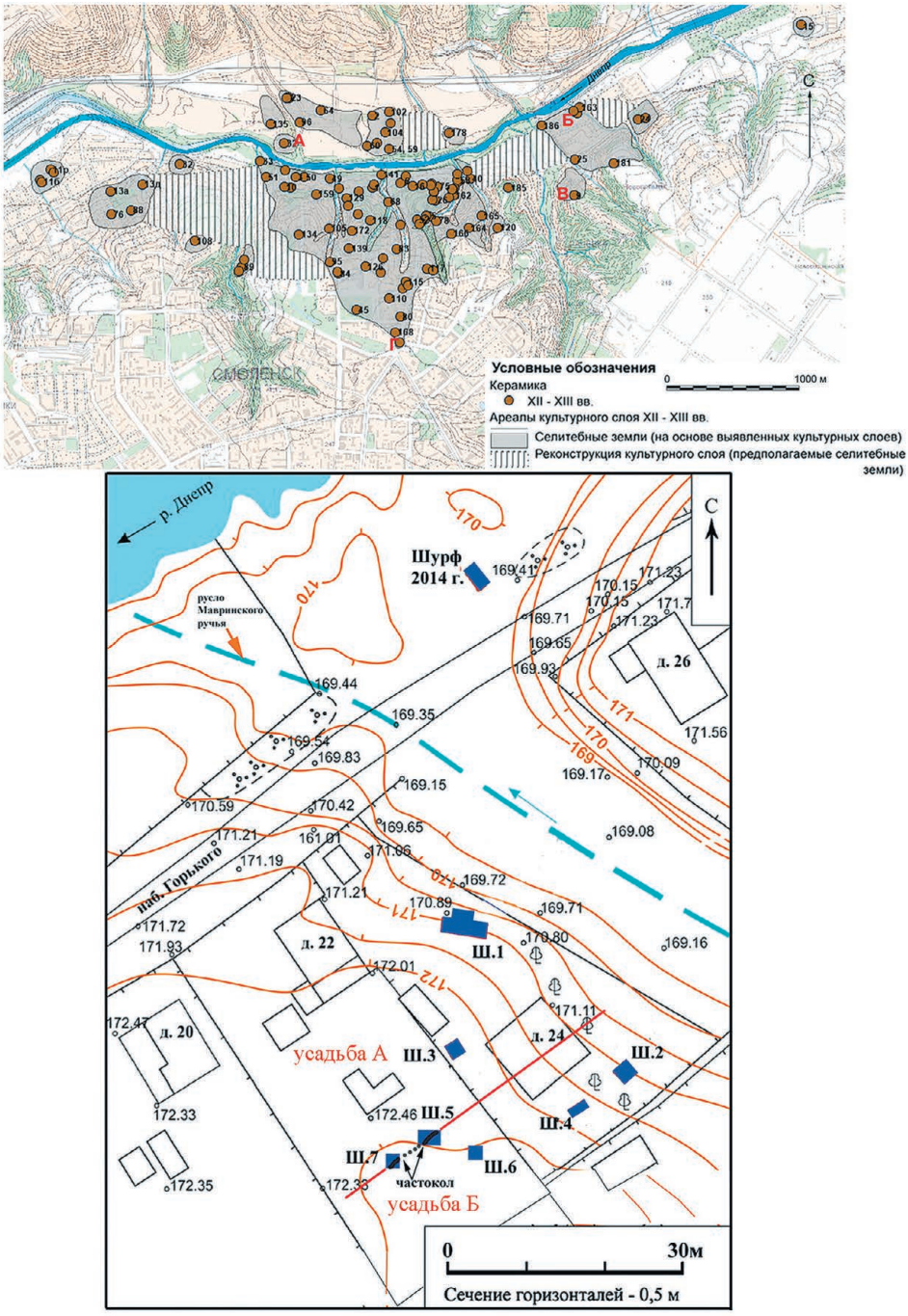

Рис. 1. План участка на набережной Горького (микрорайон Рачевка) в Смоленске (2014–2016 гг.). Вверху – план Смоленска с указанием максимального распространения культурного слоя древнерусского времени. Участок работ на Рачевке под литерой «Б»

Горшки с венчиком первого вида конструкции (рис. 2, *2–4, 6–7, 9, 11*) имеют параллели в лепной керамике роменской культуры. Этот простой тип профилировки сохранялся длительное время (*Каменецкая*, 2019). Может быть, подобные сосуды имели какую-то специальную функцию. Например, у киевских амфор с ушками были прямые вертикальные венчики. Такая посуда встречается регулярно как в Смоленске (*Каменецкая*, 2019), так и в северской земле на днепровском левобережье (*Григорьев*, 2000. Рис. 43).

Конструкция второго вида – архаичная, так как она близка к раннекруговой керамике (рис. 2, *5, 8, 10*). Ко второму виду можно отнести одну из целых форм, которая имеет манжет с резко подчеркнутым нижним краем, напоминающим в разрезе шпору (рис. 2). Профилировка сосуда с манжетом (рис. 2, *1*) находит прототипы в керамике Гнёздовских курганов X в. (*Каменецкая*, 2019). Белорусские коллеги, в частности О.А. Макушников, употребляют термин «развитый манжет». Этот термин применим к вышеупомянутому сосуду из раскопок в Смоленске. Возможно, данный сосуд следует датировать первой половиной – серединой XI в. Аналогичные формы известны по работам в урочище Смядынь в Смоленске (*Кренке, Ершов*, 2018. Рис. 3, *3*).

Третий вид конструкции венчиков (рис. 3) представляет особый интерес, так как именно он характеризует рассматриваемый керамический комплекс. Под словами «дополнительный перегиб» подразумевается вытянутый вверх край отогнутого наружу венчика, образующий бортик. В одном случае это просто тонкий вертикально поставленный бортик. В остальных случаях мы видим, что первоначально оттянутый вверх бортик затем подвергался дополнительным операциям. Его верхний край утолщался, затем загибался внутрь, при этом толщина бортика удваивалась. С наружной стороны путем дополнительного нажатия на бортик получалась имитация манжета, нижний край которого мог быть оттопырен (наподобие шпоры в разрезе), но чаще был примазан к телу венчика. Вероятно, горшки с выраженным манжетом, нижний край которого не был примазан, являются более ранними, а с примазанным краем – более поздними (условно – вторая половина XI в.). Датированные комплексы первой половины XI в. из Киева подтверждают это наблюдение (*Козюба*, 2016). Иногда в нижней части окончания венчика образовывался характерный выступ – «подбородок», подчеркивающий нижний край (рис. 4). Этот «подбородок» – наиболее яркая черта, позволяющая сразу выделить наличие в комплексе материалов XI в. В Смоленске подобная керамика встречена в разных частях города в ходе раскопок 1990–2010-х гг., в том числе на западной окраине города (*Пронин и др.*, 2015. Рис. 79, 81), что позволило очертить границу поселения в этот период (*Ершов и др.*, 2017. Рис. 3).

Можно отметить некоторые черты «микроэволюции» формы края венчика: вначале верх венчика утолщается, затем он загибается внутрь и намечается «подбородок»; далее «подбородок» сглаживается; наконец, верхний край

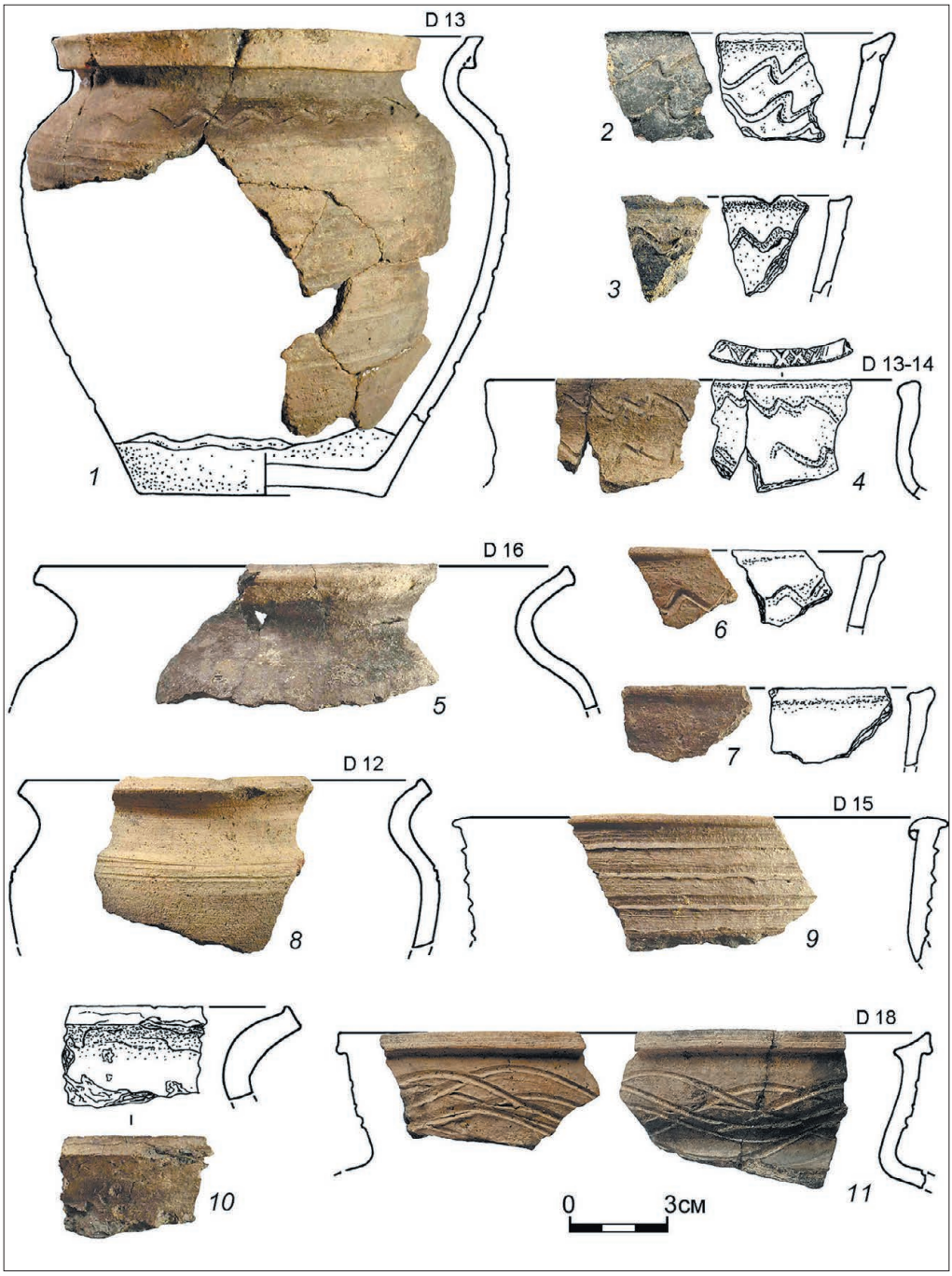

Рис. 2. Керамика XI в. Слева (1, 5, 8, 10) – венчики конструкции 2 (отогнуты под углом); справа (2–4, 6, 7, 9, 11) – венчики конструкции 1 (вертикальные)

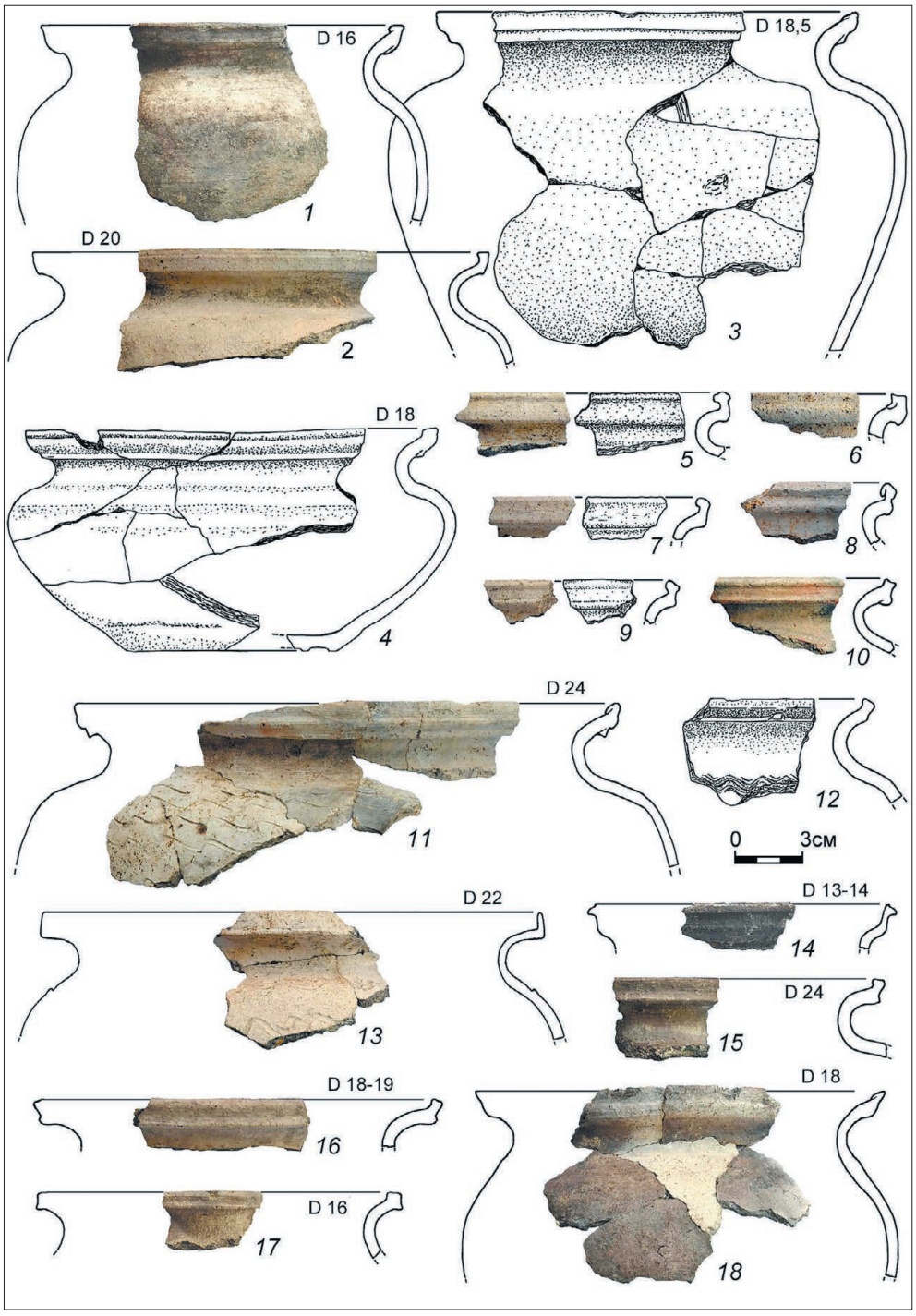

Рис. 3. Керамика второй половины XI в. Венчики конструкции 3 (дополнительно изогнутые)

бортика «опрокидывается» внутрь, сглаживается. В итоге развития получается общедревнерусский тип керамики с эсовидным округлым венчиком, типичным для XII в. (рис. 4). Конструкцию третьего вида с усложненным перегибом можно условно обозначить как «барокко». Время существования этого стиля в керамике, вероятно, близко к 50 годам (два поколения гончаров).

Характерная особенность рассматриваемого комплекса – большое количество клейм на донцах сосудов. Рисунок на клеймах – круги с радиусами, дугообразные хорды, ромб с «птичьими лапками» (рис. 5, *3*), ключи (?). Все они находят стилистически близкие аналогии в материалах раскопов на ул. Соболева в Смоленске, но точных совпадений нет (*Каменецкая*, 2019). Среди гнёздовских находок одно клеймо напоминает экземпляр с изображением «птичьих лапок» (*Каменецкая*, 2019. Рис. 43, группа V, вар. 2). Очень важна другая аналогия этому клейму: «крест с птичьими лапками на концах веток креста», найденная на поселении Автуничи на р. Вепрч на севере Черниговской области (Південноруське село, 1997. Рис. 21, *7*). Возможно, это клеймо указывает на исходный район миграции гончаров (продукции?).

Хронологическая привязка венчиков с конструкцией третьего вида может быть определена по набору обломков изделий из медного сплава, происходящих из слоя ювелирной мастерской на Рачевке, и радиоуглеродным датам. Лировидная пряжка, амулет-ложка и «конек-левкрота», фибулы, височные кольца деснинского типа, звериноголовый браслет, нательные кресты, поливная чашечка (рис. 6) характерны для второй половины XI – рубежа XI–XII вв. (*Кренке и др.*, 2016). Этот же хронологический интервал подтверждается радиоуглеродными датами.

Таблица 1. Радиоуглеродные даты из ямы 1 в шурфе № 1

Индекс лаборатории	Дата	Калиброванная дата	Описание образца
ГИН-15412	930±20	1030 AD (68,2 %) 1160	Смоленск, наб. Горького, 24. Шурф № 1, кв. 2, яма 1, нижний уровень, обр. 3, уголь
ГИН-15413	910±30	1030 AD (41,3 %) 1100 AD 1110 AD (26,9 %) 1190 AD	Смоленск, наб. Горького, 24. Шурф № 1, прирезка 2, кв. 5, яма 1, нижний уровень, угли

Рассмотрим внешние аналогии ведущей группе керамики (конструкции венчиков третьего вида) из комплекса на набережной Горького. Во-первых, надо отметить наличие очень похожей по профилировке керамики на Гнёздовском селище, где также представлена конструкция третьего вида с изогнутым усложненным профилем (*Каменецкая*, 2019. Рис. 24). В белорусских

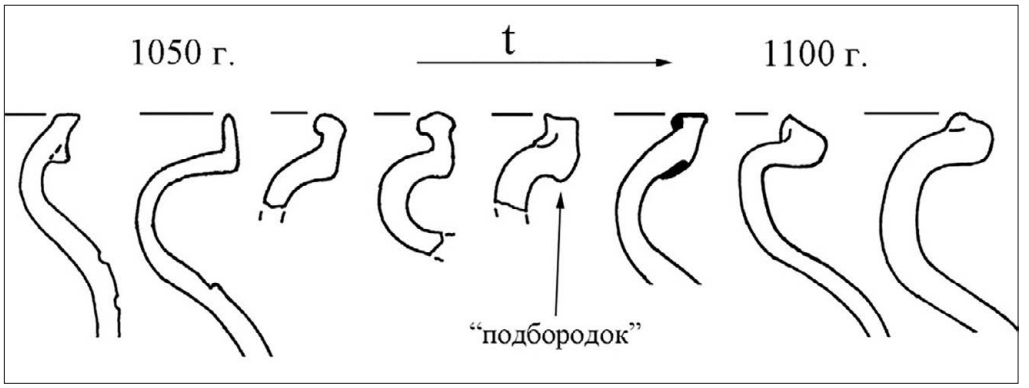

Рис. 4. Схема эволюции формы окончания венчиков конструкции 3 на протяжении 1050–1100 гг. (даты приблизительны)

материалах аналогии многочисленны (Археалогія Беларусі, 2000. Мал. 24, 123). М.В. Малевская-Малевич относила керамику 2-го типа (соответствует нашей конструкции вида 3) из Новогрудка к концу X – началу XII в. (Малевская-Малевич, 2005. Рис. 17). Я.Г. Зверуго обозначал аналогичные горшки из Волковыска типом 3. Интервал его существования – рубеж X–XI – начало XII в. (*Зверуго*, 1975. С. 69). Г.В. Штыхов по материалам Верхнего замка Витебска датировал горшки с двойным изгибом профиля венчика (тип 1В) концом X–XI в. (*Штыхов*, 1975. Рис. 40). Т.С. Бубенько по материалам Нижнего замка Витебска аналогичную керамику выделила в тип 3 и датировала ее XI в., отметив, что данная форма была широко распространена у восточных славян в конце XI–XII в. (*Бубенько*, 2004. С. 85. Рис. 79). В Гомельском Поднепровье О.А. Макушников обозначил такую керамику как «керамику с развитым манжетом» (*Макушников*, 2009. С. 105) и датировал ее XI – началом XII в.

На Украине, в Днепровском Левобережье, по разработкам М.П. Кучеры, керамика рассматриваемого типа относится к середине – второй половине XI в. (*Кучера*, 1984; 1986. Рис. 106, *12–16*). С ним согласны и другие исследователи (*Беляева, Кубишев*, 1995; *Моргунов*, 2019; Південноруське село, 1997). Аналогичная керамика встречена и на Правобережье (*Кучера*, 1989; *Петрашенко*, 1992), и в самом Киеве (*Зоценко, Брайчевська*, 1993. Рис.13; *Козюба*, 2016).

На территориях, граничивших с юга со Смоленской землей, также встречена подобная керамика. По материалам Новгород-Северского Подесенья И.Г. Сарычев датировал венчики с изгибом (тип 7) 30-ми годами XI – началом XII в. (*Сарачев*, 2000. Рис. 63). Аналогичные материалы с такой же датировкой происходят из Курска (*Енуков*, 2005. Рис. 59).

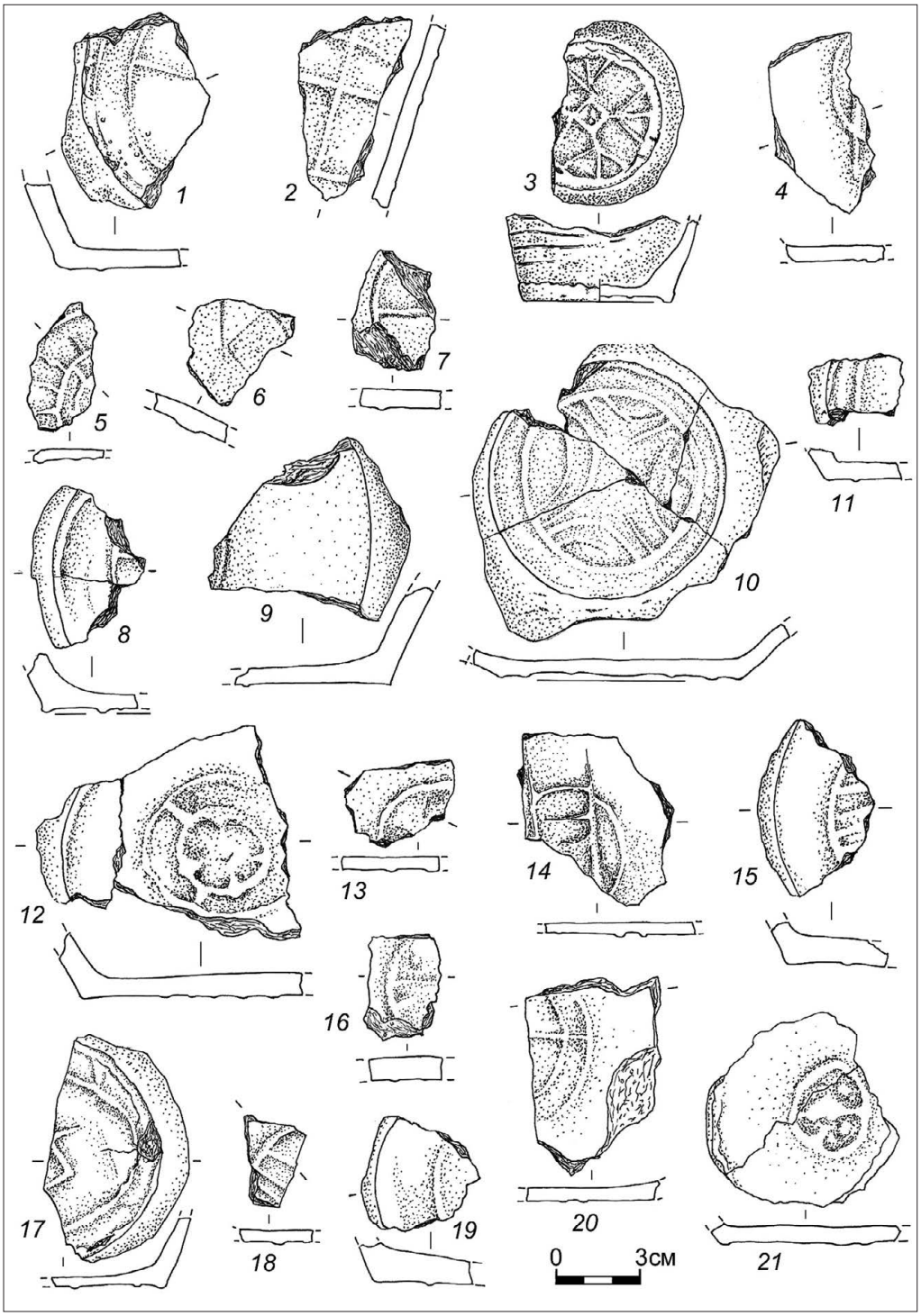

Рис. 5. Клейма на горшках второй половины XI в.

Рис. 6. Вещевая коллекция второй половины XI в. из шурфов на наб. М.Горького 1–27, 29–31 – медный сплав; 28 – глина с поливой

Для северных земель – Псковщины, Новгорода Великого, а также для территории Владимиро-Суздальской земли данный вид керамики не характерен, но встречается, например, в Гороховце. В.А. Лапшин относил подобные венчики из Суздаля к типу IV и датировал XI – первой половиной XII в. (*Лапшин*, 1992. С. 96). На западе Московской области в верховьях Москвы-реки керамика из светлой глины с двойным перегибом венчика в малом количестве найдена на селище Хотяжи (*Заидов и др.*, 2018. Рис. 3, *18–20*). Надо учитывать, что эта территория, видимо, входила в пределы Смоленской земли (*Насонов*, 1951).

Подобная керамика в небольшом количестве присутствовала в Ростиславле-Рязанском, хотя В.Ю. Коваль не пишет о наличии там материалов XI в., полностью полагаясь на летописную дату основания города – 1153 г. (*Коваль*, 2004. Класс 23, тип 2, вариант Г; класс 21, тип 3).

Таким образом, датировка керамического комплекса из шурфов на набережной Горького может быть определена второй половиной XI в. (при наличии единичных более ранних фрагментов). Несомненно южное происхождение этой керамики или керамической традиции. Район северной Черниговщины выступает пока как наиболее вероятный «кандидат», откуда могла данная посуда (гончары? традиция?) появиться в Смоленске. Судя по проведенным специальным анализам формовочных масс, можно предположить, что керамика второй половины XI в. изготавливалась из сырья, которое позднее (в XII–XIII вв.) уже не использовалось. В будущем необходимо провести изучение возможных сырьевых источников гончаров средневекового Смоленска.

Н.А. Кренке, А.В. Панин,
К.А. Ганичев, И.Н. Ершов

«НИЖНИЙ ГОРОД» ДРЕВНЕРУССКОГО СМОЛЕНСКА И РИТМИКА ПАВОДКОВ ДНЕПРА[1]

В статье представлены наблюдения над рельефом и культурным слоем Смоленска, сделанные в ходе работ 2014–2023 гг. Установлено, что «Нижний город» древнерусского Смоленска занимал первую террасу реки, высотой 11–13 м, и местами спускался на высокую пойму высотой 8–9 м. Протяженность территории, заселенной сплошь в XII в. (за исключением узких промежутков в устьях ручьев и оврагов), составляла не менее 3,5 км. На начальном этапе городской жизни в XI–XII вв. влияние на жизнь города речных паводков и эрозии склонов было минимальным. Освоение поймы на Смядыни было незначительным, несопоставимым с освоением поймы в Гнездово. Более активно осваивалась пойма на Свирском участке, где естественная граница по бровке поймы была дополнена сплошным ограждением типа частокола. В XIII–XIV вв. поверхность высокой поймы начинает заливаться, приречные участки перестают быть заселенными и в дальнейшем используются только как луга. В XIV–XV вв. происходит активизация процессов эрозии высокого коренного склона долины, куда был перенесен центр хозяйственной активности. Эрозионный материал, транспортировавшийся по руслам ручьев, накапливался не только в конусах выноса, но и на значительных площадях по берегам в пределах первой террасы. Эти природные и природно-антропогенные явления существенно повлияли на жизнь и размеры «Нижнего города». Его территория сократилась, но у северного подножия Соборной горы продолжалась непрерывная жизнь.

Ключевые слова: Смоленск, XI–XII вв., речные паводки, культурный слой, делювиальные наносы, погребенные почвы на поймах, сырцовые кирпичи.

Зависимость жизни города на Днепре от природных процессов наглядно показывают фотооткрытки с изображением экстремального паводка 1908 г., а также аэрофотоснимки лета 1941 г., где видны мощные дельты смоленских ручьев, образованные выбросами смытой земли, теснящими русло основной реки (рис. 1). Как же обстояли дела в древнерусское время, каковы размеры и геоморфологическая позиция «Нижнего города» Смоленска, каков характер и динамика накопления его культурного слоя? Это вопросы, которые затрагиваются в настоящей статье. Ответы на них дают результаты раскопок, проводившихся Смоленской экспедицией Института археологии РАН в 2014–2023 гг. по обоим берегам Днепра (рис. 2). Важным источником для характеристики культурного слоя в центральной части Нижнего города, непосредственно под Соборной горой дают материалы раскопок Смоленской экспедиции Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, проводившейся под руководством Д.А. Авдусина в 1950–1970-е годы.

[1] Статья опубликована в журнале «Российская археология», 2024. № 4. С. 96–109.

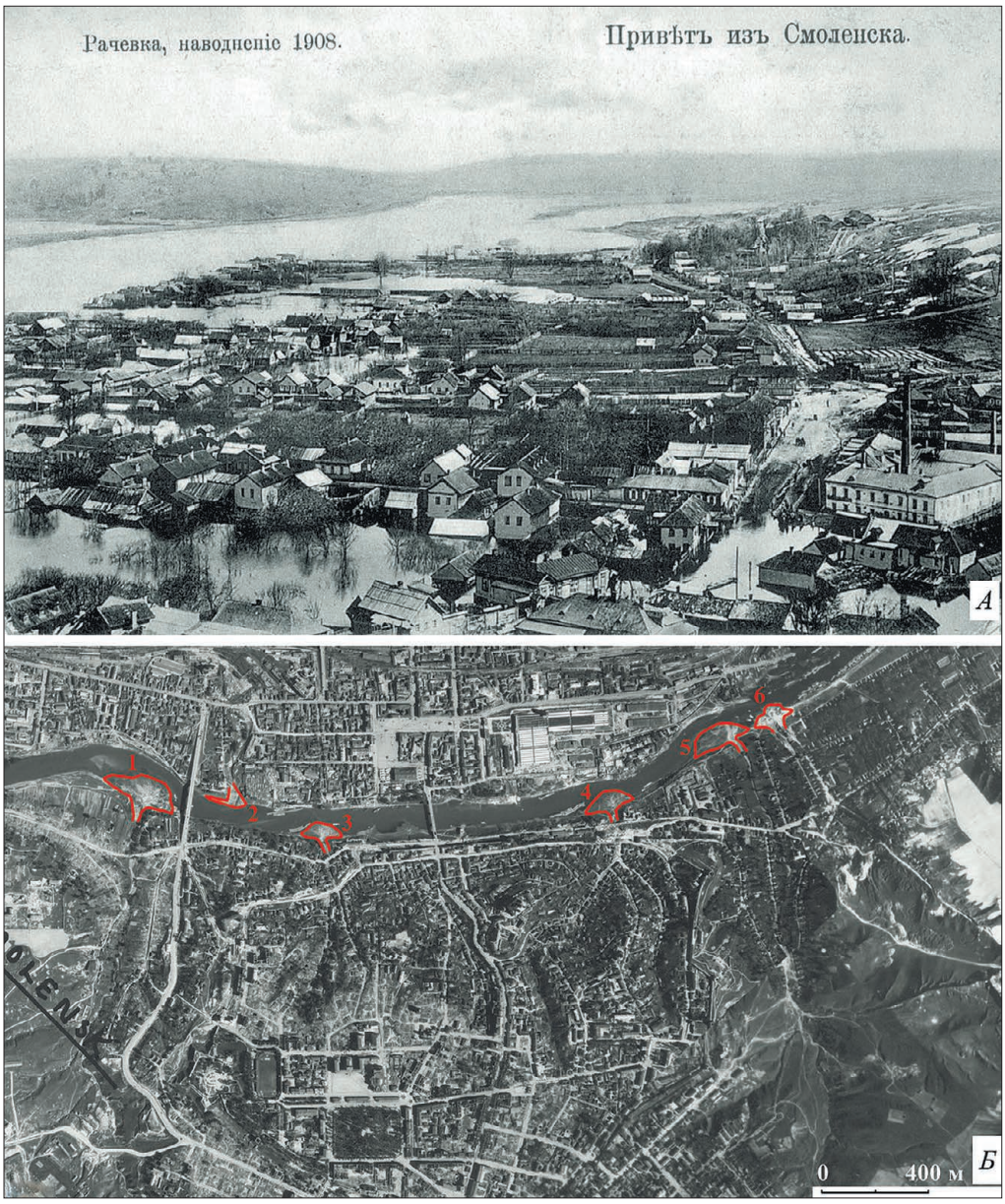

Рис. 1. Паводок и мощные денудационные процессы на фотографиях Смоленска XX в. А – наводнение 1908 г. (уровень подъема воды 11.4 м над нулевой отметкой гидропоста); Б – аэрофотоснимок лета 1941 г., красным цветом обозначены дельты ручьев: 1 – Чуриловка; 2 – Городянка; 3 – Пятницкий; 4 – Георгиевский; 5 – Рачевка; 6 – Мавринский

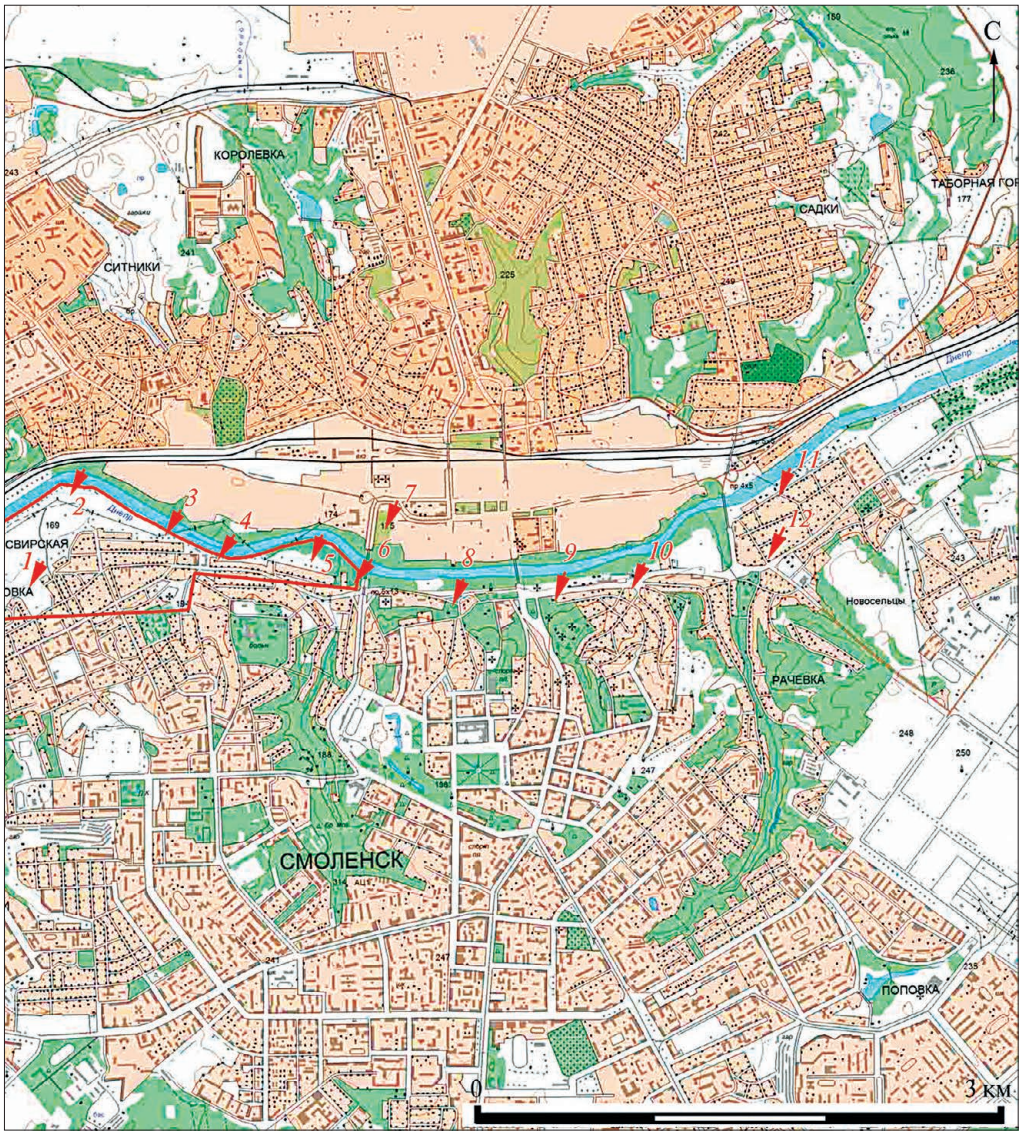

Рис. 2. План Смоленска с указанием мест раскопок в «Нижнем городе». 1 – Борисоглебский монастырь на Смядыни; 2 – луг в устье р. Смядынь; 3 – Посадский луг; 4 – устье Свирского ручья (Рыливка); 5 – пойма в устье р. Чуриловка; 6 – церковь на Чуриловке; 7 – устье р. Городнянка; 8 – устье Пятницкого ручья; 9 – раскопы на ул. Соболева 1950–1970-х годов; 10 – устье Георгиевского ручья; 11 – ул. Набережная Максима Горького; 12 – ул. Песочная (Мавринский ручей). Красным контуром показан участок врезки, изображенный на рис. 3.

В долине Днепра в районе Смоленска выделяется два основных геоморфологических уровня – голоценовая высокая пойма с типичными отметками 169–171 м Балтийской системы высот[1] (8–9 м над меженным уровнем Днепра) и низкая терраса времени позднеледниковья с преобладающими высотами 172–175 м (11–13 м над рекой). В черте города поверхности поймы и террасы претерпели значительные антропогенные преобразования. Начнем рассмотрение территории с более простых участков, где меньше сомнений в геоморфологической интерпретации элементов рельефа и слагающих их отложений, и где антропогенная деятельность не так сильно исказила исходный рельеф. Таким участком является западная окраина Смоленска – между устьями речек Кловка и ручей Свирский (Рыливка), с которой связаны исторические микротопонимы «Посад» и «Смядынь». Здесь Днепр образует излучину, обращенную вершиной на север. Пересохшая ныне речка Смядынь разделяла эту излучину на две примерно равные части: западную и восточную. Археологическое значение этой территории еще далеко не проявлено. Гипотезы смоленских историков, предполагавших здесь второй градообразующий княжеский центр древнерусского Смоленска (Писарев, 1894; Маковский, 1948), не получила пока ясных археологических подтверждений, возможно, потому, что усилия исследователей в основном были направлены на изучение архитектурных остатков Борисоглебского монастыря (Бегунова, 2015). Первые геоархеологические данные об урочище получены в ходе работ 2014–2015 гг. (Кренке, Ершов, 2018). В 2021 г. работы продолжены. Всего изучено 17 шурфов.

Можно с уверенностью утверждать, что западная половина рассматриваемой излучины Днепра является молодой поймой с характерным, весьма пересеченным параллельно-гривистым рельефом. Русло реки в историческое время смещалось на запад, подмывая правый берег. Высотные отметки поверхности XXI в. колеблются в пределах 167,5 м БС в тыловой части поймы и 171,5 м БС на вершине прируслового вала. В ходе высоких паводков последних лет пойма заливалась не полностью. Например, в середине апреля 2010 г. вода стояла на отметке 168,5 м БС, заливая в западном сегменте излучины всю тыловую часть поймы и межгривные понижения, но не покрывая вершины пойменных грив и прирусловые валы (рис. 2). Морфология поверхности в восточном сегменте излучины иная. Здесь русло не меняло своего положения многие тысячелетия, поверхность поймы ровная субгоризонтальная, лишь вдоль русла прослеживается небольшой прирусловый вал относительной высотой 0,5 м.

Археологический шурф 1, вырытый в тыловой части поймы под Васильевским храмом монастыря (рис. 3), позволил зафиксировать отложения водоема – затона, существовавшего в тыловой части пойменного сегмента,

[1] Далее БС.

имеющего вид изогнутой косы. Во влажной оглеенной супеси на глубине 3 м сохранились фрагменты тонких веток. Их возраст удалось определить радиоуглеродным методом – 762±30 (SPb-1473A), что при калибровке дает интервал 1229–1280 гг. (вероятность 68 %)[1]. Шурф 4, расположенный несколько восточнее (рис. 3), уже не зафиксировал отложений водоема, но в нем на глубине 1.9 м в толще аллювия найдена керамика X в. (Кренке, Ершов, 2018). Таким образом, поверхность поймы на месте шурфа 4 была в X в. на уровне 165.5 м или всего на 4,5 м выше современного уровня Днепра.

Шурф 7, расположенный близ вершины излучины, на глубине 2,2 м, на отметке примерно 167,7 м БС, зафиксировал погребенную почву, перекрытую слоистым аллювием. Находок не было.

Шурф 8, расположенный близко, но уже за пределами приуслового вала зафиксировал под слоистым аллювием на глубине 1,9 м, на отметке примерно 168 м БС погребенную почву 2 («Гнёздовскую», по: Александровский и др., 2005. С. 121). Эта почва имеет характерные признаки – развитый профиль с четкой верхней границей, хорошо выраженным гумусовым горизонтом, насыщенным угольками. В 15 км ниже по течению в районе Гнездова период формирования этой почвы отнесен к III–XII вв. (1800–800 лет назад) (Бронникова и др., 2018). На глубине 140–160 см от современной поверхности прослеживалась слаборазвитая почва 2а с нечеткими верхней и нижней границами, указывающая на снижение скорости пойменного осадконакопления. Выше уже шла без перерывов пачка песчаных слоев аллювия. Находок в шурфе не было.

Аналогичную стратиграфию дал шурф 6, расположенный в пределах приуслового вала и пересекавший молодую ложбину стока. Здесь на глубине 230 см от поверхности была также зафиксирована почва 2, характеризующаяся развитым почвенным профилем с выраженным гумусовым горизонтом и подстилающим его подзолом. На 50 см выше, как и в шурфе 7, залегала слаборазвитая почва 2а. Высотная отметка почвы 2 равнялась 168,2 м БС. По угольками из почвы 2 получена радиоуглеродная дата 1243±21 (UOC-7994), которая калибруется в календарный интервал 703–824 гг. (68%). Серия аналогичных дат получена для древнейшего слоя на Соборной горе Смоленска (Кренке и др., 2022) и для нижнего горизонта культурного слоя в пойме Гнездова (Мурашева и др., 2020).

В шурфе 10, расположенном на возвышении с отметкой поверхности 170.5 м БС, верхние полметра – это молодой аллювий, уже переработанный почвообразованием и хозяйственной деятельностью и утративший слоистость. На глубине 60–85 см от поверхности (около 169,9 м БС) залегает не очень четко выраженный почвенный горизонт, к которому приурочены находки древнерусской керамики XII–XIII вв. Таким образом, древняя дневная поверхность

[1] Использовалась версия 4.4 программы OxCal и калибровочная кривая IntCal 20.

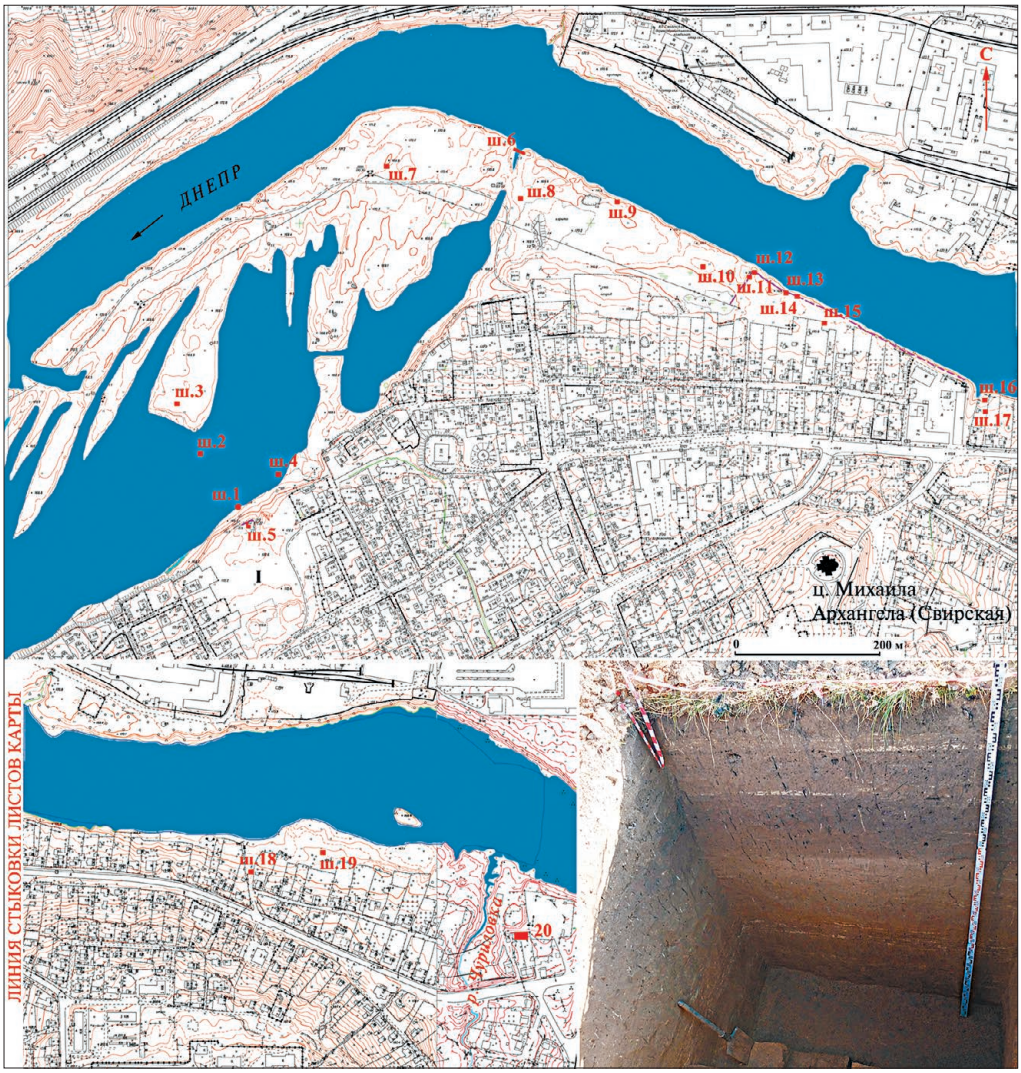

Рис. 3. План урочищ Смядынь, Свирская слобода и Посадский луг. Показаны шурфы 2014, 2015, 2021 гг. I – Борисоглебский м-рь; справа внизу – шурф 19. Обозначения: пунктирная фиолетовая линия – оборонительная стена посада XII–XIII вв. (Днепр показан во время паводка 12 апреля 2010 г. при стоянии воды на отметке 168.50 м); 1–19 – шурфы 2014–2021 гг.; 20 – руины церкви XII–XIII вв. на р. Чуриловка (2022 г.).

рубежа I–II тыс. имела подъем с запада на восток от шурфа 8 к шурфу 10 примерно на 2 м. Находки из шурфа 10 допускают, что на этом месте была незначительная селитебная активность.

Принципиальное значение имеют шурфы 11–15. В шурфах 11 и 12 под полуметровым слоем переработанного почвенными процессами аллювия зафиксирован почвенный профиль с хорошо выраженными гумусовым и подзолистым горизонтами. В этих шурфах обнаружена частокольная канавка, ориентированная перпендикулярно руслу Днепра. В шурфах 13 и 14, заложенных перпендикулярно руслу реки, начиная от гребня приречного вала, была обнаружена частокольная канавка, шедшая вдоль берега несколько ниже по склону от гребня приречного вала (рис. 4). Судя по массивности столбов (ямы в диаметре достигали 30 см), это не ограда усадьбы, а городская фортификационная система. Аналогичное, но лучшей сохранности сооружение обнаружено при раскопках на берегу Днепра выше устья Пятницкого ручья и интерпретировано авторами раскопок как оборонительная стена Пятницкого конца (Пронин, Соболь, 2020. С. 150–152). В древнерусское время поверхность нынешней поймы, а тогда – не затапливаемой террасы, находилась на отметке 169,5 м БС. Верхние полметра в разрезах были сложены аллювием, накопившимся после XII–XIII вв.

Стратиграфия в шурфе 15 схожа с шурфом 10. Верхние полметра также были сложены молодым аллювием со слабовыраженной слоистостью. Ниже залегал горизонт погребенной почвы, переработанный культурным слоем, с многочисленными угольками и большим количеством керамики XII в. Толщина слоя – около 20 см, кровля – на отметке 170,4 м БС. Судя по количеству керамики, эта территория, защищенная со стороны русла реки частоколом, была занята жилыми дворами.

Шурфы 10–15 позволяют сделать важные выводы. Оказывается, территория смоленского левобережного посада в XII в. с севера и востока имела сплошное ограждение типа частокола, которое шло вдоль кромки берега (бровки поймы) Днепра. Примерно на середине дистанции между устьем р. Смядынь и Свирским ручьем ограждение поворачивало под прямым углом к руслу реки. Не исключено, что оно смыкалось с ограждением вдоль кромки террасы, которое было зафиксировано при изучении Васильевского храма Борисоглебского монастыря в 2015 г. (шурф 5, рис. 3). Прибрежная территория посада в XII в. спускалась на поверхность поймы и была заселена вплоть до кромки берега (бровки поймы). Изменение паводкового режима Днепра произошло позднее XII в., когда прибрежную полосу стало заливать паводками, и в дальнейшем она использовалась людьми лишь в качестве луга.

Определить точное время изменения паводкового режима пока невозможно. В настоящее время есть лишь единичные данные, требующие дополнения. Например, на территории Гнездова в основании аллювия над

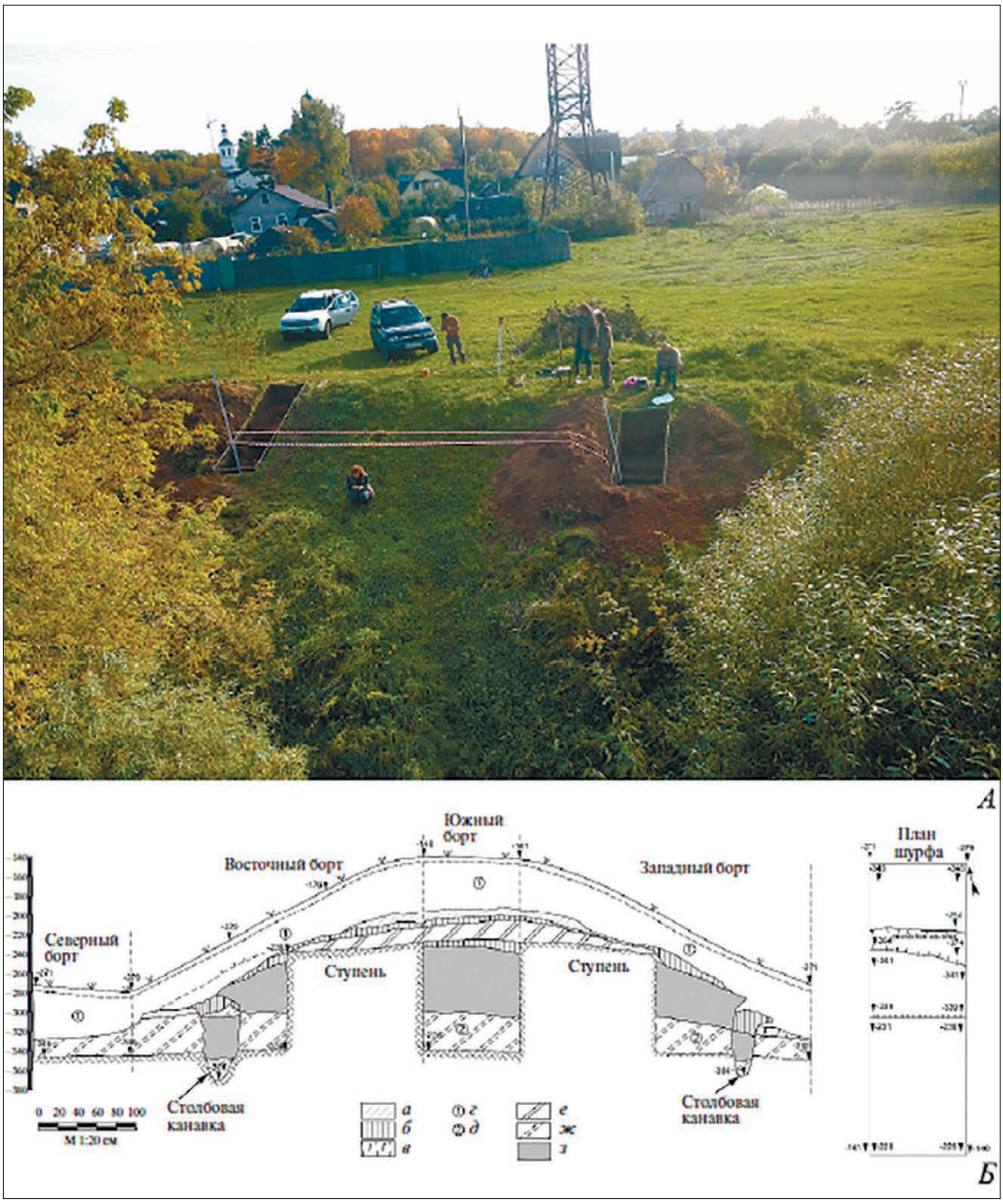

Рис. 4. А – трасса стены Посада XII в. вдоль берега Днепра (показана сигнальной лентой) на фото с квадрокоптера, на заднем плане – Свирская церковь Михаила Архангела; Б – профиль бортов и план шурфа 14. Условные обозначения: а – темно-серая супесь; б – светло-бурая супесь; в – серая супесь; г – серо-бурая супесь; д – слоистый бурый суглинок с линиями аллювия; е – бурая супесь; ж – бурый суглинок; з – темно-бурый суглинок.

«гнёздовской» почвой найдены угли, по которым получена радиоуглеродная дата (550±100, ГИН-11523а), которая калибруется 1311–1441 гг. (Александровский и др., 2005. С. 119), т.е. активизация паводков произошла не позднее XIV в. Тот факт, что пойменные участки посада в XIII в. уже не заселялись, косвенно свидетельствует, что поверхность стала заливаться уже в это время. Присутствие в пойменном аллювии в шурфах 6–8 выше почвы 2 еще одной слаборазвитой почвы 2а свидетельствует о снижении или перерыве в затоплении поймы, возможно, в XV–XVI вв. За этим последовал всплеск паводковой активности, оставивший следы в виде слоистого аллювия. Вероятно, его можно датировать XVII–XIX вв. К этому же времени относится необычайно высокая паводковая активность р. Ока в районе Коломны– Щурово (Syrovatko et al., 2019).

Двигаясь вверх по течению Днепра, мы попадаем на участок между устьями Свирского ручья и речки Чуриловка. Русло Днепра образует здесь излучину, обращенную вершиной на север. Вероятно, смещение русла Днепра на север частично связано с давлением с юга обширного конуса выноса Чуриловки (рис. 1, *1*). Современная поверхность в районе и ниже устья Чуриловки имеет отметки 167–170 м БС. Шурф 18, заложенный на опирающемся на пойму уступе террасы на отметке 171,5 м, дал следующую стратиграфию: 0–80 см – мешаный культурный слой, включающий керамику XVI в. и современные остатки; 80–100 см – темно-серый суглинок с углями (культурный слой) с преобладанием материалов XII–XIII вв.; 100–120 см –материк: бурый суглинок кровли первой террасы, имеющей отметку около 170 м БС.

Шурф 19, заложенный на поверхности поймы, где отметка современной поверхности равнялась 169 м, показал совершенно иную картину (рис. 3). До глубины 2,6 м шло чередование прослоек песчаного аллювия и прослоев бурой супеси и суглинка бурого и темно-бурого цвета, содержавших разновременный археологический материал от лепной керамики I тыс. до фрагментов XIX в. Четкой хронологической последовательности в залегании находок не наблюдалось: лепные фрагменты в пласте 8 соседствовали с позднесредневековой керамикой. Из этого можно заключить, что слоистый аллювий имеет достаточно молодой возраст (продолжал накапливаться еще в XIX в.), и его накопление сопровождало интенсивную эрозию берегов выше по течению, в ходе которой размывался и перемещался вниз по руслу разновременный археологический материал. Часть этого материала была принесена, по-видимому, р. Чуриловка, поскольку весь данный сегмент поймы представляет собой в значительной степени шлейф из ее выносов.

О возможных масштабах эрозионной деятельности Чуриловки можно судить по обширному конусу выноса на аэрофотоснимке 1941 г. (№ 1 на рис. 1, *Б*). Сейчас этот конус выноса уже полностью размыт, но частично его материал нарастил примыкающий пойменный сегмент, где расположен шурф 19.

Рис. 5. А – профиль обнажения культурного слоя с руинами церкви XII–XIII вв. и подстилающей его погребенной почвы на поверхности первой террасы на устье Чуриловки; Б – профиль северной стенки раскопа 3 на ул. Студенческой в 2012 г. Горизонт стены из сырцовых кирпичей отмечен стрелкой (фото Н.А. Кренке)

Археологический материал в этом шурфе был принесен сверху, сам же участок поймы был необитаем в древнерусское время.

Нижняя граница территории, заселенной в древнерусское время по берегам Чуриловки, соответствует высотам современной поверхности 170–172 м БС. При изучении древнерусской церкви на устье Чуриловки (место церкви показано на рис. 3, позиция 20), где современная поверхность имеет отметку 173 м БС, древняя дневная поверхность террасы прослежена на отметке 171,2 м БС. На поверхности террасы залегала полноголоценовая лесная дерново-подзолистая почва с хорошо выраженным подзолистым горизонтом. Гумусовый горизонт этой почвы испытал сильное антропогенное воздействие (рис. 5).

Ближе к центру города на правом берегу Пятницкого ручья в 2020 г. прослежена мощеная деревом древнейшая (?) улица Смоленска, которая шла вдоль берега Днепра. По сторонам улицы располагались усадьбы, имевшие ограды. Датировка усадеб и улицы не может быть моложе первой половины XI в., нельзя исключить и конец X в. (Кренке и др., 2022). Эта улица шла по тыловой части первой террасы с высотными отметками около 175 м БС. Время формирования поверхности террасы – не позднее 12 тыс. лет назад, так как с ней связан комплекс находок финальнопалеолитического облика Смоленской стоянки (Ершов и др., 2022). Кроме того, ниже по течению Днепра в районе пос. Гнездово по аллювию этой террасы получены радиоуглеродные и люминесцентные даты около 11–12 тыс. лет назад (Panin et al., 2014, 2015). Отложения, перекрывающие культурный слой древнерусского времени, состоят из свиты делювиальных шлейфов, связанных с разливами Пятницкого ручья. В расположенном ближе к реке раскопе 3 на ул. Студенческая мощность культурного слоя достигала 6 м. Накопление слоя шло на поверхности дерново-подзолистой лесной почвы, сформировавшейся на первой террасе на отметке 172 м БС. Возраст прослойки угля на поверхности погребенной почвы в этом раскопе определяет радиоуглеродная дата, указывающая с наибольшей вероятностью на X в. (Александровский, Александровская, 2020. Табл. 1). Керамика из нижнего горизонта культурного слоя датируется второй половиной XI в. (Пронин, Соболь, 2020. Рис. 247). Интересная особенность этого раскопа – наличие в профиле северного борта следов стены высотой до 0,4 м из сырцовых кирпичей, шедшей параллельно берегу Днепра – противопаводковая дамба или фортификация? (рис. 5). Уровень основания стены соответствовал высотной отметке 173.5 м БС, датировка горизонта по находкам – рубеж XIII/XIV–XV вв. (Пронин, Соболь, 2020. С. 110).

На правом берегу Днепра в нижнем течении р. Городянка на ее правом берегу в 250 м южнее ц. Петра и Павла (середина XII в.) и в 220 м от русла Днепра в 2018 г. изучен раскоп, давший серию интересных находок XII в., в том числе остатки стеклодельной мастерской (Кренке и др., 2019). Древнерус-

ский культурный слой залегал на поверхности первой террасы, сложенной слоистыми отложениями (бурые суглинки и супеси различных оттенков). Кровля террасы находилась на отметке около 171 м БС.

Полоса культурного слоя у северного подножия Соборной горы Смоленска имеет важную особенность – это «влажный слой», в котором сохраняется органика. Исследования 1950– 1970-х годов выявили здесь напластования, начиная с конца XI в., в том числе улицу, ориентированную перпендикулярно руслу Днепра (рис. 6). Культурный слой в раскопе (УС-IX)[1] залегал на наклонной поверхности, имевшей в южной части раскопа отметку 180 м БС. Быстрое накопление культурного слоя (преимущественно щепа с навозом), обилие деревянных конструкций создали препятствие для накопления здесь прослоек песка, смытого с высоких поверхностей. Однако на левом берегу Георгиевского ручья мы столкнулись с иной ситуацией. В шурфе 2019/2020 гг. по адресу ул. Соболева, 16 на материковой поверхности террасы с отметкой 173,5 м БС в XI в. начал накапливаться слой щепы (до 0,5 м), затем, начиная с XIII в., накопление культурного слоя перемежалось с мощными делювиальными песчаными шлейфами – наносами из ручья (Кренке и др., 2023).

В восточном предместье Смоленска – на Рачевке, исследования проводились как в прибрежной части первой террасы, так и на удалении от Днепра в ее тыловой части. На прибрежном участке высотные отметки склона первой террасы равнялись 171–173 м БС, перекрывающий культурный слой имел мощность до 1 м. В шурфах прослеживалась погребенная почва с выраженным подзолистым горизонтом. Начало накопления культурного слоя относилось к концу XI в. Прослойки паводкового аллювия не прослежены.

В тыловой части террасы на берегу Мавринского ручья, наоборот, в разрезе культурного слоя ярко проявились периоды экстремальных событий, связанных с выбросами песка, супеси и гальки с высоких уровней по руслу водотока (рис. 7). Началу накопления культурного слоя здесь предшествовал этап хозяйственного использования территории, в раскопе на материке прослежены следы лопат, которыми вскапывали огород в XI в. Начиная с конца XI в. на берегу ручья возникла усадьба, набор находок из которой указывает на нерядовой статус ее владельцев. Весы для малых взвешиваний европейского производства (определение М.О. Жуковского), позолоченный перстень-печатка с изображением символа смоленских князей (лев/барс), серия писал, булавка с квадрифолийным навершием с перегородчатой эмалью, глиняное кадило-кацея, многочисленные фрагменты византийских амфор и обломки стеклянных сосудов (рис. 7) датируются в пределах XII в. Вещи редкие для Смоленска. Так, кацея и весы найдены впервые, булавка с квадрифолийным навершием, украшенным эмалью, лишь однажды зафиксирована в раскопе на Пятницком конце (Пронин, Соболь, 2020. Рис. 240, *9*).

[1] Аббревиатура означала «Улица Соболева», раскоп 9.

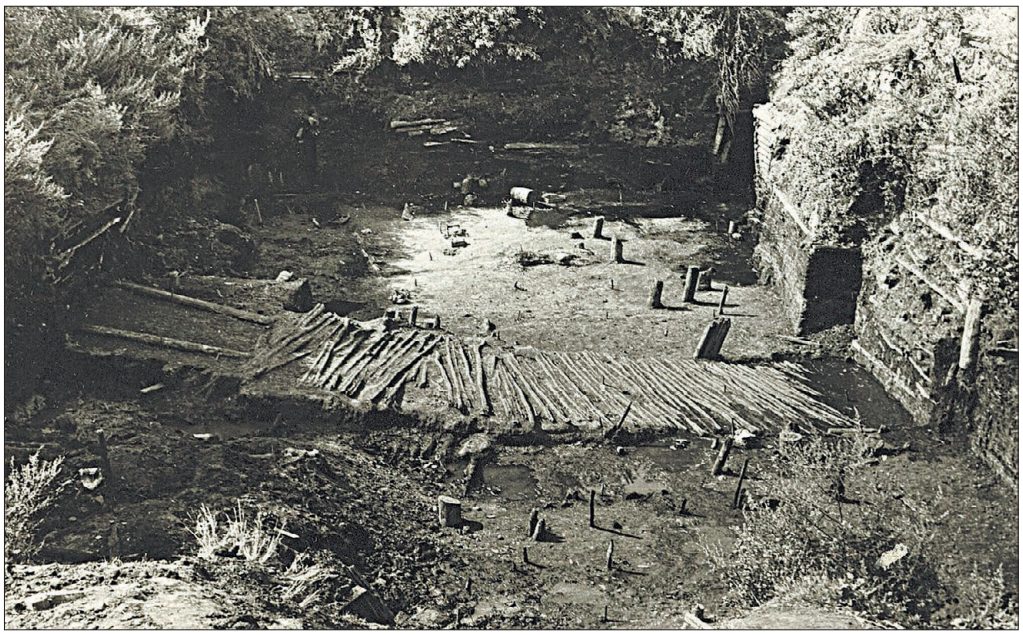

Рис. 6. Уличная мостовая 17-го яруса (60–80-е годы XII в. – по: Асташова, 1991. С. 25) в раскопе 9 1968 г. на ул. Соболева в Смоленске (Авдусин, 1968. Л. 33). Вид с востока.

Усадьба горела в XII в., затем жизнь возобновилась, но ненадолго. В XIII в. участок запустевает, культурный слой перекрыт наносным песком и супесью, не содержавших находок. На кровле наносного песка найдены предметы и керамика конца XV–XVI в. Еще одна прослойка песка с галькой в верхней части разреза, судя по находкам и историческим данным, предположительно идентифицируется с экстремальными событиями 1908 г.

Выводы. Наблюдения, сделанные преимущественно на левом берегу Днепра, позволяют утверждать, что «Нижний город» древнерусского Смоленска занимал первую террасу реки и высокую пойму в диапазоне высот около 170–174 м БС. Протяженность сплошь заселенной в XII в. территории (за исключением узких промежутков в устьях ручьев и оврагов) составляла не менее 3,5 км. На начальном этапе городской жизни в XI–XII вв. влияние экстремальных речных паводков и эрозии склонов было минимальным, высокая пойма реки и близкие по высоте участки террасы не затапливались и были доступны для заселения. Однако освоение поймы (на Смядыни) было незначительным, несопоставимым с освоением поймы в Гнездове. Естественные границы (бровка поймы) были дополнены сплошным ограждением типа частокола, который удалось проследить в западной части поселения по краю берега Днепра.

Рис. 7. А – разрез восточного борта шурфа 2020 г. на ул. Соболева, 49 (перекресток с ул. Песочной): I – песчано-галечный нанос 1908 (?) г.; II – песчаный нанос XIII–XV вв.; III – культурный слой XI–XIII вв.; Б – находки из нижнего древнерусского слоя: 1 – основание стеклянного сосуда; 2 – глиняная кацея-кадило; 3 – бронзовые весы для малых взвешиваний; 4–6 – железные писала; 7 – перстень из медного сплава с позолотой и синей эмалью; 8 – булавка из медного сплава с квадрифолийным навершием с перегородчатой эмалью.

В XIII в. «Нижний город» Смоленска сокращается по своим размерам. Заселенной остается лишь центральная часть под Соборной горой. Вероятно, запустение «Нижнего города» в это время, главным образом, обусловлено резким сокращением численности населения, вызванного мором, отмеченным в летописи, и общим политический кризисом княжеств Киевской Руси в эпоху монгольского нашествия. Кроме того, именно к XIII в. относится

дата отложений речного затона в шурфе 1, говорящая об активном росте пойменного сегмента в это время. Очевидно, в это время возрастает и высота паводков, которые стали заливать поверхность поймы и сниженные участки первой террасы, приречные участки перестают быть заселенными. В это же время происходит активизация процессов эрозии высокого коренного склона долины (туда переносится центр хозяйственной активности).

В XIV–XV вв., особенно в «литовский период» интенсивность жизни и население Смоленска возрастает (Кренке и др., 2021). В этот же период возрастает флювиальная активность Днепра, о чем можно судить по радиоуглеродным датам, полученным в пойменных отложениях в районе Гнездова, и данным, указывающим на активизацию деформаций русла реки в Смоленске. Процессы, начавшиеся в XIII в., продолжались и в последующее время. Количество эрозионного материала, транспортировавшегося в XIV–XV вв. по руслам ручьев, стекавших с коренного склона, было столь велико, что он отложился не только в конусах выноса, но и на значительных площадях по берегам ручьев в пределах первой террасы. Эти природные и природно-антропогенные явления существенно повлияли на жизнь и размеры «Нижнего города». Его территория стала менее привлекательной и сократилась. Однако у северного подножия Соборной горы, где благодаря накопленному культурному слою уже можно было не опасаться паводков и куда не попадали выбросы пролювия, продолжалась непрерывная жизнь, в том числе и накопление культурного слоя – одна уличная мостовая сменяла другую.

Уникальна для Смоленска фиксация стены вдоль Днепра из сырцовых кирпичей в профиле борта раскопа 3 на ул. Студенческая. Ее назначение остается пока неясным и требует дальнейших исследований.

Исследования выполнены при поддержке гранта Минобрнауки РФ. Соглашение № 07515-2024-554 от 24.04.2024.

Н.А. Кренке, И.Н. Ершов

ДРЕВНЕРУССКИЕ ПОДКОВООБРАЗНЫЕ ФИБУЛЫ С ЛИЧИНАМИ[1, 2]

В статье рассматривается одна из категорий древнерусских находок – фибулы с личинами. Предлагается выделение среди них двух основных групп, которые датируются XI в., обосновывается, что они являются дериватами скандинавских образцов X в. Отвергается существующее определение личин, как изображений совы. Вместо этого обосновывается версия, что это схематизированные антропоморфные мужские изображения. Делается вывод, что данная категория находок демонстрирует развитие скандинавских традиций в материальной культуре Древней Руси.

Ключевые слова: фибулы с личинами, орнитоморфные, антропоморфные, XI в., Скандинавия.

Находка в Смоленске при раскопках на ул. Коненкова, 22 в 2018 г. (Кренке, 2018)[3] половинки относительно редкой для древнерусских древностей подковообразной фибулы с личной на конце дуги дает повод обратиться к этой категории находок. Данная категория украшений была описана в статьях А.Г. Шпилева (Шпилев, 2008; 2009), которому удалось собрать информацию о десяти подобных находках. Ранее отдельные фибулы публиковались исследователями, которые давали им свою интерпретацию (Богомольников, 1983; Веретюшкин, 2003; Голубева, 1964, 1967, 1973; Клімаў, 2011; Макушников, 2009; Седова, 1997). Имеются также случайные находки с приблизительной географической привязкой (Андрощук, 2022, с. 93). В обзорных вещеведческих исследованиях, посвященных древнерусским украшениям, опубликованным в 1950-1990-х гг., данная категория не нашла отражения, так как к тому времени были известны лишь единичные экземпляры. После внедрения детекторов металла находок стало существенно больше, но, как правило, место и контекст остаются не известными. Данная категория фибул представлена на различных российских, украинских и белорусских кладоискательских сайтах, появился и термин для обозначения этой категории находок – «совиноголовые». Всего к настоящему моменту удалось собрать информацию о 34 находках. Наибольшая серия «осела» в Курском музее. При поиске аналогий помимо литературных источников использовались

[1] Статья подготовлена в рамках плановой темы ИА РАН «Города в культурном пространстве Северной Евразии в средневековье». Руководитель: В. Ю. Коваль (№ НИОКТР 122011200266-3) и НИР ИИМК РАН на 2022-2024 гг.: FMZF-2022-0015 – «Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению» руководитель В.А. Лапшин.

[2] Статья опубликована в журнале «Краткие сообщения института археологии», 2025. Вып. 278. С. 294–307.

[3] Находка происходит из подъемных материалов возле раскопа.

интернет ресурсы, в том числе Госкаталог музейного фонда РФ (на запрос с ключевым словом «фибула» было получено 13,5 тыс. ответов, среди которых было семь находок интересующего нас типа, некоторые из них не представлены в публикациях).

Все исследователи, писавшие о данных фибулах, отмечали их родство со скандинавскими находками (Л.А. Голубева считала находку из Белоозера «несомненно скандинавской» – Голубева, 1964, с. 290), отмечая, как правило, что это не обязательно вещи скандинавского производства, но, возможно, подражания им. Так, по А.Г. Шпилеву: – «часть украшений могла быть выполнена непосредственно скандинавскими ювелирами, остальные являются древнерусскими подражаниями, по окружающему их археологическому контексту, бытовавшими в последней четверти X – начале XIII вв.» (Шпилев, 2009, с. 235). Он считает, что прототипом являлось изображение совы в стиле Борре. Л.А. Голубева первой интерпретировала, правда, под вопросом, изображение на концах фибулы, как сову (Голубева, 1964, с. 290). А.Г. Шпилев согласился с такой интерпретацией. Действительно, первое впечатление от этих находок позволяет предположить, что перед нами орнитоморфные изображения, а большие глаза отсылают к образу совы. Однако, скорее всего, эта интерпретация ошибочна. Этот вопрос позволяет прояснить сравнение с предположительными прототипами древнерусских фибул, о чем будет сказано далее.

Рассмотрим вначале такие вопросы, как особенности морфологии, орнаментации, хронологии и географии находок фибул с личинами.

Можно выделить две основные группы фибул с личинами (рис. 1, 2). Первая группа включает находки, у которых дуга имеет геометрический орнамент (рис. 1). В поперечном сечении дуги слегка выпуклые, тыльная сторона либо плоская, либо вогнутая (что чаще), из-за недолива металла. По середине дуги прослеживается линяя фестонов, которые могут быть прямоугольными или треугольными (реже). Иногда на одном изделии сочетаются треугольные и прямоугольные фестоны. По внешнему контуру дуги – сплошной ряд маленьких выпуклых прямоугольных (иногда со скругленными углами) выступов, своего рода бахрома. Находки первой группы датируются XI в. Косвенное доказательство – состав керамических комплексов раскопов в Полоцке и Смоленске (находки фибул не сопровождались находками лепной или раннекруговой керамики). Более весомый аргумент – датировки погребений с фибулами группы 1. Это находки из кургана могильника Нисимковичи, расположенного в округе Гомеля, который датируется концом X–XI вв. (Богомольников, 2004, с.75), и кургана 27 могильника Плешково в Тверской области (с монетами 1014-1024; 995-1002 и 996-1040 гг., использованными как подвески, Комаров, 2002, с. 176; Момбекова и др., 2023, с. 31). Крайне важна

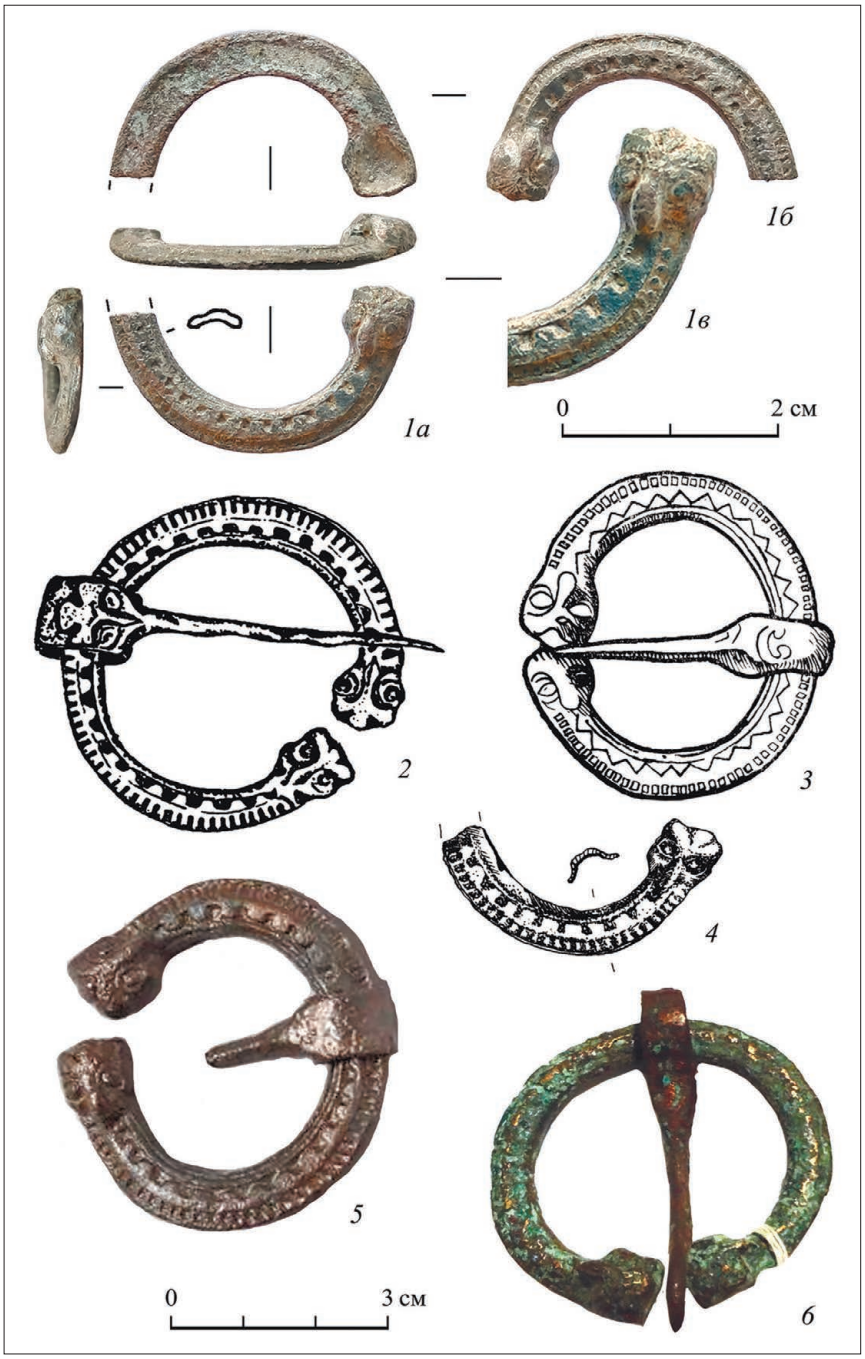

Рис. 1. Древнерусские фибулы с личинами XI в. Группа 1.1 – находка из Смоленска, ул. Коненкова, 22 (фото В. А. Раевой); 2 – находка у д. Чечевизня в Курской обл. (по: Веретюшкин, 2003); 3 – находка из Белоозера (по: Голубева, 1964); 4 – Великий Новгород (по: Покровская, 2021); 5 – курганный могильник Плешково (фото – госкаталог); 6 – находка с берега р. Пинега на ручье Ревомурдский (фото – госкаталог)

Рис. 2. Древнерусские фибулы с личинами XI в. Группа 2. 1, 1а – курганный могильник Удрай-IV (рисунок, по: Равдина, 1988, фото – госкаталог); 2, 2а – Суздаль, Кремль, раскопки М. В. Седовой 1981 г. (рисунок, по: Седова, 1997; фото – госкаталог); 3 – курганный могильник Плешково (по: Комаров, 2002)

также находка половинки фибулы в Великом Новгороде в слое конца XI в. (Покровская, 2021, с. 121).

География находок первой группы (рис. 3) показывает, что изделия распространены по всему ареалу Киевской Руси, но тяготеют к Верхнему Поднепровью и территории Черниговской земли, особенно Курскому Посемью, которое временами относилось к Переяславскому княжеству (Насонов, 1951; Зайцев, 2009); встречены также на сопредельных территориях – Киевщине, Смоленщине и Полоцке. Показательно, что на территории Северо-Восточной Руси находок мало (исключение – Белоозеро), хотя именно здесь проводились масштабные раскопки поселений и погребений XI в. Находка, сделанная на берегу р. Пинеги, хранящаяся в Пинежском краеведческом музее (№ 15 на карте), тоже связана с группой 1. В данном случае надо отметить, что эта вещь является дериватом фибул группы 1. Орнаментация дуг почти не видна, черты личины упрощены. То есть это отливка, прошедшая несколько циклов копирования (рис. 1, *6*). Мало находок и на Северо-Западе – при общем обилии материала Великий Новгород дал лишь одно изделие.

Вторая группа находок отличается от первой характером орнаментации дуг фибул и формой их окончаний (рис. 2). Орнамент дуг второй группы – растительный, на суздальских находках видны крины. Форма окончаний дуг также заимствована из растительного мира. Ближе всего они напоминают маковые головки. Имеется одна находка переходного типа, когда дуги орнаментированы, как у фибул группы 1, но на концах не личины, а стилизованные «маковые головки», как у фибул группы 2 (рис. 2, *3*). Находка из могильника Удрай-IV также демонстрирует связь между двумя группами: по дуге фибулы идет растительный орнамент, но по внешней кромке ряд округло-прямоугольных выступов – жемчужин, как на фибулах группы 1 (рис. 2, *1а*). Изображения личин на фибулах группы 2 представлено лишь на игле. Для изображения характерны большие глаза (но не круглые!), длинный нос и волосы, завивающиеся кверху.

Сравнение находок группы 2 между собой позволяет предположить, что фибула из курганного могильника Удрай IV являлась «исходной» для находок суздальской серии. Орнамент на дугах и личина на игле этой фибулы очень рельефны. Суздальские находки чуть меньше по размерам, орнамент и изображение личины сглажено.

Находок второй группы меньше и география другая (рис. 3). Они, по большей части, встречены в северной части территории Древней Руси. Наиболее показательные находки из Суздаля. Здесь встречены две целых фибулы и игла. Причем игла является заготовкой, у которой тыльный конец прямой (Седова, 1997, рис. 29, *9, 14*). В настоящее время, к сожалению, прямой тыльный конец утрачен, судя по фото из госкаталога. Присутствие заготовки – очень важный аргумент, позволяющий предполагать, что производство та-

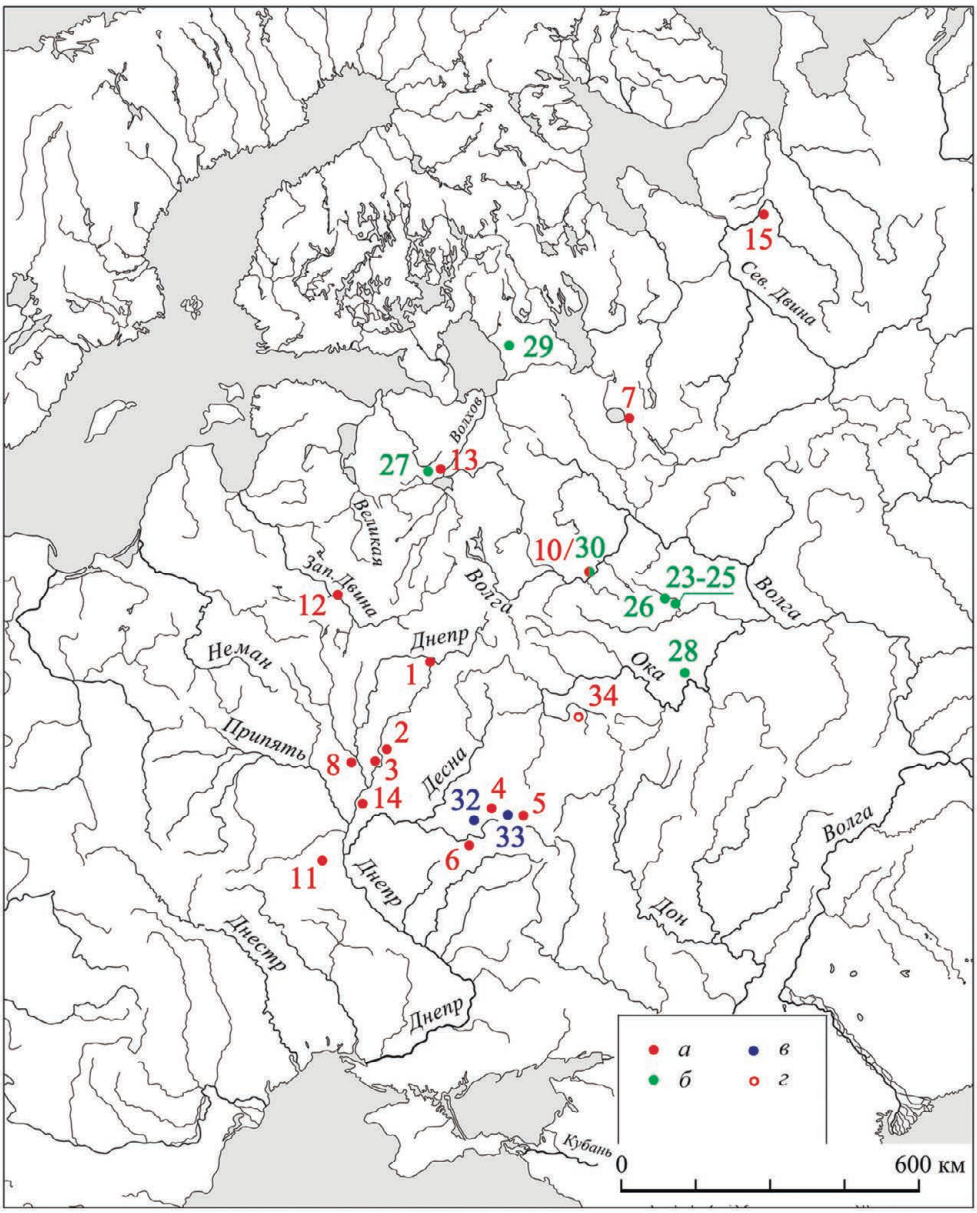

Рис. 3. Карта находок древнерусских фибул XI в. с личинами. Номера соответствуют списку в статье: а – фибулы группы 1; б – фибулы группы 2; в – схематизированные дериваты с несколькими личинами на дугах (группа 3); г – одна игла, типологическая группа фибулы неясна

ких фибул находилось в Суздале. Находка аналогичной фибулы на селище Весь, расположенном рядом с Суздалем, подтверждает гипотезу о суздальском месте производства украшений. Это не означает, что они не производились в других местах также. Карельскую находку отличает очень сильная схематизированность изображения личины (Равдоникас, 1934, табл. IV, *14*), очевидно, что это копия с копии, возможно, местного производства. На это указывает широкое распространение растительных мотивов на типичных карельских овально-выпуклых фибулах.

Датировка фибул второй группы – XI в. В могильнике Плешково в погр. 39 фибула переходного типа от группы 1 к группе 2 найдена с монетой 1002–1014 или 1024-1039 гг. (Момбекова и др., 2023); в погребении могильника Удрай-IV фибула группы 2 была встречена с монетой 1059–1086 гг. (Равдина, 1988). Можно предположить, что вторая группа фибул с личинами несколько моложе первой группы, но в то же время хронологически пересекается с первой группой.

Имеются единичные находки, указывающие на существование вариантов форм. Так в Рыльском районе Курской области была найдена фибула, имевшая личины не только на концах дуги, но еще две дополнительных в средней части, то есть всего четыре (Шпилев, 2009, рис. 1, *4*). На Липинском городище, расположенном также в Курском Посемье была найдена фибула, являющаяся дальнейшим развитием данного варианта. Выступов-личин на ней уже шесть, они крайне схематизированы (Шпилев, 2009, рис. 2, *1*). Условно данные находки выделили в группу 3. Локализация в Курском Посемье дериватов фибул с личинами, позволяет предполагать, что где-то в этом районе было место их производства.

Теперь рассмотрим вопрос о происхождении фибул и интерпретации личин. География находок однозначно указывает на то, что это древнерусская вещь, а не скандинавский импорт. Технологические особенности и металл также указывают на то, что перед нами дешевые реплики, где лужение имитировало покрытие серебром. Оригиналы для подражания, видимо, действительно были скандинавскими (рис. 4, 5). В качестве прототипов можно назвать фибулы двух вариантов: 1) великолепное бронзовое изделие с позолотой из погребения 735 могильника Бирка в Швеции (Стокгольмский исторический музей № 34000 Bj735. Arbman, 1940 taf. 49, 3a, погр. 735); 2) случайную находку из Хём, о. Зеландия, Дания (Helmbrecht, 2011 Abb.58, 3) и фибулу из Каупанга в Норвегии (Blindheim et al., 1981, taf.62; Helmbrecht, 2011. Abb.58, j). Все они датируются либо узко X в, либо более широко – «эпохой викингов» (Helmbrecht, 2011. S. 210). Эти фибулы отличаются от распространенных на территории Древней Руси более высокой техникой исполнения, проработкой деталей изображения, при этом по общей форме скандинавские и древнерусские фибулы сходны. Личина на скандинавских находках имеет

Рис. 4. Скандинавские фибулы с личинами X в.
1 – могильник Бирка, погр. 735, Швеция (Шведский исторический музей, Стокгольм https://www.flickr.com/photos/historiska/13619395664 фото: Gabriel Hildebrandt); 2 – Хём, о. Зеландия, Дания, случ. находка (Исторический музей Копенгаген, фото: Lennart Larsen, https://samlinger.natmus.dk/do/asset/1992); 3 – Каупанг, Норвегия (Исторический музей, Осло, по: Helmbrecht, 2011)

ряд деталей, которые указывают, что перед нами изображение антропоморфное, мужское. Большие круглые глаза разделяет продолговатый нос, от которого расходятся в стороны усы, нависающие над чуть приоткрытым ртом, от подбородка начинается борода, которая передана на игле (заплетенная в «косички» борода идет до окончания иглы). Щеки и скулы покрыты морщинами, переданными рельефными рубчиками. На лбу в центре хохолок из волос. Пряди волос расходятся по бокам головы, напоминая уши животного. На норвежской находке из Каупанга эти пряди уже превратились в округлые уши, напоминающие уши кошачьего хищника, то есть антропоморфное изображение приобрело черты смешанного антропо-зооморфного.

Сравнение скандинавских изделий с древнерусскими показывает с очевидностью, что это одна серия, но дериваты утрачивают детали исходных изображений. Так исчезают тонкие рельефные рубчики, передающие волосы усов, бороды и головы, а также морщины лица, их рудименты можно разглядеть лишь на предмете из урочища Соловень бугор (Шпилев, 2009, рис. 1, *3*). На некоторых экземплярах дериватов сохраняется лишь разделение верха головы на три части – бывший на скандинавских исходниках центральный клок волос и две боковые пряди. Центральный клок волос превращается в

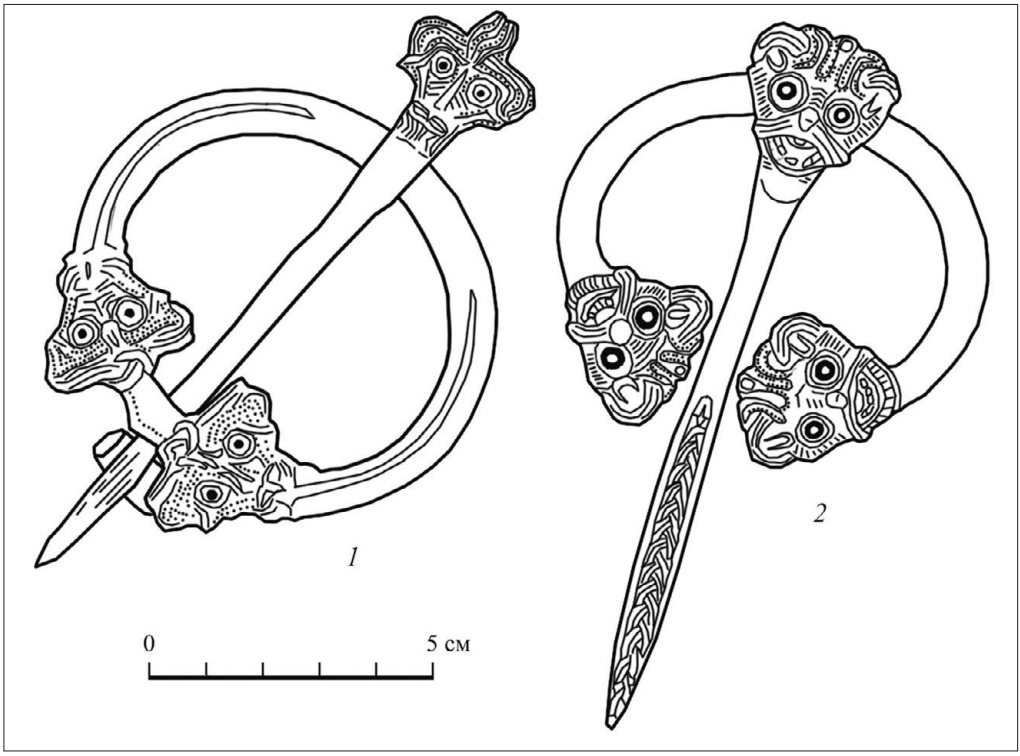

Рис. 5. Скандинавские фибулы из Бирки (1) и Хём (2). Прорисовка Г. О. Моисеенкова

кружок с галочкой под ним, рот и усы исчезают. Бороду можно усмотреть лишь в извилистой форме иглы (Богомольников, 1983, с. 340). Таким образом, «орнитоморфность» изображений на древнерусских фибулах ложная, это просто сильно упрощенные исходные антропоморфные мужские личины в стиле Борре. Семантика этих изображений остается дискуссионной (Helmbrecht, 2011), хотя можно предполагать, что образ отсылал к конкретному мифологическому (?) персонажу.

Проанализированная выше серия находок фибул с личинами важна тем, что показывает «врастание» скандинавской ювелирной традиции X в. в древнерусскую материальную культуру XI в. Это далеко не единственный пример. Мы знаем о распространении на территории Древней Руси украшений, в которых были заимствованы некоторые элементы скандинавской ювелирной традиции (например, завязанные височные кольца). Имеются и технологические заимствования – трехслойные ножи-пакеты (подробнее см. Лесман, 2014). Таким образом, пример с фибулами еще раз показывает, что взаимодействие скандинавской и аборигенной (славяно-балтско-финно-угорской) восточноевропейской культуры в X в. вылилось в появление

продуктивных ростков, формирование дериватов местного древнерусского производства в XI в. Этот список не ограничивается окраинами (с «киевоцентрической» точки зрения), ливскими или карельскими фибулами. В центре территории Древней Руси имеются также примеры – один из них представлен в данной статье.

Важно также отметить, что единичная находка фибулы с личиной из Смоленска не может указывать на континуитет скандинавских традиций в связке Гнёздово – Смоленск. Более вероятен другой сценарий. В XI – XII вв. в Смоленске наблюдалось значительное культурное влияние южных территорий Киевской Руси, что проявлялось в наборе керамики, каменном церковном строительстве. Возможно, фибула с личиной могла попасть в Смоленск с юга, где наблюдается концентрация их находок и, вероятно, находился центр производства.

Список находок (номера соответствуют номерам на карте – илл. 3)

Группа 1

1. Смоленск (личина на конце дуги). Ул. Коненкова, 22, 2018 г. подъемка

2. мог. Нисимковичи (Белоруссия) – в кургане № 10 кон. X – XI вв. сильная стилизация на концах и игле, на дугах, орнамент как в Смоленске. В.В. Богомольников атрибутировал изображение следующим образом: «фибула подковообразная пластинчатая, орнаментированная, с зооморфными концами и язычком в виде головы человека с длинной узкой бородой» (Богомольников, 1983, С. 340). Есть «хохолок» на голове, изображенной на игле.

3. Гомель – Макушников, 2009, с. 155 (в постройке XI в.).

4. Шатуновское городище (личины на концах, игла железная – заменена?), в орнаментике дужки – особенность – треугольные фестоны! Случайная находка (Шпилев, 2009).

5. Селище у д. Чечевизня (запад Курской обл.), личины на игле и концах, орнамент как в Смоленске. Случайная находка А.А. Катунина (Веретюшкин, 2003; Шпилев, 2009). Рисунок в публикации не точен, на дужке треугольные и прямоугольные фестоны.

6. Городище в ур. «Соловень бугор» Льговский р-н. Случайная находка. Личины на концах и игле. Особенности моделирования личин – ближе к скандинавским образцам! Выделены складки/волосы. Особенности в орнаментации дужки – узкие каплевидные фестоны (Шпилев, 2009).

7. Белоозеро (Голубева, 1964; 1967; 1973) 2-й горизонт раскопа XXXV. Личины на концах и игле, на дугах орнамент, как в Чечевизне и Смоленске, треугольные фестоны сочетаются с прямоугольными. На личине, изображенной на игле верх головы (волосы) разделен на три части. По Голубевой, «круг скандинавских изделий» – Голубева, 1973, с. 69.

8. Речицкий у., раскопки В. З. Завитневича. Личины только на дугах, орнамент по центру дуги – «поребрик» (Шпилев, 2009).

9. Украина, случайная находка – личины на концах дуг, орнамент «поребрик», на игле личины нет. (Андрощук, 2022, с. 93).

10. Плешково 1, Тверская область, женское погр. кург. № 27, с монетой начала XI в. (1014-1024 гг.) (Комаров, 2002).

11. Поднепровье, селище Дрогинка 3 на р. Ирпень (Південноруське село, 1987) – Фибула как в Нисимковичах, личины на концах дуг, иглы нет, орнамент на дугах, как в Смоленске.

12. Полоцк – находка аналогична смоленской, личина на конце дуги. Керамика на раскопе, начиная с XI в. (Клімаў, 2011, С. 78).

13. Великий Новгород, слой XI в. (Покровская, 2021, рис. 4, *8*).

14. Любеч, раскопки Б.А. Рыбакова 1957 – 1960 гг. (коллекция ГИМ).

15 Случайная находка на берегу р. Пинега у ручья Ревомургский (Пинежский краеведческий музей).

16-22. Семь (как минимум) грабительских находок неизвестно откуда (сайты кладоискателей, торговцев историческими репликами и пр.). Форма и декор находок аналогичен смоленской.

Группа 2

23-25. Суздаль, Кремль, раскопки 1981 г. (Седова, 1997, рис. 29), личина лишь на игле, на концах дуг – «маковые головки», на дугах растительный орнамент; отдельная распрямленная (не свернутая) игла (раскопки 1979 г.), видимо, заготовка! В коллекции из Суздаля имеется очень схожая фибула из раскопок 1939 г. А.Ф. Дубынина (госкаталог).

Важно отметить, что шведские находки XIV в., с которыми сравнивала суздальскую фибулу М.В. Седова (Седова, 1997, с. 94), существенно отличаются от древнерусских по форме и изображению на игле, они не могут рассматриваться как аналогии (Mårtenson A.W., Wahlöö C., 1970, abb. 85; Søvsø, 2011).

26. Селище Весь. Раскопки 1991 г. Н.Н. Мошениной. Находка аналогична суздальским (госкаталог).

27. Курганный могильник Удрай-IV на р. Удрайка, приток Луги (Равдина, 1988), личина на игле, на концах дуг – «маковые головки», на дугах растительный орнамент. Мог. 6 с монетой 1059-1086 гг.

28. Городище «Земляной Круг (Струг ? – *НК*)» (Рязанская обл. раскопки В.П. Челяпова, 2002 г.). Личина на игле, на концах дуг – розетки или маковые головки, дуги – перевитье (Шпилев, 2009).

29. Карелия, р. Тулокса, д. Мергелы, курган (Равдоникас 34, табл. IV, *14*), личины на концах и игле, орнамент растительный, как в Суздале или карельских фибулах. Личины очень схематизированы.

30. Плешково, курган 39, с монетой первой половины XI в., определение которой спорно (1002-1014 гг. по Комаров, 2002, или 1024-1039 гг. по Момбекова и др., 2023).

31. Фибула с кладоискательского сайта атрибутирована как викинги, локализована в Киеве.

Группа 3 (дериваты)

32. Случайная находка в СЗ части Рыльского р-на. Личины не только на концах, но и в серединах дуг, всего их четыре, моделированы очень условно (глаза + нос), на дуге орнамент ближе к растительному (Шпилев, 2009).

33. Липинское городище. Раскопки П.И. Засурцева в постройке XII-XIII вв. Очень высокая степень упрощения, выступов 6, орнамента на дуге нет, глаза и нос просматриваются лишь на окончаниях (Шпилев, 2009, рис. 1, *4*).

Непонятная Атрибуция, так как представлена лишь одна игла

34. гор. Лобыньское (на р. Упа) – одна игла (Колоколов, 2023; Колоколов, 2024).

Благодарности. Авторы признательны рецензентам, а также С.Ю. Каинову, Е.В. Каменецкой, В.А. Лапшину, А.Е. Леонтьеву, Н.В. Лопатину, Л.В. Покровской и Ингмару Янссону за присланные материалы и замечания, сделанные при подготовке рукописи.

И. Н. Ершов

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДОМОНГОЛЬСКОГО ХРАМА НА УЛ. ШКОЛЬНАЯ, 2, В СМОЛЕНСКЕ В 2014 ГОДУ[1]

Резюме. История исследований памятников домонгольской архитектуры Смоленска была продолжена в 2014 г. охранными раскопками центральной и южной частей церкви на ул. Школьная, 2, остатки которой впервые зафиксировал в 1989 г. Н. В. Сапожников. В результате удалось дополнить выводы Н. В. Сапожникова о характере архитектурных деталей и габаритах церкви важными наблюдениями. На основе сделанных выводов ставится вопрос о проблематичности некоторых аргументов, применявшихся ранее исследователями для четкой хронологизации этапов смоленского храмостроения.

Ключевые слова: Смоленск, охранные археологические исследования, архитектурная археология, домонгольский храм, культурный слой.

В сезоне 2014 г. Смоленской экспедицией ИА РАН (руководитель Н. А. Кренке) в сотрудничестве с центром по охране и использованию памятников истории и культуры Смоленской области (руководитель В. А. Аазепин) были проведены исследования в г. Смоленске на участке по адресу: ул. Школьная, д. 2, где в 1989 г. Н. В. Сапожников выявил остатки церкви домонгольского времени (*Сапожников*, 1989). Необходимость повторных охранных исследований была обусловлена угрозой разрушения памятника при запланированном здесь строительстве офисного центра.

Объект располагается у подножия северо-восточного склона Соборного холма, на углу улиц Соболева и Школьной, в 120 м к югу от берега Днепра (рис. 1). Участок расположен близ трассы исторической Великой улицы, шедшей здесь параллельно берегу реки. Прошлые исследования (начиная с работ Д. А. Авдусина в 1951 г.) и наши работы 2014–2015 гг. показывают, что склон Соборного холма (ул. Школьная) и трасса ул. Соболева были плотно заселены уже с конца IX – начала XI в. (*Асташова*, 1991. С. 22; *Ершов*, 2014).

Н. В. Сапожников в свое время пришел к выводу, что ему удалось получить практически все данные для реконструкции плана храма и его последующей судьбы (*Сапожников*, 1999. С. 120–126 и рис. 8). Однако не до конца ясными остались такие вопросы: соотношение остатков храма с окружающим культурным слоем города, осмысление места храма в системе культового зодчества Смоленска, были слабо аргументированы и выводы по долготе бытования и времени разрушения храма, не затронут вопрос о возможном названии храма. Наконец, весьма важным для дальнейшей судьбы церкви является привязка ее остатков к современной топооснове. Впоследствии эти проблемы лишь изредка обсуждались в научной литературе (*Зайцев*, 2007).

[1] Статья опубликована в журнале «Краткие сообщения института археологии», 2016. Вып. 242. С. 150–160.

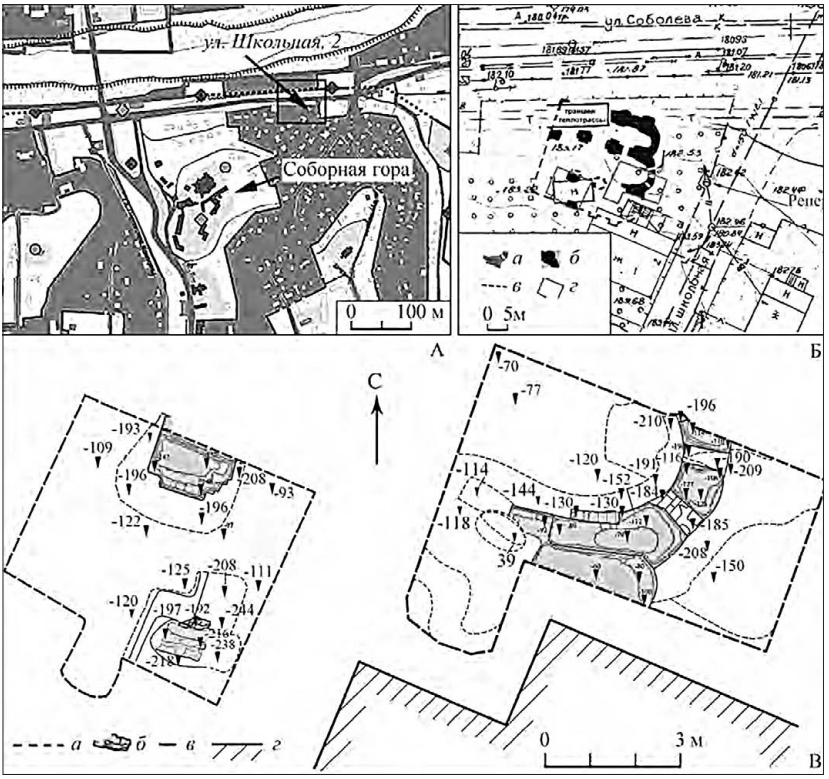

Рис. 1. Руины храма на ул. Школьная, 2. Топографическая локализация на планах города и общий план раскопа 2014 г.
а – фрагмент плана Смоленска с указанием места производства раскопок; б – фрагмент топоплана участка с наложением контуров церкви по результатам работ 1989 и 2014 гг.: а – фрагметы кладки, обмеренные в 2014 г.; б – фрагметы кладки, обмеренные в 1989 г., в – реконструированные контуры здания; г – раскопы 2014 г.; В – архитектурная съемка руин церкви (авторы – архитекторы о. В. Попов и д. В. Вершинский): а – условные границы раскопа; б – выявленные фрагменты кладки храма; в – сохранившийся фрагмент внутренней штукатурки; г – существующий жилой дом

Археологические наблюдения заключались в бережной расчистке верха плинфяной кладки стен на глубину не более 80–90 см от ее верха (для предотвращения разрушения). Расчистка кладки делалась вручную после снятия техникой мощного слоя балласта толщиной 1–2 м на двух участках шурфовки: у предполагаемой центральной апсиды и части южной апсиды (восточный участок), у предполагаемой части южной стены у южного портала и в области юго-западного подкупольного столба (западный участок) (рис. 1, б, В; 2)[1].

[1] На участке исследования повсюду в мешанном с известью и плинфой сером суглинке часто встречались кости человека без анатомического порядка. Датировать нарушенные погребения сложно, предварительно их можно отнести к XV–XVII вв. Антропологические остатки изучены аспиранткой ИА РАН антропологом А. А. Тарасовой.

На восточном участке был расчищен верх кладки южной межапсидной стены центральной апсиды. Эта стена по мере расчистки к востоку раздваивается и идет: на север – на закругление центральной апсиды; на юг – на закругление южной апсиды. На ее северном фасаде зафиксирован фрагмент сохранившейся штукатурки (рис. 3). Следовательно, храм был все же оштукатурен, что противоречит заключению Н. В. Сапожникова о полном ее отсутствии. Лицевая поверхность кладки этого участка межапсидной стены порядовая, перемежающаяся тычково-ложковая, толщина слоев раствора равна или чуть менее толщины плинф.

В кладке стены центральной апсиды удалось проследить все три оконных проема (рис. 4) – северный и центральный были зафиксированы еще Н. В. Сапожниковым в 1989 г. Южный оконный проем изнутри имеет срезанный угол (боковой откос). Подобные внутренние откосы окон в Смоленске были встречены ранее в храме Иоанна Богослова (*Воронин, Раппопорт*, 1979. С. 119). Следует отметить, что в храме Михаила Архангела конца XII в. оконные проемы уже более сложные, с откосами как наружу, так и вовнутрь (там же. С. 185–186). В эволюционном ряду объектов смоленского зодчества такой прием оформления проемов окон может иметь и хронологический смысл – эволюция шла, возможно, от простых прямых без откосов проемов к окнам с откосами с двух сторон. Эти изменения зафиксированы в своих хронологически крайних пунктах начиная с 1140-х гг. (Борисоглебский собор на Смядыни) и завершая самым концом XII в. (Троицкий собор на Кловке). В этом ряду церковь на ул. Школьной занимает некое срединное положение.

На западном участке был расчищен верх юго-западного подкупольного столба крещатой формы в плане (рис. 1, *в*; 2). Ширина его с запада на восток 190 см, выступы со всех сторон на ширину плинфы – 20 см. В южной части участка расчищен фрагмент южной стены храма в районе портала. Фрагмент удалось проследить лишь частично вследствие высокого стояния грунтовой воды, реальная ширина стены не установлена. у столба (рис. 1, *в*; 2) были собраны фрагменты двух византийских («триллийских») амфор-голосников, одна из которых, буроглиняная, аналогична амфоре, найденной Н. В. Сапожниковым (рис. 5, *а, б*), а другая тонкостенная, красноглиняная, с рифлением неглубокими полосами.

Средний размер обычных плинф 28,4 × 20,7 × 3,7 см. размер и разновидности плинф, как отметил еще Н. В. Сапожников (*Сапожников*, 1999. С. 126), близки к сортаменту плинф храма Василия на Смядыни. Есть плинфы широкие – по 20–21 см – и узкие – по 12–13 см. Основная масса плинф – «широкие». Из них сложен массив стен. «Узкие» плинфы использовались для создания элементов декора, например, вертикальных тяг на апсидах. Есть плинфы лекальные – подтреугольные или с широким полукруглым торцом, что свидетельствует о присутствии в архитектуре храма полуколонок. Аналогичные плинфы были встречены в кладках полуколонок Борисоглебского и Васильевского храмов монастыря на Смядыни (*Воронин, Раппопорт*, 1979, рис. 19, 77).

Рис. 2. Вид на раскопки церкви с высоты 10 м, с севера

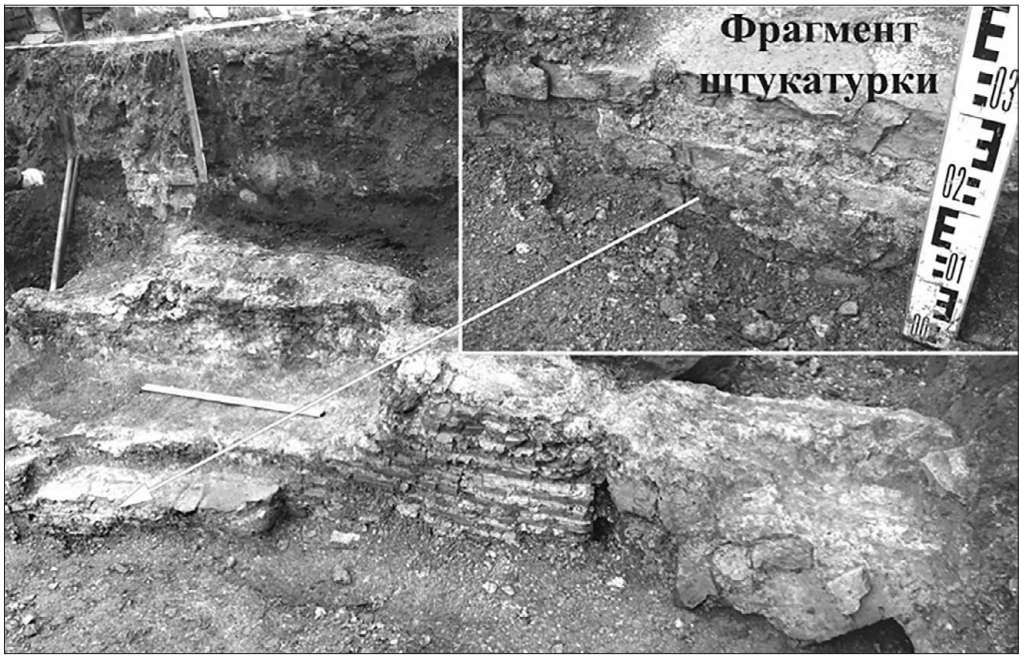

Рис. 3. Вид на южную межапсидную стенку центрального нефа с северо-запада; на врезке показан фрагмент сохранившейся штукатурки на стене

Рис. 4. Три оконных проема центральной апсиды, вид с запада – северо-запада

Клейма и знаки на плинфах (рис. 6, *а, б*) близки к таковым на плинфах некоторых храмов, в том числе Борисоглебского храма на Смядыни (*Хозеров*, 1929. рис. 71). Знак в виде латинской цифры «V» присутствует и на плинфах церкви Иоанна Богослова (*Орловский*, 1905. С. 5 и 9). Некоторые данные говорят о том, что близкие к нашим клейма и знаки были выявлены на схожих по размерам плинфах при исследовании Духовской церкви, остатки которой находятся примерно в 250 м к востоку от Школьной, 2, во дворе современной школы по ул. Соболева, д. 22 (*Воронин, Раппопорт*, 1979. С. 335).

Совмещение планов раскопов церкви 1989 и 2014 гг. наиболее достоверным оказалось по северному окну и контуру центральной апсиды (рис. 1, б). Габариты храма даны Н. В. Сапожниковым как 16,5 × 14,3 м, однако его план в отчете и статье показывает длину храма 17,5 м, при этом наш анализ плана показал, что автором раскопок было несколько непропорционально увеличено расстояние между подкупольными столбами. По этой причине при совмещении планов двух раскопов оказывается, что северо-западный столб (в раскопе Н. В. Сапожникова) расположен явно не симметрично юго-западному столбу в раскопе 2014 г. При условии, что план Н. В. Сапожникова следует «укоротить» на 1 м, приблизив северо-западный столб и северо-западный угол храма на 1 м к востоку к остальной части им раскопанного храма, совмещение планов раскопов его и 2014 г. происходит весьма успешно – все столбы располагаются как бы на своих местах.

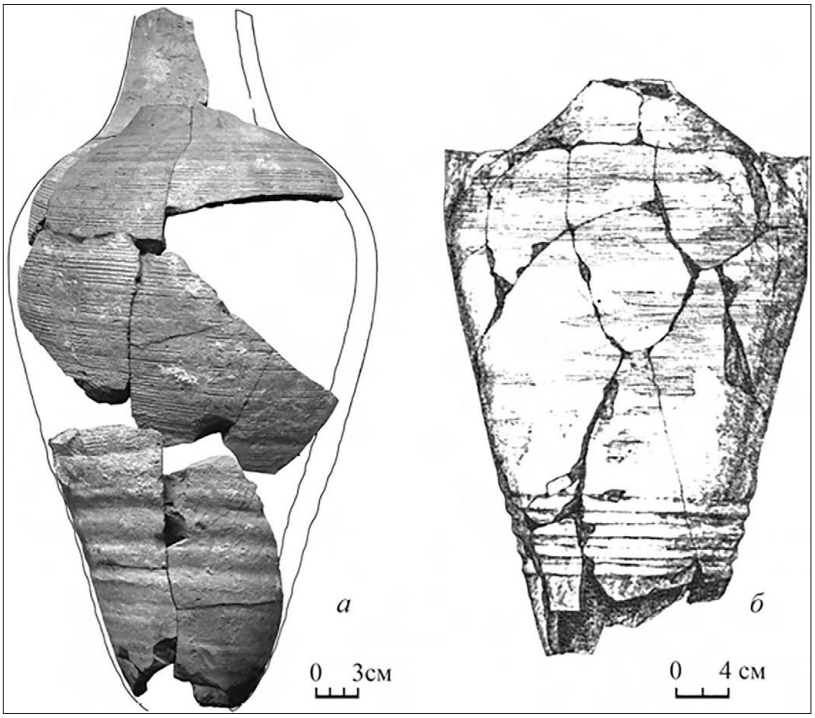

Рис. 5. Византийские амфоры «триллийского» типа из раскопок церкви: а – 2014 г., б – 1989 г.

В 1989 г. Н. В. Сапожников был уверен, что данный памятник древнесмоленского зодчества является новооткрытым объектом и, что удалось получить практически все данные для реконструкции плана храма. В отчете он указывал, что «*это был небольшой четырехстолпный трехапсидный храм. Азимут продольной оси 101°... Полное отсутствие следов штукатурки свидетельствует, что храм ни снаружи, ни внутри не был оштукатурен и расписан... Храм, судя по всему, возводился на плохо обжитом месте... Вполне возможно, что церковь... рухнула в процессе завершения ее строительства*» (*Сапожников*, 1989. С. 18–20).

В итоговой работе 1999 г. Н. В. Сапожников сместил вероятную дату строительства храма к середине 1190-х гг., аргументируя это тем, что вряд ли храм был возведен и мог обрушиться до строительства весьма близкого к нему по планировке храма Василия на Смядыни (1191 г.) (*Сапожников*, 1999. С. 126); все прочие выводы автора остались неизменными.

Н. В. Сапожников, возможно, не обратил внимания на предположения дореволюционного исследователя смоленских древностей С. П. Писарева (*Писарев, Неклюдов*, 1901. С. 10–11) о нахождении в этом районе даже не одной, а сразу двух церквей домонгольской эпохи (Симеона богоприимца и в честь Лазаря четырехдневного). С. П. Писарев правильно полагал, что находимые при копании котлована здания трамвайного депо на месте современ-

ного «Горводоканала» (напротив участка нашего исследования, на ул. Соболева) надгробные плиты и костяки людей являются остатками кладбищ у этих храмов. Он указывал, что лазаревское кладбище на этом месте было известно еще в XVIII в., а его предыстория может уходить еще глубже. Судя по описанию и зарисовкам гробов-колод, обернутых берестой (прямых и схожих по очертаниям «с лодкой или скрипкой») (там же. С. 20–21), и с валунами на крышках (а останки умерших были еще и с погребальным инвентарем), это предположение не лишено оснований. Кладбище XIV–XVII вв. с большим количеством захоронений с набором подобных гробов зафиксировано в схожей топографической ситуации в Пятницком конце при раскопках на Студенческой улице в 2008–2009 гг. (*Пронин и др.*, 2011).

Свидетельством о несомненном нахождении где-то поблизости от котлована трамвайного депо древнерусского храма С. П. Писарев считал и факты находок плинф разных размеров и конфигураций (плитки пола – «*треугольник и в шесть углов*»; плинфы с клеймами, одно из них полностью аналогично найденным нами в этом сезоне клеймам – «*вытиснуто 6 знаков, представляющих каждый решетку в круге*»), а также нижней половинки амфоры явно «триллийского» типа (*Писарев, Неклюдов*, 1901. рис. 26).

Предположение Н. В. Сапожникова о том, что храм, «*судя по всему, возводился на плохо обжитом месте...*», плохо вписывается в им же самим сформированное представление о плотной населенности этого района как минимум с середины XI в., даже если принимать во внимание только сообщение С. П. Писарева о мощнейших культурных отложениях, наблюдавшихся им в 1901 г. буквально по соседству с храмом, в том числе насыщенных как древнерусскими находками, так и лепным керамическим материалом. Сообщение жителей дома по ул. Школьная (напротив нашего участка исследования) об обнаружении ими в 2013 г. в своем дворе многоярусных отложений культурного слоя 4–5-метровой мощности лишь подтверждает эти предположения.

Обращает на себя внимание и спорное утверждение Н. В. Сапожникова о скором разрушении храма, что храм не был оштукатурен, не расписан и у него не было зафиксировано пола или хотя бы даже плиток пола. Как мы убедились, плитки пола рядом С. П. Писарев все же обнаружил, а фрагмент оштукатуренной стены (межапсидной между центральным и южным нефами) нам удалось зафиксировать уже в этом сезоне. Мнение о неоштукатуренности некоторых смоленских храмов, о «неосвоенности» их участков строительства, высказанное в свое время ведущими исследователями смоленского зодчества Н. Н. Ворониным и П. А. Раппопортом (*Воронин, Раппопорт*, 1979), видимо, не всегда имело под собой серьезные основания – виной тому была, скорее всего, слабость методической стороны раскопок, на что уже обратили внимание (*Зайцев*, 2007. С. 41).

Имеется возможность уточнить и датировки «триллийских» амфор. По мнению И. В. Волкова (*Волков*, 2005. С. 151–152), наличие рифления верх-

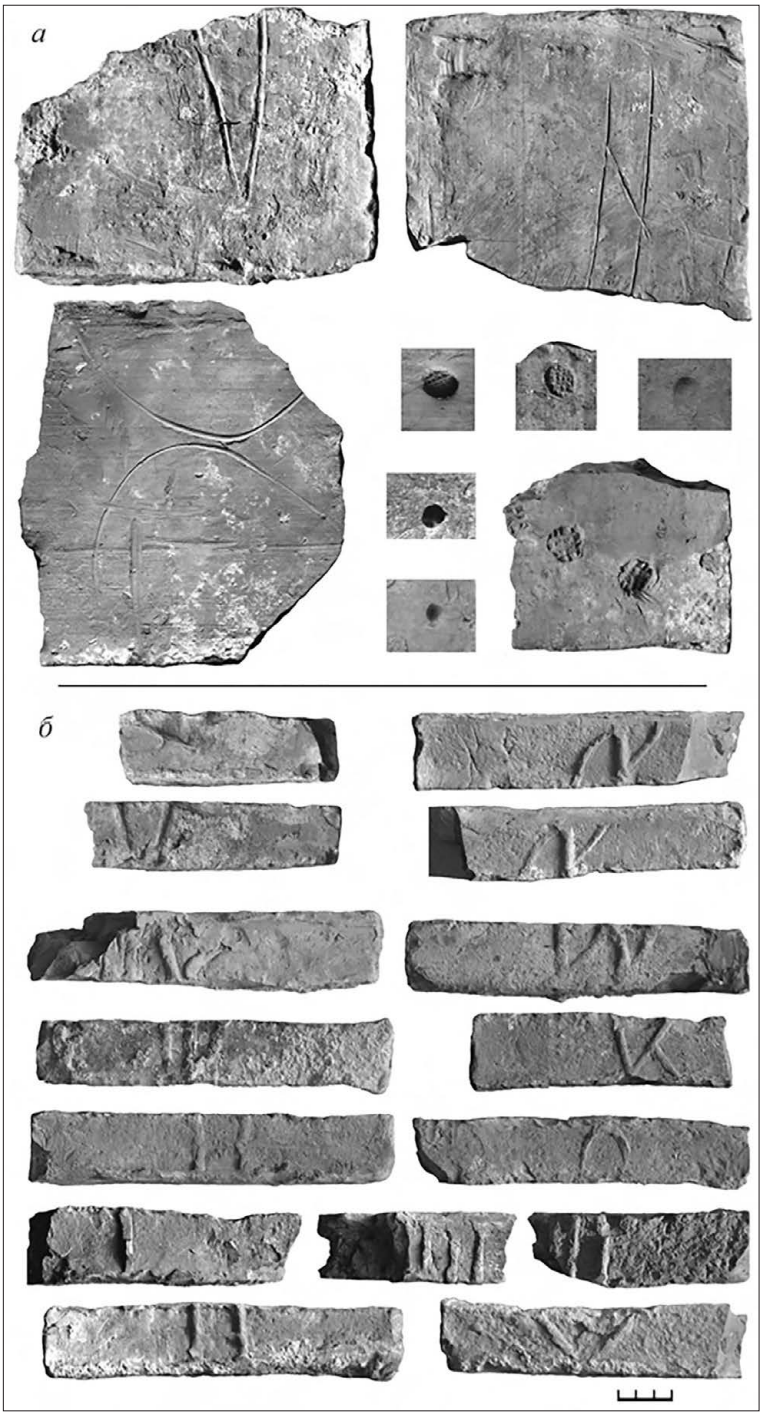

Рис. 6. Знаки и клейма на плинфах из раскопок 2014 г.: а – клейма на постелистой стороне; б – знаки на торцах

них 2/3 внешней поверхности этих амфор позволяет датировать их второй половиной – концом XII в.[1] Видимо, С. П. Писарев был ближе к истине и когда утверждал, что церковь пришла в запустение и разрушилась не сразу после строительства, а в «литовский период», т. е. в XV–XVII вв., период же наиболее интенсивных разрушений необходимо, очевидно, относить ко времени польского владычества первой половины XVII в.

Н. Н. Воронин и П. А. Раппопорт отмечали, что «*под Соборной горой можно предполагать наличие двух храмов. Крепость Федора Коня сохранила их имена в названиях башен... Лазаревская четырехугольная башня связывается с Лазаревской церковью, построенной четвертым епископом – Лазарем (упом. около 1220 г.). Лазаревская церковь упоминается в "Росписи...руги...1598 г."*» (*Воронин, Раппопорт*, 1979. С. 337). В отличие от С. П. Писарева, они полагали, что эти две церкви были расположены последовательно вдоль берега реки: Симеоновская западнее, а Лазаревская – восточнее. Два этих епископа (Симеон и Лазарь) были реальными личностями, возглавлявшими кафедру в конце XII – начале XIII в., и постройка церквей в честь их святых патронов на территории Крылошевского конца не может вызвать особых возражений. Епископ Лазарь, бывший «борисоглебский иеромонах», возглавлял Смоленскую кафедру во времена Авраамия Смоленского, т. е. примерно во второй четверти XIII в. (см. об этом подробнее: *Орловский*, 1905. С. 31–32). Если совместить период деятельности этого епископа со скорректированными датировками амфор-голосников, то мы вынуждены будем скорректировать и период строительства самой церкви (конечно, в том случае, если она действительно была посвящена именно Лазарю).

Воскрешение Лазаря вспоминается церковью в субботу 6-й недели (Лазареву субботу) Великого поста (иоан.11:17–44), что соответствует в основном датам с середины марта по середину апреля. азимутальное отклонение оси церкви указывает, однако, как отметил еще Н. В. Сапожников, на даты примерно первой половины – середины февраля (*Сапожников*, 1999. С. 125). Наиболее заметные дни в православном календаре этого периода – 2 февраля (Сретенье), 3 февраля (память Симеона богоприимца), 8 февраля (память Федора Стратилата), 11 февраля (день памяти Власия), 17 февраля – память Федора Тирона. Однако известно, что, скорее всего, Симеоновская церковь стояла значительно западнее, у Симеоновской башни. Сретенье и день памяти Федора Тирона слишком отклоняются от нашего интервала. Остаются два возможных варианта названия церкви: наряду с Лазарем, это Федор Стратилат и Власий. Эти варианты полностью отклонять нельзя, но следует заметить, что храмы в честь этих святых в древнерусское время в основном ставились в Великом Новгороде, а позднее по всей территории Московского государства, но они не были известны в Смоленске.

[1] При детальном ознакомлении с фрагментами амфор И. В. Волков стал склоняться к еще более поздней датировке амфор – конец XII – начало XIII в. Выражаю благодарность И. В. Волкову за консультацию.

Имеется в современной литературе мнение, поддерживающее на основе аргументов о якобы княжеском характере церкви именно название в честь Федора Тирона как вероятного небесного патрона князя Мстислава-Федора Ростиславича Храброго (*Зайцев*, 2007. С. 34–53).

Однако, учитывая реальную возможность (на основе современного топоплана с точными привязками остатков церкви) еще большего увеличения азимутального отклонения оси церкви до 102–103°, приходится отвергнуть и эти предположения. Датировка сооружения церквей по азимутам их продольных осей явно не может претендовать на звание метода архитектурной археологии (например, азимуты храмов Михаила архангела и Иоанна Богослова никак не согласуются с днями этих святых). В то же время нельзя отбрасывать и другие возможности, в том числе и опору на многовековую традицию наименования башен Смоленской крепости по близлежащим храмам. Также вряд ли стоит абсолютизировать, как это делает А. А. Зайцев, и возможности княжеского дома, приписав исключительно только его инициативе строительство более двух десятков храмов в огромном домонгольском Смоленске. Роль епископской власти и общины города в лице его богатой купеческой верхушки, как известно, не была столь исчезающе мала, и особенно в XII–XIII вв.

Обратим внимание на то, что практически все известные храмы княжеской постройки располагаются в западной части города, там, где, вероятно, были сосредоточены и княжеские дворы – от Пятницкого конца и до Смядыни. Эти храмы и известны преимущественно потому, что про них упоминали в летописях. Храмы восточной половины города, Крылошевского конца, скорее всего, как правило, могли быть связаны с богослужебным годовым кругом великих праздников, но никак не с именами княжеских патронов. Лазаревская церковь могла в этом контексте нести весьма важную нагрузку при проведении служб великопостных и служб пасхального цикла (при отсутствии в ближайшей округе Успенского собора храмов Воскресения (Спаса), Сретения и Благовещения (Троицкий храм, видимо, уже был). Проблема топографии храмов домонгольского Смоленска, следовательно, остается еще практически не затронутой.

Таким образом, изученный в 2014 г. храм может быть предварительно назван Лазаревской церковью. По совокупности признаков выявленных архитектурных элементов церковь относится к выделенной П. А. Раппопортом первой стилистической группе объектов монументального зодчества Смоленска, датируемой серединой – второй половиной XII в. (*Раппопорт*, 1978. С. 402–407), однако имеются аргументы и для более поздней ее датировки первой четвертью XIII в. Кажется, что система аргументов периодизации этапов храмостроительства древнего Смоленска нуждается в корректировке.

V. СМОЛЕНСК XV–XVII ВВ.

П.А. Миляев, Н.А. Кренке, И.Н. Ершов, В.А. Раева

«МЕДАЛЬОНЫ» С ИЗОБРАЖЕНИЯМИ ЛЮДЕЙ ИЗ СМОЛЕНСКА

В статье рассматриваются найденные в Смоленске и вблизи города роговые пластины с гравированными изображениями людей. Для уточнения их датировки и функционального назначения были подобраны соответствующие аналогии из раскопок на территории России и сопредельных государств. Было определено, что данные пластины являются деталями-вставками для инкрустаций на ложах ручного огнестрельного оружия. На территории Московского государства подобные находки датируются концом XVI–XVII вв. и, чаще всего, являются свидетельствами боевых действий Смутного времени.

Ключевые слова: Московское государство, XVI–XVII вв., Смоленск, огнестрельное оружие, Смутное время, костяные накладки.

В 2014 г. во время раскопок Смоленской археологической экспедицией ИА РАН по адресу ул. Малая Школьная, д. 2 был найден круглый «медальон»-вставка, изготовленный из рога (Рис. 1, *1*). Диаметр изделия составляет 36 мм, толщина 2 мм. На внешней стороне пластины методом гравировки нанесено погрудное изображение мужчины в круглой рамке. На нем высокий головной убор с меховой опушкой, которая показана короткими вертикальными штрихами, на плечах изображен плащ или широкий отложной воротник, на верхней одежде показано три застежки. Слева от лица человека изображена ветвь растения, растительный побег также имеется и справа около шеи мужчины. Объем фигуре придает тонкая вертикальная и горизонтальная штриховка, особенно выделены щеки, лоб и шея фигуры. Линии тонкие, нанесены уверенной рукой мастера, ошибок и погрешностей в изображении нет. На внутренней стороне изделия имеются четкие следы ее обработки напильником – бороздки, направленные горизонтально или под небольшим углом, при этом на некоторых участках четко просматривается структура рога. «Медальон» был найден в мешаном культурном слое, перекрывавшем остатки фундамента Лазоревской (?) церкви XII в, в котором были встречены разновременные изделия в основном XVII–XIX вв.

Аналогичное изделие было случайно найдено знаменитым смоленским археологом Е.А. Шмидтом во время разведки в районе Кловка (Рис. 1, *2*). Небольшая пластина, вероятнее всего изготовленная из рога, размерами 30 × 14 мм и толщиной около 2 мм имеет овальные очертания. На внешней стороне в рамке помещено поясное изображение мужчины в высоком головном уборе, отделанном мехом с длинным ворсом, в центре шапки вертикально укреплено три пера. Мужчина одет в верхнюю распашную одежду с широким отложным воротником на плечах, по бокам от застежек или пуговиц

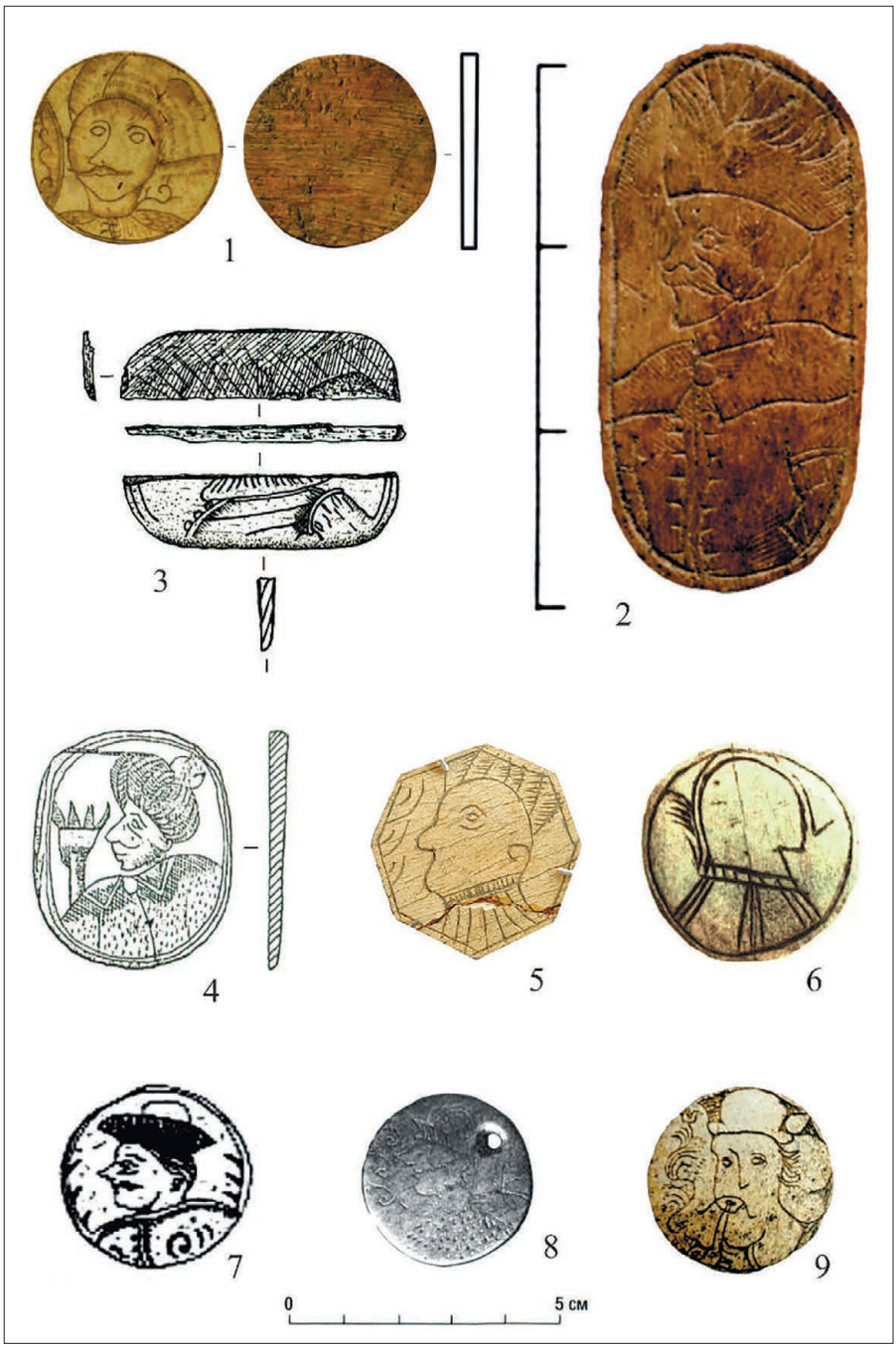

Рис. 1. Вставки для инкрустаций с изображениями людей. 1–Смоленск, ул. Малая Школьная, 2014 г.; 2–Смоленск, Кловка, находка Е.А. Шмидта; 3–Старая Ладога, Земляное городище; 4–Старица [31]; 5–Владимир; 6–Рига [36]; 7–Берестечко [25]; 8–с. Галицкое [30]; 9–крепость Тор [32]. 1–9–рог.

имеются декоративные горизонтальные элементы – «разговоры». Показана отделка краев одежды полосами ткани. Объем изображения передан посредством косой штриховки, нанесенной под разным углом. Ей выделен фон вокруг фигуры, различные части костюма и головного убора.

На обоих «медальонах» из Смоленска гравированные изображения выполнены тонко и изящно, что говорит о высоком профессионализме мастеров. Фигуры сложные, объемные и подробные, каждая из них индивидуальна, лица переданы с высокой точностью. При этом, изделия явно выполнены двумя разными ремесленниками. Одежда на обоих мужчинах характерна для Центральной Европы, в частности Речи Посполитой и Венгрии. На персонаже с «медальона» из района Кловка, вероятнее всего, надета делия – распашная верхняя одежда турецкого происхождения, которая могла шиться с длинными или короткими рукавами (*Bartkiewicz*, 1979, s. 65–67; *Мерцалова*, 2001, с. 370, 400). Она застегивалась на пуговицы и имела несколько вариантов воротников, в частности, широкий отложной, откидывающийся на плечи (*Шаменков*, 2010, с. 98–99). Обычно делия была длиной почти до пола, однако шились и более короткие образцы. Подобная верхняя одежда была распространена в указанных регионах во вт. пол. XVI – XVII вв. (*Bartkiewicz*, 1979, s. 61–62, 87), а высокие головные уборы с меховой отделкой широко бытовали тогда на обширной территории Центральной и Восточной Европы, а также Балкан. В Речи Посполитой такая одежда была характерна для магнатов, шляхты и богатых мещан. Отличался только материал, из которого она изготавливалась, соответствующий богатству и социальному положению хозяина, покрой же ее оставался неизменным (*Мерцалова*, 2001, с. 400). Схожим образом выглядит костюм мужчины с «медальона», обнаруженного при раскопках на ул. Малой Школьной в 2014 г. Беднякам ни делии, ни высокие шапки с опушкой, украшенные перьями, не были доступны, поэтому на обеих находках из Смоленска изображены состоятельные люди, вероятнее всего дворяне, представители военного сословия. Судя по особенностям костюма, находки из Смоленска вероятнее всего можно датировать в пределах конца XVI–XVII в.

Для уточнения датировки и назначения находок из Смоленска необходимо рассмотреть аналогичные изделия и контекст их залегания в культурных напластованиях. Схожие роговые и костяные «медальоны» с изображениями людей были обнаружены при раскопках в нескольких городах России и на территории сопредельных государств. До недавнего времени эти находки редко привлекали внимание археологов, а характер их использования во многом оставался неясным.

Во время раскопок на площадке Старицкого городища, при исследовании остатков комплекса из трех кирпичных надворных печей, в верхней части заполнения ямы, вырытой перед ними, был найден «медальон» – вставка из рога с гравированным изображением мужчины в тюрбане (Хворостова, 2015,

с. 351, рис. 9) (Рис. 1, *4*). Размеры находки 44 × 37 мм, толщина 1,5–2 мм, форма пластины овальная. Человек, изображенный на ней методом гравировки, одет в верхнюю одежду с широким отложным воротником, застегнутую на две пуговицы (?), за правым плечом фигуры изображен вертикальный горящий факел. Объем рисунка передан горизонтальной, вертикальной и диагональной штриховкой, а также «сеточкой», на верхней одежде короткими вертикальными линиями, вероятно, показан мех. По краю пластины нанесена рамка из двух параллельных линий. Характер одежды персонажа указывает на его принадлежность к восточным народам, наиболее вероятно, что здесь изображен турок. Е.Л. Хворостова датировала комплекс кирпичных печей, во время раскопок которых была обнаружена данная находка, XVI в. (*Хворостова*, 2015, с. 356).

На Земляном городище в Старой Ладоге был найден фрагмент «медальона», расколотого вдоль, изготовленного из кости или рога (Рис. 1, *3*). Пластина изначально имела овальную форму, при этом, в отличие от выше описанных находок, была ориентирована горизонтально. Размеры находки 53 × 14 мм, толщина 2–3 мм, на ее внешней стороне методом гравировки выполнено погрудное изображение мужчины, помещенное в рамку из двух параллельных линий, верхняя часть которого не сохранилась. Персонаж облачен в одежду западноевропейского облика – полосатый (?) дублет с широким круглым складчатым воротником-жабо, застегнутый на три шарообразные пуговицы, в основании рукава на плече имеется валик. Детали изображения выделены косой штриховкой, обозначены складки ткани. На внутренней стороне изделия имеются явные следы от работы напильником – неглубокие бороздки, направленные под разными углами. Фрагмент «медальона» обнаружен внутри одной из исследованных в 1957 г. построек горизонта В, большая часть которых погибла в сильном пожаре. В двух соседних сооружениях, находившихся севернее и северо-западнее, было найдено два золотых голландских дуката чеканки 1607 г.[1] Таким образом, данную находку роговой пластины с изображением человека следует датировать началом XVII в, а гибель застройки связать с боевыми действиями Смутного времени (*Мядзведзева*, 2006, с. 139–140; *Равдоникас, Лаушкин,* 1951, с. 26; *Лаушкин*, 1960, с. 101).

Костяной или роговой «медальон» восьмиугольной формы с погрудным изображением человека в европейской одежде происходит из материалов раскопок 1988 г. в Суздале на территории кремля (Рис. 1, *5*). Это единственное на данный момент изделие подобной формы. На его внешней стороне в рамке изображена фигура мужчины, на голове которого вертикальными ли-

[1] О золотых голландских дукатах 1607 г., найденных в сгоревших постройках на Земляном городище в Старой Ладоге, подробно написано в статье П.А. Миляева и К.В. Горлова «Постройки с золотыми голландскими дукатами начала XVII в. на Земляном городище в Старой Ладоге (по материалам раскопок Староладожской археологической экспедиции 1948–1949 гг.), изданной в настоящем сборнике.

ниями с поперечной штриховкой показан головной убор, вероятно, с меховой отделкой, на шее – вертикальный воротник-стойка с отделкой по краю и складками. Перед лицом фигуры имеются парные плавно изогнутые линии, вероятно, стилизованный растительный орнамент. Надо отметить, что экземпляр из Владимира выполнен весьма схематично, в упрощенной манере. Штриховки почти нет, черты лица переданы условно, рот не показан вовсе, работа мастера грубоватая. Несомненно, что перед нами изображение иноземца – представителя народов Центральной или Западной Европы. Данная находка была обнаружена в сером мешаном слое, на одном квадрате вместе с ней залегали фрагменты поливных изразцов и керамических глазурованных бирюзовых плиток, а также обломки чернолощеных водолеев. Судя по контексту, выпадение в слой пластины с гравированным погрудным изображением мужчины из Суздаля вряд ли произошло ранее XVII в.

Очевидно, что находки описанных выше «медальонов»-вставок распространены по территории Московского государства от его центральной части до Западных и Северо-Западных регионов, обнаружены они были как в крупных городах, так и в небольших крепостях. На сопредельных территориях также имеются аналогичные изделия. С территории Украины происходят три экземпляра, один из которых был найден на поле битвы под Берестечком 1651 г. (Рис. 1, *7*). На этой круглой пластине диаметром 38 мм и толщиной 3 мм, выполненной из дерева, методом гравировки изображен мужчина, костюм которого характерен для Центральной Европы (*Свєшніков*, 1992, с. 186–188). Его распашная верхняя одежда из узорчатой ткани застегнута на четыре пуговицы с нашитыми по бокам от них горизонтальными «разговорами», на голове надета шапка с полукруглой тульей и отворотами. По периметру данного изделия одиночной линией нанесена рамка. Аналогичная круглая роговая пластина было найдена в селе Галицкое на Среднем Днепре у устья реки Сулы. Диаметр этой пластины составляет около 32 мм, на голове изображенного мужчины также видна шапка с отворотами и округлой тульей, на плечах верхняя одежда, вероятно меховая, фактура которой передана короткими вертикальными штрихами. Перед лицом мужчины показаны стилизованные растительные побеги в виде завитков, в верхней части «медальона» имеется круглое сквозное отверстие. Находка датируется предположительно XVII в. (*Телегін* и др., 1997, с. 219). На обоих описанных изделиях одежда изображенных на них фигур более всего схожа с венгерской (*Мерцалова*, 2001, с. 377, рис. 427–430). Наиболее поздний экземпляр «медальона»-вставки из рога, происходит из раскопок в крепости Тор (совр. г. Славянск, Донбасс) и датирован второй половиной (возможно концом) XVII в. (Рис. 1, *9*) (*Чепига*, 2017, с. 328). Изображение схематично, черты лица и одежды переданы условно. На голове мужчины шляпа с короткими полями, в зубах изогнутая курительная трубка, из которой поднимаются клубы дыма, фон выделен

штриховкой «сеточкой». Стилистически это изображение сильно отличается от описанных выше изделий.

Ряд находок, аналогичных смоленским, происходит с территории, ранее входившей в состав Великого княжества Литовского и Речи Посполитой (совр. респ. Беларусь). Некоторые находки отличаются самобытностью и интересными стилистическими особенностями гравированных фигур, хотя имеются «медальоны» с классическими погрудными изображениями людей. Одно из таких изделий было обнаружено при раскопках в городе Кричев. Пластина из кости или рога имеет круглую форму, диаметром 35 мм, на ее внешней стороне изображен мужчина без усов и бороды в восточноевропейском костюме (Рис. 2, *1*). На голове фигуры шапка с округлой невысокой тульей, с меховым околышем по краю. На головном уборе линиями показаны швы или отделка, вероятнее всего верхняя часть данного предмета одежды сшита из клиновидных деталей. Перед лицом человека четырьмя небольшими завитками показаны стилизованные растительные побеги. На мужчине надета распашная верхняя одежда, застегнутая на три крупных грушевидные пуговицы, полосой показана отделка ее краев и ворота. В данном случае костюм персонажа имеет восточноевропейские черты, вероятно, изображен русский или житель восточных земель Великого княжества Литовского. Находка была обнаружена в слое, датированном XVI–XVII вв. (*Мяцельскі*, 2003, с. 82, мал. 78, *10*; 18. *Мядзведзева* , 2006, мал. 4, *8*).

В Минске была обнаружена круглая роговая пластина с погрудным изображением мужчины в шляпе с короткими загнутыми вверх полями и высокой округлой тульей, в затылочной части украшенной пером (*Мядзведзева*, 2006, мал. 4, *9*; Археологическое наследие Беларуси, 2012, с. 155, рис. 1) (Рис. 2, *2*). Одежда персонажа западноевропейского облика с широким складчатым воротником-жабо, ее плечевые части и рукава выделены штриховкой «сеточкой», а нагрудная часть разделена парными вертикальными линиями на вытянутые участки, в которые вписаны плавно изогнутые поперечные линии. Вероятно, так показаны разрезы и складки дублета или орнамент на ткани. Изображение фигуры помещено в круглую рамку, верхняя часть которой состоит из двух параллельных линий с поперечными слегка изогнутыми штрихами, по бокам от головы мужчины короткими изогнутыми линиями условно изображен растительный орнамент. В верхней части изделия имеется круглое сквозное отверстие. Данная находка обнаружена в слоях XVI–XVII вв.

Особо интересные «медальоны», датированные XVI–XVII вв., были обнаружены в Мстиславле, Витебске, Минске и Дубровне (*Археалогія Беларусі,* 2001, с. 373, мал. 267, *15–16, 18*). Изображения на них особенно отличаются от экземпляров с территории России и Украины. На круглой пластине из Витебска диаметром 40 мм было нанесено изображение античного воина в шлеме с высоким гребнем и большим круглым щитом, верхний край которо-

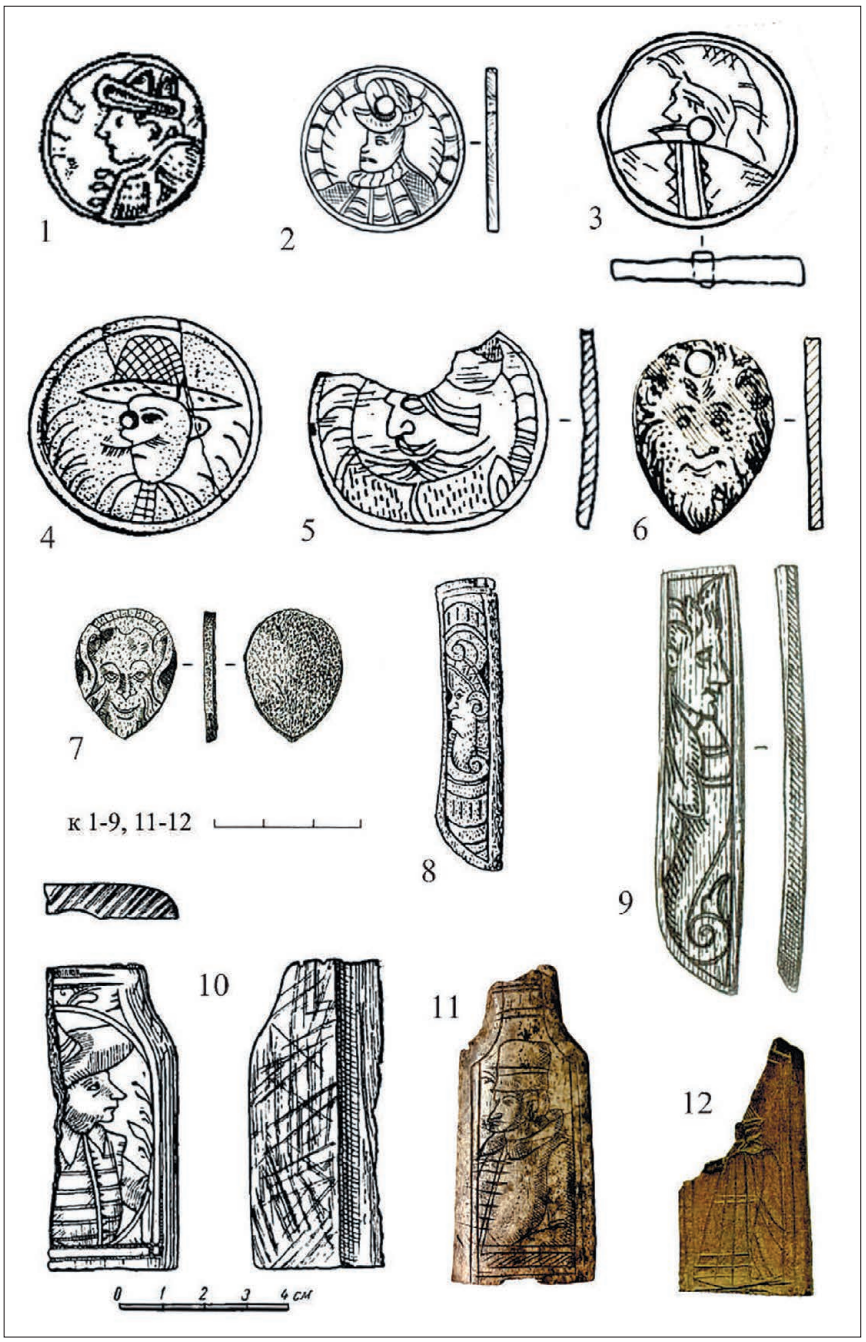

Рис. 2. Вставки для инкрустаций с изображениями людей и мифических существ. 1–Кричев [19]; 2–Минск [18]; 3–Витебск [2; 18]; 4–Дубровна [2]; 5–Мстиславль [2; 18]; 6–Селпилс [44]; 7– Старая Ладога, Земляное городище; 8–Лудза (Люцин) [37]; 9–место зимовки Виллема Баренца [26]; 10–Москва [20]; 11–Рига [40]; 12–Клайпеда (Мемель) [41].1–7, 10–12–рог, 8–9–кость.

го показан под лицом мужчины (Рис. 2, *3*). В центре изделия имеется круглое сквозное отверстие с остатками железного штифта (*Мядзведзева*, 2006, мал. 4, *4*; Археологическое наследие Беларуси, 2012, с. 146, рис. 2). Черты лица переданы условно, дополнительные элементы декора отсутствуют, датируется это изделие XVI в. Интересна находка из Дубровны, в центре которой имеется гравированное изображение мужчины в шляпе с широкими полями и невысокой округлой тульей, заштрихованной «сеточкой» (Рис. 2, *4*) (*Мядзведзева*, 2006, мал. 4, *10*; Археологическое наследие Беларуси, 2012, с. 164). Тело и лицо человека показано схематично, у шеи фигуры изображена отделка краев верхней одежды в виде вертикальных полос и горизонтальных нашивок-«разговоров» у пуговиц. По обеим сторонам от изображения нанесены короткие плавно изогнутые линии – стилизованный растительный орнамент, диаметр костяного или рогового «медальона» составляет 48 мм, в центре изделия имеется сквозное круглое отверстие. Находка была обнаружена в слоях XVII в. На пластине из раскопок в Мстиславле (Рис. 2, *5*) изображено только лицо мужчины с длинными усами и бородой, одежда не показана вовсе (*Мядзведзева*, 2006, мал. 4, *7)*. При этом рамка по краю изделия состоит из двух параллельных линий с поперечными слегка изогнутыми штрихами и двумя крупными завитками в нижней части под подбородком мужчины, диаметр «медальона» составляет 50 мм. Наиболее схематичное изображение человека выполнено на пластине из Минска, датированной XVII вв. Изделие круглое, диаметром около 30 мм, по его краю имеется рамка. Лицо фигуры проработано условно, головной убор схематично показан в виде треугольника. Плечи и одежда персонажа изображены в виде полукруга, разделенного на сегментовидные участки, перед лицом имеются плавно изогнутые штрихи, вероятно упрощенный растительный орнамент (*Мядзведзева*, 2006, мал. 4, *6*].

Особенности в изготовлении, оформлении описанных выше накладок и самобытные изображения на них позволяют предположить, что на территории Великого княжества Литовского существовали мастерские, где их изготавливали местные ремесленники. Судя по всему, за образцы ими принимались изделия из Западной Европы, однако, выполнялись они, чаще всего, в упрощенном варианте.

Одна круглая пластина из кости со схематичным изображением человеческого лица была найдена в Риге (Рис. 1, *6*). На изделии диаметром 38 мм методом гравировки нанесены контуры головы без проработки черт лица – глаз, носа, рта. Вокруг головы схематично показан головной убор, а на затылке фигуры выполнено несколько плавно изогнутых линий, которые, скорее всего, обозначали украшение из перьев. Воротник-стойка изображен в виде высокой трапеции, разделенной на участки вертикальными линиями, сгруппированными по три, по краю «медальона» имеется рамка. Накладка из Риги по композиции, особенностям трактовки деталей костюма и элементам

изображения схожа с находкой из Владимира (Рис. 1, *5*). Можно предположить, что они происходят из одного региона – Прибалтики, однако, рижская накладка была выполнена мастером более низкой квалификации, вероятно, подмастерьем, или же представляет собой незаконченное изделие. Эта находка широко датируется авторами раскопок XVI–XVII вв. (*Celmiņš*, 1998, l. 51, att. 54 b).

В ходе решения вопроса о функциональной принадлежности описанных «медальонов» и поиска аналогий было установлено, что они являются элементами декора европейского ручного огнестрельного оружия и военного снаряжения, выполнявшегося в технике инкрустации. Поэтому наиболее корректное терминологическое определение для данных изделий – вставка. В деревянной ружейной ложе или основе иного изделия выбирался паз, по форме соответствующий контурам такой пластины, которая вклеивалась в него, причем бороздки и нарезки на внутренних сторонах изделий способствовали лучшей адгезии. Подобный способ декорирования был связан в первую очередь с ручным огнестрельным оружием, имевшим колесцовый ружейный замок – пистолетами, кавалерийскими карабинами и аркебузами. Причем украшалось не только парадное и охотничье оружие, но и боевое. Например, пистолеты второй половины XVI – начала XVII вв. обычно всегда имели костяные и роговые вставки и накладки, их количество, качество и изысканность декора определялась достатком владельца. Данная традиция украшения ручного огнестрельного оружия появилась на территории Западной Европы в 30–40-е гг. XVI в, и была особенно распространена до 1630-х гг. (*Блэр*, 2007, с. 129). После сер. XVII в. декорирование элементами из кости и рога, более скромное, чем ранее, сохраняется только на охотничьем и парадном огнестрельном оружии, а боевое становится простым в оформлении и утилитарным.

Стоит отметить общие черты, технологические и стилистические особенности интересующих нас вставок с погрудными изображениями людей. В подавляющем большинстве они изготовлены из роговых, реже костяных, пластин толщиной до 2 мм круглой или овальной формы. На внутренней стороне чаще всего режущим инструментом или напильником специально наносились линии, борозды и насечки для усиления адгезии при приклеивании. По краю изделий почти во всех случаях имеется рамка из одной, иногда из двух линий. На некоторых находках, в основном с территории Великого княжества Литовского, пространство между линиями заполнено короткими поперечными чертами. На внешней стороне в центре изделия фигура человека по грудь или по пояс наносилась исключительно методом гравировки тонкими линиями. Стоит отметить, что чаще всего изображали мужчин – представителей дворянского и военного сословия в парадной статусной одежде или доспехах, реже на вставках представлены женские фигуры, также в богатых уборах. Фигура человека всегда показана в пол-оборота, голова

обычно повернута к правому плечу, хотя имеются изображения с противоположной ориентировкой. В данном случае, скорее всего, положение рисунка зависело от того, на какой стороне ружейной ложи будет находиться вставка. Обязательными элементами костюма мужского персонажа являются головной убор и верхняя одежда, обычно распашная. Для западноевропейских костюмов характерны дублеты, крупные складчатые воротники-жабо и шляпы, воины изображаются в доспехах и шлемах, часто гротескных или стилизованных под античность, иногда показан край щита. По бокам головы фигуры почти всегда изображены растительные побеги. На наиболее качественно выполненных вставках они показаны реалистично с проработкой листьев и иных мелких элементов, однако чаще их гравировали условно в виде нескольких завитков или плавно изогнутых линий. Для придания изображениям объема и выделения отдельных деталей составных частей орнамента широко применялась различная штриховка: горизонтальная, вертикальная, диагональная и «сеточкой». Необходимо заметить, что на изделиях с территории Великого княжества Литовского указанный прием применялся менее широко. Для выделения рисунка на светлом фоне роговой пластины, его гравированные углубления заполнялись составом, вероятно, на основе воска с разными красителями: черными, красными или зелеными. На некоторых вставках имеются круглые сквозные отверстия, предназначенные для винтов, которыми закрепляли ружейные замки. В таких случаях роговая пластина играла также роль шайбы (замочной личинки) под шляпкой крепежа (Рис. 3, *4а, 5а*).

Наиболее показательный пример использования «медальонов»-вставок для украшения ручного огнестрельного оружия можно видеть на саксонском пистолете начала XVII в., изготовленном в Дрездене мастером Захариасом Герольдом (Рис. 3, *1, 1а–б*) (http://feldgrau.info/waffen). Рукоять оружия имеет навершие овальной формы, уплощенное с боков, инкрустированное пластинами с изображениями людей и личин фантастических существ. В центре каждой композиции расположены «медальоны»-вставки, на одном из которых выполнено изображение мужчины в западноевропейском костюме, а на другом персонаж в центральноевропейской (польской, венгерской?) одежде. Фигуры выполнены методом гравировки, линии заполнены черной пастой. Данные изображения схожи со смоленскими находками по стилистике, положению фигур, вписанных в рамки. Одежда одной из них (Рис. 3, *1а*) аналогична изображенной на роговой пластине из района Кловка, найденной Е.А. Шмидтом.

В коллекции ВИМАИВ и ВС находится пистолет второй половины XVI в., навершие которого также украшено круглой роговой пластиной с погрудным изображением воина. На его голове надет шлем, украшенный растительным орнаментом, с козырьком; вокруг шеи расположены крупные листья (*Ефимов, Рымша,* 2009, с. 232) (Рис. 3, *3, 3а*). В собрании оружия Государствен-

Рис. 3. 1, 1а–б–пистолет с колесцовым замком, Дрезден, Саксония, начало XVII в. и навершие его рукояти [45]; 2–навершие рукояти пистолета, вероятно Дрезден, Саксония, 1578 г. [38]; 3, 3а–пистолет с колесцовым замком, Германия, вт. пол. XVI в. и навершие его рукояти [10]; 4, 4а– пистолет с колесцовым замком, Германия, кон. XVI – нач. XVII в. и вставка на боковой части его ложи [46]; 5, 5а– пистолет с колесцовым замком, Германия, 1580 г. и вставка на боковой части его ложи [24].

ного Эрмитажа хранится германский пистолет, изготовленный в Аугсбурге в 1580–1590 гг., рукоять которого снабжена шарообразным навершием (*Тарасюк*, 1971, таб. I, *35–36*). Его боковые стороны украшены круглыми «медальонами» – прорезными вставками с погрудными изображениями мужчин в доспехах и женщин в головных уборах и платьях (Рис. 4, *1, 1а*). Вокруг фигур имеются рамки в виде венков. Вообще подобный декор шарообразных завершений рукоятей немецких пистолетов-пуфферов (нем. puffer) встречается довольно часто (Рис. 3, *2*; рис. 4, *4*). Обычно круглая роговая вставка с гравированным изображением человека, чаще всего воина, помещается в центре на верхней части шара, реже несколько пластин располагаются на боках навершия (*Fischer Galerie*, 2013, s. 90–91; *Fischer Galerie*, 2015, s. 225, *kat. 1450*).

Роговыми вставками с изображением людей украшалось также длинноствольное огнестрельное оружие – мушкеты и аркебузы. В качестве интересного примера можно отметить мушкет с колесцовым замком, изготовленный в Нидерландах в 1610–1620 гг., который находится в собрании Государственного Эрмитажа (*Тарасюк*, 1971, таб. I, *84*) (Рис. 4, *3*). Его широкий приклад обильно украшен инкрустацией из кости и перламутра. Среди элементов декора имеется шесть овальных «медальонов»-вставок с погрудными изображениями мужчин в рамках. Искусно гравированы лица фигур, при этом детали одежды почти не показаны. Кроме них приклад мушкета украшен вставками с пышным растительным орнаментом. Стоит отметить, что фрагмент пластины начала XVII в., найденный на Земляном городище в Старой Ладоге, скорее всего, можно отнести к деталям инкрустации на прикладах аркебуз и мушкетов. Подобные крупные овальные горизонтально ориентированные вставки среди декора на пистолетах не встречаются.

Кроме деталей, применявшихся для инкрустаций, изображениями людей украшались и вставки, которые монтировались на нижней плоскости ружейного ложа перед спусковой скобой. Фрагмент такой детали с нанесенным на нее изображением человека в западноевропейской одежде был найден во время раскопок в Москве в Зарядье (*Рабинович*, 1951, с. 59) (Рис. 2, *10*). Фигура мужская, в дублете с небольшим отложным воротником и широкополой шляпе с высокой тульей. Находка датируется концом XVI – началом XVII в. и была найдена в районе вероятного расположения косторезной мастерской. По предположению М.Г. Рабиновича, мастер мог изготавливать и продавать не только свои изделия, но и перепродавать попавшие к нему поделки других мастеров, в частности, европейских. Подобный элемент декора можно увидеть на нижней плоскости ложи охотничьего ружья-«чинки», изготовленной в Силезии мастером Павлом Каливодой в 1630–1650 гг. Оружие хранится в коллекции Гатчинского музея. На роговой пластине в рамке изображена голова мужчины, обрамленная растительными побегами, в невысокой шапочке-магерке, украшенной перьями (*Родионов*, 2013 с. 328) (Рис. 4, *5, 5а*).

Вставки с изображениями людей, аналогичные московской, были обнаружены при раскопках в Клайпеде (Литва) и Риге (Латвия). На изделии из Клайпеды, которое датируется 1542–1554 гг., в рамке из двух параллельных линий изображена женская фигура в полный рост, немного наклонившаяся вперед, верхняя часть накладки обломана (*Masiulienė*, 2009, plate IV, *4*) (Рис. 2, *12*). Женщина одета в платье с длинными рукавами и широкой складчатой юбкой. Находка из Риги, датированная XVII в. сохранилась полностью (*Mālkalniete*, 2011, l. 231, 233). В центре вставки в рамке изображен мужчина в камзоле с длинными узкими рукавами и небольшим отложным воротником и высокой шляпе с отворотами, украшенной перьями (Рис. 2, *11*). Данное изображение отличается аккуратным исполнением, вниманием к деталям, черты лица и одежда хорошо проработаны. Объем фигуры передан штриховкой в виде «сеточки» и коротких диагональных штрихов, размеры пластины 65 × 29 мм.

Изображениями людей могли украшаться не только небольшие вставки, но и более крупные детали отделки ручного огнестрельного оружия. Например, на роговом затыльнике приклада аркебузы с комбинированным колесцово-фитильным замком имеется гравированное изображение Яна Гуса. Оружие было предположительно изготовлено в Чехии в 1553 г, хранится в фондах Государственного Эрмитажа (*Тарасюк*, 1971, таб. I, *4–5*).

Кроме костяных и роговых «медальонов»-вставок с изображениями людей среди археологических находок с территории России и сопредельных государств имеются вставки, на которых гравированы различные мифические существа и маскароны. В 1939 г. в Старой Ладоге во время археологических исследований на Земляном городище в развале стен храма св. Климента была обнаружена пластина каплевидной формы, изготовленная из рога (Рис. 2, *7*). На ее внешней стороне находится гравированное изображение головы фантастического персонажа с приостренными ушами и длинной бородой, вертикальные штрихи надо лбом могут обозначать некий головной убор. Изделие размерами 30 × 23 мм выполнено высококвалифицированным мастером, линии тонкие четкие, черты лица переданы точно с подробностями, широко применялась штриховка «сеточкой» и диагональная. На обратной стороне пластины ясно видна структура рога. Аналогичная находка была сделана в Латвии при раскопках в замке Селпилс (*Šnore, Zariņa*, 1980, att. 82, *20*). На вставке каплевидной формы размерами 42 × 31 мм изображено бородатое лицо мифического существа, однако его черты менее подробно проработаны, чем на ладожской находке (Рис. 2, *6*). В верхней части изделия имеется круглое сквозное отверстие диаметром около 5 мм. Изображение, схожее с описанными выше, выполненное более схематично, имеется на фрагменте костяной (роговой?) пластины XVI в., найденной в Полоцке (*Мядзведзева*, 2006, мал. 4, *5*). Отметим, что на этих вставках показаны только лица персонажей в фас, без поворота головы, обычной для изображений на других находках.

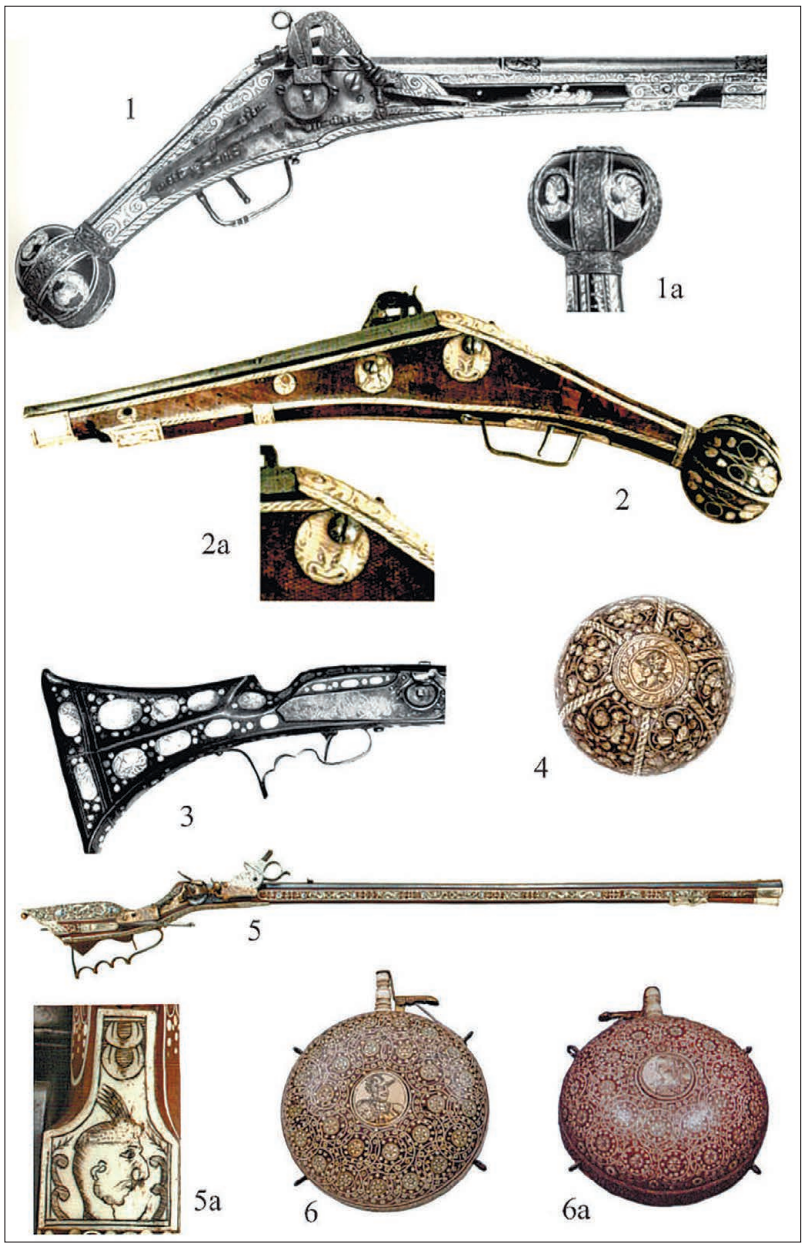

Рис. 4. 1, 1а—пистолет с колесцовым замком, Германия, Аугсбург, 1580–1590 гг. и навершие его рукояти [28]; 2, 2а—пистолет с колесцовым замком, Германия, Саксония, вторая половина XVI в. и вставка на боковой части его ложи [10]; 3—приклад мушкета с колесцовым замком, Нидерланды, 1610–1620 гг. [28]; 4—навершие рукояти пистолета, Германия, около 1580 г. [39]; 5, 5а—охотничий штуцер (аркебуза с нарезным стволом) «чинка», Силезия, Тешин, 1630–1650 гг. и деталь его декора [23]; 6, 6а—пороховница, Восточная Европа, перв. пол. XVII в. [27; 28].

Рис. 5. 1, 1а– пистолет с колесцовым замком, Дрезден, Саксония, 1590 г. и его декор у казенной части ствола [38]; 2–3–патронташи, украшенные инкрустацией из роговых и костяных пластин, Германия, 1580–1600 гг. [42]; 4, 4а–штуцер (аркебуза с нарезным стволом) царя Алексея Михайловича, 1654 г., Москва, Оружейная палата, и деталь украшения его приклада [9]; 5–Вильгельм Гондиус «Изображение атаки и обороны Смоленска 1634». Гравюра, фрагмент. Изображение лагеря С. В. Прозоровского на территории Троицкого Кловского монастыря.

На сохранившихся до наших дней образцах ручного огнестрельного оружия подобные элементы инкрустации встречаются достаточно часто. Они украшали ложи ручного огнестрельного оружия, преимущественно с колесцовыми замками, причем те вставки, которые имели отверстие, располагались в месте расположения ружейного винта, закреплявшего механизм воспламенения заряда. Пластину, полностью аналогичную находкам из Ладоги и Селпилса, можно увидеть на пистолете, датированном в пределах второй половины XVI – начала XVII в., который хранится в Национальном музее огнестрельного оружия США (NRA National Firearms Museum) (Рис. 3, *4, 4а*) (http://historypistols.ru). Причем личины фантастических персонажей – маскароны, украшают не только декоративные пластины на боковых частях его ложи, но и вставку полукруглого сечения, расположенную в устье шомпольного канала. Пистолеты второй половины – конца XVI в. с аналогичными элементами инкрустации с изображениями морд мифических существ хранятся в фондах ВИМАИВ и ВС (*Ефимов, Рымша*, 2009, с. 230) (Рис. 4, *2, 2а*) и музея-заповедника «Гатчина» (*Родионов*, 2013, с. 376–377) (Рис. 3, *5, 5а*). Вставки с маскаронами, украшающие их, являются замочными личинками (шайбами), имеют круглую форму и отверстия для ружейных винтов.

Кроме овальных, круглых или каплевидных вставок, ложа ручного огнестрельного оружия украшались вытянутыми, слегка изогнутыми пластинами подпрямоугольной формы, один из торцов которых скруглен. Они располагались на верхней плоскости ложи у казенной части ствола по обеим сторонам от хвостовика. На пластине, обнаруженной на месте зимовки экспедиции Виллема Баренца 1596–1597 гг., изображено мифическое существо с человеческой головой и рыбьим хвостом, при этом на спине показана пара коротких крыльев (*Старков, Державин*, 2003, таб. XXI, *9*) (Рис. 2, *9*). Размеры изделия 90 × 18 мм, толщина 3–4 мм. Фигура ограничена рамкой, показана в профиль, для придания объема применялась косая штриховка. Вставка аналогичной формы была найдена во время раскопок замка Лудза (Люцин) на территории современной Латвии (Рис. 2, *8*). В центре изделия в рамке изображена голова фантастического персонажа, повернутая в профиль, с длинной бородой и головном уборе вроде колпака, тулья которого наклонена вперед. Выше и ниже изображения расположены крупные, плавно закрученные завитки, размер этой вставки 60 × 15 мм. Изделие можно датировать по сопутствующим нумизматическим находкам второй половиной XVI – началом XVII вв. (*Daiga*, 2011, l. 203, 210) В качестве примера размещения подобных элементов инкрустаций на ложе ручного огнестрельного оружия можно привести пару пистолетов с колесцовыми замками 1590 г., изготовленную в Дрездене. По бокам их стволов имеются вставки с изображениями голов фантастических существ, схожие с описанными выше находками (*Fischer Galerie*, 2013, s. 108–109) (Рис. 5, *1, 1а*).

Инкрустацией из роговых и костяных пластин украшали не только ручное огнестрельное оружие, но и некоторые предметы военного снаряжения стрелков. Например, в фондах Государственного Эрмитажа хранится пороховница круглой формы диаметром 157 мм, в верхней части ее корпуса установлена костяная трубка, закрытая подпружиненной крышкой с рычажком (Рис. 4, *6, 6а*) (Старинное оружие.., 2011, с. 48, *кат. 90*). В центре на обеих сторонах изделия расположены круглые вставки с погрудными изображениями людей в рамках. На одной из них изображен мужчина в доспехах и шлеме с козырьком, на другой – женщина в головном уборе и платье (*Тарасюк*, 1971, таб. I, *88*). Фигуры выполнены методом гравировки, линии заполнены черной пастой, черты лица подробно и аккуратно проработаны, обильно применена различная штриховка. Такие емкости-натруски предназначались для пороха, насыпаемого на пороховую полку огнестрельного оружия, и носились на шнуре через плечо. В данном случае изображения на роговых «медальонах», которыми было декорировано изделие, являлись одновременно и украшением воинского костюма. Пороховница была изготовлена на территории Восточной Европы и датируется первой половиной XVII в.

Интересным элементом снаряжения кавалериста являлись патронташи, имевшие вид вертикальных пеналов, изготовленных из дерева и обтянутых кожей. Они предназначались для хранения 4–5 зарядов и снабжались крышкой с бортиками. В Западной Европе такие изделия использовались во второй половине XVI – XVII вв. (*Бехайм*, 1995, с. 357, рис. 560). Во многих случаях они украшались костяными накладками и инкрустацией. В частности, использовались круглые и овальные вставки с изображениями людей и фантастических существ, аналогичные находкам с территории России и сопредельных территорий (Рис. 5, *2*). Иногда на боковые части пеналов устанавливались высокие прямоугольные накладки с изображениями людей в полный рост (*Müller*, 1979, s. 96) (Рис. 5, *3*).

Изготавливались роговые и костяные вставки для украшения ружейных стволов в нескольких регионах Европы. В первую очередь этим мастерством славилась Германия, города Нюрнберг и Аугсбург, Дрезден; особенно высоким уровнем производства и украшения пистолетов выделяется Саксония. Изготавливались они в Нидерландах, Франции, Италии. Производство пластин с изображениями людей могло существовать на территории Прибалтики, в Риге. Судя по представленным выше находкам, изготовлением элементов для инкрустаций занимались мастера Речи Посполитой, в частности на территории Великого княжества Литовского. Особенно интересна происходящая из указанного региона серия оригинальных пластин с погрудными изображениями людей, указывающая на то, что местные мастера, беря за образец изделия из Западной Европы, создавали на их основе свои варианты роговых и костяных элементов для инкрустаций. Необходимо упомянуть, что вставки, найденные на территории Беларуси, были интерпретированы

как игральные шашки и отнесены О. Медведевой к типу III, подтипу «д» (гладкие шашки с изображениями) (*Мядзведзева*, 2006, с. 194–196). Однако в свете указанных выше фактов, данную версию следует признать ошибочной.

Об изготовлении «медальонов» с изображениями людей на территории Московского государства сведений почти нет. Поиск аналогичных элементов на сохранившихся в музейных собраниях образцах русского ручного огнестрельного оружия конца XVI–XVII вв. результатов почти не дал. На одной винтовальной пищали второй половины XVII в., изготовленной в Оружейной палате, приклад был украшен вставкой сложной формы в виде цветка, на которой в рамке помещено погрудное изображение мужчины в полукруглой шапке-скуфье и складчатой верхней одежде (Russian Arms and Armour , 1982, tab. 52 *b*). Однако стилистически фигура не похожа на те, что гравированы на «медальонах» из Смоленска и других городов России. В собрании Оружейной палаты также имеется штуцер (аркебуза с нарезным стволом), изготовленный в 1654 г. для царя Алексея Михайловича, на прикладе которого имеется круглая роговая вставка с изображением человеческой фигуры (Древности Российскаго государства, 1853, рис. №111) (Рис. 5, *4, 4а)*. Несмотря на то, что основные элементы композиции, характерные для такого сюжета здесь присутствуют, фигура мужчины показана упрощенно. Детали лица и головного убора – берета (?) проработаны без подробностей, парными прямыми линиями по центру обозначен разрез верхней одежды и его отделка. Перед лицом персонажа гравирован ряд S-образных горизонтальных элементов, скорее всего, являющихся упрощенным растительным орнаментом, как на других аналогичных вставках. Наиболее близкими аналогиями данной вставки являются описанные выше находки с территории Беларуси. Скорее всего, почти полное отсутствие подобных украшений на русском ручном огнестрельном оружии связано не с наличием или квалификацией мастеров–косторезов и граверов, а с отсутствием в Московском государстве традиции изображать людей на элементах инкрустаций ружейных лож, характерной для Западной и Центральной Европы. Однако различные мифические существа часто присутствуют в составе декора оружия, изготовленного в Московской Оружейной палате. В мастерских русских городов производили роговые и костяные вставки, а также накладки простых форм, чаще всего без орнамента, которые зафиксированы в небольшом количестве на имеющихся в нашем распоряжении сохранившихся образцах ручного огнестрельного не парадного вооружения XVII в. (*Маковская*, 1992, рис. 87). Не подлежит сомнению, что детали для инкрустации с гравированным орнаментом западно-и восточноевропейского происхождения отдельно не продавались на территории Московского государства, а только в составе декора на самом импортном огнестрельном оружии.

Роговые и костяные элементы – вставки с изображениями людей и фантастических существ, предназначенные для инкрустаций лож ручного огне-

стрельного оружия, нечасто встречаются во время раскопок русских городов и крепостей и имеют несколько иные хронологические рамки бытования, чем в странах Западной Европы. Ручное огнестрельное оружие с колесцовыми замками, которое чаще всего украшали инкрустациями из кости и рога, было известно в Московском государстве с третьей четверти XVI в., однако первые упоминания о нем в письменных источниках относятся к концу столетия (*Тарасюк*, 1965, с. 8; *Чубинский*, 2014, с. 409). Изначально оно не получило широкого распространения у русских воинов, кроме того, не удалось организовать массовое производство этих сложных механизмов воспламенения, непростой была ситуация и с их ремонтом. Поместная конница во второй половине XVI в. в подавляющем большинстве была вооружена холодным оружием ближнего боя и саадаками. Ситуация стала меняться в течение Смутного времени, и с 20–30 х гг. XVII в. пистолеты и карабины с колесцовыми замками становятся основным оружием конницы на Северо-Западе Московского государства (*Богоявленский*, 1938, с. 260–261; *Маковская*, 1992, с. 14, 43; *Курбатов*, 2006, с. 2–4; *Курбатов*, 2011, с. 76, 80). Начиная с 30-х гг. XVII в., при создании полков нового строя, огнестрельное оружие, снабженное данными механизмами воспламенения заряда, массово закупалось за границей (*Тарасюк*, 1965, с. 9; *Курбатов*, 2002, с. 102). Однако, в большинстве случаев это были армейские образцы, которые не украшали инкрустациями (*Тарасюк*, 1965, с. 9). *Исходя из данных обстоятельств, роговые «медальоны» – вставки с изображениями людей могли появиться на территории Московского государства не ранее конца XVI в.*, более того, вряд ли в тот период они могли выпасть в культурный слой, поскольку боевое использование огнестрельного оружия с колесцовыми замками, украшенного инкрустацией, на Руси было крайне ограниченным. Впрочем, полностью исключать эту возможность нельзя и нижнюю хронологическую границу найденных на территории Московского государства роговых и костяных деталей инкрустаций стоит осторожно определять концом XVI в. Скорее всего, данные находки в большинстве случаев связаны с событиями Смутного времени начала XVII в., когда активные боевые действия способствовали поломке и утрате большого количества предметов вооружения их деталей и частей декора. Во всех городах и крепостях на территории России, где были найдены «медальоны» с изображениями людей, разворачивались бурные военные и политические события Смуты. Вероятнее всего, описанные выше вставки из кости и рога украшали ручное огнестрельное оружие, принадлежащее представителям западноевропейских воинских контингентов и войск Речи Посполитой, действовавших на территории Московского государства. *Верхняя дата подобных находок с территории России может быть обозначена концом XVII в.*, позже они исчезают с армейских моделей ручного огнестрельного оружия, постепенно становясь украшением только охотничьих ружей.

Что касается «медальонов»-вставок из Смоленска, то они также могут быть связаны не только со Смутным временем, но и с событиями русско-польских войн 1632–1634 и 1654–1667 гг. Находку, обнаруженную на ул. Малой Школьной трудно соотнести с какими-то ни было конкретными боестолкновениями на территории города. Планы XVII в. показывают на данной территории плотную застройку без подробностей. О районе Кловка наоборот, имеется довольно много информации, связанной с военной историей Смоленска. Здесь располагался Троицкий Кловский монастырь, известный по письменным источникам с начала XVI в., в котором находился храм, возведенный в конце XII в. Во время осады Смоленска 1609–1611 гг. на его территории была ставка польского короля Сигизмунда III (*Воронин, Раппопорт,* 1979, с. 196, 213–215; *Раппопорт*, 1975, с. 235, 244; *Александров*, 2011, с. 180). Во время русско-польской войны 1633–1634 гг. в Кловском монастыре располагался большой лагерь войск воеводы С.В. Прозоровского. На гравюре Вильгельма Гондиуса «Изображение атаки и обороны Смоленска 1634 г.» показан Троицкий храм без купола и крыши, из которого ведется стрельба в сторону Смоленска (Рис. 5, *5*). При отступлении русских войск от города остатки церкви были взорваны (Воронин, Раппопорт, 1979, с. 196, 210, рис. 98; Раппопорт, 1975, с. 235). В ходе войны 1654–1667 гг. русские войска проводили под Смоленском активные осадные работы, однако непосредственно о районе Кловки сведений нет (*Малов*, 2006, с. 16–18). В 1680 г. эта земля уже называлась пустошью (*Воронин, Раппопорт*, 1979, с. 196; *Раппопорт*, 1975, с. 235). Скорее всего, в ходе описанных боевых действий и была утрачена роговая пластина с изображением человека, найденная Е.А. Шмидтом в районе Кловского монастыря. С большой долей вероятности ее можно датировать в пределах первой половины XVII в., находку с ул. Малой Школьной в Смоленске можно отнести к концу XVI – первой половине XVII в.

Вставки из кости и рога с изображениями людей являются редкими, интересными и яркими элементами европейской воинской культуры раннего Нового времени, они демонстрируют профессионализм и умение мастеров-оружейников, косторезов, граверов, стремившихся придать вооружению не только боевые качества, но и эстетичный, парадный вид. Стоит иметь в виду, что каждая найденная при раскопках русских городов и крепостей роговая или костяная вставка для инкрустации, маркирует наличие здесь в определенный временной период соответствующего образца богато украшенного ручного огнестрельного оружия, являвшегося одной из вершин военно-технической мысли раннего Нового времени.

**Н.А. Кренке, И.Н. Ершов,
К.А. Ганичев, В.А. Раева**

ЛИТОВСКИЙ СМОЛЕНСК ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ[1]

Смоленск, занимающий стратегически важную точку на карте Восточной Европы, несколько раз менял свою этнополитическую принадлежность: кривичский – скандинавский – древнерусский – литовский – московский – польский – российский – французский – российский – германский – российский. Видны ли эти трансформации через призму археологии? Можно ли точно диагностировать слои «завоевателей», проследить преемственность местной материальной культуры? Вопросы немаловажные для оценки возможностей археологии как исторической науки.

В настоящее время наиболее археологически изученным периодом истории Смоленска является древнерусский XII–XIII вв. Археологические работы последних лет свидетельствуют, что границы заселенной территории Смоленска на пике его развития в древнерусское время выходили за пределы каменной крепости рубежа XVI–XVII вв. и приближались к границам города XIX в.! (рис. 1). В XIII в. город сжался, как шагреневая кожа. Где проходили границы Смоленска в XIV в.? Какой город осаждал литовский князь Витовт? Как происходило развитие поселения, входившего в XV столетии в Великое княжество Литовское? Какой город осаждал московский князь Василий III? Эти вопросы имеют очевидную актуальность для археологического изучения. Для ответа на вопрос о границах Смоленска XV в. могла бы помочь керамика. Тип смоленской керамики XV в. выделен в работах Т.Ю. Сергиной (*Серегина*, 2004) по материалам раскопов на ул. Соболева (имевших стратиграфию и дендродаты) и В.С. Курмановского по результатам исследования комплекса Глушицы (*Курмановский*, 2014; 2017; 2020). Проблема заключается в том, что верхняя хронологическая граница типа керамики, характерной для XV в., расплывчата. Для того чтобы разделить материалы XV и XVI вв., требуется систематическая сравнительная работа с эталонами, которая пока не проведена для многочисленных коллекций из раскопок в Смоленске.

Имеется еще одна «подсказка» для археологов – дендродаты. Согласно данным, имеющимся в архиве кабинета дендрохронологии ИА РАН (всего по Смоленску 600 образцов), более четверти датированы XV веком, т.е. относятся к «литовскому Смоленску». Эти спилы были отобраны из раскопов

[1] Статья опубликована в сборнике «Русь в XIII–XV вв. Новые открытия в области археологии и истории». – М.: Индрик, 2021. С. 277–283.

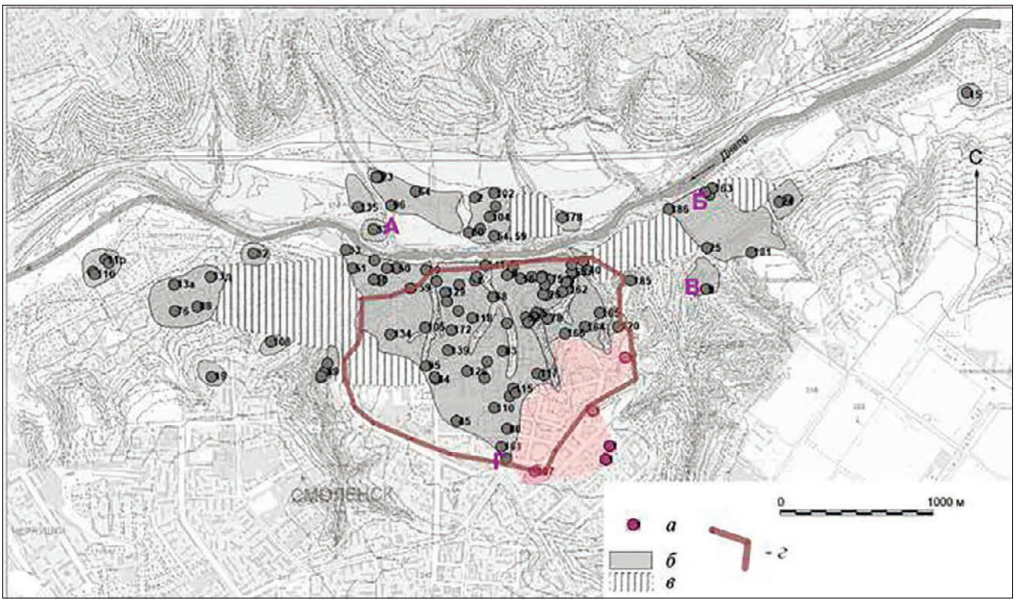

Рис. 1. Карта Смоленска с нанесенной границей культурного слоя XII–XIII вв. (составлена авторами совместно с Н.М. Эрман и В.А. Низовцевым). Кружками с номерами показаны раскопы с находками XII–XIII вв. А – раскопы на ул. Кашена, 15 Б; Б – шурфы на набережной Максима Горького 22, 24, 26; В – шурфы и раскопы в Новосельцах; Г – раскопы возле Молоховских ворот. Розовым цветом показан ареал поселения с находками XII–XIII вв., который был выявлен по результатам работ 2019–2021 гг.: а – раскопы 2019–2021 гг.; б – заселенная территория Смоленска XII–XIII вв. по данным на 2018 г.; в – территории, где предполагается наличие культурного слоя XII–XIII вв.; г – границы крепости рубежа XVI–XVII вв.

Д.А. Авдусина на ул. Соболева[1]. Несмотря на то, что есть сомнения в валидности некоторых определений по сравнительно молодой древесине, можно думать, что в XV в. Смоленский подол под Соборной горой между ручьями Смолигов и рекой Смолянкой был заселен.

Западная окраина смоленского Подола или Пятницкий конец дали меньше материалов XV в. Судя по опубликованным таблицам, горшки XV в. представлены в незначительном количестве (*Пронин* и др., 2011; *Пронин*, *Соболь*, 2020). Тем не менее, можно быть уверенным, что в XV в. территория была заселена. На это указывают в первую очередь находки трех пражских грошей в пластах 11–13 Пятницкого раскопа (*Зайцев*, 2020, с. 326–336), происходящих в том числе из построек. Именно этот тип монет являлся одним из основных в денежном обращении в Великом княжестве Литовском.

Восточная окраина древнерусского Смоленска в пойменной части долины Днепра изучена лишь разведочными шурфами, больших раскопов здесь

[1] Авторы благодарны А.А. Карпухину за предоставленную информацию.

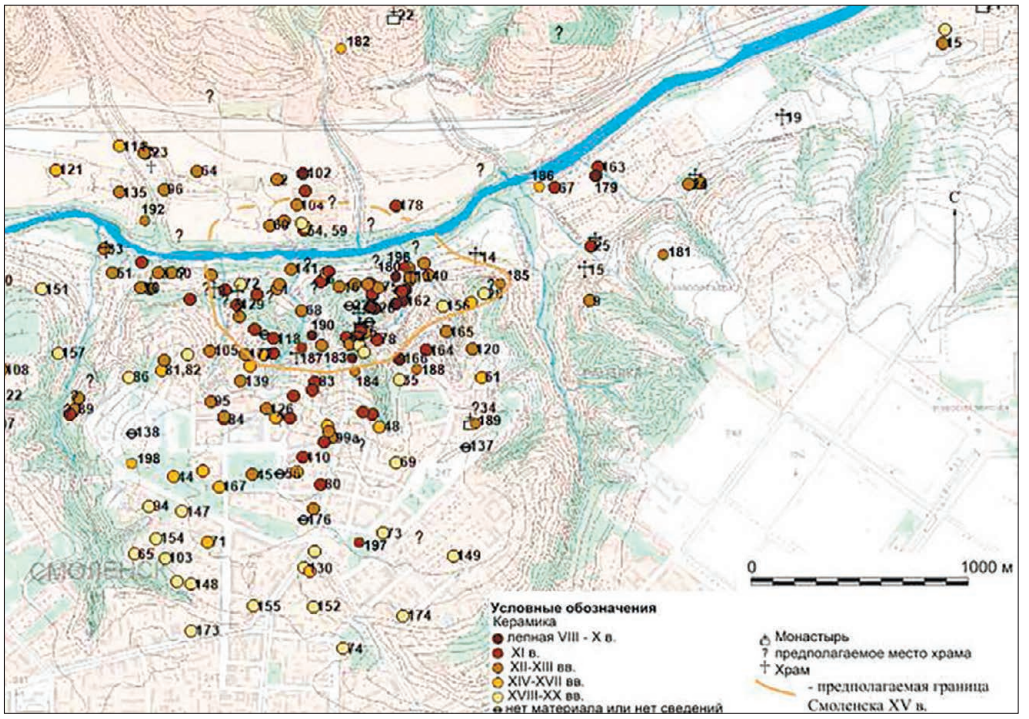

Рис. 2. Границы Смоленска XV в. (предполагаемые) на фоне археологической карты города, где обозначены места раскопов (цветные кружки).

не было. Шурфы 2015 и 2016 гг. в прибровочной части поймы (ул. Набережная Максима Горького, 22–26) показали, что здесь хорошо представлены материалы XI–XII вв., а керамика XV в. фактически отсутствовала. Еще более выразительная картина была получена в 2020 г. при работах в тыловой части днепровской поймы, на участке с адресом ул. Соболева, 49. Здесь древнерусский слой XII–XIII вв. был перекрыт слоем песчаного аллювия, отложившегося в период режима высоких паводков в эпоху Малого ледникового периода (XIII–XVII вв.). На плато высокого берега над р. Рачевкой также не оказалось следов заселения XV в. Здесь при проведении охранных исследований, связанных со строительством нового микрорайона в Новосельцах, были обнаружены следы селитьбы XII–XIII вв. В более позднее время территория использовалась для сельскохозяйственных нужд, сохранились межевые канавки границ участков. Возможно, что эта разметка относится именно к периоду XV в., но точных доказательств этому нет. Археологическая датировка более размыта – XV–XVI вв. (*Кренке* и др., 2019). Аналогичная разметка межевых канавок при отсутствии селитебного слоя XV в. была обнаружена на правом берегу р. Городнянки в Заднепровье и на участке плато, примыкающего к левому берегу р. Рачевки (ул. Мира). Эти аргументы «от противного»

можно продолжить материалами раскопа 2001 г. (руководитель Н.В. Зубарев), изученного на перекрестке улиц Коммунистической и Большой Советской при строительстве офиса МТС ОАО «Мобильные телесистемы» (*Зубарев*, 2002). На этом ключевом с точки зрения топографии города участке были обнаружены древнерусские материалы и комплексы XVII в. Находки XV в. отсутствовали, в том числе и нумизматические, при достаточном обилии находок монет XVII в. Несколько ближе к Днепру, на уровне современных улиц Пржевальского, Коненкова, Ленина и на территории Троицкого монастыря, возле башни Веселухи в шурфах и раскопах, изученных О.М. Олейниковым и авторами, встречалась керамика, которую можно отнести к XV в. (*Кренке*, 2018; *Олейников*, 2015). Важно учесть также, что в Заднепровье была найдена монета смоленской чеканки конца XIV в. Вероятно, что в XV в. жизнь в этом районе продолжалась.

Таким образом, территорию Смоленска XV в. приблизительно можно очертить следующим образом: от устья Пятницкого ручья вверх по его долине, затем на восток до верховьев Резницкого (Смолигова) оврага, далее на восток до Васильевской горы (территория Троицкого монастыря) и затем на северо-запад по кромке высокого берега, охватывая истоки Георгиевского ручья (речка Смолянка) до мыса, на котором стоит башня Веселуха и затем на север к руслу Днепра (рис. 2). Заднепровскую часть города можно обозначить сугубо условно, так как данных мало. Можно предположить, что освоен был прибрежный участок, непосредственно напротив заселенной правобережной части города (прим. 2025 г. Очевидно, участок вокруг церкви Петра и Павла также был заселен в XV в., эта церковь, скорее всего, была действовавшей в XV в., иначе она не смогла бы сохраниться).

Совершенно новый колорит археологические данные о литовском Смоленске приобрели после работ 2020 г. на обращенном к Днепру северном склоне Соборной горы.

В северо-западной части Соборной горы ранее археологические работы велись лишь у ее подошвы — это раскоп УС-5 (аббревиатура обозначает улицу Соболева). Выше по склону в сторону Благовещенской церкви и далее вверх до Успенского собора раскопов не было, за исключением лишь одного шурфа 1925/1926 гг. возле соборной колокольни. В 2020 г. были заложены шурфы между склоном Соборной горы и зданием «гостиных палат» конца XVIII в. (ул. Соборная гора, 11). Примерно на глубине 1–1,5 м от современной поверхности были обнаружены четыре яруса деревянной мостовой, ориентированной по оси С–Ю, т.е. вытянутой по линии от верха Соборной горы вниз к Днепровским воротам. Вероятно, именно эту мостовую уже фиксировали возле Днепровских ворот при работах 1955 г. в раскопе УС-5. Ширина мостовой была более 5 м. Некоторые ярусы были сложены из плах, местами использовались тонкие бревна. Датируются все четыре яруса, судя по монет-

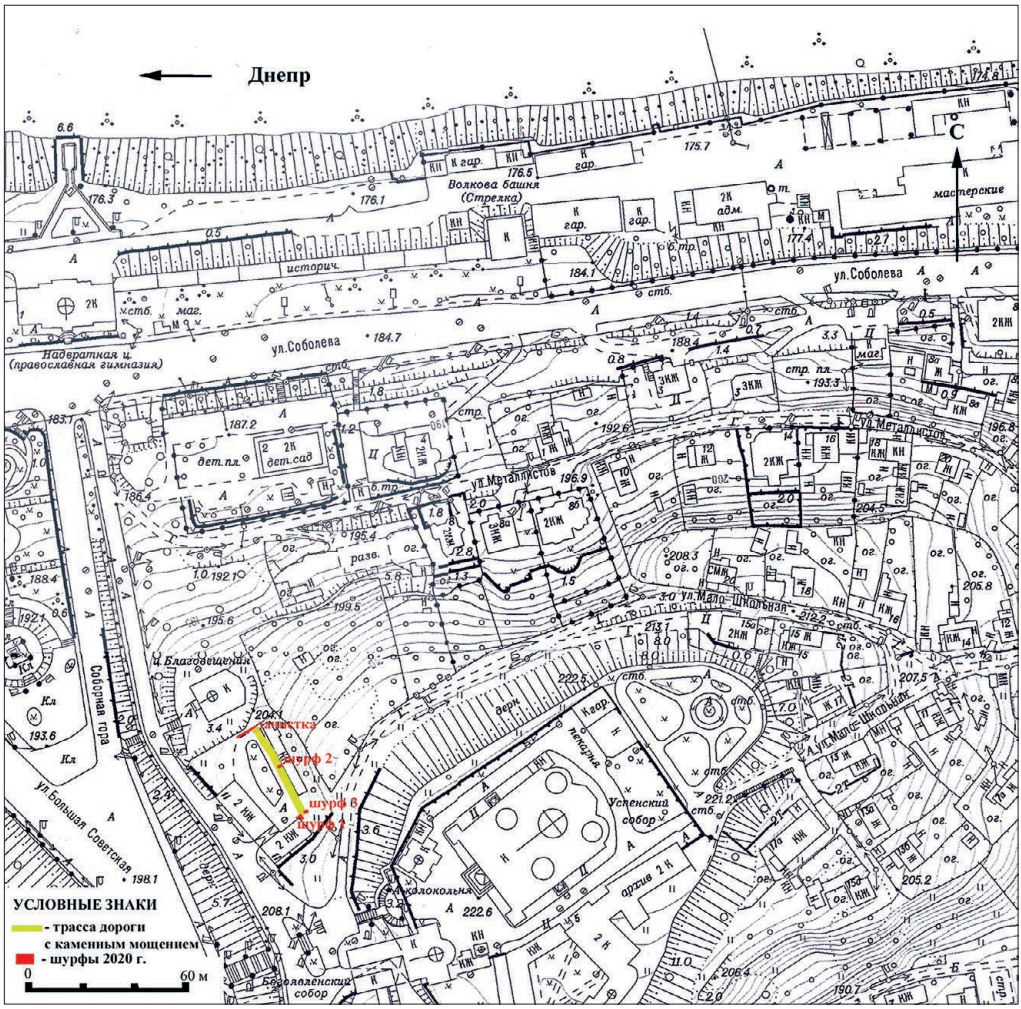

Рис. 3. Топографический план Соборной горы Смоленска, на котором показана трасса дороги, мощенной камнем, выявленной шурфами 2020 г.

ным находкам (тверские медные пула, по определению В.В. Зайцева), XVI веком. Необычным было то, что в деревянных мостовых заплаты делались из камня и битого кирпича. Объяснение лежало ниже. Под деревянными мостовыми была обнаружена каменная. Ширина этой дороги была 4 м. Мощение сложено из некрупных камней (5–7 см), обломков кирпичей (плинф) и костей домашних животных. Мощеная дорога пролегала по искусственной выемке, вырытой в материковом суглинке. Дорога была прослежена на участке протяженностью 35 м. Ориентация дороги – от верха Соборной горы прямо вниз к Днепру (рис. 3–5). Таким образом, была найдена совершенно необычная для древнерусской и московской архитектуры дорога с каменным

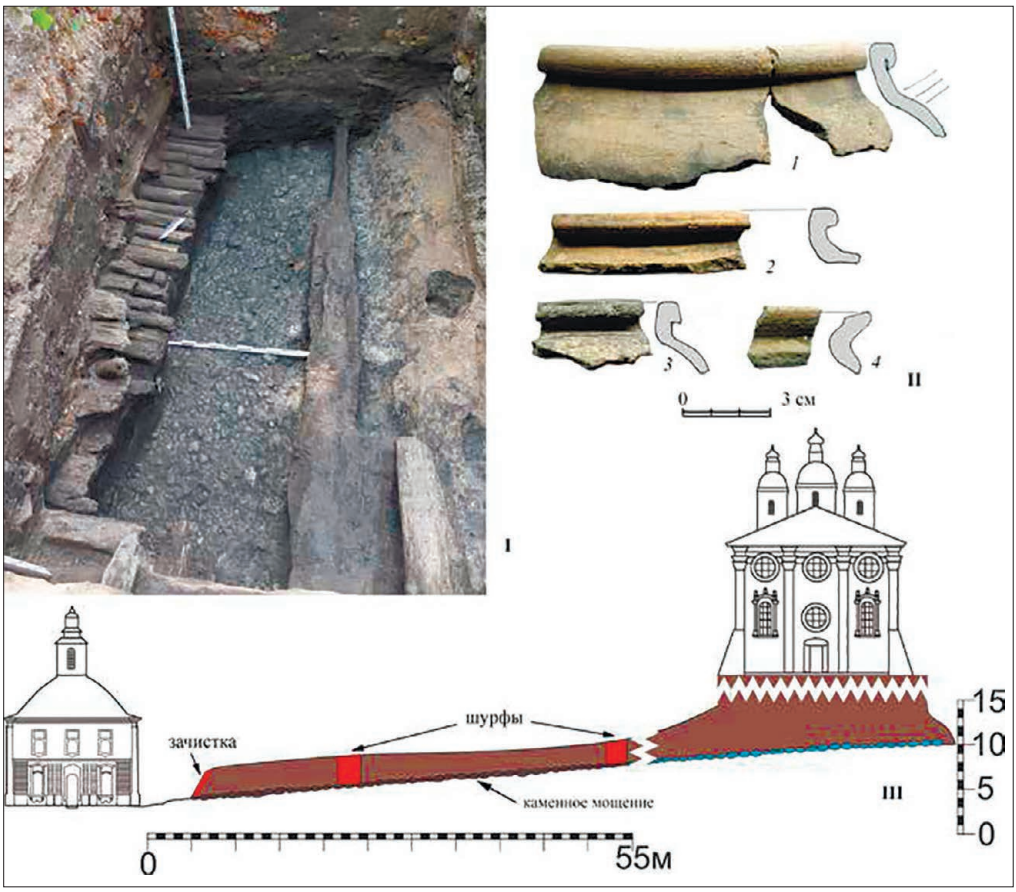

Рис. 4. Мощенная камнем дорога на Соборную гору.
I – фото участка дороги, вскрытого в шурфе 1; II – керамика XIV–XV вв. на поверхности дороги (1) и в слое, который подстилает каменное мощение (2–4); III – схема профиля дороги.

мощением, строительство которой сопровождалось обширными земляными работами, имевшими цель сделать профиль дороги более пологим (на изученном участке уклон составляет 5 градусов). Для датировки времени создания дороги важны находки под ее полотном. Восточный край дороги подстилал культурный слой (выравнивающая подсыпка) с керамикой XIV–XV вв. Таким образом, судя по керамике, дорога датируется в широких пределах XV веком. Ее можно интерпретировать как одну из основных магистралей Смоленска, планировка которого определялась Великой улицей, пролегавшей вдоль левого берега Днепра, и перпендикулярной ей улицей, соединявшей Подол и нагорную часть города (именно она и была найдена). Для городов Московского княжества каменное уличное мощение – чрезвычайная

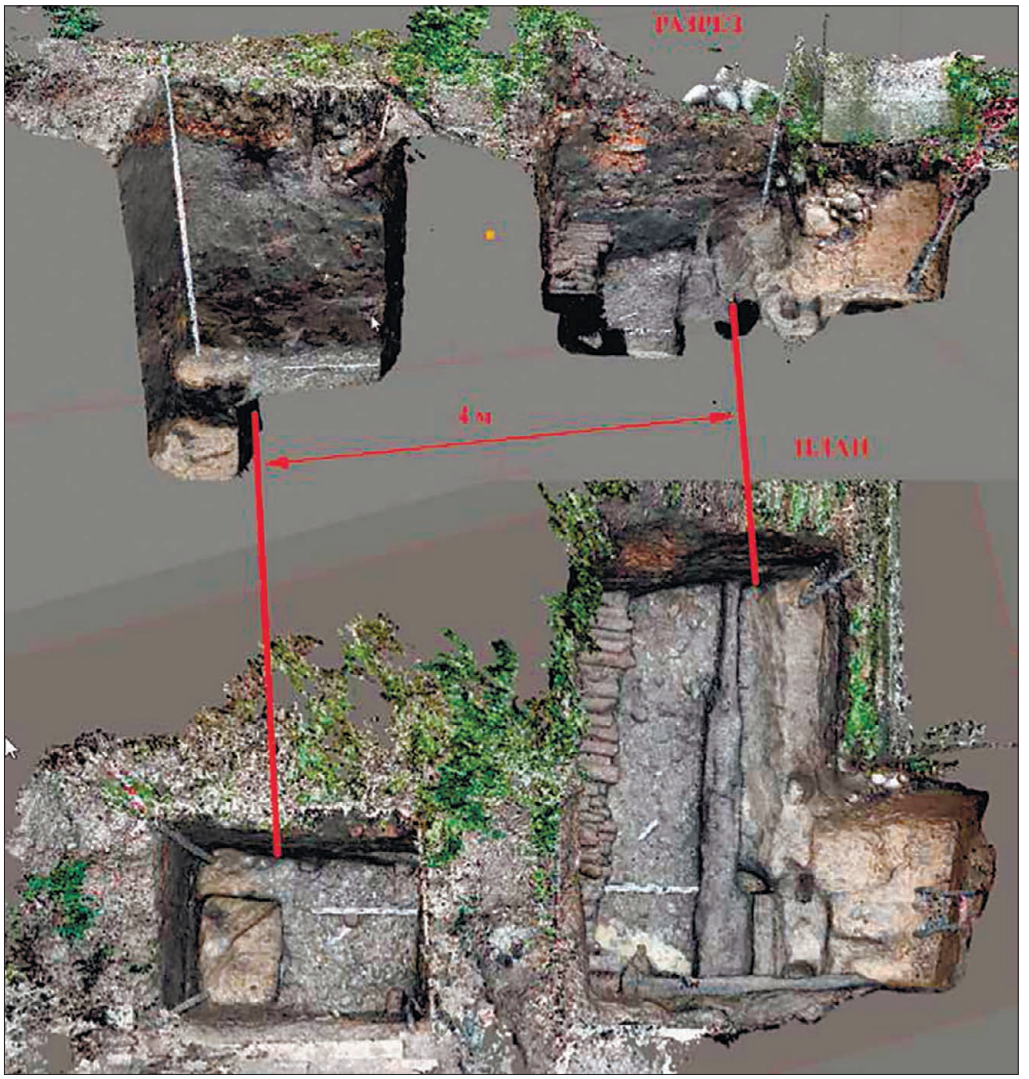

Рис. 5. Мощенная камнем дорога XV в. на Соборную гору Смоленска, план и разрез

редкость. Можно указать на каменное мощение Красной площади в Москве, сделанное итальянцами в конце XV в. (*Чернов, Бойцов*, 1992), и улицу в Белозерске[1], также в XV в. Для литовских и польских замков и городов каменное мощение — норма. Таким образом, раскопками 2020 г. были выявлены следы работ по благоустройству города, когда он входил в Великое княжество Литовское. Масштаб этих работ был, видимо, весьма значителен. Это может указывать на устойчивое экономическое положение города. Каменные мостовые появились в нем вновь лишь в начале XIX в. (*Писарев*, 1894).

[1] Сообщение Е.Л. Хворостовой.

Выводы. Смоленск XV в. существенно уступал по площади древнерусскому городу XII–XIII вв. и примерно соответствовал по размерам городу на начальной стадии его развития в XI в. Его площадь, может быть, равнялась 50–100 га. Наличие мощенной камнем дороги, ведущей к Днепру, с очевидностью указывает, что был мост и, вероятно, Заднепровский посад. Обнаружение каменной дороги, ведшей на Соборную гору и устроенную на совершенно новом месте, указывает, что в городе в XV в. велись большие работы по благоустройству и, вероятно, по фортификации. Видимо, поступательное развитие города и его инфраструктуры в XV в. явилось мощным притягательным фактором для московского князя Василия III, обусловившим его желание присоединить Смоленск к своему княжеству.

Н.А. Кренке, Е.Л. Хворостова

КРОВЕЛЬНАЯ ЧЕРЕПИЦА И КИРПИЧИ-ПАЛЬЧАТКИ ИЗ РАСКОПОК В СМОЛЕНСКЕ В 2022 Г.[1]

Аннотация: В статье представлены новые находки архитектурной керамики (лотковых и досковидных поливных кровельных черепиц) и кирпичей-пальчаток из шурфа на Соборной горе Смоленска. Лотковые муравленые кровельные черепицы с острым треугольным окончанием со сливом датированы по стратиграфическим данным XV–XVI вв. (аналогии им не найдены). Досковидные черепицы с полуциркульным завершением отнесены к XVII в. на основании аналогий из Белоруссии и Москвы. Кирпичи-пальчатки датированы концом XV–XVI вв., исходя из их размерных данных. Высказано предположение, что в центре Соборной горы Смоленска находилось большое церковное здание XV–XVI вв., которое, возможно, было затронуто раскопом 1966 г. Д.А. Авдусина, но ошибочно принято за постройку XVIII в.

Ключевые слова: кровельная поливная лотковая, досковидная черепица, кирпичи-пальчатки, Смоленск, Соборная гора.

Архитектурная археология Смоленска постдревнерусского времени фактически находится ещё в зародыше. Незначительные археолого-архитектурные работы предпринимались лишь в связи с реставрацией кирпичной оборонительной стены Федора Коня, а также изучался земляной оборонительный вал XVI в. (*Сапожников, 2016)*. Можно еще отметить раскопки 1966 г. Д.А. Авдусина на Соборной горе, когда в раскопе Согор X (рис. 1: *4*) были вскрыты остатки стен и фундаментов крупной постройки, которые, на наш взгляд, ошибочно были отнесены к XVIII в. (*Авдусин,* № 3355). Каменные постройки литовского, московского и польского периодов истории Смоленска (XV– XVII вв.) практически не исследовались. Исключением являлись работы экспедиции Государственного Эрмитажа в Троицком монастыре на р. Кловке, где изучались памятники XVI в. (Торшин, 1977, 2000).

В 2021–2022 гг. на Соборной горе Смоленска с внешней стороны церковной ограды напротив колокольни был исследован шурф 1, давший исключительно ценные научные результаты (рис. 1: *38*) (*Кренке* и др., 2022. С. 3–8). В шурфе был зафиксирован слой древнейшего Смоленска VIII–IX вв. и предшествовавшего ему поселения V в. н.э., оборонительный вал IX в. (датированный по результатам радиоуглеродного анализа и находкам), а также культурные слои XVI–XX вв., содержавшие обломки строительных материалов от построек XV–XVII вв., стоявших на Соборном холме. Именно этой группе находок посвящена настоящая статья.

[1] Статья опубликована в сборнике «Московская Русь: археология, история, архитектура», 2023. С. 253–266.

Условные знаки:

- трасса мощеной камнем дороги XV в.
- археологические раскопы (красные - с лепной керамикой; черные - без лепной керамики)
- инженерно-геологические шурфы 2021 г.

Рис. 1. Археологические раскопы на Соборной горе Смоленска: 1 – раскоп Согор 1 (Авдусин, 1951); 2 – раскоп Согор 2 (Авдусин, 1951); 3 – Согор 13 (Авдусин, 1974); 4 – Согор 10 (Авдусин, 1966); 5 – бесстолпный храм (Воронин, 1964, 1965); 6 – Согор 12 (Авдусин, 1974); 7 – Согор 17 (Сапожников, 1983–1985); 8 – шурф (Авдусин, 1966); 9 – Согор 14 (Авдусин, 1974); 10 – Успенский собор (Воронин, 1965); 11 – «Терем» (Воронин, 1965); 12 – ул. Соболева, 8 (Авдусин, 1964), 9 (Авдусин, 1966–1969), 11 (Авдусин, Асташова, 1971–1976); 13 – ул. Металлистов, 6–10 (Сапожников, 1992); 14 – ул. Металлистов, 6–10 (Сапожников, 1993); 15 – ул. Металлистов, 8 (Нигматулин, 1999); 16 – ул. Металлистов, 14 (Олейников, 2005); 17 – ул. Мало-Школьная, 6 (Асмолкова, 2011); 18 – ул. Мало-Школьная, 5 (Ершов, 2014); 19 – ул. Мало-Школьная, 7а (Ершов, 2014); 20 – ул. Мало-Школьная, 20 (Кренке, 2015, 2016); 21 – ул. Мало-Школьная, 2 (Сапожников, 1989, Ершов, 2014); 22 – колокольня (Хозеров, Лявданский, 1925); 23 – электроподстанция (Неклюдов, Писарев, 1900); 24 – Соборный двор (Гараничев, 1994); 25 – ул. Мало-Школьная (Гараничев, 1994); 26 – ул. Металлистов, 16 (Модестов, 1999); 27 – ул. Металлистов, 3 (Модестов, 2002); 28 – ул. Б. Советская, 7 (Кренке, 2017, 2018); 29 – ул. Б. Советская, 9 (Кренке, 2017); 30 – пер. Реввоенсовета, 2 (Ершов, 2014); 31 – ул. Соболева раскоп 3 (Авдусин, 1951–1952); 32 – ул. Соболева раскоп 5 (Авдусин, 1955–1957); 33 – шурф 1924 г. Лявданского; 34 – шурф 1 у церкви Иоанна Предтечи (Сапожников, 1985); 35 – шурф 2 у церкви Иоанна Предтечи (Сапожников, 1987); 36 – шурф 3 у трапезной церкви Иоанна Предтечи (Сапожников, 1988); 37 – шурфы ул. Соборная гора, 11 (Раева, 2020); 38 – шурф 1 (Раева, 2021–2022); 39 – шурф 2 «княжеский терем» (Ганичев, 2021); 40 – шурф № 6 возле Успенского собора (Раева, 2021); 41 – шурф 2 (Ганичев, 2021); 42–45 – шурфы № 10, 9, 8, 4 геологов (Ганичев, 2021); 46 – траншея наблюдений (Писарев, 1892); 47 – примерное место раскопа (Лявданский, 1925); 48 – примерное место траншеи наблюдений (Милонов, 1939)

Вначале необходимо проанализировать стратиграфию шурфа (рис. 2) и распределение в его слоях кровельных черепиц и кирпичей-пальчаток. Всего в профиле западного борта шурфа было выделено 16 горизонтов, общая мощность культурного слоя достигала 3,2 м:

1) слой строительного мусора, содержавший известь, кирпичную крошку, обломки кирпичей (в том числе кирпичей-пальчаток), профильные кирпичи от церковной ограды XVIII в., обломки досковидных разноцветных кровельных черепиц с полуциркульным окончанием и современный мусор конца XX в. (в том числе копейку 2002 г.). Мощность горизонта доходила до 50 см, в основании найдены монеты 1946 г.;

2) серо-бурая супесь со строительным мусором, известковой и кирпичной крошкой мощностью до 40 см;

3) серая супесь со следами почвообразования мощностью 10 см, в верхней части найдена монета 2 копейки 1905 г.;

4) серо-бурая супесь с мелким кирпичным боем, мощностью до 30 см;

5) серая супесь со следами почвообразования толщиной до 20 см;

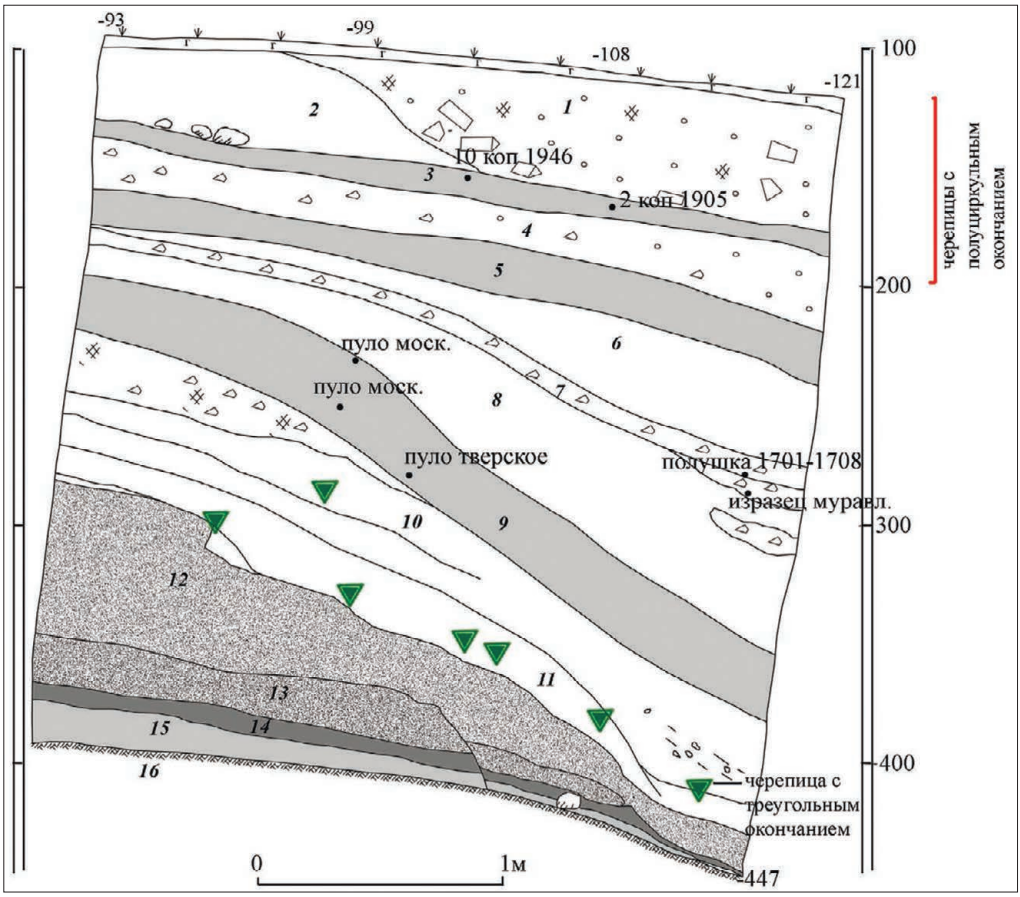

Рис. 2. Профиль западного борта шурфа 1 (описание слоев см. в тексте)

6) серо-бурая супесь с редкими камнями, круто понижающаяся в сторону Днепра (на север), мощность до 35 см;

7) серо-бурая супесь с известью мощностью до 10 см, круто понижающаяся вниз по склону, видимо, слой строительства церковной ограды конца XVIII в.[1], содержит также бой кровельной черепицы; в основании слоя найдена медная полушка Петра I, датирующаяся в интервале 1701–1708 гг. (определение В.А. Волкова), и муравленый рельефный безрамочный печной изразец второй половины XVII в. – в центре ваза с цветами в кубчатых рамках (рис. 3), – а также неполивные изразцы той же серии (*Торшин*, 2000; *Пронин, Соболь*, 2013; *Кренке*, 2018; *Маслих*, 1983, №78; Керамическая установка, 2017);

[1] Ограда показана на планах Смоленска 1776–1778 гг. Т.Е. Каменева датировала её приблизительно этим временем (*Каменева*, 1994). Историко-архитектурный опорный план ансамбля. Этапы формирования планировочной структуры. М., 1994 // Архив ЦНРПМ).

Рис. 3. Муравленый рельефный изразец (находка № 55, пласт 15, глубина -288)

8) однородная бурая супесь мощностью до 50 см с керамикой XVI–XVII вв.;

9) темно-серая супесь мощностью до 30 см, насыщенная керамикой XVI в., включающая находки медных маленьких московских пул и маленького тверского пула (определение В.А. Волкова);

10) серо-бурая супесь толщиной до 35 см с мелкой плинфяной крошкой, фрагментами использованной в строительстве плинфы толщиной 3–4 см со следами раствора, фрагментами кровельных черепиц с зеленой поливой, треугольным окончанием-сливом и крепежными шипами. Кроме того, в слое найдено два железных пушечных ядра диаметром 7 см;

11) бурый суглинок толщиной до 20 см;

12) желтый песок с галькой (насыпь вала) толщиной до 90 см с находками шнуровой керамики бронзового века, лепной керамики и бронзовыми трапециевидными привесками VIII–IX вв., а также с углями от деревянного каркаса сооружения;

13) черный углистый суглинок толщиной до 10 см с находками керамики и вещей (бронзовые украшения, бусы и пр.) VIII–IX вв.;

14) серая супесь толщиной до 15 см с находками керамики типа городищ Колочин/Демидовка/Тушемля V в. н.э.;

15) материковая светло-бурая к желтому супесь/желтый песок.

Археологические наблюдения показывают, что верхние напластования (прослои 1 и 2), залегающие над погребенной почвой (прослой 3), сформировались в XX в. и являются выбросами из котлованов, откопанных в культурном слое, видимо, в центральной части Соборной горы. Таким образом, верхний метр напластований содержит разновременные находки – от VIII–IX вв. (лепная керамика) до субсовременного мусора. Именно из этой толщи (пласты 2–6 до глубины -200, см. табл. 1) происходит большинство находок кирпичей-пальчаток и досковидных кровельных черепиц с полуциркульным окончанием.

Всего было найдено несколько десятков фрагментов кирпичей-пальчаток. Среди них лишь один целый. Формат кирпичей-пальчаток варьируется

следующим образом: толщина 6,5–7,5 см (наиболее частый размер – 6,5–7 см), ширина 13,5–16 см. Целый кирпич имел размеры 26 × 14 × 6,5 см. Следы от пальцев – неглубокие параллельные борозды – наносились на одну сторону постели кирпича[1], обычно они ориентированы вдоль длинной оси кирпича, но в некоторых случаях ориентация строго не выдерживалась (рис. 4). На кирпиче отпечатывались, как правило, бороздки глубиной в несколько миллиметров от четырех пальцев. Остатки известкового раствора часто маскируют следы пальцев, именно поэтому до сих пор пальчатки в Смоленске были обнаружены лишь один раз О.М. Олейниковым в 2006 г. при раскопках на ул. Коненкова.

Близ Смоленска на городище в Гнёздово также были обнаружены руины постройки из кирпичей-пальчаток «литовской эпохи», но детально они описаны не были (*Бугославский,* 1909. С. 11).

По размерам кирпичи-пальчатки с Соборной горы близки к кирпичам старого замка в Гродно второй половины XVI в., замка в Любече конца XVI в. (*Трусов*, 1991). Однако и более ранняя дата не может быть исключена. О.А. Трусов отмечал, что в XV в. кирпич на памятниках Белоруссии становился меньших размеров, толщиной около 7 см (*Трусов*, 1988. С. 105). С другой стороны, пальчатки производились и во второй половине XVII в., например, в Могилеве, но, правда, толщина их была всего 5 см и менее (*Трусов*, 1988. С. 108). Поэтому данные аналогии могут рассматриваться лишь в качестве предположительных, требуется системное привлечение литовских материалов.

В одном слое с кирпичами-пальчатками залегали разноцветные поливные плоские (досковидные) кровельные черепицы с закругленным окончанием. Найдено почти 500 фрагментов подобных черепиц, при этом ни одной целой. Крепились эти черепицы на одном или двух гвоздях (подавляющее большинство). Верхняя часть черепицы – прямоугольная (рис. 5, 6). Длина черепиц – около 21 см, ширина – 13,5–14,2 см, толщина – в интервале 1,1–1,3 см. Полива черепиц весьма разнообразна, она имеет шесть цветовых разновидностей (бирюзовая, зеленая, зелено-бурая, желто-зеленая, коричневая, желто-коричневая – перечисление в порядке убывания частоты встречаемости). Скорее всего, кровли были разноцветными. Полуциркульное завершение черепицы типично для памятников Белоруссии. О.А. Трусов отмечает, что толщина её со временем уменьшалась – в XVII в. – до 1 см (*Трусов*, 1988. С. 127). При этом важно отметить, что для исконной территории Московского царства кровельная черепица с полуциркульным окончанием не характерна (*Хворостова*, 2002. С. 204–214), однако встречается изредка. Так, очень близкая к смоленским находкам поливная черепица происходит с кровли церкви Введения в Барашах в Москве (1698–1701), она хранится

[1] Этим они отличаются от тверских и старицких находок (*Сафарова*, 2010, с. 140; *Хворостова. Сиволапова,* 2022).

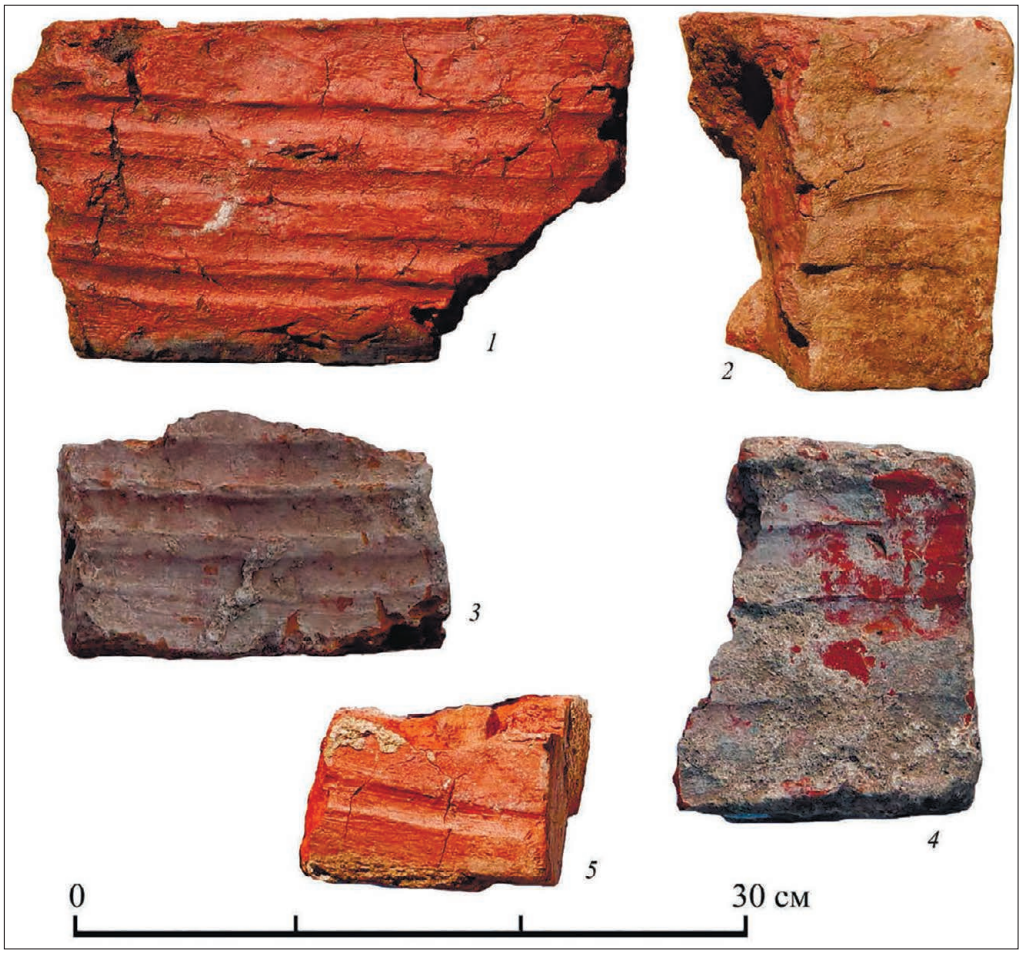

Рис. 4. Кирпичи-пальчатки из раскопок на Соборной горе 2022 г.

в фондах Музея Москвы. Фрагмент аналогичной черепицы был найден во время раскопок в московском Кремле в 2007 г. в слое XVII в. (*Кренке и др.*, 2016). Таким образом, приведенные аналогии дают основание для предположения, что черепица с Соборной горы Смоленска связана с постройкой второй половины XVII в.[1] Это ставит под некоторое сомнение возможность принадлежности кирпичей-пальчаток и кровельной досковидной черепицы к одной постройке. Для решения вопроса требуются новые раскопки.

Очень перспективным в этом плане представляется продолжение исследования постройки, вскрытой частично Д.А. Авдусиным в 1966 г. в центре

[1] Нужно отметить, что данная форма очень распространена в Германии вплоть до современности. Её немецкое название – «бобровый хвост», буквально: «башенный бобровый хвост» (turmbiber). В русской архитектурно-археологической литературе термин «бобровый хвост» употребляется для черепицы иной формы.

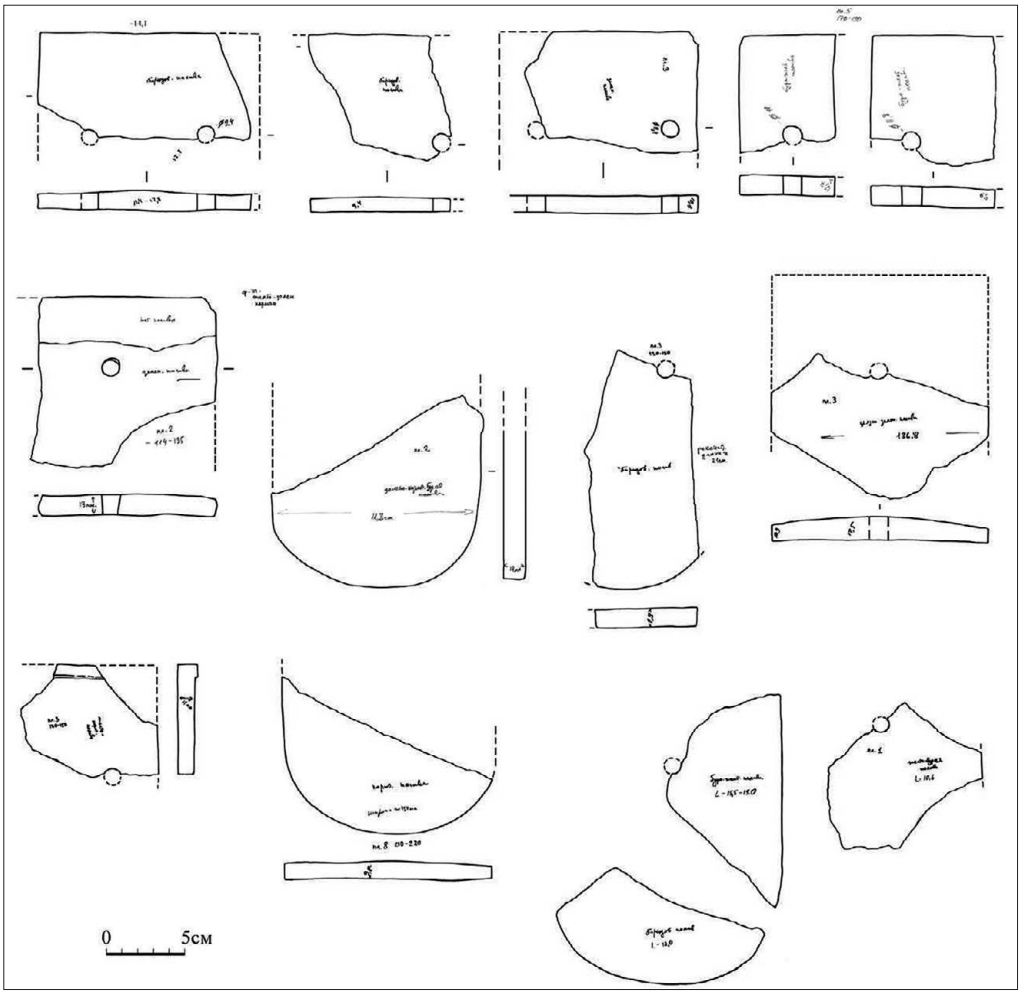

Рис. 5. Плоские кровельные черепицы с Соборной горы Смоленска (чертеж)

Соборного холма. Эта задача представляется ещё более актуальной, так как на польской гравюре начала XVII в., изображающей штурм Смоленска в 1611 г., в центре Соборной горы южнее Успенского собора (т.е. именно там, где был раскоп Согор X 1966 г.) располагается крупное церковное здание европейской архитектуры (рис. 7). Эта гравюра важна также тем, что на ней изображена деревянная крепостная стена на валу по бровке Соборной горы. Очевидно, что данная стена вошла в наш шурф. Видимо, нарушения на гребне вала IX в. связаны именно с этим поздним сооружением, о возрасте которого можно лишь гадать. Конечно, наиболее вероятен XVI в., но нельзя исключить и XV в.

В слое строительного мусора, перекрывавшем песчаную насыпь вала (горизонты 10 и 11, рис. 2), найден совсем другой тип кровельной черепицы,

Рис. 6. Плоские кровельные черепицы с Соборной горы Смоленска (фото)

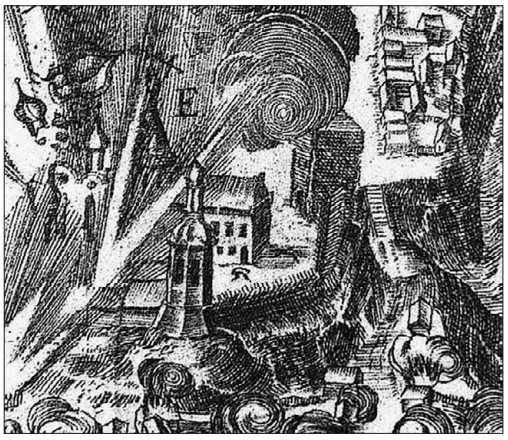

Рис. 7. Фрагмент гравюры со штурмом Смоленска 13 июня 1611 г. Мастерская Томаша Маковского по рис. Феофила Шемберга. 1611 г.

покрытой зеленой поливой, – лотковой ромбовидной (листовидной) формы с крепежным шипом, треугольным окончанием со сливом (рис. 8, 9). Всего найдено 19 фрагментов. Длина – около 40 см, ширина – около 16 см, толщина – 1–2 см. Крепежный шип массивный. Нижняя поверхность обляпана известью, которая также крепила черепицу.

Точные аналогии подобной черепице нам неизвестны. В Троицком монастыре на р. Кловке была найдена черепица с зеленой поливой подромбической формы (*Торшин,* 2000) с отверстием для гвоздя в верхней части. Черепица с Соборной

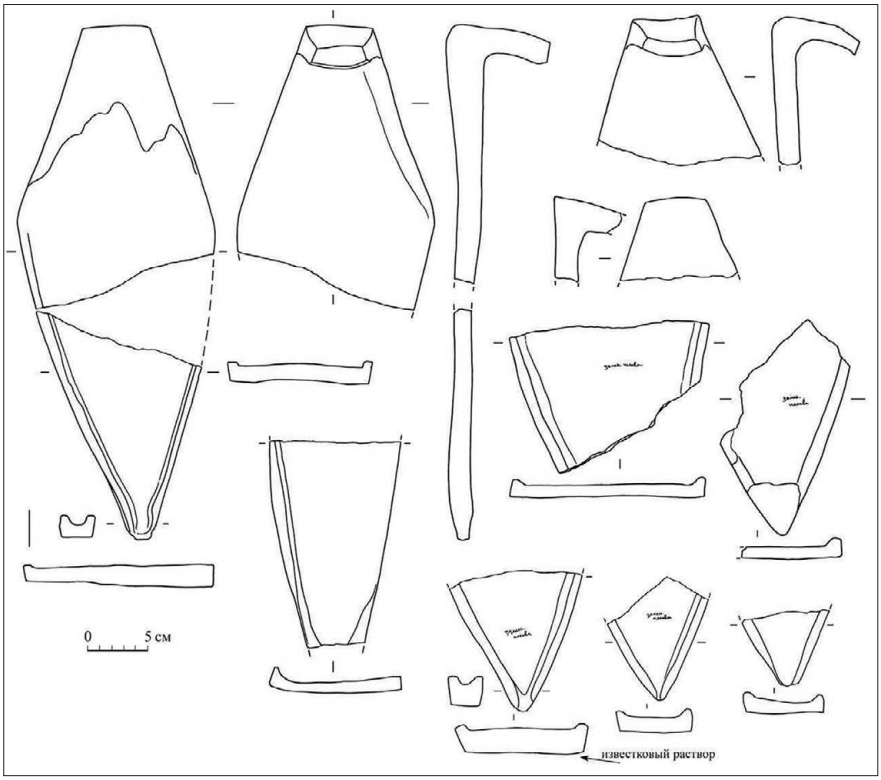

Рис. 8. Лотковая черепица с Соборной горы Смоленска (чертеж)

горы отличается креплением и формой (скругленные боковые грани). Можно предполагать у данной черепицы «германские корни». Вообще, строго говоря, «германские корни», видимо, имеют все польские и белорусские кровельные черепицы. Показательно, что немецкое слово, обозначающее кровельную черепицу (dachziegel), было заимствовано в польском (dachowki) и белорусском (дахавая чарапіца) языках. В данном случае важно то, что кровельные черепицы с невысоким бортиком или плоские кирпичи с остроугольным (треугольным) окончанием появились в Германии на рубеже XI–XII вв. и существовали до XVI в. (*Ehrhardt,* 2016. S. 11). Стратиграфиче-

Рис. 9. Лотковая черепица с Соборной горы Смоленска (фото)

ское положение находок этой черепицы дает основание утверждать, что она не может датироваться позднее XVI в., так как вышележащий горизонт надежно датируется медными пулами XVI в. Более ранний возраст, например, XV в., вполне допустим. Какое здание на Соборной горе имело кровлю из черепицы этого типа – остается загадкой. Однако очень вероятно, что это не Успенский собор, вокруг которого такой черепицы найдено не было, несмотря на то, что исследования вокруг него проводились (рис. 1). То есть мы опять имеем косвенное указание на то, что на Соборной горе в XV–XVI вв. существовало несколько каменных построек. Это делает понятным, зачем и куда вела дорога, вымощенная камнем, построенная для въезда на Соборную гору в XV в. (*Кренке и др.,* 2022).

Табл. 1. Статистика находок кровельной черепицы. Соборная гора шурф 1. 2022 г.

Цвет черепицы номер пласта	Бирюзовая	Зеленая, зелено-бурая	Коричневая	желтозеленая	желто-корич.	неопр.	датирующие находки
Плоская с полуциркульным (закругленным) окончанием							
1	10	12	5				
2 -114-135	27	12	10				
3 -130-150	28	63	8				10 коп. 1946 г.
4 -150-170	13		20	9			2 коп. 1905 г.
5 -170-190	56	4	14	30	4	23	
6 -190-200	49	25	5	25		8	
7 -200-210	8			5			
8 -210-220							
9	6	1				2	
10	1	1	1	1			
11	2	1	2				
18						1	
Всего 492	**200**	**119**	**65**	**70**	**4**	**34**	
Лотковая черепица с треугольным окончанием							
12		6					
13		2					
14		1					
15		1					
16		1				2	
18		1					

Окончание таблицы 1

19		2				1	
21		2					
22		1					
24		1				1	
25		2					
Всего		**19**				**4**	
дугообразная в сечении							
3	2		2				
4	1						
5	1			1			
6				1			
19						1	
Всего	**4**		**2**	**2**		**2**	

Н.А. Кренке, И.Н. Ершов, В.А. Раева, Т.В. Столярова

ГОРШКОВИДНЫЕ ИЗРАЗЦЫ XV–XVI ВВ. ИЗ РАСКОПОК В СМОЛЕНСКЕ[1, 2]

Аннотация. В статье рассматриваются находки горшковидных изразцов на территории г. Смоленска с 1970-х гг. по настоящее время. Устанавливается их эволюционная «позиция», соответствующая двум линиям развития, разработанным для изразцов белорусских замков. Время бытования определяется в рамках XV–XVI вв. Делается предположение, что Смоленск входил в зону распространения этого вида изделий, также предлагается тезис, что находки горшковидных изразцов, характерных для распространения западных «печных мод», могут служить важным культурным маркером, отличающим материальный мир Великого княжества Литовского от его восточного соседа.

Ключевые слова: горшковидные и мисковидные изразцы, Литва, Смоленск, Соборная гора, замки Белоруссии.

Материальная культура «литовского Смоленска» остается ещё очень мало изученной. В этом направлении сделаны лишь первые шаги (Кренке и др., 2021). Часто встречающаяся в российской исторической литературе трактовка, что Смоленск переживал упадок в годы его вхождения в состав Великого княжества Литовского, не соответствует археологическим данным. Наоборот, мы видим рост уровня городского благоустройства – впервые зафиксирована мощеная камнем дорога, поднимавшаяся на Соборную гору. Распространение печных изразцов, кровельной черепицы (Кренке, Хворостова, 2023) с несомненностью указывают на повышение уровня комфорта в жилищах. Обзор находок в Смоленске раннего типа изразцов – горшковидных, является темой данной статьи. К этому сюжету авторов мотивировала обратиться серия находок горшковидных изразцов из шурфов 2020 г. возле дома 11 на ул. Соборная гора.

Первая информация о находках горшковидных изразцов в Смоленске была опубликована Т. В. Сергиной (Сергина, 2004. с. 54, 55, илл. 109). Обломки горшковидных изразцов, описанных Т.В. Сергиной, были найдены на смоленском подоле в раскопе № XI на улице Соболева (индекс УС-XI) в пластах, которые датировались методом дендрохронологии от 1470-х гг. до середины XVI в. Изучение этого раскопа Смоленской экспедицией МГУ

[1] Статья опубликована в журнале «Российская археология», 2025. № 2. С. 157–163.

[2] Статья подготовлена в рамках плановой темы ИА РАН «Города в культурном пространстве Северной Евразии в средневековье». Руководитель: В. Ю. Коваль (№ НИОКТР 122011200266-3) и НИР ИИМК РАН на 2025-2027 в рамках выполнения ФНИ ГАН “Северная Русь в евразийском археологическом контексте: этнокультурное разнообразие и общие закономерности исторического развития в свете становления научных знаний” (FMZF-2025-0011) руководитель В.А. Лапшин.

Рис. 1. Горшковидный изразец высоких пропорций из раскопок 1999 г. на ул. Металлистов, 8. ОГБУК «Смоленский государственный музей-заповедник», колл. СМЗ НВ 10816/65.

Рис. 2. Горшковидный изразец из раскопок 2011 г. на ул. Мало-Школьная, 6. ОГБУК «Смоленский государственный музей-заповедник», колл. СМЗ НВ 13193/22.

под руководством Д.А. Авдусина происходило в 1971–1976 гг. Изразцы из раскопа УС-XI относились к одному типу – с устьем в виде четырехлепестковой розетки. В форме тулова изразцов наблюдались различия – выделяются, по меньшей мере, два варианта: 1) прямые, сужающиеся книзу стенки, 2) выпуклые, как у печных горшков, плечики.

20 лет спустя в 1999 г. раскопки возобновились на улице Металлистов на участке дома 8 (Нигматуллин, 1999). Этот участок находится в нижней части северного склона Соборной горы непосредственно над местом раскопа УС-XI в 60 метрах к югу. Здесь удалось собрать из фрагментов один почти целый горшковидный изразец, который хранится в Смоленском музее-заповеднике – СМЗ НВ 10816/65 (рис. 1). Его устье также имело форму четырехлепестковой розетки, прямые стенки плавно сужались книзу, высота равнялась 19 см при максимальном диаметре устья – 14 см. То есть этот изразец

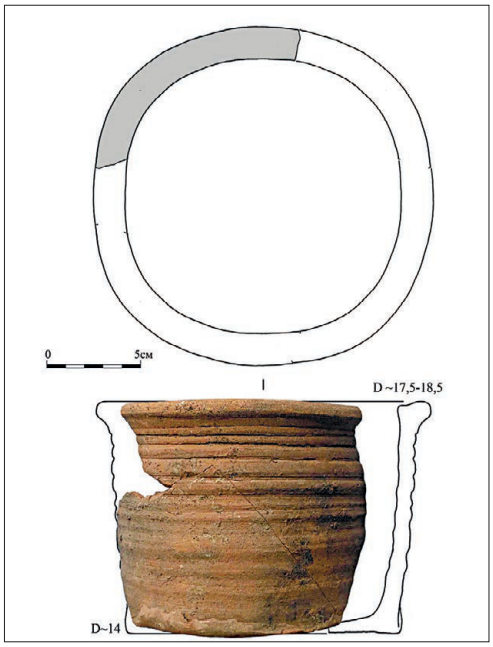

Рис. 3. Горшковидный изразец с округлым устьем (реконструкция формы), раскопки 2020 г. на ул. Соборная гора, 11.

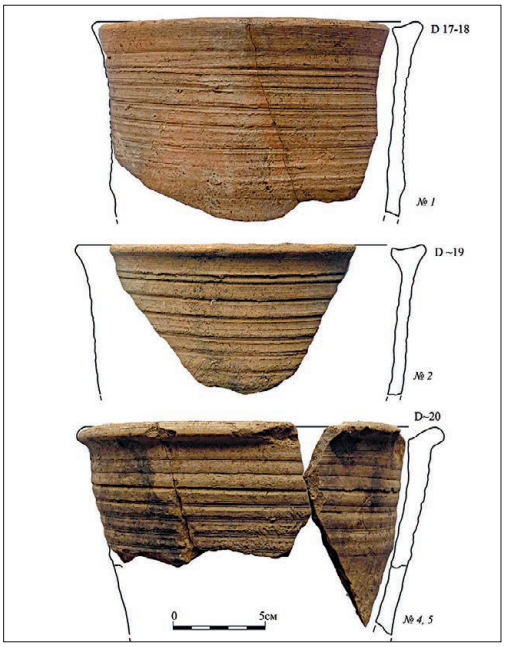

Рис. 4. Фрагменты горшковидных изразцов, раскопки 2020 г. на ул. Соборная гора, 11

имел высокие пропорции и был близок по форме к изразцу, найденному в раскопе УС-XI в слое конца XV в. (Сергина, 2003, рис. 109, *2*). К сожалению, обломки изразца происходили из мешаных слоев, возраст которых не определяется в узком хронологическом интервале.

На той же ступеньке склона Соборной горы, но немного восточнее (ул. Мало-Школьная, 6), в раскопе 2011 г. (Асмолкова, 2011), также был найден целый, слегка деформированный в огне горшковидный изразец – СМЗ НВ 13193/22 (рис. 2). Он имеет иную форму – устье прямоугольное, раскрытое наружу, практически квадратное (17х18 см), с оттянутыми углами, дно круглое. Изразец приземистый, его высота всего 10-12 см. Важно отметить, что на устье изразца сохранились расплывшиеся капли зелено-бурой поливы. То есть изразец обжигался в печи вместе с другими поливными изразцами (муравленными), что указывает на относительно поздний возраст. Согласно типологии О.А. Трусова (см. ниже) он соответствует типу 8 (мисковидных), для которых со второй половины XVI в. употреблялась зеленая полива. Изразец был найден в пласте 4 раскопа, где находки датировались от XII в. и выше.

Эта форма изразцов имела широкое распространение в Центральной Европе, использовалась для более совершенного типа печей с почти сплошным изразцовым покрытием (имеются многочисленные изображения этих печей

на картинах), характерна, в частности, для Южной Германии (например, Гейдельберг), где датируется XIV-XV в., но встречается и позднее (см. интернет-журнал Furnologia.de, который ведет Harald Rosmanitz [1]). В доминиканском монастыре в Кракове изразцы с квадратным устьем мисковидного (miskowe) типа были найдены в комплексах XV в. (Niemiec, Olbrot, 2022).

Серия аналогичных изразцов с квадратными устьями и круглыми днищами были найдены в Смоленске в раскопах 2007–2009 гг. на ул. Пжевальского и ул. Парижской коммуны (Пронин, Соболев, 2013, с. 15). Видимо, близкой формы, но уже муравленые изразцы были обнаружены при раскопках на площади Победы (Пронин, Соболев, 2013, илл. 3, 4). Авторы публикации относят их к рубежу XVI–XVII вв.

В шурфах 1 и 3 (2020 г.) возле дома 11 на ул. Соборная гора (гостиные палаты XVIII в.) более 30 фрагментов горшковидных изразцов (рис. 3–6) залегали в слое над полотном деревянного мощения дороги (предположительно XVI в., датирована находками медных пул). То есть объекты попали в культурный слой в XVI или XVII вв. Время их бытования было раньше. Оценить длительность промежутка времени от создания печи с изразцами до момента её разрушения (замены изразцового декора?) невозможно. Во всяком случае, цифра в 100 лет кажется вполне допустимой.

По материалам раскопок белорусских замков, с опорой на стратифицированные комплексы и с учетом центрально-европейских аналогий О.А. Трусовым была разработана эволюционная схема развития форм горшковидных изразцов (Трусов, 1988, рис. 74)[2]. В начале типологического ряда стоят цилиндрические изразцы высоких пропорций с гладкими стенками (тип 1), которые датируются началом XIV в. Дальнейшее развитие идет по пути уменьшения высоты изразца с сохранением его цилиндрической формы (типы 2 и 3, датирующиеся второй половиной XIV-XV вв.), далее устье изразца приобретает форму близкую к квадрату со скругленными углами (тип 4), а затем квадрату с прямыми углами (тип 7), датируются концом XV – началом XVI вв. Дальнейшее развитие этой линии – появление мископодобных изразцов с широко раскрытым устьем (тип 8), с середины XVI в. при изготовлении начинают применять зеленую поливу. Параллельно существовала другая линия развития – трансформация круглого устья изразца в четырехлепестковую розетку (тип 5, датируется концом XIV- началом XV вв.). В этой второй линии развития наблюдается обратная эволюция пропорций – развитому этапу соответствуют изразцы высоких пропорций (тип 6), которые датируются XV в., правда, затем высота изразца опять уменьшается. Важным хро-

[1] https://furnologia.de/galerie/entwicklungsgeschichtetypologie/eine-napfkachel-aus-miltenberg/

[2] Первая детальная классификация изразцов, в том числе горшковидных, была представлена в работе С. Амбросиани (Ambrosiani, 1910).

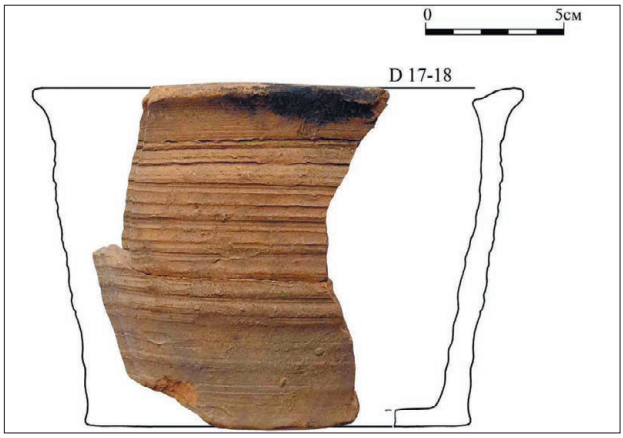

Рис. 5. Горшковидный изразец (полный профиль), раскопки 2020 г. на ул. Соборная гора, 11

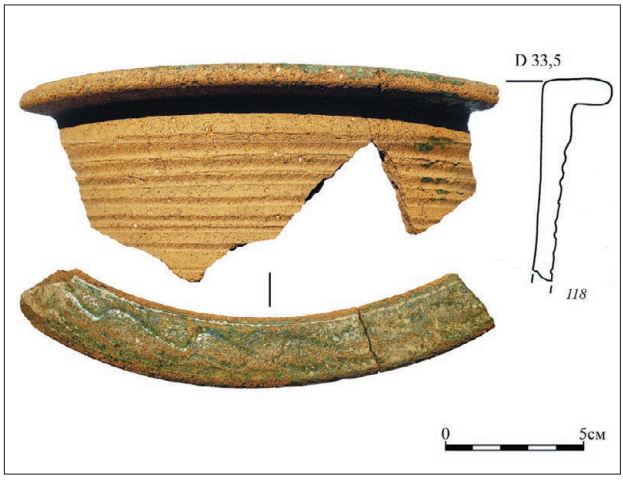

Рис. 6. Горшковидный изразец с зеленой поливой, раскопки 2020 г. на ул. Соборная гора, 11.

нологическим признаком для определения возраста изразцов является характер рельефа внешней поверхности. На ранних изразцах XIV–XV вв. она гладкая, в конце XV – начале XVI вв. на боковых поверхностях выступают борозды, необходимые для лучшего крепления изразца в печи (Трусов, 1988, с. 135). Изразцы высоких пропорций с устьем в виде розетки были найдены в Вильнюсе, где датируются XV в. (Katalynas, 2015).

Серия изразцов из шурфов 2020 г. отличается относительным единообразием. Высота равняется 12 см, диаметр округлого устья – 17-18 см. Фома устья – почти круглая, но едва намечается стремление к квадрату со скругленными углами. Стенки тулова прямые с горизонтальным рельефом – технологические следы производства на гончарном круге. Край венчика изразца утолщен и оттянут наружу. Дно круглое, диаметр от 14 до 15,5 см. У одного из изразцов край венчика резко отогнут наружу, образуя карниз. Этот карниз со стороны фасада имеет орнамент в виде волны и покрыт зеленой поливой. Довольно значительное количество горшковидных изразцов в шурфах 2020 г. (несколько десятков фрагментов) указывает на близость расположения печи.

Таким образом, смоленские материалы можно сопоставить с эволюционной схемой, разработанной для белорусских горшковидных изразцов. Наиболее ранние формы изразцов XIV в. в Смоленске отсутствуют. Представлены разновидности двух линий развития, характерных для XV–XVI вв.

Древнейшими, видимо, надо считать изразцы высоких пропорций с гладкими стенками и устьем в виде четырехлепестковой розетки (рис. 1). Они по аналогиям датируются XV в. Стратиграфическое положение обломков четырехлепесткого изразца в слое конца XV в. в раскопе УС-XI вполне соответствует этой дате. То есть изразец был в употреблении несколько раньше, возможно, в первой половине XV в. Более приземистые изразцы, имеющие форму устья в виде розетки и выпуклые стенки (Сергина, 2004, рис. 109, 3) стратиграфически датируются более поздним временем (первая половина XVI в.), но в данном случае надо учитывать, что в раскопе зафиксирован лишь момент попадания изразца в мусор, а не момент его использования в печи.

Изразцы из шурфов 2020 г. на ул. Соборная гора «вписываются» в другую линию развития, когда округлое устье постепенно трансформируется в квадратное при приземистой пропорции изразца (высота около 12 см – рис. 3-5). Учитывая характерный признак – рельефные горизонтальные борозды на внешних стенках при отсутствии следов поливы эти изразцы, видимо, датируются концом XV – началом XVI вв. (то есть финалом литовского периода в истории Смоленска). Близкие аналогии имеются в Клайпеде (Nabažaite, 2014, fig. 6).

Переход Смоленска под юрисдикцию Московского царства, видимо, не прервал развитие «печной моды» в городе в соответствии с развитием моды в соседней Литве. Возможно, мисковидный изразец со следами поливы с Мало-Школьной улицы (рис. 2) и изразец с поливным фасадом из шурфа 2020 г. (рис. 6), а также изразцы с днищем, покрытым поливой, из раскопок на площади Победы (Пронин, Соболев, 2013, рис. 3. 4) относятся уже к «московскому времени» и датируются в пределах XVI в.

Вопрос о том, производились ли горшковидные изразцы в самом Смоленске, остается открытым, но очевидно, что их применение было достаточно широким. Концентрация находок в районе Соборной горы указывает на то, что здесь размещались дома, где использовались «передовые технологии» оформления интерьеров. Видимо, здесь проживали люди, занимавшие престижные позиции в обществе, что в общем-то и не требует особенных доказательств. Ведь именно здесь находился главный собор города, а в польских источниках XVII в. Соборная гора именовалась «детинцем» (Прохоров, 2017, с. 17). Не требует специального нового рассмотрения вопрос о том, откуда шло распространение «печных мод» на изразцы[1]. Вектор был с запада на восток. В первую очередь, Швейцария (с XII в.), Германия (особенно важны ганзейские города), затем Польша, западные области Великого княжества Ли-

[1] Появление изразцовых печей существенно увеличивало комфорт в жилищах и, видимо, являлось “адаптационным ответом” жителей Альп, Центральной и Северной Европы на похолодание малого ледникового периода.

товского являлись законодателями мод, и там находятся более древние примеры использования горшковидных печных изразцов (Hallenkamp-Lumpe 2006; Nabažaite, 2014; Roth Heege, 2012). Ссылки на соответствующие работы имеются в процитированных выше исследованиях О.А. Трусова, Т.В. Сергиной, Г.Н. Пронина и В.Е. Соболева, а также А.Н. Кушнеревич (Кушнеревич, 2003).

Важно отметить, что новые находки уверенно включают Смоленск в круг территорий, где горшковидные и мисковидные печные изразцы широко использовались в XV–XVI вв., что отличает его от территории Московского царства (Баранова, 2016, с. 56). Находки горшковидных изразцов в Смоленске логично дополняют сведения исторических источников о тесных связях Смоленска с Ригой, начиная с XIII в., и другими областями, лежащими к западу. Можно сказать, что наличие/отсутствие горшковидных изразцов может являться важным маркером при определении культурной доминанты – литовской (шире – западной) или московской (шире – восточной).

Н. А. Кренке, С. Ю. Каинов

О СМОЛЕНСКОЙ БЕРЕСТЯНОЙ ГРАМОТЕ № 11 С «РУНИЧЕСКИМ ПИСЬМОМ»[1]

В статье приведены результаты натурного изучения смоленской берестяной грамоты № 11, относительно которой ранее специалисты-филологи высказывали противоречивые суждения. Спор заключался в том, есть или нет на грамоте рунические знаки. Исследование знаков и поиск аналогий привели к выводу, что «руны» смоленской грамоты – это линии разлиновки, аналогичные московской грамоте № 2, найденной при раскопках в Кремле в 2007 г. Вероятная датировка смоленского обрывка грамоты – XV–XVI вв.

Ключевые слова: берестяные грамоты, руны, разлиновка.

Смоленская берестяная грамота № 11 была найдена в 1968 или 1969 г. в раскопе № IX на ул. Соболева (Рис. 1). К сожалению, место находки не отмечено в отчете о раскопках, нет его и в публикациях грамоты. Видимо, сначала находка не была опознана как грамота, так как в отчете за 1968 г. Д. А. Авдусин описывает три другие грамоты № 8–10 (*Авдусин*, 1968; 1969), но ни словом не обмолвился о грамоте № 11. В отчете за 1969 г. грамота № 11 также не упомянута. Много лет спустя после раскопок находка была опубликована автором раскопок совместно с филологом-скандинавистом Е. А. Мельниковой (*Авдусин, Мельникова*). Предположение, что грамота найдена не позднее 1968 г., проистекает из того, что статья озаглавлена «Смоленские грамоты на бересте (из раскопок 1952–1968 гг.)». В публикации указывается «стратиграфическая дата» – XII в., но опущено указание на конкретное место находки, привязки к слою нет. Долгое время грамота хранилась на кафедре археологии МГУ и лишь в 1991 г. была передана на хранение в ГИМ[2]. В акте передачи значится, что грамота происходит «из раскопок Смоленска 1969 г.», а в описи место находки уточнено как раскоп УС-IX[3]. Более точные стратиграфические привязки отсутствуют, нет и полевого номера находки.

В статье 1985 г. Д. А. Авдусин и Е. А. Мельникова предложили интерпретацию находки как текста, написанного рунами (Рис. 1, *1*). Его перевод на русский звучал так: «Вискар (Висгейр?) взял (приобрел) этот участок земли» (Авдусин, Мельникова, с. 209). Издание снабжено весьма солидным филологическим комментарием. Это прочтение имело большую известность, вошло в популярную литературу. В 2001 г. Е. А. Мельникова подтвердила еще раз свою версию (*Мельникова*, 2001).

---

[1] Статья опубликована в журнале «Древняя Русь. Вопросы медиевистики». 2023. № 3. С. 99 –105.

[2] Отдел археологических памятников ГИМ. Акт № 233 от 24.06.1991.

[3] Отдел археологических памятников ГИМ. Опись В 2648/1.

Однако эта версия не получила признания среди скандинавского сообщества ученых. Сравнительно недавно грамоту в фондах Государственного исторического музея в Москве специально исследовала лингвист-рунолог Софья Стеблин-Каменская, тогда сотрудница университета в Уппсале, Швеция (теперь в замужестве Sofia Pereswetoff-Morath). Применяя бинокулярный микроскоп, она тщательно изучила поверхность бересты и пришла к выводу, что «линии на бересте не могут быть интерпретированы ни как руны, ни как любые другие знаки письменности» (Рис. 1, *2*) (Pereswetoff-Morath, с. 181). Ответ на вопрос, что же это за предмет и можно ли его назвать грамотой, исследовательница не дала. Фотографии, сделанные во время исследования, Софья Ивановна передала другому филологу-лингвисту – Сергею Львовичу Николаеву, сотруднику Института славяноведения РАН в Москве. По фотографиям (!) С. Л. Николаев пришел к совсем другому выводу, он увидел на бересте знаки рун, но его прочтение отличалось от прочтения Е. А. Мельниковой (*Николаев*, 2017). По С. Л. Николаеву, текст может быть переведен как «Виски-домохозяйка обвинения Оске» (Николаев, с. 18). Интерпретация С. Л. Николаева была известна С. И. Пересветофф-Морат, но она в публикации 2017 г. аргументированно настаивала на правильности своего вывода об отсутствии рунических знаков на полоске бересты.

Перед тем как предложить свою версию разгадки сущности смоленской грамоты № 11, дадим описание ее современного состояния.

Грамота хранится в фонде Отдела археологии Государственного исторического музея. Полоска бересты со знаками зажата между двух стекол, что отчасти затрудняет ее изучение. Можно сказать, что сохранился лишь тонкий верхний слой бересты, возможно, часть слоев были удалены при подготовке грамоты к хранению (Рис. 2, 3). Слой бересты настолько тонок, что прочерченные линии просвечивают с обратной стороны. В то же время это дает возможность отличить прочерченные писалом линии от отпечатков линейной формы, возникших от соприкосновения бересты с травинками или подобными объектами. Левый и верхний края полоски бересты – это оригинальные края грамоты. Правый край – древний обрыв. Нижний край тоже оборван, но там сохранился небольшой фрагмент, возможно, оригинального края, который позволяет реконструировать высоту грамоты в 13,5 см. Большинство линий начинаются с некоторым отступом от левого края и «упираются» в обрыв правого. То есть линии имели продолжение. Можно быть уверенными, что мы имеем дело не с целым изображением, а с его частью.

Нами была сделана новая прорисовка грамоты, в которой нанесены лишь длинные линии, оставленные писалом и имеющие ширину 0,5–0,6 мм (Рис. 4, *1*). Тонкие короткие, иногда дугообразно изогнутые линии, в большинстве своем возникшие в результате соприкосновения бересты с какими-то предметами линейной формы, показаны на отдельном рисунке (Рис. 4, *2*). По глубине

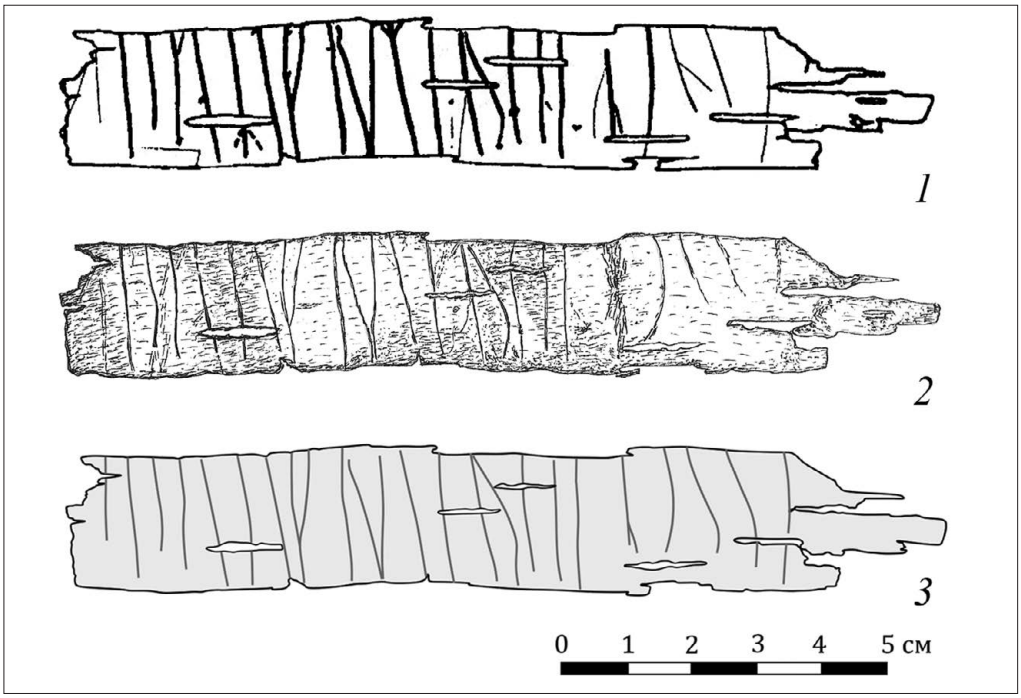

Рис. 1. Смоленская берестяная грамота № 11: 1 – прорисовка из статьи (Авдусин, Мельникова); 2 – прорисовка С. И. Пересветофф-Морат (Pereswetoff-Morath); 3 – прорисовка авторов

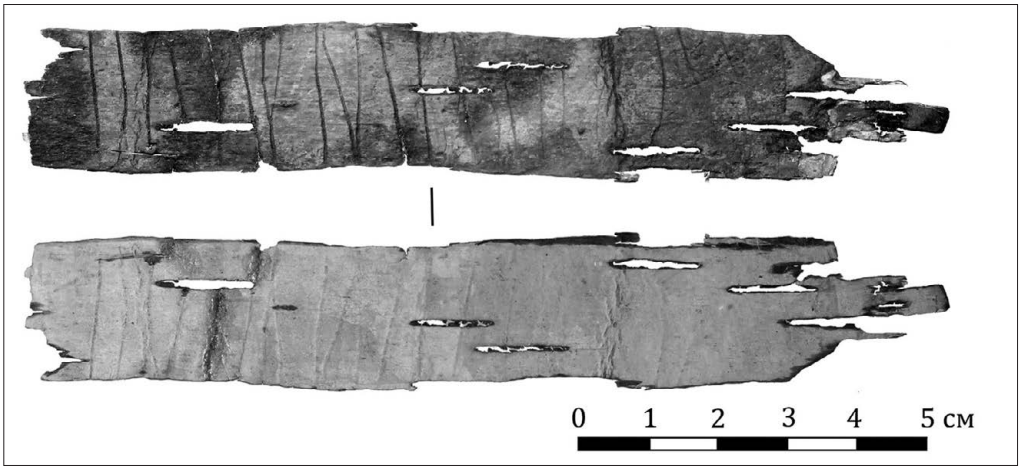

Рис. 2. Смоленская берестяная грамота № 11. Фото лицевой и оборотной сторон

и ширине (0,2 мм) они сильно отличаются от длинных линий. В результате нового изучения грамоты можно полностью согласиться с выводами Софьи Ивановны Пересветофф-Морат.

Есть, однако, возможность сделать следующий шаг в интерпретации находки. В 2007 г. при раскопках в Московском Кремле была найдена грамота на бересте № 2 (*Кренке и др.*, рис. 4,), грамота хранится в Музее Московского Кремля)[1]. Она представляла собой разлинованное полотнище бересты. Линии разлиновки шли поперек прожилок бересты, расстояние между ними было менее 1 см, линии неровные, проведенные «от руки», иногда дважды. Буквы были вписаны в строчки, но большинство строк осталось пустыми (Рис. 5, *2*). Можно строить разные версии того, почему так получилось, но в данном случае важен факт – существовали примеры разлинованной для письма бересты.

Манера письма поперек прожилок бересты – это типичная московская особенность грамот XV в. (*Чернов*, 1997), отличающая их от новгородских грамот, которые писались вдоль прожилок бересты. Сравнение московской берестяной грамоты № 2 и смоленской грамоты № 11 (Рис. 3) с несомненностью обнаруживает их сходство. «Руны» смоленской грамоты – это линии-строки разлиновки. Смоленская грамота оборвана. Может быть, на ней и были какие-то буквы, но они не дошли до нас. Может быть, букв, продавленных металлическим писалом, и не было, так как разлинованные полотнища бересты, возможно, предназначались для письма чернилами.

Вызывает вопрос «стратиграфическая дата» смоленской грамоты. По типу она скорее более поздняя – XV в., как и московские грамоты.

---

1 А. А. Гиппиусом и Д. С. Сичинавой предложено прочтение московской грамоты № 2:

в верхней части листа, в шестой из разграфленных строк читается последовательность из пяти знаков, не складывающихся в связный текст. На первой позиции находится тамгообразный знак в виде м с проведенной посередине вертикалью, на второй – к, на третьей – необычной формы а, на четвертой – «четырехногое» т, на пятой – и. Интерпретировать эту последовательность мы не решаемся. В нижней части листа, в 19-й и 20-й строках, сделаны две записи, по-видимому, разными руками. Более размашистым почерком написано: асех, в чем можно видеть начало фразы типа а се х(рестьяне), то есть крестьяне. Ниже можно прочесть: ...(м)еныкъ... или ... (м)еныі с..., в зависимости от интерпретации последних знаков. После буквы м, от которой сохранилась правая часть, стоит перечеркнутое л. Это дает основание думать, что перед нами страдательное причастие клеимлен-, исправленное в клеимен-. Вариативность этих основ, из которых первая является этимологически правильной, а вторая – инновационной, отчасти сохраняется в русском языке до сих пор. Можно думать, что в записи упоминались клейменые кони. Ср. перечисление коней, а также зависимых людей в московской берестяной грамоте № 3, представляющей собой опись имущества Турабея.

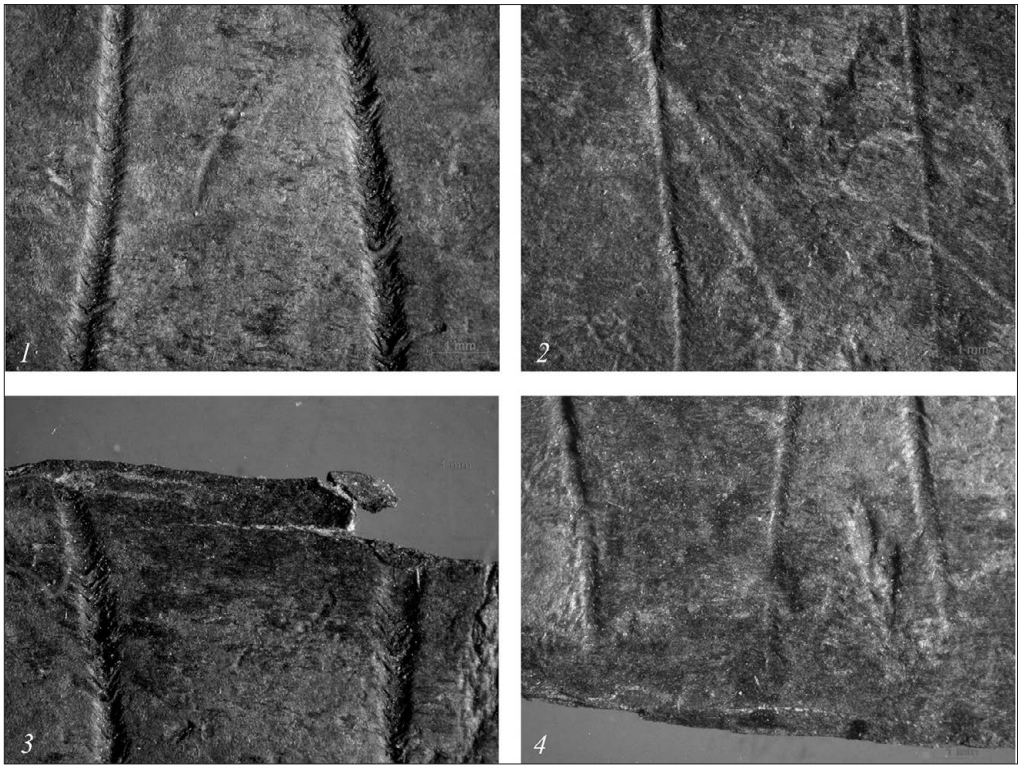

Рис. 3. Макрофото берестяной грамоты № 11: 1 – основные длинные линии; 2 – тонкие линии; 3 – оборванный край грамоты; 4 – оригинальный край грамоты

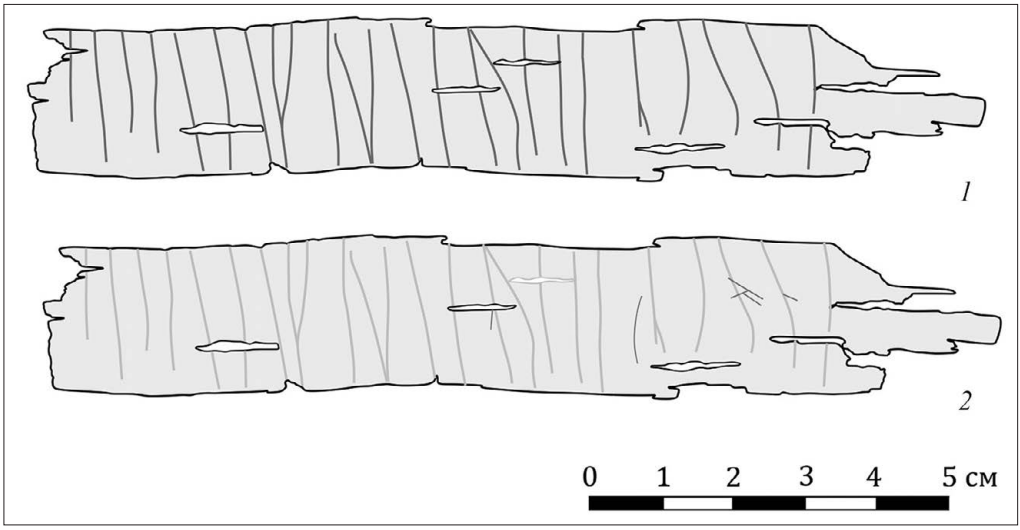

Рис. 4. Прорисовка берестяной грамоты № 11: 1 – прорисовка основных длинных линий; 2 – прорисовка тонких хаотичных линий

Рис. 5. Сравнение смоленской грамоты № 11 и московской грамоты № 2

Вывод, который можно сделать из данного случая, заключается в том, что, во-первых, необходимо тщательное изучение самого археологического предмета, совершенно недостаточно его интерпретировать по фотографии. Во-вторых, важен поиск археологических аналогий, что невозможно для филолога без участия археолога. В момент первой публикации смоленской грамоты археологических аналогий – грамот с разлиновкой – еще не было. Теперь такая аналогия есть, и она, на наш взгляд, делает практически бесспорной версию о том, что смоленская грамота № 11 действительно является берестяной грамотой позднего «московского типа», ее вероятная дата XV–XVI вв.

К. А. Ганичев, И. Н. Ершов, Н. А. Кренке, В. А. Раева

СМОЛЕНСКАЯ КРЕПОСТНАЯ СТЕНА (1596–1602) В СВЕТЕ РАЗВЕДОЧНЫХ РАБОТ 2019 Г.[1, 2]

Резюме. Статья посвящена изложению результатов археологических наблюдений за 93 шурфами реставраторов по периметру смоленской крепостной стены 1596–1602 гг. Определены параметры валунных кладок, которые существенно варьировали по глубине (от 0,8 до 6,1 м) и ширине (от 6,2 до 9 м) в зависимости от подстилающих грунтов, выявлены и «авторские различия» в кладках. В ходе работ уточнены некоторые важные особенности исторической топографии Смоленска. Так, установлено, что поселенческая территория в древнерусское время выходила за пределы крепостной стены на юго-восток, а в XIV–XVI вв. территория города уменьшилась. Восточный участок стены был возведен на месте городского некрополя, маркировавшего окраину Смоленска того времени.

Ключевые слова: Смоленск, крепостная стена, Федор Конь, валунная кладка, фундамент, древнерусская керамика.

В 2019 г. при подготовке проекта реставрации смоленской крепостной стены были проведены археологические наблюдения за откопкой 93 шурфов реставраторов. Шурфы располагались по всему периметру существующих участков стены с внешней и внутренней стороны, а также внутри башен. Результаты этих обследований, существенно дополняющих единичные наблюдения прошлых лет, представлены в настоящей статье.

Первый осмотр смоленской стены археологом был произведен в 1876 г. Граф А. С. Уваров вместе с архитектором-реставратором Н. А. Артлебеном осматривали стену с целью подготовки проекта ее реставрации (*Покрышкин*, 1904. С. 8). Земляных работ при этом не проводилось.

Первое «вскрытие» основания стены было произведено в 1900 г. при строительстве электрической подстанции трамвая. Котлован охватил прясло между башнями Волковой и Лазаревской, взорванной в 1812 г. Наблюдения за земляными работами вели М. Н. Неклюдов и С. П. Писарев, очень оперативно затем подготовив научную публикацию (*Неклюдов, Писарев*, 1901), сведения из которой вошли в другие издания (*Орловский*, 1902; *Покрышкин*, 1904). В этой публикации достаточно подробно описана конструкция фундамента и цоколя стены. Фундамент, согласно описанию, сложен из камней «огромной величины», в забутовке цоколя, облицованного известняковыми блоками, также использованы валуны размером иногда более 70 см (*Неклю-*

[1] Статья опубликована в журнале «Краткие сообщения института археологии», 2023. Вып. 273. С. 284–294.

[2] Статья подготовлена в рамках выполнения плановой темы ИА РАН «Города в культурном пространстве Северной Евразии в средневековье». Руководитель: В. Ю. Коваль (№ НИОКТР 122011200266-3).

дов, Писарев, 1901. С. 11). Авторы отмечают, что под фундаментом на глубине около 4 м (очевидно, именно такова была глубина заложения фундамента) встречены различные деревянные сооружения, связанные (водоспуски) и не связанные (мостовая) со стеной. Вопрос о сваях описан противоречиво. Авторы наблюдений 1900 г. исходили из своего предположения, что годуновская стена опиралась на конструкции более ранней стены литовского времени. Поэтому в описании имеется противоречие. С одной стороны, утверждается, что у годуновской стены сваи не были замечены, с другой стороны, описывается, что сваи под фундаментом были, и на их удаление домкратами («каторжный труд») уходило по 3 часа на каждую (Там же. С. 13). Скорее всего, сваи относились все же к стене Федора Коня.

Снос нескольких прясел в 1930-е гг. прошел без археологических наблюдений, которые могли бы быть научно документированы. Хотя нужно отметить, что в это время И. М. Хозеров занимался изучением смоленской стены, и в 1939 г. вышла его статья с описанием ее архитектурных особенностей, в том числе фундамента (*Хозеров*, 1939). По Хозерову, фундамент имел глубину заложения 4 м, а ширину 6 м. Сваи набивались на участках с влажным грунтом, а в прочих же местах «закладка фундамента была произведена непосредственно на глинистом грунте» (Там же. С. 241).

Лишь спустя почти 100 лет после первых раскопок произошли новые научные раскопки стены. В 1998 г. участок фундаментов разрушенного в XVIII– XIX вв. прясла стены к востоку от Пятницкой башни был изучен Р. А. Нигматуллиным (держатель открытого листа) и сотрудником Смоленского музея-заповедника В. В. Гараничевым. Результаты этих работ частично опубликованы на интернет-ресурсе (*Гараничев*, 2007), две фотографии воспроизведены в монографии Ф. Э. Модестова (*Модестов*, 2003. Илл. 25; 26). В ходе этих работ было зафиксировано свайное поле под фундаментом стены. Авторы отчета отмечают, что сваи забиты хаотично на расстоянии 0,2–0,6 м друг от друга (*Нигматуллин*, 1998. С. 60). Размеры целых свай составили: от 155 до 238 см в длину, 15–21 см в диаметре. Сваи имели трехгранную заточку и были сделаны из молодых дубов. Особенностью конструкции фундамента являлось то, что наиболее крупные камни помещались в основании фундамента над комлями свай.

В 2010 г. тверской археолог А. М. Салимов провел шурфовку у башен Волковой, Костеревской на набережной, башни Ворониной и прясла № 25 у Копытенской башни. Эти шурфы исследовались в рамках начатых реставрационных работ и дали наиболее ценные сведения о современном состоянии фундаментов прясел и башен крепости (*Салимов*, 2010; *Салимов и др.*, 2011). В результате работ выяснилось: «фундаменты конструкции Костыревской башни были, по всей видимости, полностью переложены в XIX в. При этом фундаменты башни, составляющие единое целое с фрагментом стены-ново-

дела, имеют глубину заложения около 440 см и находятся в хорошем состоянии, в отличие от фундаментов Волковой башни. Фундаментные конструкции этой башни могли быть также обновлены, но для подтверждения или опровержения данного вывода требуются дополнительные исследования. Фундаменты Ворониной башни и прясла стены № 25 имеют глубину заложения около 220 см, при этом у Ворониной башни сохранились сваи, в то время как на прясле № 25 сваи полностью выгнили. Конструкция фундаментов прясла и башни одинакова – это кладка из валунов на красной плотной глине, с выносом фундамента примерно на 70–80 см... Кроме того, выяснилось, что у Волковой и Костыревской башен сохранились непотревоженные слои XII–XVII вв.» (*Салимов*, 2010. С. 4). По материалам этих полевых работ была подготовлена публикация (*Салимов и др.*, 2011).

В 2012–2013 гг. участок фундамента крепостной стены был зачищен при раскопках между домами 1 и 3 на ул. Б. Краснофлотская (*Воронин*, 2012). В ходе этих раскопок был раскрыт фасад кладки фундамента с внешней стороны стены (сооружение № 10 – по тексту отчета) на протяжении 10 м (Там же). Этот фундамент относился к прясла стены между Никольской и Пятницкой башнями (сама стена была разобрана в 1930-х гг.). Валуны фундамента были скреплены глиной. Под валунами находился слой мелких камней и серой супеси (Там же. С. 99). По данным авторов отчета, фундамент был впущен в материк на глубину 30–50 см (Там же. С. 110). В кв. 51 и 54 были видны столбы свайного поля под фундаментом стены. В январе 2021 г. законсервированный на время котлован между улицами Б. Краснофлотская и Бакунина стал опять разрабатываться. В его южном борту обнажились ряды прогнивших свай (рис. 1). Эти фото показывают, что свайное поле было шире собственно фундамента стены, камни над сваями отсутствуют. Масштаб на рис. 1 приблизительный, определен по следам от зубьев ковша экскаватора. На фотографии видно, что систему забивки свай нельзя назвать хаотичной. Расстояния между сваями выдерживалось примерно в половину аршина (35 см), но некоторые сваи забивались вплотную друг к другу (сдвоенные).

Наблюдения, проведенные в 2019 г., позволили выяснить следующие параметры фундаментов стены: 1) глубина заложения; 2) вынос фундамента за пределы плоскости стены; 3) структура фундамента. Нужно сразу отметить, что все три параметра сильно варьировали, чувствовалась работа разных бригад мастеров. Нумерация шурфов велась по часовой стрелке (с некоторыми исключениями), начиная от Днепровских ворот (рис. 2).

О глубине заложения валунных фундаментов можно судить по материалам 53 шурфов, достигших основания кладки (табл. 1). Этот параметр варьировал в пределах 0,8–6,1 м.

Таблица 1. Глубина заложения валунных фундаментов Смоленской стены

Шурф, №	Глубина фундамента (м)	Шурф	Глубина фундамента (м)	Шурф, №	Глубина фундамента (м)
6	**6,1**	38	**2,0**	63	**2,0**
13	**3,0**	40	**1,4**	67	**2,8**
15	**1,0**	41	**1,4**	69	**1,0**
16	**2,4**	42	**2,2**	70	**2,2**
17	**2,7**	45	**2,0**	71	**2,4**
18	**2,4**	46	**1,35**	72	**1,8**
20	**2,35**	47	**1,2**	74	**2,1**
21	**2,3**	48	**1.15**	76	**1,8**
23	**2,7**	51	**1,7**	78	**1,7**
24	**2,1**	52	**1,4**	79	**1,5**
26	**1,3**	53	**1,6**	80/81	**1,7**
27	**0,8**	54	**1,9**	83	**2,1**
28	**1,1**	56	**1,85**	91	**2,8**
29	**1,5**	57	**3,3**	93	**3,2**
31	**1,2**	59	**2,1**	97/99	**2,7**
32	**1,8**	60	**2,7**	102	**2,2**
33	**3,0**	61	**1,6**	103	**1,7**
34	**2,0**	62	**1,6**		

Наиболее глубокие фундаменты были у прясел стены, построенных на первой террасе Днепра. Выше по восточному склону мощность фундаментов резко падает (прясло 6) до 1,0 м. На верху мыса у башни Веселуха мощности фундаментов возрастают до 2,1–2,7 м, но затем на протяжении прясла 7 опять резко уменьшаются до 1,2–1,3 м. Далее на юг – к башне Поздняковой – глубина фундаментов существенно увеличивается, так как стена пересекала верховья овражка. Глубина фундаментов здесь достигала 3,0 м. Южнее башни Позднякова фундаменты опять существенно уменьшаются до 1,4–1,6 м. Очень незначительны фундаменты в районе башни Орел – около 1,5 м. Южнее башни Орел на прясле 9 мощность фундамента резко возрастает до 3,3 м (шурф № 57), а далее при приближении к Авраамиевской башне опять падает до 1,6 м. На участке от башни Воронина до башни Зимбулка глубина фундаментов выдержана в пределах около 2 м и чуть менее: в частности, до 1,5 м на прясле 13 у башни Зимбулка. На южном участке стены у башни Донец фундамент имеет мощность около 2 м. Существенно глубина фундаментов воз-

Рис. 1. Сваи смоленской крепостной стены в южном борте строительного котлована между ул. Б. Краснофлотская и ул. Бакунина. Фото М. И. Пронина, 20.01.2021

растает у башни Копытенской – до 3,3 м, а затем опять падает на прясле 26 до 1,7 м (шурф № 103). Такие «волнообразные» изменения мощности фундаментов свидетельствуют о том, что строители учитывали особенности микрорельефа и несущих возможностей грунтов. Максимально глубокие фундаменты стены вдоль Днепра были обусловлены тем, что там стремились опереть сваи на устойчивый грунт, пройдя мощные наслоения культурного слоя, состоявшего преимущественно из смеси навоза со щепой. Наимень-

шая мощность фундаментов на восточном участке, где стена возводилась на водно-ледниковых отложениях, состоявших из песка с камнями. Культурный слой здесь был минимален, строители лишь проходили слой могильных перекопов и забивали сваи на глубине около 1 м от поверхности.

Вынос края фундамента за плоскость стены максимальный на участке вдоль Днепра. Причем с наружной стороны стены он достигает 2 м, а с внутренней всего 1 м. Видимо, учитывалось направление уклона поверхности, и для большей устойчивости сооружения стена размещалась не строго по продольной оси фундамента, а с небольшим сдвигом внутрь. Замер толщины кирпичной стены[1] возле ее основания на торце прясла XXXVIII у моста через Днепр показал 6,0 м. Таким образом, общая ширина валунного фундамента здесь около 9 м при глубине около 6 м. Это максимальные значения для всей крепости.

На восточном участке стены асимметрия в выносе фундамента также наблюдалась, но при этом вынос был меньше. Например, в районе Поздняковой башни (шурфы № 40 и 53) с внешней стороны вынос фундамента – 1,7 м, а с внутренней – 0,7 м, т. е. суммарная ширина фундамента (с учетом ширины стены 5,4 м) составляла 7,8 м при глубине 1,6 м. На южном участке в районе Никольских ворот (шурфы № 70, 71), асимметрия выноса фундамента за плоскость стены – в обратную сторону (с внутренней стороны 1,3 м, а с внешней – 0,4 м), общая ширина фундамента 6,2 м при глубине 2,4 м.

Структура фундамента по всему периметру – это камни на глиняном растворе. Различия отмечаются лишь в том, что местами камни укладывали в неаккуратные ряды и сортировки по размерам не было. В некоторых шурфах четко прослеживалась намеренная сортировка – ряды крупных камней чередовались с рядами мелких. На некоторых участках кладка фундамента расширялась книзу (рис. 3) и в разрезе напоминала усеченную пирамиду (это коррелировало с неаккуратными рядами без сортировки). На других участках фасады валунной кладки были почти вертикальными (рис. 4), при этом и ряды были, как правило, аккуратно уложены. То есть в кладках наблюдаются разные «авторские почерки».

Важная выявленная особенность (всеобщая для периметра стены) – это первоочередное непрерывное выкладывание фундамента прясел единой «лентой», к которой в заранее намеченных местах затем «прикладывали» фундаменты башен. Это выяснилось при исследованиях внутри самих башен. Здесь верх фундамента прясла идет прямо через внутреннюю площадь башни всего на глубине 0,7–1,0 м от современной дневной поверхности. Непосредственно после завершения строительства этот верх фундамента становился уровнем пола внутри башни. В шурфе внутри башни Зимбулка на этом уровне отмечены углистые прослойки (следы сильных пожаров), лежащие на

[1] Замеры проведены Г. О. Моисеенковым, которому авторы крайне признательны.

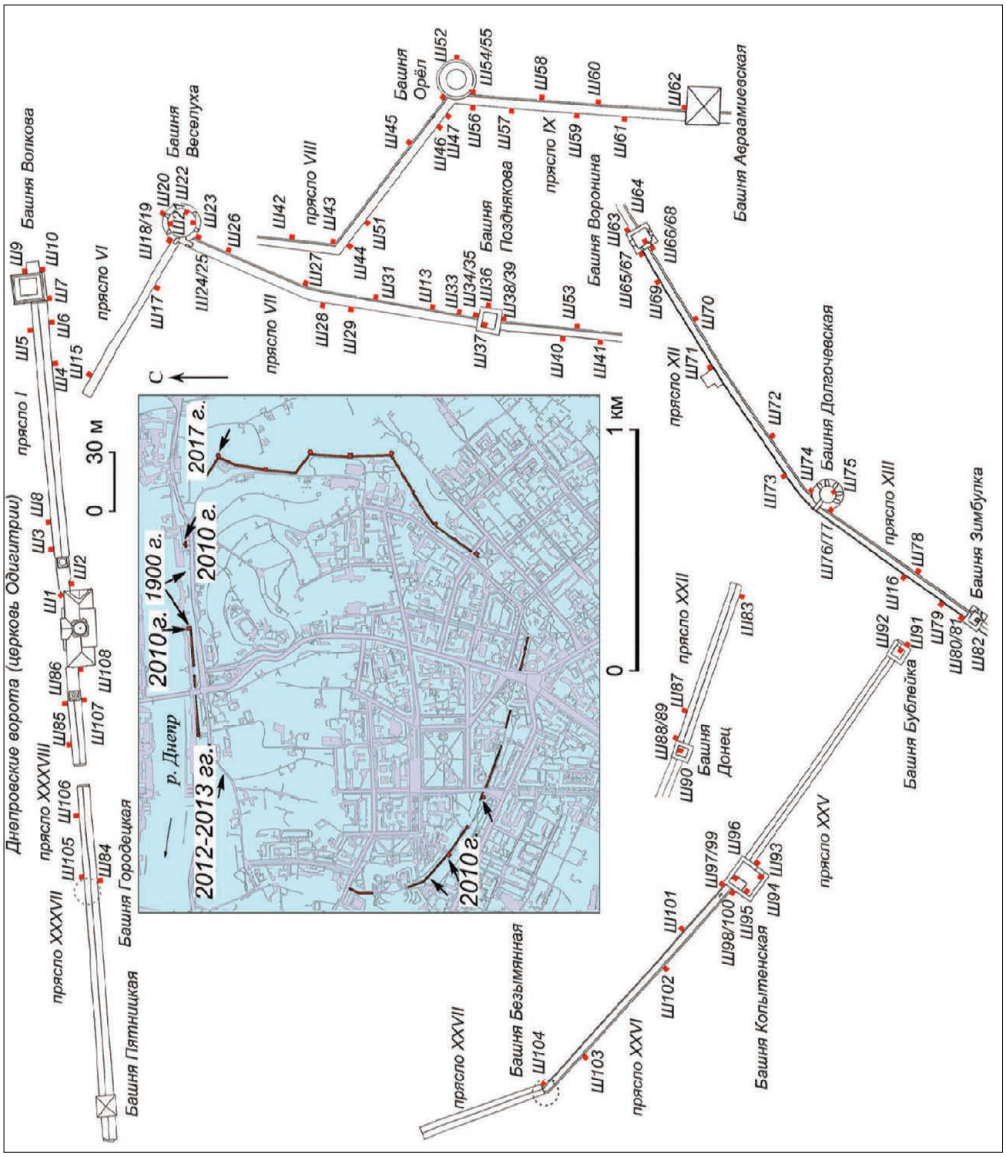

Рис. 2. План смоленской крепостной стены с нанесенными шурфами 2019 г., а также места работ на стене 1900–2017 гг.

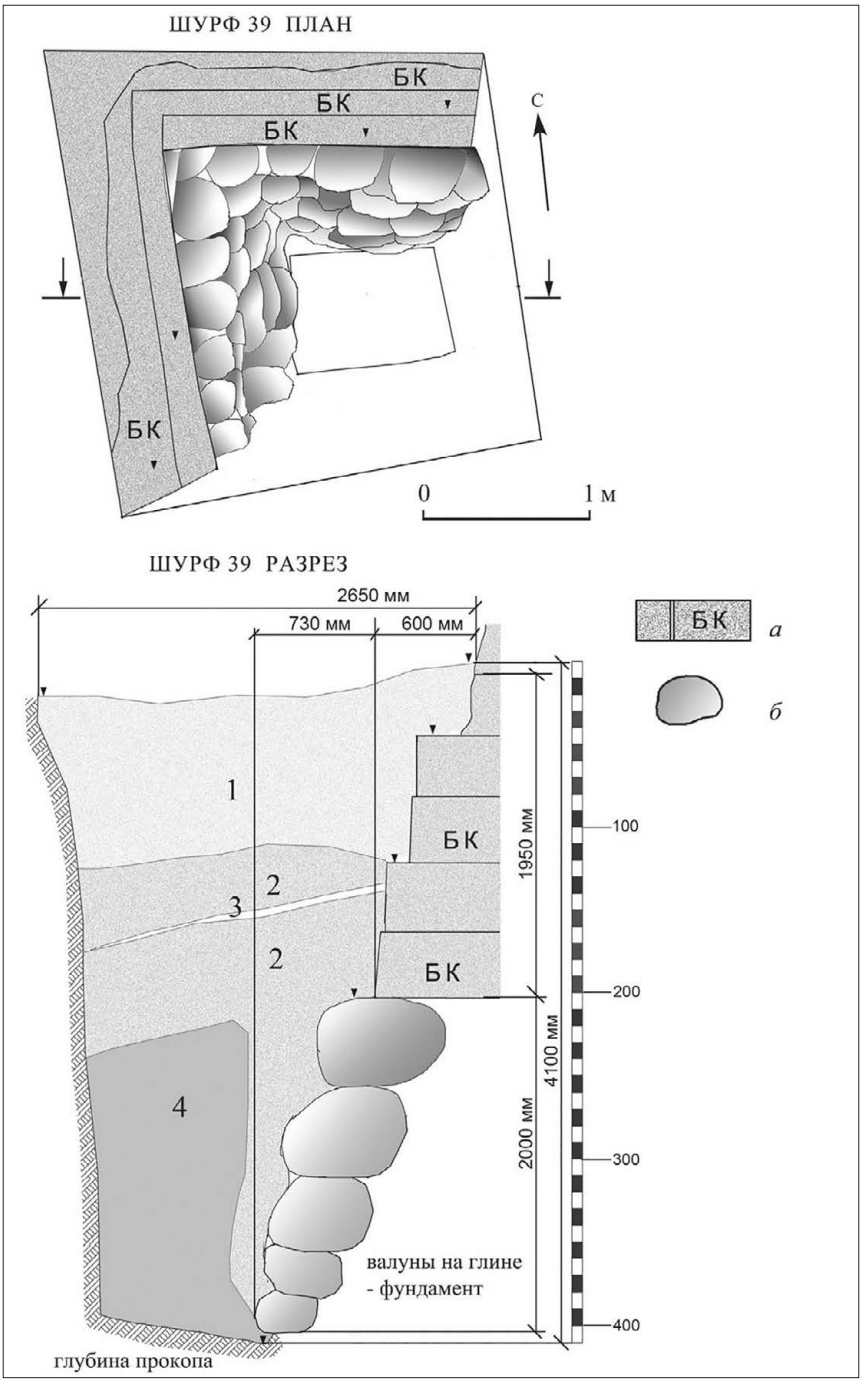

Рис. 3. Чертеж шурфа № 39 у башни Позднякова
1 – слой мусора с кирпичным боем; 2 – мешаная бурая супесь; 3 – известь и отеск и известняка; 4 – материковая бурая супесь и песок с галькой
а – белокаменные известняковые блоки; б – валуны

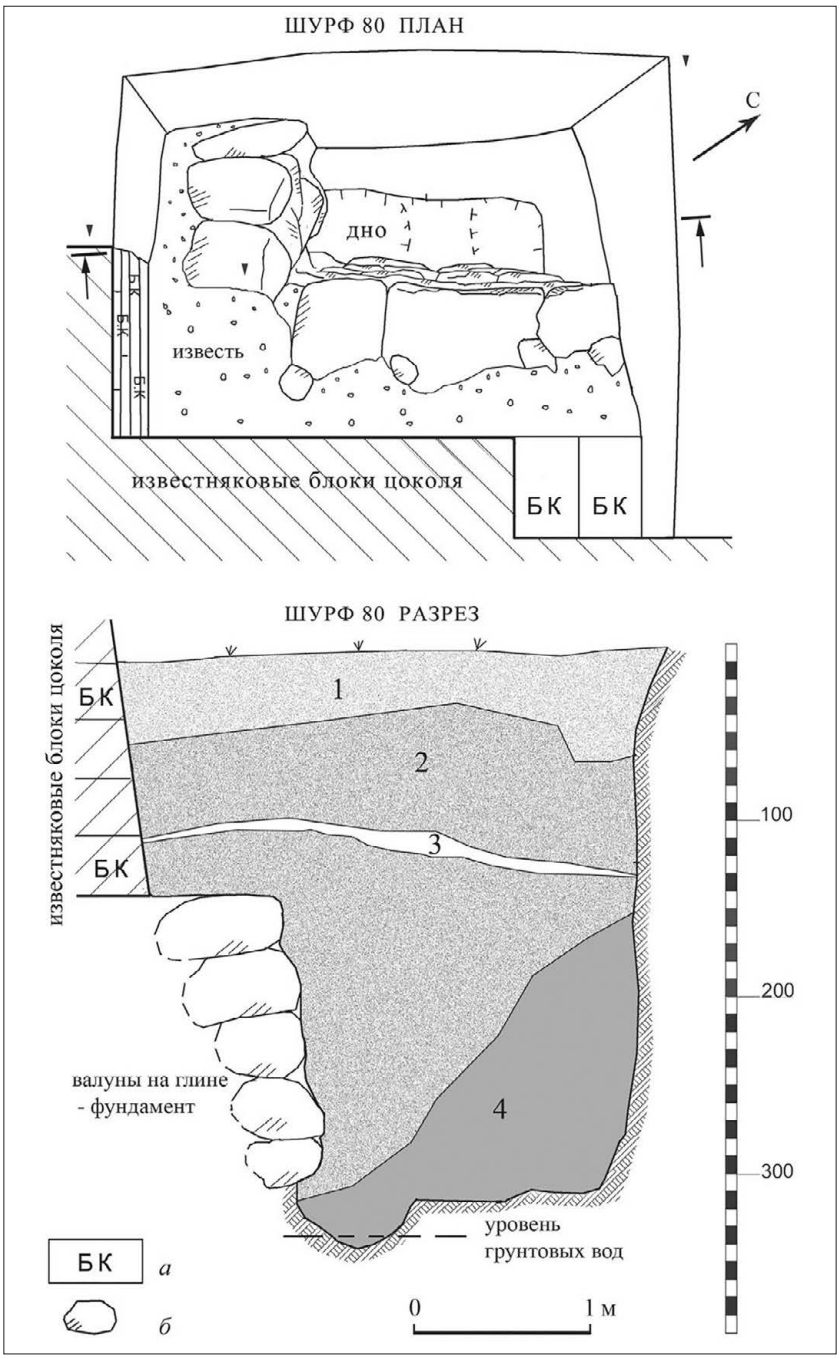

Рис. 4. Чертеж шурфа № 80 у башни Зимбулка
1 – бурый суглинок с кирпичным боем; 2 – бурый суглинок с известью; 3 – известь с кирпичной крошкой; 4 – бурый суглинок (материк)
а – белокаменные известняковые блоки; б – валуны

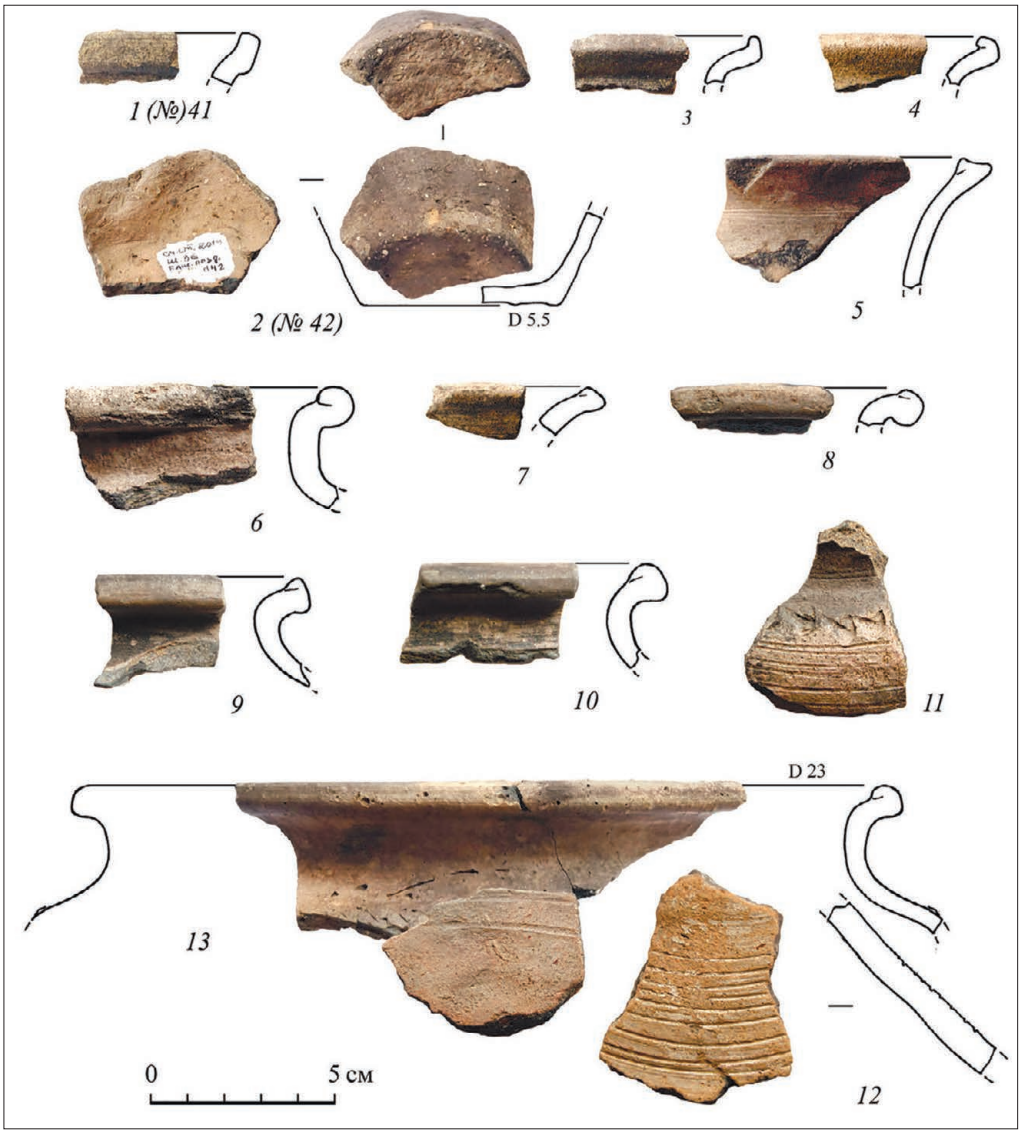

Рис. 5. Древнерусская керамика из культурного слоя в шурфах № 36 (1, 2), 72 (3–12), 60 (13)

3–5 см выше, чем верх валунной кладки фундамента. Очевидно, это следы пожаров времен осады Смоленска 1609–1611 гг. Существовала ли перевязка кладок прясел и башен друг с другом, установить не удалось, но имеются косвенные признаки того, что такой перевязки не было. И это спустя столетия, возможно, сказалось на своеобразном эффекте «разламывания» – отпадения кладки башен пополам по обе стороны от линии прясла. Особенно опасные трещины в кладке башен идут именно так, по линии кладки прясел.

Шурфовка, проведенная в 2019 г., дала ценные дополнительные сведения об исторической топографии Смоленска более раннего времени, нежели строительство стены рубежа XVI–XVII вв.

На межсетьевом гребне между долиной Рачевки и ручьем Зеленый в Средневековье располагались обширные кладбища. Могильные перекопы и остатки погребений встречены на участках от башни Веселуха до Авраамиевской. Для одного из погребений на территории Авраамиевского монастыря была получена в лаборатории университета Оттавы методом AMS радиоуглеродная дата по зубу – 329 ± 22 (UOC-8783), что при калибровке указывает на интервал 1510–1600 гг. (программа OxCal). То есть кладбище было, видимо, действующим к моменту строительства стены. Возможно, это не одно сплошное кладбище, а два, разделенных овражком в районе башни Позднякова. Некрополь очерчивает границу города XIV–XVI вв.

Город древнерусского времени был больше позднесредневекового. На участке от башни Веселуха до башни Долгочевской выявлен поселенческий культурный слой древнерусского времени. Наиболее ранняя керамика конца XI в. встречена в районе башни Поздняковой в шурфе № 36 (рис. 5: *1*). Культурный слой предшествовал позднесредневековому кладбищу. Лучше всего этот слой сохранился в районе прясла 12 между башнями Воронина и Долгочевской, где не был нарушен позднесредневековым кладбищем. Керамика, найденная в шурфах, типична для XII в. (рис. 5). Видимо, левый берег Рачевки в ее верховьях был довольно плотно заселен.

Исследования смоленской экспедиции ИА РАН 2020–2021 гг. в районе ул. Чаплина, показали, что эта селитебная зона тянулась на ЮВ еще на несколько сотен метров за пределы крепостной стены. Очевидно, это либо окраина, либо пригород древнерусского Смоленска.

VI. ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ СМОЛЕНСКА И ГНЁЗДОВО

И.И. Бойцов, Н.А. Кренке

«Бедный Йорик...»

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ГНЁЗДОВСКИХ КУРГАНОВ И.С. АБРАМОВ (1874–1960)[1]

Портрет И.С. Абрамова 1911 г. (фонды РГАЛИ)

Первый вопрос – почему именно Абрамов оказался в фокусе этой статьи? Одновременно возникают и другие вопросы, например, зачем исследовать курганы, оправдано ли копаться в чужих человеческих костях, если ты не можешь полноценно воскресить память о том, кому они принадлежали подобно Гамлету? Или археологи могут это сделать? Нас пытаются уверить, что могут. Сразу приходят на память названия книжек для краеведов и старшеклассников «О чем говорят забытые могилы» (*Абрамов*, 1912; 1927), «О чем рассказывают курганы» (*Андреев*, 1951), и всё это без вопросительного знака в конце. Действительно курганы сильно манят, если не скрытыми сокровищами, то тайной человеческих судеб и загадками истории, скрытыми в них. Чрезвычайно трудно удержаться (только корейцам это удается) от того, чтобы не разрыть царскую или любую другую выдающуюся (курган!) могилу. Трагична судьба исследователей, посвятивших этому всю жизнь, и не получивших развернутого «ответа из могилы». Странно и бессмысленно выглядят кучи пережженных человеческих или часто перемешанных человеческих и звериных костей в закоулках музеев/исследовательских институтов или выброшенных обратно на землю, выкопанных в свое время из погребений для «исследования», но оказавшихся в итоге не нужными. На этом фоне выигрышно выглядит судьба урн, в которые кости были помещены – их тщательно хранят и выставляют в музейных витринах. А ведь главная тайна именно в костях, вернее в людях. Очень уж хлипким и недостаточным кажется «антропологический мостик» между костями и людьми, который позволяет определить, что эти люди ели, откуда они родом, какую руку нагружали особенно, получали ли тяжелые травмы при жизни. Но ведь это так мало, сравнительно с живой историей человеческой жизни.

[1] Статья принята к печати в журнал «Край Смоленский».

История и человеческая жизнь, как они соотносятся? Это второй главный вопрос для историков. В отечественной историографии фактически не было представлено популярное в Америке (и других странах) направление «life course history» – история, познанная через сравнительный анализ отдельных судеб, поколения в их сложной структуре взаимосвязей «горизонтальных» (с ровесниками) и «вертикальных» (со старшими и младшими поколениями). Поколение людей, родившихся в 1870-х гг., так много значило для истории России, что изучение каждой биографии в её взаимосвязях служит делу восстановления целого.

Процесс разборки кострища в кургане № 23 Ольшанской группы, фото И.С. Абрамова 1905 г. НА ИИМК РАН № О746-20

Вернемся к первому вопросу. Иван Спиридонович Абрамов не был обойден вниманием историографов. О нем есть статьи как в интернет-ресурсах (википедия, сайты «Мемориала», РГАЛИ и др.), так и в научных изданиях (*Зозуля, Кононович,* 2021; *Зозуля, Седых*, 2023; *Островский, Чувьюров*, 2023; *Сорокина*, 2010). В литературном архиве (РГАЛИ) имеется личный фонд И.С. Абрамова, который содержит множество ценных документов, позволяющих проследить жизненный путь ученого, в том числе отметим 63-страничные «Воспоминания» (РГАЛИ Ф. 1235. Оп. 1. Ед. хр. 22. 63 л. 1937), написанные И.С. Абрамовым в 1937 г. В целом, можно сказать, что вехи жизни проступают достаточно явно, хотя многое и остается скрытым. Так совершенно не освещен в публикациях период с 1936 г. после возвращения из ссылки, до конца 1940-х, в том числе годы войны, семейная история, особенно её поздние этапы. Можно надеяться, что в будущем украинские коллеги восполнят эти пробелы в биографии своего соотечественника.

Среди опубликованных материалов, в первую очередь, раскрывается роль И.С. Абрамова как исследователя – этнографа и фольклориста. Археологическая сторона его деятельности изучена меньше, но важные шаги в этом направлении уже сделаны, так его работе по изучению погребений X в. в Тимерёвском могильнике под Ярославлем посвящены статьи С.С. Зозули, А.Ю. Кононович и В.Н. Седых. Нет специальных исследований о раскопках И.С. Абрамова в Гнёздовском могильнике, а историческое значение этого

Горшки на кострище кургана № 23 Ольшанской группы, фото И.С. Абрамова 1905 г. НА ИИМК РАН № Q676-23

памятника с необходимостью требует детального разбора каждого эпизода его исследования.

В 1900-е – начале 1910-х гг. практическая археология занимала существенное место в жизни И.С. Абрамова. После революции в его занятиях наблюдается «тренд» в сторону «краеведения», что вполне понятно, так как именно краеведение представляло собой «убежище» для людей, пытавшихся сохранить культурные традиции общества.

В своих воспоминаниях в 1937 г. И.С. Абрамов писал: «В то же время, прослушав полный курс Археологического института, я получил возможность ежегодно совершать археологические экскурсии в разные места на средства археологического общества и Археологической комиссии. Эти этнографические и археологические поездки были весьма интересными, сильно расширили мой кругозор. Я имел самые разнообразные встречи и знакомства, результаты которых я использовал в двух популярных книжках: «Что говорят забытые могилы» (выдержала два издания), «Под родным солнцем» (РГАЛИ, Ф. 1235, оп. 1, ед. хр. 22. Л. 55об.).

В наиболее полной аналитической работе, посвященной изучению Гнёздовского могильника, подготовленной в 1973 г., В.А. Булкин останавливается на раскопках И.С. Абрамова, описывает результаты раскопок изученных им в 1905 г. двух больших курганов в Ольшанской группе (№№23 и 24), отмечает сложность в локализации остальных раскопанных И.С. Абрамовым курганов в урочище «Мещанские луга» (*Булкин*, 2025, с. 153). Совершенно «за кадром» остаются вопросы, почему именно И.С. Абрамов производил раскопки в Гнёздово, что стало с документацией его раскопок, какую роль они имели в его дальнейшей «научной биографии»? Восполнить этот пробел помогают как архивные материалы (НА ИИМК РАН, ф. 1, 1905, д. 54, так и публикации самого И.С. Абрамова (*Абрамов*, 1912).

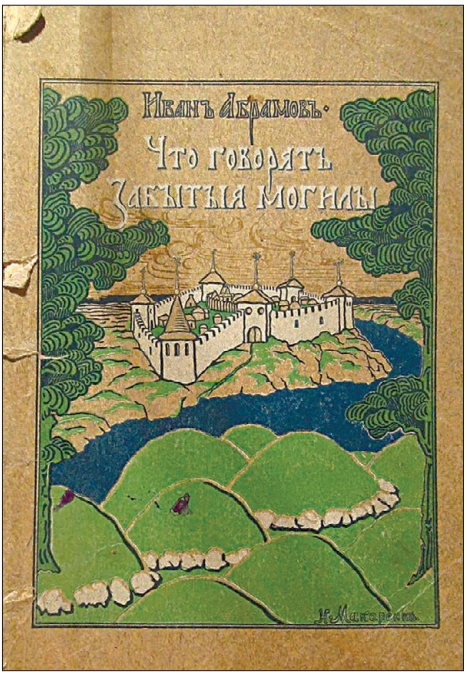
После смерти в 1904 г. В.И. Сизова и С.И. Сергеева Гнёздовский могильник остался без «хозяина», а задача его более полного исследования и понимание уникальности памятника стало особенно очевидным после публикации монографии В.И. Сизова в 1902 г. (*Сизов*, 1902)[1].

[1] Этот как раз пример того, что некоторым исследователям хочется раскапывать курганы ещё и ещё, мнится, что вот-вот, что-то главное откроется (так в Англии раскопаны уже все курганы, в России ещё кое-что осталось).

Команда участников раскопок 1905 г на фоне кургана № 24 Ольшанской группы. Фото И.С. Абрамова 1905 г. НА ИИМК РАН № Q 676-20/24

А.А. Спицын, один из активнейших членов Императорской археологической комиссии, решил получить дополнительный материал, направив на раскопки в Гнёздово И.С. Абрамова, своего ученика по Санкт-Петербургскому археологическому институту (И.С. Абрамов слушал курс в институте в 1902-1903 гг.). Идея поручить раскопки И.С. Абрамову, видимо, возникла достаточно спонтанно. И.С. Абрамов предполагал провести в сезон 1905 г. раскопки у себя на родине в Черниговской губернии, заказал и получил 8 апреля 1905 г. для этого Открытый лист в Императорской археологической комиссии. 11 мая 1905 г. А.А. Спицын пишет ходатайство в комиссию, чтобы открытый лист на Гнёздово был выдан члену-сотруднику Археологического института И.С. Абрамову. Эта практика «поручать раскопки» для А.А. Спицына была не уникальной. Например, однокурсник И.С. Абрамова по Археологическому институту Н.Е. Макаренко, также получал подобные задания. И.С. Абрамов получил открытый лист, выписанный ему 18 мая, по почте, а 3 июня уже приступил к раскопкам в Гнёздово, перенеся свои ранее запланированные работы в окрестностях с. Воронеж на июль. Согласно существовавшим тогда правилам, получатель открытого листа должен был представить в Археологическую комиссию отчет, дневник исследований (для его ведения выдавалась специально типографски напечатанная книжка бланков, облегчавшая ведение документации раскопок), опись коллекции и саму коллекцию находок. В архивном деле о раскопках И.С. Абрамова есть всё за исключением самого главного – отчета, от которого остались лишь небольшие «следы» – вырезанные ножницами кроки планов (*Медведева*, 2018,

Обложка книги И.С. Абрамова 1912 г.

с. 282, 283). Коллекция находок 1905 г. из Гнёздово хранится теперь в Государственном Эрмитаже. Судя по пометкам на абрамовских кроках, сделанных рукою А.А. Спицына, отчет оказался в его руках, и он его использовал при написании своей статьи (Спицын,1906), после чего в архивное дело отчет обратно не попал. Также и фотографии, сделанные И.С. Абрамовым в процессе раскопок курганов в Гнёздово, оказались в фонде А.А. Спицына, а не в архивном деле отчета И.С. Абрамова. Не исключено, что отчет ещё может быть найден среди бумаг А.А. Спицына. Сличение текста публикации А.А. Спицына с дневниками раскопок, показывает, что информация дневников почти исчерпывающе вошла в публикацию.

Некоторый дополнительный свет на отношения А.А. Спицына и И.С. Абрамова проливают письма, сохранившиеся в фонде И.С. Абрамова в РГАЛИ. Самое раннее письмо относится к 1907 г., последнее – к 1924 г. Из писем 1907–1908 гг. явствует, что А.А. Спицын выступал, как учитель и консультант, обращал внимание своего адресата на необходимость уделять больше внимание «черепкам», то есть керамике. В письме 1912 г. А.А. Спицын обращается к И.С. Абрамову с просьбой получить пять экземпляров его книжки «О чем говорят забытые могилы», вышедшей только что «с возможно большей уступкой». Обращение в письмах соответствует эпистолярному этикету тех лет, но можно предположить также некоторую подчеркнутую «теплоту». А.А. Спицын начинает письма со слов «Многоуважаемый Иван Спиридонович» (иногда сокращая до И.С.), а заканчивает неизменно «Ваш А. Спицын».

Из письма 1924 г. следует, что А.А. Спицын, обращается к И.С. Абрамову уже как равноправному коллеге. Примечательно, что А.А. Спицын предлагает И.С. Абрамову на обсуждение своё краткое определение термина «краеведение»: «краеведение есть ускоренное изучение страны с помощью местных сил и средств» (в те годы было модно давать краткие афористичные определения – «археология – есть история, вооруженная лопатой» и т.п.).

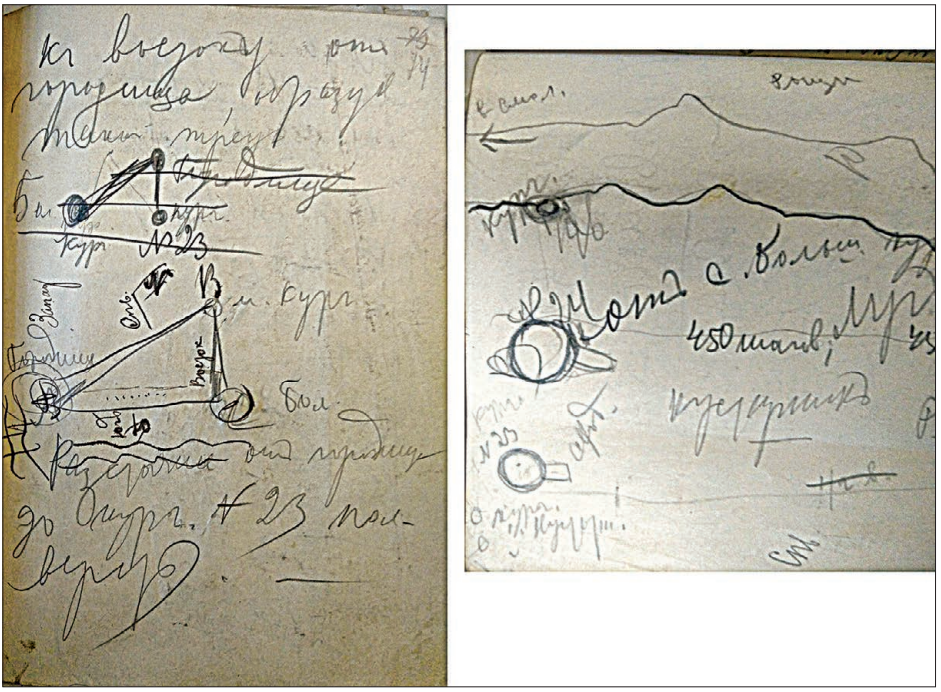
Рассмотрим теперь информацию, которая попала в упомянутую выше книжку И.С. Абрамова (*Абрамов*, 1912). Предваряя разбор гнёздовского сюжета, надо сказать несколько слов о том, как эта книга возникла, и какую

Ольшанское городище и Ольшанская группа курганов на аэрофотоснимке, сделанном 13 октября 1943 г. (номера курганов даны по И.С. Абрамову)

роль сыграла в биографии автора. И.С. Абрамов, занимаясь старообрядцами, фольклором, вышел на контакты с издательством «Жизнь и Знание», которым руководили В.Д. Бонч-Бруевич и его жена В.М. Величкина. Они оба также имели специальные интересы к сектантам. Нет информации о том, знал ли И.С. Абрамов об «оборотой стороне» этого издательства, являвшегося легальной «явочной точкой» большевиков. Сближение с издательством вылилось в цикл публикаций И.С. Абрамова. В 1912 году в серии «библиотека для юношества» выходит его книга про археологию[1]. Она интересная тем,

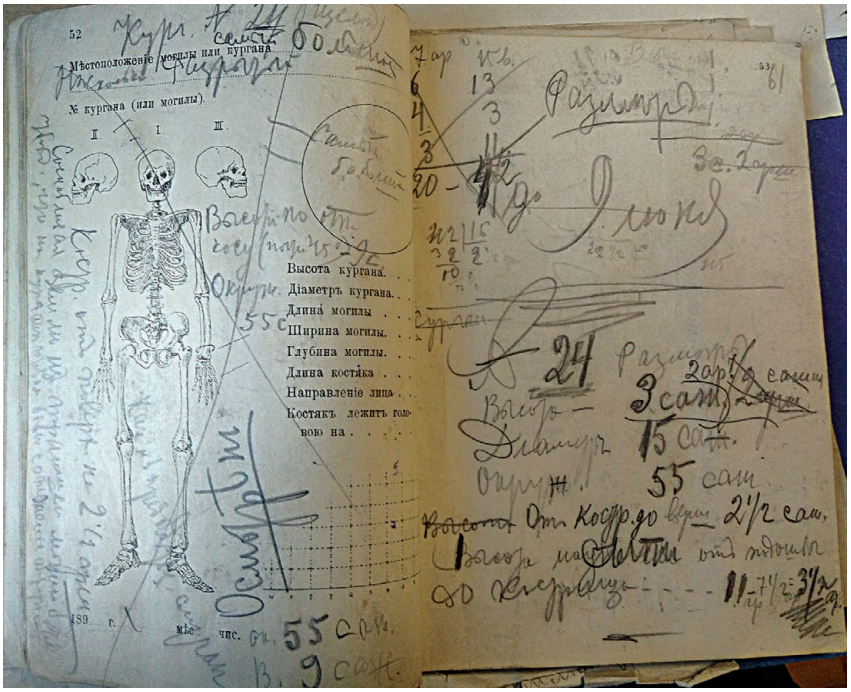
[1] Книга выдержала два издания. Второе вышло в том же издательстве в 1927 г., с той же обложкой, на которой лишь в названии были проведены небольшие изменения, соответствующие новым правилам орфографии. При первом взгляде на это второе из-

Странички дневника раскопок И.С. Абрамова с изображением схемы расположения курганов №№ 23 и 24 (НА ИИМК РАН ф. 1, 1905, д. 54.)
Надпись слева: «к востоку от городища, образуя такой треугольник. Расстояние от городища до кургана №23 полверсты»

что многие примеры взяты автором из своего опыта, то есть информация дана «из первых рук». Это первая в русской литературе подобная книга, «вербующая» молодых людей в археологию. Нужно сказать, что довольно удачная, интересная и теперь. Не мало значила и иллюстрация на обложке, выполненная однокурсником И.С. Абрамова по археологическому институту – Н.Е. Макаренко, окончившим ранее училище технического рисования Штиглица и близко сотрудничавшего с Н. К. Рерихом на ниве искусства и археологии. В иллюстрации на обложке книги И.С. Абрамова чувствуется

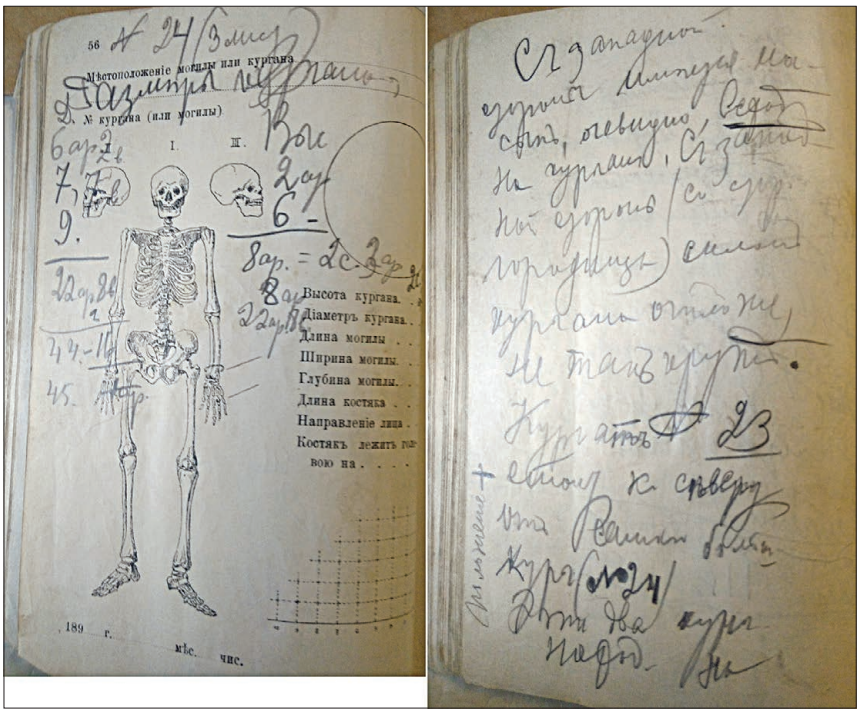
дание можно было бы думать – вот есть некоторая преемственность в до- и послереволюционных временах. Однако это впечатление обманчиво. Издательство «Жизнь и Знание» уникально тем, что было тесно связано с большевиками. Очень скоро автор книги оказался под запретом, был выслан в «северный край» в 1929 г., как «краевед». Этот вид профессиональной деятельности оказался очень токсичным в Советской России и тянул за собой вымышленные политические обвинения. Однако контакты с В.Д. Бонч-Бруевичем, продолжавшиеся в 1930-е и 1940-е гг., видимо, сыграли роль «палочки-выручалочки» в личной судьбе И.С. Абрамова. Так 10 марта 1940 г. В.Д. Бонч-Бруевич на официальном бланке Государственного Литературного музея, как главный редактор изданий музея, подписал обращение к председателю кооператива с. Воронеж с просьбой не лишать И.С. Абрамова хлебного пайка, в связи с тем, что его работа по сбору фольклора «очень полезна в научном смысле» (Бодрова, 2024).

Странички дневника И.С. Абрамова с описанием раскопок курганов №№ 23 и 24. С правой стороны читается: «С западной стороны имеется насыпь, очевидно, всход на курган. С западной стороны (со сторон. Городища) склон кургана отложе, не так крут. Курган № 23 стоит к северу от самого больш. кург (№24). Эти два кург. наход. на». С левой стороны даны размеры кургана № 24: высота 8 аршин; диаметр – 22 аршина 8 вершков (НА ИИМК РАН ф. 1, 1905, д. 54.)

перекличка с ранними работами Н.К. Рериха, особенно его картиной «Заморские гости», навеянной ландшафтами Старой Ладоги. То есть на обложке опосредованно присутствует «варяжская тема», так соответствующая раскопкам в Гнёздово. Однако сам И.С. Абрамов этой «варяжской проблематики» не замечал, он был увлечен славянским культурным наследием. В найденном им гнёздовском погребении И.С. Абрамов видел лишь «русских славян». То есть он не очень внимательно читал работы своего учителя А.А. Спицына, в том числе и датировку гнёздовского кургана привел ошибочную, указав на XI–XII вв. вместо X в. (*Абрамов*, 1912, с. 67).

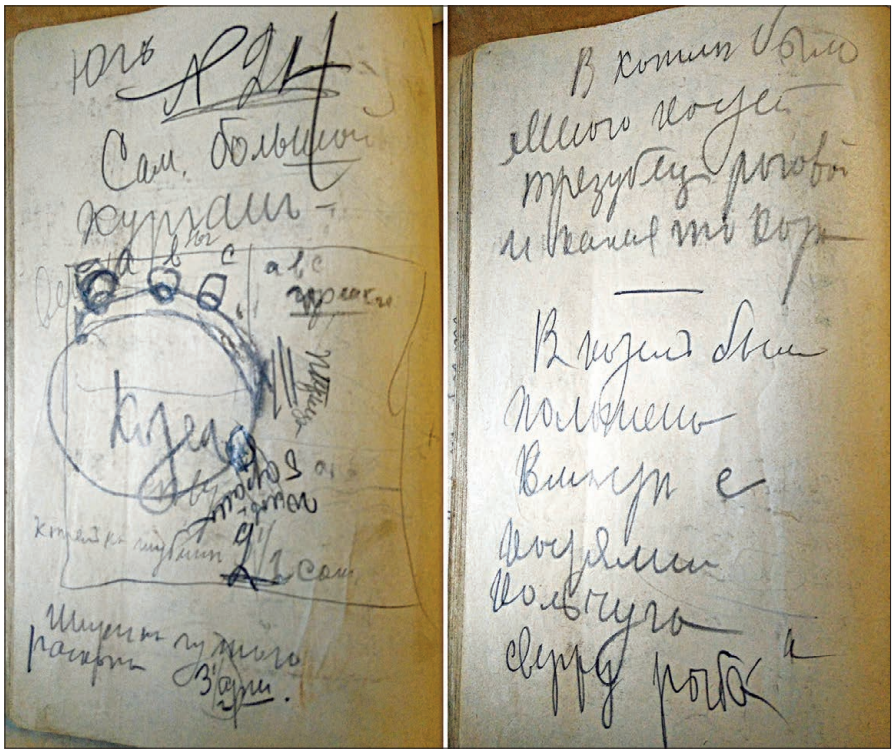
В своей книге И.С. Абрамов пишет, что курганы в Гнёздово он копал с рабочими-белорусами (*Абрамов*, 1912, с. 65). На нескольких архивных фото мы видим команду из 11 человек (два ребенка-подростка, пятеро мужчин и четыре женщины). Все мужчины в белых рубахах с вышитыми воротниками, подпоясаны тканными поясками, некоторые в сапогах, другие босые. Работают, как видно, очень аккуратно, землю из кострища просеивают на сите, горшки расчищают мелким инструментом. Видно, что курган копался

Странички дневника И.С, Абрамова с описанием раскопок кургана № 24 (НА ИИМК РАН ф. 1, 1905, д. 54.). Слева читаются надписи: «курган № 24 самый большой. Несколько разрыт. Высота по откосу 45 – 9 саж. Окружность 55 с. Кострище от поверхности на 2,5 арш.». Справа надписи: «Размеры 9 июня. №24 высота 3 саж. 2 арш; диаметр 15 саж; окружность 55 саж. От кострища до вершины 2,5 саж. Высота насыпи от подошвы до кострища 3,5 арш.»

широкой площадью. Показательно место в книге, где описывается момент обнаружения погребальной урны – медного котелка и сопровождающих его заупокойных даров – костей разных животных, железную кольчугу и т.д. (*Абрамов*, 1912, с. 65-68). Сопоставляя эти данные с дневником, можно уверенно утверждать, что в книге описывается курган Ольшанской группы № 24. Таким образом И.С. Абрамов уступил роль «научного интерпретатора» А.А. Спицыну, а сам качественно выполнил другую роль – популяризатора науки.

В завершении заметки нельзя не сказать несколько слов, сравнив судьбы двух однокурсников – И.С. Абрамова и Н.Е. Макаренко. Судьбу И.С. Абрамова можно считать по-советски счастливой. Трижды был осужден, но дожил до старческого возраста (умер в 85 лет) и политической «оттепели», его некоторые работы всё-таки печатали. Для археологов следующего поколения ещё при жизни он стал «ископаемым персонажем». Раскопщикам Гнёздова 1930-х – 1950-х гг. не приходило в голову, что можно с ним связаться, спросить о деталях, в которых суть археологии. По умолчанию можно думать, что И.С. Абрамов остался верен своему жизненному кредо, но его спасло то, что

Странички дневника И.С, Абрамова с описанием раскопок кургана № 24 (НА ИИМК РАН ф. 1, 1905, д. 54.). Слева читаются надписи: «Юг №24 Самый большой курган. Горшки а б с котел птица голова барана котел на глубине 2,5 саж. ширина нижнего раскопа 3,5 арш.». Справа читаются надписи: «В котле было много костей трезубец роговой и какая-то кора. В котел были положены вместе с костями кольчуга, а сверху рыба»

он не занимал никаких постов, вел скромную сельскую жизнь в родном с. Воронеже.

Судьба Н.Е. Макаренко гораздо трагичней, он был расстрелян 4 января 1938 г. в Томске, но и голова его возвышалась существенно выше – профессор, известный ученый. Он её «не пригнул», успешно защищал от сноса киевскую Софию, переписывался с финским профессором А.М. Тальгреном в 1930-е гг., опубликовал фундаментальную монографию «Мариупольский могильник» в 1933 г. с портретом на авантитуле своего уже опального в конце 1920-х гг. учителя А.А. Спицына (*Макаренко*, 1933).

Благодарности: авторы выражают признательность за помощь в работе сотрудникам РГАЛИ, Научного архива ИММК РАН, СШ «Интеллектуал» и С.П. Сорокиной.

В.В. Бегунова, Н.А. Кренке

ЧЛЕНЫ СМОЛЕНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА 1922 Г.: ДОПОЛНЕННЫЕ БИОГРАФИИ[1]

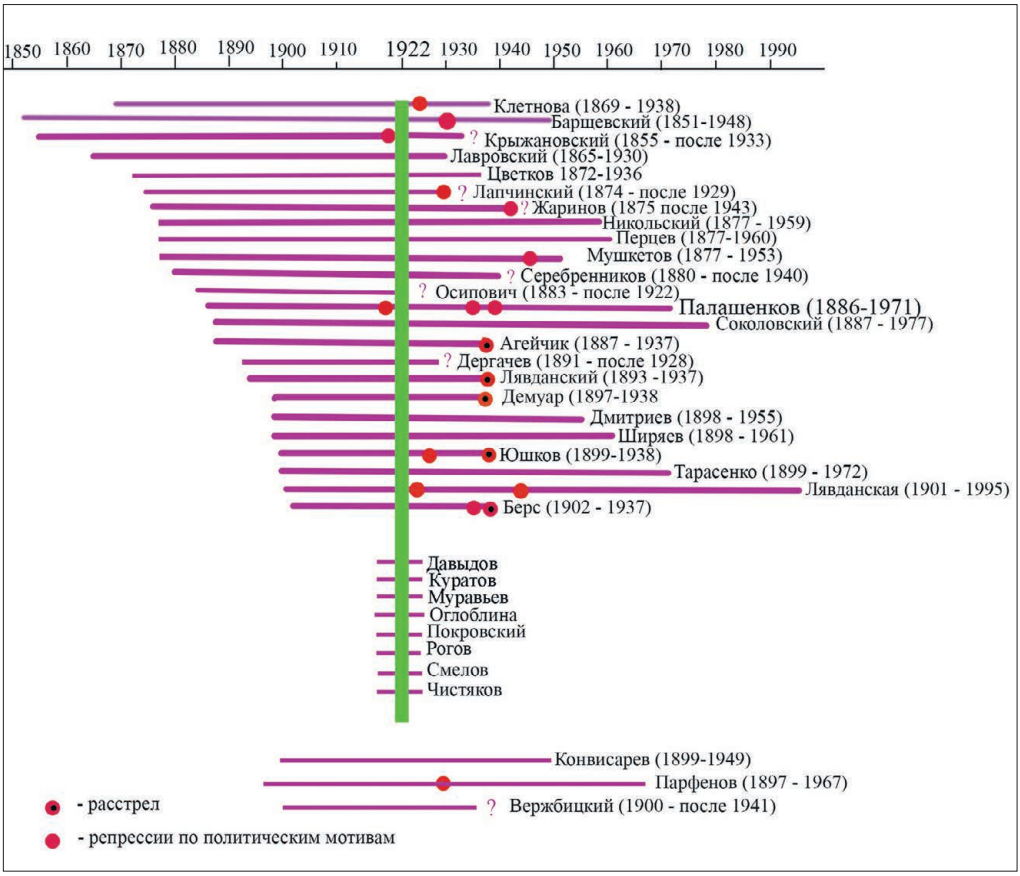
В послереволюционное время на Смоленщине стали возникать новые краеведческие учреждения и общества. В конце 1921 г. было задумано создать независимую научную организацию – Смоленское археологическое общество (*Бегунова*, 2016а). В феврале 1922 г. прошло учредительное собрание, общество было официально зарегистрировано, получило свою печать, бланки и другие атрибуты[2]. Статус «члена-учредителя» на бланке за подписью и печатью Смоленского археологического общества позволял ходатайствовать о получении временного (!) вида на жительство в Смоленске, претендовать на продуктовый паек (тема пайков не раз «всплывала» на страницах протоколов заседаний общества). Но, конечно, главная цель Археологического общества была другая – мобилизация интеллектуальных сил, привлечение молодого поколения к изучению местных древностей. Можно сказать, что это в значительной степени удалось. Нельзя не отметить, что предпосылки успеха обозначились ранее.

Состав участников организованного в 1922 г. Археологического общества в Смоленске (далее – САО) не был однородным по составу. На заседаниях присутствовали как опытные исследователи и участники основанных до революции научных учреждений, так и молодые специалисты, только начинавшие свой путь в археологии и просто интересующиеся. Всего Смоленское археологическое общество 1922 г. объединило более 30 человек (приложение 1). Собрания Общества посещали люди разного социального происхождения и различных профессий, оказавшиеся вовлечёнными в изучение археологических древностей Смоленщины.

Некоторым из участников САО были посвящены целые монографические работы (*Ботвинник*, 1967; 1978) и отдельные многочисленные публикации, поэтому мы не будем подробно останавливаться на характеристике их жизненного пути. Их деятельность будет рассматриваться в контексте смоленского периода и работы в местных образовательных и научных учреждениях. Довольно обстоятельные биографические очерки смоленских музейных деятелей и коллекционеров древностей, участвовавших в работе САО, приводятся в работах М.В. Иванова (*Иванов*, 2011). Кроме того, опубликована в Минске коллективная могнография белорусских исследователей к 130-летию

[1] Статья принята к печати в журнал «Край Смоленский», 2025.

[2] ГАСО Ф. Р-455. Оп. 1. Д. 1. (стар. № Д. 35а). Л. 27-28 об. Протоколы археологического бюро.

Жизненные пути археологов Смоленщины, членов Смоленского археологического общества 1922 г.

со дня рождения А.Н. Лявданского (*А.М. Ляўданскі*, 2025). В данном случае мы предполагаем их только дополнить на основе выявленных архивных документов, обратив особое внимание на смоленский период деятельности участников данного учреждения. Следует также отметить, что, к сожалению, жизненный путь многих из них остаётся пока нам плохо известным.

«Старая гвардия»

Анализ биографий членов общества, сравнение их активности по участию в заседаниях по материалам протоколов[1] показывает, что в Обществе

[1] Е.Н. Клетнова, избранная председателем Смоленского археологического общества, очень серьезно относилась к ведению протоколов заседаний. Очевидно, что сказывался её опыт предшествующей работы в Смоленской ученой архивной комиссии, протоколы заседаний которой издавались отдельными брошюрами (впрочем, как и протоколы других многочисленных научных обществ дореволюционной России).

А.Ф. Палашенков. Фото из экзаменационной книжки вольнослушателя Московского археологического института (выдан 12 ноября 1913 г.)

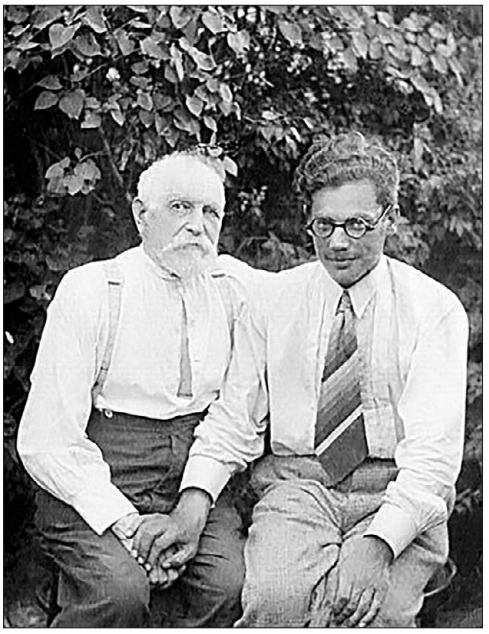
существовало «ядро», состоявшее из «старших», проявивших себя ещё по работе в Смоленской учёной архивной комиссии (СГУАК), музейном деле, раскопках, изучении церковной истории, специальных исторических дисциплин – геральдики, генеалогии, архивоведении и др. С началом работы Архивной комиссии (в 1908 г.) членами этого учреждения стали И.Ф. Барщевский, Е.Н. Клетнова, Г.М. Крыжановский. В последующие годы к ним присоединились – Л.Я. Лавровский, В.П. Лапчинский, В.И. Мушкетов, П.С. Цветков (*Солодовникова*, 2018), А.Ф. Палашенков.

Многие из них занимались преподавательской деятельностью, работали в системе созданных в первые годы советской власти государственных организаций, ведавших охраной и изучением памятников культуры. Материалы фондов ГАСО – созданного после революции Смоленского государственного университета (далее – СГУ), Отдела народного образования (далее – ОНО) Смоленского губисполкома, Архивного управления Смоленского губернского отдела Народного образования г. Смоленска (Губархив) и некоторых других позволяют сделать некоторые уточнения в биографиях членов Археологического общества.

Бессменный председатель и идейный вдохновитель общества – ***Екатерина Николаевна Клетнова (1869–1938)*** в первые годы советской власти была назначена уполномоченной по охране памятников в Вяземском, Дорогобужском и Юхновском уездах. После переезда в Смоленск она стала заведующей археологическим «разделом» художественно-археологического подотдела Отдела народного образования (далее – ОНО). Одним из первых шагов Е.Н. Клетновой стало создание в 1920 г. Археологического бюро, нацеленного, прежде всего, на охрану археологического наследия и сбор сведений об археологических памятниках Смоленской губернии. С апреля 1921 г. она возглавила археологическую секцию при возникшем Губернском управлении (Губмузее). Одновременно Е.Н. Клетнова читала лекции на различных курсах (с 1918), с 1920 г. до 1925 гг. – являлась профессором Смоленского университета на кафедре археологии историко-социологического отделения (было переименовано в словесно-историческое) факультета обществен-

ных наук (далее – ФОН, с 1922 г. – педагогический), была заведующей кабинетом археологии и этнографии (этот кабинет был обставлен вывезенной из её разоренного вяземского имения мебелью и туда же была перевезена обширная личная библиотека), состояла в словесно-исторической предметной комиссии Педагогического факультета СГУ (ГАСО. Ф. Р-139. Оп. 2. Д. 6. Л. 20 об.; ГАСО. Ф. Р-139. Оп. 2. Д. 3. Л. 5 и др.; ГАСО. Ф. Р-139. Оп. 1. Д. 39. 1920. Л. 17-21. ГАСО. Ф. Р-139. Оп. 1. Д. 176 (г). 1922-1923. Л. 11, 15, 39, 47 и др.).

С созданием Археологического бюро, нацеленного, прежде всего, на охрану археологического наследия и сбор сведений об археологических памятниках Смоленской губернии, помощниками Е.Н. Клетновой стали её давние коллеги – И.Ф. Барщевский и Л.Я. Лавровский.

Иван Фёдорович Барщевский со своим внуком Борисом Борисовичем Надеждиным. Москва, Коломенское. 1939 г.

Старейший представитель интеллигенции старой формации ***Иван Фёдорович Барщевский (1851–1948)*** в момент создания Археологического общества был признанным специалистом в области истории архитектуры и декоративно-прикладного искусства, фотографии, достигшим 70-летнего возраста. В Смоленске со времён сотрудничества с княгиней М.К. Тенишевой он являлся бессменным хранителем музея «Русская старина», а затем созданного на его основе историко-этнографического отдела СГОМ. Как и Е.Н. Клетнова, он получил звание «учёного археолога», закончив Смоленское отделение Московского археологического института. В истории смоленской археологии И.Ф. Барщевский известен тем, что возглавил исследование Васильевского храма Смядынского монастыря (совместно с Е.Н. Клетновой), а вместе с художником Н.К. Рерихом провёл первые значительные раскопки на Ковшаровском городище (это городище было обследовано одним из немногих на Смоленщине в дореволюционное время) (*Бегунова*, 2020).

Лавровский Лавр Яковлевич (1865–1930) получил духовное образование, звание кандидата богословия, являлся специалистом по эпиграфике, преподавал в средних учебных заведениях, после 1917 г. – в школах № 2 и 9 г. Смоленска. После революции он возглавил музейную секцию при подотделе

Смоленского Губернского ОНО, совместно с И.Ф. Барщевским стал археологом-консультантом в археологической секции при Губмузее. Помимо этого, являлся заведующим секцией охраны памятников церковной старины, помощником хранителя музея Старого Смоленска (с февраля 1922), был недолгое время директором Губмузея Искусств и древностей (1922-1923 гг.). До 1926 г. он преподавал на кафедре русской истории педагогического факультета СГУ, был избран председателем совета словесно-исторической предметной комиссии (с 23 ноября 1923 г.).

Другой яркий представитель СУАК – ***Лапчинский Владимир Прохорович (1874 – после 1929)*** занял должность хранителя Смоленского городского историко-археологического музея, переданного в ведение МАИ, которую совмещал с должностью помощника хранителя музея «Русская старина». Вольнослушатель Археологического института достиг звания «учёного архивиста» и почётного члена этого учебного заведения, стал преподавать на кафедре геральдики, генеалогии, а затем был назначен проректором СО МАИ. После революции он был назначен заведующим губернским Отделом Центрархива (затем – Губархбюро) (до 18.12.1926). В.П. Лапчинский продолжил преподавательскую деятельность и стал профессором на кафедре истории искусств, назначен товарищем председателя Исторической комиссии, постоянным членом и участником предметных комиссий, возглавил лингвистическое отделение педагогического факультета университета. После отъезда Е.Н. Клетновой в Чехию именно он на некоторое время (до 1925 г.) занял место руководителя кабинетом археологии и этнографии (приложение 3) (ГАСО. Ф. Р-139. Оп. 2. Д. 6. Л. 17; ГАСО. Ф. Р-139. Оп. 2. Д. 21. Л. 11об., 14; ГАСО. Ф. Р-139. Оп.2. Д. 12. Л. 8.; ГАСО. Ф. Р-139. Оп.1. Д. 176 (г). Л. 44; ГАСО. Ф. Р-139. Оп.1. Д. 176 (з). Л.1; ГАСО. Ф. Р-139. Оп. 2. Д. 18. Л. 4 и др.; ГАСО. Ф. Р-139. Оп. 1. Д. 139. Л. 12).

Почётный член Архивной комиссии ***Крыжановский Георгий Мелентьевич (1855 – после 1933)*** являлся кандидатом филологических наук Новороссийского университета (1879 г.). После переезда в Смоленск, с 3 апреля 1908 г. входил в правление СУАК, с 1910 г. – стал архивариусом. В 1919 г. преподавал в школе № 6 г. Смоленска, получил диплом об окончании археографического факультета СО МАИ. С 1921 г. Крыжановский стал архивариусом Губернского Архивного управления, а вскоре библиотекарем Смоленского Губернского Отдела Центрархива (Губархив) (затем – Запоблархивбюро) (ГАСО. Ф. 91. Д. 44. Л. 35-36; ГАСО. Ф. Р-1544. Оп.1. Д. 62. Л. 1об).

К этому «ядру» примыкала «группа профессоров» – историков СГУ – Н.М. Никольский, Д.А. Жаринов, В.Н. Перцев, С.П. Покровский. Первые три имели достойных учителей – В.О. Ключевского, Р.Ю. Виппера, но сами они «заигрывали с марксизмом» и, более того, сотрудничали с РСДРП(б).

Один из известных белорусских историков в будущем, основатель медиевистики в БГУ, автор учебных и более 200 научных работ по всеобщей исто-

рии нового времени ***Владимир Николаевич Перцев (1877 – 1960)*** стал одним из первых профессоров СГУ с момента его основания. Среди преподаваемых им предметов, можно отметить историю Германии XIX в., входившую в исторический цикл на факультете социальных наук (ГАСО. Ф. Р-139. Оп.1. Д. 4. Л. 13 об., 15-16, 21, 28), историю Греции на ФОН (ГАСО. Ф. Р-139. Оп. 1. Д. 36. Л. 1об.). Некоторое время В.Н. Перцев являлся заведующим кабинетом Всеобщей истории (ГАСО. Ф. Р-139. Оп.1. Д. 149. Л. 33).

Другой именитый историк, автор книг и многочисленных статей по истории религии и церкви, истории Востока ***Никольский Николай Михайлович*** (1877–1959) из семьи учёного-востоковеда, получил высшее образование, закончив историко-филологический факультет Московского университета (1900). В первые годы после революции Никольский занимал руководящие должности в смоленских учебных заведениях: с 7 ноября 1918 г. – профессор Смоленского университета, с 1919 г. – заведующий библиотекой, заместитель председателя Хозяйственного комитета, помощник ректора, председатель правления, затем – заведующий отделом систематического каталога библиотеки, декан ФОН, с 1921 г. – ректор СГУ. Кроме того, с 15 февраля 1919 г. – профессор Смоленского Института Народного образования (ИНО), с мая 1919 – 1921 г. ректор в этом институте (ГАСО. Ф. Р-139. Оп. 4. Л/д. Д. 302. 22 л.; ГАСО. Ф. Р-139. Оп. 2. Д. 21. Л. 18). Н.М. Никольский и его жена поддерживали тесные связи с Е.Н. Клетновой в Смоленске (см. далее) и переписка продолжалась после её отъезда в Чехию.

Жаринов Дмитрий Алексеевич **(1875 – после 1943)** родился в Ташкенте, окончил Московскую 1-ую гимназию (1899), историческое отделение Историко-филологического факультета Московского университета с дипломом 1-ой степени (1901). До приглашения в Смоленск Д.А. Жаринов преподавал в различных московских учебных заведениях (Александровское коммерческое училище, Реальное училище св. Михаила, Практическая академия и ряд других). С 19 мая 1919 г. по 1922 гг. он являлся профессором по кафедре русской истории, заведовал кабинетом русской истории Смоленского Государственного Университета, Смоленского Института Народного Образования (с 1920 г. – декан отделения гуманитарных наук), преподавал в некоторых других смоленских университетах. Д.А. Жаринов читал курс лекций по русской истории XIX в., X-XVI вв., введение в русскую историографию, практические занятия по Русской правде, крестьянскому и помещичьему хозяйству середины XIX в. В область его интересов входила история Великого Новгорода, экономическое положение перед реформой 1861 г., помещичьего хозяйства в 30-40-е гг. XIX в. (ГАСО. Ф. Р-139. Оп. 4 л/д. Д. 149. 33 л.; Оп. 1. Д. 39. Л. 39; Д. 176 (з). Л. 1-1об., 9).

Вынужденного отказаться от преподавания в Смоленске Д.А. Жаринова на кафедре русской истории заменил ***Покровский Сергей Александрович***. С 1912 г. он стал преподавать историю и географию в Учительском институте и

«образцовой при нём школы 2-ой ступени» в Смоленске, исполнял обязанности библиотекаря (ГАСО. Р-139. Оп.1. Д. 8а. Л. 4, 6). С марта 1921 г. – секретарь Общества изучения гуманитарных наук при Смоленском университете, выступал с докладом «Общественно-историческая теория в политических планах декабристов» (публикация в известиях Смоленского ун-та 1924 г.). С сентября 1921 г. – профессор на кафедре методики истории, а затем – русской истории (курс по истории России XIX-XX вв., русская история, культура, историография, методика преподавания, практические занятия в школе, торговый капитализм в России и на Западе и прочее) на лингвистическом и социально-историческом отделениях педагогического факультета, председатель исторической предметной комиссии, зав. кабинетом методики истории Смоленского Государственного Университета, заведующий историческим кабинетом, участник словесно-исторической, педагогической, общественно-экономической предметных комиссий, избирался секретарём учёного совета педагогического факультета с ноября 1925 г. (после 1929 г.?). Кроме того, Покровский являлся председателем кружка обществоведения (ГАСО. Ф. Р-139. Оп. 2. Д. 3. Л. 11, 15; ГАСО. Ф. Р-139. Оп. 2. Д. 21. Л. 14; ГАСО. Ф. Р-139. Оп. 2. Д. 12. Л. 9-19; ГАСО. Ф. Р-139. Оп.1. Д. 149. Л. 32, 39-40; ГАСО. Ф. Р-139. Оп.1. Д. 176 (з). Л. 1-1об., 9; ГАСО. Ф. Р-139. Оп. 2. Д. 18. Л. 4 и др.). С.А. Покровский являлся также помощником заведующего показательной школы при пед. ф-те к началу 1922 г. (ГАСО. Ф. Р-139. Оп.1. Д. 149. Л. 33 об., 35)

Интерес к археологии, как вполне естественная форма научной любознательности, ярко проявился, например, в судьбах А.П. Серебрянникова и М.П. Соколовского. ***Серебрянников Александр Павлович (1880 – после 1940)***[1] родился в семье священника, окончил Пермскую духовную семинарию, юридический факультет Томского университета (1908), Педагогическую Академию Лиги образования в Петербурге (1910), Археологический институт в Санкт-Петербурге. «Министерская власть и крестьянский вопрос в России» (кандидатская диссертация). Он работал воспитателем земледельческой колонии и ремесленного приюта для несовершеннолетних (правонарушителей) на станции Ржевка около Петербурга, преподавал историю (1911–1918 гг.), являлся заведующим школьным подотделом Пермского уездного ОНО (1918–1919 гг.), преподавал в Фрёбелевском институте общества дошкольного и внешкольного воспитания детей в г. Перми (1919 г.), Омском Учительском институте (лекции по истории первобытной культуры, по Древнему Египту и по психологии). В 1921–1923 гг. работал – состоял научным сотрудником библиотеки, учёным секретарем при кафедре археологии и первобытной культуры, читал курс «психопатологии и дефективности» Лингвистического отделения педагогического факультета СГУ (ГАСО. Ф. Р-139.

[1] Хотим выразить благодарность Александре Владимировне Вайтович за сообщение об обнаруженных архивных документах.

Оп. 2. Д. 6. Л. 17; ГАСО. Ф. Р-139. Д. 21. Л. 19; ГАСО. Ф. Р-139. Д. 12. Л. 30 об; ГАСО. Ф. Р-139. Оп.1. Д. 149. Л. 157; ГАСО. Ф. Р-139. Оп. 2. Д. 18. Л. 19). Одновременно А.П. Серебренников стал хранителем историко-этнографического музея в Смоленске (*Серебрянников*, 1926), работал в Государственном институте народного просвещения (ГИНП) и в Государственном Педагогическом Институте им. Герцена в Петербурге (с 1924 г.) (ОР РГБ. Ф. 692. Д.1. Л.1). Последнее архивное сведение о нем относится к 1940 г., он проживал в Ленинграде, вероятно, не пережил блокаду.

Автор первого учебника по оперативной хирургии для студентов медицинских вузов ***Михаил Павлович Соколовский (1887–1977)*** являлся выпускником медицинского факультета Московского университета (степень лекаря), старшим ассистентом факультета хирургии Саратовского университета, стажировался в Вене, после окончания обучения преподавал в хирургической клинике Саратовского университета. С 14 мая 1921 г. он стал на недолгое время профессором кафедры хирургической диагностики СГУ (ГАСО. Ф. Р-139. Оп. 4 Л/д. Д. 410. Л. 3). Многие годы работал хирургом, в том числе до и после войны.

Молодые исследователи

Интересны судьбы «археологов из крестьян», в особенности, А.Ф. Палашенкова и В.В. Дмитриева, поступивших в смоленское отделение Московского археологического института (платное учебное заведение!) ещё до революции, причём оба получили дипломы об окончании двух отделений – археологического и археографического (А.Ф. Палашенков – в 1918 г., В.В. Дмитриев – в 1918 и 1922 г.).

Андрея Фёдоровича Палашенкова (1886-1971) можно назвать «связующим» звеном между старшими и молодыми, увлечение смоленским фольклором у него возникло ещё в начале XX в., что способствовало его вступлению в СУАК и ОИСГ. Образование и хорошую работу молодому человеку из простой семьи земледельцев удалось получить благодаря помощи помещиков Вонлярлярских и знакомству с известным смоленским этнографом В.Н. Добровольским. Одновременно с обучением в филиале Московского археологического института, будучи школьным работником 17-ой школы 1 ступени, он был зачислен на образованный при СГУ социальный факультет (ГАСО. Ф. Р-139. Оп. 3 л/д. Д. 943. Л. 2). Помимо преподавательской деятельности, он занимал должности хранителя созданного после революции Музея старого Смоленска, а затем отдела древностей Смоленского края СГОМ, где даже временно находился на должности директора, заведующий отделом прикладного искусства и Музеем крепостной стены. Будучи инспектором по охране памятников старины Западной области в начале 1930-х он

предпринимал активные попытки сохранить многие памятники смоленской архитектуры, которые не всегда были безуспешными, но лично для него заканчивались трагично (*Безродная, Лосунов*, 2012). А.Ф. Палашенкову был присущ некоторый «крестьянский романтизм», любопытство к древностям сочеталось с нежной заботой о своих родных, любовь к песенному народному творчеству возникло ещё в детские годы в семье. Поэтому в его образе проступают некоторые элементы есенинской лирики – любовь к своей малой родине, родной деревне и природе.

Стремление получить образование и заниматься любимым делом, несмотря на все тяготы и жизненные трудности, характеризует ***Василия Власьевича Дмитриева*** (1898–1955). Так он описал в своей служебной анкете в 1929 г.: «Как среднее, так и высшее образование получил путём усиленной работы – и на свои средства, давал уроки, за которые имел квартиру (угол) и стол, так как родители не в состоянии были помогать мне, имея у себя один надел земли, одну корову и лошадь и 8 человек детей...» (ГАСО. Ф. Р-1544. Оп.1. Д. 1096. 1922–1937 гг. Л/д. Л. 114). После окончания археологического отделения СО МАИ служил в армии в г. Ржеве, за короткое время сменил несколько работ – конторщик Управления начальника гарнизона Смоленска, делопроизводитель в отделе земледелия и уездном военном комиссариате. Но желание заниматься научной деятельностью возобладало. С сентября 1920 г. он устроился научным сотрудником, а с 1 февраля 1921 являлся секретарём Губ. Архивного управления (было переименовано в Смол. Губ. Отдела Центрархива (Губархив), в начале 1930-х – Запоблархбюро), заместителем заведующего ГубАрхБюро, управляющим делами. Этот пост он не покидал до конца 1936 г. В 1923–1924 гг. по совместительству являлся научным сотрудником и исполнял обязанности врио хранителя в историко-этнографическом музее (ГАСО. Ф. Р-1544. Оп.1. Д. 62. Л. 1об, 36-38, 67 и др.; ГАСО. Ф. Р-1544. Д. 69. Л. 7-28; ГАСО. Ф. Р-1544. Оп.1. Д. 1096. 1922–1937 гг. Л. 266-267). Участвовал в открытии совместно с А.Н. Лявданским городищ Демидовка и Лестровка в Смоленске (Лявданский, 1924. С. 164, 169). В.В. Дмитриев активно участвовал в деятельности Смоленского общества краеведов (с 1926 г.) и готовил отчёты о его деятельности (*Дзьмітраў*, 1927; 1930а; 1930б; 1930в). Список опубликованных статей и заметок насчитывает более 30-ти на различные краеведческие темы – археологические новости, этнографическая работа в Смоленской губернии, описание архивных фондов дореволюционного времени, о работе Губ. архивного бюро, биографический очерк о В.Н. Добровольском и некролог, посвящённый С.М. Соколовскому, и другие (ГАСО. Ф. Р-1544. Оп.1. Д. 1096. 1922-1937 гг. Л. 279-279 об.). После освобождения Смоленска преподавал в школе, а затем на географическом факультете смоленского университета.

Обучение на археологическом факультете СО МАИ в постреволюционное время проходили – А.А. Берс, К.А. Дергачёв, А.Н. Лявданский, П.П. Лявданская, В.Р. Тарасенко, В.П. Рогов, Т.В. Муравьёв, В.М. Юшков (ГАСО. Ф. 91. Оп.1. Д. 43-45).

Дергачёв Константин Александрович (1891 – после 1928) также из семьи крестьянина, родился в Херсонской губернии, учительствовал с 1910 г. (окончил гимназию в 1909 г.). В 1922 г. получил диплом об окончании археологического отделения СО МАИ в 1922 г. С 3 ноября 1923 г. по февраль 1928 г. находился на службе в качестве архивариуса ГубАрхБюро (ГАСО. Ф. 91. Оп.1. Д. 43. Л. 38-41; Ф. Р-1544. Оп.1. Д. 62. Л. 42 об.). К.А. Дергачёв принимал активное участие в работе над археологической картой Смоленской губернии, совместно с А.Н. Лявданским проводил первые обследования смоленских городищ – Петрово и Лахтеево, открыл и самостоятельно обследовал городище Зверовичи в Краснинском уезде (1923 г.). Среди неизданных рукописей упоминает в анкете – «Учительство в Смоленской губернии в 1905 г.» по архивным материалам, а также дневники археологических исследований (!). С 1926 г. являлся одним из членов-учредителей Смоленского Общества краеведения (ГАСО. Ф. Р-1544. Оп.1. Д. 1094. 1923-1928 гг. Л. 1, 8-8 об., 70).

Лявданский Александр Николаевич (1893–1937) происходил из крестьянской семьи, закончил народное и Петровское реальное училище в Ростове-на-Дону (1914), в 1922 г. – СО МАИ (археологическое отделение). Он работал заведующим библиотекой Связи г. Смоленска (1920-1923), короткое время заведовал Смоленским уездархивом (3.11.1922 – 1.06.1923), после чего устроился научным сотрудником историко-этнографического отдела, а с 1925 г. – отдела древностей Смоленского края (историко-археологический) СГОМ (1924-1927 гг.). Одновременно в СГУ он числился научным сотрудником общ-пед. предметной комиссии Лингвистического отделения СГУ, обследования памятников Археологического кабинета при Пед. Ф-те Смол. Гос. ун-та (с июня 1923 г. – ассистент при кабинете Археологии (замещал Серебрянникова), с октября 1926 г. – приват-доцент на вновь открытой кафедре археологии по курсу История материальной культуры (ГАСО. Ф. Р-1544. Оп.1. Д. 62. Л. 16об; ГАСО. Ф. Р-1544. Оп. 1. Д. 65. Л. 67-79 и др.; ГАСО. Ф. Р-139. Оп.1. Д. 139. Л. 10; ГАСО. Ф. Р-139. Оп. 3 л/д. Д. 672. 4 л.; ГАСО. Ф. Р-139. Оп. 2. Д. 6. Л. 17; ГАСО. Ф. Р-139. Оп. 2. Д. 3. Л.15; ГАСО. Ф. Р-139. Оп. 2. Д. 41. Л. 25; ГАСО. Ф. Р-139. Оп. 2. Д. 46. Л. 1-2, 26, 28 об., 31). Подробная биография и архивные документы минского периода жизни, куда он перехал в 1927 г. опубликованы (*А.М. Ляўданскі*, 2025).

Лявданская Прасковья Петровна (Карташова) (1901–1995) жена, затем вдова А.Н. Лявданского, происходила из семьи «земледельцев», окончила сельскую школу и поступила в 1912 г. в 1-ю Мариинскую гимназию в Смоленске. С 1918 г. училась в школе № 8 второй ступени в Смоленске.

В 1920-1921 гг. работала в Народном суде 3-его участка Смоленского уезда. В 1921-1922 гг. – училась в Смоленском отделении Археологического института, а в 1922-1923 г. – числилась на 3-ем курсе общественно-исторического отделения СГУ, но была отчислена за академическую задолженность в 1924 г., на самом деле, за неактивное участие в общественной работе (ГАСО. Ф. Р-139. Оп. 1. Д. 201. 1924 г. Л. 104-105). Лявданская вместе с мужем принимала участие в исследованиях Гнёздова (1922 г.). Была репрессирована как коллоборантка, но в конце жизни добилась справедливого оправдания, жила после освобождения в Бресте.

Тарасенко Василий Родионович (1899–1972) (*Тарасенко*, 2001; *Бегунова*, 2016б) перед поступлением в СО МАИ прошёл курс Общественной гимназии в Смоленке (ГАСО. Ф. 91. Оп.1. Д. 45. Л. 40-42; ГАСО. Ф. Р-1544. Оп.1. Д. 1205. 1923-1928 гг. Л. 7-7об.). С 1919 г. работал в Красной армии на разных должностях – письмоводителем (переписка) в штабе 16 армии (Управление снабжения), бухгалтером в Фин. управлении Упродзапфронта. После демобилизации получил положительную характеристику и был рекомендовал гражданским и военным учреждениям как деятельный и энергичный работник, который "по своему образованию и подготовке, так и по практическому стажу имеет занятие любой должности по своей специальности". На момент прекращения существования археологического общества и создания общества при СГУ он являлся помощником инспектора ГубРКИ (рабоче-крестьянская инспекция). В начале ноября 1923 г. В.Р. Тарасенко перешёл в Губархивное управлене на должность архивариуса, исполнял обязанности секретаря, замещая В.В. Дмитриева, он проработал до 20 февраля 1928 г. В ноябре 1926 г. В.Р. Тарасенко получил временное удостоверение об окончании словесно-исторического отделения (социально-исторический цикл) пед. факультета СГУ до защиты дипломной работы «Археологические памятники Смоленской губернии» (1927 г.) (ГАСО. Ф. Р-1544. Оп.1. Д. 1205. 1923-1928 гг. Л. 52, 55 об., 67).

Дворянское происхождение имели А.А. Берс и В.М. Юшков. ***Берс Александр Андреевич (1902-1937)***. Отец – корнет Харьковского драгунского полка, воспреемники при крещении – дворянин К.В. Энгельгардт и княжна Нина Кассиановна Гурьели. Закончил археологический факультет СО МАИ (1921-1922 гг.) (ГАСО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 43. Л. 12-13). С конца 1922 г. перебрался на Урал. А.А. Берс работал в центральных учреждениях Уральской области в Екатеринбурге, Свердловске, издательстве АО «Уралкнига», являлся научным сотрудником УОГМ, секретарём и председателем Археологической секции Уральской межведомственной комиссии по охране памятников, директором антирелигионого музея в Свердловске (*Панина*, 2015). Был необоснованно репрессирован.

Юшков Василий Михайлович (1899–1938) – потомственный дворянин, в 1909–1918 гг. – обучался в Рославльской мужской гимназии, в 1921 г. по-

ступил на археологический факультет СО МАИ (ГАСО. Ф. 91. Оп.1. Д. 45. Л. 63-67; ГАСО, Ф. Р-139. Оп. 3. Л/д. Д. 1417. 10 л.). С 1921 г. учился на историко-филологическом факультете Смоленского педагогического института Народного образования, работал учителем школы № 6 г. Смоленска. Необоснованно репрессирован.

Мы пока ничего не знаем о социальном происхождении других студентов МАИ – Т.В. Муравьёва, В.П. Рогова. ***Муравьев Тимофей Васильевич*** окончил с отличием археологический факультет СО МАИ (1922 г.), преподавал в школе 2-ой ступени (1923 г.) (ГАСО. Ф. 91. Оп.1. Д. 44. Л. 80-84). ***Рогов Владимир Петрович*** **(?)** в 1914 – 1917 гг. прослушал курс археологического факультета СО МАИ (ГАСО. Ф. 91. Оп.1. Д. 45. Л. 30). После революции работал техником Лесного отдела, геодезистом, являлся хранителем Смоленского городского музея.

Среди других студентов педагогического факультета СГУ – Н.Г. Агейчик, Н.А. Демуар, Н.М. Осипович. **Агейчик Николай Григорьевич (1887–1937)** обучался на общественно – педагогическом отделении факультета общественных наук (ФОН) (с 1920), участник заседаний комиссии педагогического факультета СГУ (ГАСО. Ф. Р-139. Оп. 1. Д. 190. Л. 4; ГАСО. Ф. Р-139. Оп. 2. Д. 3. Л. 13; Оп. 1. Д. 106. Л. 2). С 1923 г. – служащий окружного управления связи, зав. Белорусской секцией в бюро нацменьшинств Смоленского отдела народного образования (с 1923), занимался вопросами введения белорусского языка в смоленских школах. Агейчик являлся инициатором создания кафедры белорусского языка в Смоленском гос. ун-те, председатель Совета по просвещению белорусов (1925 г.)[1]. Необоснованно репрессирован.

Демуар Николай Александрович (1897–1938) закончил гимназию в станице Крымской Кубанской губернии, с 1916 г. – экономическое отделение Кубанского университета, студент Краснодарского Политехнического института. В 1921-1922 гг. – заведующий школой в Новороссийске, заместитель заведующего детской колонией «Вишнёвый сад», читал курсы обществоведения для школьных работников Московского ОНО (ГАСО. Ф. Р-139. Оп. 3 л/д. Д. 329. 7 л.). В 1922 г. – поступил на словесно-историческое отделение педагогического факультета СГУ. Демуар писал стихи («Двойной венок», Ленинград, 1929), увлёкся таксидермией и подготовил работу «Набивка чучел птиц и зверей» (Москва, 1929). Перед арестом успел поработать бухгалтером, преподавал в первом авиатехникуме.

Осипович Николай Михайлович(1883 – после 1922) в 1918 – 1919 гг. поступил в СГУ (ГАСО. Ф. Р-139. Оп.1. Д. 22. 1919. Л. 647?). В 1920 г. являлся инструктором Смоленского союза кооперативов (сообщил на заседании Археологического бюро, что уездный Гжатский инструктор намеревается провести раскопки) (ГАСО. Ф. 113. Оп.1. Д. 27. Л. 14). С сентября 1921 г. уполно-

[1] Е.В. Кодин, О.В. Кобец. Белорусизация на Смоленщине в 1920-е гг. Смоленск: СмолГУ, 2021. С. 74-80.

моченный (хранитель) по Смоленскому уезду при Губмузее. Некоторое время жил в квартире Е.Н. Клетновой и был ей “духовно близок”. Необоснованно репрессирован.

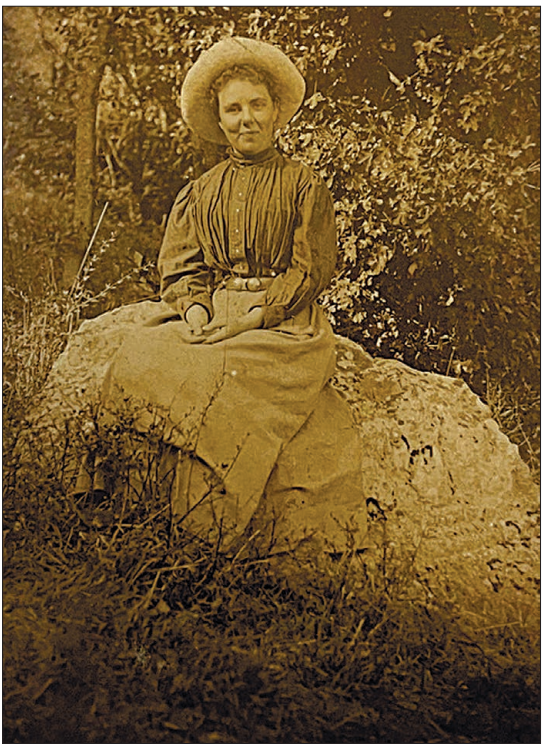
Давыдов Анатолий Иванович входил в состав экскурсионного бюро при Смоленском университете (Ф. Р-455. Оп.1. Д.35а. Л. 44а), проводил экскурсии по биологии (1920 г.), преподаватель естественно-исторического кабинета рабочего факультета СГУ (1920) (Оп.1. Д. 36. Л. 122, 153; Оп.1. Д. 56. Л. 1, 338).

Археология, как известно, находится на стыке науки и искусства. Поэтому вполне естественно участие в работе общества художников – маститого ***Виталия Ильича Мушкетова (1877–1953)*** («первая кисть Смоленска») и молодого **М.Н. Конвисарёва (1899–1949).** В Смоленском музее-заповеднике хранятся картины М.Н. Мушкетова, графические работы М.Н. Конвисарёва – в Смоленске и Болховском краеведческом музее Орловской области, но многое было утрачено во время Великой отечественной войны, о чём говорит внушительный список в подготовленном музейными сотрудниками каталоге (Сводный каталог..., 2005; 2008). Художники рисовали на исторические темы, делали зарисовки некоторых археологических памятников и артефактов. В 1925 г. В.И. Мушкетов осуществил попытку самостоятельных раскопок в Гнёздово (РО НА ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1168. 1925. Л. 1-4). М.Н. Конвисарёв активно участвовал в подготовке чертежей некоторых памятников, обследованных совместно с А.Н. Лявданским (*Ляуданскі*, 1930, с. 300, 301). В.И. Мушкетов был вынужден эмигрировать из СССР, умер в Нью-Йорке в 1953 г.

О некоторых участниках САО, упоминавшихся в протоколах заседаний общества, совсем нет сведений. К ним относятся – Куратов Георгий Николаевич – участник совместных с А.Н. Лявданским раскопок в Гнёздово, Смелов, Чистяков, Н.И. Цветаев. Мы ничего не знаем о деятельности ***Курчева Николая Михайловича,*** получившего в 1922 г. свидетельство об окончании археологического отделения СО МАИ (Ф. 91. Оп.1. Д. 44. Л. 41-45).

А.Н. Лявданский упоминал в своих публикациях Я.Г. Вержбицкого, который также заинтересовался археологией и принимал активное участие в исследованиях. Но в списке членов САО он не был указан и не присутствовал на заседаниях общества. ***Вержбицкий Яков Григорьевич (1900 – после 1941)*** происходил из крестьянской семьи, окончил Мстиславское начальное училище, школу 2-ой ступени, и поступил на литературно-лингвистическое отделение педагогического факультета СГУ, участник общественно-педагогической комиссии СГУ (1923-1929). В 1919-1928 гг. он числился в ОГПУ БВО, работал преподавателем русского языка на Смоленском рабфаке. С 1929 г. стал научным сотрудником музея революции, но после прохождения музейной чистки, ему была рекомендована преподавательская работа (ГАСО. Ф. Р-139. Оп.2. Д.3. Л.13; Ф. Р-19. Оп.1. Д. 4749. Л. 44-48).

Именно «молодая группа» (А.Н. Лявданский, П.П. Лявданская, В.В. Дмитриев, В.Р. Тарасенко, К.А. Дергачёв и др.) были основными двигателями практических археологических полевых работ, которые были успешно начаты в 1922 г. (раскопки в Гнёздове). При этом надо отметить, что за полевую фиксацию отвечал А.П. Серебрянников. Смоленское археологическое общество соединило людей разных специальностей, социального происхождения, их привлекал «магнетизм» Е.Н. Клетновой, но затем их пути снова разошлись.

Екатерина Николаевна Клетнова, примерно 1900-е гг. ГАСО ф. 113, оп. 1, д. 397

Количественный анализ записей дневника Е.Н. Клетновой за 1920-1922 гг. показывает, кто входили в её «тесный круг» общения (табл. 1). На первом месте, что вполне естественно, супруги Иван Федорович и Елена Иеронимовна Барщевские, на втором – супружеская пара Никольских. Это её новые университетские знакомые, с которыми она была тесно связана по работе, но одновременно и представители талантливого, хорошо образованного «молодого» для Е.Н. Клетновой (Н.М. Никольский был моложе её на 8 лет) поколения «старой интеллигенции», с которыми было интересно общаться, говорить о религии, а иногда и просто разделить трапезу (с Никольскими Е.Н. Клетнова встречала Новый 1922 год!). К чести Н.М. Никольского нужно отметить, что он сохранял контакты с Е.Н. Клетновой и после её отъезда в Чехию в 1924 г., посылал ей литературу из Минска (сведения из переписки Е.Н. Клетновой с В.А. Городцовым, хранящейся в отделе рукописей ГИМ)[1]. В СССР такие контакты могли иметь тяжелые последствия. Реже происходили встречи с В.П. Лапчинским (43), П.Н. Демехиным (31), Барышниковыми (29), Д.А. Жариновым (21), Л.Я. Лавровским (18), А.И. Давыдовым (18), Крыжановскими (16), Н.А. Демуаром (12) и другими (табл. 1).

[1] Авторы благодарят И.В. Белозёрову и С.В. Кузьминых за возможность ознакомиться с готовящейся к публикации перепиской Е.Н. Клетновой с В.А. Городцовым.

1923 год стал годом краха надежд. Смоленское археологическое общество, несмотря на все годичные усилия Е.Н. Клетновой, перерегистрировать не удалось. Общество в структуре университета, об учреждении которого сообщалось в июне 1923 г. (Архив СМЗ. Ф. 8. Раздел 2.3. Оп. 3. Д. 85. 1921-23 гг. 59 л.), уже имело совсем иной статус, и главное, обозначились внутренние противоречия, которые не могли не сказаться на совместной работе.

После оставления Смоленска благоприятно сложилась жизнь В.Н. Перцева, Д.А. Жаринова, Н.М. Никольского, М.П. Соколовского. В 1922 г. они переместилась в Минск в новообразованный университет. Н.М. Никольский и В.П. Перцев сделали в 1930–1950-х гг. блестящую академическую карьеру (академические звания, ордена и т.п.), которая слабо коррелируется с их реальным вкладом в науку. Судьба Д.А. Жаринова была иной. Сначала он шел «в одном строю» с Н.М. Никольским и В.П. Перцевым, но 1928 г. попал под колесо идеологически-тенденциозной критики, и вместо покаяния ушел на пенсию в 53 года. М.П. Соколовский возглавлял кафедры хирургии высших учебных заведений Минска, Воронежа и Одессы. Во время войны являлся главным хирургом-консультантом управления эвакогоспиталей Воронежской и Ульяновской областей (1941-1945), а с 1945 г. – зав. кафедрой факультетской хирургии Одесского медицинского института.

Судьбы же большей части Смоленского археологического общества были трагичными. Пятеро молодых исследователей были расстреляны в ходе «Большого террора»» в 1937-1938 гг. (Н.Г. Агейчик, А.А. Берс, Н.А. Демуар, А.Н. Лявданский, В.М. Юшков). А.А. Берс и А.Н. Лявданкий на тот момент успешно продолжали археологические исследования уже вне пределов Смоленщины. П.П. Лявданская оказалась в лагере в 1944 г., где пробыла 5 лет, и смогла добиться своей реабилитации только в 90-летнем возрасте.

Нельзя назвать удачной и дальнейшую жизнь большинства участников общества старшего поколения. В 1924 г. Е.Н. Клетнова перебралась в Чехию, где старалась работать на пользу русской науки, готовила переводы на русский язык монографий Любора Нидерле и Туре Арне (книги не были изданы, хотя договоры с издательством «Пламя» и были заключены) (см. Сергина, 2008). Она совершенно справедливо поняла, что именно разрыв связей с мировой наукой – это основная проблема гуманитарной науки в СССР. В.И. Мушкетов подвергся гонениям и вынужден был уехать в период оккупации Смоленска после освобождения Смоленска[1] (*Борис Меньшагин*, 2019). И.Ф. Барщевский не прошёл музейную чистку 1930 г. и был отстранён от работы в смоленском музее, после чего перебрался в Коломенское (*Гусева*, 2021). Г.М. Кры-

[1] Годы жизни В.И. Мушкетова (1877 — 1953) удалось установить по материалам архива Колумбийского университета (Нью-Йорк, США). Художник скончался в 1953 г., видимо, проживал последние годы в Нью-Йорке. Его рукописи и альбом графических рисунков с текстовыми пояснениями, озаглавленный «История древнего Смоленска», были переданы в архив университета вдовой Н. Мушкетовой в 1954 и дополнительно в 1960 гг.

жановский проработал в Губархиве до конца 1932 г., когда был уволен «по болезненному состоянию». Разбитому параличом Г.М. Крыжановскому было отказано в «персональной» пенсии (ГАСО. Ф. Р-139. Оп.1. Д. 1138. 1931-1933. Л. 1-17).

«Счастливые судьбы» молодых людей, лично переживших репрессии, весьма специфичны. Например, А.Ф. Палашенков трижды сидел в камере смертников (1918, 1934, 1938 гг.), после всех испытаний обосновался в Омске и добился больших успехов в изучении истории Омского Прииртышья, Западной Сибири и северной части Казахстана. С.Д. Ширяева потерял в ходе репрессий отца-священника, который был расстрелян. Отец В.В. Дмитриева был «обложен твёрдым заданием»[1]. В 1937 г. В.В. Дмитриев ушёл с архивной службы и начал работать учителем географии, стал завучем в школе №2 Смоленска (с 1943 г.), недолгое время являлся директором этой школы (1944 г.), а после войны преподавал на естественно-географическом факультете Смоленского Педагогического института (1945-1955 г.). А.П. Серебрянников пережил репрессии, но, вероятно, погиб во время блокады Ленинграда. В 1933-1935 г. он работал старшим научным сотрудником в Ленинградском научно-исследовательском институте по изучению и организации труда инвалидов (ЛИТИН), в Гос. Музее Народного образования в Ленинграде совмещал с должностью сотрудника педагогического кабинета Гос. Пед. ин-та им. Н.К. Крупской (с 1938 г.). Последнее, что мы знаем о нём, это то, что он готовил диссертационное исследование по теме «Первый всероссийский съезд по семейному воспитанию» (1912-1913 гг.). Пожалуй, лишь В.Р. Тарасенко после переезда из Смоленска продолжил работать в научных учреждениях Могилёва и Минска, подобно Улиссу, прошел свой жизненный путь, не изменив избранному в юности призванию и совести, и не пострадав от репрессий (судя по сохранившимся документам, но ведь многого мы не знаем).

В итоге необходимо отметить, что Смоленщина в 1920-е гг. обладала значительным кадровым потенциалом археологов, получивших специальное образование. Однако реализованы эти возможности были лишь в незначительной степени. Чудовищно выглядит диаграмма жизненных путей смоленских археологов, на которой отмечены моменты их политических репрессий (рис. 1). Значительное число коллекций, личных архивов, научных отчетов погибло во время войны. Важно также отметить невероятную скудность (практически полное отсутствие) финансирования такого важного дела, как изучение прошлого. Итогом этого стала варваризация общества (снижение интеллектуального уровня при повышении уровня агрессии), крутящегося как белка в колесе, начиная снова и снова одно и то же.

[1] Самый высокий налог, на порядок превосходивший совокупность обычных поборов с крестьянина-единоличника. Этим налогом облагался исключительно «чуждый элемент» села.

Табл. 1. Круг «тесного общения» Е.Н. Клетновой в Смоленске 1920–1922 гг. (по числу личных встреч, отмеченных в дневнике) (ГАСО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 65, 68)[1]

Фамилия/всего встреч	1920 г.	1921 г.	1922 г.
Барщевские Иван Федорович и Елена Иеронимовна /105	39	51	15
Никольские/103 Жена – Вера Николаевна Грешищева, сотр. библиотеки	17	54	32
Лапчинский/43	10	11	22
Петр Николаевич Демехин/31	13	17	1
сестры Барышниковы/29	28		1
Калмыков/26	20	2	4
Жаринов/21	9	8	4
Лавровский Л.Я./18	5	8	5
Давыдов А.И./18	5	5	8
Крыжановские/16	4	3	9
Коля (Демуар)/12			12
Цявловский/10	2	8	-

Приложение 1.

Список членов Смоленского археологического общества (1922 г.), Археологического бюро (1920 г.) и Смоленского общества древностей при Смоленском университете (1923 г.), а также археологический актив Смоленского и Рачевского музеев (1924 г.)

1. Агейчик Николай Григорьевич (1887, семья крестьян – 1937)
2. Барщевский Иван Федорович (1851, с. Горожец Петербургской губ., семья чиновника – 1948, Коломенское)
3. Берс Александр Андреевич (1902, дворянин – 1937, лагерь в пос. Медвежья Гора)
4. Вержбицкий Яков Григорьевич (1900, Могилёвская губерния, из крестьян – после 1930)
5. Давыдов Анатолий Иванович (сведения отсутствуют)
6. Демуар Николай Александрович (1897, Москва – 1938, Ленинград)
7. Дергачёв Константин Александрович (1891, Херсонская губ. – после 1928 г.)

[1] Авторы благодарят Ю.Н. Шорина за предоставленные материалы дневников.

8. Дмитриев Василий Власович (1898, с. Катынь – Покровское Смоленского у., семья крестьян – 1855, Смоленск)

9. профессор Жаринов Дмитрий Алексеевич (1875, Ташкент – после 1943)

10. Клетнова Екатерина Николаевна (1869, с. Кочетово Смоленской губ. – 1938, Ужгород, Чехия)

11. Конвисарев Михаил Николаевич (1899 – 1949, Орёл)

12. Крыжановский Георгий Мелентьевич (1855 (1856?) – после 1933, Смоленск)

13. Куратов Георгий Николаевич (сведения отсутствуют)

14. Курчев Н.И. (сведения отсутствуют)

15. Лавровский Лавр Яковлевич (1865, местечко Монастырщина Могилёвской губ. – 1930, Ленинград)

16. проф. Лапчинский Виктор Прохорович (1874, из мещан – после 1929)

17. Лявданская (Карташова) Прасковья Петровна (1901, д. Пересна Смоленской губ., семья крестьян – 1995)

18. Лявданский Александр Николаевич (1893, с. Юрьево Минской губ., семья крестьян – 1937, Минск)

19. Муравьев Тимофей Васильевич (сведения отсутствуют)

20. Мушкетов Виталий Ильич (1877–1953)

21. проф. Никольский Николай Михайлович (1877, Москва, семья учёного-востоковеда – 1959, Минск)

22. Оглоблина Апполинария Георгиевна (сведения отсутствуют)

23. Осипович Николай Михайлович (1883, д. Михайлова Смоленской губ., семья крестьян – после 1922)

24. Палашенков Андрей Федорович (1886, с. Надва Смоленской губ., семья крестьян – 1971, Омск)

25. Парфенов Гавриил Васильевич (1897, Смоленск – 1967, Ташкент Узбекской ССР)

26. проф. Перцев Владимир Николаевич (1877, Курск, семья гос. служащего – 1960)

27. проф. Покровский Сергей Александрович (сведения отсутствуют)

28. Рогов Владимир Петрович (сведения отсутствуют)

29. Серебрянников Александр Павлович (1880, Пермь, семья священника – после 1940, Линингград)

30. Смелов (сведения отсутствуют)

31. проф. Соколовский Михаил Павлович (1887, Ржев Смоленской губ. – 1977, Одесса)

32. Тарасенко Василий Родионович (1899, Петркув-Трыбунальский, Лодзинское воеводство, Польша – 1972, Минск)

33. Цветков Петр Семенович (1872, Смоленск, семья священника – 1936, Рославль)

34. Цветаев Н.И. (сведения отсутствуют)

35. Чистяков (сведения отсутствуют)

36. Ширяев Сергей Дмитриевич (1898, Смоленск, семья священника – 1961, Грозный)

37. Юшков Василий Михайлович (1899, Рославль, дворяне – 1938, Енисейск)

Приложение 2.

Протокол
Первого публичного собрания Смоленского археологического общества
2 февраля 1922 года

На собрании присутствовали следующие лица: 1) Барщевский И.Ф.; 2) Дмитриев В.В.; 3) Жаринов Д.А.; 4) Клетнова Е.Н.; 5) Крыжановский Г.М.; 6) Лавровский Л.Я.; 7) Лявданский А.Н.; 8) Муравьев Т.В.; 9) Мушкетов В.И.; 10) Никольский Н.М.; 11) Палашенков А.Ф.; 12) Серебрянников А.П. и 13) Ширяев С.Д.

Председателем данного собрания единогласно избрана проф. Е.Н. Клетнова

Оглашена повестка собрания следующего содержания:

В четверг 2-го февраля в Смоленском Государственном университете в 9 час. вечера в кабинете № 24 состоится 1-е публичное собрание Смоленского Археологического Общества:

1) Доклад Е.Н. Клетновой «Археологические изыскания, раскопки и работы по Смоленской губернии»

2) Выборы председателя, тов. Председателя, секретаря и казначея

3) Самообложение на 1922 год

4) Избрание почетных членов

5) Текущие дела

К повестке добавлено: «избрание библиотекаря»

По утверждении повестки собрания, проф. Е.Н. Клетнова прочла вышепомеченный свой доклад.

И.Ф. Барщевский сделал к докладу дополнения о раскопках, произведенных с Смоленской губернии М.К.Тенишевой и Бугославским.

Л.Я. Лавровский сообщил: 1) о том, что Сизов вместе с Неклюдовым произвел раскопки в с. Княжом Краснинского у. в 1904 году, причем оказались интересные находки, и что все найденные ценные вещи увезены в Москву;

2) что часть Бирюковской коллекции, находящейся в Тенишевском музее – взята из коллекции Шевандина;

3) что холм на Смядыни есть ни что иное, как остатки храма св. Василия, и эту мысль Л.Я. уже высказывал на страницах Епархиальных ведомостей (№) в своей статье о перенесении мощей св. Бориса и Глеба.

С.Д. Ширяев сообщил 1) со слов В.А. Городцова, что прошлым летом на границах Смоленской губернии на р. Протве были произведены раскопки, обнаружены ряд интересных находок, свидетельствующих о поселениях в этой местности голяди[1]; 2) что летом 1922 года предположено проф. Городцовым произвести там же ряд раскопок, 3) что летом 1921 года учителем в Юхновском уезде около Климова завода, были произведены раскопки, найденные вещи находятся в местной школе; музейному управлению пока не удалось получить ни самих вещей, ни сведений о том, какие там найдены вещи, 4) вещи от раскопок Савина находятся в Дорогобужском музее.

Выборы нового члена и членов президиума.

Закрытой баллотировкой избран новый член общества Виталий Ильич Мушкетов.

Далее приступлено к выбору закрытой баллотировкой членов президиума Общества.

В кандидаты на должность председателя намечены записками проф. Е.Н. Клетнова, получившая 7 голосов, и проф. Н.М. Никольский, получивший 6 голосов, причем Н.М. просил собрание снять его кандидатуру. При баллотировке Председателем общества оказалась избранной проф. Е.Н. Клетнова.

В кандидаты на должность тов. Председателя намечены: Е.Н. Клетнова, получившая 6 голосов, Л.Я. Лавровский, получивший 2 голоса, С.Д.Ширяев, получивший 2 голоса, Г.М. Крыжановский и проф. Н.М. Никольский, получившие по 1 голосу. При баллотировке на должность товарища председателя оказался избран Л.Я. Лавровский.

В кандидаты на должность казначея намечены: И.Ф. Барщевский, получивший 5 голосов, С.Д. Ширяев и Г.М. Крыжановский, получившие по 3 голоса. Муравьев и Серебрянников, получившие по 1 голосу. При баллотировке на должность казначея избран И.Ф. Барщевский.

В кандидаты на должность секретаря намечены: Л.Я. Лавровский, получивший 5 голосов, С.Д. Ширяев, получивший 4 голоса, А.П. Серебрянников, получивший 3 голоса, и В.В. Дмитриев, получивший 1 голос. При баллотировке на должность секретаря избран С.Д. Ширяев.

В кандидаты на должность библиотекаря намечены А.Ф. Палашенков, получивший 5 голосов, А.П. Серебрянников, получивший 4 голоса, И.Ф. Барщевский, Л.Я. Лавровский и В.И. Мушкетов, получившие по 1 голосу. При баллотировке на должность библиотекаря оказался избран А.П. Серебрянников.

Самообложение на 1922 год.

[1] Имеются в виду раскопки Огубского городища – В.Бегунова, Н.Кренке

Собрание постановило: установить ежемесячное самообложение в размере 10000 руб. на ближайшие 2 месяца, то есть на февраль и март.

Избрание почетных членов.

Проф. Е.Н. Клетнова предложила избрать почетными членами общества проф. В.А. Городцова и проф. Н.М. Никольского.

Проф. Д.А. Жаринов высказал, что желательно избрать в почетные члены тех лиц, которые упоминались в докладе Е.Н. Клетновой, то есть наиболее потрудившихся в области местной археологии.

Как на таких лиц Е.Н. Клетнова указала на Арне, шведского ученого, изучавшего Гнёздовские курганы, и на Спицына, произведшего сводку работ Сергеева, а И.Ф. Барщевский предложил ещё избрать в почетные члены Богуславского.

Кандидатура на избрание в почетные члены всех означенных лиц принята собранием с тем, чтобы на след. заседании произвести и самые выборы.

По предложению В.И. Мушкетова собрание почтило вставанием память И.И. Орловского, много потрудившегося в области изучения местного края.

Председатель собрания Клетнова

Секретарь собрания Серебрянников

Члены Жаринов, Лявданский, Ширяев, Палашенков

(ГАСО Ф. Р-455. Оп. 1. Д. 1. (Стар. № Д. 35а). 1920. Л. 27-28 об.).

Приложение 3

Черновик отчёта В.П. Лапчинского о работе археологического кабинета при СГУ за 1924 г. (орфография и пунктуация сохранены)

ДЕКАНУ ПЕДФАКА СМОЛЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.

Вследствие предложения Вашего от 14/X – 24 г. №140 сообщаю следующие сведения о вверенном мне археологическом кабинете:

1/ Научная работа за истёкший год выразилась в следующем: научным сотрудником А.Н. Лявданским совместно со студентами В.В. Дмитриевым, В.Р. Тарасенко, К.А. Дергачёвым открыто и исследовано в Смоленском уезде 16-ть древних городищ, одна стоянка каменного века/ на реке Катынь близ Купринского озера – это первая стоянка в Смоленской губернии/ и много групп курганов. Всего исследовано, включая и предыдущий год 35 – городищ. В одном только Гнёздовском могильнике насчитано уцелевших от разрушения 3862 кургана – 9-11 веков, 2 селища, а в районе Гнёздово открыто 8-мь городищ. В самом Смоленске до настоящего времени открыто 2-городи-

ща, одно на Лестровке, другое на правой стороне Чёртова рва. Оба городища древнее Смоленска. Второй год продолжается работа по составлению карточного каталога для археологической карты Смоленской губернии. Открыто и исследовано одним А.Н. Лявданским/ в Борисовском уезде Минской губернии 5-ть древних городищ, одно селище и произведены раскопки 10-ти курганов.

Часть работы, произведённой Лявданским, а также поименованными выше лицами, изложена в ст. «Материалы Археологической Карты Смоленской губернии», напечатанной в трудах «Смоленских Государственных музеев» вып. 1–й. В том же издании помещена ст. ныне находящейся в Научной командировке за границей проф. Е.Н. Клетновой «Символика народных украс Смоленского края». Студентом В.Р. Тарасенко велись занятия в Исторической секции «Кружка друзей Рачевской библиотеки» по первобытной культуре в связи с историей Смоленской земли материалом для каковых частично служили размещённые в кабинете коллекции /см. ниже/.

2/ Что касается занятий студентов, то в кабинете читались для них курсы по археологии, первобытной культуре и краеведению. [Было 12 экскурсий рабочих и учеников школ] (*рукописный текст – Б.В.*).

3/ Нагрузка кабинета – был открыт ежедневно кроме праздничных дней по 4 ч.

4/ Общее число книг кабинета 618. Кроме того для пользования студентам предоставленная размещённая там же, лично принадлежавшая проф. Е.Н. Клетновой, библиотека числом свыше 1000 – книг. [Число посещений за год – 1260 студентов. Взято книг 1950] *(рукописный текст – Б.В.)*.

5/ Кроме указанной выше библиотеки в кабинете имеются этнографическая и археологическая коллекции, заключённые в 6-ти шкафах, фотографии, чертежи, планы и карты.

[Для занятий студентов имеются столы, скамьи, табуреты. Что касается потребностей кабинета, то необходимо указать на то, что он достаточно снабжён специальной литературой, а для археологических раскопок ощущается острая нужда в грохоте, лопатах, совках, щупе, кирке и материалах, потребных для фотографирования.

Кроме того кабинет был использываем ежедневно Заведующим Словесно-Историческим Отделением Педфака проф. В.П. Лапчинским для приёма студентов и преподавательского персонала по делам Отделения здесь же происходили заседания Словесно-Исторической Предметной Комиссии и Совета Отделения.

Заведующий кабинетом проф. В.П. Лапчинский *(подпись)*

20/X -1924 – г.] *(эта часть текста перечёркнута и не включалась в итоговый отчёт – Б.В.)*.

ГАСО. Ф. Р-139. Оп.2. Д. 12. Л. 8-8об.; ГАСО. Ф. Р-139. Оп.2. Д. 21. Л. 14.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Авдусин Д. А. Раскопки Гнёздовских городищ в 1953 году // Вестник Московского университета. Серия общественных наук. 1953. № 11. С. 111–117.

Авдусин Д. А. Актуальные вопросы изучения древностей Смоленска и его ближайшей округи // Смоленск и Гнёздово. М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 3–20.

Авдусин Д. А., Мельникова Е. А. Смоленские грамоты на бересте (из раскопок 1952–1968 гг.) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1984 год. М., 1985. С. 199–211.

Авдусина С. А., Ениосова Н. В. Подковообразные фибулы Гнёздова // Археологический сборник. Гнездово. 125 лет исследования памятника: тр. конф. М.: ГИМ, 2001. С. 93–101. (Тр. ГИМ; вып. 124).

Агеева Р. А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М.: Едиториал УРСС, 2004. 252 с.

Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1. СПб.: Тип. II Отд. Е. И. В. канц., 1846. 375 с., 39 с.

Александров С. В. Смоленская осада 1609–1611. М.: Вече, 2011. 304 с.

Александровский А. Л., Александровская Е. И. Почвы и культурный слой Смоленска // Пронин Г. Н., Соболь В. Е. Древний Смоленск. Археология Пятницкого конца. Вып. 2. М.: ИА РАН, 2020. С. 307–315.

Александровский А. Л., Кренке Н. А., Нефёдов В. С. Палеорельеф высокой поймы Днепра на территории Гнёздовского археологического комплекса // РА. 2005. № 1. С. 112–123.

Алексеев А. В. Группа памятников древнерусского времени у деревни Хотяжи // АП: материалы науч. семинара. Вып. 1 / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2004. С. 177–192.

Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX–XIII вв. М.: Наука, 1980. 268 с.

Аляксандр Мікалаевіч Ляўданскі. Лёс і навуковая спадчына (да 130-годдзя з дня нараджэння) / Навук. рэд В. І. Кошман. Мінск: Беларуская навука, 2025. 497 с.

Амброз А. К. Южные художественные связи населения Верхнего Поднепровья в VI в. // Древние славяне и их соседи. М.: Наука, 1970. С. 70–74. (МИА; № 176).

Андреев Н. А. [В.], Милонов Н. П. Раскопки на Гнёздовском городище в 1940 г. // КСИИМК. 1945. Вып. 11. С. 26–28.

Андреев Н. В. Доисторические памятники Смоленска и его окрестностей // Андреев Н. В., Маковский Д. П. Доисторические и исторические памятники города Смоленска и его окрестностей. Смоленск: Тип. им. Смирнова, 1948. С. 7–30.

Андреев Н. В. О чем рассказывают курганы. Смоленск: Смоленское гос. обл. изд-во, 1951. 127 с.

Андрощук Ф. Від вікінгів до Русі. Київ, 2022. 212 с.

Аникин И. С. Технолого-морфологическое изучение венчиков керамических сосудов из комплекса второй половины XI в. (г. Смоленск, исследования 2015 г.) // КСИА. 2016. Вып. 245, ч. 2. С. 29–36.

Арне Т. Швеция и Восток. Археологические исследования взаимоотношений Швеции и Востока в эпоху викингов. (Перевод оригинального издания T. J. Arne. La Suéde et L'Orient. Uppsala, 1914). М., 2023. 296 с.

Археалогія Беларусі. Т. 3. Сярэдневяковы перыяд (IX–XIII стст.) Мінск: Беларуская навука, 2000. 554 с.

Археалогія Беларусі: у 4 т. Т. 4. Помнікі XIV–XVIII стст. / В. М. Ляўко, М. Ф. Гурын, Ю. А. Заяц і інш. Мінск: Беларуская навука, 2001. 597 с.

Археологическая карта России. Смоленская область. Ч. 1 / Под ред. Ю. А. Краснова. М., 1997. 298 с.

Археологическая карта России. Смоленская область. Ч. 2 / Под ред. Ю.А. Краснова. М., 1997. 263 с.

Археологическое наследие Беларуси / Науч. ред.: А.А. Коваленя, О.Н. Левко. Минск: Беларуская навука, 2012. 192 с.

Археология Украинской ССР. Т. 3 / Отв. ред. В. Д. Баран. Киев: Наукова думка, 1986. 574 с.

Арциховский А. В. Введение в археологию. М.: МГУ, 1947. 220 с.

Асташова Н. И. Ювелирное ремесло и изделия из цветного металла средневекового Смоленска // Проблемы археологии Евразии. М.: ГИМ, 1990. С. 93–101. (Тр. ГИМ; вып. 74).

Асташова Н. И. Усадьбы древнего Смоленска // Смоленск и Гнездово. К истории древнерусского города / Под ред. Д. А. Авдусина. М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 21–49.

Асташова Н. И. Торговые связи средневекового Смоленска // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 4. М.: Эдиториал УРСС, 1998. С. 161–167.

Асташова Н. И. Хронология смоленских древностей // Археологический сборник. М.: ГИМ, 1999. С. 111–119. (Тр. ГИМ; вып. 111).

Ахмедов И. Р. Инвентарь мужских погребений // Восточная Европа в середине I тыс. н. э. М., 2007. С. 137–185. (Раннеславянский мир; вып. 9).

Ахмедов И. Р. Некоторые индикаторы культурных взаимодействий в древностях рязано-окских финнов второй половины V – начала VI в. // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов. М.: ИА РАН, 2014. С. 138–177. (Раннеславянский мир; вып. 15).

Ахмедов И. Р., Казанский М. М. После Аттилы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. С. 168–202.

Баранова С. И. К вопросу о генезисе московского средневекового изразца // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 4 (42). С. 53–60.

Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975. 288 с.

Бегунова В. В. Из истории археологических исследований Смядынского предместья в Смоленске // КСИА. 2015. Вып. 241. С. 368–379.

Бегунова В. В. К деятельности Смоленского археологического общества в начале 20-х гг. XX века // Край Смоленский. 2016а. № 5. С. 106–118.

Бегунова В. В. Смоленский период археологической деятельности В. Р. Тарасенко // Край Смоленский. 2016б. № 4. С. 26–30.

Бегунова В. В. Дореволюционные исследования Ковшаровского городища в Смоленской губернии: раскопки И. Ф. Барщевского и Н. К. Рериха // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре: в 3 т. Т. III / Отв. ред.: А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, О. Д. Мочалов. Самара: Самарский гос. соц.-пед. ун-т, 2020. С. 112.

Безродная О. А., Лосунов А. М. Андрей Фёдорович Палашенков. Смоленский период // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. № 17 / Сост.: П. П. Вибе, Т. М. Назарцева; науч. ред. П. П. Вибе. Омск: ОГИК музей, 2012. С. 117–132.

Беляева С. О., Кубишев А. І. Поселення Дніпровського Лівобережжя X–XV ст. (за матеріалами поселень поблизу сіл Комарівка та Озаричі). Київ: Наукова думка, 1995. 110 с.

Бехайм В. Энциклопедия оружия. СПб.: Санкт-Петербург оркестр, 1995. 576 с.

Блэр К. Пистолеты мира / Пер. с англ. А. С. Цыпленкова. М.: Центрполиграф, 2007. 442 с.

Богомолов В. В., Володин Е. О., Заидов О. Н., Цыбин М. В., Шебанин Г. А., Шеков А. В. Предварительные итоги археологических исследований селища Большое Саврасово 2 // АП: материалы науч. семинара. Вып. 11 / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2015. С. 339–411.

Богомольников В. В. Раскопки в Чечерске и Нисимковичах // АО 1981. М.: Наука, 1983. С. 340.

Богомольников В. В. Радимичи (по материалам курганов X–XII вв.). Гомель, 2004. 159 с.

Богоявленский С. К. Вооружение русских войск в XVI–XVII вв. // Исторические записки. 1938. Т. 4. С. 258–283.

Богуславский Г. К. О результатах изысканий Гнёздовского могильника Смоленского уезда, произведенных 23 июня – 12 сентября 1899 г., и несколько слов о самом могильнике // Смоленская старина. Вып. 1, ч. 1. Смоленск, 1909. С. 3–16.

Бойцов И. А., Гунова В. С., Кренке Н. А. Ландшафты средневековой Москвы: археолого-палинологические исследования // Известия АН СССР. Серия географическая. 1993. № 4. С. 60–75.

Борис Меньшагин: воспоминания. Письма. Документы / Сост., подгот. текста и биогр. очерк: П. Полян; ред. М. Дэвид-Фокс и др. СПб.: Нестор-История, 2019. 823 с., 32 л. ил., портр., факс., 1 л. карт.

Ботвинник М. Б. Николай Михайлович Никольский. Минск: Наука и техника, 1967. 150 с.

Ботвинник М. Б. В. Н. Перцев. Минск: Наука и техника. 1978. 150 с.

Бронникова М. А., Панин А. В., Шеремецкая Е. Д. и др. Формирование поймы Днепра в районе Гнёздовского археологического комплекса в среднем и позднем голоцене // Гнёздовский археологический комплекс. Материалы и исследования. Вып. 1. М.: ГИМ, 2018. С. 28–68. (Тр. ГИМ; вып. 210).

Бубенько Т. С. Средневековый Витебск Посад – Нижний замок (X – первая половина XIV в.). Витебск: Витебский гос. ун-т им. П. М. Машерова, 2004. 276 с.

Бубенько Т. С., Левко О. Н. Стратиграфия и хронология нижнего слоя Витебска // Ранние славяне белорусского Поднепровья и Подвинья. Минск, 2003. С. 71–95. (МАБ; вып. 8).

Булкин В. А. Большие курганы Гнёздовского могильника // Скандинавский сборник. Вып. XX. Таллин, 1975. С. 134–146.

Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX–XI вв. Л.: ЛГУ, 1978. 150 с.

Васильев В. Л. Архаическая топонимия Новгородской земли: древнеславянские деантропонимные образования. Великий Новгород: Изд-во Новгородского гос. ун-та им. Ярослава Мудрого, 1975. 467 с.

Вдовиченко М. В. Смоленский Успенский собор XVII века: типология, хронология, стиль // Архитектурное наследство. 48. М., 2007. С. 134–148.

Веретюшкин Р. С. Разведки в Курчатовском районе Курской обл. // АО 2002 г. М.: Наука, 2003. С. 99–100.

Волков И. В. Амфоры Новгорода: хронология и распределение в слое // Новгород и Новгородская земля. История и археология: материалы науч. конф. Вып. 19. Великий Новгород: Новгородский гос. объед. музей-заповедник, 2005. С. 145–163.

Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Зодчество Смоленска XII–XIII вв. Л.: Наука, 1979. 415 с.

Воронцов А. М., Модин Р. Н. Древнерусский горизонт городища Акиньшино // АП: материалы науч. семинара. Вып. 10 / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2014. С. 251–264.

Гавритухин И. О. Маленькие трапециевидные подвески с полоской из прессованных точек по нижнему краю // Гістарычна-археалагічны зборник. № 12. Минск, 1997. С. 43–79.

Гавритухин И. О., Седин А. А. Фибулы с городища Никодимово // КСИА. 2014. Вып 236. С. 118–128.

Гайдуков П. Г. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М.: ИА РАН, 1992. 197 с.

Гайдуков П. Г., Янин В. Л. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2006 г. // Новгород и Новгородская земля. Вып. 21. Вел. Новгород: Новгород. объед. музей-заповедник, 2007. С. 138–164.

Галанов В. И. Дорогой подарок Рачевки // Край Смоленский. 2016. № 1. С. 14–19.

Гиблова А. А., Кренке Н. А. Раскопки Центрального городища в Гнёздове в 1940 г. // АВ. 2024. Вып. 44. С. 283–297.

Голубева Л. А. Белозерская весь и её западные соседи в X – начале XI века // Скандинавский сборник, Вып. VIII. Таллин: Эстонское гос. изд-во, 1964. С. 285–296.

Голубева Л. А. Раскопки древнего Белоозера в 1961–1962 гг. // КСИА. 1967. Вып. 110. С. 92–97.

Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере. X–XIII вв. М.: Наука, 1973. 212 с.

Горюнова В. М. Некоторые аспекты ювелирного дела раннегородских центров Северной Руси (тигли) // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб.: ИИМК РАН, 1994. С. 60–73.

Греков Б. Д. Киевская Русь. М.: Госполитиздат, 1953. 568 с.

Григорьев А. В. Северская земля в VIII – начале XI в. Тула: Гриф и К°, 2000. 263 с.

Гупало В. Звенигород і Звенигородська земля у XI–XIII століттях (соціоісторична реконструкція). Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2014. 532 с.

Гусева С. В. Фотограф И. Ф. Барщевский: взгляд на церковную архитектуру // Новое искусствознание. 2021. № 3. С. 106–115.

Гущин А. С. Памятники художественного ремесла Древней Руси X–XIII вв. Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1936. 86 с.

Даркевич В. П. Гемма из Смоленска // КСИА. 1965. Вып. 104. С. 38–39.

Дементьева А. С. «Подвески гнёздовского типа» на территории Древней Руси X–XII вв. // Гнёздово. Результаты комплексных исследований памятника / Отв. ред. В. В. Мурашева. М.: ГИМ, 2007. С. 211–271.

Дзьмітраў В. Год працы Смаленскага Таварыства Краязнауства // Наш край. 1927. № 6–7. С. 110–111.

Дзьмітраў В. Краязнаўчая праца у Смаленшчыне у 1927 г. // Наш край. Менск, 1930а. № 4. С. 59–62.

Дзьмітраў В. Краязнаўчая праца у Смаленшчыне у 1928 г. // Наш край. Менск, 1930б. № 78. С. 74–77.

Дзьмітраў В. Пяць год працы Рачаўскага музэю Смаленскага т-ва краязнаўства (1924–1928) // Наш край. Менск, 1930в. № 9–10. С. 71–75.

Доброва О. П. Стеклянные бусы Гнёздова по материалам раскопок Центрального городища // Гнёздовский археологический комплекс: Материалы и исследования. Вып. 1. М.: ГИМ, 2018. С. 102–126 (Тр. ГИМ; вып. 210).

Добровольская Е. В. Первичные остеологические данные из раскопок в северо-западной части Центрального селища // Гнёздовский археологический комплекс. Материалы и исследования. Вып. 1. М.: ГИМ, 2018. С. 390–394.

Добровольская М. В. К методике изучения материалов кремации // КСИА. 2010. Вып. 224. С. 85–97.

Древности Российскаго государства, изданныя по высочайшему повелению. Отделение 3. Броня, оружие, кареты и конская сбруя. М.: В тип. Александра Семена, 1853. 152 с.

Дробушевский А. Этнокультурные изменения в междуречье Днепра и Десны на рубеже нашей эры // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 26. Мінск: Беларуская навука, 2011. С. 76–83.

Дук Д. У. Полацк і палачане (IX–XVIII стст.). Наваполацк: Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт, 2010. 180 с.

Дук Д. У. Археалагічныя комплексы пасадаў Полацка IX–XVIII стст. (па выніках раскопак 2004–2012 гг.). Наваполацк: Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт, 2014. 254 с.

Дук Д. У., Коц А. Л. Старажытны Полацк: новыя даныя па выніках раскопак на тэрыторыі Ніжняга замка ў 2014 годзе // Вынікі даследаванняў першабытных і сярэдневяковых старажытнасцей Беларусі ў 2013–2014 гадах / Науч. ред.: О. Н. Левко. Минск: Беларуская навука, 2016. С. 31–41. (Матэрыялы па археалогіі Беларусі; вып. 27).

Емельянов П. Далекое прошлое Смоленской области // Рабочий путь. 1940. № 169 (25 июля). Л. 2.

Ениосова Н. В. Золото викингов на территории древней Руси // У истоков русской государственности: материалы науч. конф. / Ред.-сост. А. Е. Мусин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 307–315.

Ениосова Н. В. Фибула типа «Терслев» на территории Древней Руси // Города и веси средневековой Руси. Археология, история, архитектура: сб. ст. / Отв. ред. П. Г. Гайдуков. М.; Вологда: Древности Севера, 2015. С. 169–179.

Ениосова Н. В., Жарнов Ю. Э. Ювелирный производственный комплекс из «Ветчаного города» домонгольского Владимира // РА. 2006. № 2. С. 64–80.

Ениосова Н. В., Митоян Р. А. Тигли Гнездовского поселения // Археологический сборник: памяти М. В. Фехнер. М.: ГИМ, 1999. С. 54–63. (Тр. ГИМ; вып. 111).

Ениосова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г. Латуни средневекового Новгорода // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 14. Материалы научной конференции (Новгород, 25–27 января 2000) / Сост. П. Г. Гайдуков. Великий Новгород: Новгородский гос. объед. музей-заповедник, 2000. С. 99–111.

Ениосова Н. В., Пушкина Т. А., Мурашева В. В. Гнёздово – раннегородской центр Смоленской земли // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2012. № 5. С. 176–196.

Ениосова Н. В., Розанова Л. С. Кузнечные инструменты гнёздовских ювелиров // Гнёздовский археологический комплекс. Материалы и исследования. Вып. 2. М.: ГИМ, 2021. С. 100–115.

Ениосова Н. В., Rehren T. Плавильные сосуды новгородских ювелиров // Новгородские археологические чтения. Вып. 3. Материалы Международной научной конференции «Археология средневекового города: к 75-летию археологического изучения Новгорода». Великий Новгород: Новгородский гос. объед. музей-заповедник, 2011. С. 243–255.

Енуков В. В. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей. М.: Археолог. агентство экспериментал. творческого центра Мосгорисполкома, 1990. 262 с.

Енуков В. В. Славяне до Рюриковичей. Курск: Учитель, 2005. 352 с.

Еремеев И. И. Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (очерки средневековой археологии и истории Псковско-Белорусского Подвинья). СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. 696 с. (Тр. ИИМК; т. XLIV).

Еремеев И. И., Дзюба О. Ф. Очерки исторической географии лесной части пути из варяг в греки: археологические и палеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень. СПб.: Нестор-История, 2010. 670 с. (Тр. ИИМК РАН; т. 36).

Ершов И. Н., Александровский А. Л., Кренке Н. А., Панин А. В., Чаукин С. Н., Чаукина В. А. Стоянка финального палеолита в г. Смоленск // РА. 2022. № 3. С. 136–151.

Ершова Е. Г., Бакуменко В. О., Воронцов Т. П., Гончаров М. М., Клименко М. С., Куликов Н., Ревокатова Д. П., Селезнева Е. М., Фариш Н. Р., Фетисова Е. С., Яковенко Е. П. Спорово-пыльцевые спектры современного и средневекового конского навоза // Палеопочвы, палеоэкология, палеоэкономика. Пущино, 2017. С. 70–74.

Ершова Е. Г., Кренке Н. А. Археолого-палинологические исследования на Соборной горе в Смоленске // РА. 2017. № 1. С. 81–89.

Ершова Е. Г., Чернов С. З. Природа и человек на водоразделах Радонежа в XIII–XVI вв.: методика корреляции спорово-пыльцевых данных (новые исследования Морозовского болота) // РА. 2010. № 3. С. 101–108.

Ефимов С. В., Рымша С. С. Оружие Западной Европы XV–XVII вв. Кн. II. СПб.: Атлант, 2009. 384 с.

Жилина Н. В. Теория влияний и своеобразия на примере древнерусского драгоценного убора // АВ. 2012. Вып. 18. С. 253–281.

Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Подгот. к печати Д. И. Абрамовичем. Пг.: Тип. Имп. Акад. наук, 1916. 204 с.

Заидов О. Н., Кренке Н. А., Лазукин А. В. Новые данные о комплексе памятников у д. Хотяжи на Москве-реке (к вопросу о славянской колонизации Подмосковья) // РА. 2018. № 4. С. 130–148.

Зайцев А. А. «Племя княже Ростиславле» и смоленское зодчество второй половины XII в. // КСИА. 2007. Вып. 221. С. 34–53.

Зайцев А. К. Черниговское княжество в X–XIII вв.: избранные труды. М.: Квадрига, 2009. 226 с.

Зайцев В. В. Монеты из раскопок в Смоленске // Пронин Г. Н., Соболь В. Е. Древний Смоленск. Археология Пятницкого конца. Вып. 2. М.: ИА РАН, 2020. С. 326–336.

Зайцева И. Е. Изготовление металлических украшений на сельских поселениях северо-восточных окраин Древней Руси // КСИА. 2007. Вып. 221. С. 89–98.

Зайцева И. Е. Изделия из цветных металлов и серебра // Археология севернорусской деревни X–XIII вв.: в 3 т. Т. 2. Материальная культура и хронология / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.: Наука, 2008а. С. 57–142.

Зайцева И. Е. Металлические украшения рук Мининского археологического комплекса // Сельская Русь в IX–XVI вв. / Отв. ред.: Н. А. Макаров, С. З. Чернов. М.: Наука, 2008б. С. 278–279.

Зайцева И. Е. К вопросу об организации ювелирного дела в городах Древней Руси // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 199–205.

Зайцева И. Е., Макаров Н. А. Изделия из камня и глины // Археология севернорусской деревни X–XIII вв.: в 3 т. Т. 2. Материальная культура и хронология / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.: Наука, 2008. С. 253–269.

Засецкая И. П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб.: Эллипс, 1994. 224 с.

Засецкая И. П., Казанский М. М., Ахмедов И. Р., Минасян Р. С. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. 210 с.

Захаров Е. В. Фоллис Лициния I (308–324) из Гнёздова // Гнездовский археологический комплекс. М.: ГИМ. 2018. С. 179–180.

Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик, 2004. 592 с.: ил.

Зверуго Я. Г. Древний Волковыск (X–XIV вв.). Минск: Наука и техника, 1975. 144 с.

Звягин В. Н., Анушкина Е. С. Установление видовой принадлежности костных останков // Российское полицейское право. 2014. № 1. С. 178–193.

Зозуля С. С. Исследования в Днепровской курганной группе Гнёздовского археологического комплекса в 2010–2012 гг. // Гнёздовский археологический комплекс… М.: ГИМ, 2018. С. 181–202.

Зоценко В. М., Брайчевська О. А. Ремісничий осередок XI–XII ст. на Київському Подолі // Стародавній Київ. Археологічні дослідження 1984–1989. Київ: Наукова думка, 1993. С. 43–103.

Иванов М. В. Коллекционеры и музейные деятели Смоленского края (XIX – первая треть XX в.). Смоленск, 2011. 120 с.

Казанский М. М. О балтах в лесной зоне России в эпоху великого переселения народов // АВ. Вып. 6. СПб., 1999. С. 404–419.

Казанский М. М. Археологическая ситуация в Среднем Поднепровье в VII в. // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов / Отв. ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН, 2014. С. 45–137.

Казанский М. М. Вооружение и конское снаряжение славян V–VII вв. // Stratum plus. 2015. № 5. С. 43–95.

Казанский М. М. Престижные находки и центры власти постгунского времени в Поднепровье // Stratum plus. 2018. № 4. С. 83–118.

Казанский М. М. О поясах с накладными узкими пластинами из могильника Лучистое // Проблемы истории и археологии средневекового Крыма: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию А. И. Айбабина / Отв. ред. Э. А. Хайрединова. Симферополь: Antiqua, 2019а. С. 60–64.

Казанский М. М. О военной организации славян в V–VII веках: вожди, профессиональные воины и археологические данные // Stratum plus. 2019б. № 5. С. 15–28.

Казанский М. М. Элементы конского снаряжения постгунского времени на Северном Кавказе и их параллели на окраинах степи // История, археология и этнография Кавказа. 2020. Т. 16, № 2. С. 353–375.

Каинов С. Ю. Находки деталей мечей ранних типов на территории Гнёздова // Русь в IX–XII вв. Общество, государство, культура: сб. ст. / Под ред. Н. А. Макарова, А. Е. Леонтьева. М.; Вологда: Древности Севера, 2014. С. 34–46.

Каинов С. Ю. К вопросу о времени возникновения торгово-ремесленного поселения у дер. Гнёздово // Восточная Европа в древности и средневековье. Государственная территория как фактор политогенеза. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2015. С. 121–125.

Калитина Е. Интересные находки // Рабочий путь. 1940. № 163 (18 июля). Л. 3.

Калитина Е. А. Отчет по исследованию некоторых археологических памятников Навлинского района Западной области на основании открытого листа за № 31/103 от 13 июня 1936 г. // Смоленские древности. Вып. 1. Смоленск, 2001. С. 225–237.

Каменецкая Е. В. О верхней дате Гнёздовского поселения под Смоленском (по керамическому материалу) // Проблемы истории СССР. Вып. 6. М.: Изд-во МГУ, 1977. С. 3–13.

Каменецкая Е. В. Керамика IX–XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья. М.; Смоленск: Книжный дом Университет, 2019. 244 с.

Карпухин А. А., Тарабардина О. А., Кулакова М. И., Мацковский В. В., Соловьева Л. И. Дендрохронология средневековых городов центра европейской части России: анализ количественного и хронологического распределения дендродат // Естественно-научные методы исследований и парадигма современной археологии. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 33–36.

Карпухин А. А., Хасанов Б. Ф., Кренке Н. А., Певзнер М. М., Соловьева Л. Н. Дендрохронологическое и радиоуглеродное датирование восточноевропейского дуба (1074–1306 гг.) // РА. 2020. № 1. С. 9–21.

Керамическая установка. По материалам архива и коллекций А. В. Филиппова / Ред. С. И. Баранова. М.: Эксмо, 2017. 471 с.

Кириллова И. В. Остеологические материалы из культурных слоев Гнёздова: новые данные // Гнёздово. Результаты комплексных исследований памятника. М.: Альфарет, 2007. С. 118–129.

Клещенко Е. А. К вопросу о реконструкции элементов погребального убора в кремации (по материалам могильников Молого-Шекснинского междуречья I тыс. н. э.) // Археология: история и перспективы: Восьмая межрегион. конф.: сб. ст. / Под ред. А. Е. Леонтьева. Ярославль: Ярославский гос. ист.-архитектур. и худож. музей-заповедник: Академия 76, 2018. С. 51–57.

Клещенко Е. А., Свиркина Н. Г. Методические подходы при изучении кремированных костных останков из коллективных захоронений (на примере материалов Русского Севера I тыс. н. э.) // ТАС. Вып. 11. Тверь, 2018. С. 595–601.

Клімаў М. В. Новыя даныя аб Запалоцкім пасадзе ў Полацку (па выніках раскопак 2008 г.) // МАБ. Вып. 21. Минск, 2011. С. 74–98.

Ковалевская В. Б. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М.: ИА РАН, 2000. 361 с.

Ковалевский С. Д. «Сага о гутах» (перевод и комментарий) // Средние века. Вып. 38. М.: Наука, 1975. С. 307–311.

Коваль В. Ю. Керамика Ростиславля Рязанского: новые данные по хронологии // АП. Вып. 1. М:. ИА РАН, 2004. С. 58–88.

Коваль В. Ю. Глазурованные чашечки из погребений XI в. // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура: к 60-летию Н. А. Макарова. М.; Вологда: Древности Севера, 2015. С. 229–239.

Кодин Е. В., Кобец О. В. Белорусизация на Смоленщине в 1920-е гг. Смоленск: Смоленский гос. ун-т, 2021. С. 74–80.

Козюба В. К. До проблеми датування «київської» кераміки середини X – середини XIII ст. // Наукові студії. Вип. 9. Датування – хронологія – періодизація. Різні аспекти часу в археології. Винники; Жешів; Львів: Апріорі, 2016. С. 292–318.

Колединский Л. В. Верхний замок Витебска (IX–XVIII вв.) Гродно: ЮрСаПринт, 2021. 632 с.

Колоколов А. М. Поселение 2-й половины X в. на площадке городища у д. Лобыньское в бассейне Упы // РА. 2024. № 4. С. 157–175.

Колоколов А. М. Хронология памятников X в. на территории Окско-Донского водораздела // Историко-географический журнал. 2023. Т. 2, № 1. С. 24–43.

Колосовский Ю. В. Археологическое исследование городища и селища около деревни Вежки Дубровенского района Витебской области в 1994–1998 гг. // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период. Кн. 2. Минск: Беларуская навука, 2016. С. 5–13.

Комар А. В. Поляне и северяне // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 2010. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М.: Рус. фонд содействия образованию и науке, 2012. С. 128–191.

Комаров К. И. Раскопки курганного могильника у д. Плешково Тверской области // Археологические статьи и материалы: сб. участников Великой Отечественной войны. Тула: Гриф и Ко, 2002. С. 141–189.

Корзухина Г. Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 224 с.

Котлярчук А. Шведские колонисты Украины в Коми АССР. Технологии насильственной нормализации и коллективное сопротивление // Скандинавские чтения 2008 года. СПб.: Кунсткамера, 2008. С. 306–325.

Кренке Н. А. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.: ИА РАН, 2011. 548 с.

Кренке Н., Волков В., Ершов И., Кованцев А., Лопатина О., Мельник К., Моисеенков Г., Раева В., Рыбаков С. Смоленская экспедиция ИА РАН в 2022 году // Край Смоленский. 2022. № 10. С. 3–8.

Кренке Н. А., Глазунова О. Н., Ершов И. Н., Олейников О. М. Стратиграфический раскоп на подоле московского кремля // КСИА. 2016. Вып. 243. С. 107–126.

Кренке Н. А., Ершов И. Н., Аникин И. С., Войцик А. А., Муренцева Т. Ю., Раева В. А., Лавриков М. В., Столярова Т. В. Новые данные об археологии Соборной горы в Смоленске // КСИА. 2015. Вып. 240. С. 141–149.

Кренке Н. А., Ершов И. Н., Кудрявцев Б. В., Платоновский Р. Б., Раева В. А. Соборный холм Вязьмы в свете новых раскопок 2017 г. // ТТЗ. Вып. XII. Тверь, 2019. С. 388–405.

Кренке Н. А., Ершов И. Н., Раева В. А. Поселение культуры смоленских длинных курганов на Соборной горе Смоленска // АИППЗ. Вып. 31. М.; Псков; СПб.: Нестор-История, 2016. С. 317–324.

Кренке Н., Ершов И., Раева В., Ганичев К., Лавриков М., Чаукин С., Чаукина В., Волков В., Столярова Т., Бегунова В. По следам Е. А. Шмидта. Смоленская экспедиция ИА РАН в 2020 году // Край Смоленский. 2021. № 1. С. 7–18.

Кръстев Б., Витлянов С. За няколко топонима от околнисте на старопрестолния Преслав // 1100 години Велики Преслав. Т. 2. Шумен: Висш педагогически институт «Константин Преславски», 1995. С. 349–358.

Кулаков В. И. Древности пруссов VI–XIII вв. М.: Наука, 1990. 168 с. (САИ; вып. Г1-9).

Кулаков В. И. Ирзекапинис // Stratum plus. 1999. № 5: Неславянское в славянском мире. С. 211–273.

Кулешов В. Гнёздово/Сюрнес в викингском мире: в поиске критических инфраструктур // Край Смоленский. 2024. № 11. С. 51–54.

Кулешов В. С., Новиков В. В., Каинов С. Ю., Сергеев В. Ю. Нумизматические материалы эпохи викингов в северо-восточной части Центрального поселения Гнёздова из раскопок 2017–2020 годов // Гнёздовский археологический комплекс. Материалы и исследования. Вып. 2. М.: ГИМ, 2021. С. 188–202.

Курбатов О. А. «Оружность» русской конницы. 1630-е – начало 1650-х гг. // Цейхгауз: Рос. воен.-ист. журнал. 2006. № 23. С. 2–4.

Курбатов О. А. Очерки развития тактики русской конницы «сотенной службы» с середины XVI до середины XVII в. // Военная археология: сб. материалов проблемного совета при ГИМ. Вып. 2. М., 2011. С. 58–91.

Курмановский В. С. Керамика поселений Глушицкого комплекса (Смоленская область): Проблемы хронологии и классификации // АП. Вып. 10. М.: ИА РАН, 2014. С. 405–418.

Курмановский В. С. Работы на поселении Глушица 1 в 2016 г.: Предварительные результаты // De mare ad mare. Археология и история: сб. ст. к 60-летию Н. А. Кренке. М.; Смоленск: Свиток, 2017. С. 82–105.

Курмановский В. С. Гнёздово и окрестности в XI–XVIII вв. Историко-археологический очерк // Гнёздовский археологический комплекс… М.: ГИМ, 2018. С. 241–266.

Курмановский В. С. Смоленская керамика XI–XVIII вв.: Опыт рабочей классификации // Смоленская керамика VIII–XIX вв. Новые материалы и старые коллекции. М.; Смоленск: Свиток, 2020. С. 18–29.

Курмановский В. С., Муренцева Т. Ю., Шарганова О. Л. Смоленская керамика конца X – первой половины XII в.: некоторые морфологические и технологические особенности // Нескончаемое лето: сб. ст. в честь Е. А. Рыбиной. Великий Новгород: Любавич, 2018. С. 111–118.

Кучера М. П. Поселения Среднего Поднепровья // Древнерусские поселения Среднего Поднепровья: археологическая карта / М. П. Кучера, О. В Сухобоков, С. А. Беляева и др.; отв. ред. В. Д. Баран. Киев: Наукова думка, 1984. С. 6–27.

Кучера М. П. Керамика // Археология Украинской ССР. Т. 3. Киев: Наукова думка, 1986. С. 446–454.

Кучера М. П. Бушуевское городище // Древние славяне и Киевская Русь. Киев: Наукова думка, 1989. С. 188–192.

Кушнеревич А. Н. Готические изразцы Великого княжества Литовского XIV–XV вв. // Архитектурно-археологический семинар. Из истории строительной керамики средневековой Восточной Европы. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. С. 138–149.

Лавренов Н. Г., Ершова Е. Г., Кренке Н. А., Журавкова М. М. Ландшафты Смоленской области как следствие древней антропогенной деятельности: Палеоэкологическое исследование болота Радомский Мох // ПА. 2021. Т. 38, № 4. С. 235–246.

Лапшин В. А. Керамическая шкала домонгольского Суздаля // Древнерусская керамика. М.: ИА РАН, 1992. С. 90–102.

Лаушкин К. Д. Раскопки в Старой Ладоге // КСИА. 1960. Вып. 81. С. 72–76.

Левко О. Н., Колосовский Ю. В. Раскопки городищ у д. Кисели (Дымокуры) Толочинского района и у д. Черкасово Оршанского района Витебской области // Ранние славяне Белорусского Поднепровья и Подвинья. Минск: ИИ НАНБ, 2003. С. 182–208. (МАБ; № 8).

Лемберг Е. М., Сергеев В. Ю. Клад восточных монет первой четверти IX в. из Смоленска // III Международная нумизматическая конференция «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.» (Санкт-Петербург, Старая Ладога 22–24 апреля 2016 года): материалы докл. и сообщ. СПб.: Знакъ, 2016. С. 44–99.

Лесман Ю. М. Скандинавский компонент древнерусской культуры // Stratum plus. 2014. № 5. С. 43–87.

Лопатин Н. В. Тушемля, Демидовка, Колочин: о соотношении керамики верхних слоев // КСИА. 1989. Вып. 195. С. 9–15.

Лопатин Н. В. Керамический комплекс верхнего слоя городища Банцеровщина // Archaeoslavica. Kraków, 1993. Vol. 2. S. 87–97.

Лопатин Н. В. Несколько заметок о верхнем слое городища Тушемля // De mare ad mare. М.: ИА РАН, 2017а. С. 147–156.

Лопатин Н. В. О тушемлинской и колочинской культурах // Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур: к 60-летию А. М. Обломского. М.: ИА РАН, 2017б. С. 63–69. (Раннеславянский мир; вып. 19).

Лопатин Н. В. О городищах V–VII вв. в Верхнем Поднепровье и на Северо-Западе России // КСИА. 2018. Вып. 250. С. 293–306.

Лопатин Н. В. О происхождении форм поздней лепной керамики Северо-Запада России // РА. 2022. № 3. С. 52–65.

Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г. Северные рубежи раннеславянского мира. М.: ИА РАН, 2007. 252 с. (Раннеславянский мир; вып. 8).

Львова З. А. Стеклянные бусы Старой Ладоги // АСГЭ. Вып. 10. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1968. С. 64–94.

Львова З. А. Стеклянные бусы Старой Ладоги. Ч. II // АСГЭ. Вып. 12. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1970. С. 89–111.

Лявданский А. Н. Материалы для археологической карты Смоленской губернии // Труды смоленских государственных музеев. Вып. 1. Смоленск, 1924. С. 127–184.

Лявданский А. Н. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии // Научные известия Смоленского государственного университета. Т. 3, вып. 3. Смоленск, 1926. С. 178–296.

Лявданский А. Н. Некоторые данные о каменном веке и о культуре бронзовой эпохи в Смоленской губернии // Известия Смоленского государственного университета. 1927. Т. 4, вып. 3. С. 217–260.

Лявданский А. Н. Археологические исследования в БССР после Октябрьской революции // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. 1932. № 7–8. С. 54–61. Табл. 2. С. 19–23.

Ляпушкин И. И. Гнёздово и Смоленск // Проблемы истории феодальной России. СПб.: ЛГУ, 1971. С. 33–37.

Ляўданскі А. Н. Археолёгічныя досьледы ў вадазборах р.р. Сажа, Дняпра, і Касплі ў Смаленскай губэрніі // Працы археолёгічнай камісіі. Т. II. Менск, 1930. С. 269–338.

Ляшкевич Э. А., Касюк Е. Ф. Городище Банцеровщина: история исследования и предварительные итоги // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период. Кн. 2. 2-е изд. Минск: Беларуская навука, 2019. С. 189–220.

Магомедов Б. В. Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin, 2001. 290 с.

Макаров Н. А. Население русского Севера в XI–XIII вв. М.: Наука, 1990. 215 с.

Макаров Н. А., Федорина А. Н., Шполянский С. В. Большие поселения X–XI вв. и структуры расселения XII–XIII вв. в Суздальском Ополье: проблемы преемственности // АВСЗ. Вып. 8 / Отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский. М.: ИА РАН, 2017. С. 7–25.

Маковская Л. К. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV–XVIII в.: определитель. М.: Воен. изд-во, 1992. 200 с.

Маковский Д. П. Смоленское княжество. Смоленск: Тип. им. Смирнова, 1948. 272 с.

Маковский Д. П. К вопросу о происхождении северных славян (кривичей) // Материалы по изучению Смоленской области. Вып. 1. Смоленск: Смоленское обл. гос. изд-во, 1952. С. 5–86.

Маковский Д. П. Где находился древний Смоленск // Рабочий путь. Смоленск. 1963. 5 сентября. С. 3.

Макушников О. А. Гомельское Поднепровье в V – середине XIII вв.: Социально-экономическое и этнокультурное развитие. Гомель: Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины, 2009. 218 с

Малевская-Малевич М. В. Керамика западнорусских городов X–XIII вв. СПб.: Нестор-История, 2005. 160 с. (Тр. ИИМК РАН; т. XVII).

Малов А. В. Русско-польская война 1654–1667 гг. М.: Цейхгауз, 2006. 48 с.

Малыгин П. Д. О «парах» и «переносах» городов древней Руси // Земли родной минувшая судьба. М.: ИА РАН, 2018. С. 106–120.

Мальм В. А., Фехнер М. В. Привески-бубенчики // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М.: Советская Россия, 1967. С. 133–148. (Тр. ГИМ; вып. 43).

Марзалюк І. Новыя крыніцы па гісторыі славянскага рассялення ў магілёўскім Падніпроўі і Пасожжы // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 26. Мінск: Беларуская навука, 2011. С. 97–118.

Марзалюк І. А. Археалагічнае вывучэнне курганнага могільніка Усход. Магілёў: Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. А. Куляшова, 2017. 208 с.

Марков А. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1910. 149 с.

Маслих С. А. Русское изразцовое искусство XV–XIX веков. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изобразительное искусство, 1983. 271 с.: ил.

Медведев А. Ф. Древнерусские писала XI–XV вв. // СА. 1960. № 2. С. 63–88.

Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. (Лук и стрелы, самострел). VIII–XIV вв. М.: Наука, 1966. 184 с. (САИ; вып. Е1-36).

Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи. М., 2001. 496 с.

Мерцалова М. Н. Костюм разных времен и народов. Т. II. СПб.: Чарт-Пилот, 2001. 430 с.

Милонов Н. П. Древнейший памятник архитектуры // Рабочий путь. 1940. № 3 (4 января).

Михайлова Е. Р. Снаряжение всадника и коня в псковских длинных курганах // Stratum plus. 2014. № 6. С. 73–82.

Михайлова Е. Р. Культура псковских длинных курганов – культовый союз? К постановке проблемы // Stratum plus. 2018. № 5. С. 105–115.

Модестов Ф. Э. Смоленская крепость. Смоленск: Центр по охране и использ. памятников истории и культуры Смолен. обл., 2003. 143 с.: ил.

Момбекова А. А., Ушанков Е. М., Чекунина Н. В. Нумизматические находки из раскопок курганных могильников Плешково-I и Плешково-II К. И. Комарова 1980 и 1986 годов // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 15. Тверь, 2023. С. 21–34.

Моргунов Ю. Ю. Историческая география Переяславской земли. Вологда: Древности Севера, 2019. 375 с.

Моргунов Ю. Ю., Щавелев С. П. «Курескъ на Тускоръ»: к вопросу о происхождении летописного города // Славянский средневековый город. Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 2. М., 1997. С. 261–271.

Мурашева В. В. «Град велик и мног людьми». Некоторые итоги исследований Смоленской экспедиции Исторического музея // Государственный исторический музей и отечественная археология: к 100-летию отдела археологических памятников. М., 2014. С. 187–202.

Мурашева В. В., Ениосова Н. В., Фетисов А. А. Кузнечно-ювелирная мастерская в пойменной части гнездовского поселения // Гнёздово. Результаты комплексных исследований памятника / Ред. В. В. Мурашева. М.: Альфарет, 2007. С. 31–77.

Мурашева В. В., Малышева Н. Н., Френкель Я. В. Исследование прибрежной территории озера Бездонка на пойменной части поселения Гнёздовского археологического комплекса // Гнёздовский археологический комплекс: Материалы и исследования. Вып. 1. М.: ГИМ, 2018. С. 286–339. (Тр. ГИМ; вып. 210).

Мурашева В. В., Панин А. В., Шевцов А. О., Малышева Н. Н., Зазовская Э. П., Зарецкая Н. Е. Время возникновения поселения Гнёздовского археологического комплекса по данным радиоуглеродного датирования // РА. 2020. № 4. С. 70–86.

Мусин А. Е. Постиконоборческая культура Византии и ее восприятие в процессе христианизации Восточной Европы // Русский средневековый город. Археология. Культура: к юбилею А. В. Чернецова / Отв. ред. И. Ю. Стрикалов; сост. И. Н. Кузина. М.: ИА РАН, 2022. С. 393–419.

Мядзведзева В. Сярэдневяковыя шашки Беларусі (па матэрыялах археалагічных даследаванняў) // Гістарычна-археалагічны зборнік. Вып. 22. Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2006. С. 187–200.

Мясникова Н. В. К дендрохронологии Смоленска // СА. 1980. № 2. С. 246–251.

Мяцельскі А. А. Старадаўні Крычаў: Гіст.-археал. нарыс горада ад старажыт. часоў да канца XVIII ст. Мінск: Беларуская навука, 2003. 167 с.

Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 262 с.

Недошивина Н. Г. Древнерусские амулеты в виде миниатюрных предметов быта и их роль в погребальном обряде // Археологический сборник. Погребальный обряд. М.: ГИМ, 1997. С. 80–95. (Тр. ГИМ; вып. 93).

Неклюдов М. Н., Писарев С. П. О раскопках в Смоленске. Смоленск: Изд-во Смоленского губстаткомитета: Тип. П. А. Силина, 1901. 33 с.

Нерознак В. П. Названия древнерусских городов. М.: Наука, 1983. 207 с.

Нефёдов В. С. Некоторые замечания об украшениях культуры смоленских длинных курганов из раскопок в Старой Ладоге // Ладога – первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни: Седьмые чтения памяти Анны Мачинской / Ред. Д. А. Мачинский. СПб.: Нестор-История, 2003. С. 58–67.

Нефёдов В. С. Височные кольца культуры смоленских длинных курганов (по материалам погребений Смоленского Поднепровья и Подвинья) // РА. 2009. № 3. С. 35–41.

Нефёдов В. С. Ранние этапы политогенеза на территории Смоленской земли (конец IX – начало XI в.) // Северная Русь и проблемы формирования древнерусского государства. Вологда: Древности Севера, 2012. С. 89–113.

Никитин П. Е. История города Смоленска. М.: Тип. С. Селивановского, 1848. 403 с.

Никитина Г. Ф. Могильник у с. Оселивка Кельменецкого р-на Черновичкой обл. // Могильники черняховской культуры. М.: Наука, 1988. С. 5–97.

Николаев С. Л. К этимологии и сравнительно-исторической фонетике имен северогерманского (скандинавского) происхождения в «Повести временных лет» // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14, № 2. С. 7–54.

Новиков В. В., Каинов С. Ю., Сергеев К. С., Белоусов А. А. Результаты комплексных исследований курганов Лесной курганной группы Гнёздовского археологического комплекса // Приборы и системы разведочной геофизики. Саратов, 2018. № 1 (61). С. 71–79.

Новиков В. В., Шведчикова Т. Ю., Доброва О. П. Раскоп ЦС-V Центрального селища Гнёздова. Результаты археологических изысканий и комплексных антропологических исследований // Гнёздовский археологический комплекс… М.: ГИМ, 2018. С. 395–410.

Обломский А. М. Колочинская культура // Раннесредневековые древности Восточной Европы V–VII вв. М.: ИА РАН, 2016. С. 10–113. (Раннеславянский мир; вып. 17).

Обломский А. М., Козмирчук И. А. Могильник гуннского времени Ксизово-19 // Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV – V в.) / Отв. ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН, 2015. С. 134–164. (Раннеславянский мир; вып. 17).

Овчинникова Б. Б. Писала-стилосы древнего Новгорода X–XV вв. (свод археологического источника) // Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2000. С. 45–105. (Проблемы истории России; вып. 3).

Олейников О. М. Двор первых смоленских князей (по результатам охранных археологических исследований на ул. Ленина, 15 в Смоленске в 2004 г. // Тверь, ТТЗ. Вып. 7. Тверь: Тверской науч.-исслед. ист.-археолог. и реставрац. центр, 2014. С. 6–17.

Олейников О. М. Раскоп на ул. Ленина, 8-А, в Смоленске (Результаты охранных археологических исследований 2005–2006 гг.) // Города, поселения, могильники. Чебоксары: Перфектум, 2015. С. 146–207. (Материалы охранных археологических исследований; т. 17).

Орлов С. Н. О раннеславянском грунтовом могильнике с трупосожжениями в Старой Ладоге // СА. 1960. № 2. С. 251–254.

Орловский И. И. Смоленская стена. 1602–1902: Исторический очерк Смоленской крепости в связи с историей Смоленска. Смоленск: Смоленский губ. стат. комитет, 1902. 219 с.: ил.

Орловский И. И. Достопамятности Смоленска. Смоленск: Тип. П. А. Силина, 1905. 80 с.

Орловский И. И. Борисоглебский монастырь в Смоленске на Смядыни и раскопки его развалин // Смоленская старина. Вып. I, ч. I. Смоленск, 1909. С. 195–312.

Орловский И. И. Избранное. Смоленск: Свиток, 2011. 240 с.

Панина С. Н. А. А. Берс и Е. М. Берс – исследователи археологии Среднего Зауралья // Уральский исторический вестник. 2015. № 3. С. 32–36.

Петрашенко В. А. Керамика IX–XIII вв. Среднего Поднепровья // Древнерусская керамика. М.: ИА РАН, 1992. С. 7–20.

Петрухин В. Я. К истории давней дискуссии: Смоленск и Гнёздово // Гнёздовский археологический комплекс… М.: ГИМ, 2018. С. 461–471.

Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. К предыстории древнерусского города // История СССР. 1979. № 4. С. 100–112.

Писарев С. П. Княжеская местность и храм князей в Смоленске: Историко-археологические исследования в связи с историей в Смоленске. Смоленск: Типо-литогр. Ф. В. Зельдович, 1894. 295 с.

Південноруське село IX–XIII ст. (Нові пам'ятки матеріальної культури): навч.-метод, посібник / Ред.: О. П. Моця, В. П. Коваленко, В. О. Петрашенко. Київ: Інститут змісту та методів навчання, 1997. 180 с.

Плавінскі М., Штыхаў Г. Ляпная кераміка Полацкага селішча // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 21. Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2006. С. 55–66.

Покровская Л. В. Привески-амулеты средневекового Новгорода (Неревский и Троицкий раскопы) // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 259–272.

Покровская Л. В. Балтийские и прибалтийско-финские предметы на усадьбах Людина конца средневекового Новгорода // АВ. Вып. 31. СПб., 2021. С. 113–127.

Покровская Л. В., Степанов А. М., Сингх В. К. Нательные кресты, крестовидные и крестовключенные привески XI – начала XII в. (по материалам Троицких XIII и XIV раскопов) // В камне и бронзе: сб. ст. в честь Анны Песковой / Ред.-сост.: А. Е. Мусин, О. А. Щеглова. СПб.: ИИМК РАН: Невская кн. тип., 2017. С. 467–474. (Тр. ИИМК РАН; т. 48).

Покрышкин П. П. Смоленская крепостная стена // ИАК. Вып. 12. СПб.: Тип. Гл. Упр. Уделов, 1904. С. 1–25.

Пономаренко Е. В. Методы изучения угольного спектра почв // Материалы III Всероссийской научной конференции с международным участием «Проблемы истории, методологии и социологии почвоведения» / Ред.: И. В. Иванов, Л. С. Песочина, С. Н. Удальцов. Пущино: Товарищество научных изданий КМК, 2017. С. 319–322.

Пономаренко Е. В., Ершова Е. Г., Кренке Н. А., Бакуменко В. О. Следы подсечного земледелия железного века под славянскими курганами на Звенигородской биостанции МГУ // КСИА. 2021. Вып. 263. С. 60–73.

Попов А. А. Анализ плотности распространения височных колец типа «Сельцо» в ARC-GIS 9.3.1 DESKTOP // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: материалы XV Всерос. науч. конф., посвящ. 400-летию дома Романовых и 250-летию адмирала Д. Н. Сенявина. Калуга: Фридгельм, 2013. С. 21–24.

Приймак В. В. Ременные распределители древнерусского и золотоордынского времени (новые находки) // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 6. Липецк: Липецкий гос. пед. ун-т, 2014. С. 538–545.

Пронин Г. Н., Соболь В. Е. Смоленские изразцы XVI–XIX вв. Смоленск: Свиток, 2013. 238 с.: ил.

Пронин Г. Н., Соболь В. Е. Спасательная археология Смоленска: открытия и проблемы // Край Смоленский. 2015. № 2. С. 3–13.

Пронин Г. Н., Соболь В. Е. Древний Смоленск. Археология Пятницкого конца. Вып. 2. М.: ИА РАН, 2020. 336 с.

Пронин Г. Н., Соболь В. Е., Гусаков М. Г. Древний Смоленск. Археология Пятницкого конца. Смоленск: Флиманкова И. А., 2011. 208 с.

Прохоров В. А. Заметки о топографии Смоленска (1-я половина XVII в): горы в Смоленске // Край Смоленский. 2017. № 1. С. 15–18.

Путь из Варяг в Греки и из Грек…: каталог выставки / Отв. ред. В. Л. Егоров. М.: ГИМ, 1996. 104 с.

Пушкина Т. А. Лепная керамика Гнёздовского селища // Вестник Московского университета. 1973. № 3. С. 87–92.

Пушкина Т. А. Нумизматические материалы из раскопок Гнёздова // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М.: Русские словари, 1999. С. 405–417.

Пушкина Т. А. Находка редкой фибулы из Гнёздова // Ладога и история российской государственности и культуры: материалы междунар. науч.-практ. конф. / Отв. ред. А. Н. Кирпичников. СПб.: Вести, 2003. С. 112–114.

Пушкина Т. А. Центральное Гнёздовское городище (предварительные итоги изучения 2008–2012 гг.) // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства: материалы Междунар. конф. СПб.: СОЛО, 2012. С. 206–209.

Пушкина Т. А., Ениосова Н. В. Находки византийского происхождения из раннегородского центра Гнёздово в свете контактов между Русью и Константинополем в X в. // Сугдейский сборник. Вып. V. Киев; Судак: Горобец, 2012. С. 34–85.

Пушкина Т. А., Ениосова Н. В., Мурашева В. В. Изучение Гнёздовского комплекса археологических памятников // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2015. № 3. С. 181–194.

Пушкина Т. А., Ениосова Н. В., Шарганова О. Л. Раскопки Центрального Гнёздовского городища // АО 2008 г. М.: ИА РАН, 2011. С. 199–201.

Пушкина Т. А., Мурашева В. В., Ениосова Н. В. Гнёздовский археологический комплекс // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 243–273.

Рабинович М. Г. Археологические раскопки в Москве в Китай-городе // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVIII. С. 48–61.

Равдина Т. В. Древнейшие семилопастные височные кольца // СА. 1975. № 3. С. 218–223.

Равдина Т. В. Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси: каталог. М.: Наука, 1988. 152 с.

Равдоникас В. И., Лаушкин К. Д. Об открытии в Старой Ладоге рунической надписи на дереве в 1950 г. // Скандинавский сборник. IV. Таллин: Эстонское гос. изд-во, 1959. С. 23–44.

Радюш О. А. Шпора эпохи Великого переселения народов из Гнёздова // Гнёздовский археологический комплекс. Материалы и исследования. Вып. 2. М.: ГИМ, 2021. С. 299–314.

Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.). М.: ИА РАН, 2016. 456 с. (Раннеславянский мир; вып. 17).

Раппопорт П. А. Собор Троицкого монастыря в Смоленске // СА. 1975. № 4. С. 235–248.

Раппопорт П. А. Зодчие и строители древнего Смоленска // Древняя Русь и славяне / Отв. ред. Т. В. Николаева. М.: Наука, 1978. С. 402–407.

Родинкова В. Е. Днепровские фибулы с каймой из птичьих голов // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. С. 233–243.

Родинкова В. Е., Седин А. А. Браслеты Никодимовского городища // Восточная Европа в Средневековье, 2004. М.: Наука. С. 234–246.

Родионов Е. А. Коллекция оружия Гатчинского дворца. Т. II. Научный каталог. СПб.: АВ-Студия, 2013. 524 с.

Родионов Е. А. Коллекция оружия Гатчинского дворца. Т. IV. Научный каталог. СПб.: НП-Принт, 2017. 448 с.

Романова Г. А. Вилы Яругские – могильник IV в. н. э. // Могильники черняховской культуры. М.: Наука, 1988. С. 133–141.

Роспонд С. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточнославянская ономастика. М.: Наука, 1972. С. 9–89.

Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1948. 792 с.

Рябинин Е. А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л.: Наука, 1986. 159 с.

Салимов А. М., Данилов В. В., Василькив П. Н. Новые архитектурно-археологические исследования фундаментов Смоленской крепости // ТАС. Вып. 8. Тверь, 2011. С. 317–339.

Салмин С. А., Салмина Е. В., Стасюк И. В. Археологические исследования фундаментов псковского Троицкого собора в 2020 г. // АИППЗ. Вып. 36. Материалы 66-го заседания. М.; Псков, 2021. С. 31–50.

Сапожников Н. В. Церковь XII в. на улице Соболева в Смоленске // Археологический сборник: памяти Марии Васильевны Фехнер. М.: ГИМ, 1999. С. 120–126. (Тр. ГИМ; вып. 111).

Сапожников Н. В. Историческая топография древнего Смоленска. Смоленск: Свиток, 2016. 192 с.

Сарачев И. Г. Типология венчиков древнерусских горшков днепровского левобережья // Григорьев А. В. Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным. Тула: Гриф и К, 2000. С. 225–236.

Сафарова И. А. Строительная керамика из исследований Загородского посада г. Твери (по материалам раскопа № 119) // ТТЗ. Вып. 6. Тверь: Старый город, 2010. С. 135–149.

Свєшніков І. К. Битва під Берестечком. Львів: Слово, 1992. 304 с.

Сводный каталог утраченных ценностей Российской Федерации. Т. 7. Смоленский государственный музей-заповедник. Кн. 1, 3. М., 2005; 2008.

Седин А. А. Клад из городища Никодимово // Магілёўшчына. Вып. V. Магілёў, 1994. С. 16–20.

Седин А. А. Предметы вооружения, снаряжения всадника и верхового коня из городища Никодимово. Могилев: Могилевский областной краеведческий музей, 2012. 64 с.

Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (V–XV вв.). М.: Изд-во АН СССР, 1960. 157 с. (МИА; № 92).

Седов В. В. Городище Церковище // КСИА. 1964. Вып. 102. С. 70–74.

Седова М. В. Ювелирные украшения древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.

Седова М. В. Суздаль в X–XV вв. М.: Русский мир, 1997. 320 с.

Семенцов А. А., Долуханов П. М., Романова Е. М. Радиоуглеродные даты лаборатории ЛОИА // СА. 1972. № 3. С. 209–210.

Сергеев С. Ю. Восточные монеты из раскопок 1940 г. на Центральном городище Гнёздова // XXII всероссийская нумизматическая конференция: тез. докл. и сообщ. М., 2023. С. 52–55.

Сергина Т. В. Керамика Смоленска середины XIII –XVII веков // Смоленские древности. Вып. 3 / Отв. ред. Ф. Э. Модестов. Смоленск: Смоленский гос. ун-т, 2004. С. 5–190.

Сергина Т. В. Жизнь и деятельность Е. Н. Клетновой в годы эмиграции (по материалам ГА РФ) // Е. Н. Клетнова. Неизвестные страницы жизни и деятельности. Вязьма, 2008. С. 130–165.

Серебрянников А. П. Краткий исторический очерк Государственного историко-этнографического музея в Смоленске, основанного М. К. Тенишевой. Смоленск: Смоленский гос. ун-т, 1926. 16 с., 1 л. портр.

Сизов В. И. Курганы Смоленской губернии. Вып. 1. Гнёздовский могильник близ Смоленска. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1902. 162 с., 14 л. ил. (Материалы по археологии России; № 28).

Сокровища земли Карельской: каталог выставки / Сост. С. В. Бельский. СПб.; Выборг: ИИМК РАН: Выборгский объед. музей-заповедник, 2022. 240 с.

Солодовникова С. Пётр Цветков: духовный пастырь, краевед и архивист // Край Смоленский. 2018. № 2. С. 18–20.

Спиридонова Е. А., Алешинская А. С. Палинологические исследования разрезов культурного слоя Романова двора // Археология Романова двора. Предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках / Авт.-сост. Н. А. Кренке. М.: ИА РАН, 2009. С. 196–214.

Спиридонова Е. А., Алешинская А. С., Кочанова М. Д. Новые методические направления при исследовании археологических памятников средневековья // КСИА. 2008. Вып. 222. С. 38–55.

Спицын А. А. Гнёздовские курганы в раскопках С. И. Сергеева // ИАК. Вып. 15. СПб., 1905. С. 6–70.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусскаго языка по письменным памятникам. Т. 3. Р – Ш и дополнения. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1912. 1684, 272 стб.

Старинное оружие из собрания Государственного Эрмитажа: каталог выставки / Науч. ред. М. Б. Пиотровский. СПб.: Славия, 2011. 131 с.

Старков В. Ф., Державин В. Л. Экспедиция Виллема Баренца на Новой Земле (1596–1597 гг.). М.: Научный мир, 2003. 212 с.

Сымонович Э. А. Городище Колочин 1 на Гомельщине // Славяне накануне образования Киевской Руси. М.: Наука, 1963. С. 97–137. (МИА; № 108).

Сымонович Э. А. Придунайский могильник Фурмановка // Могильники черняховской культуры. М.: Наука, 1988. С. 164–167.

Сыроватко А. С. Могильники с кремациями на Средней Оке второй половины I тыс. н. э. // РА. 2014. № 4. С. 48–61.

Тарасаў С. В. Полацк IX–XVII стст: гісторыя і тапаграфія. Мінск: Беларуская навука, 1998. 183 с.

Тарасенка Васіль Радзівонавіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. Т. 6, кн. 1. Пузыны – Усая. Менск, 2001. С. 504.

Тарасюк Л. И. Русское ручное огнестрельное оружие XVI–XVII веков (Воспламенительные механизмы, их эволюция и применение): автореф. дис. … канд. ист. наук. Л., 1965. 16 с.

Тарасюк Л. И. Старинное огнестрельное оружие в собрании Эрмитажа. Европа и Северная Америка. Л.: Искусство, 1971. 223 с.

Телегін Д. Я., Винокур І. С., Титова О. М., Свєшніков І. К. Археологія доби українського козацтва XVI–XVIII ст. Навчальний посібник. Київ: ВІПОЛ, 1997. 336 с.

Тиханова М. А. Золотая византийская подвеска-монета из женского погребения в Гнёздове // КСИИМК. 1945. № 11. С. 28–30.

Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М.: Госполитиздат, 1948. 477 с.

Тихомиров М. Н. Древнерусские города. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1956. 477 с.

Тихомирова В. А. Краткий обзор докладов, заслушанных археологической секцией Научно-исследовательского института краеведческой и музейной работы // Историко-археологический сборник. М., 1948. С. 206–219.

Толкачев А. И. К истории словообразовательных форм со значением субъективной оценки (квалитативов) личных собственных имен греческого происхождения в древнерусском языке XI–XV вв. III // Этимология. 1976. М.: Наука, 1978. С. 128.

Торопов С. Е. Случайные находки скандинавских предметов эпохи викингов в Приильменье: из коллекции Новгородского музея // АВ. 2014. Вып. 20. С. 225–252.

Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Древние городища Смоленщины. М.; Л., 1963. 194 с.

Трубачев О. Н. В поисках единства. М.: Наука, 2005. 285 с.

Трубачев О. Н. Труды по этимологии. Т. 4. Рукописные памятники Древней Руси. М., 2009. 696 с.

Трусов О. А. Памятники монументального зодчества Белоруссии XI–XVII вв. Архитектурно-археологический анализ. Минск: Наука и техника, 1988. 159 с.: ил.

Трусов О. А. Большемерный кирпич XIII–XVII вв. на территории Белоруссии // КСИА. 1991. Вып. 205: Славяно-русские древности. С. 111–117.

Урьева А. Ф. Хронология и стратиграфия раскопа УС-V в Смоленске // Смоленск и Гнездово. М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 80–104.

Успенская А. В. Нагрудные и поясные привески // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М.: Советская Россия, 1967. С. 88–132. (Тр. ГИМ; вып. 43).

Федорина А. Н., Шполянский С. В., Макаров Н. А., Угулава Н. Д. Разведочные работы в Суздальском Ополье // АО. 2018 год. М.: ИА РАН, 2020. С. 142–144.

Флягина М. В. К вопросу об особенностях номинации водных объектов в народных говорах (на материале названий малых водоемов в донских говорах) // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2010. № 2. С. 116–125.

Фурасьев А. Г. Демидовка и Узмень. «Нетрадиционный взгляд на «классические» памятники // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 11. Беларусь у сістэме еўрапейскіх культурных сувязяў. Мінск, 1997. С. 33–38.

Фурасьев А. Г. О датировке и происхождении одной группы пряжек эпохи великого переселения народов // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. LIX. СПб., 2001. С. 24–27.

Хворостова Е. Л. Керамические покрытия кровель XV–XVII вв. (Москва и Московская область) // ТТЗ. Вып. 4. Тверь: Старый город, 2002. С. 204–214.

Хворостова Е. Л. Специализированные печи XVI в. и конца XVI – начала XVII в. из раскопок Старицкого городища // ТАС. Вып. 10, т. II. Материалы V Тверской археологической конференции, 16-го и 17-го заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Тверь: Триада, 2015. С. 348–359.

Хворостова Е. Л., Сиволапова А. Б. Старицкая архитектурная керамика // ТТЗ. Вып. 14. Тверь: Старый город, 2022. С. 242–259.

Ходаковский З. Донесение о первых успехах путешествия по России Зориана Долуга Ходаковского из Москвы 13 липца 1822 г. // Русский исторический сборник. Т. 7. СПб., 1844. С. 7–367.

Хозеров И. М. Знаки и клейма кирпичей смоленских памятников зодчества древнейшего периода. Смоленск: Смоленский гос. ун-т, 1929. 18 с. (167–184), 15 л. ил. (Отт. из Науч. изв. Смоленского гос. ун-та; т. V, вып. 3).

Хозеров И. М. Город Смоленск в начале XVII в. // Смоленская оборона 1609–1611 гг. / Ред. В. Мальцев. Смоленск: Смолгиз, 1939. С. 227–258.

Хозеров И. М. Археологическое изучение памятников зодчества древнего Смоленска // КСИИМК. 1945. Вып. XI. С. 20–26.

Храпунов И. Н., Казанский М. М. Погребение № 114 на могильнике Нейзац (Предгорный Крым) и древности кочевников Северного Причерноморья второй половины V – первой половины VI в. // КСИА. 2015. Вып. 238. С. 170–193.

Цалкин В. И. Домашние животные Восточной Европы в эпоху поздней бронзы. Сообщение 2 // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отд. биологии. 1972. Т. 77, вып. 2. С. 42–50.

Чепига Г. Г. На южной окраине Российского государства. Донбасс в XVI–XVII вв. // Музейный вестник Республики. № 1. Глава 10. Донецк: РА ДОН, 2017. С. 299–336.

Чернов С. З. Московская берестяная грамота № 1 – первый акт Московской Руси на бересте // РА. 1997. № 2. С. 123–149.

Чернов С. З., Бойцов И. А. Раскопки в Историческом проезде и изучение великого посада Москвы в XIII–XV вв. // РА. 1992. № 1. С. 211–230.

Черных Н. Б. Дендрохронология и археология. М.: Nox, 1996. 212 с.

Чубинский А. Н. Конструкции замков огнестрельного оружия и их наименования в русских источниках XVI – начала XVIII века // Война и оружие. Новые исследования и материалы: тр. Пятой Междунар. науч.-практ. конф. (14–16 мая 2014 г.). Ч. IV. СПб., 2014. С. 405–428.

Шадыра В. І. Беларускае Падзвінне (I тысячагоддзе н. э.). Мінск: Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, 2006. 150 с.

Шаменков С. Піхота українських гетманів XVII – поч. XVIII ст. Одяг, спорядження, зброя та клейноди. Київ: Темпора, 2010. 146 с.

Шевцов А. О. Монеты императора Феофила (829–842) на территории Гнёздовского археологического комплекса // РА. 2017. № 1. С. 141–149.

Шевцов А. О. Коллекции византийских монет Гнёздова и Киева в контексте контактов Руси и Византии в IX–XI вв. // Гнездовский археологический комплекс. М.: ГИМ, 2018. С. 482–509

Шиманюк А. П. Дендрология. Изд. 2-е, доп. М.: Лесная пром-сть, 1974. 264 с.

Широбоков И. Г., Юшкова М. А. Антропологические материалы из коллективных захоронений по обряду кремации и ингумации каменного могильника с оградками Малм (по результатам раскопок 2010 г.) // ВААЭ. 2014. № 2 (25). С. 71–79.

Шмидт Е. А. Длинные курганы у дер. Цурковки в Смоленском районе // СА. 1958. № 3. С. 162–169.

Шмидт Е. А. Поле погребений и курганы у дер. Акатово Смоленской области // СА. 1962. № 4. С. 189–196.

Шмидт Е. А. Некоторые археологические памятники Смоленщины второй половины I тыс. н. э. // Славяне накануне образования Киевской Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 51–67. (МИА; № 108).

Шмидт Е. А. О культуре городищ-убежищ левобережной Смоленщины // Древние славяне и их соседи. М.: Наука, 1970. С. 63–69. (МИА; № 176).

Шмидт Е. А. К вопросу о древних поселениях в Гнёздове // Материалы по изучению Смоленской области. Вып. 8. Смоленск: Смолгиз, 1974. С. 150–164.

Шмидт Е. А. Археологические памятники Смоленской области (с древнейших времен до VIII в. н. э.). Смоленск, 1976. 288 с.

Шмидт Е. А. Племена верховьев Днепра до образования древнерусского государства. Днепро-двинские племена (VIII в. до н. э. – III в. н. э.). М.: Прометей, 1992. 208 с.

Шмидт Е. А. Древнейшие поселения в Гнёздове // Смоленск и Гнёздово в истории России. Смоленск: Изд-во МГУ, 1999. С. 105–118.

Шмидт Е. А. Курганы у д. Туринщина в Смоленском районе // Смоленские древности. Вып. 1. Смоленск: Смоленский гос. ун-т, 2001. С. 5–112.

Шмидт Е. А. Верхнее Поднепровье и Подвинье в III–VII вв. н. э. Тушемлинская культура. Смоленск: Центр по охране и использ. памятников истории и культуры, 2003. 296 с.

Шмидт Е. А. Курганы у пос. Колодня // Смоленские древности. Вып. 4. Смоленск, 2005. С. 101–145.

Шмидт Е. А. Кривичи Смоленского Поднепровья и Подвинья. Смоленск: Свиток, 2012а. 170 с.

Шмидт Е. А. О времени возникновения города Смоленска // Музейный вестник. Вып. 6. Смоленск, 2012б. С. 139–149.

Шмидт Е. А. Письменные источники о кривичах и их граде Смоленске в IX–X вв. н. э. // Музейный вестник. Вып. 7. Смоленск, *2013*. С. 36–43.

Шмидт Е. А. Шугайлово (комплекс археологических памятников). Смоленск: Свиток, *2013*. 136 с.

Шмидт Е. А. Археологические памятники у д. Кислые на реке Жереспее // Шмидт Е. А. Древности Смоленской земли. Смоленск: Свиток, 2014а. С. 147–179.

Шмидт Е. А. Древности Смоленской земли: материалы фондов Смоленского государственного музея-заповедника. Смоленск: Свиток, 2014б. 202 с.

Шноре Э. Д. Асотское городище. Рига: Изд-во АН Латвийской ССР, 1961. 234 с. (Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР; т. 2).

Шпилев А. Г. Фибулы с зооморфным окончанием в Курской области // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст: мате-

риалы тематич. науч. конф. (Санкт-Петербург, 16–19 дек. 2008 г.). СПб., 2008. С. 205–210.

Шпилев А. Г. Украшения круга «скандинавских древностей» из Курской области // Средневековый город Юго-Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура. Курск, 2009. С. 232–250.

Шполянский С. В. Новые данные по хронологии памятников начального этапа славянской колонизации Москворечья // Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры. М.: ГИМ, 1999. С. 142–153. (Тр. ГИМ; вып. 103).

Шполянский С. В. Предметы вооружения и конского снаряжения X – первой половины XII в. из Суздаля и сельских поселений Суздальского Ополья // РА. 2017. № 1. С. 150–167.

Шрадер Т. А. Очерки жизни шведских колонистов в России (XIX в.) // Скандинавские чтения 2006 года. СПб.: Кунсткамера, 2008. С. 229–253.

Штыхов Г. В. Древний Полоцк IX–XIII вв. Минск: Наука и техника, 1975. 136 с.

Штыхов Г. В. Крывічы. Мінск: Навука і тэхніка, 1992. 190 с.

Штыхов Г. В. Лукомль: археологический комплекс железного века и средневековья. Минск: Беларуская навука, 2014. 167 с.

Шупик Ю. П. К судебно-медицинской экспертизе обгоревших трупов: автореф. дис. … канд. мед. наук. Киев, 1964. 16 с.

Шупик Ю. П. К экспертному исследованию золы при криминальном сожжении трупов // Вопросы судебной травматологии. Вып. 2. Киев, 1969. С. 163–165.

Шупинский Иоасаф (иеромонах). Историческое и географическое описание города Смоленска / Публ. и коммент. С. П. Писарева // Справочная книжка Смоленской губернии на 1898 год / Изд. Смоленскаго губ. статистич. комитета. Смоленск: Тип. П. А. Силина, 1897. С. 243.

Щеглова О. А. Свинцово-оловянные крашения VIII–X вв. на северо-западе Восточной Европы // Ладога и её соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 134–150.

Ягодинська М. О. Ювелирні вироби з давньоруських пам'яток західного Поділля (за матеріалами Тернопільської області) // Археологія і давня історія України. Вип. 2. Київ: НАН України Інститут археології, 2010. С. 235–248.

Янин В. Л. Печать смоленского князя Вячеслава Ярославича (1054–1057) // КСИИМК. 1954. Вып. 55. С. 150–152.

Янин В. Л. Актовые печати древней Руси X–XV вв. Т. 1. Печати X – начала XIII в. М.: Наука, 1970. 326 с.

Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. 1971. № 2. С. 32–61.

Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 3. Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. М.: Интрада, 1998. 501 с.

Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 2001 г. // Новгород и новгородская земля. История и археология. Вып. 16. Вел. Новгород: НовГУ, 2002. С. 154–173.

Ambrosiani S. Zur Typologie der Älteren Kacheln. Stockholm, 1910. 143 s.

Arbman H. Birka. T. I. Die Gräber. Taffeln. Uppsala: Almqvist & Wiksells Boktryckeri-Aktiebolag, 1940. 282 s.

Arne T. Det Vikingatida Gnezdovo Smolensk Foregangare // Arkeologiska Forskningar och Fynd. 11.11.1952. S. 335–462.

Arne T. J. La Suède et l'Orient. Études archéologiques sur les relations de la Suède et de l'Orient pendant l'Âge des Vikings. Uppsala: K.W. Appelberg, 1914. 240 p.

Baker A. J. A Taphonomic Analysis of Human Cremains from the Fox Hollow Farm Serial Homicide Site [Электронный ресурс] // A Thesis Submitted in Partial Fulfillment

of the Requirements for the Degree of Master of Science in Human Biology in the Graduate School of the University of Indianapolis. Indianapolis, 2004. 62 p. URL: http://archlab. uindy.edu/documents/theses/BakerAJThesis.pdf (дата обращения: 31.10.2016).

Bartkiewicz M. Polski ubiór do 1864 roku. Wroclaw; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zaklad Narodowy imienia Osolińskich Wydawnictwo, 1979. 165 s.

Blindheim C., Heyerdahl-Larsen B., Tollnes R. Kaupangfunnene I. Norske Oldfunn. XI. Oslo, 1981. 223 s.

Bliujienė A. Roėniškasis ir tautų kraustymosi laikotarpiai. Klaipėda: Klaipėdoc Univeritetas, 2013. 752 p.

Bronk Ramsey C. Bayesian Analysis of Radiocarbon Dates // Radiocarbon. 2009. Vol. 51, № 1. P. 337–360.

Brown C. A. Palynological Techniques. Second ed. Dallas: American Association of Stratigraphic Palynologists Foundation, 2008. 146 p.

Carrión J. S. A taphonomic study of modern pollen assemblages from dung and surface sediments in arid environments of Spain // Review of Palaeobotany and Palynology. 2002. Vol. 120, iss. 3–4. P. 217–232.

Celmiņš A. Zemē apslēptā pilsēta. Izstāde par 1991.–1997. gada arheoloģiskajiem atradumiem Rīgā. Rīga: Dizaina un drukas apgāds, 1998. 72 lpp.

Chernov S., Ershova E. Internal colonization in Russia during the 13th and 14th centuries: three hamlets of the pre-manorial period // Hierarchies in rural settlements. Turnhout: Brepols, 2013. P. 387–406. (Ruralia; vol. 9).

Clemmensen B. Kirkemosegård. Et offerfund med smykker fra ældre germansk jernalder // Kuml. 2014. P. 109–143.

Daiga J. Arheologiskie pētījumi Ludzas pils pagalmā 1976. gadā // Latvijas viduslaiku pilis VII. Pētijumi un avoti par Livonijas ordeņpilīm. Rīga: Latvijas Vēstures Institūta apgāds, 2011. Lpp. 194–215.

Dickson J. H. Bryophytes of the Pleistocene: The British Record and its Chorological and Ecological Implications. Cambridge: Univ. Press, 1973. 256 p.

Dimbleby G. W. The Palynology of Archaeological Sites. London: Academic Press, 1985. 176 p.

Doklädal M. Ergebnisse experimenteuer Verbrennungen zur Feststellung von Formund Größenveränderungen von Menschenknochen unter Einfluß von hohen Temperaturen // Anthropologie. 1970. № 8. S. 3–17.

Duczko W. The filigree and granulation work of the Viking Period. An analysis of the material from Björkö. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1985. 118 p. (Birka; V).

Duczko W. Viking Rus. Studies on the Presence of Scandinavians in Eastern Europe. Leiden; Boston, 2004. 290 p.

Ehrhardt D. Rinnen, Kremper, Biberschwänze. Zur Geschichte der Dachziegel und Ziegelherstellung in Franken. Bad Windsheim: Fränkisches Freilandmuseum Bad Windsheim, 2016. 68 S. (Informationsblätter des Fränkischen Freilandmuseums in Bad Windsheim; Heft 5).

Eilbracht H. Filigran – und Granulationskunst im Wikingischen Norden. Köln: Rheinland-Verlag, 1999. 278 S.

Eniosova N. Viking Age Gold from Old Rus' // Cultural interaction between east and west. Archaeology, artefacts and human contacts in northern Europe during the preand early history / Ed/ U. Fransson et al. Stockholm: Stockholms Universitet, 2007. P. 139–143.

Ershova E., Krenke N., Kittel P., Lavrenov N. Archaeological sites in the Katynka River basin (Smolensk region): Paleogeographic study // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2020. Vol. 438. 012007.

Excavation at Gnezdovo, USSR // Nature. 1940. № 3702. 489.

Fischer Galerie. Antike Waffen und Militaria. Auktion 10–11 September 2015: Katalog. Luzern: Galerie Fischer Auktionenen, 2015. 442 S.

Fischer Galerie. Antike Waffen und Rüstungen. Kunst – und Antiquitätenauktion 12 September 2013: Katalog. Luzern: Galerie Fischer Auktionenen, 2013. 240 S.

Furholt M. Die absolutchronologische Datierung der Schnurkeramik in Mitteleuropa und Südskandinavien. Bonn: Habelt, 2003. 282 S.

Giriciuvienė E. Sėliai. The Selonians. Vilinius; Riga: Lietuvos nacionalinis muzeiejus: Latvijas Nacionālais vēstures muzejs, 2007. 280 p.

Greig J. The interpretation of pollen spectra from urban archaeological deposits // Environmental archaeology in the urban context. London: Council for British Archaeology, 1982. P. 47–65. (Council for British Archaeology Research Report; № 48).

Hallenkamp-Lumpe J. Studien zur Ofenkeramik des 12. bis 17. Jahrhunderts anhand von Bodenfunden aus Westfalen-Lippe. Mainz: Philipp von Zabern, 2006. 465 S. (Denkmalpflege und Forschung in Westfalen; 42).

Helmbrecht M. Wirkmächtige Kommunikationsmedien: Menschenbilder der Vendelund Wikingerzeit und ihre Kontexte. Lund: Grahns Tryckeri AB, 2011. 540 s. (Acta Archaeologica Lundensia. Series prima in 4°; № 30).

Jankovska V., Pokorny J. Palaeoecology of a Medieval fishpond system (Vajgar, Czech Republic) // Folia Geobotanica. 2002. Vol. 37, iss. 3. P. 253–273.

Jansson I. Warfare, trade or colonisation? Some general remarks on the Eastern expansion of the Scandinavians in the Viking period // The Rural Vikingin Russia and Sweden. Orebro kommuns bildningsforvaltning. Orebro, 1997. P. 9–64.

Katalynas K. Vilniaus kokliai XV–XVII amžiuje. Vilnius: Lietuvos nacionalinis muziejus, 2015. 408 p.

Kazanski M. La zone forestière de la Russie et l'Europe centrale à la fin de l'époque des Grandes Migrations // Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittelund Osteuropa / Hrsg.: M. Mączyńska, T. Grabarczyk. Lódż: Wydawnictwo Uniwersytetu Lódżkiego, 2000. S. 406–459.

Khasanov B. F., Karpukhin A. A., Krenke N. A., Pevzner M. M., Tarabardina O. A., Vasyukov D. D., Yermokhin M. V., Savinetsky A. B. Long oak tree-ring chronologies from central Russia and their potential for dating // Tree-ring research. 2021. Vol. 72, iss. 2. P. 53–62.

Kotljarchuk A. In the Forge of Stalin. Swedish Colonists of Ukraine in Totalitarian Experiments of the Twenties Century. Stockholm, 2014. 387 p.

Lasota-Moskalewska A., Kobryn H., Swiezynski K. The size of domestic sheep (Ovis aries L.) in Europe and Asia from the Neolithic to the Middle Ages // Swiatowit. 1998. 41, B. P. 323–348.

Latvijas PSR Arheologija. Riga: Zinātne, 1974. 374 p.: ill.

Lebrasseur O., Shaymuratova D., Askeyev A., Asylgaraeva G., Frantz L., Larson G., Askeyev O., Askeyev I. A Zooarchaeological and Molecular Assessment of Ancient Chicken Remains from Russia // ПА. 2021. № 1 (35). P. 216–231.

Lettlands viele Völker. Archäologie der Eisenzeit von Christi Geburt bis zum Jahr 1200. Brandenburg Schleswig. Archäologischens Landesmuseum im Paulkloster, Archäologisches Landesmuseum, Gottorf / Hrsg.: C. von Carnap-Bornheim, F. Hilberg, A. Radiņš, F. Schopper. Wünsdorf, 2009. 192 S.

Loit A., Niberg N. Gammalsvenskby – document. Uppsala, 1958. 237 p.

Mālkalniete I. Rīgas pils 17. un 18. Gadsimta virtuve // Latvijas viduslaiku pilis VII. Pētijumi un avoti par Livonijas ordeņpilīm. Rīga: Latvijas Vēstures Institūta apgāds, 2011. Lpp. 216–237.

Mårtensson A. W., Wahlöö C. Lundafynd: en bilderbok. Lund: Kulturhistoriska museet, 1970. 114 s. (Archaeologica Lundensia: investigationes de antiqvitatibus urbis Lundae; IV).

Masiulienė I. 16th–17th cen. Klaipėda town residents` lifestyle (by archaeological, palaeobotanical, and zooarchaeological data of Kurpių street plots) // Archaeologia Baltica. № 12. Klaipėda: Klaipėda University Press, 2009. S. 95–111.

Müller H. Gewehre, Pistolen, Revolver. Hand-und Faustfeuerwaffen vom 14. bis 19. Jahrhundert. Leipzig: Union Druckerei (VOB), 1979. 231 s.

Murasheva V., Bronnikova M., Panin A., Pushkina T., Adamiec G., Sheremetskaya E. Geoarchaeology of the upper Dnieper River valley at Gnezdovo: field excursion // Geoarchaeological issues of the upper Dnieper – Western Dvina river region (Western Russia): fieldtrip guide. Moscow; Smolensk: Universum, 2012. P. 20–48.

Nabažaitė Raimonda. The late medieval vessel stove tiles in the topographical context of Klaipeda // Estonian Journal of Archaeology. 2014. 18, 2. P. 102–115.

Niemiec D., Olbrot J. Gotyckie i Renesansowe oraz manierytyczne kafle piecowe z wystroju pieców grzewczych klasztoru dominikanów w Krakowe // Rocznik Krakowski. 2022. T. LXXXVIII. S. 309–360.

Panin A. V., Adamiec G., Arslanov K. A. et al. Absolute chronology of fluvial events in the Upper Dnieper river system and its palaeogeographic implications // Geochronometria. 2014. Vol. 41, № 3. P. 278–293.

Panin A., Adamiec G., Filippov V. Fluvial response to proglacial effects and climate in the upper Dnieper valley (Western Russia) during the Late Weichselian and the Holocene // Quaternaire. 2015. Vol. 26, № 1. P. 27–48.

Pereswetoff-Morath S. Finns det runor på näverremsan från Smolensk (Are there runes on the birch strip from Smolensk?) // Скандинавская филология. 2017. Т. 15, вып. 2. С. 181–192.

Ponomarenko E., Tomson P., Ershova E., Bakumenko V. A multi-proxy analysis of sandy soils in historical slash-and-burn sites: a case study from southern Estonia // QI. 2019. Vol. 516. P. 190–206.

Prummel W., Frisch H.-J. A guide for the distinction of species, sex and body side in bones of sheep and goat // Journal of Archaeological Science. 1986. Vol. 13, iss. 6. P. 567–577.

Reimer P., Austin W. E. N., Bard E. et al. The IntCal20 Northern Hemisphere Radiocarbon Age Calibration Curve (0–55 cal kBP) // Radiocarbon. 2020. Vol. 62, iss. 4. P. 725–757.

Robinson M., Habbard R. The transport of pollen in the bracts of hulled cereals // Journal of Archaeological Science. 1977. № 4. P. 197–199.

Roth Heege E. Ofenkeramik und Kachelofen: Typologie, Terminologie und Rekonstruktion im deutschsprachigen Raum (CH, D, A, FL) mit einem Glossar in siebzehn Sprachen. Basel: Schweizerischer Burgenverein, 2012. 432 S.

Russian Arms and Armour / Ed. by Y. Miller. Leningrad: Aurora Art Publishers, 1982. 207 p.

Scott I. F. Forensic cremation. Recovery and analysis. Boca Raton; London; New York: Taylor & Francis Group, 2008. 159 p.

Šnore E., Zariņa A. Senā Sēlpils. Rīga: Zinatne, 1980. 236 lpp.

Søvsø M. H. Tro, håb og kærlighed – De middelalderlige ringspænders symbolic // Kuml. 2011. Vol. 60. S. 264–285.

Staecker J. Rex regum et dominus dominorum. Die wikingerzeitlichen Kreuzund Kruzifixanhänger als Ausdruck der Mission in Altdänemark und Schweden. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1999. 621 p. (Lund studies in medieval archaeology; 23).

Syrovatko A. S., Panin A. V., Troshina A. A., Zaretskaya N. E. Magnitude and chronology of extreme floods in the last 2 ka based on the stratigraphy of a riverine archeological site (Schurovo settlement, middle Oka River, Central European Russia) // QI. 2019. Vol. 516. P. 83–97.

Tautavičius A. Vidurinis geležies amžius Lietuvoje (V–IX a.). Vilnius: Lietuvos pilys, 1996. 367 p.

Teichert M. Osteometrische Untersuchungen zur Berechnung der Widerristhohe bei Schafen // Archaeological Studies / Ed. A. T. Clason. Amsterdam: Elsevier, 1975. P. 51–69.

The Absolute Chronology of Central Europe 3000–2000 BC / Eds.: J. Czebreszuk, J. Müller. Poznań: Leidorf, 2001. 338 p.

The analysis of burned human remains / Eds.: C. W. Schmidt, S. A. Symes. San Diego: Acad. Press, 2008. 278 p.

The Lost Swedish Tribe. Reapproaching the history of Gammalsvenskby in Ukraine / Eds.: P. Wawrzeniuk, J. Malitska. Stockholm, 2014. 151 p.

Tvauri A. The Migration period, Pre-Viking Age and Viking Age in Estonia. Tartu: Tartu University Press, 2012. 377 p. (Estonian Archaeology; vol. 4).

Urtans V. Senākie depozīti Latvija (līdz 1200 g.). Riga: Zinātne, 1977. 284 p.

Wahl J. Beobachtung zur Verbrennung menschlicher Leichname. Ùber die Vergleichbarkeit moderner Krematorien mit prähistorischen Leichenbränden // Archäologisches Korrespondenzblatt. 1981b. 11. S. 271–279.

Wahl J. Ein Beitrag zur metrischen Geschlechtsdiagnose verbrannter und unverbrannter menschlicher Knochenreste – ausgearbeitet an der Pars petrosa ossis temporalis // Zeitschrift Für Rechtsmedizin. 1981a. 86. S. 79–101.

Walker P. L., Miller K. W. P., Richman R. Time, temperature and oxygen availalbility: An experimental study of the effects of environmental conditions on the color and organic content of cremated bones // The analysis of burned human remains. San Diego: Acad. Press, 2008. P. 129–135.

Walker S. J., Hanneke J., Meijer M. More than food; evidence for different breeds and cockfighting in Gallus gallus bones from Medieval and Post-Medieval Norway // QI. 2020. Vol. 543. P. 125–134.

Wieckowska-Lüth M., Gauthier E., Thiebaut E., Słowiński M., Krąpiec M., Dolbunova E., Mazurkevich A., Maigrot Y., Danger M., Kittel P. The palaeoenvironment and settlement history of a lakeshore setting: An interdisciplinary study from the multi-layered archaeological site of Serteya II, Western Russia // Journal of Archaeological Science: Reports., 2021. Vol. 40. Part B. 103219.

Zipp K. Anthropologische Untersuchungder Körperund Brandbestattungendesr mischen Gräberfeldes Mainz-Kurfürstenstraße: mit einem Beitrag zu den Bauchlagenbestattungen in der römischen Antike: Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Grades Doktor der Naturwissenschaften. Gießen, 2010. 303 S.

Архивные данные

А. П. Серебрянников и Л. Я. Лавровский. Краткие заметки о пробных раскопках В. И. Мушкетова близ Гнёздова Смоленской губ. (могила ятвяжского князя Швантирога) // РО НА ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1168. 1925. 4 л.

Авдусин Д. А. Отчет об археологических раскопках в Смоленске в 1951 г. // Архив ИА РАН. № 618.

Авдусин Д. А. Отчет о раскопках в Смоленске и Гнездово в 1952 г. // Архив ИА РАН. № 702.

Авдусин Д. А. Отчет о раскопках в Смоленске в 1955 г. // Архив ИА РАН. № 1111, 1111а.

Авдусин Д. А. Отчет о работах смоленской археологической экспедиции 1966 г. 1966 // Архив ИА РАН. Р-1. № 3355.

Авдусин Д. А. Отчет Смоленской экспедиции за 1968 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. № 3795а.

Авдусин Д. А. Отчет о работах Смоленской экспедиции в 1969 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3985.

Авдусин Д. А. Отчет о раскопках в Смоленске и Гнездово Смоленской археологической экспедиции в 1975 г. // Архив ИА РАН. № 5319, 5319а, 5319б.

Авдусин Д. А., Асташова Н. И., Пушкина Т. А. Отчет о раскопках в Смоленске и Гнёздове Смоленской экспедиции в 1974 г. 1974 // Архив ИА РАН. Р-1. № 5318.

Андреев Н. В. Дневник раскопок на центральном Гнёздовском городище в 1940 г. 41 л.; Д. 172 // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1940 г. Д. 170.

Андреев Н. В. Чертежи раскопок Центрального Гнёздовского городища в 1940 г. Фото и рисунки находок. 33 л.

Архив СМЗ. Ф. 8. Раздел 2.3. Краеведческий материал. Советский период. Культурная жизнь Смоленской области. Оп. 3. Д. 85. 1921–23 гг. 59 л. Материалы Смоленского археологического общества 1922–1923 гг.

Архив Смоленского государственного университета. Св. 14. Арх. 9: Личное дело старшего преподавателя кафедры всеобщей истории, доцента Андреева Н. В. 155 л.

Асмолкова Т. А. Отчет о проведении комплекса натурных охранных археологических работ, связанных с реконструкцией жилого дома, расположенного по адресу: г. Смоленск, ул. Мало-Школьная, д. 6 // Архив ИА РАН. Р-1. № 29208, 29209.

Асташова Н. И. Древний Смоленск до начала XV в. (по археологическим данным) [Рукопись]: дис. … канд. ист. наук / МГУ. М., 1986.

Асташова Н. И. Отчет Смоленской археологической экспедиции ГИМ за 1982 г. // Архив ИА РАН. № 9548, 9548а, 9548б.

Асташова Н. И. Отчет Смоленской археологической экспедиции ГИМ за 1985 г. // Архив ИА РАН. № 10810.

Булкин В. А. Гнёздовский могильник и курганные древности Смоленского Поднепровья [Рукопись]: дис. … канд. ист. наук. Л., 1973.

Воронин В. Отчет о проведении комплекса натурных охранных археологических работ, связанных со строительством жилого комплекса по адресу: г. Смоленск, ул. Б. Краснофлотская, между домами 1 и 3 в 2012 г. 2012 // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 38828. Альбомы иллюстраций к отчету: № 38829–38830.

ГАСО. Р-139. Оп. 1. Д. 8а. 1918. Список служащих Смол. Учительского института и при нём школы II-й ступени.

ГАСО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 43–45. 1922 г. Смоленское отделение Московского археологического института. Аттестаты, заявления, свидетельства и экзаменационные листы студентов.

ГАСО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 49. 1922 г. Экзаменационные и памятные книжки слушателей Института, буквы «Д – С».

ГАСО. Ф. Р-139. Оп. 1. Д. 146. 1922 г. 164 л. Списки профессоров, преподавателей и научных сотрудников педагогического факультета.

ГАСО. Ф. Р-139. Оп. 1. Д. 149. 1922 г. 424 л. Протокол заседания правления Смоленского госуниверситета. Именной список учащихся пед. факультета и удостоверения.

ГАСО. Ф. Р-139. Оп. 1. Д. 176 (г). 1922–1923. Л. 11, 15, 39, 47 и др. Протоколы заседаний правления, Совета словесно-исторического отделения и предметной комиссии (копии и выписки). Учебный план.

ГАСО. Ф. Р-139. Оп. 1. Д. 176 з. 1922 г. 9 л. Протоколы заседаний исторической комиссии университета (копии и выписки). Заявления преподавателей университета.

ГАСО. Ф. Р-139. Оп. 1. Д. 34. 1920–1921 гг. 28 л. Протоколы заседаний президиума факультета общественных наук Смоленского государственного университета.

ГАСО. Ф. Р-139. Оп. 1. Д. 36. 1920–1921. 16 л. Протоколы заседаний Совета факультета общественных наук СГУ.

ГАСО. Ф. Р-139. Оп. 1. Д. 39. 1920. Л. 17–21. Переписка факультета общественных наук, расписание лекций, список слушателей ун-та.

ГАСО. Ф. Р-139. Оп. 1. Д. 4. 1918. 51 л. Декрет о правилах приёма в высшие учебные заведения, проекты устава Пролетарского университета Западной коммуны. Списки профессоров университета.

ГАСО. Ф. Р-139. Оп. 2. Д. 12. 1924–1925 гг. 28 л. Протоколы заседаний Совета Словесно-исторического отделения и Совета Лингвистического отделения педфака и материалы к ним.

ГАСО. Ф. Р-139. Оп. 2. Д. 18. 1924–1925. Л. 4 и др. Протоколы заседаний Общественно-педагогической предметной комиссии.

ГАСО. Ф. Р-139. Оп. 2. Д. 21. 1924–1925 гг. 56 л. Отчёт о деятельности педфака и материалы к нему за 1924–25 учебный год.

ГАСО. Ф. Р-139. Оп. 2. Д. 3. 1923–1924 гг. 21 л. Протоколы заседаний Словесно-исторической предметной комиссии и материалы к ней.

ГАСО. Ф. Р-139. Оп. 2. Д. 6. Л. 20 об. Отчёт Педфака за 1923–24 уч. год. Списки членов предметной комиссии педфака.

ГАСО. Ф. Р-139. Оп. 4 л/д. Д. 149. 33 л. Личное дело Жаринова Дмитрия Алексеевича.

ГАСО. Ф. Р-139. Оп. 4 Л/д. Д. 410. 1922 г. 8 л. Дело Михаила Павловича Соколовского.

ГАСО. Ф. Р-139. Оп. 4. Л/д. Д. 302. 1918–1922 г. 22 л. Никольский Николай Михайлович (профессор).

ГАСО. Ф. Р-1544. Оп. 1. Д. 1094. 1923–1928 гг. 70 л. Личное дело Дергачёва Константина Александровича.

ГАСО. Ф. Р-1544. Оп. 1. Д. 1095. 1922–1927 гг. 294 л. Личное дело архивиста Запоблархбюро Василия Власовича Дмитриева.

ГАСО. Ф. Р-1544. Оп. 1. Д. 1138. 1931–1933 гг. 14 л. Личное дело Крыжановского Георгия Мелентьевича.

ГАСО. Ф. Р-1544. Оп. 1. Д. 1205. 1923–1928 гг. 67 л. Личное дело Тарасенко Василия Родионовича.

ГАСО. Ф. Р-1544. Оп. 1. Д. 62. 1922–1925. 85 л. Приказы по личному составу Архивного управления.

ГАСО. Ф. Р-45. Оп. 6. Д. 10. 22 л. Штатное расписание и формуляр профессорско-преподавательского состава на 1946 год.

ГАСО. Ф. Р-455. Оп. 1. Д. 1. (Стар. № Д. 35а). 1920 г. 46 л. Протоколы археологического бюро.

Ершов И. Н. Отчет об охранных археологических работах в Смоленске по адресу ул. Школьная, 2, в 2014 г. 2014 // Архив ИА РАН. Р-1. № 44681.

Зубарев Н. В. Отчет о результатах охранных археологических исследований при строительстве административного здания ОАО «Мобильные телесистемы» по адресу: г. Смоленск ул. Б. Советская / Коммунистическая, 2002 // Архив ИА РАН. Р-1. № 23112.

Каменева Т. Е. Историко-архитектурный опорный план ансамбля. Этапы формирования планировочной структуры. М., 1994 // Архив ЦНРПМ. АРМ № 3.

Клещенко Е. А. Кремации как исторический источник в изучении погребального обряда населения Молого-Шекснинского междуречья I тыс. н. э.: дис. … канд. ист. наук. Т. 1. М., 2016. 214 с.

Кренке Н. А. Отчет о разведочных (научных и охранных) археологических работах в г. Смоленске и Смоленской области в 2017 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 57316. 190 л.

Кренке Н. А. Отчет о раскопках в г. Смоленск по адресам: ул. Кашена, 15-Б; ул. Коненкова, 22; 1-й Краснофлотский пер., 15 в 2018 г. по открытому листу № 1148 в 3-х томах. 2019 // Архив ИА РАН. Р-1. № 60434.

Кренке Н. А. Отчет об охранных археологических работах (наблюдениях) по открытому листу № 2158–2019 на объекте культурного наследия федерального наследия «Смоленская крепостная стена XVI–XVII вв.» при проведении предпроектных земляных работ в 2019 г. Т. 1–3. 2019 // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 75346, 75347, 75348.

Курбатов О. А. Из истории военных реформ в России во 2-й половине XVII в. Реорганизация конницы на материалах Новгородского разряда 1650-х – 1660-х гг.: дис. … канд. ист. наук. М., 2002.

Милонов Н. П. Ценные археологические памятники на территории Кремля в г. Смоленске (остатки собора XII в. и культурного слоя I тыс. н. э.). 1939 // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. № 210.

Модестов Ф. Э. Отчет об охранных археологических раскопках в г. Смоленске по ул. Соболева (Металлистов, 3) в 2002 году // Архив ИА РАН. № 28300, 28301.

Нигматуллин Р. А. Отчет о работах в Смоленской области и г. Смоленске в 1998 г. 1998 // Архив ИА РАН. Р-1. № 22133.

Нигматуллин Р. А. Отчет о раскопках в г. Смоленске, ул. Металлистов, 8 в 1999 г. // Архив ИА РАН. Р-1 № 22807, 22808, 22809.

Нигматуллин Р. А. Альбом к отчету о раскопках в г. Смоленске на ул. Металлистов, 8 в 1999 г. 1999 // Архив ИА РАН. Р-1 № 22808.

Олейников О. М. Отчет о проведении охранных археологических исследований на территории строительства пристройки к жилому дому по адресу: г. Смоленск, ул. Ленина, дом 8а, в 2005 г. 2005 // Архив ИА РАН. Р-1. № 33136.

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Фонд 692. А. П. Серебрянников. Д. 1. Л. 1. Материалы биографии и служебной деятельности А. П. Серебрянникова.

Салимов А. М. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях Смоленской крепости в 2010 г. 2010 // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 39499. Альбом иллюстраций к отчету – № 39500.

Сапожников Н. В. Отчет об археологических исследованиях на городище Соборная гора в г. Смоленске в 1983 г. 1983 // Архив ИА РАН. Р-1. № 9345.

Сапожников Н. В. Отчет об археологических исследованиях на городище Соборная гора в г. Смоленске в 1984 г. 1984 // Архив ИА РАН. Р-1. № 10591.

Сапожников Н. В. Отчет об археологических исследованиях на городище Соборная гора в г. Смоленске в 1985 г. 1985 // Архив ИА РАН. Р-1. № 11053.

Сапожников Н. В. Отчет за 1989 г. 1989 // Архив ИА РАН. Р-1. № 14590.

Сапожников Н. В. Историко-археологический опорный план г. Смоленска // Архив Центра охраны памятников истории и культуры г. Смоленска. 1993а.

Сапожников Н. В. План геобурения и расположения раскопов в г. Смоленске // Архив центра охраны памятников истории и культуры г. Смоленска. 1993б.

Торшин Е. Н. Исследования на территории Троицкого монастыря на реке Кловка в Смоленске в 1997 г. 1997 // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 20912.

Торшин Е. Н. Отчет об исследованиях на территории Троицкого монастыря на реке Кловке в Смоленске в 1999 г. 2000 // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 23490.

Торшин Е. Н. Отчет о работах Смоленского отряда архитектурно-археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2000 году. 2000 // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 24394.

Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины. Киев. Ф. 3676: Штаб імперського керівника (рейхсляйтера) Розенберга для окупованих східних областей. Оп. 1. Д. 153: Письмо К. Энгеля к Х. Райнерту от 29 сентября 1942. Л. 473–476.

Шмидт Е. А. Отчет о раскопках городища у дер. Демидовки Смоленского района, проведенных в 1964 г. 1966 // Архив ИА РАН. Р-1. № 3107.

Шмидт Е. А. Отчет о раскопках городища у дер. Демидовки в районе Смоленска летом 1967 года. 1968 // Архив ИА РАН. Р-1. № 3542.

Интернет-ресурсы

Военно-исторический сайт. URL: http://feldgrau.info/waffen/13133-pistolet-ofitserovsaksonskojlejb-gvardii (дата обращения: 18.11.2019).

Гараничев В. В. Особенности фундаментов Смоленской крепостной стены. 2007. URL: http://www.rusarch.ru/garanichev1.htm (дата обращения: 16.06.2025).

Eine Napfkachel aus Miltenberg // Furnologia.de. Das Online-Magazin zur historischen Ofenkeramik. URL: https://furnologia.de/galerie/entwicklungsgeschichtetypologie/eine-napfkachel-aus miltenberg/ (дата обращения: 16.06.2025).

History Pistols (история пистолетов и револьверов). URL: http://historypistols.ru/blog/fitilnye-i-kolescovye-pistolety/pistolet-s-iskrovym-kolescovym-zamkom/ (дата обращения 20.11.2019).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ – Археологические вести
АВСЗ – Археология Владимиро-Суздальской земли
АИППЗ – Археология и история Пскова и Псковской земли
АО – Археологические открытия
АП – Археология Подмосковья
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВААЭ – Вестник археологии, антропологии и этнографии
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ГАСО – Государственный архив Смоленской области
ГИМ – Государственный исторический музей
ИА РАН – Институт археологии РАН
ИАК – Известия Императорской археологической комиссии
ИИ НАНБ – Институт истории Национальной академии наук Беларуси
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры
ИФХиБПП РАН – Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН
КСИА – Краткие сообщения института археологии РАН
КСИИМК – Краткие сообщения института истории материальной культуры
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
МАБ – Материалы по археологии Беларуси
МГУ – Московский Государственный университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НА ИИМК РАН – Научный архив ИИМК РАН
НовГУ – Новгородский государственный университет
ОГИК музей – Омский государственный историко-краеведческий музей
ПА – Поволжская археология
ПДУ – Полоцкий державный университет
РА – Российская археология
РО НА ИИМК – Рукописный отдел научного архива ИИМК
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СГМЗ – Смоленский музей-заповедник
ТАС – Тверской археологический сборник
ТТЗ – Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья
ЦНРПМ – Центральные научно-реставрационные и проектные мастерские
QI – Quaternary International

СПИСОК АВТОРОВ

Александровский Александр Леонтьевич – Ин-т географии РАН
Бегунова Виктория Викторовна – СГМЗ
Бойцов Илья Игоревич – СШ «Интеллектуал»
Войцик Андрей Альфредович – свободный исследователь
Волков Владислав Альбертович – ИА РАН
Ганичев Кирилл Александрович – ИА РАН
Гиблова Анастасия Андреевна – Государственный Эрмитаж
Гусева Виолетта Павловна – ИА РАН
Ершов Иван Николаевич – ИА РАН
Ершова Екатерина Георгиевна – Биофак МГУ, University of Wisconsin-Madison, Department of Botany (USA)
Казанский Михаил Михайлович – Centre National de la Recherche Scientifique (Франция)
Каинов Сергей Юрьевич – ГИМ
Киттель Петр – ун-т г. Лодзь (Польша)
Клещенко Екатерина Андреевна – ИА РАН
Кованцев Александр Валерьевич – ИА РАН
Кренке Николай Александрович – Ин-т географии РАН, ИИМК РАН
Крылович Ольга Александровна – ИПЭЭ РАН
Кулькова Марианна Алексеевна – РГПУ им. А. И. Герцена
Лавренов Никита Геннадьевич – Центр Сколково
Лавриков Михаил Владимирович – ИА РАН
Лопатин Николай Владимирович – ИА РАН
Лопатина Ольга Анатольевна – ИА РАН
Миляеев Павел Андреевич – ИИМК РАН
Модестов Федор Эдуардович – 2020 †
Моисеенков Георгий Олегович – Ин-т географии РАН
Муренцева (Савосина) Татьяна Юрьевна – ИА РАН
Олейников Олег Михайлович – ИА РАН
Панин Андрей Валерьевич – Ин-т географии РАН
Певзнер Мария Михайловна – Геологический ин-т РАН
Платоновский Роман Борисович – Центр по охране и использованию памятников культуры Смоленской обл.
Пономаренко Елена Викторовна – университет Оттавы (Канада)
Раева Вера Александровна – свободный исследователь
Савинецкий Аркадий Борисович – ИПЭЭ РАН
Столярова Татьяна Викторовна - СГМЗ
Сыроватко Наталья Алексеевна – ИА РАН
Тавлинцева Екатерина Юрьевна – Музей Москвы
Хаврин Сергей Владимирович – Государственный Эрмитаж
Хворостова Елена Леонидовна – свободный исследователь
Чаукин Сергей Николаевич – Звенигородский государственных музей-заповедник

научное издание

СТАТЬИ ПО АРХЕОЛОГИИ СМОЛЕНСКА 2015–2025 ГГ.

Выпускающий редактор *И.А. Флиманкова*

Корректор *С.П. Денисенкова*

Технический редактор *М.В. Алейник*

Оформление обложки *Г.О. Моисеенков*

Библиография сверена *Н.А. Тюкавкиной*

ООО «Свиток»
Лицензия ЛР № 6193 от 01.11.2001
Комитет по печати Российской Федерации
214025, Смоленск, ул. Нормандия-Неман, 31–216
Тел.: 8-910-787-82-59

Подписано к печати 17.11.2025.
Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «NewtonC». Печ. л. 28,5. Тираж 300 экз. Заказ №256